

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2018. № 431. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIAL AND POLITICAL
SCIENCES
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2018. № 431. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И.
Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in
Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филол. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филол. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Ачкасова В.А., Трохинова О.И. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах	5
Берсенева В.А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы	12
Вахненко Е.Е. Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова	19
Долгушин Д.В. Россия и революция в историософских интерпретациях В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева	29
Дувакина В.Н. Публикации Е.Ф. Корша в журнале «Атеней» (1858–1859 гг.)	38

ФИЛОСОФИЯ

Вольф М.Н., Косарев А.В. Риторический поворот основателей прагматизма	47
Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Глобализационные процессы: анализ и концепции	54

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Банных Г.А., Костина С.Н., Кузьмин А.И. Информационные потребности населения региона: социально-демографический аспект	62
Беспалов А.М., Прудникова М.М., Нямдорж Б., Ундармаа Д. Этническая идентичность малочисленных народов Западной Монголии	70
Щеглова И.А. Этические и правовые аспекты использования данных из социальных медиа	81

ИСТОРИЯ

Воскресенская М.А. Культурософская критика русской революции в философской публицистике Н.А. Бердяева	88
Гумерова Ж.А., Игрункова П.А. Культурная самоидентификация постреволюционной эмиграции (на примере творчества В.В. Набокова)	93
Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг.	97
Лекаренко О.Г. «Единство по сути, а не по форме»: проекты европейской политической интеграции середины 1960-х гг.	104
Новиков М.В. Гражданская война, золото и советская военная помощь Испанской республике (1936–1939 гг.)	109
Расколец В.В. Создание и деятельность промышленно-технического отдела Института исследования Сибири и его вклад в развитие Сибирского края	116
Тучкова Н.А. Селькупский фольклор в свете разных методологических подходов к вопросам фольклорного историзма	128
Федосов Е.А. «По пути Ленина к счастью и славе...»: визуальная пропаганда 1940–1960-х гг. и политический идеал советского человека	132
Федюнин И.В. Эпоха мезолита в междуречье Дона и Волги: география, памятники, культуры	141

CONTENTS

PHILOLOGY

Achkasova V.A., Trokhinova O.I. Networking of ethnic mobilization: exploring the role of appeals in interethnic conflicts	5
Berseneva V.A. The reception of <i>The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin</i> by A.S. Pushkin in F.M. Dostoevsky's <i>Poor Folk</i> : images and motives	12
Vakhnenko E.E. The reception and transformation of folklore plots of the indigenous peoples of Siberia in the tales of A. Remizov	19
Dolgushin D.V. Russia and the revolution in the historiographical interpretation of V.A. Zhukovsky and F.I. Tyutchev	29
Duvakina V.N. Publications of Evgeny Korsh in the <i>Ateney</i> journal (1858–1859)	38

PHILOSOPHY

Volf M.N., Kosarev A.V. The rhetorical turn of pragmatism's founders	47
Korobeynikova L.A., Gil A.Yu. Globalization processes: analysis and concepts	54

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Bannykh G.A., Kostina S.N., Kuzmin A.I. Information needs of the population of the region: a socio-demographic aspect	62
Bespalov A.M., Prudnikova M.M., Nyamdorj B., Undarmaa D. Ethnic identity of indigenous small ethnic groups of Western Mongolia	70
Shcheglova I.A. Ethical and legal aspects of social media data usage	81

HISTORY

Voskresenskaya M.A. Culturophilosophical criticism of the Russian Revolution in N.A. Berdyaev's philosophical journalism	88
Gumerova Zh.A., Igrunkova P.A. Cultural self-identification of post-revolutionary emigration on the example of V.V. Nabokov's works	93
Kudriashev V.N. The Polish question in Russian liberal journalism of the 1860s–1880s	97
Lekarenko O.G. “Unity in essence, not in form”: European political integration projects of the middle of the 1960s	104
Novikov M.V. The Civil War, gold and Soviet military aid to the Spanish Republic (1936–1939)	109
Raskolets V.V. The Industry and Technology Department of the Institute for the Study of Siberia: establishment, activities and contribution to the development of the Siberian region	116
Tuchkova N.A. Selkup folklore from the perspectives of different methodological approaches to folklore historicism	128
Fedosov E.A. “By Lenin's way to happiness and glory”: visual propaganda of the 1940s–1960s and the political ideal of the Soviet person	132
Fedyunin I.V. The Mesolithic Period in the interfluvium of the Don and the Volga: geography, sites, cultures	141

ПЕДАГОГИКА

Викулина М.А., Сорокоумова Г.В., Шурыгина О.В. Роль научно-исследовательской деятельности в развитии профессиональной личности будущего педагога-лингвиста	155
Гудкова О.В. Особенности событийной организации обучения старшеклассников	161
Осипенко Е.В. Самооценка здоровья и образа жизни школьниками Гомельского региона	166

ПРАВО

Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Способы противодействия злоупотреблению правом в уголовном процессе	170
Ахмедшина Н.В., Ахмедшин Р.Л. Критерии анализа теорий причинности серийной преступности (на примере биологических теорий)	174
Лебедев В.М., Мельникова В.Г. Наука, нормотворчество, правоприменение в частном праве	182
Ольховик Н.В. Международно-правовые основы непенитенциарного режима	190
Попова И.П., Смирнова И.Г. Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: проблемы реализации в контексте сравнительно-правового исследования	195
Ряховская Т.И. К вопросу об определении понятия «конституция» в отечественной и зарубежной доктрине конца XIX – начала XXI в.	203
Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт	210
Черкасов К.В., Е.Б. Лапина Е.Б. Образовательная деятельность в современной России: к вопросу о правовых барьерах и ограничениях	215
Краткие сведения об авторах	222

PEDAGOGICS

Vikulina M.A., Sorokoumova G.V., Shurygina O.V. The role of research activities in the formation of occupation-specific personality traits of pedagogical linguists	155
Gudkova O.V. The peculiarities of senior students' event-organized teaching	161
Osipenko E.V. Self-assessment of health and lifestyle by schoolchildren of Gomel Region	166

LAW

Azarov V.A., Nurbayev D.M. Standard regulation of ways to counteract abuse of right in criminal trial	170
Akhmedshina N.V., Akhmedshin R.L. Criteria for the analysis of causality theories of serial crimes (on the example of biological theories)	174
Lebedev V.M., Melnikova V.G. Science, rule-making and law enforcement in private law	182
Olkhovik N.V. International fundamental legal principles of non-penal regime	190
Popova I.P., Smirnova I.G. Trial in absentia in criminal cases: implementation problems in the context of comparative legal research	195
Ryakhovskaya T.I. On the definition of the concept "constitution" in Russian and foreign doctrines of the late 19th – early 21st centuries	203
Utkin V.A. The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act	210
Cherkasov K.V., Lapina E.B. Educational activities in modern Russia: legal barriers and restraints	215
Brief information about the authors	222

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 323.12

В.А. Ачкасова, О.И. Трохинова

СЕТЕВЫЕ СРЕДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ПРИЗЫВОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Статья выполнена в рамках гранта РНФ «Кривое зеркало» конфликта: роль сетевых дискуссий в репрезентации и динамике этнополитических конфликтов в России и за рубежом», № 16-18-10125.

В статье основное внимание уделяется коммуникативным средствам мобилизации в сетевом пространстве. В комплексе этих средств особое место занимают призывы, которые выполняют роль пропагандистского инструмента в межэтнических противостояниях. Авторы, применяя в исследовании методы кейс-стади и разработанную ими методику интент-анализа, идентифицируют призывы из общей массы сетевых посланий, осуществляют их классификацию, вычленивают образы врага, содержащиеся в призывах. Одной из решаемых задач является определение роли призывов в эскалации межэтнического напряжения. В результате проведенного исследования обосновано положение, что призывы способствуют формированию устойчивого и сложившегося образа врага, ускоряют процесс генерализации установок, усиливают эскалацию агрессивности.

Ключевые слова: призыв; мобилизация; межэтнический конфликт; Twitter; интенция; интент-анализ.

Введение

Этнополитическая и религиозная ситуация, складывающаяся в различных регионах мира, является в настоящее время едва ли не самым конфликтогенным фактором общественного развития. Более того, исследователи считают, что к концу текущего десятилетия следует ожидать значительной эскалации противоречий межэтнического и межконфессионального характера, поскольку уже в ближайшее время весьма вероятно повсеместное распространение экстремизма и международного терроризма, если, конечно, консолидация усилий ведущих мировых держав в борьбе с этой угрозой не станет устойчивой тенденцией. Нарастанию напряженности во многом способствуют миграционные процессы, волнообразно прокатывающиеся практически по всему миру. Этнические конфликты, как сопровождающие эти процессы, так и возникающие «автономно», острота дискурса, затрагивающего темы этнического статуса и межэтнических отношений, – все эти реалии обозначили появление нового феномена, именуемого политизацией этничности: этническое становится одним из главных факторов, определяя деятельность большинства политических субъектов – государства, политических партий и движений, политических элит.

Научная традиция исследования этнополитических конфликтов сложилась во второй половине XX в. благодаря исследованиям американских политических социологов П. Ван ден Берга, Э. Блэка, М. Паренти, Дж. Ротшильда и ряда других. Именно тогда произошли обособление рассматриваемой проблематики и появление этнополитологии – нового научного направления, базирующегося на комплексе методов политической, социологической, психологической и других наук. Несмотря на различия в трактовке природы этничности, большинство исследователей сходятся во мнении, что «основными показателями возникновения этнополитического конфликта являются сплочение этнической группы, бросающей

вызов другим, и сила и единство руководства ею», а степень идентичности группы зависит от таких параметров, как владение общим языком, общая конфессиональность, расовые признаки и общая история по меньшей мере столетнего периода [1].

Осознание идентичности, организация конкретных действий становятся результатом процесса этнической мобилизации. Одно из наиболее релевантных определений этнополитической мобилизации дает американский исследователь Милтон Эсман: «Это процесс, посредством которого этническая общность политизируется во имя ее коллективных интересов и устремлений и затем организуется в качестве коллективного субъекта, обладающего ресурсами для осуществления политических действий» [2].

В результате осмысления процессов этнополитической мобилизации и разворачивающихся этнических противостояний ряд авторов в конце 1990-х гг. ввел в лексикон термин «этническая революция», понимаемый, правда, весьма широко – как «сложный процесс вторичного разогревания этногенеза, изменения социально-экономической и культурной моделей, задающих матрицы воспроизводства этнических сообществ» [3].

С течением времени стало понятно, что указанный термин обладает объяснительным потенциалом в отношении большинства этнополитических явлений: дискредитация концепции мультикультурализма, репрезентации своих установок и целей (часто в крайне агрессивной форме) этническими сообществами, появление этнических движений, заявляющих о своих властных амбициях, – все это приводит к мысли о возможности трактовать этническую революцию как результат этнополитической мобилизации, как усилия этносов по перераспределению власти.

Для осуществления такого перераспределения, подчеркивал один из родоначальников этнополитологии Дж. Ротшильд, необходимы ресурсы, без которых в принципе невозможно достижение целей этнополитических движений. Эти ресурсы складываются из

экономических, политических и идеологических инструментов, позволяющих этническим группам решать поставленные задачи [4. С. 128].

2010-е гг. привнесли в содержание ресурсного потенциала существенную особенность: этнополитический дискурс отвоевал себе значительный сегмент в Интернете, а сетевая коммуникация стала обязательным условием разворачивания этнических конфликтов. В результате оформился новый актуальный предмет изучения – выявление в сетевом пространстве коммуникативных технологий, приемов и инструментов, работающих на достижение этнополитических целей.

Уже первые исследования, проведенные в рамках данного направления, показали: пропагандистское воздействие играет в интернет-пространстве едва ли не определяющую роль, выполняя разнообразные функции – информационно-коммуникативную, идеологическую и др. При этом исследователи особо выделяют *интегрирующую и дезинтегрирующую* функции, целью которых являются поиск единомышленников в глобальной сети и их консолидация [5].

В связи с расширением этнической тематики сообщений, распространяемых индивидами и социальными группами, ростом влияния некоторых виртуальных сообществ, субъектами политики вносятся существенные коррективы в тактику и стратегию пропагандистской деятельности, осуществляемой в Интернете.

Одним из наиболее эффективных по своему воздействию на массовое сознание приемов являются призывы, выполняющие роль средства этнополитической мобилизации. Однако до сих пор призывы изучались исследователями преимущественно в контексте офлайн-пространства [6, 7], при этом превалировал прагматический ракурс – для проведения экспертного анализа по требованиям Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [8].

Основные теоретические подходы к изучению проблемы

Призывы, трактуемые как особый тип речевого акта, отличительной чертой которого является публичность, стали одним из объектов исследований в области лингвистики и языкознания, журналистики и права, нашли свое отражение в юридических и социальных науках. Семантика и прагматика призывов подробно изучены и систематизированы А.Н. Барановым [6]. Эвристическая ценность подхода заключается в том, что исследователь рассматривает призывы в контексте общественно-политической коммуникации: авторами призывов могут стать как политические субъекты, так и представители общественных и неформальных организаций. При этом наиболее важным условием является желание автора призыва, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие. Среди условий успешности призыва исследователь выделяет и дополнительные характеристики. Во-первых, адресат должен быть в состоянии совершить действие, о котором идет речь, а само действие еще не

выполнено. Во-вторых, говорящий не считает очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего речевого акта. Этот тезис развивает А.Т. Козлова, подчеркивая, что призыв предполагает форму совместного действия, однако при этом подразумевается свободное решение воли адресата [9].

Обычно призывы произносятся в актах публичной коммуникации – на митингах, собраниях, в политических дискуссиях и т.д. Этим продиктована и сложившаяся исследовательская традиция – изучать, в первую очередь, так называемое офлайн-пространство, где инструментом распространения выступают различные информационно-коммуникационные площадки и общественные институты.

В последние годы формируется тенденция расширения диапазона изучения среды публичных призывов. Это связано с развитием технологий, сети Интернет, новых социальных медиа и их интерактивных возможностей. Так, О.В. Демидов предлагает разграничить дискурс на тексты, опубликованные в традиционных и нетрадиционных СМИ, размещенных в социальных сетях, живых журналах и личных блогах [10]. Активность пользователей сети Интернет, использование мобилизационных и организационных возможностей онлайн-пространства увеличивают его рискогенность. Традиционно принято считать, что социальные медиа имеют высокий уровень воздействия на реальные действия. Призывы в сети, в этом контексте, могут быть рассмотрены как один из мобилизационных инструментов.

Существующая база технологий, методов и приемов выявления и анализа призывов позволяет обратиться к аналогичным исследованиям уже в онлайн-пространстве. Это открывает возможность более глубокого анализа существующей социальной реальности.

Вопросы выявления конкретных параметров призывов находятся в фокусе внимания М.А. Осадчего, выявившего критерии оценки продуктов речевой деятельности [7]. По мнению исследователя, публичные призывы к экстремистской деятельности характеризуются такими лингвистическими параметрами, как открытость, прямота, образ способа совершения действия и образ объекта действия. Автором выявлен так называемый базовый фрейм призыва: субъект – действие – объект. В работе Осадчего выделяются открытый и скрытый призывы, прямой и косвенный, а также предлагается собственная параметрическая судебно-лингвистическая модель экстремистского призыва. Приведенные характеристики стали основой методики интент-анализа твиттов, разработанной авторами данной статьи.

Это позволяет сделать вывод о существующем потенциале исследования в направлении выявления уровня речевой агрессии. Т.И. Стексова, анализируя интернет-комментарии, выделяет основные признаки, или маркеры, речевой агрессии, среди которых использование «ты-номинации», негативная номинация адресатов, активное использование негативно окрашенной просторечной лексики, а также генерализация – перенос качеств одной личности на всю генеральную совокупность [11]. Именно последний мар-

кер указывает на сформировавшийся образ врага, обладающего рядом присущих ему стереотипизированных черт и характеристик.

Методы исследования

Эмпирической базой исследования стали публикации сетевого ресурса Twitter, имеющие непосредственное отношение к разворачиванию столкновений на этнической почве, что является определенной степени уникальной тематикой. Анализ призывов в Twitter позволяет решить ряд задач: осуществить их классификацию, определить адресатов и типологию образа врага.

В основу исследования легли два наиболее резонансных и драматических события новейшей российской истории: конфликт на этнической почве в московском районе Бирюлево в октябре 2013 г. и так называемое дело няни Бобокуловой в феврале 2016 г.

Непосредственным поводом для наиболее массовых за последние 5–6 лет столкновений этнического характера послужило убийство в ночь с 9 на 10 октября 2013 г. мигрантом-азербайджанцем Орханом Зейналовым 25-летнего жителя московского района Бирюлево-Западное Егора Щербакова. Убийство было совершено с применением холодного оружия, на глазах девушки Щербакова, что не могло не вызвать широкий общественный резонанс. 12 октября общественный протест выплеснулся на улицы, а 13-го достиг своего апогея, поскольку к бушующей толпе присоединились группы фанатов. Вечером начались неуправляемые погромы ряда городских объектов, и прежде всего, Покровской оптовой овощной базы, которая, по мнению активистов, стала местом работы и жилья для большого количества нелегальных мигрантов и фактическим источником роста преступлений, совершаемых мигрантами. В ответ руководство Москвы ввело план «Вулкан», в результате которого все силы полиции и ОМОН были стянуты в Южный район. 14 октября полиция провела рейд, по итогам которого из 1 245 задержанных человек 214 оказались нелегальными мигрантами. Острая фаза конфликта на этом закончилась, тем не менее, события вызвали широкий резонанс в сетях: по данным Vox Populi, в российских социальных медиа было зарегистрировано более 175 тыс. упоминаний событий в Бирюлево с различной оценкой и выводами из случившегося [12].

Методом изучения твиттов стал интен-анализ. Этот метод вошел в исследовательскую практику относительно недавно, в самом конце 1990-х гг., благодаря работам отечественных ученых в области психолингвистики [13, 14]. К настоящему времени интен-анализ, появившийся на стыке ряда наук – психологии, лингвистики, политологии, семантики, занял прочное место: с одной стороны, он расширил диапазон эмпирических методов исследования, с другой, – доказал свою эвристическую значимость, особенно в предметном поле политической лингвистики. Указанный метод позволяет выявить скрытый смысл публичных речей, латентные намерения говорящего [15]. При этом коммуникативные интенции (под интенцией понимается коммуникативное наме-

рение говорящего) имеют двусоставную структуру: они обозначают объект и фиксируют отношение к этому объекту. Особую роль играет интен-анализ в изучении феномена так называемой лозунговой коммуникации.

В политической лингвистике принято понимать под призывом особый тип речевого акта, содержащего вербальный императив, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается семантической формулой: «Я хочу, чтобы ты сделал...». Исследователи выделяют несколько видов призывов [6]:

– призыв-лозунг (речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие: «*Все на выборы!*», «*Народы, остановим войну!*»);

– призыв-апелляция (апелляция к общественному мнению или к значимому политическому субъекту – «*Чуров, уходи на пенсию и учись на волшебника!*»);

– призыв-обращение (обычно вводится с помощью форм давайте и пусть – «*Пусть страна знает своих героев!*»; отличие призывов-обращений от призывов-лозунгов заключается, как правило, в наличии конкретного адресата: «*Мэрия, пусть чиновники-коррупционеры уйдут в отставку!*»);

– призыв-воззвание (в этом виде призыва в качестве адресата выступают довольно большие и аморфные группы людей, кроме того, это формальный документ, написание которого требует соблюдения определенных норм и правил. Например, обращение группы депутатов 1-й Государственной думы, так называемое Выборгское воззвание «*Народу от народных представителей!*»).

В ходе интен-анализа авторами была проведена идентификация призывов на основе базового фрейма «субъект – действие – объект». Отметим, что смысловую нагрузку призывов может составлять как прямое указание на желаемое действие, так и опосредованное, через иллюстрацию результата этого действия. Согласно уже упоминавшемуся исследованию М.А. Осадчего, вербальная составляющая успешного призыва включает в себя наличие вербального императива («Я хочу, чтобы ты сделал...»), образа объекта действия и образа способа совершения действия (как сделал), образа адресата действия (кто должен сделать) [7]. Эти параметры стали основой определения призывов в контенте сети Twitter. Идентифицированы явные (эксплицитные) («*Выселяй хачей! #Бирюлево*») и скрытые (имплицитные) («*#Бирюлево что вы делаете? Расизм! Некрасивое слово! Экстремизм ещё хуже!*») призывы. Так, скрытым призывом является информация, подстрекающая к действиям, формирующее желание совершить это действие, но при этом явные императивные формы в таком призыве отсутствуют.

Адресант сетевого призыва рассматривался с позиций ряда характеристик: является ли призыв авторским («*Россия для русских!*») или цитируемым («*В толпе кричат “Россия для русских”*»), исключает ли говорящий себя из дальнейшей реализации призыва (призыв эксклюзивного действия; например: «*#Бирюлево Требуите приезда Колькольцева!*») или сам готов к конкретным шагам, намерен повести за собой (при-

звук инклюзивного действия, например: «Подходите к ТЦ Бирюза – наведем порядок!»). Дополнительно был идентифицирован такой параметр, как «образ способа действия», для оценки которого использовалась дифференцированная шкала от 1 до 3, где 1 – «действие неявно» («Бирюлево помните, что это реальность и что мы РУССКИЕ точно так не хотим жить»; #Москва - русский город! #Бирюлево»), 2 – «несколько неопределенно» («Сделаем #Бирюлево белым!»), 3 – «действие максимально конкретно» («Голосуй за визовый режим с странами Азии!»). Аналогично по шкале от 1 до 3 была оценена степень указания на адресата призыва: 1 – «определен неявно» («Выселить! #Бирюлево»), 2 – «определен широкий круг лиц» («4 ноября мы организуем уже IX #Русский-Марш ЭПО Русские приглашает ВСЕХ белых людей! За 14 слов! #Бирюлево»), 3 – «адресат конкретен» («#Собянин выйди к людям! Поддай в отставку!»).

Особую значимость в исследовании призывов имела задача выявления образа врага. Основанием для ее решения стали два ключевых параметра: первый, наиболее общий, – указание на наличие противника, даже если он обозначен предельно абстрактно («существуют те, с кем нужно бороться»), и выявление степени враждебности по отношению к нему с помощью маркеров речевой агрессии. Результатом стала шкала 1–5, где 1 – «враг не обозначен» («Путин призвал российских мусульман помогать мигрантам с адаптацией»), 2 – «подразумевается» («Подходите к ТЦ Бирюза! #Бирюлево Русские ВПЕРЕД!»), 3 – «подразумевается и определен речевой агрессией» («После всего произошедшего: бойкот овощам! Жрём мясо! #бирюлево Новоцебаза»), 4 – «враг конкретен, речевая агрессия отсутствует» («#Бирюлево конец преступному режиму Путина и притеснению русского народа!») 5 – «враг конкретен и определен речевой агрессией» («За визовый режим со странами СНГ, чтобы эта мразь, хачи не ехали в страну! #Бирюлево»). Вторым параметром стала номинация конкретного противника («хачи, власть, СМИ» и пр.) – здесь определялось, назван ли конкретный враг или нет (0 – образ врага отсутствует, 1 – назван конкретный враг). Такая многоступенчатая схема интент-анализа позволила более точно выявить коммуникационное намерение адресанта призыва.

Призывы как вид пропагандистского интернет-воздействия

За октябрь 2013 г. в сети Twitter были идентифицированы 3 734 пользователя, обращавшихся к теме конфликта в Бирюлево. Из них около 15% стали авторами явных и скрытых призывов – примечательно, что количество призывов в явной форме в два раза превышает число скрытых.

В то же время 54% (232) призывов носят эксклюзивный характер, исключая автора из дальнейших действий, что может свидетельствовать о достаточно высокой неопределенности позиции респондента и желании дистанцироваться от активных участников столкновений.

Соотношение различных видов призывов распределилось следующим образом: в твиттах доминиру-

ют, хотя и не абсолютно, призывы-лозунги, они составляют 39%, когда адресатами выступает максимально широкий круг лиц (типичный вариант: «Вся Москва – обоцебаза! Вся Россия – #Бирюлево!»); 34% составляют призывы-апелляции («Давайте послушаем звук разбивающихся бутылок #дождь #бирюлево»); призывы-обращения к конкретным адресатам в количественном отношении относительно невелики – 27% («Егор Щербаков мы тебя помним #Бирюлево; Собянин должен подать в отставку в связи с событиями в #Бирюлево»), и практически отсутствуют призывы-воззвания.

Особая проблема – дискурс вражды и идентификация образа врага. В 139 призывах (32%) адресанты прямо называют виновников, номинируя их как «хачи», нерусские, кавказцы, мигранты, работники овощебазы и пр. Авторы 116 призывов (27%) указывают на властные структуры как на главный источник столкновений («власть, режим, полиция, ОМОН, префект, мэр» и т.д.). В большинстве случаев этих 27% образ врага имеет двойственный характер, т.е. номинируется сразу несколько объектов – «мигранты» и «полиция», «ОМОН» и «журналисты», «режим» и «убийца» и т.д. Показательно то, что рабочая гипотеза о мигрантах как тотально доминирующем образе врага не получила своего подтверждения. При этом авторы призывов практически не называют врагом конкретное лицо – убийцу Е. Щербакова, идентифицируя его с совокупностью рабочих мигрантов из Средней Азии. Это иллюстрирует сформированный образ врага через механизм генерализации.

Содержание призывов сводится к нескольким основным требованиям: закрытие овощебазы (и даже более кардинально: «Нужны радикал. действия со стор.власти. Например, закр-е всех рынков и торг.точек, котор.принадлеж.мигрантам или в кот.они работают #Бирюлево»); введение визового режима для трудовых мигрантов; поиск и наказание виновных в убийстве; наконец, требования к властным структурам изменить политический курс, носящие весьма размытый характер (наиболее типичный вариант такого скрытого призыва: *Зачем идти к овощебазе, когда есть администрация, префектура и тд? о_О#Бирюлево*). Полученные результаты в целом коррелируют с данными Фонда «Vox Populi» [12], выделившим на основе анализа публикаций в Twitter, Facebook, «ВКонтакте», Livejournal следующие призывы и требования: скорейшее и справедливое расследование Егора Щербакова – 50% пользователей; ужесточение миграционного законодательства – 18%; наказание за бездействие сотрудникам полиции и местным властям – 14%; закрытие Покровской овощебазы – 12% пользователей [Там же]. В то же время исследователями Фонда даже не упоминается вид призыва, наиболее конфронтационного с точки зрения вербальной агрессии (*Ребята, не сдавайтесь! Убирайте этих шавок беспородных своими методами! Надоели! На улице вечером не выйти, кругом одна чернота! #Бирюлево*). Между тем подобные ксенофобские по сути призывы являются основой для разворачивания конфликта и усиления социальной напряженности.

Вторым наиболее резонансным событием, выступившим в качестве объекта исследования, стало убийство в Москве няней Г. Бобокуловой, приехавшей из Узбекистана, своей 4-летней воспитанницы Анастасии Мещеряковой. Инцидент произошел 29 февраля 2016 г. и вызвал острое общественное обсуждение.

Убийство было воспринято как общее горе: прошли стихийные митинги, появились мемориалы в память о девочке, в поддержку родственников за сутки через социальные сети было собрано более 2,5 млн рублей. Духовное управление мусульман Москвы объявило о сборе денег в мечетях Москвы для семьи Мещеряковых.

Трагедия нашла свое отражение в социальных сетях: пользователи не только призывали поддержать пострадавшую семью, но и пытались анализировать произошедшее, обозначить виновных. Методика интент-анализа позволила выявить, что среди тематических сообщений доля призывов составила всего 3%.

Хронологически с марта по октябрь 2016 г. можно выделить три этапа обсуждения. Непосредственно в дни трагедии фиксируется общий ход событий, организуются помощь семье Мещеряковых, сбор средств, освещается создание стихийного мемориала у метро. Следует подчеркнуть, что на этом этапе доминируют преимущественно локутивные формы речевого акта – сообщения информируют о событиях или поступках. Пользователи выражают особое недовольство тем, что ряд СМИ предпочитают молчать о случившемся. Однако мнения разделяются: часть адресантов осуждает подобную политику, другая же часть придерживается мнения, что демонстрация кадров с места преступления противоречит существующей этике.

Второй этап активного обсуждения приходится на период следствия и вынесения приговора. Именно здесь зафиксировано наибольшее число сообщений и призывов с признаками речевой агрессии, осуждение действий суда и властей («Няню Бобокулову, туда самую первую включить, а ещё лучше вовсе расстрелять... #Бобокулова #няня #убийца #Россия»; «Расстрелять ее и сжечь как ведьму!!!! ЭТО ВСЕ, ЧЕГО ОНА ДОСТОЙНА!!! #Бобокулова #Путин #Россия #следствие»; «#новости #суды #Бобокулова Решение суда по делу Гульчехры Бобокуловой объяснить трудно»; «няня #Бобокулова вменяема, власть в России невменяемая, кот. бомбит детей в Сирии, "оппозиция" невменяемая, кот. молчит об этом.»).

Третий этап, пришедшийся на конец ноября, связан с обсуждением возможного выхода Бобокуловой на свободу. Он характеризуется новой волной протестных настроений, требованиями ужесточения миграционного режима. Именно на этом этапе приоритетными становятся перлокутивные речевые акты, декларирующие определенный результат. В рамках интерпретации данного случая складывается основная версия произошедшего: влияние гражданского мужа Бобокуловой определило ее желание уехать жить в Сирию, «в Исламском государстве, по словам самой фигурантки, она будет беспрепятственно ходить в парандже, жить по законам Шариата, учить законы Ислама». В итоге от личной трагедии семьи Мещеря-

ковых вектор дискурса смещается в сторону сирийских событий, ИГИЛ и терроризма.

В сетевой дискуссии вокруг «дела Бобокуловой» доминируют призывы-лозунги (52%), а количество призывов-обращений к конкретным адресатам зафиксировано на аналогичном уровне – 26%. Вместе с тем, как уже отмечалось, доля призывов ничтожно мала. Результаты интент-анализа фиксируют, что дело Бобокуловой значительно отличается от событий в Бирюлево в 2013 г. не только количеством призывов, но и содержанием дискуссии в сети. В большинстве призывов образ врага – конкретное лицо, а именно сама Бобокулова («Убийцу Бобокулову отпустили из-под уголовной ответственности! Это просто жест! Надо этой твари самосуд устроить! #самосуд #Бобокулова»). Вместе с тем в межэтническом дискурсе прослеживаются и попытки генерализации, когда мнения и суждения о частном лице превращаются в обобщенные определения и переносятся на всех представителей данной общности («Гульчехра Бобокулова – не российская гражданка. Почему не ввести визы?»; «Узбекистан бомбить будем? Чтобы террористы к нам не ехали. #ГульчехраБобокулова»). Лишь в небольшой части твитов в качестве врага обозначена власть, позиция которой в этом случае идентифицируется с действиями суда и полиции («#Полиция которая не защищает Русский народ! Так что берегите себя сами, как говорится. #русскийнарод #бобокулова»). Нужно отметить, что меньшая часть призывов несет в себе признаки речевой агрессии – в большинстве случаев пользователи, даже апеллируя к радикальным действиям, не прибегают к экспрессивной лексике («Для таких как Бобокулова надо было возвращать смертную казнь»).

Выводы

Изучение роли пропагандистских технологий и приемов в офлайн-среде для организации массовых протестов становится актуальнейшей темой исследований. Особое значение приобретает эта проблематика в условиях эскалации этнических противостояний, развертывание которых носит тотальный характер.

Существующая теоретическая база, сложившиеся подходы к изучению в сети Twitter такого пропагандистского приема, как призыв, позволили решить ряд исследовательских задач.

Во-первых, осуществлен анализ призывов по комплексу параметров, включающих в себя типологизацию, семантическое содержание, уровень коннотации данных лексических единиц. Наиболее важным, с точки зрения практико-ориентированной составляющей, стало выявление целей призывов, адресатов и предполагаемых действий, чему в значительной степени способствовала интерпретация содержания эксплицитных и имплицитных призывов. Уровень агрессии, установленный на основе выделения и анализа двух семантических элементов – образа врага и маркера речевой агрессии, позволил прийти к следующим результатам: именно в призывах, содержащих точную номинацию конкретного врага

(мигранты, работники овощебазы, полиция, ОМОН, префект, мэры), отмечается более высокий уровень дискурса вражды, нежели в тех, где враг не указан либо его образ выглядит неопределенно. Примечательно, что гипотеза о тотально доминирующем образе врага – мигрантах не получила своего подтверждения.

Вторая важнейшая задача – исследование образа врага. Сформированный образ врага получил свое отражение в феномене генерализации, который в этнических противостояниях способствует нагнетанию социальной напряженности. В описанных конфликтных случаях генерализация выступает фактически способом выработки простого ответа на сложные вопросы межэтнических отношений, в частности на вопрос, кто виноват. Анализ содержания призывов показал, что образ врага зачастую не связан с конкретным лицом – пользователи сети, с одной стороны, обличая виновных, переносят свои обвинения на всех трудовых мигрантов; с другой – перекладывают ответственность на власть и правоохранительные органы Москвы и всей России. Общий уровень социального напряжения, враждебного настроения фиксируется через довольно высокую степень генерализации. Это иллюстрирует один из

этапов создания в общественном сознании тотального образа врага – в большей части проанализированных призывов в качестве врага указано не конкретное лицо, а определенная общность.

В ходе исследования авторы пришли к выводу, что большинство призывов не нашли отражения в реальных действиях участников рассмотренных кейсов, так как хронологически основная масса призывов появляется в сети после событий-доминант. Это подчеркивает рефлексивный, «запаздывающий» характер контента в сети Twitter, отдельного изучения требует эффективность призывов в социальных сетях, уровень их мобилизационного потенциала.

Изучение призывов, других пропагандистских методов и приемов помогает вскрыть источники межэтнической напряженности и интенции участников противостояний и, соответственно, выработать контрсредства для профилактики и предупреждения открытых общественных конфликтов. Трансляция пользователями собственного восприятия событий в онлайн-пространство открывает для этого новые возможности и подчеркивает необходимость вести исследования на площадках новых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харфф Б., Гурр Т. Подходы к анализу этнополитической мобилизации и конфликта // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М. : Едиториал УРСС, 1997. С. 16–17.
2. Esman M. Ethnic Politics. Ithaca : Cornell univ.press, 1994. 277 p.
3. Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 105–114.
4. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y. : Columbia univ.press, 1981.
5. Евдокимов В.А. Пропаганда в Интернете // Полис. 2012. № 4. С. 137–142.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007.
7. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18764000>
8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
9. Козлова А.Т. Призыв как побудительное высказывание и его место в системе других побуждений. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/35827>
10. Демидов О.В. Противодействие экстремизму в публичных текстах: опыт лингвистических судебных экспертиз // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 179–184.
11. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 3. С. 77–81.
12. Погромы в Бирюлево поддержали в соцсетях // Коммерсант. 2003. 30 окт. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2331679>
13. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. СПб. : Алетейя, 2000.
14. Денисенко В.Н., Чеботарёва Е.Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации : учеб. пособие. М. : РУДН. 2008. 258 с.
15. Радина Н.К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 марта 2018 г.

NETWORKING OF ETHNIC MOBILIZATION: EXPLORING THE ROLE OF APPEALS IN INTERETHNIC CONFLICTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/431/1

Vera A. Achkasova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.achkasova@gmail.com

Olga I. Trokhinova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgatrox@gmail.com

Keywords: appeal; mobilization; ethnic conflict; Twitter; intention; intent analysis.

The article aims to identify the mobilizing role of propaganda tools in the online space in the unfolding ethno-political conflicts. Ethnic conflicts are the subject of close society's attention and scientists' research. Within the framework of the study of ethno-political mobilization, the analysis of appeals (as incitement) becomes one of the methods that contribute to the consolidation of various social actors. Over the past decades, various approaches to the study of appeals in the so-called offline space have been developed. The current situation forces us to shift the focus of research to the Internet environment. The subject of the study were calls and ap-

peals in the social network Twitter related to the two most resonant interethnic confrontations in modern Russian history – the pogroms in Biryulyovo (2013) and the so-called “The nanny Bobokulova’s Case “ (2016). The research tools were the methods developed for the analysis of texts in juridical linguistics, primarily to identify calls in the general array of text units. Identified lexical units were subjected to intent-analysis to clarify their semantic content and direction, the formed image of the enemy. At the same time, an attempt was made to reveal the level of aggression of intentions. To correlate communicative messages on the Internet with real events, the case-study method was used. The result of the study was a multi-stage analysis of more than 3,000 appeals in the social network Twitter, which allowed to reveal the tendency of the enemy image formation in the mass consciousness, to understand who is guilty in the public consciousness. According to the participants of the network discourse, responsibility for what happened lies on labor migrants, representatives of another ethnos, and specific political actors. The trend of generalization of the enemy is traced, when mostly negative characteristics of a single representative of an alien ethnic community are extrapolated to the whole of this community. In addition, the bulk of appeals are of a reflective, reactive character, and the requirements articulated in them are mostly blurred. Nevertheless, calls as one of the propaganda methods have already proved their effectiveness in the offline space, and therefore deserve further serious study in social networks. The study of appeals, along with other propaganda methods and techniques, helps to reveal the intentions of participants in interethnic confrontations and, accordingly, to develop countermeasures for the prevention of open social conflicts.

REFERENCES

1. Harff, B. & Gurr, T. (1997) Podkhody k analizu etnopoliticheskoy mobilizatsii i konflikta [Approaches to the analysis of ethno-political mobilization and conflict]. Translated from English. In: Stepanov, E.I. (ed.) *Sotsial'nye konflikty: Ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologii razresheniya* [Social conflicts: Expert examination, forecasting, resolution technologies]. Moscow: Editorial URSS, pp. 16–17.
2. Esman, M. (1994) *Ethnic Politics*. Ithaca: Cornell University Press.
3. Andreev, A. (1996) Etnicheskaya revolyutsiya i rekonstruktsiya postsovetского prostranstva [Ethnic revolution and reconstruction of the post-Soviet space]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 105–114.
4. Rothschild, J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y.: Columbia University Press.
5. Evdokimov, V.A. (2012) Propaganda in Internet. *Polis*. 4. pp. 137–142. (In Russian).
6. Baranov, A.N. (2007) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Osadchiy, M.A. (2012) Parameterization of verbal call in aspect of forensic linguistics. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Education and Psychology*. 11 (19). [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18764000>. (In Russian).
8. Rg.ru. (2002) *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti: Federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ* [On Countering Extremist Activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>.
9. Kozlova, A.T. (2004) *Prizyv kak pobuditel'noye vyskazyvaniye i ego mesto v sisteme drugikh pobuzhdeniy* [The call as an incentive statement and its place in the system of other motivations]. [Online] Available from: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/35827>.
10. Demidov, O.V. (2013) Countering extremism in the public texts: the experience of forensic linguistics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 21 (312). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. 80. pp. 179–184. (In Russian).
11. Steksova, T.I. (2013) Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 77–81. (In Russian).
12. Kommersant. (2003) Pogromy v Biryulevo podderzhali v sotssetyakh [The pogroms in Biryulyovo were supported in social networks]. *Kommersant*. 30 October. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/2331679>.
13. Ushakova, T.N. & Pavlova, N.D. (eds) (2000) *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [The word in action: an intent analysis of political discourse]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Denisenko, V.N. & Chebotareva, E.Yu. (2008) *Sovremennye psikholingvisticheskie metody analiza rechevoy kommunikatsii* [Modern psycholinguistic methods of analyzing verbal communication]. Moscow: RUDN.
15. Radina, N.K. (2016) Intention analysis of online discussions (based on the example of comments on the materials of the Internet portal InoS-MI.ru). *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2238>. (In Russian).

Received: 16 March 2018

В.А. Берсенева

РЕЦЕПЦИЯ «ПОВЕСТЕЙ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»: ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

Рассматривается рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Называются такие сюжетно-повествовательные детали, как горшок с бальзаминном, поцелуй, описание весеннего утра и др. Сближение образов «маленького человека» (Макар Девушкин, Самсон Вырин, Адриан Прохоров) не ограничивается социально-психологическими пределами. Развитие отношений Девушкина и Доброселовой постоянно сопровождается рецептивными отсылками Достоевского к повести «Станционный смотритель». Диалогический параллелизм развития сюжета «блудного сына» придает роману Ф.М. Достоевского философско-экзистенциальную глубину. Пушкинский контекст подсвечивает душевную эволюцию Макара Девушкина.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; А.С. Пушкин; «Бедные люди»; «Повести Белкина»; «Станционный смотритель»; «Гробовщик».

Рецепция Достоевским творчества Пушкина и способы ее претворения в поэтике – разносторонне изученная тема, отмеченная именами выдающихся ученых: от М.П. Алексева и Л.В. Пумпянского до Р.Г. Назирова и Е.М. Мелетинского. Не является исключением и ранняя проза Достоевского, насыщенные пушкинские влияния в которой неоднократно становились предметом внимания исследователей. Так, едва ли не хрестоматийным стали в литературоведении эпизоды романа «Бедные люди» (1846), где Макар Девушкин делится своими читательскими впечатлениями от «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинели» Гоголя (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, В.С. Белькинд, С.Г. Бочаров, В.Е. Ветловская и др.). Между тем в рецептивных отношениях «Повестей Белкина» и «Бедных людей» остается ряд примечательных и недостаточно освещенных моментов, репрезентативных для логики диалога двух писателей. Прежде всего это касается системы сюжетно-повествовательных деталей, отсылающих к пушкинскому претексту.

I

Первая сюжетно-повествовательная деталь – образ горшка с бальзаминном на окне – открывает роман Достоевского о «маленьком человеке». В сознании Макара Девушкина цветы ассоциируются с Варенькой: «Вижу, уголок занавески у окна вашего загнут и **прицеплен к горшку с бальзаминном**, точнехонько так, как я вам тогда намекал; тут же показалось мне, что и личико вашей мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали» [1. С. 13]. В «Станционном смотрителе» повествователь упоминает эти цветы в самом начале, в описании своего первого знакомства с домом Самсона Вырина: «Всё это донныне сохранилось в моей памяти, так же как и **горшки с бальзаминном**, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие» [2. С. 90]. В дальнейшем в пушкинском тексте исчезновение горшков с цветами («на окнах уже не было цветов» [Там же. С. 96]) происходит после бегства Дуни и символизирует распад семьи.

Реминисцентную семантику усиливает еще одна деталь – поцелуй, о котором рассказчики вспоминают через несколько строк: «В сених я остановился и **присил у ней позволения ее поцеловать**; Дуня согласилась...» [2. С. 91]. Макар Девушкин также хранит в памяти схожий эпизод: «Однако же в воображении моем так и засветлела ваша улыбочка, ангельчик, ваша добренькая, приветливая улыбочка; и на сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как **я поцеловал вас, Варенька**, – помните ли, ангельчик?» [1. С. 13–14].

Цветы, девушка и поцелуй, ассоциативно связанные с формулами сентиментальной литературы и, прежде всего, карамзинской «Бедной Лизой» [3. С. 90–92], вызвали к жизни еще одну повествовательную переключку в виде описания весеннего / летнего утра. У Пушкина в «Барышне-крестьянке» оно соединено с пародией на перифрастическую стилистику сентиментализма: «**Заря сияла** на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, **ветерок** и **пение птичек** наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а **летела**» [2. С. 104].

Макар Девушкин воспроизводит этот сентиментальный штамп вполне наивно: «Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко; **солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит** весенними ароматами, и вся природа оживает – ну, и остальное там всё было тоже соответственное; всё в порядке, по-весеннему» [1. С. 14]. И если Лиза Муромская была уподоблена птице лишь метафорически, через летящую походку, то для Девушкина сравнение Варвары с небесной птицей вполне реально и нагружено не только литературным, но и библейским смыслом: «Сравнил я вас с **птичкой небесной**, на утеху людям и для украшения природы созданной. Тут же подумал я, Варенька, что и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью **небесных птиц**, – ну, и остальное всё такое же, сему же подобное; то есть я всё такие сравнения отдаленные делал» [Там же. С. 14].

В «Станционном смотрителе» роль библейского претекста играла притча о блудном сыне, изображенная на картинках в доме Вырина. Она семантически перекликается с символикой евангельских «небесных птиц», живущих под покровом Отца Небесного и не имеющих нужды заботиться о насущном, пока не покинули его «дом». В «Бедных людях» подобной отеческой заботой пытается окружить Вареньку Макар Девушкин, настойчиво утверждающий: «**Отеческая** приязнь, Варвара Алексеевна; ибо я занимаю у вас место **отца родного**, по горькому сиротству вашему; говорю это от души, от чистого сердца, по родственному. Уж как бы там ни было, а я вам хоть дальний родной, хоть, по пословице, и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник, и теперь ближайший родственник и **покровитель**; ибо там, где вы ближе всего имели право искать **покровительства и защиты**, нашли вы предательство и обиду» [1. С. 19–20].

Так, задолго до прочтения героем «Повестей Белкина», утверждает в романе Достоевского рецептивная связь двух произведений, изначально выходящая за пределы только социально-психологического сближения образов «маленького человека» [4. С. 140–147]. Философско-экзистенциальную глубину ей придает диалогический параллелизм развития сюжета «блудного сына», выступившего основой как пушкинского цикла (В.С. Узин, В.Е. Хализев и С.В. Шешунова, П. Дебрецени, В. Шмид, И.А. Есаулов, Н.П. Жилина и др.), так и творчества Достоевского (К.В. Мочульский, М.С. Альтман, В.Е. Ветловская, Н.Ф. Буданова, В.И. Габдуллина и др.).

Акцентируем еще одну семантическую составляющую этого диалога – мифопоэтическую. Достоевский предпослал «Бедным людям» эпиграф из повести В.Ф. Одоевского «Живой мертвец»: «Ох уж эти мне **сказочники!** Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, – а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил» [1. С. 13]. Помимо использования пушкинского приема иронического эпиграфа, которым сопровождалось произведение в «Повестях Белкина», здесь обращает на себя внимание контекст «сказочного». В повести Одоевского фантастическое допущение позволило герою взглянуть на себя со стороны и увидеть разрушительные последствия своих действий, демонстрирующих «<...> психологический закон <...>, что ответственность соединена с каждым словом, с каждым по видимому незначительным поступком, с каждым движением души человека» [5. С. 98]. Как справедливо отметила В.Е. Ветловская, «именно так и происходит в “Бедных людях”, и сообщения Одоевского лишь ясной формулировкой подчеркивают связь между любым из высказываний героев переписки и тем действием, какое оно производит на того, к кому обращено» [6. С. 22]. На сюжетном уровне, тем самым, сказочность и фантастика в романе были излишними¹, но эпиграф Одоевского позволял намекнуть на подтекстовые следы подобной

семантики, как было и в «Повестях Белкина», где реалистическое повествование не препятствовало скрытым мифопоэтическим проекциям.

Так, в ключевом для Достоевского «Станционном смотрителе», по предположению С.З. Агранович, «фамилия главного героя повести образована не столько от названия третьей станции на пути из Петербурга в Москву, сколько, так же, как и само название станции, от слова Вырей, которое в представлении древних славян было названием царства смерти. В некоторых говорах слово Вырей означает колдун, знахарь, ворожей – хозяин этого царства, то есть Кошей» [7. С. 79]. В мифологическую страну за морем Вырей (или Ирей), согласно славянским поверьям, осенью улетают птицы и насекомые, уползают змеи, туда уходят души умерших людей [8. С. 208–209]. Примечательно, что в первой половине пушкинской повести само имя смотрителя, хозяина Вырея, табуировано. Только после рассказа об уходе Дуни повествователь впервые упоминает имя главного героя. При этом сама Дуня никогда не называется по фамилии, что подчеркивает ее отдельность от отца, отсутствие фатальной связи с миром посмертия. Властность, старость, физическая сила, склонность к винопитию и материализация души (силы) в каком-либо предмете или объекте – типичные приметы Кошея, гибель которого обычно связана с утратой «внешней души» [9. С. 480–492]. Все эти черты присущи Вырину, смерть которого происходит после ухода Дуни, олицетворяющей его душу / сердце.

Макар Девушкин, пересказывая свои пронзительные впечатления от «Станционного смотрителя», далеко не случайно метафорически уравнивает свою жизнь, сердце и душу: «<...> книжка есть, где вся-то **жизнь твоя** как по пальцам разложена. <...> точно это, примерно говоря, **мое собственное сердце**, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил изнанкой, да и описал всё подробно – вот как!» [1. С. 59]. Пушкин, по мнению Девушкина, «смотрит в сердце», а сердце в символической системе Достоевского напрямую связано с душой.

М.М. Бахтин определяет душу как «данное, художественно переживаемое целое внутренней жизни героя» [10. С. 90]. Он подчеркивает, что «принципы оформления души суть принципы оформления внутренней жизни *извне*, из другого сознания» [Там же. С. 91]. Варенька, по признанию Девушкина, приносит ему «душевный покой». С ней он узнает, что «сердцем и мыслями человек» [1. С. 82]. Девушкин идеализирует Вареньку, обращается с ней как с особым существом, которому несвойственны простые человеческие слабости: ей нельзя ни пошутить, ни заболеть, ни выразить несогласие, ни помечтать – все вызывает его упреки. Это отчасти объясняет саму идею переписки двух людей, которые вполне могли бы общаться лично. Так, Девушкин искренне недоумевает, когда получает от Вареньки приглашение заходить к ней в гости в качестве альтернативы переписки: «Ах, **душенька моя**, что это вы опять в самом деле стали писать?., о чем вы блажите-то! да как же мне ходить к вам так часто, маточка, как?» [Там же. С. 26]. Условная сентиментальная «душенька» в символическом

языке героя является подлинной душой, воплощенной в другом человеке.

Узнав из пушкинской повести о возможности утраты души, Девушкин пытается оградить себя от подобного и упрекает Вареньку: «Хочется, видно, вам, чтобы меня ломовой извозчик на Волково сvez; чтобы какая-нибудь там нищая старуха-пошлепница одна мой гроб провожала, чтобы меня там песком засыпали, да прочь пошли, да одного там оставили. Грешно, грешно, маточка!» [1. С. 58]. Будь это реакция на ранее высказанную Варенькой идею пойти в люди, то она противоречила бы здравому смыслу: ни Девушкину, ни Доброселовой не на что жить. Макар Алексеевич ругает Вареньку даже за помощь ему, не замечая, что является причиной многих возникающих у девушки проблем. Он так увлечен фантазиями на тему устройства совместной жизни, что не слышит отчаянных криков о помощи, особенно после появления помещика Быкова. Как справедливо констатировала В.Е. Ветловская, «парадокс родственной дружески-любовной ситуации, изображенной в романе, и вся ее “пасквильность” заключаются, в конце концов, в том, что при отношениях неравенства, при тех отношениях, когда один любит и благодетельствует, другой благодарит и любит, нет и не может быть на самом деле никакой любви» [6. С. 71].

В «Станционном смотрителе», а именно во введенной в сюжет истории блудного сына, на взгляд Девушкина, заключается упрек Вареньке: нельзя убежать из дома и тем самым вводить в горе и грех своего отца. Библейская притча так запечатлелась в сердце Вырина, что полностью определила его ревниво-собственническое отношение к дочери, не допускающее возможность ее свободы и отдельного счастья. Нечто подобное чувствует и Девушкин после прочтения пушкинской повести. Он находит подтверждение своей уверенности, что как «отец» достоин благодарности со стороны «дочери» Вареньки. Вместе с тем он не хочет переживать страдания Самсона Вырина, поэтому пресекает все попытки подопечной жить без его участия.

Девушкин вольно или невольно начинает подражать пушкинскому герою, когда под гнетом проблем «ищет истину в вине». Так в сюжете появляется эпизод, напрямую отсылающий к попытке станционного смотрителя проникнуть в дом Минского. В «Бедных людях» роль последнего выполняет некий безымянный офицер, оскорбивший Вареньку «недостойным предложением». В ответ Девушкин, разгоряченный вином, «пошел к нему, к офицеру-то. <...> Я, маточка, уж если к слову сказать пришлось, давно за этим молодцом примечал; следил его, когда еще он в доме у нас квартировал. <...> Я, Варенька, ничего, по правде, и не помню; помню только, что у него было очень много офицеров, или это двоилось у меня – бог знает. Я не помню также, что я говорил, только я знаю, что я много говорил в благородном негодовании моем. Ну, тут-то меня и выгнали, тут-то меня и с лестницы сбросили, то есть оно не то чтобы совсем сбросили, а только так **вытолкали**» [1. С. 67].

Жизнь по пушкинскому тексту оправдывает поведение героя в собственных глазах. Вытолкнутый на

лестницу и униженный, подобно Вырину («Чего тебе надобно? – сказал он ему, стиснув зубы, – что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!») и, сильной рукою схватив старика за ворот, **вытолкнул его на лестницу**» [2. С. 96]), Девушкин, испытывая искренний стыд, тем не менее помнит об обаянии сентиментального образа, который он себе представил при чтении повести: «Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочел, что он спился, грешный, так, что память потерял, горьким сделался и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей, об дочке Дуняше!» [1. С. 59].

Но Девушкин не в состоянии избежать неотвратимого: место анонимного офицера займет кто-нибудь другой, выступивший в роли действительного покровителя – и Варенька все-таки уезжает, согласившись на предложение Быкова, и делает это фактически с согласия Макара Алексеевича. Эквивалентом спектакля с болезнью, устроенного Минским и введшего в обман Вырина, здесь выступает добровольное «самоослепление» героя, мечущегося по городу, выполняя предсвадебные поручения Вареньки: «И я-то где был? Чего я тут, дурак, глазел! Вижу, дитя блажит, у дитяти просто головка болит! Чем бы тут попросту – так нет же, дурак дураком, и не думаю ничего, и не вижу ничего, как будто и прав, как будто и дело до меня не касается; и еще за фальбалой бегал!..» [Там же. С. 107].

Таким образом, рецептивные отсылки Достоевского к пушкинскому тексту, постоянно сопровождающие развитие отношений Девушкина и Доброселовой, выходят за рамки простого оправдания «маленького человека» и на более глубоком уровне диалогически актуализируют пушкинскую взаимодополнительность библейских и сказочных проекций, что позволяет показать драму человека, в самоослеплении претендующего на эгоистическое «покровительство» другому. И если в «Станционном смотрителе» это драма только отца, не сумевшего принять счастье дочери, то в «Бедных людях» это уже драма обоих, не предполагающая благополучного разрешения конфликта.

II

Семантика самоослепления / самосознания позволяет включить в рецептивную сферу романа образ пушкинского гробовщика из «Повестей Белкина». По мысли Н.М. Фортунатова, в структурном отношении повести «Гробовщик» и «Станционный смотритель» представляют одно целое [11. С. 203]. Самсон Вырин показан в контексте сложных жизненных ситуаций, приводящих к гибели. Сам рассказчик настраивает читателя на сочувствие и жалость к герою: «**Сущий мученик** четырнадцатого класса, <...> какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!» [2. С. 88]. Именно это открытое сочувствие привлекло внимание Макара Девушкина.

Адриан Прохоров, будучи зажиточным мастером, покупающим новый дом, – тоже «маленький человек», рядовой и заурядный [12. С. 285–288]. Но, в

отличие от Вырина, он представлен в достойном и даже самодостаточном виде, более того в «Повестях Белкина» он единственный герой из низшего сословия, пытающийся, по мере сил, подчеркнуть ценность своего существования, оправдать его. Традиционно подобные акты самосознания у Макара Девушкина сопоставляют с гоголевскими «Шинелью» (Башмачкин) и «Записками сумасшедшего» (Поприщин). Но в ткани романа присутствуют и реминисценции из пушкинской повести.

Конфликт последней, озвученный в защитной речи Адриана Прохорова, построен на несовпадении самооценки гробовщика с пренебрежительным мнением окружающих: «Что ж это, в самом деле, <...> разве гробовщик брат палачу? чему смеются басурмане? разве гробовщик гаер святочный?» [2. С. 85]. Чувствуя себя оскорбленным и униженным, от обиды он обращается за поддержкой к потустороннему миру, от обитателей которого и находит во сне пугающее признание. Мир посмертия, воплощенный в Самсоне Вырине благодаря мифологическим проекциям, в «Гробовщике» предстает воочию и становится пространством, где открываются в «маленьком человеке» оскорбленная гордость и жажда самооправдания, столь близкая героям Достоевского.

В Макаре Девушкине проявлены черты самосознающего, «протестующего героя», который отказывается признавать свое униженное положение. Это вариант того «гордого человека», который, по замечанию Достоевского, впервые метко схвачен именно Пушкиным: «Чуть не по нем, и **он злобно растерзает и казнит за свою обиду** или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам вопиет, может быть (ибо случилось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, **только бы отомщена была личная обида его**» [13. С. 139]. Вместе с тем Достоевский находит в пушкинском тексте решение проблемы гордости: «Победишь себя, **усмиришь себя – и станешь свободен** как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и **узришь счастье**, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его» [Там же].

Макар Девушкин «испуганно бормочет о том, что впоследствии громко и дерзко скажет Раскольников» [14. С. 235]. В своих письмах он тихо бунтует: «Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правде-истине, зачем одному еще во чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит? И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурочок, ройся в мешках дедовских, пей, ешь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братец, вот какой! Грешно, маточка, оно грешно этак думать, да тут поневоле как-то грех в душу лезет» [1. С. 86].

В философии «Повестей Белкина» за нежеланием смириться с существующим положением дел и по-

пытками самовольно устроить свою судьбу стоит сомнение в Божием Промысле. Те герои, которые в конце концов принимают его, приходят к благополучной развязке («Выстрел», «Метель», «Барышня-крестьянка»), остальных ждет жестокое наказание (Самсон Вырин) или урок (Адриан Прохоров). У Достоевского эта дилемма усложняется вопросом о праве на вмешательство в жизнь других людей – в виде «покровительства», своеобразной узурпации роли Отца Небесного. В данном контексте Девушкин фактически уравнивается с Анной Федоровной и помещиком Быковым, каждый по своему лишающих Вареньку свободы и возможности самостоятельно выбраться из нищеты. Эта внутренняя близость воплощена в принятии Макаром Алексеевичем согласия девушки на брак с Быковым, в котором герою, жаждущему оправдать себя, видится своеобразный Промысел: «Конечно, **во всем воля Божия**; это так, это непременно должно быть так, то есть **тут воля-то Божия непременно должна быть**; и Промысл Творца Небесного, конечно, и благ и неисповедим, и судьбы тоже, и они то же самое» [1. С. 101–102].

Природа бунта Макара Девушкина определена не столько внешними факторами («среда заела»), сколько подспудными процессами самосознания: в романе он беден, но не унижен на службе, как Акакиевич Акакиевич, он не «жертва канцелярии», в критический момент начальник приходит ему на помощь, он находит сочувствие в окружающих. Тем не менее Девушкин постоянно находится в состоянии внутреннего конфликта, он подавлен чем-то, что не может до конца объяснить, как не находит объяснения странная грусть Адриана Прохорова в «Гробовщике». Схожесть душевного состояния героев Пушкина и Достоевского питается подспудным чувством вины: Прохоров во сне вспоминает о когда-то совершенном им обмане, ставшем началом карьеры, а Макар Девушкин знает, что компрометирует Вареньку своим покровительством. Но вытесняется это чувство в обоих случаях нагнетаемым ощущением обиды на окружающих.

Тихий бунт Девушкина провоцируется «предательством» Вареньки, «подсунувшей» ему гоголевскую «Шинель». Оно стало причиной гневной речи и дальнейшей переоценки ценностей, перелома в сознании героя. Подобно Адриану Прохорову, «преданному» будочником Юрко и ощутившему свою неправую роль в обществе, с момента обиды Девушкин перестает довольствоваться званием переписчика бумаг. Он чувствует, как у него «формируется слог», как он становится писателем. Примечательно, что Девушкин, как и рассказчик «Гробовщика», вступают в полемику с Шекспиром: в «Повестях Белкина» «из уважения к истине» гробовщик не изображен пошеспирировски «веселым и шутливым» [2. С. 82], а герой Достоевского провозглашает – «Шекспир вздор» [1. С. 70].

И образ будочника также не остается без внимания в «Бедных людях». В «деревянный, желтый, с мезонином» [Там же. С. 77] дом процентщика Маркова – жилище, подобное, по внешнему описанию, домику Адриана Прохорова, а по внутреннему наполнению

(картинки на стене и цветы на окне) жилищу Самсона Вырина, Макар Девушкин попадает случайно – из необходимости в деньгах. Недалеко от этого дома Девушкин встречает будочника, негативная оценка которому дается героем, если не принять во внимание пушкинского претекста, едва ли не беспричинно: «Будочник такой грубиян, говорит нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цедит <...>. Будочники эти **все такие нечувствительные**, – а что мне будочник? – А вот всё как-то было впечатление дурное и неприятное» [1. С. 77]. Неделikatный зубоскал и насмешник Юрко отозвался в памяти Макара Алексеевича при столкновении с его коллегой-двойником.

Еще одним сближающим мотивом двух произведений выступает добровольный переезд, знаменующий начало действия: Прохоров перебирается в новый дом, где произойдет его сновидческое погружение в мир посмертия, Девушкин из прежней удобной квартиры уходит в тесное жилище, «темный и нечистый угол», напоминающий гроб. Человек, живущий в этой обители отверженных и униженных, – своеобразный «мертвец». Так, по мысли А.А. Казакова, Девушкин умирает ежедневно «под недобрым взглядом другого» [15. С. 55]. Он «мертв» по причине критически низкой самооценки, потому, наверное, так трепетен к деталям своего крайне изношенного гардероба, который, тем не менее, Девушкин не меняет до последнего момента. Вместе с тем к одежде Вареньки он относится с большим вниманием, покупая на последние гроши разные дамские принадлежности. Можно сказать, что Девушкина менее волнует его социальная смерть, точнее ежедневное социальное умирание, он скорее пытается поправить тяжелое состояние своей души, олицетворенной в Вареньке. Отъезд Вареньки с Быковым означает утрату души – духовную смерть героя. Именно перед этим событием Девушкин обновляет свой гардероб, покупая новые сапоги. Своеобразным комментарием к этой метонимии, ставящий в один ряд смерть / гроб и сапоги, может служить афоризм Прохорова: «Сушая правда, – заметил Адриан; – однако ж, если **живому** не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и **босой**; а нищий **мертвец** и даром берет себе **гроб**» [2. С. 83]. Быть живым и босым или мертвым и с гробом – такова перспектива бедняка, примириться с которой должен Девушкин.

Образ сапожника как воплощения человеческой природы тоже мог быть подсказан пушкинским текстом. Таков в «Гробовщике» немец Готтлиб Шульц, возможный прародитель гоголевского сапожника Гофмана из «Невского проспекта», поглощенный, подобно Прохорову, домашне-ремесленными хлопотами, но неизменно оптимистичный. По Девушкину, чью жизнь постоянно омрачают изношенные сапоги,

это принцип существования всех людей – забота о хлебе насущном: «<...> в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая, по нужде, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, **всю ночь сапоги снились**, что вчера он подрезал нечаянно, как будто именно такая дрянь и должна человеку сниться! Ну да ведь он мастеровой, он **сапожник**: ему простительно всё об одном предмете своим думать. У него там дети пищат и жена голодная; и не одни сапожники встают иногда так, родная моя. <...> тут же, в этом же доме, этажом выше или ниже, в позлащенных палатах, и богатеишему лицу все те же **сапоги, может быть, ночью снились**, то есть **на другой манер сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги**» [1. С. 88–89]. Антропологический итог, выведенный героем: «**Все мы**, родная моя, выходим **немного сапожники**» [Там же. С. 89].

Более того, с точки зрения Девушкина, сапоги не просто насущная забота, но и знак социального признания, презумпция уважения окружающих и чувства собственного достоинства, к которому стремится герой. В этом смысле претензия на статус покровителя, возвышающая самосознание Макара Алексеевича, и забота о сапогах – предметы очень близкие. Сапоги, например, непременно должны быть у хорошего сочинителя: «Ведь каково это было бы, когда бы всякий сказал, что вот де идет сочинитель литературы и пиита Девушкин, что вот, дескать, это и есть сам Девушкин! Ну что бы я тогда, например, с моими **сапогами** стал делать? Они у меня, замечу вам мимоходом, **маточка, почти всегда в заплатках**, да и подметки, по правде сказать, отстают иногда весьма неблагоприятно. Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у **сочинителя Девушкина сапоги в заплатках!**» [Там же. С. 63–64]. Совершившаяся в конце романа покупка новых сапог указывает на желанное обретение Девушкиным писательского таланта («А то у меня и слог теперь формируется...» [Там же. С. 108]), но в обмен на «душу»-Вареньку.

Так, контекст «Повестей Белкина» подсвечивает душевную эволюцию Макара Девушкина – самосознающего героя и «тихого бунтаря», предпочитающего бездействию – решительности, вещный мир – духовному, а в своих поступках и суждениях, внешне благих, руководствующегося чувством обиды. Прочтение пушкинских повестей возвращает в нем гордость, самолюбие – качества, от которых герои Пушкина неизменно страдают и погибают, если не находят в себе смирения. В последующих романах, начиная с «Униженных и оскорбленных» [3. С. 90–92], реминисценции «Повестей Белкина» будут неизменно сопровождать авторский анализ противоречий человеческой природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тем не менее отсылки к жанру сказки и тому впечатлению, которое он оказал на героев, как минимум дважды акцентированы в «Бедных людях» применительно к Макару Девушкину и Вареньке Доброселовой: «Бывало, в длинный зимний вечер присядем к круглому столу, выпьем чайку, а потом и за дело примемся. А старушка, чтоб Маше не скучно было да чтоб не шалила шалунья, **сказки, бывало, начнет сказывать**. И какие **сказки-то были!** Не то что дитя, и толковый и умный человек заслушается. Чего! сам я, бывало, закурю себе трубочку, да так заслушаюсь, что и про дело забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопрет ручонкой розовую щечку, ротик свой раскроет хорошенький и, чуть **страшная сказка**, так жметесь, жметесь к старушке. А нам-то любо было смотреть на нее; и не увидишь, как

свечка нагорит, не слышишь, как на дворе подчас и вьюга злится и метель метет» [1. С. 20]; «Прибежишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак щелушить. Сырые дрова трещат в печи; матушка весело смотрит за нашей веселой работой; старая няня Ульяна рассказывает про старое время или **страшные сказки про колдунов и мертвецов**. Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны» [Там же. С. 84].

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 13–108.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука, 1978. Т. 6. 575 с.
3. Абрамовская И.С. Карамзин – Пушкин – Достоевский. Три вариации идиллического сюжета // Пушкин и Достоевский : материалы для обсуждения : междунар. науч. конф. 21–24 мая 1998 г. Новгород Великий ; Старая Русса, 1998. С. 90–92.
4. Белькинд В.С. Образ «маленького человека» у Пушкина и Достоевского (Самсон Вырин и Макар Девушкин) // Пушкинский сборник. Псков : Псков. гос. пед. ин-т им. С.М. Кирова, 1968. С. 140–147.
5. Одоевский В.Ф. Сочинения : в 3 ч. СПб. : В типографии Э. Праца, 1844. Ч. 3. 375 с.
6. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Л. : Худ. лит., 1988. 208 с.
7. Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония – цель – гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М. : Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997. 135 с.
8. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / редкол. С.М. Толстая и др. М. : Междунар. отношения, 2002. 512 с.
9. Русская мифология : энциклопедия / сост., общ. ред. и предисл. Е. Мадлевской. М. : Эксмо, 2006. 780 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
11. Фортунатов Н.М. «Повести Белкина» как художественная структура (к вопросу о матричном принципе анализа) // Болдинские чтения. Н. Новгород : Вектор-ТиС, 2013. С. 200–209.
12. Юхнова И.С. Самсон Вырин: миф о маленьком человеке // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 285–288.
13. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1984. Т. 26. С. 136–149.
14. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. 607 с.
15. Казаков А.А. Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 54–58.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 марта 2018 г.

THE RECEPTION OF *THE TALES OF THE LATE IVAN PETROVICH BELKIN* BY A.S. PUSHKIN IN F.M. DOSTOEVSKY'S *POOR FOLK*: IMAGES AND MOTIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/431/2

Viktoriya A. Berseneva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vikaberseneva@gmail.com

Keywords: F.M. Dostoevsky; A.S. Pushkin; Poor Folk; *The Belkin Tales*; *The Postmaster*; *The Undertaker*.

In the article, the reception of *The Belkin Tales* by A.S. Pushkin in F.M. Dostoevsky's novel *Poor Folk* is investigated. Such plot-narrative details as the image of a pot with balsam, the motive of a kiss, the image of celestial birds, the description of a spring morning are mentioned. The commenting of the "little man" images (Makar Devushkin, Samson Vyrin, Adrian Prokhorov) goes beyond the generally accepted socio-psychological framework. The development of relations between Devushkin and Dobroselova is constantly accompanied by the receptive references to the story *The Postmaster*. The dialogic parallelism of the development of the "prodigal son" plot gives a philosophically existential depth to the receptive references. The mythopoetic component of the receptive dialogue is emphasized. References to Pushkin's text dialogically actualize Pushkin's complementarity between biblical and fantastic projections, which demonstrates the drama of a person who in "self-blindness" pretends to have a selfish patronage over another person. As opposed to *The Postmaster*, which only presents the drama of a father who was not able to accept his daughter's happiness, *Poor Folk* is already the drama of two people, and it does not assume a successful resolution of the conflict. The semantics of self-blindness/self-consciousness allows to include the image of Pushkin's undertaker from *The Belkin Tales* in the novel's receptive sphere. Adrian Prokhorov is a "little man", who is presented as a worthy and even self-sufficient man. In *The Belkin Tales* he is the only character from the lower class who tries to emphasize the value of his existence in order to justify it. Traditionally, Makar Devushkin's self-awareness acts are compared to Gogol's *The Overcoat* (Bashmachkin) and *The Diary of a Madman* (Poprishchin). However, there are also reminiscences from Pushkin's story in the novel. In the story *The Undertaker*, the posthumous world, impersonated in Samson Vyrin, visually appears and becomes the space where the "little man" shows outraged pride and desire for self-justification, which are common features in Dostoevsky's characters. Makar Devushkin refuses to acknowledge his humiliated situation. He is a variant of the "proud man", who, according to Dostoevsky's remark, was first accurately captured by Pushkin. The nature of Makar Devushkin's rebellion is determined not so much by external factors as by the latent processes of self-awareness: the character is poor but not humiliated at work. The context of *The Belkin Tales* highlights Makar Devushkin's internal evolution. The reading of Pushkin's stories nurtures his pride and self-esteem – these are qualities which make Pushkin's characters suffer and perish in case they do not find humility in themselves. In the following Dostoevsky's novels, reminiscences of *The Belkin Tales* invariably accompany the author's analysis of contradictions of the human nature.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F.M. (1972) *Bednye lyudi* [Poor Folk]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 13–108.
2. Pushkin, A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 6. Leningrad: Nauka.
3. Abramovskaya, I.S. (1998) Karamzin – Pushkin – Dostoevskiy. Tri variatsii idillicheskogo syuzheta [Karamzin – Pushkin – Dostoevsky. Three variations of the idyllic plot]. *Pushkin i Dostoevskiy: materialy dlya obsuzhdeniya* [Pushkin and Dostoevsky: materials for discussion]. Proceedings of the international conference. 21–24 May 1998. Novgorod Velikiy; Staraya Russa. pp. 90–92. (In Russian).

4. Bel'kind, V.S. (1968) Obraz "malen'kogo cheloveka" u Pushkina i Dostoevskogo (Samson Vyrin i Makar Devushkin) [The image of the "little man" in Pushkin and Dostoevsky (Samson Vyrin and Makar Devushkin)]. In: *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin's collection]. Pskov: Pskov State Pedagogical University. pp. 140–147.
5. Odoevskiy, V.F. (1844) *Sochineniya: v 3 ch.* [Works: in 3 parts]. Pt. 3. St. Petersburg: V tipografii E. Pratsa.
6. Vetlovskaya, V.E. (1988) *Roman F.M. Dostoevskogo "Bednye lyudi"* [F.M. Dostoevsky's "Poor Folk"]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Agranovich, S.Z. & Samorukova, I.V. (1997) *Garmoniya – tsel' – garmoniya: Khudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi* [Harmony – aim – harmony: Artistic consciousness in the mirror of the parable]. Moscow: Mezhdunarodnyy institut sem'i i sobstvennosti.
8. Tolstaya, S.M. et al. (eds) (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopaedic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Madlevskaya, E. (ed.) (2006) *Russkaya mifologiya: entsiklopediya* [Russian mythology: encyclopedia]. Moscow: Eksmo.
10. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
11. Fortunatov, N.M. (2013) "Povesti Belkina" kak khudozhestvennaya struktura (k voprosu o matrichnom printsipe analiza) ["The Belkin Tales" as an artistic structure (to the question of the matrix principle of analysis)]. In: Fortunatov, N.M. (ed.) *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. N. Novgorod: Vektor-TiS.
12. Yukhnova, I.S. (2012) Samson Vyrin: the "little man" myth. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1 (2). pp. 285–288. (In Russian).
13. Dostoevsky, F.M. (1984) Pushkin (Ocherk) [Pushkin (an essay)]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka.
14. Mochul'skiy, K.V. (1995) *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow: Respublika.
15. Kazakov, A.A. (1999) The archetype of the death in the structure of "the final harmony" by Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 268. pp. 54–58. (In Russian).

Received: 28 March 2018

РЕЦЕПЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В СКАЗКАХ А. РЕМИЗОВА

Рассмотрены 11 сказок Ремизова, которые являются художественно обработанными сюжетами устного творчества коренного населения Восточной Сибири: якутов, манегров, карагасов, чукчей и бурят, составившие сборники «Сибирский пряник: Большим и для малых ребят. Сказки» и «Чакхчыгыс-таасу: Сибирский сказ», а также опубликованные вне сборников в еженедельнике «Голос жизни». Проведен сопоставительный и текстологический анализ первоисточников, определена специфика репрезентации фольклорных сюжетов, сохранения и трансформации особенностей культуры сибирских народов.

Ключевые слова: А.М. Ремизов; мифологические и фольклорные сюжеты; сибирский текст.

Впервые о жизни и обычаях коренных сибирских народов А.М. Ремизов услышал от М.М. Пришвина, который в 1909 г. неоднократно делился впечатлениями о путешествии в Алтайский край к степным кочевникам-кыргызам и даже получил от писателя совет использовать этот богатый этнографический материал в художественном творчестве [1. С. 578–579]¹. Личный интерес к сибирскому фольклору писатель проявил в 1913 г., познакомившись с начинающим автором-сибиряком В.Я. Шишковым². В разговоре с Ивановым-Разумником и Пришвиным о произведениях молодых талантливых писателей Ремизов благожелательно отозвался об одном из ранних рассказов Шишкова «Помолись (Рассказ из тунгусской жизни)» («Заветъ». 1912. № 2), который был написан в период геодезической экспедиции на реке Нижняя Тунгуска весной и летом 1911 г. Первая встреча двух писателей состоялась в феврале 1913 г. по инициативе Шишкова, который в конце января приехал в Петербург для участия в работе XV съезда русских деятелей по водным путям и прожил в городе до конца марта. В этот период он неоднократно бывал в гостях у Ремизовых, встречался с писателем по вопросам литературной работы, вошел в близкий литературный круг, сформировавшийся вокруг Ремизовых: в знаменитой Великой и Вольной Обезьяньей Палате Шишков получил звание «князя бежецкого и сибирского»³. В письмах от 20 февраля и 28 марта Шишков душевно вспоминает о радушном приеме и беседах в доме Ремизова: «Буду только рад еще отвести душу с Вами. Я так хорошо у Вас себя чувствую, как в храме, что через Вас быт творит свое великое <...> Я не забуду наши встречи, в особенности последнюю, когда Вы так, с доброй Серафимой Павловной, меня обласкали. Сердечные отношения между людьми завязываются медленно, а у нас вышло как-то просто, мило и сразу. Это хорошо, это по-Божески <...>» [6. Л. 5].

С этого времени устанавливается дружеская переписка Ремизова с Шишковым, основанная не только на личной симпатии, но и на искреннем интересе писателей к народному творчеству, мифологии коренных народов Сибири⁴. 27 октября 1913 г. Шишков обращается к Ремизову из Томска, зная о намерении писателя посетить Алтай, об его интересе к жизни и фольклору малочисленных племенных народов Сибири, сообщает о возможном приезде в Петербург алтайского шамана: «Впечатлений с Алтая вывоз много.

Знай – пиши. Тунгусы лучше алтайцев. Тунгусы или многие из них отличаются замечательной нежной душой, склонной к поэзии, люди тайги мало общаются с людьми другой расы, не низкопоклонны, отважны, горды, гостеприимны, чисты. Алтайцы – народ замордованный, уже тронутый культурой, боязливы, в старой своей вере не устойчивы» [8. С. 66]. В письме от 6 апреля Шишков, поддерживая интерес писателя к алтайскому материалу, разыскивая для него сюжеты сибирской старины, обещает прислать из Томска что-нибудь тунгусское [6. Л. 7].

О планах Ремизова посетить Зауралье практически неизвестно, кроме писем Шишкова, в которых он неоднократно упоминает о возможной поездке писателя: «Буду ждать лета, может, свидимся на Алтае. Вот приеду в Томск, расспрошу о тех местах (сам-то я не был там) и напишу, как ехать, где жить» (от 12 апр. 1913 г.); «Алтай очень хорош. Я давно люблю его. Хочется воспеть его, прославить, но где взять звучных струн, где мне взять мощь и красоту слова. Алтаю надо молиться, преклонив колена на серебряных его главах, престолах Божьих <...>. Мы два дня жили в Аносе, в доме у художника Гуркина. Что за чудесный уголок, весь в зеленом саду утопает, через него ручеек каскадами переливается. Выйдешь ночью – небо синее, в крупных звездах, вдали грохочет Катунь и спят черными громадами горы. Если Вы соберетесь на будущий год посетить Катунь, вся статья пожить Вам в Аносе. Отсюда можно делать экскурсии в аулы алтайцев, пока еще шаманствующих⁵ <...>» (от 5 июля 1914 г.) [8. Л. 9, 17 об.].

Намерение Ремизова посетить Алтай и выступить в роли собирателя образцов народного творчества осталось нереализованным, вероятно, по причине начала военной кампании в августе 1914 г.⁶ Однако интерес к духовной и материальной культуре малочисленных коренных народов Сибири сохранился и постоянно поддерживался писателем, который на протяжении 1915–1916 гг. неоднократно обращался к сказочно-мифологическим сюжетам бурят и чукчей. В 1918 г. у писателя возник замысел создать книгу сибирских сюжетов, о чем свидетельствует дарственная надпись С.П. Ремизовой-Довгелло на форзаце книги «Чакхчыгыс-таасу», датированная 12 июня 1922 г.: «Сибирский сказ. 18-й год, помнишь, деточка, наше-ствие Китая – нашу поездку в буддийскую кумирню, я ведь тогда задумал книгу Великой Сибири, книгу жи-

вую и книгу мертвых, но Китай пропал, а без него – я думал (ждал), что в Уч<редительное> Собр<ание> съедутся все народы и через них я узнаю Сибирь» [9. С. 22].

В апреле 1919 г. после выхода сборника «Сибирский пряник: Большим и для малых ребят. Сказки» он, посылая М. Горькому первое издание цикла, раскрывает свой замысел в сопроводительном письме: «Встреча с представителями сибирских народов, их рассказы о чудесах бывалых и щедростях сказок осенили меня покорить Сибирь. Да не дубьем ермаковым, не плетью и палкой, а сибирской же чудесной и мудрой сказкой – создать такую книгу Великая Сибирь, где бы собрано было все заветное и сама мудрость, сказанная сказкой, народами живущими (книга живая) и народами погибшими (книга мертвая). И живая и мертвая книги великой Сибири должна быть книгой не для специалистов-ученых, не этнографическим сборником материалов, а сборником ясных и простых рассказов, которые прочтет всякий грамотный человек в вразумление и в удовольствие. Осуществить сибирскую мечту мою можно частью в Петербурге по книгам, а завершить на сибирской земле среди живых представителей сибирских народов. Одному такого не поднять, надо сообща. И среди писателей такие найдутся, которые разделят труд, такие есть – Замятин и Шишков. И оба согласны» [10. С. 206].

В августе этого же года в анкете «Вестнику литературы» Ремизов отметит, что книга «Сибирский пряник» – только лишь «начало затеи моей написать большую книгу “Великая Сибирь”, куда бы вошли заветные сказки сибирских народов» [11]. Однако этот масштабный проект так и не был осуществлен, но мечта писателя художественным словом отразить основы национальной культуры малых народов, живущих на территории России, воплотилась в жизнь. В марте 1925 г., рассказывая о своих творческих планах и проектах 1916–1921 гг. в интервью рижскому журналу «Наш огонек», Ремизов отметит: «Мне пришло на мысль в мои последние годы в России выразить русским голосом голос народов и, по преимуществу, народов отверженных “диких”, затесненных, обиженных, погибающих и погибших. Это в роде как на старинных фресках в “Страшном суде”, когда олицетворенные выходят страны и народы – “литва”, “русь”, “арапы” и т.д. – и говорят о себе (из уст ленточка и надпись на ней): свою сказку. Мне удалось положить лишь маленькие камушки: Чакхчыгыс-таасу (сказ сибирский), Лалазар (сказ кавказский), Е (сказ тибетский), Ушен (сказ кабилский)» [12].

Сборник Ремизова «Сибирский пряник: Большим и для малых ребят. Сказки» вышел в свет в апреле 1919 г. в петроградском издательстве «Алконост». Он состоит из девяти текстов, которые являются художественно обработанными сюжетами устного творчества коренного населения Восточной Сибири: якутов, манегров, карагасов, чукчей. Создавалась книга сибирских сюжетов в тяжелое и неблагоприятное для страны время в период с 1916 по 1918 г. Об обстоятельствах издания «Сибирского пряника» писатель вспомнит в конце своего жизненного пути: «Сибирский сказ – петербургский, с ним связана память о якуте и о буряте, которые тогда появились у нас на

Островах. А издана в великих затруднениях в 19-м году, когда книги-то не выходили и писать невозможно стало, в самый темнеющий год, доведший нас до Троицкой»⁸ [13. С. 161].

Восемь произведений впервые увидели свет под общим заглавием «Сибирский пряник: Большим и для малых ребят» в приложении «Россия в слове» к газете «Воля народа»⁹ (1918. № 6, 7) за исключением сказки «Эйгелин», которая была опубликована в 1916 г. под названием «Белый ворон». За пределами сборника также остались бурятские сказки «Бычок» и «Яйцо ягиное», изданные еженедельником «Голос жизни» (1915. № 4, 12). Их писатель не включил в сибирский сборник, вероятно, в результате значительной русификации. Единственным откликом на появление этого удивительного сборника стала заметка журналиста В. Тишина: «Несколько сказок восточно-сибирских инородцев – якутов, карагасов, манегров, чукчей – пересказаны Ремизовым с большим тактом, без лишней раскраски, словесной амплификации и всяческой “стилизации”. Такая простота тона не часто дается этому любящему мудрить и “чертить” писателю. Она внушает доверие и к самой точности его пересказов, а это доверие особенно нужно потому, что он пользовался чужими устными и еще не напечатанными сообщениями. Поистине баснословной древностью и крепкой первобытной мудростью веет от этого эпоса вымирающих племен. “Малым ребятам”, впрочем, “Сибирский пряник” не по зубам, – он доступен только взрослому читателю» [14].

В марте 1922 г. берлинское левозеровское издательство «Скифы» под руководством Александра Шрейдера выпустило второе издание сказок Ремизова «Чакхчыгыс-таасу: Сибирский сказ», где все девять произведений были опубликованы с небольшими стилистическими изменениями¹⁰. Писатель сократил примечания к текстам, в частности, для читателя осталось загадкой происхождение названия сборника; имя шамана Чакхчыгыс-таасу (Грескучий камень) он также убрал из сказки «Стожары» (осталось: *старый шаман Кремь*), что, по замечанию И. Даниловой, должно символизировать закрытость этнокультурной традиции для европейца [16. С. 163]. В этом издании изменена последовательность текстов, которую писатель вновь пересмотрит в неосуществленном проекте «Сказки нерусские»; его макет сохранился в фонде Ремизова в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 9) в виде двух тетрадей с газетными и журнальными вырезками, рисунками и авторской правкой (Тетрадь II – «Память сказка. Сибирские»). Опыт создания Ремизовым художественного полотна, в котором отражены реалии материальной и духовной культуры древнейших сибирских народностей, по точному замечанию И. Даниловой, можно назвать первым «прямым обращением к фольклору нерусских народностей, живущих за Уральским хребтом, как к самостоятельному целостному сюжету» [Там же. С. 159].

Открывают сибирский сборник Ремизова три художественно обработанные устные манегрские предания и сказка, записанные этнографом и охотоведом Дмитрием Константиновичем Соловьёвым во время

экспедиции 1913 г. на р. Дейя Амурской области со слов «горбатого и хромого» манегра Тудзе Учатгана [17]. С Д.К. Соловьёвым Ремизов познакомился весной 1918 г. 11 апреля Г.И. Лебедев¹¹, редактировавший общественно-политическую петроградскую газету «Вольная Сибирь»¹², писал Ремизову на бланке издания: «<...> в субботу к Вам собирается Дм. Соловьёв, исследовавший манегров, карагисов, эрочей. Хочет поговорить относительно карагисских сказок и о многом другом»¹³ [18. Л. 5]. Рукопись была передана писателю, и уже во второй половине мая три манегрских сказки под авторскими названиями опубликованы в газете «Россия в слове».

Сказка «Люди и звери» в записи Соловьёва приводится под заголовком «Сказка о происхождении манегров», передана Ремизовым практически дословно с небольшими расхождениями, в частности, в рукописи она заканчивается словами: *Так пошел народ* [17. Л. 4]; в печатном варианте: *Так пошли люди и звери* [19. С. 495]. Ремизов оставляет без внимания заметку сказителя о расположении сюжетов (*После этого следует сказать, как народ размножился, и Касяки Ойлягир пошел искать царя у китайцев*) и оставляет свою логику повествования. Сказка «Люди, звери, китайская водка и водяные» в записи Соловьёва представлена без названия под римским номером II. Ремизов стилистически приближает сказку к форме, привычной русскому читателю: вводит стилистические формулы *жили-были, с Богом*. Нелогичность в изложении сюжета манегром, отмеченная Соловьёвым знаком вопроса, переносится Ремизовым в текст без пояснения, как сказочный (необъяснимый и не требующий объяснения) элемент: китайцы предлагают совершенно одинокому герою привести свой народ. Также Ремизов вслед за сказителем оставляет не поясненным решение народа пойти к богдо в землю даурскую (также отмечено в рукописи Соловьёва знаком вопроса). Богдойцами именовались маньчжуры, селившиеся вдоль горного хребта Богдо-Ула в Восточном Тянь-Шане. В словаре Брокгауза–Эфрона указывается, что манегры в летнее время живут в маньчжурских пределах по реке Ганьбира. Описанный сказителем облик водяных людей, носящих ормуз (паголинки, носки выше голени и гамаша) объясняется территориальными особенностями: восточно-маньчжурские горы отличаются повышенной влажностью, долины полны водой, местность болотистая. Поэтому в рукописи Соловьёва уместным выглядит примечание сказителя о маньчжурах, которые при помощи водки ловили *чурика*, людей, похожих на гномов, живущих в дымящихся сопках. Это примечание Ремизов опускает, трансформируя предание в сказку, которую оканчивает фразой: *Вот они какие, водяные* – и сближает образ маньчжурского гнома с образом водяного, популярного в русской сказочно-мифологической традиции.

Третье предание о размножении рода манегров и поисках царя у китайцев в записях Соловьёва называется «Как манегры порядок у себя завели», у Ремизова озаглавлено «Китайская шапка». В отличие от сказания манегра, печатный вариант текста полностью подчинен художественному замыслу писателя. По-

черпнув необходимые этнические сведения из примечаний к двум предыдущим сюжетам, он расширяет текст предания предысторией о древности рода манегров, об особенностях их территориального расположения и завершает эпилогом, отсутствующим в записях Соловьёва: *И донныне крепки их роды – Ойлягир, Манягир, Говагир, Гурагир, Учаткан – и привольней житья ни один народ не знает* [19. С. 500]. Три сюжета, рассказанных сибиряком, Ремизов выстраивает соответственно собственной художественной концепции: рассказ о появлении людей и зверей, знакомство с китайским народом, установление власти у манегров.

Карагасские сказки были переданы Д.К. Соловьёвым Августу Гансовичу Леппу, который в 1914–1916 гг. участвовал в проектировке Саянского заповедника во время экспедиции в Енисейскую губернию, руководителем которой был Соловьёв. В архиве Ремизова сохранились сказки «Откуда происходят карагасы» и «Карагасы должны промышлять», записанные рукою Леппа и датированные 1917 г. [20]. Вероятно, рукопись была передана Ремизову Соловьёвым вместе с манегрскими сюжетами весной 1918 г. Произведения Ремизова «Три брата» и «Судьба» опубликованы в составе сборников 1919 г. и 1922 г., в 1925 г. в рижском журнале «Наш огонек» (5 сент. № 36) они вновь увидели свет под общим заглавием «Карагасские сказки» (сказка «Судьба» вышла под названием «Волк»).

В сказке «Три брата» отразились древние тотемические представления карагасов, у которых медведь считался культовым животным, до сих пор в хакасском языке слово *аба* (старший кровный родственник) табуистически переносится на медведя. Многие фольклорные тексты, собранные у карагасов ученым-этнографом, языковедом Н.Ф. Катановым в 1890 г., сохраняют представление о дедушке медведе, старшем брате карагаса [21]. Весьма распространен сюжет о трех братьях, где младший сделался карагасом кости Чогду, средний – кости Кара Чогду, а старший – медведем. В более поздней записи Леппа, а вслед за ним и у Ремизова, сохраняется это воспоминание о медведе как о сородиче человека, брате карагаса. Также Ремизов пользуется излюбленным приемом литературной мистификации. В рукописи Леппа начальная фраза сказки: *На реке Уде, повыше “казарм” (пограничный кордон) есть небольшое озеро <...>* [20. Л. 3], в собрании Н.Ф. Катанова это место обозначено точнее: *Место, где нашлись и откуда вышли Карагасы кости Чогду, было у р. Обуге, протекающей возле казарм (бывшего Удинского форпоста)* [21. С. 221]. Ремизов вводит никогда не существовавшее название места: *На Уде реке, повыше Буйтушайа, есть небольшое озеро <...>* [19. С. 493]. Вероятно, писатель пользовался не только записями А.Г. Леппа, но и иным источником, в котором были примеры лексики сибирского народа. На языке алтайских тофаларов (карагасов) слово *айу* (у Ремизова *-айа*) означает медведь [22. С. 88]. Аналогичным приемом писатель пользуется, когда повествует о младшем брате: *ушел в землю, такой черный, обернулся в корень медвежий*, опускает при этом примечания из рукописи Леппа: *брат превратился в «Медвежий*

пекан», т.е. известный вид растения (луковицы-корнеплода), любимого кушанья медведя [20. Л. 4]. Таким образом, Ремизов преобразует реалии карагасской действительности в сказочный сюжет, лишенный признаков жанра предания. Этим объясняется отсутствие в художественном тексте пространного предисловия, функция которого в записи Леппа заключается в установке на реалистичность передаваемых сюжетов и воссоздании атмосферы древности старым карагасом, который не только ведет диалог со слушателями, но и разделяет сказки на «хорошую» и «нехорошую».

В сказке «Судьба» отчетливо прослеживается христианское влияние русского населения на культуру и верования карагасов. Это отразилось, прежде всего, в имени рассказчика – Николай Савельевич Тутарь (одноглазый карагас, глаз ему олень выбил, а лет ему за 80, Тутарь – по наименованию реки Тутара, Ремизов и героя сказки именуется Тутарь). В рукописных примечаниях Лепп отмечает, что у карагасов, считающих себя православными, есть христианские имена (настоящее имя карагаса – Аджарай – приписка, сделанная на полях рукописи, вероятно, Д.К. Соловьёвым). В отчете о поездке в Енисейскую губернию Соловьёв отмечает, что карагасы, живущие на северных склонах Восточных Саян на территории Иркутской области и Красноярского края, находились под влиянием русского населения, в отличие от своих южных соседей, тоджинцев, испытывающих воздействие монголов, что отразилось на религии: у тоджинцев – шаманизм и ламаизм, у карагасов – христианство [23]. Это объясняет фразу, которую Ремизов дословно переносит из рукописи Леппа, усиливая концептом судьбы: *А волк этот был сама судьба: не хотел, видно, Бог, чтобы Тутарь купцом стал* [19. С. 493]. В этом контексте следует отметить, что волк в сказках карагасов выступает помощником, указывающим человеку путь к обретению богатства и счастья (см. сюжеты, записанные Катановым в 1890 г.).

Три якутских сюжета Ремизов получил в рукописном варианте от лингвиста Семена Андреевича Новгородова, который в 1914 г. по заданию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии собирал фольклор в Таттинском улусе Якутии¹⁴. Несколько сюжетов он опубликовал в сборнике Музея антропологии и этнографии (1916 г.), народные песни в оригинале и переводах – в журнале «Якутский голос», предание о духе леса – в приложении к журналу «Живая старина» (1914 г.). Сюжеты переданных Ремизову сказок на тот момент были не опубликованы. С писателем С.А. Новгородовым познакомился в 1918 г., вероятно через Г.И. Лебедева, с которым был связан профессиональными интересами: в апреле 1918 г. в трех номерах газеты «Вольная Сибирь» была опубликована статья ученого «Саха. Среди якутов: Об общественном движении среди якутского населения после переворота 1917 г.».

Одним из уникальных текстов представляется сказка «Серкен-сехен» как образец авторского жанрового синкретизма. Впервые она увидела свет в 1918 г. в составе цикла «Сибирский пряник», написанная в форме сказа. Но в этом же году в неперiodическом

издании Театрального Отдела Наркомпроса «Игра» этот текст был представлен как вставной фрагмент – колыбельная песенка Рубабы к сказке для детей «Алину» Вс. Мейерхольда и Ю. Бонди (ее поет жена дровосека, баюкая ребенка). Этот вариант был включен Ремизовым в сборники 1919 г. и 1922 г. с подзаголовком «Якутская сказка». В образе Серкен-сехена писатель представил контаминацию двух популярных персонажей якутского фольклора: мудрого старца Сээрккээн Сэсэна, советчика и наставника богатырей, героя народного эпоса олонхо, и шамана, прорицателя, медиатора между людьми и богами. В якутской культурной традиции эти образы не соединимы: Сээрккээн Сэсэн (Прекрасный повествователь) – мифологический герой древних сказаний, старец-мудрец, предсказатель судеб, бог мудрости и знания, тогда как шаман – реальный человек, наделенный свыше духовной силой, проецируемой в социум. В тексте Ремизова облик мудреца Сээрккээн Сэсэна сохраняется лишь частично: *Вещун земли и мира, добрый советчик богатырей, сам с ноготок, борода до пупок* [19. С. 493]. Но к этому традиционному образу добавляются черты облика шамана (описание одежды шамана из звериных шкур), в результате создается сказочный дедко Серкен-Сехен происхождением от царицы Тынгырыын (выдуманный писателем образ), из рода Одун – ревуций (в героическом эпосе олонхо Одун Хаан однозначно признается как Бог судьбы; мужское имя Одун в якутской традиции буквально переводится как «молить Бога»). Таким образом, в тексте Ремизова создается образ сказочного героя, а также сохраняются черты сказа, колыбельной песни и сказки.

Чукотская сказка «Белый ворон» была опубликована в 1916 г. в журнале «Огонек» (№ 32), в 1919 г. в «Сибирском прянике» вышла под заглавием «Эйгелин», в 1922 г. Ремизов вернул ей первоначальное название, опубликовав в газете «Последние новости» (21 янв. № 542) и в составе сборника «Чакхчагыстаасу». Это единственная из сказок сибирского цикла, имеющая печатный текст-источник, – запись северной сказки, сделанной И.П. Толмачевым, руководителем экспедиции 1909–1910 гг. на Чукотском побережье Ледовитого океана, со слов русского колымского жителя, переводчика Д.А. Бережного, который услышал ее в оригинальном исполнении от кочевого чукчи по имени Номульгин в устье Чауны [24]. Такая сложная субъектно-повествовательная структура способствует стиранию национальных маркеров, преобладающих в устном рассказе. Сопоставление печатных источников («Чукотская сказка» и «Эйгелин») позволяет определить степень авторского вмешательства, а также восстановить этнографический контекст, потерянный при пересказе и художественной обработке материала. В печатном варианте Толмачева сказка не имела семантической номинативной окраски («Чукотская сказка»), а ее герой не носил никакого имени (парень). Ремизов обращается к двум вариантам названия (сохраняя первое название как подзаголовок) и к двум вариантам имени: в имени Номульга – подчеркивается этническая принадлежность героя; в имени Эйгелин добавляется семантическая окраска (но Ремизов

не оставляет пояснений). В исследовании В.Г. Богораза встречается упоминание реального человека по имени Эйгелин, короля (тойона) оленных чукчей [25. С. 391].

В чукотских космогонических мифах ворон (в сказках – куркыль) выступает заместителем Творца, его партнером или культурным героем [26. С. 21]. В данной сказке белый ворон выполняет функцию помощника героя – дарит длинный нож, батас (Ремизов же это чукотское название заменяет на булат), как символ молодецкой силы, становится покровителем юноши, наделяя его духовной силой шамана (завершая камлание, Эйгелин *гаркнет вороном*). Примечательным представляется отсутствие в тексте Ремизова слов героя, отказавшегося от белой одежды и мяса, принесенных ему чукотской девушкой в знак гостеприимства: *Не хочу, не ем от своих товарищей* [19. С. 497], тогда как черную одежду и олений жир он принимает. Возможно, здесь ошибка русского рассказчика Бережнова или неточность в записи Толмачева: вместо оленьего жира был принесен жир тюленя, который считался у оленных (к ним принадлежал рассказчик), а не приморских чукчей, лакомством наряду с моржовым мясом и китовой кожей, что «предпочтительно даже перед русским сахаром и хлебом» [25. С. 6]. Белая одежда, сделанная из шкуры оленя, также заменена на облачение, сшитое из черных шкур тюленей (лахтаков).

Данная сказка в процессе двойной обработки претерпела ряд изменений, но в варианте Ремизова все же сохранила часть этнографических признаков. Обряд оживления мертвых, характерный для чукотской фольклорно-мифологической традиции, представлен в измененном виде в обоих вариантах сказки: герой по просьбе старика-оленевода, шамана, оживляет его умершую старшую дочь, тело которой лежит в тундре (по чукотским обычаям, если труп не сжигают, то оставляют на съедение хищникам). В записи Толмачева сохраняется этническая особенность в просьбе старика, объясняющая необходимость воскрешения девушки: *Эх, забыл тебе сказать: наперед тебя умерла у меня старшая дочь и лежит еще до сих пор никем не съеденная. Оживил бы ты ее, что ей оставаться круглой!* [24. С. 500]. У Ремизова последняя часть фразы отсутствует. Круглым чукчи называют неоскуренного зверя, не очищенного от внутренностей, в данном случае это переносится на мертвого человека: тело, не тронутое хищниками, считается нечистым. Процесс оживления в сказке воспринимается как реалистический шаманский обряд, а не сказочный мотив, характерный для русской и европейской волшебной сказки (реализуемый посредством живой и мертвой воды). Это объясняется отсутствием в народном сознании чукчей грани между жизнью и смертью из-за особого восприятия пространства и времени: живое существо может находиться одновременно в двух мирах [27. С. 357].

Также Ремизов не сохраняет эпитет «дьявольские собаки», описывая двор чукотской девки. Богораз в работе «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора» отмечает, что по народным представлениям оленные чукчи считают враждебным племенем собачников, называя их происхождение дьявольским.

Этим и объясняется эпитет, сохранившийся в записи Толмачева. Ремизов убирает мотив своего-чужого пространства, разделения на свою и чужую культуру. Следует отметить и необычное восприятие писателем образа чукотской девки, жены героя, как ведьмы. Это определение Ремизова тесно связано с фрагментом сказки, вероятно, ранней русской вставкой, перенесенной из записи Толмачева. В данном эпизоде герой встречается с персонификацией зла в образе старухи с пекулем (круглый нож из жести для свеживания оленьих туш; у Ремизова – славянский серп), порубившей головы молодых парней, которые Эйгелин видит в жилище (это отголоски русской волшебной сказки, как и избушка Бабы Яги, окруженная забором из черепов в популярном славянском сюжете). В чукотских сказках образа старухи с серпом или косой как антагониста не встречается, герой борется с видимыми или невидимыми духами (кэле) или сражается с чудовищами.

Одним из древних чукотских ритуалов является помазание участков лица жертвенной кровью оленя-полугодка, когда молодые люди вступают в брак, что символизирует родство членов новой семьи. В сказках этот обряд является обязательным компонентом, завершающим повествование. Ремизов разрушает семантику языческого ритуала, называет это действие венчанием, сближая его с храмовым таинством. Также он оставляет в тексте описание общественной жизни чукчей (состязание в беге и игре в мяч), сохраняет мотив служения олениводу (женитьба на кривой и косой дочери старика, приведение стада диких оленей в знак благодарности) и традиционный обычай многоженства (чукча может иметь две или три жены). Но писатель все же убирает из произведения чукотские названия, заменяя русскими синонимами, или вовсе отказывается от них: лейка (лампа), балок (крытые сани), аргиш (караван оленей), лахтаки (тюлени), тяжи (чулки из меха).

Русскому влиянию подверглась и структура сказки. А.И. Никифоров отмечает, что для чукотских сказок характерно господство пятеричной системы, в отличие от триальности в русских и европейских сюжетах [27]. У Ремизова работает «тройчатка»: трижды ворон предупреждает об опасности, Эйгелин побеждает трех гигантских животных, трижды женится, проводит три ночи с первой женой. Изменениям подверглись начальные фрагменты и концовки сказки. Так, сказка в записи Толмачева начинается присказкой: *Давным-давно, далеко-далеко жил богатый чукча*, которая у Ремизова трансформируется в русскую формулу: *Жил-был большой богач*.

Этот пример художественной обработки фольклорного сюжета писателем позволяет определить не только степень русификации оригинального текста, но и увидеть его в национальном колорите, благодаря сохранению отдельных этноидентифицирующих признаков духовной и материальной культуры сибирских чукчей.

К сюжетам бурятского фольклора Ремизов обращался дважды: в 1915 г. в еженедельнике «Голос жизни» появились художественно обработанные тексты «Бычок: Сказка бурятская» (№ 4. С. 8–9) и «Яйцо

ягиное: Сказка» (№ 12. С. 11–13). Первое произведение при жизни автора более не публиковалось, «Яйцо ягиное» писатель включил в сборник «Укрепя: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг.: Лукоморье, 1916. С. 59–63). Повторно к бурятской сказочно-мифологической традиции Ремизов возвращается только в 1938 г., о чем свидетельствует публикация на французском языке легенды «Серебряный кубок» / «La Coupe d'argent» в журнале «Cahiers G.L.M.» (№ 8. P. 16–18). В ней воспроизведен сюжет о том, как царь неба Эсэгэ-Малан велел своим подданным достать со дна моря серебряную чашу; она находилась на вершине высокой горы и лишь отражалась в водной пучине. Все подданные царя, посланные на дно морское, погибли, только один юноша, сын бедного старика, проявив смекалку, поднялся на гору и принес верховному божеству желаемую чашу [28. С. 91–92]. К сожалению, невозможно определить, насколько точно писателем был передан этнографический и мифологический контекст бурятского предания, так как русского варианта сказки Ремизова не обнаружено, а также записей, свидетельствующих о работе над подобными сюжетами. Но в 1947 г. «Серебряный кубок» вновь включен автором в сборник сказок, легенд и преданий «Où finit l'escalier: Récits de la quatrième dimension. Contes et légendes» (Paris: Editions du Pavois, 1947), что свидетельствует о неугасаемом интересе писателя к сибирскому фольклору.

В художественном наследии Ремизова представлены два бурятских сюжета, значительно переработанные автором: сказки «Бычок» и «Яйцо ягиное». Их источником стали устные рассказы тринадцатилетнего представителя хори-бурятского населения Галана Ниндакова родом из Кежинги, в 1911 г. он был привезен ламаистом Агваном Доржиевым в Петербург, гостил под Выборгом на даче А.Д. Руднева, сибирского фольклориста и этнографа. Ремизов в примечаниях указывает на записи сказок под номерами IX, XXII из сборника Руднева «Хори-бурятский говор» [29]. Эти сюжеты были услышаны от грамотного тридцатилетнего буряты Рабдана и от сорокалетнего ламы Кежинского дацана Шойвана, переведены Рудневым с необходимыми пояснениями.

Работу с текстами Ремизов начинает с изменения заголовков. По замечанию Руднева, бурятская сказка практически никогда не имеет названия или определяется по первой строке. В варианте фольклориста название первой сказки весьма точно характеризует главного героя: *Молодец с телячьей мордой и стоячим хвостом*. Ремизов русифицирует название в соответствующее отечественной сказочной традиции заглавие «Бычок». Ламаистское название «Балдампахал и Арьянди́ва» трансформируется в сказочное «Яйцо ягиное». Русификация бурятских преданий в обработке Ремизова несомненна при сохранении сюжетной схемы первоисточников. В сказке «Бычок» он заменяет бурятскую лексику русскими словами (пороз – бык; хан – царь); национальный обычай родительского обмена поясами детей, заочного сватовства, автор представляет обычным сватовством коровьего сына к царевне. Убрав из текста именованного героя «телячьемордый», Ремизов стирает и сохранившиеся в

бурятской сказке отголоски космогонических мифов, в которых одним из героев был бог с бычьей головой Эрлик; он помог верховному богу Эсэгэ-Малану сотворить островок в созданном мире воды и, в обиду на неблагодарность людей, принял облик злого царя Ландармы. Этот мотив преобразования частично объясняет превращение героя полубыка-получеловека в красавца, когда телячьемордый завершает строительство замка. Таким образом, подзаголовок «бурятская сказка» остался единственным показателем национальной принадлежности произведения Ремизова.

В сказке «Яйцо ягиное», основой для которой послужило популярное в среде лам предание «Балдампахал и Арьянди́ва», Ремизов сохраняет сюжетную схему первоисточника, но изменяет название и содержание произведения. Заголовок текста в обработке Руднева отражает идею противостояния добра и зла, борьбы служителя ламы Арьянди́вы с еретиком Балдампахалом за веру, что раскрывается через семантику имен: слово Арья (сакскр.) означает святой и употребляется перед именами прославленных буддистов; имя Балдам – искаженное в устной передаче Балдан – тибетского происхождения, означает великодушный (в сказках часто фигурирует как умный, начитанный; вторая часть имени снижает эту семантику до еретика, иноверца). Название «Яйцо ягиное» отсылает к славянской сказочно-мифологической традиции, где Баба-Яга – неизменный антагонист, персонаж низшего мира, тогда как в первоисточнике она является существом обыденного пространства – женщина-ведьма, воспитавшая своего наследника без чьей-либо помощи. У Ремизова родительница Балдахала воспитала сына с помощью традиционных для русской сказки советчиков и помощников: *троишка-на-одной-ножке и всякие соломины-воромины и гады, и птицы, и звери, и сама старая лягушка хромая* [19. С. 376–377]. Далее текст сказки русифицируется писателем, и популярный в ламской среде сюжет, основанный на мифологии и этнографии хоринских бурят, трансформируется в сюжет о русском монастырском быте и перевоспитании дерзкого всезнайки, чернокнижника Балдахала в духовного трудника. Ремизов также вводит в текст детали русской сказочной мифологии (избушка Бабы Яги, inferнальное пространство леса и противопоставленная ему сакральная Залесная пустынь, чудо как атрибут волшебной сказки), а также литературные и фольклорные аллюзии, отсылающие читателя к гоголевскому «Вию» и к знаменитым сапогам-скороходам, волшебному предмету русской сказки: *Балдахал только глаза таращит, и вдруг поднялся над землей и понесся. Осенил себя Митрофан крестным знаменем и за ним вдогонку, только полы раздуваются да сапог о сапог стучит* [Там же. С. 380]. В газетах «Последние новости» (1922. 5 нояб. № 782) и «Русская мысль» (1955. 4 марта. № 742) писатель публикует абсолютно русифицированный вариант сказки под названием «Балдахал», окончательно убирает национальный контекст.

Бурятские сказки, которые Ремизов сознательно не включил в сборник сибирских сказок по причине их значительной русификации, свидетельствуют о том, что писатель намеренно выводит их за пределы созда-

ваемого сибирского текста, лишает основных этноидентифицирующих признаков, в сюжетном, образно-мифологическом и стилистическом планах сближает данные произведения с традиционным русским фольклором. Не случайно сказку «Яйцо ягиное» Ремизов включил в сборник «Укрепя: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (1916 г.), в котором магистральной тематической линией проходит мысль о страждущей русской земле (первая часть сборника называется «Страдной России»), разоренной хаосом Первой мировой и Гражданской войн: «И безмолвное, через все испытания, пожар и напасти хранимое пречистым Покровом, в грозный час вот воспрянуло оно, стародавнее, поноровить русскую землю, поднялось оно, крестное, во всей своей силе укрепить и утвердить – наполнить сердце духом единым и единою мыслью русской за Русь, за Россию родимую» [30. С. 8]¹⁵. В отклике на книгу Н. Сербов отмечал, что Ремизов «пересказал не им записанные сказки, но пересказал с обычным своим мастерством, пересказал чудесным русским языком, таким богатым и красочным и так жестко уродуемым в наше время» [31].

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Ремизов, создавая свои переложения легенд и сказок представителей малых сибирских народностей, постоянно работает с устными и письменными первоисточниками, реконструирует и художественно обрабатывает их, по возможности со-

храняет национальный колорит, отдельные этнографические и мифологические особенности; в стилистическом, жанровом и содержательном аспектах адаптирует их к восприятию как русского, так и европейского читателя. Такой подход к описанию и передаче культурных реалий обусловлен авторским способом работы с «экзотическим» материалом: «<...> вставки, сокращения, интерполяция, распространение, амплификация, не надо никакой морали. Образ не нуждается в подписи. По материалам – надо приспособлять и к своей земле (обстановке) и к своим чувствам и понятиям. Приноравливание чужих сказаний к своей национальности: перевод чужого понятия на современный язык» [13. С. 131–132].

Адаптация «чужих» текстов Ремизовым, несомненно, облегчает понимание «экзотических» материалов, но степень художественной обработки сюжетов (за исключением бурятских сказок) не лишает их признаков так называемого сибирского текста, который в данном случае понимается как локальная словесность, передающая колорит местной действительности, специфику национального сознания и мировосприятия малочисленных народов Восточной Сибири. Сохранение и передача реалий сибирской действительности – ключевая задача Ремизова, который и в эмиграции стремился донести до русского и европейского читателя мысль о «тайностях русских», многообразии традиций и устоев, складывающихся веками на Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1910 г. в журнале «Русская мысль» был напечатан первый алтайский рассказ Пришвина «Черный араб. Степные эскизы» (1910. № 1. С. 89–118) в корректуре Ремизова. Известно, что писатель, увлеченный мыслью о народной старине, весной 1910 г. собирался вместе с Пришвиным поехать в Лапландию (см. письмо М. Волошина от 19 апр. 1910 г. // Волошин М.А. Письма А.М. Ремизову. [1907] – 4 апр. 1910 г. // ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 81. Л. 11). О планируемой поездке также пишет и Пришвин Ремизову 27 марта 1910 г. (Пришвин М.М. Письма А.М. Ремизову. 1908–1912 // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 10 об.). В конце мая – начале июня Ремизов сообщил ему об отказе от этой поездки (см. письмо Пришвина от 2 июня 1910 г. Л. 16 об.) по причине тяжелой язвенной болезни желудка.

² В этом же году Ремизов через рекомендацию Шишкова познакомился с еще одним талантливым молодым писателем-сибиряком – Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым, редактором издания «Жизнь Алтая» в г. Барнауле, с которым у него установились крепкие дружеские отношения. Шишков, высоко оценивший сборник рассказов своего земляка «В просторах Сибири» (СПб., 1913), советовал Ремизову встретиться с автором, который в октябре 1913 г. прибыл в Петербург. В конце ноября состоялась встреча двух писателей, Ремизов буквально очаровал Гребенщикова: «<...> Я очень рад, что Вы его обласкали. И он говорит, что Вы особый, не похожий на других писателей. Он очень сожалеет, что один лишь раз видел Вас и Серафиму Павловну <...>» [2. Л. 11]. Личные и профессиональные отношения писатели будут поддерживать и в эмиграции. Книга Ремизова «Звенигород Окликанный: Никонины притчи» вышла в 1924 г. в издательстве «Алатас», которое было основано Г.Я. Гребенщиковым и Н.К. Рерихом в 1923 г. (краткую историю публикации сочинения Ремизова см. в: [3. С. 432–435]). Знакомство с писателями-сибиряками и их творчеством, несомненно, породило интерес писателя к сибирской тематике.

³ В Обезьяньей Палате В.Я. Шишков также носил титулы: «кавалер обезьяньего знака первой степени со звездами, за тайгу, тунгусов и прибивку», «тунгусовед», «бывший сибирский атаман и князь сибирский и бежецкий» (См.: [4. С. 366]). В «Автобиографии» 1925 г. Шишков отмечает роль Ремизова как литературного учителя и наставника: «А.М. Ремизов наглядно учил меня, как надо писать, в чем секрет красоты стиля и душа языка. Его глубокие замечания впервые прозвучали для меня как откровение» [5. С. 23]. Сибирский писатель посвятил своему учителю рассказ «Соловьиная ночь» (см. сб. «Подножие башни», 1920 г.), после эмиграции Ремизова он стал распорядителем его личных дел в Советской России.

⁴ Уклад жизни таежных тунгусов, их фольклор и обычаи увлекли Шишкова, за несколько месяцев пребывания в экспедиции ему удалось записать несколько десятков образцов народного творчества этого кочевого народа. Подробнее см.: [7].

⁵ Весной и летом 1913–1914 гг. В.Я. Шишков находился в Чуйской экспедиции (с перерывами по причине начала Первой мировой войны), проектировал строительство тракта в Монголию (от Бийска до Кош-Агача), который был необходим для укрепления рыночного оборота товаров. Работа велась в долине реки Катунь. Результатом пребывания в экспедиции становятся рассказы, названные «Чуйскими былями», и путевые очерки «По Чуйскому тракту».

⁶ В 1915 г. В.Я. Шишков перебрался в Петроград на постоянное место жительства, соответственно, намерение Ремизова посетить Алтай, где писатель-сибиряк мог быть единственным его проводником, вовсе утрачивается.

⁷ Именуются в виду издания: «Е: Заяшские сказки тибетские» (Чита: Скифы, 1921. 22 с.); «Чакхчыгыс-Таасу: Сибирский сказ» (Берлин: Скифы, 1922. 38 с.); «Лалазар: Кавказский сказ» (Берлин: Скифы, 1922. 35 с.); «Ушен: Сказ шакалий кабийский» (Россия. 1924. № 2 (11). С. 62–79).

⁸ Речь идет о начале последнего периода петроградской жизни Ремизовых (май 1920 – август 1921) на ул. Троицкой (д. 4, кв. 1. Отель № 1 Петросовета).

⁹ «Россия в слове» – еженедельное приложение к ежедневной литературно-политической газете «Воля народа» (Петроград, 1917–1918), выходило под редакцией М.М. Пришвина.

¹⁰ В отклике на книги А.М. Ремизова, изданные в Берлине в 1922 г., М. Слоним отметит: «“Чакхчыгыс Таасу” – ряд небольших сибирских сказок. Большинство из них космогонического характера. Почти все очень любопытны не только как этнографический материал для изучения верований и мифов тунгусов и чукчей <орфография автора. – Е.В.>, но и как литературные произведения» [15].

¹¹ Лебедев Г.И. – бывший политический ссыльный, знакомый А.М. Ремизова через В.Я. Шишкова, который недолгое время состоял секретарем Союза сибиряков-областников и печатался в газете «Вольная Сибирь». Лебедев неоднократно обращался к писателю с просьбой помочь литературой по истории Сибири (см. три письма Г.И. Лебедева А.М. Ремизову 1918 г. на бланке газеты «Вольная Сибирь» в личном архиве А.М. Ремизова в составе единицы хранения: Ремизов А.М. Переписка редакций и издательств «Аргус», «Лукоморье», «Народоправство» и др. в связи с изданием его произведений. 1913, январь – 1919, декабрь 25. РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 24. 47 л.).

¹² Газета поддерживала Союз Сибирских областников, основанный в Петрограде 5 марта 1917 г. (собрания проводились по адресу: Невский проспект, д. 60), издавалась с 30 марта этого же года по апрель 1918 г. Приход к власти большевиков привел к ликвидации областнического движения не только в Сибири, но и непосредственно в Петрограде и в Москве. Традиции, обозначенные в данной петроградской газете, продолжились в зарубежном литературном и общественно-экономическом сборнике «Вольная Сибирь» (Прага, 1927–1930).

¹³ Известный охотвед и исследователь Сибири Д.К. Соловьёв в 1910 г. осуществил самостоятельную экспедицию на Дальний Восток в Уссурийский край. Изучая быт и культуру инородцев (орочей, уссурийских и амурских голдов (нанайцев), ульчей, тунгусов, корейцев), ученый посетил поселения по Уссури и Амуру, побывал на Сахалине, в Маньчжурии, Японии и на Цейлоне. В 1913 г. Д.К. Соловьёв отправился в свою последнюю экспедицию на Амур изучать культуру эвенков-манегров. В 1914 г. возглавил Саянскую экспедицию, результатом которой стало создание соболиного заповедника (просуществовал до 1915 г.). С Союзом сибирских областников Д.К. Соловьёва связывали профессиональные интересы, а также редакторская работа в журнале «Охота для всех», основанном в июне 1918 г. Петроградским союзом охотников.

¹⁴ Новгородов Семен Андреевич (1892–1924) – ученый-лингвист, журналист, собиратель фольклора народов Якутии. С 1912 г. являлся сотрудником журнала «Саха сангата» («Голос якута»), в котором опубликовал более 30 шедевров народного творчества якутов.

¹⁵ Ключевым произведением этой части сборника следует считать сказ «За Родину», который Ремизов в 1919 г. публиковал в различных провинциальных периодических изданиях, в частности в центральных белогвардейских фронтовых газетах Западной Сибири «Голос сибирской армии» (Екатеринбург), «Сибирские стрелки» (Пермь) и беспартийных общественно-политических изданиях «Уральский маяк» (Верхнеуральск), «Военные ведомости» (Новониколаевск).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пришвин М.М. Ранний дневник 1905–1913 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной; указат. имен Т.Н. Бедняковой. СПб. : ООО «Изд-во “Росток”». 2007. 800 с.
2. Письма В.Я. Шишкова А.М. Ремизову 1913, янв. 29 – 1917, авг. 31 // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 234. 29 л.
3. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 836 с.
4. Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
5. Шишков В.Я. Автобиография / сост. Н.Н. Яновский // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1987. С. 8–27.
6. Шишков В.Я. Письма Ремизову А.М. 1913, янв. 29 – 1917, авг. 31 // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 234. 29 л.
7. Шишков В. Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски в 1911 году // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск : Тип. Иркут. Т-ва Печатного Дела, 1914. Т. XLIII. С. 65–120.
8. Письма В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову / публ. Н.Н. Яновского // Енисей. 1974. № 6. С. 65–70.
9. Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. Музей истории Санкт-Петербурга / отв. ред. А.М. Грачева. СПб. : Хронограф, 1992. 63 с.
10. Крюкова А. А.М. Горький и А.М. Ремизов: (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 192–212.
11. Чем заняты наши писатели: [Анкета] // Вестник литературы. 1919. № 8. С. 4.
12. Писатели о себе: Алексей Михайлович Ремизов // Наш огонек. 1925. № 12. 21 марта. С. 15.
13. Котлянская Н. Алексей Ремизов. Париж : Изд. авт., [1959]. 333 с.
14. В. Т. <Тишин В.> Алексей Ремизов. Сибирский пряник: Большим и для малых ребят. Сказки. Изд. «Алконост». Стр. 43. Петр. 1919 // Книга и революция. 1920. № 5. С. 55.
15. М.С. <М. Слоним>. Последние книги А. Ремизова. А. Ремизов «Трава Мурава». Из-во Ефрон, Берлин. А. Ремизов «Чахчыгыс Таасу». Из-во «Скифы», Берлин. А. Ремизов «В поле блаkitном». Из-во «Огоньки», Берлин // Воля России. Еженедельник / под ред. Вл. Лебедева, М. Слонима и В. Сухомлина; изд. Е. Лазарев. Прага, 1922. № 20 (27 мая). С. 24.
16. Данилова И. Литературная сказка А.М. Ремизова: (1900–1920-е гг.) / University of Helsinki. Department of Modern Languages. Helsinki, 2010. 271 с. (Slavica Helsingiensia; 39).
17. Соловьёв Дмитрий К. «Как манегры порядок у себя завели». Автограф. Приложение: листок записей А.М. Ремизова с приписками Н.А. Черняевского. Б. д. // ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 269. 3 л.
18. Ремизов А.М. Переписка редакций и издательств «Аргус», «Лукоморье», «Народоправство» и др. в связи с изданием его произведений. 1913–1919 // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 24. 47 л.
19. Ремизов А.М. Собрание сочинений / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). М. : Рус. книга, 2000. Т. 2: Докука и балагурье / подгот. текста, послесл., коммент., прил. И.Ф. Даниловой. 720 с.
20. Лепп А. Карагасские сказки. Записи, сделанные им в Саянских горах. 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 268. 5 л.
21. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XVII, вып. 2. С. 133–230.
22. Рассадин В.И. О культе медведя у тофаларов // Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы». 2013. № 3. С. 88–94. URL: cyberleninka.ru/article/n/o-kulte-medvedya-u-tofalarov.pdf (дата обращения: 3.12.2017).
23. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем: отчет Саянской экспедиции Деп. зем., работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старш. спец. по промысловой охоте Д.К. Соловьёва. СПб. : Гос. изд-во, 1920 (Петроград: 26-я государственная типография). VI. 458 с.
24. Чукотская сказка / зап. И.П. Толмачевым // Живая старина / Отделение этнографии Русского географического общества. СПб., 1912 [1914]. Вып. 2–4. С. 495–502. (отд. Восточные сказки).
25. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб. : Изд-е Имп. Акад. Наук, 1900. 417 с. (Труды якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Отд. 3. Т. 11, ч. 3).
26. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М. : Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. 228 с. («Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
27. Никифоров А.И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления // Никифоров А.И. Сказка и сказочник. М., 2008. С. 319–365. (Серия: Нация и культура / Антропология / фольклор: Научное наследие).
28. Бурятские сказки и поверья. Иркутск, 1889. Т. 1, вып. 2. 160 с. (Записки Восточно-сибирского Отдела Императорского русского географического общества; по отделению этнографии).

29. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания). Вып. 3. Перевод и примечания. СПб., 1913–1914. 137 с. (Издания факультета восточных языков Имп. Санкт-Петербургского университета). № 42).
30. Ремизов А.М. Укрепя: Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг. : Лукоморье, 1916. 141 с.
31. Сербов Н. Алексей Ремизов. Укрепя. Изд. «Лукоморье». Петроград 1916 г. <Рец.> // Утро России. 1916. 27 февр. № 58. С. 5.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2018 г.

THE RECEPTION AND TRANSFORMATION OF FOLKLORE PLOTS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN THE TALES OF A. REMIZOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 19–28.

DOI: 10.17223/15617793/431/3

Ekaterina E. Vakhnenko, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: katy250579@mail.ru

Keywords: Alexey Remizov; mythological and folk plots; Siberian text.

The article discusses 11 fairy tales written by Alexey Remizov, which are the artistically transformed plots of Siberian indigenous peoples' folklore. The author offers comparative, immanent and textual analysis of the sources, determines the specificity of folk texts representation. Remizov's work with the Siberian fairy tale plots was determined by his interest to the social customs, mythology and ethnographic aspects of the life ways of peoples of Eastern Siberia, such as Manegrs, Karagasses, Tofalars, the Chukchi and Buryats. The specificity of the writer's processing of the legends and fairy tales stems from his special approach to folk plots, which became clear as early as 1903–1909, when he was paraphrasing Russian fairy tales in a literary manner. Remizov's specific method of work with "exotic" material was built upon the principle of transfer and interpolation of the unfamiliar cultural code to the Russian and European reader's mind. The writer reconstructed folk plots, preserving their national color, mythological and linguistic features, described everyday details, beliefs and superstitions of the indigenous people, while adapting their style, genre and content. As Remizov himself put it, he was "fitting someone else's legends to his own nationality" and translating someone else's terms into modern language. The Siberian text here is thought as local literature, full of mythological, ethnographic and cultural realia, and able to transfer the color of local life, the national consciousness and outlook of small East Siberian peoples. The value of the Siberian text lies in the preservation and transfer of these realia, the cultural code of indigenous peoples which is different from Russian mentality, traditions, lifestyle and history. Remizov's artistic transformation of the cultural traditions of the "Other" provides an opportunity to adapt these traditions to the understanding of the Russian reader, as well as the European one, who could imagine Siberia in the mid-20th century as a wild, cold and uncivilized country. The textual basis for comparing original plots with the ones transformed by Remizov is the manuscripts of Manegrian and Karagassian fairy tales, which were given to Remizov by the collectors of Siberian folklore D.K. Solovyev and A.G. Lepp, and are now stored in the Manuscript Department of the Russian National Library, as well as the original texts of Chukchi and Buryat fairy tales, published at the beginning of the 20th century. The author also uses the necessary factual material, which allows to demonstrate Remizov's interest in Siberia, and the history of the Siberian theme in his life and work, namely, Remizov's correspondence with his friends and collaborators V. Shishkov and G. Grebenshchikov in 1913–1914.

REFERENCES

- Prishvin, M.M. (2007) *Ranniy dnevnik 1905–1913* [The early diary of 1905–1913]. St. Petersburg: OOO "Izd-vo "Rostok".
- Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). Fund 256. List 3. Unit 234. 29 pp. *Pis'ma V.Ya. Shishkova A.M. Remizovu 1913, yanv. 29 – 1917, avg. 31* [Letters from V.Ya. Shishkov to A.M. Remizov of January 29, 1913 – August 31, 1917].
- Obatnina, E.R. & Vakhnenko, E.E. (eds) (2016) *Aleksey Mikhailovich Remizov: Bibliografiya (1902–2013)* [Alexey Mikhailovich Remizov: bibliography (1902–2013)]. St. Petersburg: Izd-vo "Pushkinskiy Dom".
- Obatnina, E.R. (2001) *Tsar' Asyka i ego poddannye. Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects. Monkeys' Great and Unrestricted Chamber by Remizov in faces and documents]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
- Shishkov, V.Ya. (1987) *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: Yanovskiy, N.N. *Vyacheslav Shishkov v vospominaniyakh sovremennikov* [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of his contemporaries]. Novosibirsk: Novosib. knizh. izd-vo.
- Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI). Fund 256. List 3. Unit 234. 29 pp. Shishkov, V.Ya. (1913) *Pis'ma Remizovu A.M. 1913, yanv. 29 – 1917, avg. 31* [Letters to Remizov A.M. of Jan. 29, 1913 – Aug. 31, 1917].
- Shishkov, V. (1914) *Pesni, sobrannye v seleniyakh Podkamenskoy i Preobrazhenskoy volostey Kirenskogo uезда Irkutskoy gubernii, raspolozhennykh po techeniyu reki Nizhney Tunguski v 1911 godu* [Songs collected in the villages of Podkamenskaya and Preobrazhenskaya volosts of the Kirensky district of Irkutsk Province, located along the Nizhnyaya Tunguska river in 1911]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. XLIII. pp. 65–120.
- Yanovskiy, N.N. (1974) *Pis'ma V.Ya. Shishkova k A.M. Remizovu* [Letters from V.Ya. Shishkov to A.M. Remizov]. *Enisey*. 6. pp. 65–70.
- Gracheva, A.M. (ed.) (1992) *Volshebnyy mir Aleksey Remizova. Katalog vystavki. Muzei istorii Sankt-Peterburga* [The magical world of Alexey Remizov. Exhibition catalog. Museum of the History of St. Petersburg]. St. Petersburg: Khronograf.
- Kryukova, A. (1987) *A.M. Gor'kiy i A.M. Remizov: (Perepiska i vokrug nee)* [A.M. Gorky and A.M. Remizov: (Correspondence and around it)]. *Voprosy literatury*. 8. pp. 192–212.
- Vestnik literatury*. (1919) *Chem zanyaty nashi pisateli: [Anketa]* [What our writers are busy with: [Questionnaire]]. *Vestnik literatury*. 8. pp. 4.
- Nash ogonek. (1925) *Pisateli o sebe: Aleksey Mikhailovich Remizov* [Writers about themselves: Alexey Mikhailovich Remizov]. *Nash ogonek*. 12. 21 March. pp. 15.
- Kodryanskaya, N. (1959) *Aleksey Remizov*. Paris: Author's ed. (In Russian).
- Tishin, V.T. (1920) *Aleksey Remizov. Sibirskiy pryantik: Bol'shim i dlya malykh rebyat. Skazki*. Izd. "Alkonost". Str. 43. Petr. 1919 [Alexey Remizov. Siberian gingerbread: For big and small children. Fairy tales. Publ. by "Alkonost". Page 43. Petrograd. 1919]. *Kniga i revolyutsiya*. 5. pp. 55.
- Slonim, M.S. (1922) *Poslednie knigi A. Remizova. A. Remizov "Trava Murava"*. Iz-vo Efron, Berlin. A. Remizov "Chakhchygys Taasu". Iz-vo "Skify", Berlin. A. Remizov "V pole blakitnom". Iz-vo "Ogon'ki", Berlin [The last books of A. Remizov. A. Remizov "The Claze Grass". Publ. by Efron, Berlin. A. Remizov "Chakhchygys Taasu". Publ. by Scythians, Berlin. A. Remizov "In the Blue Field". Publ. by Ogonyok, Berlin]. *Volya Rossii*. 20 (27 May). pp. 24.
- Danilova, I. (2010) *Literaturnaya skazka A.M. Remizova: (1900–1920-e gg.)* [The literary tale of A.M. Remizov: (1900s–1920s)]. Helsinki: University of Helsinki. Department of Modern Languages. (Slavica Helsinkiensia; 39).
- Manuscript Department of the Russian State Library (OR RNB). Fund 634. Unit 269. 3 pp. Solov'ev, D.K. (n.d.) *"Kak manegry poriyadok u sebya zaveli"*. *Avtograf. Prilozhenie: listok zapisey A.M. Remizova s pripiskami N.A. Chernyayevskogo* ["How the Manegres ordered their own place". Autograph. Appendix: A.M. Remizov's notes with N.A. Chernyayevsky's postscripts].

18. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRL). Fund 256. List 2. Unit 24. 47 pp. Remizov, A.M. (1913–1919) *Perepiska redaktsiy i izdatel'stv "Argus", "Lukomor'e", "Narodopravstvo" i dr. v svyazi s izdaniem ego proizvedeniy* [Correspondence of editorial offices and publishing houses "Argus", "Lukomor'e", "Narodopravstvo", etc. in connection with the publication of Remizov's works].
19. Remizov, A.M. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Rus. kniga.
20. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RNB). Fund 634. Unit 268. 5 pp. Lepp, A. (1917) *Karagasskie skazki. Zapisi, sdelannye im v Sayanskikh gorakh* [The Karagas fairy tales. Records made in the Sayan Mountains].
21. Katanov, N.F. (1891) Poezdka k karagasam v 1890 godu [Trip to the Karagas in 1890]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. XVII:2. pp. 133–230.
22. Rassadin, V.I. (2013) About the cult of bear among Tofalars. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 88–94. [Online] Available from: cyberleninka.ru/article/n/o-kulte-medvedya-u-tofalarov.pdf. (Accessed: 3.12.2017). (In Russian).
23. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (1920) *Sayanskiy promyslovo-okhotnichiy rayon i sobolinyy promysel v nem: otchet Sayanskoy ekspeditsii Dep. zem., rabotavshy v 1914–1916 gg. pod nachal'stvom starsh. spets. po promyslovy okhote D.K. Solov'eva* [The Sayan hunting area and sable hunting in it: the report of the Sayan expedition of the Land Department that worked in 1914–1916 under the command of the senior specialist for hunting D.K. Solovyov]. St. Petersburg: Gos. izd-vo.
24. Tolmachev, I.P. (1912 [1914]) Chukotskaya skazka [The Chukchi fairy tale]. *Zhivaya starina*. 2–4. pp. 495–502.
25. Bogoraz, V.G. (1900) *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Chukchi language and folklore, collected in the Kolyma District]. Pt. 1. St. Petersburg: Izd-e Imp. Akad. nauk.
26. Meletinskiy, E.M. (1979) *Paleoaziatskiy mifologicheskij epos. Tsikl vorona* [The Paleo-Asiatic mythological epic. The Crow's cycle]. Moscow: Gl. red. vostochnoy literatury izd-va "Nauka".
27. Nikiforov, A.I. (2008) *Skazka i skazochnik* [Fairy tale and storyteller]. Moscow: OGI. pp. 319–365.
28. Anon. (1889) *Buryatskie skazki i pover'ya* [Buryat fairy tales and beliefs]. Vol. 2. Is. 2. Irkutsk: [s.n.].
29. Rudnev, A.D. (1913–1914) *Khori-buryatskiy govor. (Opyt issledovaniya, teksty, perevod i primechaniya)* [The Khori-Buryat dialect. (Research experience, texts, translation and notes)]. Is. 3. St. Petersburg: Faculty of Oriental Languages, St. Petersburg University.
30. Remizov, A.M. (1916) *Ukrepa: Slovo k russkoy zemle o zemle rodnoy, taynostyakh zemnykh i sud'be* [Ukrepa: The word to the Russian land about the native land, the secrets of the land and destiny]. Petrograd: Lukomor'e.
31. Serbov, N. (1916) Aleksey Remizov. Ukrepa. Izd. "Lukomor'e". Petrograd 1916 g. <Rets> [Alexey Remizov. Ukrepa. Publ. by "Lukomor'e". Petrograd, 1916]. *Utro Rossii*. 27 Feb. 58. pp. 5.

Received: 14 March 2018

Д.В. Долгушин

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИОСОФСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Совместный конкурс РФФИ – Императорское Православное Палестинское Общество № 15-64-01001.

Предлагаемая статья является первым опытом систематического сравнительного исследования историософских взглядов В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева. Оба трактуют революцию не как общественно-политическую, а как метафизическую силу. Для спасения от нее Тютчев считал необходимым создание Греко-славянской империи, а Жуковский – осуществление «Иерусалимского проекта». Оба замысла генетически связаны с внешнеполитическими проектами Российской империи: один – с «греческим проектом», другой – со Священным Союзом.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; Ф.И. Тютчев; историософия; русский романтизм; Наполеон; Иерусалимский проект; греческий проект.

Жизненные и творческие пути В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева пересекались неоднократно, и эти пересечения уже становились предметом внимания исследователей [1, 2]. Довольно многочисленны работы, посвященные сравнению различных мотивов творчества этих русских поэтов (см., например: [3–8]), имеются и работы, посвященные общим темам их жизненной философии [9]. Цель настоящей статьи – сравнить историософские концепции Тютчева и Жуковского.

И тот и другой обратились к интенсивной историософской рефлексии почти в одно и то же время, в 1840-е гг., в сходных исторических и биографических обстоятельствах. Оба значительную часть своей жизни провели на Западе, где оказались особенно тесно связаны с немецкой культурой и чувствовали себя, по выражению Жуковского, «шпионами времени» [10. Т. 6. С. 510], наблюдателями эпохи, одновременно и отстраненными от европейских событий, и вовлеченными в них. Оба поэта в 1840-е гг. пытались оказывать влияние на формирование внешней политики Российской империи. Жуковский делал это, излагая свои мнения в письмах великим князьям Александру и Константину Николаевичам, Тютчев – в письмах А.Х. Бенкендорфу и аналитических записках Николаю I. И тот, и другой примеряли на себя роль посредника между русским правительством и немецкой прессой. Тютчев в 1844 г. с санкции А.Х. Бенкендорфа опубликовал в Мюнхене во «Всеобщей газете» («Allgemeine Zeitung») «Письмо русского» и брошюру «Россия и Германия»¹; Жуковский в 1849 г. в приложении к той же «Allgemeine Zeitung» с разрешения императора Николая Павловича, издал статью «Русская и английская политика».

Нужно сказать, что 1840-е гг. стали для Жуковского и Тютчева и временем личного сближения. Они были знакомы еще с 1817–1818 гг., когда юный Тютчев встречался с Жуковским в Москве. Встречались они и в Мюнхене во время поездки Жуковского на лечение за границу в 1827 г. Но эти мимолетные встречи переросли в более-менее близкие отношения только в 1838 г., в драматических для Тютчева жизненных обстоятельствах. 27 мая 1838 г. в Турине

умерла его жена Элеонора, смерть которой он пережил крайне горестно, посев за одну ночь, проведенную у ее гроба. В эту «самую горькую, самую нестерпимую минуту» [11. Т. 4. С. 113] жизни Тютчев искал встречи с Жуковским, в то время путешествовавшим в свите наследника престола по Италии, надеясь получить от свидания с ним «некое облегчение» [Там же]. В то время он открыл для себя трагическую мудрость строк, услышанных им от Жуковского еще в детстве: «в жизни много прекрасного и кроме счастья» [Там же]². В течение пятнадцати дней пребывания Тютчева в Комо и Милане осенью 1838 г. поэты виделись не менее восьми раз [14. С. 476], затем встретились в других городах Италии. На Жуковского Тютчев произвел тогда сильное впечатление. «Я прежде знал его ребенком, а теперь полюбил созревшим человеком, – писал Жуковской тетке Тютчева Н.Н. Шереметевой. – <...> Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу» [Там же].

В июле – августе 1847 г. Тютчев и Жуковский вместе проводили время в Эмсе и во Франкфурте-на-Майне, «с утра до вечера болтая о всевозможных вещах» [11. Т. 4. С. 432], в частности, обсуждая сделанный Жуковским перевод первых двенадцати песен «Одиссеи»³. Между тем вскоре на первый план и для того и для другого поэта вышли впечатления совсем не литературные. Спустя несколько месяцев после их эмских встреч в Европе разразилась революция 1848 г. Оба поэта посвятили многие страницы своих статей и писем историософской интерпретации революционных событий⁴. Начнем разговор об этом с Тютчева.

Как известно, под Революцией (именно так, с большой буквы он пишет это слово) Тютчев понимал не просто политическое движение, добывающееся социальных преобразований, не «волнения, восстания, баррикады, смену правительств или новые конституции» [15. С. 22], а особое мировоззрение, особую духовную силу – антихристианскую по своей сущности. «Революция же прежде всего – враг христианства»⁵. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство» [11. Т. 3. С. 144]. В противоположность христианскому

«смирению и самоотвержению», Революция основана на «гордости и превозношении», на убеждении в том, что «всякая власть исходит от человека, а всякий авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман. Одним словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова» [11. Т. 3. С. 180].

Тютчев был полон катастрофических предчувствий. Ему казалось, что он живет на сломе эпох, когда Европа делается похожей на готовую к разрушению храмину, на стене которой уже проступают роковые письмена: *мене, текел, перес*. «Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 г., римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...» [Там же. С. 157].

Жуковский пишет о революции почти в тех же терминах, что и Тютчев. И для него революция – это не столько социально-политическая, сколько нравственная, вернее – безнравственная, реальность, проявление антихристианского буйства и своеволия: «...та революция, которая бесится перед глазами нашими, есть не иное что, как отвратительное детище эгоизма» [10. Т. 6. С. 588], «дерзкое неприятие участия Всевышней Власти в делах человеческих» [16. С. 116], «нестройное зло буйством человеческим произведенное». «Всё бунтует – и бунтует не против злоупотребления власти, а против самой ее сущности, против узды, налагаемой ей на разврат воли, на безумие страстей, на безверие; хотят не изменения и не преобразования, а просто уничтожения всякой границы» [17. С. 430].

Подобный подход к пониманию революции как силы антихристианской *rag excellence* сказался на образной системе стихотворений «К русскому великану» и «Море и утес» – этого поэтического диптиха Жуковского и Тютчева. Стихотворение «К русскому великану» было написано Жуковским летом 1848 г. и тогда же переслано в Россию П.А. Вяземскому для публикации. Вяземский прочитал его П.А. Плетневу и Ф.И. Тютчеву (жившему тогда уже в Петербурге), и Тютчев в дополнение к стихотворению написал свое – «Море и утес». То, что оно написано в *pendant* к тексту Жуковского, Тютчев не только не скрывал, но и подчеркивал, опубликовав последнюю строфу «Моря и утеса» в «Русском инвалиде» сразу вслед за стихотворением «К русскому великану» (см.: [18. С. 734–735]).

Система образов обоих стихотворений основывается на одной и той же аллегории: волны разбушевавшейся водной стихии, под которой понимается революция, оказываются не в силах сокрушить утес или великана. Обычно в великане из стихотворения Жуковского видят аллегорию России и самодержавия. Т. Гузаиров выдвигает аргументированное предположение о том, что под ним следует понимать И.Ф. Паскевича – командующего русской армией, прикрывавшей западные границы империи (см.: [19. С. 97]). Однако если присмотреться к этому образу внимательнее,

то обнаружатся не очень согласующиеся с такой трактовкой черты. Жуковский обращает к великану следующие слова:

Ты же, бездны господин,
Мощный первенец творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступен, тих, один;
Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их гранит твой разразит,
На тебя нападших, в брызги!

К русскому великану, 1848 [18. С. 335].

Вряд ли Россию или, тем более, И.Ф. Паскевича можно назвать «первенцем творенья». Что означает это выражение? Оно встречалось в русской поэтической речи и раньше. И первым его употребил, кажется, именно Тютчев – в своем переводе шиллеровской «Оды к радости»:

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославления,
Предаем тебе сердца!

Песнь радости (из Шиллера), 1824 [11. Т. 1. С. 40].

Затем его использовал в «Демоне» М.Ю. Лермонтов. Жуковскому наверняка были известны оба этих текста, но в 1840-е гг. для него был более важен библейский контекст. В Библии интересующее нас выражение встречается в 15-м стихе первой главы Послания к Колоссянам, где Иисус Христос именуется «*πρωτότοκος πάσης κτίσεως*» («*πρωτότοκος*» («первенец») в соответствии с библейской символикой здесь следует понимать не в смысле последовательности рождения, а в смысле главенства и власти, которые были связаны в Ветхом Завете с правами первородства).

Этот стих мог привлечь внимание Жуковского в связи с его работой над статьей «Две сцены из “Фауста”» летом 1848 г., т.е. в тот же период, когда он писал стихотворение «К русскому великану». В таком случае можно предположить, что в образе великана имеются христологические черты, и аллегорию, предложенную Жуковским, следует понимать как изображение революции, неистово, но бессильно ополчающейся на Христа, что вполне согласуется с приведенной выше концепцией революции как антихристианской силы⁶.

Следует только сделать оговорку, что христологические черты в образе великана не являются преобладающими. Скорее, они сохранились как часть первоначального замысла, от которого Жуковский отказался в ходе работы над текстом стихотворения. По замечанию Ф.З. Кануновой [18. С. 733], авторская правка, сохранившаяся в черновике, свидетельствует, что доработка текста была направлена на придание стихотворению «национального смысла», на что красноречиво указывает и смена названия – первоначальное «К великану» было изменено на «К русскому великану». Тем интереснее, что немногие сохранившиеся в стихотворении христологические мотивы оказались замечены и усилены Тютчевым, который акцентирует именно религиозное интонирование образов Жуковского.

Эта чувствуется уже в первой строфе «Моря и утеса», где Тютчев вслед за Жуковским описывает бунтующую воду-революцию как стихию откровенно инфермальную:

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет –
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...

Море и утес, 1848 [11. Т. 1. С. 197].

Эти стихи отсылают к знаменитому месту из книги пророка Исайи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горé в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12–15)⁷. Приведенные слова (по буквальному смыслу библейского повествования обращенные к вавилонскому царю) в христианской экзегезе еще со времен Тертуллиана принято толковать как указание на падение дьявола, пытавшегося «допрыгнуть до звезд» – вознестись выше Бога, но ниспавшего в преисподнюю.

Во второй половине первой строфы тема инферальной природы бунта становится еще более явной:

Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Море и утес, 1848 [Там же].

Появляющийся во второй строфе образ утеса (соответствующий образу великана у Жуковского) также может быть соотнесен с библейским, христологическим, контекстом. «Неподвижный, неизменный, / Мирозданию современный» [Там же], утес несокрушимо стоит под натиском волн, отступающих перед его спокойной силой:

Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Море и утес, 1848 [Там же].

В Евангелии от Луки Христос называет Себя «камнем, который отвергли строители» и который «сделался главою угла»: «...всякий, кто упадет на тот камень, разобьется» (Лк. 20, 17–18). Так и волны в стихотворении Тютчева разбиваются о несокрушимый камень-утес.

Еще более прямая аллюзия на библейский контекст обнаруживается в последней строфе:

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой –
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она –
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

Море и утес, 1848 [Там же].

Фигурирующий здесь образ «пяты» отсылает к знаменитому «первоевангелию» – пророчеству, содержащемуся в 3-й главе книги Бытия, о том, что змей, соблазнивший Адама и Еву (т.е. дьявол), будет побежден и раздавлен одним из их потомков: «И сказал Господь Бог змею: <...> вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3, 14–15). Эти слова экзегеты традиционно толковали как пророчество о Христе, победившем власть греха и смерти. В стихотворении Тютчева утес тоже оказывается победителем: несмотря на то что волны пытаются «воевать с его пятой», он укрощает их.

Таким образом, можно сказать, что стихотворение Тютчева – это поэтическое толкование стихотворения Жуковского, и толкование именно религиозно-философское, акцентирующее мотив противоборства между христианством и революцией как двумя метафизическими силами. Но вернемся к прозаическим текстам наших поэтов.

Еще в 1833 г. в письме вел. кн. Александру Николаевичу из Швейцарии Жуковский утверждал, что мощь христианства состоит в непрерывной постепенности его воздействия на человечество: «...истекающая из него образованность медленным, но постоянным своим действием все приводит в равновесие» [10. Т. 5. С. 476]. Именно в этом «тихом ходе благотворящей правды» заключается суть прогресса, цель которого – восхождение народа «в определенное свыше для него человеческое и гражданское достоинство» [21. С. 51]. Усовершенствование жизни происходит последовательно и неторопливо. Прошлое, настоящее и будущее соединены цепью традиции, из которой нельзя изъять ни одного звена. Будущее непрерывно рождается в каждой минуте настоящего, разрыв континуума губителен, разрушение настоящего всегда приводит к разрушению будущего. «Движение тихое есть *порядок* и *благоденствие*, движение насильственное есть *революция*; а всякая революция губит *настоящее* в пользу *будущего*, которого никогда не бывает таким, каким хотят создать его разрушители настоящего» [Там же. С. 40].

По мнению Жуковского, опасность революции в том, что революция – это всегда разрыв и прерыв, нарушения преемства. Противоположным революции началом являются предание, традиция. Тютчев придерживается такого же мнения, однако осмысляет проблему традиции на более широком, чем Жуковский, историческом материале.

Он исходит из того, что традиция выражается в двух устоях европейской цивилизации – в Церкви и Империи, которые неразрывно связаны друг с другом: «...нельзя отрицать христианскую Империю без отрицания христианской Церкви. <...> В обоих случаях происходит отрицание *традиции*»⁸ [22. С. 94].

Тютчев считал Империю неизменной, вечной реальностью мировой истории, ее политической константой. В этом он следовал известному учению о том, что ход исторических событий определяется сменой всемирных монархий: Ассирии, Персии, Македонии, Рима, последовательно передающих друг другу вселенскую власть. Учение это опирается на

экзегезу 2-й и 7-й глав книги пророка Даниила⁹. В христианском богословии оно встречается впервые у св. Ипполита Римского, затем – у Евсевия Кесарийского, св. Иоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина и др. С IX–XI вв. теория «переноса Империи» («*translatio imperii*») распространилась на Западе¹⁰.

Тютчев развивает один из вариантов этой теории. «L'Empire ne meurt pas. Il se transmet» [11. Т. 3. С. 90]¹¹, – пишет он. «Вселенская Монархия – это Империя. Империя же никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки» [Там же. С. 198]. После обращения ко Христу императора Константина Великого, считает Тютчев, началась следующая после Римской «Пятая Империя», «Империя Христианская». Судьбы ее неразрывно связаны с Церковью, которая, «освятив Империю, присоединила ее к себе» [Там же]¹². Тютчев называет Христианскую Империю «последней и окончательной», считает, что она сохранится до конца мировой истории, а если же погибнет, то погибнет и земной мир. Законная власть в ней наследуется в чреде преемников Константина Великого – византийских императоров, а потом и русских самодержцев (очевидно, моментом преемственности Тютчев считал брак Ивана III с Софией Палеолог, а также принятие московскими князьями герба Палеологов и царского титула).

Запад неоднократно пытался узурпировать, «перехватить», «похитить» Империю. Первая такая попытка самовольной имперской реставрации была предпринята Карлом Великим, затем – Оттоном Великим, Карлом V, Людовиком XIV и, наконец, Наполеоном. Но созданные ими государства были лишь слабыми подражаниями, бессильными пародиями на истинную Империю – «самообманом и мистификацией» [Там же. Т. 4. С. 348]. Они не могли бы сопротивляться Революции, ибо в самих себе несли ее яд – своеволие, так как не были легитимными и не принадлежали *традиции*, «преемственно связанной с наследием Константина» [Там же. Т. 3. С. 196].

Особенно показательна в этом отношении империя Наполеона. Наполеон, казалось, победил Революцию, де-факто водворив монархию во Франции. Он провозгласил себя императором французов. Но его империя нелегитимна, своевольна, а потому бессильна в самом своем основании. «История его коронавания – это символ всей его истории» [Там же. С. 197], – считает Тютчев, имея в виду эпизод, когда во время коронации Наполеон вырвал корону из рук Римского папы и сам возложил ее себе на голову. Уже одним фактом самопровозглашения и узурпации власти Наполеон нес в себе родовое проклятие своей матери – революции¹³, ее «гордости и превозношения» и потому оказывался заранее обречен на поражение от нее:

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

Наполеон, ч. I, 1850 [Там же. Т. 1. С. 219].

Столкновение между Наполеоном как олицетворением революционного своеволия и Россией как легитимной христианской империей было неизбежным.

Тютчев писал: «Поразительно, личный враг Наполеона – Англия. И тем не менее, <разбился-то> он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией» [11. Т. 3. С. 197]. И борьба эта завершилась падением Наполеона:

Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, –
Но о подводный веры камень
В щепы разбился углый челн¹⁴.

Наполеон, ч. II, 1848 [Там же. Т. 1. С. 219].

Образ «камня веры», о который разбивается Наполеон, напоминает не только о «неизменном камне» из стихотворения «Море и утес» с его аллюзиями на Лк. 20, 17–18, но и российскую политическую риторику 1812–1815 гг., в частности манифесты Александра Первого, написанные А.С. Шишковым. Натиск Наполеона в них уподоблялся свирепым волнам, а народные твердость и вера – камню, эти волны сокрушающему. Так, в манифесте от 5 февраля 1813 г. Шишков вкладывает в уста императора следующее обращение к русским войскам: «Вы мужеством и храбростию своею показали свету, что где Бог и вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеские силы подобны были волнам Океяна, но все они о крепость их, как о твердую непоколебимую гору, рассыплются и сокрушатся: из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели» [25. С. 79]. В «Известии о сражении, происшедшем под Лейпцигом октября 4 и 5 числа 1813 года» Шишков уже от своего лица писал: «...в прошедшем году видели мы, русские, обширную страну нашу бесчисленными неприятельскими силами наводненную. Казалось, свирепое море сие горами волн своих покроеет и поглотит нас. Кто мог поставить им оплот? сомнительна была надежда и трудно спасение. Мы стояли на краю гибели и с нами гнила вся Европа. Но крепок и силен человек упованием на Бога. Не проходит четырех месяцев, как грозные волны сии, сокрушась о камень твердости народной, и попираемые сильною грудью войск наших, с таким ужасом текут назад, с какою лютою к нам стремились; текут, одна другую давит, и все погибают» [25. С. 181].

Эти тексты, конечно, вряд ли были известны Тютчеву, который в 1812 г. был совсем ребенком, но они были наверняка памятны Жуковскому, непосредственному свидетелю и участнику эпохи наполеоновских войн, и могли оказать влияние на систему образов стихотворения «К русскому великану». Вообще, для Жуковского в 1840-е гг. наполеоновская тема чрезвычайно важна. В его религиозно-философской и политической прозе этого времени Наполеон «выступает символом великого нарушения вечных законов бытия, за которое десятилетиями расплачиваются его потомки. С точки зрения Жуковского, именно первая французская революция и «завоевательный деспотизм Наполеона» пробудили самоубийственный деспотизм народного самодержавия», узаконили «дух буйства» и поколебали самое «основание гражданского порядка» – религию, уважение власти, покорность долгу, публичную и част-

ную правду» [26. С. 343]: Наполеон вызвал дух мятежа из мрачных подземелий истории, освободив его от оков, наложенных на него христианством, – и кто теперь сможет укротить этого дикого зверя народного помешательства, который крамолой и бунтом мечется по дрожащей от страха Европе? Россия некогда стала таким змеборцем, в 1812 г. она смогла хотя бы на краткое время загнать дракона своеволия и революции обратно в логово. В 1830 г. он вновь показал свой оскал, а теперь, в 1848 г., хищник опять на свободе!

По мнению Тютчева, кроме Империи Революции могла бы противостоять Церковь. Но и она на Западе оказалась отравлена Революцией изнутри. Римская Церковь, считал Тютчев, ослабила себя еще в Средние века, когда пошла по пути властолюбивых притязаний на политическое господство, превратившись из «общества верующих, свободно соединившихся в духе и истине под Христовым законом», в «политическое учреждение, политическую силу, Государство в Государстве», в «римскую колонию, устроенную на завоеванной земле» [11. Т. 3. С. 163]. «Исказив христианство» [Там же. С. 131], Папство породило Реформацию, а Реформация есть не что иное, как открытое явление Революции в церковной сфере, Григорий VII и Лютер – не кто иные, как «славные учителя» [Там же. С. 162] Революции.

Ни Церковь, ни Империя в Европе не могут справиться с Революцией, поскольку сами заражены ее ядом, полагал Тютчев. Разрушительное революционное начало проникло, так сказать, во все поры европейской цивилизации. Оно накапливалось на протяжении веков. Теперь, в XIX в., наступает развязка.

По мысли Тютчева, спасти христианский мир может только Россия. Она – легитимная наследница законной Империи, хранительница Вселенского Православия. Только Россия в силах противостоять всеразрушающей революционной смуте. Но исход ее противостояния Революции неизвестен, так как Россия пока еще не вступила в права «византийского наследства», пока еще не осуществила своего исторического призвания. Современная Россия – это только эскиз, набросок «Восточной Империи», которой она призвана стать в своем «окончательном виде» [Там же. С. 196]. Для того чтобы это осуществилось, необходима реализация политического проекта – присоединение к России Греции, Константинополя, а также славянских земель, находящихся под властью австрийцев и турок.

Если это произойдет, осуществляются «два великих провиденциальных факта», которые закончат «на Западе революционное междуцарствие трех последних веков» и положат «начало в Европе новой эре»:

«Вот эти два факта:

1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока – одним словом, России ближайшего будущего, – осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя;

2) объединение Восточной и Западной Церквей.

Эти два факта, по правде говоря, составляют лишь один, который вкратце можно изложить так:

Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима.

Православный Папа в Риме, подданный Императора» [11. Т. 3. С. 201].

Тогда Россия станет Империей трех столиц и семи морей. В стихотворении «Русская география» (1848–1849) Тютчев пишет:

Москва и град Петров, и Константинов Град –
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?...
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат; от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек

[Там же. Т. 1. С. 200].

Фактически, Тютчев ратует за реализацию задуманного еще при Екатерине II «греческого проекта» – геополитического замысла, предполагавшего раздел Османской империи и возрождение Византии («Греческой монархии») со столицей в Константинополе (на византийский престол Екатерина прочила своего внука Константина, специально получившего имя в честь Константина Великого). В последующем этот проект в своем исходном виде не осуществился, но на протяжении десятилетий продолжал владеть умами многих, в том числе и Тютчева. Впрочем, Тютчев был более радикален, чем авторы «греческого проекта». Если «греческий проект» предполагал создание хоть и покровительствуемой Россией, но все же самостоятельной «Греческой монархии», то Тютчев вел речь о единой империи, в которую должны были войти не только греческие и славянские земли, но даже Италия с Римом и в которой осуществится соединение церквей. В возникновении такого государства Тютчев видел единственный выход для Европы, загнанной в тупик Революцией.

Жуковский о подобных замыслах Тютчева, скорее всего, не знал (они содержатся, главным образом, в трактате «Россия и Запад», который так и не был дописан Тютчевым), но если бы узнал, то, без сомнения, был бы резко против.

Мечта о возрождении Византии, которая так влекла Тютчева, у Жуковского вызывает полное отторжение. В письме вел. кн. Константину Николаевичу от 21 октября (2 ноября) 1845 г. Жуковский с некоторым ужасом восклицает: «Нет, избави Бог нас от превращения Русского царства в империю Византийскую»¹⁵ [21. С. 50]. По мнению Жуковского, Константинополь России не нужен: «...не брать и никому не давать Константинополя, этого для нас довольно. Нет, Россия для ее блага, для ее истинного величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, национальное развитие» [21. С. 50]. Дальнейшее территориальное расширение для России губительно, все необходимые территориальные приобретения она уже сделала. «Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь

уже есть для нее бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться!» [Там же. С. 51].

Таким образом, Жуковский, в прямую противоположность Тютчеву, не только не призывает к присоединению новых земель, но и настойчиво предостерегает от этого. Однако сходство с Тютчевым все же есть – оно заключается в том, что лекарство от революции, Жуковский, как и Тютчев, видит в реализации определенной геополитической комбинации – а именно придуманного им «Иерусалимского проекта»¹⁶.

Этот проект Жуковский изложил в письмах вел. кн. Константину Николаевичу и вел. кн. Александру Николаевичу 1849–1850 гг. Основная мысль его состоит в том, чтобы Николай I, воспользовавшись подходящим моментом (в 1848 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, и турки смирились с этим), предложил султану передать Иерусалим под управление христианских государств Европы. Султан не мог бы отказаться от выполнения этого требования, европейские государи не решились бы его дезавуировать, и Святой Град бескровно и мирно вернулся бы под власть христиан – причем не под власть какой-либо одной христианской страны, но под власть всего христианского мира, а вернее – под власть Самого Христа. «Святой Гроб Спасителя и святой град, его в себе заключающий, должны принадлежать не России, не Англии, не Франции и пр. с одной стороны, и не туркам с другой: – они должны принадлежать Богу Спасителю. Христианские державы должны благоговейно принять их под свою общую защиту» [Там же. С. 81–82].

Последствия этого были бы неисчислимы – и для нравственного преобразования Европы, и для установления прочного мира, и для излечения Запада от революционного яда. После осуществления «Иерусалимского проекта», считает Жуковский, начнется новая эра. Распахнуть дверь в эту новую эпоху должна именно Россия, в отличие от Европы сохранившая в неповрежденности два спасительных принципа – христианскую веру и самодержавие. Мы позволим себе привести обширную цитату из письма Жуковского вел. кн. Константину Николаевичу, в которой суть «Иерусалимского проекта» и мечта о новой эпохе излагаются в точных словах и запоминающихся образах. Тщательная выветренность этого текста свидетельствует о том, что Жуковский рассчитывал на буквальную реализацию своих замыслов во внешней политике России и, вероятно, предполагал, что его письмо будет прочитано не только Константином Николаевичем, но и его отцом, императором Николаем I:

«Такое великое дело должно принадлежать России! Она, она должна внести такое событие в летопись человечества; она – законная наследница первобытного Христианства. И с совершением такого дела начнется новый период ее всемирного призвания. Это призвание есть восстановление Церкви в ее первобытной чистоте и святости, восстановление не мечом, не притеснением, не ужасами нетерпимости, а великим примером чистой, самоотверженной, вселюбящей Веры. И действие на современный мир такого события было бы несказанное – не политическое, а чисто нравственное. Политика в наше время сбилась с пути от разрушительных доктрин, которыми все основные

понятия, составляющие прочность и условие общественного порядка, опрокинуты. Никакая нравственная сила не восстановит разрушенного. Материальная сила пушек сладила с бунтом; но этот бунт есть только симптом, есть проявление той болезни, которою страдает политическое тело и которая должна наконец сделаться неизлечимою и смертельною. Пушки – один только паллятив. Они могут восстановить на время порядок, но они его не установят. Для этого нужно радикальное лекарство нравственности и веры. В какой аптеке можно составить это лекарство? Все теперь существующие аптеки употребляют яд для своих микстур; да если бы и удалось составить лекарство спасительное, то трудно будет принудить больного его выпить: он чахнет от безверия и безнравственности (известно, что все чахотные не думают, чтобы их болезнь была опасна). Происшествие, в котором бы выразилось вдруг, перед глазами народов, благоговение к отвергнутой ими святыне и выразилось бы в действиях представителей власти верховной, произвело бы конечно целительное действие на души, страдаемые недугом, их изнуряющим. Это тем более вероятно, что теперь произошел уже перелом болезни: везде заметно тревожное чувство, похожее на тоску по отсутствующей святыне, ощущение утраты, желание возратить утраченное. Но это чувство темное. Сердца в окаменении. Надобно каким-нибудь сильным ударом выбить из этого камня искры веры, и ни в чьей руке огниво для произведения такого удара не будет так действительно, как в чистой и могучей руке Царя Русского» [21. С. 83–84].

Таким образом, Жуковский сходится с Тютчевым в диагнозе, который он ставит современному положению вещей (революция – антихристианская сила, Европа охвачена ей; Россия же может ей сопротивляться, поскольку является носителем двух способных противостоять революционному натиску начал – неповрежденной христианской веры и непоколебленного самодержавия; Россия должна спасти Европу от революции), однако резко расходится с ним в выборе методов лечения.

Фактически Жуковский, в противоположность Тютчеву, является сторонником не «греческого проекта», а другого, соперничавшего с ним, концептуального проекта российской внешней политики XIX в. – Священного Союза, но не в той циничной легитимистской интерпретации, которую дал Священному Союзу Миттерних, превративший Священный Союз в орудие борьбы с народными движениями, а в его изначальном религиозно-мистическом замысле, которым вдохновлялся Александр I, видевший в Священном Союзе братский альянс христианских монархов, решившихся водворить в Европе христианское царство и воцарить в ней Самого Христа, незримо присутствующего в их совете. Эта утопия Александра не осуществилась. Жуковский пытался возродить ее, правда в несколько урезанном виде: если не удалось воцарить Христа в Европе, то пусть хотя бы Иерусалим станет пристанищем чаемого христианского царства, единения народов и всеобщего мира, отблеском неба на земле.

Соотнесенность историософии Тютчева и Жуковского с указанными выше традициями внешней политики объясняет публицистическую активность того и другого в 1840-е гг. Николай I в 1820–1830-е гг. пытался балансировать между следованием принципам

Священного Союза и принципам «греческого проекта», и долгое время «это ему удавалось» [28. С. 48]. Но в 1840-е гг. обстоятельства привели к тому, что необходимо было делать выбор. И Жуковский, и Тютчев хотели на этот выбор повлиять.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. «Записку», в которой Тютчев предлагал императору Николаю I свои услуги в качестве организатора «русской печати» за границей [11. Т. 3. С. 68].
- ² Это изречение (подробнее о нем см.: [12. С. 593]; см. также: [2, 13]) и вообще свое детское общение с Жуковским Тютчев воспринимал как своего рода эпиграф к своей жизни. Хотя его встречи с Жуковским были довольно редки, внутренне он придавал им огромное значение. Показательно, что на смерть Жуковского Тютчев откликнулся тремя стихотворениями, последнее из которых было написано им уже на смертном одре в полупарализованном состоянии, за три месяца до его собственной кончины.
- ³ Благодаря этим разговорам Тютчев, по его собственному выражению, «вновь обрел давно уже уснувшую <...> способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению» [11. Т. 4. С. 432].
- ⁴ Для Тютчева – это статьи «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», трактат «Россия и Запад», для Жуковского – статьи «Что будет?», «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «О происшествиях 1848 г. Письмо к графу Шку». Особенно важна переписка В.А. Жуковского с великими князьями Александром Николаевичем и Константином Николаевичем 1830–1840-х гг.
- ⁵ «La Révolution est avant tout anti-chrétienne» [11. Т. 3. С. 42].
- ⁶ Более подробный анализ этого образа из стихотворения Жуковского сделан мною в статье «На кратере вулкана: В.А. Жуковский и революция 1848 г.» в журнале «Studi Slavistici» (в печати).
- ⁷ Цитируем в синодальном переводе, не существовавшем в 1840-х гг. Тютчев, скорее всего, читал Библию на французском или немецком (на этих языках он чаще всего говорил в быту), но, может быть, и на церковнославянском языке, который с детства был столь же привычен Тютчеву, как и французский. В семействе его родителей, по свидетельству И.С. Аксакова, «почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собою, как в ту пору, так и потом, в течение жизни, велась не иначе как по-французски. Это господство французской речи не исключало однако у Екатерины Львовны (матери Ф.И. Тютчева. – Д.Д.) приверженность русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтирей, часословов, молитвенников у себя, в спальней, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта» [20. С. 10].
- ⁸ «On ne peut nier l'Empire chrétien sans nier l'Eglise chrétienne. <...> Dans les deux cas c'est nier la tradition» [11. Т. 3. С. 93].
- ⁹ Толкование пророком Даниилом сна Навуходоносора об истукане, голова которого золотая, грудь и руки – серебряные, чрево и бедра – медные, ноги – отчасти железные, отчасти глиняные (Дан. 2, 27–45), и описание видения Даниила о четырех зверях, вышедших их моря (Дан. 7, 1–28).
- ¹⁰ См. обзор различных позднеантичных и средневековых вариантов теории мировых монархий в сравнении с историософией Тютчева в книге Н.В. Синецкой [23. С. 16–21].
- ¹¹ «Империя бессмертна. Она передается» [11. Т. 3. С. 195].
- ¹² «L'Eglise, en consacrant l'Empire, se l'est associé» [11. Т. 3. С. 93].
- ¹³ Мысль о том, что Наполеон был сыном революции, сражавшимся со своей матерью, Тютчев заимствовал, скорее всего, из «Замогильных записок» Ф. Шатобриана (см.: [24]).
- ¹⁴ Заметим, что по наблюдению А.Л. Осповата и О. Ронена, эти строки были написаны, скорее всего, «почти одновременно» с «Морем и утесом» (см.: [7]).
- ¹⁵ Если бы Петр I «овладел на Босфоре великолепным Царьградом» и перенес столицу не в Петербург, а туда, то «русские цари исчезли бы для России за стенами султанского сераля, вновь обращенного во дворец Византийских властителей» [21. С. 50].
- ¹⁶ Термин введен Т. Гузаировым (см.: [19. С. 103–113]). Об Иерусалимском проекте см. также: [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина В.Н. Ф.И. Тютчев и В.А. Жуковский: (По письмам и дневникам) // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – нач. XX в. : межвуз. сб. науч. тр. М.: МПГУ, 1994. С. 3–19.
2. Осповат А.Л. Жуковский в биографии Тютчева // Четвертые Тынъяновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига : Зинатне, 1988. С. 15–16.
3. Абузова Н.А. «Суточный цикл» в русской поэзии: вечер – ночь (Жуковский, Тютчев) // Культура и текст – 2005 : сб. науч. тр. междунар. конф. Т. 1. Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2005. С. 122–131.
4. Берневега С.И. Лексические повторы в русской лирической поэзии XIX в. (В. Жуковский, Ф. Тютчев, Я. Полонский, А. Фет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 20 с.
5. Шапурина А. Натурфилософская лирика Ф.И. Тютчева в контексте поэтической эпохи 1820–1830-х гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина 2014. № 3. С. 84–95.
6. Канунова Ф.З. «К русскому великану» Жуковского и «Море и утес» Тютчева: (Об общественной и историко-культурной концепции поэтов) // Время и текст: историко-литературный сборник / науч. ред. Н.В. Серебrennikov. СПб. : Академический проект, 2002. С. 220–228.
7. Осповат А.Л., Ронен О. Камень веры (Тютчев, Гоголь и Мандельштам) // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 48–55.
8. Янушкевич А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время : [сб. ст.]. Томск : Изд-во ТГУ, 2007. С. 133–161.
9. Янушкевич А.С. Философия счастья в творчестве В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев: Грани поэтического мира : сб. статей / под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. С. 117–146.
10. Жуковский В. Сочинения. 8-е изд. / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1885.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. / редкол.: Н.Н. Скотов (гл. ред.), Л.В. Гладкова, Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, В.Н. Касаткина, В.Н. Кузин, Л.Н. Кузина, Ф.Ф. Кузнецов, Б.Н. Тарасов. М. : Издательский центр «Классика», 2002–2005.
12. Осповат А.Л. К источникам пушкинской темы милость – правосудие («восточная повесть» Ф.В. Булгарина) // ПОЛУТРОПОН: к 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М. : Индрик, 1998. С. 591–595.

13. Лейбов Р. Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 31–47.
14. Жуковский В.А. Полное собрание стихотворений и писем. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1834–1847 / под ред. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
15. Тарасов Б.Н. Историсофия Ф.И. Тютчева в современном контексте. М. : Наука, 2006. 159 с.
16. Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Творческая история статьи В.В. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 109–124.
17. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем / гл. ред. А.С. Янушкевич. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.
18. Жуковский В.А. Полное собрание стихотворений и писем. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. под ред. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М. : Языки русской культуры, 2000. 839 с.
19. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 с.
20. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 г. М. : АО «Книга и бизнес», 1997. 327 с.
21. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу 1840–1851. М., 1867. 93 с.
22. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / под ред. Б.Н. Тарасова. М. : Культурная революция; Республика, 2007. 574 с.
23. Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 414 с.
24. Мильчина В. Об источниках цикла «Наполеон» // Тютчевский сборник / под ред. Л.Н. Киселевой и др. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Вып. 2. С. 111–114.
25. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. 300 с.
26. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. 403 с.
27. Айзикова И.А. К проблеме контекста иерусалимского проекта В.А. Жуковского (по материалам политической публицистики и религиозно-философской прозы 1840-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 95–112.
28. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. 570 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2018 г.

RUSSIA AND THE REVOLUTION IN THE HISTORIOSOPHICAL INTERPRETATION OF V.A. ZHUKOVSKY AND F.I. TYUTCHEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 29–37.

DOI: 10.17223/15617793/431/4

Dmitry V. Dolgushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; F.I. Tyutchev; historical philosophy; Russian Romanticism; Napoleon; Jerusalem Project; Greek Project.

This article is the first attempt to start a systematic comparative study of the historiosophical views of the two Russian poets and thinkers – V.A. Zhukovsky and F.I. Tyutchev. This study bases on the journalistic texts, the correspondence of Zhukovsky with Grand Duke Alexander Nikolayevich and Konstantin Nikolaevich, as well as Zhukovsky’s and Tyutchev’s poems of the 1840s. The diversity of the source base demands the diversity of research methods. Methods of historical and philosophical comparative analysis and methods of literary studies are used. The 1840s was the time of a rather intensive personal communication between Zhukovsky and Tyutchev. In the center of their reflection in this period was revolution, which both interpreted not as a political, but as a metaphysical force, anti-Christian in its essence. This understanding is reflected in the poetics of the poems “The Russian Giant” by Zhukovsky and “The Sea and the Rock” by Tyutchev. The poems can be regarded as a kind of a poetic diptych, in which the second poem written by Tyutchev is the religious-philosophic interpretation of the first one written by Zhukovsky. At the same time Tyutchev persistently emphasized Zhukovsky’s barely planned motive of confrontation between Christianity and revolution as two metaphysical forces. Analysis of prose texts shows that Zhukovsky agreed with Tyutchev in his diagnosis of the current state of things (revolution is an anti-Christian power, Europe is powerless before it; Russia can resist it because it has intact Christian faith and undeterred autocracy; Russia is able to save Europe). Tyutchev believed that it was necessary to establish the Greco-Slavic Empire (a revived Byzantium) on the basis of Russia, and, consequently, to access the part of the lands of the Ottoman and Austrian empires, while Zhukovsky was against any conquest, and believed that the salvation of Europe from revolution is possible with the help of the implementation of the “Jerusalem Project” – the peaceful transition of Jerusalem under the control of Christian powers, which would have an uplifting moral effect on Europe. After the implementation of the “Jerusalem project”, Zhukovsky believed, a new era would begin. It was Russia that was to open the door in this new era for, unlike Europe, it preserved intact two guardian principles: the Christian faith and monarchy. Both ideas were genetically related to the foreign projects of the Russian Empire: the idea of Tyutchev to the so-called “Greek Project” and the idea of Zhukovsky to the Holy Alliance.

REFERENCES

1. Kasatkina, V.N. (1994) F.I. Tyutchev i V.A. Zhukovskiy: (Po pis'mam i dnevnikam) [F.I. Tyutchev and V.A. Zhukovsky: (According to letters and diaries)]. In: Anoshkina, V.N. et al. (eds) *Vzaimodeystvie tvorcheskikh individual'nostey russkikh pisateley XIX – nach. XX v.* [Interaction of creative individualities of Russian writers of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
2. Ospovat, A.L. (1988) Zhukovskiy v biografii Tyutcheva [Zhukovsky in the biography Tyutchev]. In: Chudakova, M.O. (ed.) *Chevertye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya* [Fourth Tynyanov Readings: abstracts and materials for discussion]. Riga: Zinatne.
3. Abuzova, N.A. (2005) [“The Day Cycle” in Russian poetry: evening – night (Zhukovsky, Tyutchev)]. *Kul'tura i tekst – 2005* [Culture and text – 2005]. Proceedings of the international conference. Vol. 1. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 122–131. (In Russian).
4. Bernevega, S.I. (1995) *Leksicheskie povtory v russkoy liricheskoy poezii XIX v. (V. Zhukovskiy, Fund Tyutchev, Ya. Polonskiy, A. Fet)* [Lexical repetitions in Russian lyrical poetry of the XIX century. (V. Zhukovsky, F. Tyutchev, J. Polonsky, A. Fet)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Shapurina, A. (2014) Naturfilosofskaya lirika F.I. Tyutcheva v kontekste poeticheskoy epokhi 1820–1830-kh gg. [Natural philosophical lyrics of F.I. Tyutchev in the context of the poetic era of the 1820s–1830s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3. pp. 84–95.

6. Kanunova, F.Z. (2002) “K russkomu velikanu” Zhukovskogo i “More i utes” Tyutcheva: (Ob obshchestvennoy i istoriko-kul’turnoy kontseptsii poetov) [“The Russian Giant” by Zhukovsky and “The Sea and the Rock” by Tyutchev: (On the social, historical and cultural concept of the poets)]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Vremya i tekst: istoriko-literaturnyy sbornik* [Time and text: historical and literary collection]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
7. Ospovat, A.L. & Ronen, O. (1999) Kamen’ very (Tyutchev, Gogol’ i Mandel’shtam) [The Stone of Faith (Tyutchev, Gogol and Mandelstam)]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
8. Yanushkevich, A.S. (2007) “Gornaya filosofiya” v prostranstve russkogo romantizma (V.A. Zhukovskiy – M.Yu. Lermontov – F.I. Tyutchev) [The “mountain philosophy” in the space of Russian Romanticism (V.A. Zhukovsky – M.Yu. Lermontov – F.I. Tyutchev)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy i vremya* [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yanushkevich, A.S. (2007) Filosofiya schast’ya v tvorchestve V.A. Zhukovskogo i F.I. Tyutcheva [The philosophy of happiness in the works of V.A. Zhukovsky and F.I. Tyutchev]. In: Mednis, N.E. (ed.) *F.I. Tyutchev: Grani poeticheskogo mira* [F.I. Tyutchev: The Facets of the Poetic World]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
10. Zhukovsky, V. (1885) Sochineniya [Works]. 8th ed. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.
11. Tyutchev, F.I. (2002–2005) Polnoe sobranie sochineniy i pis’ma: v 6 t. [Collected works and letters: in 6 vols]. Moscow: Izdatel’skiy tsentr “Klassika”.
12. Ospovat, A.L. (1998) K istochnikam pushkinskoy temy milost’ – pravosudie (“vostochnaya povest” F.V. Bulgarina) [To the sources of Pushkin’s theme of mercy as justice (the “eastern story” of F.V. Bulgarin)]. In: Gippius, A.A. et al. (eds) *ПОЛЫТРОПОН: k 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova* [ПОЛЫТРОПОН: to the 70th birthday of Vladimir Nikolayevich Toporov]. Moscow: Indrik.
13. Leybov, R. (1999) Tyutchev i Zhukovskiy. Poeziya utraty [Tyutchev and Zhukovsky. The poetry of loss]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
14. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
15. Tarasov, B.N. (2006) *Istoriografiya F.I. Tyutcheva v sovremennom kontekste* [Historiography of F.I. Tyutchev in the modern context]. Moscow: Nauka.
16. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2014) The creative history of V.A. Zhukovsky’s article “Letter to Prince P.A. Vyazemsky about his poem Holy Russia”: publication and commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 109–124. (In Russian).
17. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Part 1. Moscow: Izdatel’skiy Dom Yazyki slavyanskoy kul’tury.
18. Zhukovsky, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Izdatel’skiy Dom Yazyki slavyanskoy kul’tury.
19. Guzaïrov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as a historian and ideologue of Nicholas I]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
20. Aksakov, I.S. (1997) *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva* [Biography of Fedor Ivanovich Tyutchev]. Reprint of 1886 ed. Moscow: AO “Kniga i biznes”.
21. Zhukovsky, V.A. (1867) *Pis’ma, V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu 1840–1851* [Letters from V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich, 1840–1851]. Moscow: tip. T. Ris.
22. Tyutchev, F.I. (2007) *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya; Respublika.
23. Sinitsina, N.V. (1998) *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of the medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik.
24. Mil’china, V. (1999) Ob istochnikakh tsikla “Napoleon” [On the sources of the cycle “Napoleon”]. In: Kiseleva, L.N. et al. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev Collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
25. Shishkov, A. (1831) *Kratkie zapiski admirala A. Shishkova, vedennye im vo vremya prebyvaniya ego pri blazhennoy pamyati Gosudare Imperatore Aleksandre Pervom v byvshuyu s frantsuzami v 1812 i posleduyushchikh godakh voynu* [Brief notes of Admiral A. Shishkov he made during his stay with Emperor Alexander the First, during the war with the French in 1812 and in the following years]. St. Petersburg: v Tip. Imperatorskoy rossiyskoy akad.
26. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [The genre-style system of V.A. Zhukovsky’s prose]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Ayzikova, I.A. (2017) To the problem of the context of V. A. Zhukovsky’s Jerusalem project (on materials of political essays and religious and philosophical prose of the 1840s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 95–112. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/8
28. Popovkin, A.A. (2013) *Slavyanskije blagotvoritel’nye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge* [Slavic charitable societies in Moscow and St. Petersburg]. History Cand. Diss. Voronezh.

Received: 15 May 2018

В.Н. Дувакина

ПУБЛИКАЦИИ Е.Ф. КОРША В ЖУРНАЛЕ «АТЕНЕЙ» (1858–1859 гг.)

Анализируются публикации в журнале «Атеней» 1858–1859 гг. русского публициста, редактора, издателя, переводчика, идеолога либеральной западной мысли – Е.Ф. Корша. Рассмотрена история создания «Атенея», редактором которого был Е.Ф. Корш, а также публикации, о которых с точностью можно сказать, что они принадлежат его перу. Раскрывается полемический характер статей, который указывает на участие автора и руководимого им издания в важнейших общественных дискуссиях 1850-х гг.

Ключевые слова: Е.Ф. Корш; русская периодика 1850-х гг.; «Атеней»; общественные полемики.

Евгений Федорович Корш (1809–1897), публицист, переводчик, редактор и издатель, один из идеологов либеральной западной мысли, член московского кружка западников, принимал активное участие в издании многих известных газет и журналов, о чем свидетельствуют его богатое творческое наследие, до сих пор практически не исследованное и даже не собранное в полном объеме, а также воспоминания его современников. В данной статье рассматриваются публикации Е.Ф. Корша в журнале «Атеней» 1858–1859 гг.

* * *

19 июля 1857 г., после ухода из «Русского вестника», Е.Ф. Корш подал в Московский цензурный комитет прошение об издании с 1858 г. в Москве нового еженедельного журнала критики, современной истории и литературы под названием «Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы». В приложенной к прошению программе указывалось, что «он будет заключать в себе: 1. Критические и библиографические обзоры замечательных произведений отечественной и иностранной литературы; 2. Хронику важнейших новостей в государственной и общественной жизни современных народов; 3. Статьи исторического содержания, записки, путешествия, рассказы, литературные заметки, ученые и художественные известия» [1. Л. 12].

Задачи, которые ставил перед собой журнал, были типичными для русских либеральных органов печати того времени – это освещение философских, эстетических, исторических и общественно-политических проблем. «Атеней» противопоставлял себя революционно-демократической программе «Современника» и славянофильским крайностям «Русской беседы». В письме к Б.Н. Чичерину (20 окт. 1857 г.) Е.Ф. Корш также обозначил позицию «Атенея» по отношению к «Русскому вестнику»: «...по чувству справедливости к достоинствам “Русского вестника” ощущаю в себе душевное расположение повредить ему как можно меньше своим журналом. Постараюсь ограничиться преимущественно тем, что было пренебрежено или забыто моими бывшими товарищами: критикой, сравнительно-историческим изучением вопросов, представляющих более или менее общий интерес, неослабным слежением за важнейшими явлениями науки и литературы на Западе» [2. 2.29. Л. 1. об.].

В письме к П.В. Анненкову (16 окт. 1858 г.) Е.Ф. Корш писал о спорах, происходивших и внутри

редакции относительно направления журнала: «Я воюсь с “Атенеем”, ведя отчаянную борьбу против Кетчера и всех, наступающих мне на горло, что теперь следует кричать только о современных вопросах. А мне нельзя себя переломить <...>. По моему глубокому убеждению – чтоб говорить путно о современности, надо знать, как именно к ней пришли. У нас есть десятки органов для современных толков и очень немного таких, которые были бы умны задним умом. Мне хотелось устроить такой орган, да при скудости собственных и чужих сил до сих пор плохо удалось. Однако ж я все еще не теряю надежды и попытаю статьи на следующий год...» [3. Л. 2].

1 ноября 1857 г. последовало «высочайшее соизволение» на издание журнала «Атеней». Он издавался с января 1858 г. по апрель 1859 г. Сначала он выходил раз в неделю, с 1859 г. – два раза в месяц¹. Всего вышло 60 номеров (объединенных в 8 частей). В них насчитывается 216 статей авторских, анонимных и напечатанных под псевдонимами и инициалами².

Е.Ф. Корш привлек к сотрудничеству в журнале значительные научные и литературные силы (П.В. Анненков, И.К. Бабст, А.Н. Бекетов, Ф.И. Буслаев, А.Д. Галахов, Ф.М. Дмитриев, С.В. Ешевский, И.Е. Забелин, К.Д. Кавелин, В.Ф. Корш, М.Н. Лонгинов, Н.Ф. Павлов, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.), опубликовал в «Атенею» мемуары И.И. Пущина, Н.В. Сушкова, М.С. Щепкина, отрывок из романа «Обломов» И.А. Гончарова, «Святочный рассказ (из путевых заметок чиновника)» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Письмо из-за границы» И.С. Тургенева, статью Н.Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и др. В журнале приняли участие 68 авторов, 32 из них – постоянные сотрудники, опубликовавшие в нем от 2 до 8 статей. Это были, в основном, члены московского кружка западников и лица, близкие к нему.

С точностью можно утверждать, что перу редактора в «Атенею» принадлежит пять статей. Практически все эти публикации носят полемический характер, проявляя участие автора и руководимого им издания в важнейших общественных дискуссиях 1850-х гг.

Статью «Взгляд на задачи современной критики», подписанную Е.К.³ [4. 1858. Ч. 1. С. 61–69], следует считать программной, как и весь первый номер журнала, в котором она была напечатана в контексте статей Б.Н. Чичерина «О французских крестьянах», П.В. Анненкова «Новая комедия “Свет не без добрых

людей...» комедия в 3-х действиях. Соч. Н. Львова, СПб, 1857», И.К. Бабста «О промышленных кризисах» и отрывка из романа И.А. Гончарова «Обломов». Как видим, в программном выпуске «Атенея» были затронуты наиболее насущные и спорные вопросы современности: крестьянский вопрос, необходимость социально-экономических преобразований в России, вопрос о русском национальном характере, задачи развития русской культуры и литературы – тем самым были обозначены тематика, проблематика и позиция начинающегося издания.

Статья Корша открывается постановкой проблемы, в связи с которой в ней осмысливаются все остальные – «о реализме нашей эпохи» [4. 1858. Ч. 1. С. 61]. Понятие «реализм» уточняется автором как «деловое направление современности» и далее как «преобладающее господство материальных интересов», «разрушение идеалов прошлого и несостоятельность попыток к новым, которые могли бы заменить их» [Там же]. По мнению Корша, это явление носит всеобщий характер, «заражая нравы и мнения» и уже заразив «науку, искусство и литературу» [Там же]. Одновременно подчеркиваются объективность происходящих в России и Европе перемен и идея повторяемости общего закона развития (через вечную, упорную и принципиальную борьбу старого и нового), который демонстрирует «древнеклассический мир», от «бессознательного общения... с данною действительностью», пережив период расцвета, дошедший «наконец до полного внутреннего разлада» [Там же. С. 62]. Тот же путь прошло средневековое общество: от «сверхъестественных следы», оставивших после себя «бессмертные следы», оно «воротилось к окружающей его действительности и суетливо принялось устраивать себе новую мирскую обстановку, более сообразную с его изменившимися потребностями» [Там же].

Обращаясь к современному историческому моменту, Корш констатирует тот факт, что, отвечая на запросы времени, даже наука и искусство обратились к прикладным целям. На фоне «страшного расширения естественных наук и изумительной многосторонности их практического приложения» автор отмечает «упадок философии», «разрозненность и мелкость мотивов в искусстве» [Там же]. Признавая, что Россия и Европа в целом вступили на новый путь, который глупо отрицать или порицать, Корш призывает искать такие способы использования материальных и духовных ресурсов общества, которые бы «облегчили» его шаги на новом пути.

Далее обозначенная проблематика приобретает у автора статьи более сложную и тревожную интерпретацию. В частности, его волнует крен в сторону «реализма» (материализма) в области философии, что ведет, по его мнению, к потере целостного представления о мире (попутно материализм соотносится со спиритуализмом, завоевывавшим все большее количество умов и представляющим не меньшую опасность, чем «реализм», внося дисбаланс в философское постижение мира). Что касается «общественной и политической сфер», то и здесь реализм как идея времени уводит общество в сторону ложных мечтаний либо о возможности «органического восстанов-

ления обломков старины» (выпад против славянофильской теории), либо о «внезапном переходе общества из одних форм быта в другие» (предупреждение революционного разрешения конфликта старого и нового) [4. 1858. Ч. 1. С. 63]. Столь же опасным отклонением от истины Корш считает витающую в воздухе идею «национальной особенности», которая якобы обеспечивает «каждому самостоятельному народу его личную физиономию», личный путь в истории [Там же. С. 64]. Такая мысль, считает Корш, легко переходит в опасную идею исключительности отдельной нации, чему в статье противопоставлено единение народов, населяющих Европу.

Интересна проекция данных рассуждений Корша на область науки и литературы, она фокусируется на вопросе о народности. Сосредоточенность на «местном, племенном» лишает науку возможности «беспристрастно» искать истину, уводя ее в эмпиризм, а литературу – в грубый натурализм и злободневность, которые лишают ее самой сути – художественности, не заменимой никаким достоинством содержания и доказывающей всякий раз органическую целостность содержания и художественной формы. Говоря о современных произведениях литературы, Корш заключает: «...насильственное сближение с действительной жизнью часто заходило в ту низшую сферу грубой, иногда обезьянской подражательности, которую прозвали натурализмом, вероятно потому, что своей резкой угловатостью она беспрестанно напоминает бесконечное расстояние, отделяющее ее от настоящей природы. <...> Тщетно трудам такого рода сияется придать общественное значение, выбирая для них темы из быта простого народа или многочисленного, жалкого класса служащих бедняков: скоро достойная кара забвения постигнет эти неудачные попытки, столько же оскорбляющие истину в искусстве, как и в действительности» [Там же. С. 68–69].

В первой части «Атенея» за 1858 г. была опубликована еще одна статья Корша «Индийское восстание, его причины и последствия», подписанная инициалами Е. К. [Там же. С. 179–190, 259–268, 329–338]. Этой статьей автор включился в бурное обсуждение начавшегося в феврале 1857 г. одного из самых известных в мировой истории восстания сипаев, разнообразные отзывы о котором появлялись как в европейской (прежде всего, английской и французской), так и в русской прессе. Сегодня существует целая библиотека работ, посвященных изучению этого события. Отдельный аспект этого изучения – восприятие восстания в России, в дореволюционной печати и в советской исторической науке. Традиционно выделяются три подхода к дореволюционной оценке восстания – в консервативной, либеральной и революционно-демократической прессе. Столь же традиционно главное внимание уделяется статьям русских революционеров-демократов, прежде всего А.Н. Добролюбова, воспринявшего восстание как национальную освободительную войну индийского народа против английской колонизации. Однако по своим возможностям влияния на общество и даже на политику правительства в этом вопросе главную роль играла либеральная печать. Как указывает исследователь, «харак-

терной чертой подавляющего большинства этих статей было то, что события в Индии 1857–1859 гг. изучались в тесной связи с историческим прошлым Индии, особенно с историей английского господства над страной» [5]. Преимущество авторов этих статей заключалось, по мнению исследователя, в том, что «они, изучая, сравнивая и сопоставляя материалы из английских и французских журналов и газет, приходили к наиболее объективным выводам. Дело в том, что во французских и английских журналах и газетах печатались материалы, полные обвинений друг против друга, отсюда их тенденциозность» [Там же]. Именно в этот контекст входит статья Корша, которую исследователи в лучшем случае лишь упоминают, перечисляя публикации либералов о восстании сипаев⁴. Специальному анализу в контексте творческой деятельности Корша и идеологии и концепции выпускавшегося им журнала «Атеней» она до сих пор не подвергалась.

Понятие «восстание», вынесенное в заглавие статьи, вошло в европейскую общественную мысль со времен Античности в результате осмысления такого явления, как массовое выступление против существующей власти, и в целом проблем развития общества и власти в обществе⁵. Процесс нациестроительства в России, да и в Европе, обусловленный, кроме прочего, рядом восстаний, безусловно, подогревал интерес общественной мысли к названной проблеме и ее современному видению. Точкой отсчета в размышлениях над этой проблемой для Корша, судя по рассматриваемой статье, становится решение проблемы причин и последствий индийского восстания, введение данного исторического события в большой исторический контекст, что, по его мнению, поможет очистить этот «спорный вопрос» от «возгласов, внушаемых ожесточением» сиюминутной политической борьбы. Именно с этим связано погружение автора статьи о злободневном событии в историю [4. 1858. Ч. 1. С. 180].

Однозначно ложной Коршу представляется мысль о том, что «англичане только сосали кровь из Индии, нисколько не заботясь о благосостоянии края», и это стало причиной восстания [Там же]. Закрепившийся за Англией в ряде публикаций статус страны-поработительницы, прибегавшей в управлении колонией к страшным пыткам, по мнению Корша, органично входил в национальные традиции управлять народом с помощью «понудительных мер», телесных наказаний, которые принадлежат «к самым укоренившимся обычаям в Индии», в которых «простой народ», доведенный «туземным воспитанием», «религиозной тиранией браминов», «монгольским владычеством» до высшей степени «нравственного уничтожения и разврата», видит «совершенную необходимость» («он думает, что не след» подчиняться власти, «пока не принудят»; «в простонародных комедиях, — указывает Корш, — всего более нравится зрителям часто повторяемая сцена вымогательства податей, копейка за копейкой, посредством приличного истязания») [Там же. С. 181]. «И много таких своенародных обычаев, много таких освященных стариною зол, по необходимости, — считает автор, — унаследовали

англичане с первого появления своего в Индии» [4. 1858. Ч. 1. С. 181–182].

Эта мысль об унаследовании англичанами местных «зол», с которыми им пришлось бороться в процессе колонизации Индии, доказывается и описанием истории индусов и «их края». В ней особый акцент делается на том, что индусы принадлежат к великому арийскому племени, которое в свое время вторглось на север Индии и силой подчинило себе его коренных жителей. Большое значение придается также более чем 200-летнему монгольскому игу и столкновениям Индии с магометанским миром, которые посеяли много «элементов розни, взаимного недоверия и нравственного разврата» [Там же. С. 184]. Подчеркивается и раздробленность и «совершенная дикость» многих первобытных народов Индии, усугубляющиеся «разнообразием языков и наречий», «совершенная противоположность их взглядов с европейскими», обширность страны, климат, недостаток путей сообщения, что также затрудняло англичанам, по мнению Корша, проведение в Индии «благоустроенной администрации» [Там же. С. 183–184].

В статье таким образом фиксируется другая сторона истории колонизации Индии, которая трактуется как борьба цивилизации с варварством. Колонизацию возглавила, в силу обстоятельств пополам со случайностью, Ост-Индская компания, «страшно обогащавшаяся» на угнетении индийского народа. Растлеваемые средой, в которой находились с детства, вдали от родины, представители компании, включая самый высокий ранг, утратили ненависть ко лжи, «честные побуждения», без которых «нет истинно значительного человека в европейском обществе» [Там же. С. 186]. Испорченные пороком сами, они оказались неспособны управлять огромной страной с «испорченным населением». История колонизации Индии обращает Корша и к проблеме «благонамеренной» отмены англичанами общинного устройства крестьянского быта и заменой его индивидуальной арендой земли у землевладельца, которое привело к многим драматическим последствиям. К вопросу общины Корш еще не раз обратится в своих статьях и более поздних переводах, справедливо усматривая в нем параллель к волновавшему всю Россию вопросу о крепостном праве.

Итак, основная проблема рассматриваемой статьи Корша уведена в сферу философии, философии истории в первую очередь: в истории колонизации Индии и попыток сипаев путем восстания свергнуть власть англичан главными мотивами являются столкновения старого и нового, своего и чужого и неизбежности и необходимости их взаимодействия, драматического в силу объективной противоположности конфликтующих сторон, но единственно возможного двигателя развития. Заключительная часть статьи открывается прямой постановкой вопроса о возможности благотворного европейского влияния в Индии при учете огромной разницы и даже «вопиющего противоречия» «закоренелых преданий частного и общественного быта», «интересов нравственных, коренных обычаев и понятий индийцев и англичан» [Там же. С. 329].

Ситуация в Индии, рассматриваемая Коршем на фоне колонизации в Америке и Сибири, представля-

ется ему весьма специфичной в силу необычайного «сродства» населения Индии. При всей их «взаимной розни», индийцы легко объединяются, чтобы оттолкнуть от себя всем одинаково чуждое влияние «заморских пришельцев», в чем и видит автор статьи глубокую разницу между восточным человеком, не страдающим от отсутствия свободы, «матери всякой личной особенности», и европейцем, прилагающим идею права к большей части своей жизни. И даже политика таких государственных деятелей, как лорд У.Г. Кавендиш-Бентинк, «истинно просвещенного», по оценке Корша, человека (с именем которого связано зарождение народного образования в Индии, объявление обычая сжигания вдов преступлением, борьба с сектой «тагов» и др.), не могла «принести надежного плода» без «совершенного обновления общественного быта чрез воспитание юных поколений», чему противились, каждая по своим причинам, и индийская, и английская стороны [4. 1858. Ч. 1. С. 336].

Рассуждая о причинах восстания, Корш пишет: «Ост-Индская Компания и ее многочисленные защитники и клиенты находили свою выгоду в том, чтобы не прививать индийцам европейского образования и, под предлогом уважения к народной старине, удерживать их в тьме многобожия и невежества» [Там же. С. 337], подтверждая эту мысль цитатой из одного из донесений парламента, в котором говорится как раз о том, что «все образованные индусы – заклятые враги христианства, враги чужезластия, особенно когда из истории они узнают тайну происхождения английского могущества в Индии... Если мы когда-нибудь утратим этот край, виной тому будут школы» [Там же. С. 338]. Лорд Бентинк, который избрал дорогу прогресса, был вскоре отозван от своей должности, а его приемники отступили от его благотельных начинаний. Этим во многом, по мнению Корша, и было обусловлено восстание: «...рядом с благодарным воспоминанием о великодушных его мерах, росло негодование на тех, кто забывал, порицал или отменял их. Такое опасное соседство могло, конечно, содействовать к подготовке нынешнего восстания...» [Там же].

Предложенная Коршем интерпретация индийского восстания не столько актуализировала злободневность исторического события, сколько открывала философскую подоплеку социально-исторического события, выводя к специфике национальной истории и типологии истории всеобщей, с ее законами повторяющихся столкновений старого и нового, своего и чужого, что вводит данную публикацию не только в контекст осмысления ключевых событий эпохи, но и ее философских дискуссий.

После публикации рассмотренных выше статей в прессе появились отклики на них. Рассмотрим мнение оппонентов – журнала славянофильского направления «Русская беседа» в лице А.И. Кошелева и Ю.Ф. Самарина.

В «Русской беседе» за 1858 г. в отделе «Критика» была опубликована рецензия [7. 1858, кн. I (IX). С. 88–104; источник атрибутирован К.И. Бутиной] издателя-редактора журнала, публициста и общественного деятеля славянофильских взглядов

А.И. Кошелева на статью Корша «Взгляд на задачи современной критики», подписанная «–е–е–». Прежде всего рецензент обрушивается на искажающую истинный смысл интерпретацию Корша слов Бэкона, вынесенных в заглавие статьи («Истина – дочь времени, а не авторитета») и, как справедливо указывает Кошелев, журнала «Атеней» в целом. Признавая программный характер публикации Корша, Кошелев не принимает ее главной идеи развития общества в соответствии не только с вечными, универсальными законами истории, но и веяниями конкретной эпохи. В представлении Кошелева, если отступить «от цельного понимания истины Баконова, в смысле плода совокупности всего времени», и приковать «ее к какой-нибудь одной его частице, то ясно, что не будет уже для нас одной истины, а будет их множество, и столько же, сколько времен» [7. 1858. Кн. 9. С. 89]. Доводя до абсурда идею Корша, Кошелев толкует ее в русле крайне субъективного идеализма, саркастически утверждая, что в таком случае истинным можно признать только кусок хлеба в тот момент, когда ты его ешь.

Столь же вольно истолковываются и рассуждения Корша о реализме современного периода истории, которому, как и материализму, Корш якобы дает «полную индульгенцию». И в целом считает рецензент, роль «реализма» в современной истории весьма преувеличена Коршем (поскольку, как пишет Кошелев, «реализм невозможен без идеализма, а идеализм без реализма: реализм есть идеализм обнаружившийся; идеализм есть реализм в возможности. Отделите реализм от идеализма – и вы получите исключительный материализм <...> Отделите идеализм от реализма – и вы получите спиритуализм») [Там же. С. 92], да и тема, выбранная им для заглавной статьи «Атеней», настолько избита (она названа Кошелевым даже «пошлой»), что «уж как-то совестно начинать с нее издание нового журнала», – заключает рецензент.

Попутно в рецензии дается отпор рассуждениям Корша о народности и отношении к русской старине, в которой, с точки зрения Кошелева, недопустимо видеть какие бы то ни было недостатки и ошибки, что приравнивается к «ложному пониманию русской старины» и отсутствию патриотизма. Дается оценка и основным положениям статьи об индийском восстании: якобы именно сочувствием к материализму только и можно объяснить признание Коршем того, что «австрийский жандарм и английский солдат могут быть орудиями человеческой образованности». Искажая до неузнаваемости пафос статей Корша, диктуемый идеей личности как основы культуры и прогресса, и явно сгущая краски, Кошелев переходит к откровенно славянофильским лозунгам: «Странно: не допускают в науке возможности принадлежать народу и проявлять в ней особенности его занятий <...> Не смей, народ, выработать в науке своего собственного воззрения на мир и человека; наука – моя, наука – мое личное дело, наука – я! Вот то, что мы несколько раз, пожимаемая плечами, читали в Русском вестнике; вот то, чем начинает и новый журнал, принявший на себя всемирное название Атеней» [Там же].

Также в журнале «Русская беседа» в отделе «Смесь» была опубликована «Заметка» Ю.Ф. Самарина.

рина, подписанная «.....ъ» [7. 1858. Кн. I (IX). С. 220–223], также отвечающая на публикации Корша. В ней Самарин возражал Коршу: «Когда герцог Альба вступал в Нидерланды с испанскою армией и целым отрядом инквизиторов, он рассуждал точно так, как издатель Атенея: “Конечно, можно бы желать, чтобы эти проклятые протестанты одумались сами; но если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие, по большей части, ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что придется кое-кого поджарить или повесить для врачевания темной толпы. Тут важно спасение душ!” (Примеч. от ред.: “Мы полагаем, что герцог Альба был также искренне убежден в превосходстве католичества над протестантством, как убежден издатель Атенея в превосходстве австрийцев над славянами”») [Там же. С. 222–223].

В ответ на публикацию Самарина в «Атенею» была напечатана «Заметка» Корша, подписанная «.....шъ»⁶ [4. 1858. Ч. 2, № 10. С. 146–148]. Ее автор использует возможность в полемике еще раз определить свои главные идеи, прежде всего идею развития общества, которое совершается «следуя непреложному закону» постоянной смены старого новым, в противном случае наступает «коснение народа, как и отдельного лица», «замкнутая определенность», «застой в единожды данной ограниченной сфере» – все это Корш называет противоречием законам истории [Там же. С. 146].

Еще раз подчеркивая, что он не настаивает на оправдании всех действий англичан в Индии, Корш повторяет свое принципиальное убеждение относительно роли англичан для развития Индии («волей или неволей, по непреложным законам исторической логики, разбросали в Индии семена свободного человеческого образования, которые тамошним староведам нелегко будет заглушить» [Там же]), аналогична, с его точки зрения «историческая логика» в оценке роли австрийцев в истории славян, проживающих в Австрии. Та же «историческая логика» неумолимо показывает «коснение» многих западнославянских племен в их «мнимо-первобытной особенности» [Там же. С. 147]. Не видеть все это широким народным массам мешают, считает Корш, лишь низкий уровень образования, и в подтверждение он приводит цитату из своей рецензируемой статьи: «Конечно, можно бы желать, чтобы они (т.е. варварские обычаи) прекратились “внутренним воздействием жизни народа”... но если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие по большей части ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Сирии австрийский жандарм являются орудиями образованности». Очевидно, что именно эта фраза возмутила автора «Заметки» в «Русской беседе», к которому в своей ответной «Заметке» обращается Корш. Эта фраза действительно могла показаться жесткой, так как было известно, что жандармы искореняли обычаи славянского населения герцогства Штирия, входившего в состав Австрийской империи.

Данная полемика произвела резонанс у читающей публики. В письме от 10 марта 1858 г. П.В. Анненков шутливо писал Коршу: «Из “Русской беседы” я узнал,

что вы разделяете образ мыслей герцога Альбы и ходите на него, как две капли воды» [8. С. 97].

В 4-й части «Атенея» опубликована рецензия Корша на 5-ю часть «Драматических сочинений Шекспира» в переводе Н.Х. Кетчера (М., 1858) – «Шекспир. Перевод Н.Х. Кетчера», подписана: Е.К. [4. 1858. Ч. 4. С. 160–162]. Небольшая заметка написана в духе общих убеждений автора. Во-первых, он приветствует возможность Кетчера продолжить свой труд над переводом сочинений Шекспира и «предпринять второе издание четырех первых частей, вышедших ранее и давно уже раскупленных» [Там же. С. 160]. Во-вторых, он поздравляет русских читателей с предоставленной возможностью «наслаждаться Шекспиром», «впервые познакомиться» по переводам Кетчера «с величайшим из драматургов, с гениальнейшим из поэтов Нового времени» [Там же]. В-третьих, понимая перевод как средство межкультурной коммуникации, имеющее большое общественное предназначение, и поддерживая принципы перевода, избранные Кетчером, Корш, отдавший немало времени и сил переводческой деятельности, по сути, излагает свою позицию в продолжавшемся в России (и Европе) многие годы споре о принципах перевода.

Прежде всего, он ставит самый главный вопрос для переводчика – о «возможности близкой и верной передачи подлинника» [Там же. С. 161]. Далее определяются пути достижения эквивалентности художественного перевода: близость и верность подлиннику не только «в главных чертах, но и в малейших подробностях», «главное – язык и манера поэта, а не самого переводчика», «лучше уж грешить излишней близостью к подлиннику, чем произвольным переложением его особенностей на свой личный, в этом случае ни для кого не интересный вкус» [Там же]. На Шекспира, представляющего и для современного англичанина «бездну странностей в выражении, не говоря уж об устарелости языка», переводчик, считает Корш, не имеет право посягать с целью «посмягчить, выправить и пообделать, представить чудный язык Шекспира как можно более подходящим к употребительному теперь в обществе и в книжках лучших нынешних *сочинителей*» [Там же]. «Этот прием, которым более или менее одержимы почти все переводчики дивного Британца, кажется нам совершенно ложным», – заключает Корш⁷.

Отдельного внимания заслуживает статья Корша «Новая русская община. Письмо к редактору», опубликованная в «Атенею» в трех частях («письмах») за подписью «Н. Тупицын»⁸ [Там же. Ч. 5. С. 328–332, 388–397, 450–459]. Вместе с другими журналами «Атенея» включился этой статьей еще в одну полемику 1850-х гг. – о русской общине, проблеме, которая никогда не была в России чисто научным, политическим, экономическим и т.д. вопросом. Любая его трактовка (славянофилы, например, искали в этом основы славянского духа, консерваторы придают идее общинности охранительный характер и т.д.) связывалась с размышлениями о глубинных чертах русского национального сознания. Русская крестьянская община часто служила аргументом в пользу мнения об особой, исконной «общинности» русского народа,

которая сформировала его ментальность. В чем специфика русской сельской общины, какое место она занимала в российском государственном организме, какова была ее социальная роль, необходима ли она была крестьянству или ее существование – свидетельство отсталости и дикости России, по сравнению с развитыми странами Европы? На эти вопросы по своему отвечали Ю.Ф. Самарин и М.Н. Катков, А.И. Кошелев и Б.Н. Чичерин, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, К.Д. Кавелин и многие другие. Расхождения во взглядах по этим вопросам в российском обществе были исключительно острыми.

Непосредственным поводом для выступления Корша на страницах «Атеней» с «Первым письмом к редактору» послужила статья М.Н. Каткова «Русская сельская община», опубликованная в «Русском вестнике» [10. 1858. Т. 17. С. 185–235]. С первых страниц публикации, обостряя ее полемический пафос и придавая масштаб полемике, Корш определяет ее предмет – русская община как один из устойчивых элементов культурного самосознания, который, будучи связан с определенными идейными установками, сам активно их продуцирует, влияя на традицию. В связи с этим весьма иронически подчеркиваются резкость и частотность смены позиции «Русского вестника» в отношении рассматриваемого явления – «он два года сряду толковал нам во множестве статей о недостатках, слабости, несостоятельности русской общины, и все это для того, чтобы повернуть на-право кругом и объявить своим ошеломленным сотрудникам и читателям: Ведь я шутил! Ведь я шутил! Мы стоим за русскую сельскую общину», но «за совсем иную, за свою», которую журнал «строит и регламентирует по новому плану», как «предохранительное средство против всех экономических зол, настоящих и будущих» [4. 1858. Ч. 5. С. 328–329].

«Русский вестник» «всегда и при всяком случае отстаивал личную собственность и ее именно противопоставлял... недостаткам общинного владения, – пишет Корш, – теперь он вооружается против *личной* собственности и предлагает заменить ее *общинною*» [Там же. С. 330]. Общинная собственность представляется Коршу ограниченной, освобождающей ее членов от личной ответственности за свою жизнедеятельность, от которой не следует ждать «выгодных последствий» для развития России. Предлагаемая Катковым «даровая рента» называется «премией за лень», а новая модель общины – «обществом застрахования от труда», способствующим «быстрому размножению безземельных трутней», желающих получить «побольше даровой ренты от рабочих общников». Критикуется и допущение Катковым вмешательства государства «в частные дела собственника общины». При таком положении дел «только слава, что зовется она собственником, а ведь в сущности лишена всех прав» [Там же. С. 331].

Развенчивая противоречивую позицию «Русского вестника», Корш не только создает убедительный образ лекаря, готовящего чудовищное снадобье, состоящее «из старого выдохшегося взгляда на происхождение права поземельной собственности», «двойного количества школьных ошибок против истории», эту

«пыль» и бросают «в глаза читающему люду, предважив наперед, что всякий, кто назовет ее настоящим именем, – бессмысленный невежда, пустой болтун, враль, лишенный *даже* энтузиазма» [4. 1858. Ч. 1. С. 329]; одновременно фиксируется двойственный характер славянофильской идеологии, в которой сочетались консервативно-романтические и либеральные элементы, и в целом либерально-консервативный синтез в русской общественной мысли, особенно ярко проявляющийся в разработках концепций модернизации России, осуществлявшихся в 1850–1860-е гг. Кроме того, очевидны выходы статьи Корша и ее контекста к глубинным проблемам общинного сознания русского крестьянства, напрямую связанным с достижениями национального, народного характера.

Одним из самых обсуждаемых в России аспектов проблемы русской общины являлась ее уникальность. Этому вопросу Корш уделяет специальное внимание, написав о нем «Второе письмо к редактору». Отрицая с первых страниц мысль Каткова о возможности «поземельной собственности» для Англии и ее «ненормальности и пагубности» для России, что напрямую связано с убеждением о существовании у России своего, отдельного от мировой истории и ее законов пути, Корш останавливается на том социально-политическом опыте, который был приобретен Англией на ее пути к плодотворному решению вопроса о частной собственности на землю. Этот опыт доказывает ложность тезиса «Русского вестника» о том, что «для экономического движения совершенно все равно, в чьих руках находится чистое право собственности на землю... ничего не значит, когда вся земля захвачена в немногих руках» [Там же. С. 393–394].

Позиция Корша сводится к тому, что право на землю «должно иметь источником не грубый и случайный факт, а природу свободной личности человека» [Там же. С. 395]. Пытаясь сформулировать «разумно-нравственную норму права собственности» на землю, Корш призывает к признанию «сродной каждому человеку свободы внешней деятельности, насколько она совместна с равною свободой других», ибо право всегда и в любом обществе определяется, по Коршу, «тою степенью свободы, какая осуществима для каждого отдельного лица в данном состоянии общества» [Там же]. Способность осознания права – своего и окружающих в обществе – Корш связывает с нравственной природой человека, которое и отличает его, даже в первобытном состоянии, от животных. Такая логика, уверен Корш, органично вытекает из объективных и универсальных законов исторического развития, которые корректируются обществом и постоянно изменяются именно в силу свободного нравственного выбора, которым человек наделен от природы.

Отсюда Коршем делается переход к проблеме новой русской общины, модель которой с описанием ее «исторических оснований» предлагалась Катковым, и которой, по мнению «Русского вестника», «полно и удачно разрешаются ... все споры европейских экономистов и публицистов о свободе крестьянской поземельной собственности» [10. 1858. Т. 17. С. 224]. Этому посвящено «Третье письмо к редактору». При-

меня историко-сравнительный метод, автор сосредоточен на опыте исторического развития европейского права собственности на землю, которое прошло и этап «неправедного захвата земли», и средневековый период «рабского труда» крестьян на обширных землях, им не принадлежащих и передававшихся по наследству их владельцам (период «крепостного состояния»: «обязанного труда и личной зависимости» крестьянина от своего господина), и время «раздачи земли» людям, уже оторвавшимся, в силу разных причин, от сельского труда.

Исходя из понимания того, что русская община, как и в любой другой стране, не является исконной формой землевладения, что ее возникновение было связано с возрастанием нехватки земли, а также с установлением крепостничества и усилением феодальной и государственной эксплуатации сельского населения, Корш утверждает, что община является универсальным общественным институтом, но в определенный период истории, что названные им этапы землевладения были пройдены всеми европейскими народами как необходимая и естественная фаза объективного исторического развития общества, и являясь, как и социальная иерархия, следствием вполне определенного в историческом отношении «феодалного устройства» общества, «не родового начала, а феодального способа землевладения» [4. 1858. Ч. 5. С. 455]. Заключается статья утверждением необходимости для России сделать естественный шаг в историческом развитии в сторону полной частной собственности на землю, без каких бы то ни было ограничений для владельца, которые предлагал Катков в своей модели новой русской общины. Без этого нет в землепользовании и всем, что на нем основывается, «главного нерва человеческой деятельности – свободы» [Там же. С. 458]. «Не рано ли нам вообще, из боязни непредвидимого у нас земледельческого пролетариата⁹ помышлять об ограничении не развившейся еще личной собственности», – риторически восклицает автор в конце статьи.

На этом участие «Атеней» в обсуждении проблемы русской общины не закончилось. 20 октября 1858 г. К.Д. Кавелин писал Каткову: «С любопытством и интересом прочел я Вашу статью о русской сельской общине. Мнений Ваших о ней не разделяю и готовлю Вам ответ в виде письма» [11. 4.1. Л. 1]. В следующем письме он подробно излагал Каткову основные положения своей статьи: «Существенное есть то, что общинное владение делает землю неотчуждаемой в частные руки, вследствие чего люди способные и предприимчивые всегда будут иметь возможность создать себе сферу деятельности, не принадлежа к общине, ибо я не только допускаю, но и признаю совершенно необходимо личную поземельную собственность рядом с общинной. <...> Исключительное господство личной собственности тем страшно, что оно оставляет на воздухе массы народонаселения с их колыбели, чего при общинном владении нет и быть не может» [Там же. Л. 2–3].

Кавелин направил свою статью в «Русский вестник», но отказался от предложенной Катковым и Леонтьевым корректуры, после чего он направил ста-

тью «Взгляд на русскую сельскую общину» Коршу в «Атеней», где она и была напечатана [4. 1859. Ч. 1. С. 167–196]. В конце статьи Кавелина помещалось примечание от редакции: «Читателям “Атеней” едва ли нужно объяснять, что мы не приписываем общинному землевладению того великого значения в будущем, какое провидит для него почтенный автор. Но, помещая здесь его статью, как прекрасное изложение мыслей ученого и добросовестного противника, мы делаем это тем охотнее, что, далекий от расчетов мелкого самолюбия и дорожа только всевозможным разъяснением вопроса, К.Д. Кавелин, без всякого вызова или даже намека с нашей стороны, сам предложил нам высказать наши разногласия с его взглядом. Мы и исполним это в следующем же номере» [Там же. С. 196].

В 5-м номере журнала «Атеней» за 1859 г. появилась статья А.Е. Разина «Общинное управление и общинное землевладение (по поводу статьи К.Д. Кавелина)» [Там же. ч. 2. С. 58–69], в которой автор критиковал предложение Кавелина и поддерживал точку зрения Корша о введении личной собственности (выраженной в статье «Новая русская община» Н. Тупицына). Зато статья Кавелина была с одобрением встречена славянофилами. В фондах отдела рукописей РГБ Самарина и Черкасского имеются письма с отзывами о ней [8. С. 85].

* * *

Несмотря на большое количество авторитетных участников журнала и серьезность претензий, «Атеней» очень быстро закрылся. Вот что мы можем узнать из послесловия «От редакции» в последнем номере журнала: «Истоцив в борьбе с равнодушием публики к нашему журналу не только скудные средства, доставленные нам подпискою, но и все те, какими могли мы располагать, благодаря бескорыстному участию людей нам близких, мы пришли к горькой необходимости остановить свое, как видно, неуместное теперь издание» [4. 1859. Ч. 2. С. 604].

Между тем в журнале затрагивались насущные и самые широко обсуждаемые в обществе проблемы современности: крестьянский вопрос, судьба общины, необходимость социально-экономических преобразований в России, задачи развития русской культуры и литературы и пр. «Атеней» оказывался в самой гуще общественных споров, важных с точки зрения выбора не только будущего России, но и ее устоев и традиций. Острейшие проблемы рассматривались сквозь призму просветительской идеологии, диалектики и синтеза разных позиций. Возможно, это воспринималось современниками как отсутствие четкой позиции, что и повлияло на скорое закрытие журнала. Следует учесть и личность Е.Ф. Корша, который, по воспоминаниям современников, не обладал предпринимательской хваткой издателя, напопристойно борца-идеолога. В своих действиях он проявлял мягкость, не был склонен к скоропалительным действиям и выводам, по образному сравнению С.М. Соловьева, он напоминал «улитку, скрывающуюся в свою раковину при всяком столкновении, требующем хотя бы сколько-нибудь энергии, твердости» [12. С. 99].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Издание еженедельного журнала было сложным делом в цензурных условиях того времени. С 1858 г. статьи, касающиеся современных вопросов, должны были проходить двойную цензуру. Это осложняло своевременный выпуск номеров.

² В журнале печатались и переводы статей из западноевропейских газет и журналов («Die Allgemeine Zeitung», «Athenaeum», «Das Ausland» и др.). Например, статья «Нынешнее состояние Ирландии» [4. 1858. Ч. 1. С. 397–404] из «Das Ausland», «Естественные науки и земледелие» [4. 1858. ч. 2. С. 170–181] из «Die Allgemeine Zeitung», «Роберт Броун. Некролог» [4. 1858. Ч. 4. С. 30–34] из «Athenaeum» и др. Имя переводчика в данных статьях не указано.

³ В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указано, что один из псевдонимов Е.Ф. Корша – Е.К.

⁴ Так, Н.Н. Непомнящий в своей книге «Русская Индия» писал: «В декабре того же года (1857 г. – прим. В.Д.) “Петербургские ведомости” опубликовали серию статей известного консервативного публициста Н.И. Тарасенко-Отрешкова, в которой он также защищал и оправдывал Англию. Губительность Ост-Индской компании выразил редактор журнала “Атеней” Е. Корш в своей либерально направленной статье “Индийское восстание, его причины и последствия” (1858). Однако Корш, как и другие либералы, критиковал лишь крайности британского правительства, не выступая против самой системы колониальной эксплуатации» [6. С. 9].

⁵ Большое внимание в статье уделено ситуации власти отдельной частной компании над «судьбой обширного края со ста осмьюдесятью миллионами жителей», которую пережила Индия. С точки зрения Корша, положение дел могла спасти только единая законная власть государства (Англии).

⁶ В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указано, что один из псевдонимов Е.Ф. Корша – «.....шъ».

⁷ На сегодняшний день переводы Шекспира, сделанные Кетчером, непопулярны, так как они были сделаны в прозе (о чем напрямую не говорится в статье Корша). Такие переводы вызывали недоумение и у современников, иногда даже высмеивались: С.А. Соболевским в 1827 г. была написана эпиграмма о Кетчере, обычно приписываемая И.С. Тургеневу: *Вот и он, любитель пира // И знаток шампанских вин, – // Перепер он нам Шекспира // На язык родных осин* [9].

⁸ Еще один псевдоним, принадлежащий Е.Ф. Коршу и указанный в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, – Н. Тупицын.

⁹ В статье Каткова выдвигалось следующее предложение: «Главная цель – предотвращение пролетариата – достигается гораздо полнее, когда общинное владение заменяется общинной собственностью» [10. 1858. Т. 17. С. 224].

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 31. Оп. 5. № 388.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Фонд 334. Описание архива Б.Н. и Н.В. Чичериных.
3. Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН). Фонд 7. Архив П.В. Анненкова. № 57.
4. Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы : журнал. М., 1858–1859.
5. Кашмир Сингх, Рандхава. Изучение в России и СССР индийского национального восстания 1857–1859 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 214 с.
6. Непомнящий Н.Н. Русская Индия. М. : Вече, 2010. 352 с.
7. Русская беседа : журнал. М., 1856–1860.
8. Бутина К.И. К истории журнала «Атеней» // Записки отдела рукописей. М. : Книга, 1974. Вып. 35. С. 62–103.
9. Соболевский С.А. Миллион сочувствий: Эпиграммы. М. : Книга, 1991. 219 с.
10. Русский вестник : журнал. М., 1856–1887.
11. НИОР РГБ. Фонд 120. Описание архива М.Н. Каткова.
12. Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева: Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград : «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 июня 2018 г.

PUBLICATIONS OF EVGENY KORSH IN THE *ATENEY* JOURNAL (1858–1859)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 38–46.

DOI: 10.17223/15617793/431/5

Vladislava N. Duvakina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladamet@mail.ru

Keywords: Evgeny Korsch; Russian periodicals of 1850s; *Ateney*; public debates.

The article reviews publications of Evgeny Korsh (1809–1897), a Russian publicist, editor, publisher, translator, ideologist of liberal Westernizing ideas, member of the Moscow Circle of Westerners, in the *Ateney* journal in 1858–1859. Korsh participated actively in the publication of many well-known Russian newspapers and journals, as evidenced by his rich creative heritage, which has so far not been practically investigated and not even fully assembled, and by the memoirs of his contemporaries. The liberal Westernizing ideas of Korsh, which formed in 1841–1842 (the inception of the Moscow Circle of Westerners), were reflected in all his further literary and publishing activities. They were most clearly expressed in his own liberal journal *Ateney. Zhurnal kritiki, sovremennoy istorii i literatury* (1858–1859). The article describes the history of the creation of *Ateney*, whose founder and editor was Korsh, and five publications by Korsh: 1. Korsh, E.F. “Vzglyad na zadachi sovremennoy kritiki” (1858, part 1, pp. 61–69); 2. Korsh, E.F. “Indiyskoe vosstanie, ego prichiny i posledstviya” (1858, part 1, pp. 180–190, pp. 261–268, pp. 329–338); 3. Korsh, E.F. “Zametka” (1858, part 2, pp. 146–148); 4. Korsh, E.F. “Shekspir. Perevod N.Kh. Ketchera” (1858, part 4, pp. 160–162); 5. Korsh, E.F. “Novaya russkaya obshchina. Pismo k Redaktoru” (1858, part 5, pp. 328–332, pp. 388–397, pp. 450–459). The article reveals the polemical nature of almost all publications which shows the participation of the author and his journal in the most important public discussions in Russia in the 1850s. For example, Korsh’s article “Novaya russkaya obshchina” was a reply to M.N. Katkov’s article “Russkaya sel’skaya obshchina” published in *Russkiy vestnik*. The article also considers the replies to Korsh’s publications by the Slavophiles A.I. Koshelev and Yu.F. Samarin (*Russkaya beseda*). Publication of *Ateney* was one of the significant moments in the history of the formation of Russian liberalism. The journal reflected the evolution of one of the trends of the Russian liberal thought with its differences from other groups of the time.

REFERENCES

1. Central State Archive of Moscow (TsGA Moskvyy). (In Russian).
2. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 334. *Opis' arkhiva B.N. i N.V. Chicherinykh* [Inventory of the archive of B.N. and N.V. Chicherin].
3. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI RAN). Fund 7. *Arkhiv P.V. Annenkova* [Archive of P.V. Annenkov]. Unit 57.
4. *Ateney. Zhurnal kritiki, sovremennoy istorii i literatury.* (1858–1859).
5. Kashmir Singh, Randhava. (1984) *Izuchenie v Rossii i SSSR indiyского natsional'nogo vosstaniya 1857–1859 gg.* [The study of the Indian national uprising of 1857–1859 in Russia and the USSR]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Nepomnyashchiy, N.N. (2010) *Russkaya Indiya* [Russian India]. Moscow: Veche.
7. *Russkaya beseda.* (1856–1860).
8. Butina, K.I. (1974) K istorii zhurnala “Ateney” [To the history of the journal “Ateney”]. *Zapiski otdela rukopisey.* 35. pp. 62–103.
9. Sobolevskiy, S.A. (1991) *Million sochuvstviy: Epigrammy* [A million sympathies: Epigrams]. Moscow: Kniga.
10. *Russkiy vestnik.* (1856–1887).
11. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. *Opis' arkhiva M.N. Katkova* [Inventory of the archive of M.N. Katkov].
12. Solov'yov, S.M. (1915) *Zapiski Sergeya Mikhaylovicha Solov'eva: Moi zapiski dlya detey moikh, a esli mozhno, i dlya drugikh* [Notes by Sergei Mikhailovich Solovyov: My notes for my children, if possible, for others]. Petrograd: “Prometey” N.N. Mikhaylova.

Received: 13 June 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 808, 1(091)

М.Н. Вольф, А.В. Косарев

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ ОСНОВАТЕЛЕЙ ПРАГМАТИЗМА

Рассматривается место и значение риторики для формирования первого этапа англо-американского прагматизма начала XX в. Анализируются место риторики в семиотике Пирса и его акценты на коммуникативный характер знания. Рассматривается отношение Дьюи к концепции коммуникации, повышение градуса его отношения к софистике в связи с влиянием философии Шиллера. Наконец рассматривается взаимное влияние концепций Джеймса и Шиллера, их роль в формировании прагматистской концепции истины.

Ключевые слова: риторика; коммуникация; прагматизм; гуманизм; релятивизм; истина.

В начале XX в. прагматизм первым среди философских направлений распознает эвристический потенциал риторических техник для решения практических задач, что влечет пересмотр оценок античной софистики, и тем самым инициирует обращение к релятивизму.

Первые важные шаги в этом направлении были сделаны Ч.С. Пирсом. Отношение Пирса к риторике особенно выросло в последние годы его творчества, когда он всерьез обратился к разработке этого вопроса [1, 2]. Обращение Пирса к вопросам риторики оказалось значимым для развития прагматистских идей. Пирс не только возрождает риторику, но и предлагает ее новую интерпретацию с прагматистских позиций [1. Р. 17]. С точки зрения Пирса, риторика – это не просто искусство убеждения, но это также искусство располагать лингвистические знаки таким образом, чтобы этот порядок мог обеспечить эстетическое удовольствие тому, кто имеет с ним дело. Однако главная, прагматическая задача риторики заключается в том, чтобы формы выражения написанного способствовали его цели [Ibid.]. Тем самым Пирс переориентирует риторику так, чтобы коммуникативный эффект риторического акта рассматривался как реализация практической цели в определенных обстоятельствах. Любая мысль формируется с определенной целью, и Пирс подчеркивает, что этот факт подразумевает существование риторической этики, задача которой состоит в информировании читателя об этой цели, чтобы тот понимал, нужно ему обращаться к тому или иному произведению или нет [1. Р. 18, 2. С. 109–110], т.е. позволяет заранее выстраивать условия и цели коммуникации.

Пирс предлагает свою собственную систему дисциплин, частью которой должна являться риторика, своего рода «тривиум». В средневековой системе обучения тривиум, или начальный цикл учебных дисциплин, восходящий к стоической классификации наук, включал в себя логику (диалектику), грамматику и риторику. Такое деление подразумевало, что без надлежащих умений правильно мыслить, грамотно записывать и внятно излагать свои мысли дальнейшее обучение невозможно. «Тривиум» Пирса аналогичен средневековому по включенным в него дисциплинам, однако основы построения отношений между дисциплинами принципиально отличны.

Пирс известен своей разработкой новой, введенной им дисциплины *семиотики*, «квази-необходимого и формального учения о знаках» (CP 2.229)¹ [5. С. 178], как он ее характеризует, которая исследует, что такое знаки и как они используются в своих наиболее общих формах и важных функциях. Рассуждая таким образом, Пирс переносит акценты с изучения объектов на изучение знаков в силу исходной кантианской установки о недоступности для познания объектов самих по себе. Поэтому Пирс трактует знак максимально широко: «слово “знак”, будет употребляться для обозначения Объекта, доступного восприятию или только вообразимого, или в определенном смысле даже невообразимого» (CP 2.230) [Там же]. Семиотика распадается на три ветви: аналитику, критику и методевтику, или, в другой терминологии², спекулятивную грамматику, логическую критику и спекулятивную риторику, где слово «спекулятивный» используется в значении «теоретический».

Аналитика, или, как уточняет Пирс, чистая грамматика, возводя ее к *grammatica speculativa* Дунса Скота [Там же], изучает существующие знаки, классифицирует их на виды и устанавливает, в каких взаимных отношениях они существуют. Всего Пирс выделяет 27 классов знаков, только 10 из них признает подлинно возможными (CP 2.254) [Там же. С. 190–196].

Логическая критика, или собственно логика, понимается Пирсом как вторая ветвь семиотики [Там же. С. 178]. Это формальная наука, ориентированная на установление истинности высказываний или рассуждений, посредством которых осуществляется исследование мира, устанавливаются закономерности и описываются привычки и верования [Там же. С. 110]. Пирс различает логику философскую (прагматистскую) и математику, то есть то, что мы сегодня отнесли бы скорее к области математической логики. Прагматистская логика занимается реально существующим, а потому является наукой факта, тогда как математика в его понимании стремится к предельно абстрактному знанию, изучая логически возможное и невозможное и никак не обращаясь к реальному существованию [Там же. С. 112–113].

Наконец, третья ветвь – спекулятивная или *чистая риторика*: «ее задача состоит в установлении тех законов, в соответствии с которыми в каждом научном разуме один знак порождает другой знак, и в частно-

сти, одна мысль производит другую» (СР 2.230) [5. С. 178]. Фактически методевтика претендует на анализ взаимодействий и коммуникационных стратегий, а также на оценку их результатов, однако, как отмечает А.С. Боброва [2. С. 111], не анализирует те средства, с помощью которых это возможно, оставляя за пределами риторики способы аргументации, т.е. один из ее главных атрибутов.

Суть всей этой трихотомической системы заключается в движении от спекулятивной грамматики к спекулятивной риторике, т.е. от формулирования абстрактных определений к прояснению их содержания через актуальные практики [1. Р. 19]. В таком случае получается, что спекулятивная риторика оказывается и наиболее прагматистским разделом семиотики, будучи нацеленной на установление *эффекта*, который причиняет знак. Как поясняет В. Колапиетро свое использование выражения «риторический поворот Пирса», оно не подразумевает, что, повернувшись к риторике, Пирс отвернулся тем самым от логики [Ibid. Р. 20]. Напротив, Пирс сделал риторику *логической*, поскольку истина в такой единой системе семиотического знания неотделима от убеждения, а вопросы коммуникации оказываются неотъемлемой частью логики, будучи интегрированными в нее.

Хотя Пирс не создал стройной риторической системы – возможно, ему не хватило времени это сделать, так как обратился он к этим вопросам на закате своей творческой карьеры, – выводы, к которым он пришел, весьма значимы для дальнейшего понимания прагматического значения риторики. Концепция мышления Пирса принципиально диалогична, поскольку человек даже с самим собой находится в диалоге, подразумевая под своим внутренним «я» более рассудительного, информированного и разумного собеседника [Ibid. Р. 37]. Формально же, если суть риторики – это передача знака от одного сознания другому, и желательно так, чтобы остался тот же самый знак, чтобы его специфические черты не были утрачены в процессе коммуникации, для чего и нужен диалог как процесс проверки и уточнения корректности переданной информации, то тогда признание рассудительности и диалогичности мышления делает неизбежным и риторический характер человеческой рациональности.

Непосредственно связан с разработкой риторической проблематики и другой отец-основатель прагматизма – Дж. Дьюи. О риторике как таковой Дьюи пишет мало, зато часто в разных своих работах обращается к концепции коммуникации и ее инструментальному характеру. Коммуникацию Дьюи связывает с развитием индивидуального сознания и характера, то есть с концепцией личности или «я» (*self, selfhood*). В свою очередь концепция моральной личности тесно связана у него с концепцией «творческого разума», восходящей к тому, что говорил Аристотель о практическом разуме (*phronesis*) [6. Р. 186]. Коммуникация, согласно Дьюи, играет значительную роль в развитии моральной личности, и эта его идея созвучна тому, что Пирс говорит о диалогичности мышления. Личность и мораль формируются в социуме в той мере, в какой человек контактирует, коммуницирует и

ассоциирует себя с другими: «коммуникация по мнению Дьюи есть высочайшая форма человеческой деятельности, поскольку она дает возможность делиться опытом, “величайшим человеческим благом”» [6. Р. 193].

Можно обозначить несколько характерных черт, присущих коммуникации в этом аспекте:

- она является основой всякого личного развития;
- она является инструментом создания и тестирования знаний;
- она обладает рефлексивной и объективной силой, возникающей в процессе обмена опытом: с одной стороны, именно в коммуникации формируется общая точка зрения, с другой – она дает импульс для саморазвития;
- она позволяет принимать решения в условиях проблематичных или конфликтных ситуаций, т.е. собственно риторических [Ibid. Р. 193–195]³.

Соответственно, можно сделать вывод, что коммуникация берет на себя две функции: образовательную и художественную [Ibid. Р. 195]. Первую она реализует путем разделения и получения индивидуального опыта и тем самым его объективации, посредством взаимного просвещения и обогащения участников коммуникации, вторую – за счет высказывания субъективных индивидуальных представлений, которые находят выражение в эстетическом восприятии. Посредством этих функций и обеспечивается переход индивидуальной мудрости в коллективный практический разум, за счет того, что коммуникация – это не просто обмен сообщениями, а, как и у Пирса, прагматический диалог, нацеленный на определенный результат.

Взгляды Дьюи на софистику и релятивизм в течение первой декады XX в., с 1902 по 1907 гг. претерпели значительную эволюцию. Изданный в 1902 г. «Словарь философии и психологии» (*Dictionary of Philosophy and Psychology*) [8] может служить некоторой вехой в этом процессе, позволяя зафиксировать состояние философии в начале XX в., а также – отправной точкой для отслеживания тех радикальных изменений, которые начинают происходить во взглядах прагматистов и интеллектуального сообщества в целом в последующие годы этого столетия.

В статье «Прагматизм», к написанию которой были причастны основатели этого направления, Ч.С. Пирс пишет об объектах, что их понимание складывается на основании эффектов и практических следствий, которые причиняются объектами; концепции эффектов целиком являются концепциями объектов. У Джеймса распространяет эту максиму на понятие истины, подчеркивая, что значение концепции может быть выражено через практические следствия: если полученный опыт совпадает с ожиданиями или рекомендациями, тогда концепция является истинной, если опыт отличен от ожиданий, то она ложна [9. Р. 4]. Видно, что прагматизм как направление уже в целом сложился, определился с сутью своей доктрины, очевидным образом соотносится с произведенным эффектом, с практическими следствиями и опытом, которые всегда служили характерными маркерами софистической философии и риторики. Однако изло-

женная Пирсом и Джеймсом согласно «Словарю философии и психологии» методология еще не сопоставляет прагматизм с релятивизмом. Во всяком случае, не просматривается никакой связи с ним в статье «Прагматизм», равно как и нет упоминания прагматизма в статье «Релятивность знания», написанной Джорджем Эдвардом Муром, в которой автор соотносит релятивизм исключительно с Протагором и его доктриной человека как меры всех вещей [9. Р. 4–5]. Сама протагоровская доктрина, как и софистика в целом, характеризуется Муром как отказ от философской рациональности; а в статье «Эпистемология» этого же словаря она представляется «скептическим импичментом возможности истины» [Ibid. Р. 5]. Джеймс Тафтс, будущий соавтор Дьюи, в статье «Доксократическая философия» говорит о протагоровской доктрине как софистической эпистемологии, однако сводит ее к индивидуализму, а сам Дьюи в статье «Нигилизм» полагает, что первой чисто нигилистской концепцией следует считать софистов, прежде всего Горгия Леонтийского с его тремя аргументами о не-сущем [Ibid.]. Таким образом, в представлениях начала века, в том числе и у прагматистов, релятивизм соотносится отнюдь не с прагматизмом, а исключительно с софистикой, которая сводится к скептицизму, индивидуализму и нигилизму, фактически получая привычные пейоративные оценки.

Дж. Дьюи в своих оценках философии восхищается Платоном, называет философию «движением “назад к Платону”», но отмечает, что это возвращение должно быть не к искусственному Платону, сконструированному университетскими профессорами, а к живому Платону *Диалогов* [Ibid. Р. 6]. Однако ему не приходит в голову мысль, что аналогичная точка зрения – «об искусственных софистах» – может быть также распространена и на софистику, но он не пытается дать переоценку этой философии. В 1907 г. позиция Дьюи в отношении софистов заметно меняется, во всяком случае, его оценки становятся куда более положительными. В частности, в «Истории образования» он сопоставляет софистов с гуманистами и отмечает, что тезис «человек есть мера всех вещей» должен быть прочитан не с точки зрения индивидуалистской интерпретации, а как указывающий на ценность культуры и цивилизации гуманизма в ее противопоставлении варварству и животной природе [Ibid. Р. 7]. С. Майю связывает такое изменение в умонастроении Дьюи с его знакомством с работами британского прагматиста Ф.К.С. Шиллера [Ibid. Р. 8].

В первые два десятилетия XX в. именно Шиллер и Джеймс воспринимались как лидеры англо-американского прагматистского движения. Ф.К.С. Шиллер впервые называет себя прагматистом в статье «Аксиомы и постулаты» (1902) [10. С. 84], а уже в 1903 г. выходит в свет его книга «Гуманизм: философские работы» [11], которая вызвала значительный интерес у американских прагматистов, о чем свидетельствует тот факт, что и Дьюи, и Джеймс почти одновременно пишут ревью на эту книгу [9. Р. 8]. Позднее Шиллер отмечает, что, когда он писал свою первую книгу «Загадка Сфинкса: исследования по философии эволюции» (1891) [12], он, сам того не ведая, уже был праг-

матистом [10. С. 84]. В ней Шиллер делает первые шаги в направлении концепции, которую он будет развивать на протяжении всей своей философской карьеры: создания анти-материалистического и не-скептического релятивизма, согласно которому знание представляется пересматриваемым, основанным на человеческих интересах и достижимым [13. Р. 45]. В целом книга посвящена вопросу метафизики эволюции, то есть рассмотрению философских оснований концепции эволюции в контексте понятий времени, божества, конечного и бесконечного и др. Чтобы подойти к этому вопросу основательно, Шиллер обсуждает границы человеческого познания, в частности такие концепции, связанные с его «ограничениями», как позитивизм (в данном случае имеется в виду ограничение познания только опытом и фактами физического мира, с запретом на философские и, в частности, метафизические способы получения знания), агностицизм, в первую очередь Спенсера и Канта, и скептицизм. Как результат, Шиллер предлагает рассматривать проблему того, что такое человек, его отношения с миром и Богом, вопросы бессмертия в контексте метафизики эволюции. Уже в этой первой книге он рассуждает близко к тем идеям, которые высказывает Джеймс, позже оказавший на Шиллера серьезное влияние.

Шиллер формулирует два существенных тезиса, предопределивших дальнейшее развитие прагматизма [9. Р. 9–10]. Первый – в работе «Гуманизм». В ней он в том числе призывает пересмотреть платоновские оценки софистики, отказываясь от ее негативной, скептической интерпретации. Это важный момент для улучшения климата в отношении риторики, поскольку негативные оценки софистики всегда налагали печать негативизма и на риторику как базовую технику и методологию софистики. Шиллер настаивает, что протагоровский тезис «человек – мера» говорит не о скептическом отношении к познанию, а о человекомерности истины, о том, что истина устанавливается людьми, однако полагает, что тезис Протагора подразумевает его двоякое прочтение: одновременно и индивидуалистическое, и коммунальное. Мера истины устанавливается индивидуально, частными лицами, но согласуется и признается коллективно. Иногда тезис «Человек – мера всех вещей» называют сущностью гуманистической доктрины Шиллера [13. Р. 45]. Он пишет, что «первым мыслителем, отчетливо изложившим позицию гуманизма, был Протагор из Абдеры, которая сформулирована в его изречении “человек есть мера”» [14. С. 27]⁴. «Это – великий девиз ответственности, ставящий человека в центр Вселенной, которая для него существует и имеет к нему отношение. Он продолжает быть безотказным источником научного знания: свидетельством тому – физика Эйнштейна и гейзенберговский принцип неопределенности. Также это единственный принцип, оставшийся от ранней философии, который предшествовал платоновскому открытию “идеи” и сравним с ним по важности» [Там же]. Видно, насколько высоко оценивает Шиллер тезис Протагора, фактически приравнивая значимость учения Протагора к учению Платона. При этом наиболее важным для понимания сути про-

тагоровского тезиса Шиллер считает диалог «Тезет», где, помимо относительно подробного изложения содержания доктрины Протагора⁵, содержатся также и положения в ее защиту от нападок Платона. Как утверждает Шиллер, «отражение атак Платона на Протагора практически оформляет гуманистическую позицию. ...И все же воспользуюсь случаем указать на ценность “anthropos metron” как теории познания и на нелепость обвинений, кочующих из одной книги по истории философии в другую, будто эта максима ведет к скептицизму» [14. С. 35]. Он подчеркивает, что эта максима ведет не к скептицизму, нигилизму или абсолютизму, а к плюрализму и терпимости: «Ибо теоретически можно признать, что в одном и том же вопросе могут существовать для разных умов разные “истины”» [Там же. С. 36]. Хорошо видно, что уже в этих тезисно, но четко сформулированных фразах оформляется весь дальнейший курс прагматизма на толерантность, релятивизм в его положительном определении и способы преодоления проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов.

Второй тезис впервые высказывается Шиллером в более поздней работе «От Платона к Протагору» (1907), где он возвращается к уже знакомым темам, показывая, что гуманизм не только является одновременно свойством и софистики, и прагматизма [9. Р. 9–10], но что гуманизм и есть прагматизм. В статье «Гуманизм и гуманизмы» (1937) [17. С. 74–89] Шиллер предлагает своего рода ретроспективу термина гуманизм и разъясняет его содержание, поскольку, как он сам признает, этот термин, с одной стороны, расплывчат и многозначен, а с другой – очень удобен, и этим объясняется, почему многие философы претендовали на то, чтобы использовать его, хотя и делали это некорректно (например, итальянские гуманисты XV в.). Он пишет: «...Я избрал слово “гуманизм” намеренно: чтобы выразить свое согласие со знаменитым изречением Протагора, чтобы подчеркнуть человеческую ценность философии и противопоставить свой образ мыслей двум другим философским позициям, которые в то время (1902) делили между собой практически все поле философии... мы можем называть их “абсолютизмом” и “натурализмом”» [Там же. С. 82]. И далее: «Гуманизм же не упускает из виду человеческой составляющей наших теорий и не стремится их отрицать... Мне казалось, что этот термин вполне соответствует новой философии, которую развивали Уильям Джеймс и Джон Дьюи под названиями “прагматизм” и “инструментализм”. Вскоре я обнаружил, что “прагматизм” – очень плохое название, что из-за него на эту философию будут вешать всех собак. Во-первых, требуется полчаса, чтобы только объяснить это слово. Во-вторых, оно неверно образовано. Приходилось отрицать его связь с “практикой”, которую ему обычно приписывали⁶... Но когда я написал Джеймсу и предложил заменить название на “гуманизм”, он ответил, что уже поздно» [Там же. С. 84–85]. В 1937 г., когда Шиллер писал эту статью, уже было видно, к чему пришел прагматизм за почти полвека своего существования и можно было подвести определенные итоги, с одной стороны, противопоставив его некорректным формам гуманизма, и еще

раз тем самым оговорив цели и задачи прагматизма по сравнению с другими направлениями философии, с другой – задав направления дальнейшего развития. Именно таким итогом и перспективой прагматизма и интересна эта его статья [17. С. 86–89].

Шиллер суммирует итоги и определяет перспективы прагматизма как гуманизма в следующих тезисах. Во-первых, это теоретическое многообразие прагматизмов. Шиллер оставляет название гуманизма за тем вариантом прагматизма, который разрабатывает сам. Это слово не только подчеркивало сущность прагматизма – в центре его интересов находятся проблемы человеческой жизни и опыта и проблемы реального мира, с которым человек полагает, что находится в контакте, оно также говорило о наличии многих вариантов прагматизма: «Ибо, теоретически, прагматизмов может быть столько же, сколько прагматистов» [Там же. С. 88].

Во-вторых, прагматизм является формой релятивизма. Гуманизм симпатизирует относительности, поскольку она отказалась от абсолютизма ньютоновской физики (мы помним, что исходно гуманизм формулировался как противопоставленный абсолютизму и натурализму) и разделяет экспериментальную теорию значения, т.е. такую, которая признает верификацию опытом (экспериментом) или наблюдением, поскольку истина должна быть подвергнута проверке (этот тезис был исходно выдвинут Пирсом и Джеймсом и сформулирован как максима Пирса).

В-третьих, прагматизм как гуманизм или релятивизм не тождественен скептицизму, отрицающему достижение истины. Сомнения не преуменьшают уверенность в признаваемых истинах, но дают надежду на прогресс и отыскание новых знаний.

Наконец, цель прагматизма формулируется как лишение абсолютистских претензий всякого смысла, поскольку истина и знания соотносятся с человеком и его жизнью, а не абсолютны или умозрительны. Фактически, в этом тезисе фиксируется окончательная антиобъективистская и антиплатонистская направленность прагматизма.

На основании тех положений, которые высказывает Шиллер, хорошо видно, как формируется «линия Джеймса», или релятивистская линия прагматизма, которая необходимо выходит на вопросы истинности. Как правило вопросы истинности исследователями рассматривались в их соотношении с софистикой, нередко либо отказывая софистам в поиске истины, либо приписывая им точку зрения сознательного искажения истины. Так или иначе, именно Шиллер инициирует пересмотр софистического учения, в том числе, отношения софистов к истине, вероятнее всего под влиянием концепции истинности Джеймса. Позже на протяжении всего периода развития прагматизма, во всяком случае, для представителей «линии Джеймса», вопросы истинности становятся краеугольными. В частности, в развитии этих идей в рамках концепции алетического релятивизма была сформулирована позиция Дж. Марголиса, резюмирующая их развитие, которая отказывается от бивалентной концепции истинности [18].

Шиллер познакомился с идеями Джеймса в период между 1893 и 1897 гг. [13. Р. 44], но, как мы отмечали

выше, уже к тому времени был про-прагматистски настроен, и идеи Джеймса оказались ему созвучны. Будучи увлечен идеей эволюции, в работе Джеймса «Принципы психологии» (1890) Шиллер встречается биологическую теорию сознания, которая представляется как интерактивный процесс роста в пределах избирательно воспринимаемой окружающей среды [13. Р. 45]. Именно эти идеи и задали общий контекст для философских рассуждений и Джеймса, и Шиллера: мышление человека, все его мысли должны обслуживать усилия организма для выживания в пластичном и изменяющемся мире. Шиллер разделяет и концепцию истины Джеймса, которую можно сформулировать следующим образом: «все то, что хорошо, чтобы в это верить, является по этой причине истинным» для человека [Ibid. Р. 44].

К этой концепции сам Джеймс приходит постепенно и первые шаги в этом направлении были сделаны в книге «Воля к вере» (1896), где он рассуждает о том, что на практике мы часто вынуждены принимать решения без достаточных на то теоретических оснований [19. С. 285–286]. Религиозные проблемы относятся именно к такому разряду, поскольку позиция верующего зачастую принимается как противоречащая и логике, и разуму, которые не в состоянии найти для нее разумных оснований. Эта концепция по сути выступила как переходная к его прагматизму, и прагматизм Джеймса, по мнению Б. Рассела, развился именно из нее. Так или иначе, вопрос о вере и разуме выходит на вопрос о критериях истины, а «прагматизм, по Джеймсу, – это в первую очередь новое определение понятия “истина”» [Там же. С. 286]. То есть истинное для нашего разума – это то, что выгодно и удобно. Эта концепция, как и «воля к вере», вызвала много нареканий со стороны критиков, которые отвергли ее как выражение иррационализма и пагубного субъективизма, однако она пришлась по душе постмодернистам и неопрагматистам [20. Р. 36].

Формулируя собственную теорию истины, Джеймс отверг обе традиционные теории истины: когерентную и корреспондентную, и положил начало прагматистской концепции истины. Истоки когерентной теории истины обнаруживаются в античности, в частности, у Парменида, в XX в. ее сторонниками выступали неопозитивисты. Согласно этой теории, знания должны быть согласованными и соответствовать всей целостной системе, внутри этой системы дополняя и поддерживая одно другое. Поэтому, чем полнее и точнее набор основных понятий, тем истиннее вся система знаний. Иначе говоря, истинность знания устанавливается только изнутри данной согласованной системы понятий. Джеймс считает такую теорию истины чересчур абстрактной и не имеющей никакого отношения к той человеческой деятельности, в результате которой и вырабатываются критерии истины [Ibid.].

Согласно корреспондентной теории истина подтверждается соответствием определенным критериям, то есть представляет собой однозначное соответствие, или даже совпадение мысли или высказывания с реальностью, которая существует независимо от вер, поддерживающих ее. Джеймс также отвергает эту

концепцию. Выстраивая свою аргументацию, он поддерживает идею определения истины через «согласие с реальностью», однако понимает это согласие принципиально другим образом. Для него этот термин не означает полного соответствия или изоморфизма между высказываниями, содержащими наши веры о реальности, и самой независимой от нас реальностью. С точки зрения Джеймса, корректнее говорить о том, что *верующий*⁷ соглашается с реальностью, а не высказывание о ней содержит истину [20. Р. 37]. Для Джеймса обе дискредитированные им концепции являются несостоятельными в силу того, что отказываются от рассмотрения непосредственного опыта, то есть не учитывают наши актуальные или гипотетические способы использования наших вер на практике.

Однако обвинения Джеймса в субъективизме его концепции не вполне состоятельны. Джеймс не отказывается от идеи «абсолютной истины», однако также трактует ее по-своему. В своих первых разработках теории истины Джеймс говорит преимущественно о наборе вер, которые удовлетворительно функционируют в течение ограниченного периода, позволяя человеку приспосабливаться к изменчивому миру. Затем эти представления трансформируются в представления о степени истинности, которая способна прогрессивно накапливаться. Идея «абсолютной истины» для Джеймса – это в некотором роде идеальный объект, означающий, что некое идеальное сообщество добросовестных и осведомленных исследователей достигло той точки, после которой их дальнейший опыт никогда не станет другим [Ibid. Р. 36]. Здесь он фактически следует Пирсу, для которого истина представляется предельным соглашением между всеми исследователями.

На основании джеймсовской концепции истины Шиллер формулирует свою версию субъективистской теории сознания Джеймса, согласно которой реальность является такой, какой ее познает индивидуальное сознание. Эта версия оказывается крайне созвучна картезианской. Согласно Шиллеру, именно личное сознание является критерием познаваемости, т.к. является наиболее реальным из существующего, и в таком случае индивидуальные ценности служат конечной инстанцией проверки всякого знания [13. Р. 44]. Исходя из этих же оснований Шиллер занимает критическую позицию в отношении формальной логики, отрицая даже возможность ее построения и переформулирует задачи и сущность логики. Суждение, по мнению Шиллера, не может быть отвлеченным, оно не существует отдельно от интересов того, кто его высказывает, поэтому оно «всегда чье-то суждение, т.е. это всегда личный акт, выражающий конкретное намерение» [10. Р. 130]. Именно из намерения проистекает суждение, а значит, оно всегда используется в определенном контексте. «Из одних только употребляемых нами слов и знаков еще нельзя дедуцировать, что мы имеем в виду; необходимо учитывать, что мы намереваемся достичь с помощью этих слов и знаков» [Ibid.]. В таком ключе идеи Шиллера становятся крайне созвучны тому, что говорил о знаках Пирс, который, как мы помним, разработал науку семиотику в том числе и для установления тех

эффектов, которые причиняют знак, и тех эффектов, которые знаки оказывают на другое сознание. Значение следует из контекста, а не опирается на формальные правила. По этой причине Шиллер настаивает на невозможности установления на основании формальных правил того, что следует или не следует из того или иного суждения. «Если логик хочет проанализировать структуру действительных выводов, он должен целиком отбросить концепцию “формальной корректности” или “логической истинности”» [10. Р. 130]. По мнению Шиллера, подлинная логика, учитывающая контекст и произведенный эффект, действительно достигает истины, тогда как формальная логика обречена работать только с корректностью и ошибочностью.

В современной истории философии имя Ф.К.С. Шиллера оказалось незаслуженно забыто, хотя, как мы показали, именно он осуществляет под влиянием философии Джеймса подлинно «риторический», а вернее сказать, релятивистский поворот в философии. Однако, как мы увидели, влияние Шиллера и Джеймса оказалось обоюдным. Как итог, ре-

лятивистская линия прагматизма не только принимает концепцию непосредственного опыта и истины «явления» в отличие от «реальной» истины, но и его гуманистическую в шиллеровом понимании направленность, поскольку выводы о человеке как мере познания Шиллер делает, суммируя и развивая концепцию истины Джеймса. Кроме того, видно, что прагматизм отказывается от концепций истины, сопряженных с фундаментализмом, и развивает такую концепцию истины, которая напрямую согласуется с риторическими принципами. Прагматизм начинает с того, что истина неотделима от убеждения, а мышление, будучи диалогичным, придает рациональности риторический характер, и заканчивает признанием того, что истина коренится в непосредственной деятельности и практике людей, носит гуманистический характер, т.е. учитывает проблемы человеческой жизни и опыта познания мира, с которым человек находится в непосредственном контакте, и что истины может достичь только такая логика, которая учитывает контекст и произведенный практическими действиями эффект.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существует стандартная система цитирования работ Пирса; в частности, *CP* означает ссылку на издание: [3]. Ряд работ из этого издания переведен на русский язык: [4].

² Исследователи творчества Пирса часто отмечают, что вся его философия характеризуется нечеткостью терминологии, которая «плывет» и корректируется от статьи к статье. Самого Пирса такое положение дел не смущало, напротив, как он считал, подчеркивало живой, подвижный и дискурсивный характер философского рассуждения.

³ О содержании понятия «риторическая ситуация» см.: [7].

⁴ Работы Шиллера на русском языке приводятся по изданию: [15].

⁵ Обзор интерпретаций доктрины Протагора в «Теэтете» Платона см.: [16].

⁶ Часто заявление Пирса о важности практических следствий для познания объектов понимали так, что он буквально настаивает на практически полезном. В действительности для Пирса «практические следствия» означали некоторое рациональное поведение. Пассмор приводит такой пример, иллюстрирующий идею практических следствий Пирса: мы знаем, что такое «литий», только если нам известны шаги, посредством которых мы можем отличать его от других химических веществ. Если таких шагов не существует, если этого не происходит, то знак ни на что не указывает, он для нас – тарбарщина. «Значение символа, по Пирсу, не сводится, как это часто ранее предполагалось, к “идеям”, которые его представляют в нашем сознании. Чтобы понять символ, нам нужно просто посмотреть на поведение, вызываемое им у разумного человека» [10. С. 82].

⁷ В философских контекстах используется более широкий объем понятия слова «вера» нежели «религиозная вера». Английский язык использует для этого разные слова, *believe* и *faith* соответственно. По-русски передать эту разницу сложно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Colapietro V. C.S. Peirce's Rhetorical Turn // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2007. Vol. 43, № 1. P. 16–52.
2. Боброва А.С. Место риторики в логике Ч.С. Пирса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 107–116.
3. Peirce C.S. Collected Papers / ed. by C. Hartshorne and P. Weiss; Arthur W. Burks. Vol. 1–8. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 1965–1967.
4. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М. : Логос, 2000.
5. Пирс Ч.С. Разделение знаков // Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой. М. : Логос, 2000. С. 176–199.
6. Johnstone Ch.L. Dewey, Ethics, and Rhetoric: Toward a Contemporary Conception of Practical Wisdom // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16, № 3. P. 185–207.
7. Косарев А.В. Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 2. С. 226–242.
8. Dictionary of Philosophy and Psychology / ed. by J. M. Baldwin. New York : Macmillan Co., 1901–1905. 3 vols.
9. Mailloux S. Sophistry and rhetorical pragmatism // Rhetoric, sophistry, pragmatism / ed. by S. Mailloux. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 1–32.
10. Пассмор Дж. Сто лет философии / пер. с англ.; под общей редакцией А.Ф. Грязнова. М. : Прогресс-Традиция, 1998.
12. Schiller F.C.S. Humanism: Philosophical Essays. London ; New York : Macmillan, 1903.
13. Shook J.R.F.C.S. Schiller and European Pragmatism // A Companion to Pragmatism / ed. by J.R. Shook and J. Margolis. Malden ; Oxford ; Victoria : Blackwell Publishing. P. 44–53.
14. Шиллер Ф. Гуманистический взгляд на жизнь // Шиллер Ф. Наши человеческие истины. (F.C.S. Schiller. Our Human Truths. New York : Columbia University Press, 1939) / пер. В. Гольшева. М. : Московская школа политических исследований, 2003. С. 24–37.
15. Шиллер Ф. Наши человеческие истины. (F.C.S. Schiller. Our Human Truths. New York: Columbia University Press, 1939) / пер. В. Гольшева. М. : Московская школа политических исследований, 2003.
16. Вольф М.Н. Софистический релятивизм: миф или реальность // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, вып. 2. С. 493–504.
17. Шиллер Ф. Гуманизм и гуманизмы // Шиллер Ф. Наши человеческие истины. М. : Московская школа политических исследований, 2003. С. 74–89.

18. Вольф М.Н., Косарев А.В. Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32), т. 2. С. 3–16.
19. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. / подгот. текста В.В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. Т. 2.
20. Suckiel E.K. William James // *A Companion to Pragmatism* / ed. by J.R. Shook, J. Margolis. Maiden ; Oxford ; Victoria : Blackwell Publishing, 2006. P. 30–43.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 марта 2018 г.

THE RHETORICAL TURN OF PRAGMATISM'S FOUNDERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 47–53.

DOI: 10.17223/15617793/431/6

Marina N. Volf, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: wolfarch@yandex.ru

Andrey V. Kosarev, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: andrkw@rambler.ru

Keywords: rhetoric; communication; pragmatism; humanism; relativism; truth.

The paper considers the place and significance of rhetoric for the development of the first stage of Anglo-American pragmatism at the beginning of the 20th century. It analyzes the place of rhetoric in Peirce's semiotics and his emphasis on the communicative nature of knowledge. C.S. Peirce introduces a new science, semiotics, which, like the medieval trivium, splits into three branches: analytics, critic and methodic, which is otherwise called speculative rhetoric. The latter turns out to be the most pragmatic section of semiotics, aimed at the establishing the effect that the sign causes. The paper also shows that another founder of pragmatism, J. Dewey, paid attention to the development of the concept of communication, which is also part of rhetorical knowledge. Defining special aspects of communication, Dewey comes to the concept of a rhetorical situation. In connection with the influence of the philosophy of F.C.S. Schiller, Dewey changes his attitude towards sophistry as the starting point of rhetoric. He compares the Sophists with humanists, believes that the individualistic interpretation of their program is erroneous, and believes that it indicates the value of culture and civilization in its opposition to barbarianism and the animal nature. Finally, the paper examines the mutual influence of the concepts of W. James and F.C.S. Schiller, their role in the evolution of the pragmatist conception of truth. Schiller argues that pragmatism is humanism, and it is a form of relativism, but it is not identical with skepticism and it is alien to objectivism. These arguments, along with Peirce's thesis of practical verification of truth, served as a conditional platform for James in his creation of the theory of pragmatist truth. The influence of Schiller and James turned out to be mutual and resulted in a relativistic line of pragmatism that accepts the concept of direct experience and the truth of the "phenomenon" as opposed to "real" truth. In addition, it is shown that pragmatism, abandoning the concepts of truth associated with fundamentalism, develops the concept of truth which is directly consistent with rhetorical principles. Pragmatism begins with the fact that truth is inseparable from persuasion, and thinking, being dialogical, gives rationalism a rhetorical character, and ends with the admission that truth is rooted in the immediate activity and practice of people, it has a humanistic character, i.e. takes into account the problems of human life and the experience of knowing the world a person is in direct contact with, and that logic can achieve truth if only it takes into account the context and effect produced by practical actions.

REFERENCES

1. Colapietro, V. (2007) C.S. Peirce's Rhetorical Turn. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 43:1. pp. 16–52.
2. Bobrova, A.S. (2010) Mesto ritoriki v logike Ch.S. Pirsu [The place of rhetoric in the logic of C.S. Peirce]. *RATsIO.ru*. 4. pp. 107–116.
3. Peirce, C.S. (1965–1967) *Collected Papers*. Vols 1–8. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
4. Peirce, C.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze & T. Dmitrieva. Moscow: Logos.
5. Peirce, C.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze & T. Dmitrieva. Moscow: Logos. pp. 176–199.
6. Johnstone, Ch.L. (1983) Dewey, Ethics, and Rhetoric: Toward a Contemporary Conception of Practical Wisdom. *Philosophy & Rhetoric*. 16:3. pp. 185–207.
7. Kosarev, A.V. (2017) Pragmatism and rhetoric: evolution of understanding the communicative situation. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 15:2. pp. 226–242. (In Russian).
8. Baldwin, J.M. (ed.) (1901–1905.) *Dictionary of Philosophy and Psychology*. 3 vols. New York: Macmillan Co.
9. Mailloux, S. (1995) Sophistry and rhetorical pragmatism. In: Mailloux, S. (ed.) *Rhetoric, sophistry, pragmatism*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Passmore, J. (1998) *Sto let filosofii* [One Hundred Years of Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
12. Schiller, F.C.S. (1903) *Humanism: Philosophical Essays*. London; New York: Macmillan.
13. Shook, J.R. (2006) F.C.S. Schiller and European Pragmatism. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing.
14. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 24–37.
15. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
16. Volf, M.N. (2017) Sophistic Relativism: Fiction or Reality? *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 11:2. pp. 493–504. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6476
17. Schiller, F. (2003) *Nashi chelovecheskie istiny* [Our human truths]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 74–89.
18. Volf, M.N. & Kosarev, A.V. (2017) Joseph Margolis's Neo-Pragmatism. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*. 2 (32):2. pp. 3–16. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16
19. Russell, B. (1994) *Istoriya zapadnoy filosofii: v 2 t.* [History of Western philosophy: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
20. Suckiel, E.K. (2006) William James. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing.

Received: 30 March 2018

Л.А. Коробейникова, А.Ю. Гиль

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: АНАЛИЗ И КОНЦЕПЦИИ

Представлен анализ изменения теоретизирования по проблеме глобализации в направлении перехода от фрагментарного типа мышления, который доминировал на первом этапе теоретического осмысления глобализации и включал в себя междисциплинарный анализ экономической, социальной, политической и других форм глобализации, к попытке систематизировать дискурс по проблеме в рамках философской парадигмы. Концепции информационного и сетевого общества представляют собой один из вариантов философского осмысления глобализации.

Ключевые слова: глобализация; глобальное сообщество; глобальное сетевое общество; сетевые структуры.

Пик теоретизирования по проблеме глобализации приходится на 90 гг. XX в. Глобализация выходит на повестку дня политиков, общественных деятелей, активистов политических движений, так же как и представителей академической науки, поскольку вокруг глобализации концентрируются кластеры, формирующие конкурирующие парадигмы современного знания. Теоретические дебаты по проблеме глобализации в этот период оцениваются неоднозначно: от негативного определения как глобальной болтовни (global babble) до широко распространенного очарования глобализацией. Несмотря на множество теоретических дебатов и бум литературы, теоретизирование по проблеме развито неравномерно. Такие науки, как экономика, международные отношения, политическая философия, политология, социальная философия, социология, особенно активны в изучении глобализации, тогда как в других областях знания глобализация остается маргинальной темой, не выходя на первый план и не представляя предмета научного интереса. В этот период в границах философского дискурса, за исключением политической и социальной философии, глобализация не является востребованной темой исследований. Несмотря на явно выраженное философское неприятие глобализации, в рассмотренный период формируются продуктивные методологические подходы к анализу глобализации: аналитический и нормативный, которые дополняются междисциплинарными исследованиями глобализации как дискурса, процесса и социального института.

В настоящее время можно отметить возрастающий философский интерес к проблеме глобализации. И это не случайно. Современные глобализационные процессы формируют новую онтологию мирового порядка, которая требует философского осмысления. Начинает формироваться второй этап теоретизирования по поводу глобализации: переход от фрагментарного междисциплинарного исследования глобализации на феноменальном уровне (в формах экономической, политической, социальной и др. глобализации), доминировавшего на первом этапе исследования, к философскому осмыслению существенных, ноуменальных оснований процесса глобализации.

В связи с предложенной периодизацией дискурса по проблеме глобализации, в первой части статьи рассматривается первый этап теоретизирования по проблеме, включающий исторические, социально-философские, правовые, политические концепции

глобализации. Во второй части представлен анализ информационных и сетевых концепций глобализации, которые исследуют глобализацию на философском уровне как формирующуюся новую онтологию мирового порядка. В заключении суммированы основные авторские интуиции и выводы по поводу изменения парадигм теории глобализации.

Основные концепции глобализации. В теоретических дебатах, в зависимости от характера процесса глобализации (гомогенного или гетерогенного), можно выделить два направления анализа этого процесса: глобализация на основе идеи прогресса, который ведет к однородности мира (универсализм), и глобализация на основе многообразия, гетерогенности мира (мультикультурализм).

В дискуссиях по проблеме формирования глобализации в универсалистской форме возникает тенденция к поляризации исследований вокруг оппозиции между корпоративной версией глобализации, или народной глобализацией, и глобализацией сверху, или элитной глобализацией. Даже популярные антиглобалистские движения представляют собой не что иное как выражение процесса глобализации, но в альтернативной форме, т.е. противостояние глобализации не является внешним по отношению к этому процессу, но во многом интегрируется в процесс универсалистской глобализации.

Концепция мультикультурной глобализации на основе многообразия, гетерогенности, фрагментарности мира популярна в силу своей нерепрессивной и толерантной формы. Оценка мультикультурализма как интеллектуального движения, которое может служить основанием мульти-глобализации, неоднозначна. Дж. Серль выступает против него, поскольку рассматривает как часть движения, разрушающего концепции истины и объективности в западной традиции. Р. Рорти считает мультикультурализм одним из направлений, которое ставит вопрос об отношениях между философскими теориями истины и академической практикой. Ч. Тайлор рассматривает мультикультурализм как отрасль либеральной политической теории. Более перспективной представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его в более широкий социокультурный контекст.

Основные концепции глобализации, как входящие в выделенные направления, так и выходящие за их

рамки, можно структурировать, выделив основные концепции: исторические, геополитические, социальные, экономические, правовые, политические, информационные и сетевые. Предложенная структура не исчерпывает всего многообразия концепций глобализации, но помогает систематизировать и концептуализировать дискурс по проблеме.

Исторические концепции глобализации. Процесс глобализации связан с исторической интерпретацией, так как представляет собой эволюцию глобального мирового сообщества. Изучая происхождение глобализации, некоторые исследователи подчеркивают, что эта идея изначально присуща человеческому роду, по поводу чего Р. Кокс замечает, что он не совсем уверен в этом, но это весьма полезная идея [1. Р. 18].

Проблема глобализации связывается с проблемой глобального Просвещения, избегающего узкого, локального контекста Просвещения XVIII в., вдохновленного национальными историческими нарративами.

Широко дискутируемая историческая концепция глобализации – интерпретация глобализации как этапа развития мирового сообщества, следующего за модернизацией: паттерны организации модернизации и глобализации берут начало в евроцентристских моделях. Исследователи интерпретируют модернизационные теории как «...концепции направленного развития, построенные на основе признания универсальности западного общества, превращения его в образец для всех народов, желающих ускорить свою естественную эволюцию. Модернизация осуществлялась в формах колонизации, вестернизации, догоняющей модели развития» [2. С. 5].

Модернизационные теории предлагали общий путь развития человечества с идеализацией Запада и признанием западной модели развития универсальной. Однако модернизации незападных стран поставили под вопрос универсальность западной модели модернизации, не обеспечив необходимых социокультурных изменений. Ряд исследователей считает, что глобализация как современный процесс эволюции мирового сообщества выходит за рамки модернизации. Процесс глобализации, по мнению Н.Е. Покровского, осуществляется на основе более упрощенной модели рациональности и более простых структурно-функциональных моделей, чем это было в эпоху модернизации [3. С. 26]. Упрощенную модель развития с основными характеристиками экономической эффективности, калькулируемости процесса и результата, предсказуемости последствий определенных действий и технически оснащенным контролем за их осуществлением описывает Г. Ритцер [4]. Модернизация как процесс, затрагивающий конкретное общество, меняющий его по западному образцу, приближающий гомогенизацию мирового сообщества, изменяется в условиях глобализации, меняется соотношение вестернизации и модернизации, в которой большую роль играют ценности коллективизма, религии. Возникают локальные варианты модернизации, приводящие к отсутствию унифицированной модели и к плюрализму модернизаций. «Различные институциональные сферы – экономика, политика и семейный быт – обнаруживают относительно автономные спо-

собности воспринимать модернизацию, и эти различные аспекты модернизации по-разному соединяются в разных обществах и в различные периоды своего развития» [5. Р. 6].

Исследователи выделяют и изучают варианты исторического развития мирового сообщества: вестернизация, колониализм, постмодернизация, догоняющее развитие [6. С. 115].

Историки экономики К.О' Рурк и Д. Уильямсон обсуждают проблемы, касающиеся глобализации в исторический период между 1850 и 1914 г., определяя эти годы как историческую эру глобализации, в рамках которой Атлантика предстает как арена глобального экономического обмена.

«Историки экономики и мышления, вместе с историками международной миграции, согласны, что глобализация началась в середине XIX в., трансформируя упорядоченную сеть атлантических связей» [7. Р. 9–10].

Ряд исследователей подчеркивает, что современная глобализация началась с 1970 г. и была связана с трансформацией капитализма, с мировыми потоками торговли, инвестирования, формирования мировой экономики, что позволяет говорить о том, что «...помимо национальных границ и национального регулирования, есть что-то еще, что можно назвать глобальным» [1. Р. 17].

С возникновением понятия «глобальная история» связано появление дебатов, касающихся глобальной геополитики и глобальной идентичности. Теоретики и политики подчеркивают, что США до сих пор остаются единственным государством, осуществляющим глобальное геополитическое доминирование. Американское господство создает новый мировой порядок, который распространяет на весь мир основные черты американской социальной и политической системы, такие как коллективная система безопасности; региональная экономическая кооперация; процедуры, которые обеспечивают консенсус, даже при доминировании США; предпочтение демократического участия в ключевых альянсах; рудиментарная глобальная конституциональная и правовая структура [8. Р. 28–29].

Социальные концепции глобализации. Понятие глобального отражает разные уровни развития человеческих сообществ, устанавливающих и адаптирующих идентичность и социальные отношения на индивидуальном, национальном и мировом уровнях, что обеспечивает преемственность социокультурной эволюции. В связи с этим встает вопрос о глобальной идентичности, трансформирующей единичные перспективы в глобальные и воплощающей изменчивый порядок континуума мировой истории и культуры.

Теоретики современной глобализации связывают начало этого процесса с формированием глобальной экономики свободного рынка. Теоретизирование по проблеме глобальной экономики высоко развито, но не является предметом специального анализа в данном исследовании, в связи с чем я хочу ограничиться краткой ремаркой. Дифференциация процесса производства, детерриториализация, глобальные финансы и другие феномены являются свидетельством формирования глобального пространства, в котором «...все

люди, несмотря на их различия, выступает как «треугольник» [9].

В современной социальной теории выделяются следующие основные элементы глобализации:

- детерриториализация, где имеет место возрастающая вариативность социальной активности, независимо от географического местоположения участников;

- взаимодействие вне существующих географических и политических границ;

- ускорение социальной активности;

- оценка глобализации как длительного процесса;

- понимание глобализации как мульти-процесса, поскольку проявление детерриториализации, взаимодействий постоянно растет во многих областях социальной активности [10].

В современном социальном и социально-философском дискурсе можно выделить три позиции в интерпретации глобализации. Радикальный глобализм обосновывает идею постепенного объединения отдельных государств в единое мировое сообщество. Умеренный глобализм утверждает тезис, что в процессе объединения разных государств и культур в единое мировое сообщество возникает противоположный процесс дифференциации. Антиглобализм отстаивает идею, что глобализация усиливает различия между культурами, поэтому данный процесс ведет к углублению конфликтов между национальными культурами и усугубляет социальное неравенство в мировом масштабе.

Центральное место в формировании глобального сообщества занимает сеть процессов, включающих жизнь человека в тесные глобальные политические, социальные, экономические и культурные связи, взаимозависимости и переплетающиеся потоки. Взаимосвязи, взаимозависимости и потоки вызывают взаимодействие, переплетение, смешение культурных и социальных форм, стилей и структур [11. Р. 13]. Такого рода культурные и социальные феномены описываются и анализируются как примеры «гибридизации». Термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» сейчас весьма популярны в исследовании глобализации. Фактически «гибридность» – это диагностическая черта, которая обеспечивает понимание очевидности глобализации [12]. Как отмечают исследователи, термин «гибридность» наиболее часто используется в анализе культурных аспектов глобализации, таких как мода, музыка, танец, фильм, пища, язык.

В науках международные отношения геополитика термины «гибрид», «гибридизация», «гибридность» используются для характеристики постмодернистских политических структур и структур безопасности в таких субъектах, как Европейский союз и НАТО. Исследователи подчеркивают гибридизацию политических структур Европейского союза: Европейского парламента и других образований в контексте европеизации. Многие европейские политические структуры состоят из элементов, которые гибридируют способ управления [13. Р. 620]. Теоретики предлагают и разрабатывают термин «гибридная политика» как эвристический инструмент изучения природы и форм геополитического соперничества, развивающе-

гося после холодной войны [14. Р. 3]. Некоторые исследователи отвергают культурную и социальную гомогенизацию и вместо этого говорят о смешении и интенсификации взаимосвязей глобального и локального-глокализация (в терминологии Р. Робертсона). С. Вертовек рассматривает смешение культурных и социальных феноменов в процессе глобализации в терминах постфилософии: «...транснационализм часто ассоциируется с текучестью конструированных стилей, социальных институтов и повседневной практики. Это часто описывается в терминах синкретизма, креолизации, бриколажа, культурной трансляции и гибридности» [15. Р. 3].

В рамках концепции глобализации как «гибридизации» Ж. Питерса процесс глобализации оценивается как рост многообразия возможных типов социальных структур: транснациональных, интернациональных, макрорегиональных, микрорегиональных, локальных, муниципальных. Другое проявление «гибридизации» связано с понятием смешанного времени: премодернизм, модернизм, постмодернизм. В границах этой концепции «гибридизация» интерпретируется как интеркультурализм.

Правовые концепции глобализации. В современных дебатах в философии права определение значения «глобального» и «глобализации» сосредоточено на поиске значения термина «сообщество» в границах постлиберализма и посткоммунитаризма. Традиционные парадигмы либерализма и коммунитаризма недостаточны для обновления исследования в силу их концептуальной ограниченности, поэтому философы права заняты поиском новых парадигмальных оснований интерпретации сообщества. Дискуссии концентрируются на анализе отношений между индивидом, государством и системой государств в соответствии с принципом аналогии между внутренними процессами в государстве и внешними процессами, в направлении от интерпретации изолированного индивида через национальное государство к глобальному государству. Проблема глобального формируется вариативно. Правовой концептуализм обосновывает правовой регулятивный императив в качестве основания проблемы глобализации, так как сообщество развивается от государства к сепаратному политическому сообществу. Другая позиция развивает идею глобальных возможностей и глобальной ответственности, созданной глобальной природой целей мирового сообщества.

В этой связи правовые философы заняты поисками обоснования «ответственного сообщества», (*responsible community*), «хорошего общества» (*good society*).

Политические концепции глобализации. Рассматривая генезис глобализации, некоторые политические теоретики подчеркивают преемственность этого процесса с Вестфалианской моделью развития, однако отличия современной глобализации заключаются в осуществлении двух вариантов модели: западного (американского и европейского) и восточного (японского, китайского, российского). В эпоху глобализации Вестфалианская модель идет на компромиссы, по крайней мере, в четырех пунктах: через соглашение, контракт, принуждение, а налог [16. Р. 33].

Политические теоретики заняты изучением нормативного измерения глобализации, что обсуждается в

дебатах между космополитами и коммунитаристами. Космополитизм основан на универсалистских идеях модернистской моральной и политической философии. Коммунитаристы не видят перспективы в необходимости переосмысления глобального неравенства и высказывают скептицизм относительно космополитической защиты глобальных правовых и политических реформ. Попытки достижения глобальной справедливости представляются сомнительными. И космополиты, и коммунитаристы обсуждают перспективы развития демократических институтов на глобальном уровне. Д. Хелд полагает, что глобализация требует расширения либеральных демократических институтов [17]. В противоположность Д. Хелду, Ю. Хабермас и другие коммунитаристы утверждают, что демократическая политика предполагает глубокое чувство истины, обязательства и принадлежности, которые пока остаются невостребованными на глобальном уровне [18]. Ряд политических философов рассматривает глобализацию как проявление неолиберализма. Некоторые исследователи изучают гражданское общество в условиях глобализации как рассеивающуюся практику [19].

Ряд политических теоретиков утверждают, что государство теряет компетентность, легитимность и власть, характерные для ведущего агента в мировых связях, и уступает место более комплексному «...пост-интернациональному универсуму, характеризующемуся разнообразием и смешанной политикой» [20].

Для пост-интернационального универсума [21] характерны проблемы формирования глобальной власти и глобальной ответственности. По мнению К. Брауна, термин «сверх-власть» имеет некоторое архаическое звучание в эпоху глобализации, но может быть актуализирован в контексте концепции «мягкой власти» (soft power) или в понимании важности военной власти в переоценке других форм власти. Исследователи (К. Браун, Ж. Бодрийар, Ж. Лакан, Ф. Гваттари) обсуждают изменение природы власти в настоящее время: власть превращается в сеть, становится скорее ризоматической, чем иерархической, создается и поддерживается не атрибутами, например, насилием, военной властью, экономическим производством, но людьми, работающими и потребляющими в глобальной экономике. Из-за изменившейся природы власти современная империя не похожа на иерархические империи Викторианской эпохи.

В эмпирически ориентированном американском политическом анализе можно выделить две тенденции интерпретации глобализации: интервенционализм, который утверждает первенство США по отношению к другим государствам [22]; изоляционизм, который подчеркивает, что вера в превосходство США – способ распыления сил в безуспешной попытке достичь имперского превосходства. В этих дебатах сформулировано несколько подходов к реализации гегемонии США в XXI в. Жесткий реализм утверждает тезис о том, что лидирующая мировая держава постоянно должна заботиться о перспективах своей исторической эволюции, потому что современная мировая политика представляет собой безжалостную борьбу за доминирование. Умеренный реализм развивает

идею обращения к внешнему миру, базирующуюся на порядке приоритетов. Либерал – гегемонизм утверждает идею использования США военного превосходства для установления порядка в нецивилизованных странах (вместо утверждения гегемонии). Либеральный интернационализм подчеркивает, что либеральные государства, в отличие от нелиберальных, редко вступают в конфликты друг с другом.

Неоконсервативные радикалы также опираются на теорию гегемонии США, но в то же время подчеркивают, что такая политика встречает вызовы времени, в связи с чем политика США подвергается критике с разных позиций:

- критика администрации США;
- критика войны в Ираке;
- критика использования неоконсерваторами войны с терроризмом в своих целях;
- критика ставки Америки на главенство в мировой политике [23].

Проведенный анализ теоретизирования по проблеме демонстрирует плюрализм позиций, охватывающих разные стороны глобализационного процесса: унификация мира или реальное многообразие; разнообразие исторических интерпретаций глобализации в контексте модернизации, вестернизации, колонизации, постмодернизации; детерриториализация; международные взаимосвязи; глобализация как мульти-процесс в социально-философском анализе; обсуждение правовых аспектов глобального сообщества, глобальной власти и глобальной ответственности. Такого рода междисциплинарные исследования направлены на создание комплексного представления о процессе глобализации, что было необходимо для понимания этого процесса на первом этапе теоретизирования. Междисциплинарные исследования глобализации изучают процесс глобализации на феноменальном уровне в формах экономической, социальной, политической, культурной эволюции глобального сообщества. В настоящее время намечается переход от междисциплинарного типа дискурса, который доминировал на первом этапе теоретического осмысления глобализации, к обобщению и рефлексии по проблеме в рамках философской парадигмы. Однако философский подход не исключает плюрализма интерпретаций, так как такая сложная концепция, как концепция глобализации, требует мульти-значений и вариативного подхода.

Информационные и сетевые концепции глобализации. М. Кастельс в книге «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [24] отмечает, что сетевой базис информационализма имеет собственную интерпретационную модель, влияющую на характер социальной эволюции. Речь идет о формировании новой организационной парадигмы в условиях смены ведущего типа коммуникации, где само понятие сеть приобретает универсальный характер. Это вопрос не столько организационной составляющей сети, сколько процесс, определяющий становление нового мировоззрения, формирования новой картины мира, создания посттрадиционного миропонимания, новой системы ценностей, нового типа личности. «Во все большей степени, – отмечал Э. Тоффлер, – люди

осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и так далее» [25]. Изменяются представления о самой реальности, которая принимает новое выражение. Современные тенденции развития общественного сознания определяют внутреннее состояние человека, его представления о мире, ценностях. Изменения в образе мышления сопоставимы с изменениями в языке как формы выражения внутренней духовной деятельности человека. «Сначала ничего не было, потом было слово, после появилась письменность, затем изобрели книгопечатание, и сейчас наступает кульминационный способ общения – Сеть» [26].

Разнообразие информационных потоков, сетевых взаимосвязей ведет к плюрализму как возможности равноправного сосуществования разных направлений. Это равноправное сосуществование порождает принцип децентрализации, возможности менять центры притяжения и создавать предельную подвижность взаимосвязей и взаимозависимостей, поскольку сеть представляет собой «жидкую» структуру, в отличие от иерархических моделей, причем это преимущество проявляется в двух аспектах: 1) децентрализация, 2) распределение принятия решений, но сети наследуют от иерархии высокую степень связанности. Сетевые структуры, как жидкие структуры, отличаются от застывших иерархических структур следующими чертами: обеспечение непринудительной и непрерывной структуры коммуникации; горизонтальная структура организации; децентрация, многоцентровая структура; равенство возможностей; открытость; ориентация на результаты и высокую эффективность; способность адаптировать внешние и внутренние факторы; самоорганизация и саморегуляция; низкая информационная сопротивляемость; гибкость; адаптивность. В отличие от жестких иерархических структур, сеть может обеспечивать лучшее обучение, расширенную легитимность и престиж, лучший контроль над внешней средой и лучшие экономические результаты. Использование сетевых форм организации приводит к достижению гибкости субъектов социальных и культурных процессов в условиях глобализации. В политической и социальной сферах сетевая форма организации обеспечивает развитие глобальных институтов. Технические инновации в развитии средств массовой коммуникации приводят к процессу модернизации технологий, новые технологии создают беспрецедентное сочетание подвижности сети и возможности скоординированного принятия решений, децентрализованного исполнения, что обеспечивает создание лучших коммуникаций в границах глобального общества по сравнению с индустриальным обществом. В то же время сеть встречает следующие трудности: координация функций; концентрация ресурсов на определенных целях; контроль за границами сети. Исследователи выделяют отличия ценностных ориентаций сетевых и иерархических структур: культурно-этические или ценностные ориентации участников сети; центральный элемент сети – дух доброй воли (*Spirit of goodwill*), который означает использование голоса вместо силы для решения проблемы, а также

высокий уровень доверия между участниками; в основе сетевой организации лежат нормы взаимности; члены сетевой организации создают «моральное сообщество», в котором предполагается доверительное поведение, понимание нормативных стандартов, а оппортунизм предпрещен [27]. Информационные сети в условиях глобализации изменяют отношения в разных сферах: культуры, экономики, социальности, политики, власти, опыта.

«Идеология» сетей применительно к культурному контексту учитывает два компонента: установку на сохранение локальной специфики; сознание «культурных прав». «Культурные сети» становятся своеобразной площадкой эксперимента на европейском постиндустриальном пространстве. Феномен культурных сетей можно рассматривать как новый принцип организации деятельности учреждений культуры и формы управления.

Предприятия и организации в эпоху глобализации представляют собой новый тип сетевого устройства, основанного на сети социальных и политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней. В экономике имеет место индивидуализация работы и сетевая децентрализация рабочих мест, в отличие от социализации работы, вертикальной интеграции, крупномасштабности производства индустриального общества. Крупные организации осуществляют внутреннюю децентрализацию, что придает их внутренней структуре характер сетей, взаимодействующих с другими организациями в рамках отдельных проектов. Малые и средние предприятия формируют свои собственные сети, поставляя себя в качестве сетевого элемента для более крупных партнеров. Подобные сети связаны между собой на основе бизнес-проектов и прекращают свое существование вместе с прекращением проекта. Работники получают разнообразные задания в зависимости от конфигурации сетевой организации работы, что индивидуализирует трудовые отношения.

В политической и социальной сферах развития сетевой формы коммуникации создаются предпосылки формирования институтов и организаций гражданского общества, обеспечивающих наращивание социального капитала, рассматриваемого в работах Дж. Калемана [28], Р. Патнема [29], Ф. Фукуямы [30].

Гражданское общество, построенное по сетевому принципу, обладает особой гетерархичной организационной структурой и опирается, по мнению Ю. Хабермаса, на «...бессубъективные формы коммуникации, которые управляют потоки дискурсивного образования, мнений и воли» [31. С. 74].

Технические инновации в средствах коммуникации и обмена информацией меняют среду, расширяя границы возможных взаимодействий. Развитие средств коммуникации в виде двух типов технологий: 1) совершенствование средств географического перемещения людей, 2) развитие средств виртуальных контактов и виртуального перемещения формирует как бы два параллельных пространства для перемещения людей в глобальном мире: основную реальность и виртуальную реальность.

«Массовое распространение глобальных интернет-технологий существенно усилило позиции виртуального пространства в обслуживании взаимодействия людей. Во-первых, происходит расширение границ возможных взаимодействий и, следовательно, это открывает новые возможности для извлечения от углубления специализации и разделения труда. Во-вторых, в виртуальном интернет-пространстве есть возможности радикального снижения издержек, так как затраты на использование интернет-технологий уже сейчас относительно невелики и продолжают снижаться. Кроме того, последствия от развития виртуальной среды в сетевой форме могут быть двояки: 1) традиционные формы управления меняют в ней свои привычные черты; 2) появятся условия для применения одной или нескольких форм управления».

Теоретики выделяют несколько типов сетей социального взаимодействия в современном мире:

– локальные, определяющие непосредственное социальное взаимодействие;

– национальные, созданные национальным государством, и непосредственно определяющие жизнь граждан через законодательство и систему контроля;

– интернациональные, определяющие отношения между национально конструированными сущностями и включающие договоренности между государствами по проблемам миграции, транспорта, коммуникаций, налогов и т.п.;

– транснациональные, независимые от национальных государств;

– глобальные, которые охватывают весь мир в целом [32. Р. 105].

В глобальном мире благодаря технологиям социальные и культурные паттерны оказываются сплетенными в единое целое, в котором человек получает возможность выбрать то, что подходит ему индивиду-

ально. Использование сетевых форм организации и взаимодействия обеспечивает гибкость индивидов, фирм, стран в условиях глобализации.

Предпринятое исследование концепций глобализации показывает, что рассмотренные подходы и концепции, сложившиеся на первом этапе развития теории глобализации, освещают ряд существенных и необходимых процессов глобального мира, а также содержат плодотворные идеи, касающиеся развития современного процесса глобализации. Это оценка процесса глобализации как универсального, мультикультурного и транскультурного процесса; исследование роли глобализации в формировании единого глобального пространства, которое приводит к интеграции производства, детерриториализации, формированию глобальной политики и глобальных финансов; анализ глобальных правовых и политических реформ; – перечень можно продолжить. Тем не менее, несмотря на продуктивные исследования глобализации в рамках междисциплинарности, сетевые концепции глобального мира открывают новую перспективу анализа глобализации с философских позиций как новой онтологии формирующегося мирового порядка. Феномен глобального сетевого общества представляет собой не только новый тип сетевого устройства, основанный на сети политических институтов и органов принятия решений международного, национального, регионального и локального уровней, но и трансформацию представлений о реальности и ментальное осознание окружающего мира как системы внешних и внутренних взаимосвязей. Изменения в образе мышления порождают плюрализм, с одной стороны, и внимание к локальной специфике – с другой. Это порождает гибкость и возможность бесубъектного мышления на основе анализа сетевых концепций взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Interview with Robert W. Cox // *Globalisation, Societies and Education*. 2003. Vol. 1, № 1. P. 18.
2. Федотова В.Г. Российское развитие в условиях глобализации // *Философские науки*. 2001. № 1. С. 5.
3. Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. № 3. С. 26.
4. Ritzer G. *The Macdonaldization of Society. An Investigation into Changing Character, of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks, California ; London ; New Delhi : Pine ForgePress, 1996.
5. Eisenstadt Sh. *Multiple Modernities in the Age of Globalization*. Jenisalem : The Hebrew University, 1998. P. 6.
6. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // *Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. С. 115.
7. Donna Gabaccia. *A Long Atlantic in a Wider World // Atlantic Studies. Literary, Cultural and Historical Perspectives*. 2004. Vol. 1, № 1. P. 9–10.
8. Brzezinski J. *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. N.V. : Basic Books, A Division Collins Publishers, 1997. P. 28–29.
9. Magalhaes A. and Stoer S. *Performance, Citizenship and the Knowledge Society: a New Mandate for European Education Policy // Globalisation, Societies and Education*. 2003. Vol. 1, № 1. P. 63.
10. Globalization, *Stanford Encyclopaedia, plato*. Stanford. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/globalization/>.
11. Steger M. *Globalization. A Very Short Introduction*. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 13.
12. Maracz L. *Hybridity as a Characteristic Feature of Globalization // Globalization, Europeanization and other Transnational Phenomena. Description, Analyses and Generalization*. Budapest, 2011. P. 14–31.
13. Bruszt L. *Multi-level Governance – the Eastern Versions: Emerging Patterns of Regional Development Governance in the New Member State // Regional and Federal Studies*. 2008. Vol. 18, № 5. P. 607–627.
14. Labban M. *The Struggle for Heartland: Hybrid Hepolitics in the Transkaspian // Geopolitics*. 2009. Vol. 14. P. 3.
15. Vertovec S. *Transnationalism*. New York : Routledge, 2010. P. 3.
16. Rizvi F. *Democracy and Education after September 11 // Globalization, Societies and Education*. 2003. Vol 1, № 1. P. 33.
17. Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Stanford : Stanford University Press, 1995.
18. Habermas J. *The Postnational Constellation: Political Essays*. MII Press, 1999.
19. Frost M. *Can Dispersed Practices be Held Ethically Accountable // Global Society*. 2004. Vol. 18, № 1. P. 88.
20. *Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock*. Val.H. Ferguson Rutgers University New Jersey and Richard W. Mansbach : Iowa State University, 2004. 380 p.

21. Restructuring Territoriality. Europe and the United States Compared. Edited by Christopher K. Ansell. University of California, Berkeley, 2004. 316 p.
22. Порядин С.В. США – лидер глобализации // Философские науки. 2001. № 2. С. 32–47.
23. America Alone. The Neo-Conservatives and the Global Order. Stefan Halper, University of Cambridge, and Jonathan Clarke. Cato University, Washington D.C., 2004. 382 p.
24. Касельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Blackwell, 2000. С. 195.
25. Тоффлер А. Паса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 286 с.
26. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. со шведского. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
27. Podolny J, Page K, Network Forms of Organization // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. С. 57–76.
28. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Supplement 94. P. 95–120.
29. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. URL: <http://www.msp.ru/libf/pub/putham-rv.htm>
30. Fukuyama F. Social Capital and Civil Society. The Institute of Public Policy. George Mayson Univer. 1999. October 1. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>.
31. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. С. 74.
32. Mann M. Has globalization ended the rise and the rise of nation-state // D. Held and A. McGrew (eds). The Global Transformation Reader. Cambridge: Polity Press, 2000. P. 105.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 марта 2018 г.

GLOBALIZATION PROCESSES: ANALYSIS AND CONCEPTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 54–61.

DOI: 10.17223/15617793/431/7

Larisa A. Korobeynikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

Aleksandra Yu. Gil, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gil_jiik@mail.ru

Keywords: globalization; global community; global network community; network structure.

The aim of the paper is to see how the change of discourse on globalization might enlighten the formation of a new ontology of world order. The main methods of the authors' analysis are connected with the interdisciplinary approach to globalization, comparative studies, philosophical analysis of globalization. During the investigation of globalization issues within sciences like economics, international relations, social sciences, sociology, political sciences, legal sciences, philosophy, the authors came to the following conclusions: 1. The first period of globalization issues in the 1990s is connected with the interdisciplinary analysis of globalization in various sciences: economic, political, social, etc. Globalization was rather a neglected topic in philosophy in this period. The analysis of globalization issues shows that theoretical debates in this period have different appraisals: from negative assessment of globalization to fascination for globalization. In most recent theoretical debates, two trends of investigation of this process arise: globalization on the basis of the idea of progress which leads to a homogeneous world (universalism), and globalization on the basis of representation of the world's real diversity (multiculturalism). Analysis of the main concepts of globalization provides the basis for the authors' classification of interpretations of globalization: historical concepts, economical concepts, social concepts, political concepts, legal concepts. The authors' conclusion is that the first period of discourse on globalization represents fragmentary comprehension of globalization. 2. The authors identified the second period of globalization analysis which is concerned with the philosophical analysis of contemporary network globalization. Global network organizations are a new type of a network structure based on the network of political institutions and on the network of international, national, local institutions of decision making. Individualization and decentralization are opposite to the socialization of work, vertical integration, big production which characterized industrial society's hierarchical forms of organization and interaction. Contemporary network organizations guarantee the flexibility of firms, individuals, countries in the conditions of globalization. The global network society phenomenon represents not only a new type of a network organization, but a new ontology of world order, transforming the present ideas of the reality. In the authors' opinion, this creates the opportunity for the formation of a new philosophical thinking – thinking without the subject, based on the analysis of network representation of the reality. Network globalization concepts open new perspectives for the philosophical analysis of globalization as a new ontology of world order.

REFERENCES

1. Globalisation, Societies and Education. (2003) Interview with Robert W. Cox. *Globalisation, Societies and Education*. 1:1. pp. 18.
2. Fedotova, V.G. (2001) Rossiyskoe razvitiye v usloviyakh globalizatsii [Russian development in the conditions of globalization]. *Filosofskie nauki*. 1.
3. Pokrovskiy, N.E. (2000) Neizbezhnost' strannogo mira: vkluychenie Rossii v global'noe soobshchestvo [The inevitability of a strange world: inclusion of Russia in the global community]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 3. pp. 26.
4. Ritzer, G. (1996) *The Macdonaldization of Society. An Investigation into Changing Character, of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks. California; London; New Delhi: Pine Forge Press.
5. Eisenstadt, Sh. (1998) *Multiple Modernities in the Age of Globalization*. Jenisalem: The Hebrew University.
6. Parsons, T. (1993) Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya [The concept of a social system: components and their relations]. Translated from English. *Thesis*. 2. pp. 94–122.
7. Gabaccia, D. (2004) A Long Atlantic in a Wider World. *Atlantic Studies. Literary, Cultural and Historical Perspectives*. 1:1. pp. 66–84.
8. Brzezinski, J. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. N.Y.: Basic Books, A Division Collins Publishers. pp. 28–29.
9. Magalhaes, A. & Stoer, S. (2003) Performance, Citizenship and the Knowledge Society: a New Mandate for European Education Policy. *Globalisation, Societies and Education*. 1:1. pp. 41–66. DOI: 10.1080/1476772032000061815
10. Stanford Encyclopaedia of Philosophy. (n.d.) *Globalization*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/globalization/>.
11. Steger, M. (2009) *Globalization. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
12. Maracz, L. (2011) Hybridity as a Characteristic Feature of Globalization. *Globalization, Europeanization and other Transnational Phenomena. Description, Analyses and Generalization*. Booklet of abstracts. Budapest College of Communication and Business). May 6–7, 2011 Budapest. pp. 14–31.

13. Bruszt, L. (2008) Multi-level Governance – the Eastern Versions: Emerging Patterns of Regional Development Governance in the New Member State. *Regional and Federal Studies*. 18:5. pp. 607–627. DOI: 10.1080/13597560802351622
14. Labban, M. (2009) The Struggle for Heartland: Hybrid Geopolitics in the Transcaspiian. *Geopolitics*. 14. pp. 1–25. DOI: 10.1080/14650040802578641
15. Vertovec, S. (2010) *Transnationalism*. New York: Routledge.
16. Rizvi, F. (2003) Democracy and Education after September 11. *Globalization, Societies and Education*. 1:1. pp. 25–40.
17. Held, D. (1995) *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Stanford: Stanford University Press.
18. Habermas, J. (1999) *The Postnational Constellation: Political Essays*. MII Press.
19. Frost, M. (2004) Can Dispersed Practices be Held Ethically Accountable. *Global Society*. 18:1. pp. 77–90.
20. Ferguson, Y.H. & Mansbach, R.W. (2004) *Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.
21. Ansell, Ch.K. & Di Palma, G. (eds) (2004) *Restructuring Territoriality. Europe and the United States Compared*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Poryadin, S.V. (2001) SShA – lider globalizatsii [USA, the leader of globalization]. *Filosofskie nauki*. 2. pp. 32–47.
23. Halper, S. & Clarke, J. (2004) *America Alone. The Neo-Conservatives and the Global Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Kassels, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Translated from English. Moscow: Blackwell.
25. Toffler, A. (1986) Rasa, vlast' i kul'tura [Race, power and culture]. Translated from English. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress.
26. Bard, A. & Soderkvist, J. (2004) *Netokratiya. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: the new power elite and life after capitalism]. Translated from Swedish. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
27. Podolny, J & Page, K (1998) Network Forms of Organization. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 57–76.
28. Coleman, J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Supplement 94. pp. 95–120.
29. Putnem, R. (1996) *Chtoby demokratiya srobotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making democracy work. Civic traditions in modern Italy]. Translated from English by A. Zakharov. Moscow: Ad Marginem.
30. Fukuyama, F. (1999) *Social Capital and Civil Society*. The Institute of Public Policy. George Mayson University. October 1. [Online] Available from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>.
31. Habermas, Yu. (1995) *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy. Reason. Morality]. Moscow: Academia.
32. Mann, M. (2000) Has globalization ended the rise and the rise of nation-state. In: Held, D. & McGrew, A. (eds) *The Global Transformation Reader*. Cambridge: Polity Press.

Received: 30 March 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.442

Г.А. Банных, С.Н. Костина, А.И. Кузьмин

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-13-66013/15 «Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты».

Предпринята попытка обоснования и определения информационных потребностей населения в демографическом и социологическом аспектах. Предложен авторский подход к определению понятия информационных потребностей и авторская модель формирования информационных потребностей. На основе результатов проведенного в Свердловской области в 2014–2015 гг. конкретного социологического исследования рассмотрены современные информационные потребности населения, сделан вывод о возросшей роли потребностей среди различных социальных групп населения, выявлено влияние социо-демографических особенностей жителей Свердловской области на их информационные потребности.

Ключевые слова: информационная потребность; информационное общество; информационный потенциал; информационная среда; информационная деятельность; социально-демографические группы населения; региональная дифференциация; доходы населения; информационные технологии; потребительское поведение.

Актуальность проблемы

Современное развитие общества и всех сфер общественных отношений основано на информации, информационных технологиях и коммуникации. Информация стала предметом общественных отношений, основным фактором глобализационной экономики и условием ее эффективности. «Прозрачность», или транспарентность, своевременность, качество, безопасность, полнота – эти характеристики информации включаются в систему ожиданий и требований ее потребителей – субъектов общественных отношений.

Интерес к проблемам информации чрезвычайно обострился в XX в., когда цивилизация стала активно осваивать новые эффективные достижения научно-технического прогресса. Исследования информации, информационных и коммуникационных процессов в общественных науках особенно громко заявили о себе в 70-е гг. XX в. (А. Моль, М. МакЛюэн, Н. Луман и др.).

Целью данной статьи является попытка анализа понятия информационных потребностей и углубление его содержания, а также рассмотрение информационных потребностей населения на примере данных конкретного социологического исследования.

В современных науках об обществе, в том числе в экономике и отраслевой социологии, недостаточное внимание уделяется исследованию информационных потребностей. Традиционные концепции обычно пренебрегают всесторонним анализом влияния потребления информации на экономические отношения, рассматривая лишь некоторые отдельные аспекты такового. При этом остаются практически не изученными такие важные вопросы, как экономическая сущность потребления, использования и распространения информации, т.е. информационного потребления.

Проблематика информационных потребностей возникла в науке во второй половине XX в., что было связано, прежде всего, с ростом объема информации и

повышением значимости поиска определенной информации в существующих массивах. Информационные потребности первоначально рассматривались в контексте организации информационно-библиотечной и информационно-аналитической деятельности. В данном русле понятие информационной потребности определялось через «потребность» или «необходимость» получения информации, знаний [1, 2].

Теоретико-методологические подходы к обоснованию понятия информационных потребностей

Рост использования информационных технологий, в том числе СМИ и Интернета, вызвал интерес к изучению информационных потребностей среди представителей других научных направлений – психологии, социологии, педагогики, и, соответственно, к поиску новых значений данного понятия.

В силу разного видения и понимания данного термина, в связи с неустоявшимся его определением некоторые ученые называют данную ситуацию ситуацией «зонтика», под которым прячется гораздо больше смысла и значений этого феномена, чем видно снаружи [3. С. 57]. Например, С.В. Миранда и К. Таранофф трактуют информационную потребность (information need) как состояние или процесс, начинающийся в момент осознания индивидом отсутствия у него информации или знания для решения проблемы и заканчивающийся с решением проблемы [2].

Сегодня среди зарубежных исследователей популярны направления изучения информационных потребностей различных социальных групп: потребности больных теми или иными видами заболеваний [4], потребности учащихся образовательных учреждений разных уровней [5], потребности специалистов различных видов профессиональной деятельности [6], потребности родителей учащихся, вынужденные ори-

ентироваться в новых условиях информационного общества [7].

В рамках экономической теории потребности классически рассматриваются как одна из основополагающих категорий и традиционно связываются с понятием *экономического блага*. В соответствии с классификацией экономических благ можно выделить неэкономические (свободные) и экономические, материальные и нематериальные, потребительские и производственные, общественные и личные потребности. Анализ потребностей осуществляется в рамках изучения потребительского поведения в экономике: теории полезности (У.С. Девонс и др.), функционалистской экономической теории потребления (Г.Дж. Стиглер и Г.С. Бэкер), теории рационального выбора (Д. Фридман, М. Хечтер, Дж.С. Коулмен). Необходимо отметить, что в экономической науке понятие информационных потребностей практически не разработано. В связи с этим представляется необходимым анализ данного понятия в смежных науках.

В отечественной психологии информационные потребности изучаются с точки зрения познавательной деятельности человека, ведутся попытки раскрыть их биохимический механизм возникновения [8]. Отмечается, что информационные потребности занимают одно из приоритетных мест в системе ценностей человека и могут носить как общественно полезный, так и опасный характер.

Отдельными авторами делаются попытки определения сущности информационных потребностей с точки зрения различных теорий потребностей и мотивации. Например, в рамках теории мотивации А. Маслоу ступени пирамиды информационных потребностей выглядят следующим образом: информационный голод – потребность в информационной безопасности – потребность в сетевом общении – сетевой индивидуализм – потребность в информационном знании – потребность в информационной эстетике [9].

Особое место занимают исследования, направленные на изучение информационных потребностей населения в СМИ и Интернета, механизмов их формирования и удовлетворения. Так, в исследовании К. Ян сконструирована модель феноменологии информационных потребностей индивида: ориентировочно-познавательная потребность, потребность в компетентности и признании, потребность в смысле и творчестве. Обобщающее значение информационных потребностей феноменологически проявляется в их действии как абсолютных, вспомогательных и спонтанных потребностей, а также в том, что они образуются как совокупность коммуникативных, мнемических, регулятивных и эстетических потребностей, которые способны удовлетворить социокультурная информация [10].

В маркетинге информационная потребность понимается как нужда в информации, принявшая «специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личностью индивида» [11], т.е. на информационные потребности индивида оказывают влияние условия развития общества, новые объекты и альтернативы возбуждения и удовлетворения потребностей.

Социология предпринимает попытки раскрыть сущность информационных потребностей в рамках

нескольких теоретико-методологических направлений. Наибольшее распространение получил деятельностный подход, констатирующий деятельность индивида как основу потребностей. Так, И.И. Сальников рассматривает данное понятие как составляющую информационной деятельности конкретного индивида и общества в целом [12. С. 185]. При этом он говорит уже не только о потреблении информации, но и об ее обмене. Данная точка зрения представляется нам заслуживающей внимания, так как она позволяет существенно расширить объем изучаемого понятия.

Информационная потребность и информационная деятельность, а также деятельность вообще оказываются взаимосвязанными категориями – механизмом возникновения информационной потребности становится несоответствие между условиями деятельности и информационным потенциалом личности, который, в свою очередь, является производным от опыта, образования, накопленного багажа знаний [13]. А информационный поиск, позволяющий удовлетворить потребность, в маркетинге является второй ступенью пятиступенчатой модели принятия решения потребителем.

Интересна точка зрения А.В. Соколова, который рассматривает информационные потребности как функциональное свойство живых систем. Для него информационная потребность – это «потребность в информационной деятельности, устраняющей дисбаланс (рассогласования между наличным и нормальным состоянием) информационной сферы субъекта» [13, 14]. Информационные потребности он относит к потребностям социальным, выполняющим две основные функции – сигнальную (которая заключается в выработке сигнала о наличии рассогласования) и побуждающую (активизирующую определенную деятельность по устранению рассогласований). Трудно согласиться с данным определением, так как потребность является атрибутом субъекта деятельности, источником его активности, а деятельность – это способ удовлетворения потребности [15].

В концепции, предложенной авторами, в рамках социокультурного подхода информационные потребности рассматриваются как составляющие информационной культуры личности. В предложенной теоретической схеме информационная культура состоит из трех блоков – аксиологического, когнитивного и праксиологического. Знания и навыки индивида в информационной сфере, обеспечивающие эффективность информационных процессов, образуют когнитивную часть информационной культуры [16]. В соответствии с основными этапами информационного процесса нами выделены информационные потребности личности, связанные с производством, накоплением, хранением, распространением и потреблением информации.

Необходимо признать, что многие рассмотренные выше теории исходят из понимания информационных потребностей как потребностей в потреблении информации, т.е. индивиду отводится пассивная роль, не уделяя достаточного внимания активной стороне потребностей. В современном обществе массово возникают потребности не только в поиске, хранении и ис-

пользовании информации, но и в ее производстве и распространении. Если ранее производство и распространение информации во многом носило институциональный характер (т.е. являлось прерогативой властных структур, СМИ и т.д.), то на современном этапе информационные технологии позволяют практически каждому индивиду производить и распространять на широкую анонимную аудиторию практически любую информацию через социальные сети, сайты, блоги и т.д. Данные потребности становятся все более актуальными и массовыми, приобретая зачастую характер девиаций [17]. Так, например, необходимость в распространении визуальной информации о себе в социальных сетях («селфи», selfie) на современном этапе признается ментальным или психическим расстройством, склонностью к эсгибиционизму и нарциссизму [18, 19].

Содержание понятия «информационные потребности» и модель их формирования

В результате анализа рассмотренных подходов и концепций нами предложено следующее определение

понятия «информационная потребность» – это нужда в информации, необходимой для поддержания жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, реализуемая посредством преобразовательного отношения (информационной деятельности), включающей в себя поиск, отбор, переработку, потребление, производство и распространение информации.

Как отмечается в большинстве исследований, информационные потребности определяются множеством факторов, среди которых важнейшими являются информационный потенциал индивида и особенности информационной среды. Информационный потенциал включает набор демографических и социально-экономических характеристик личности: возраст, пол, образование, род деятельности, уровень доходов. Информационная среда, в свою очередь, характеризуется условиями доступа к информации, которые во многом зависят от типа и географического положения поселения.

В рамках предложенного подхода авторами была разработана факторная модель формирования информационных потребностей личности (рис. 1).

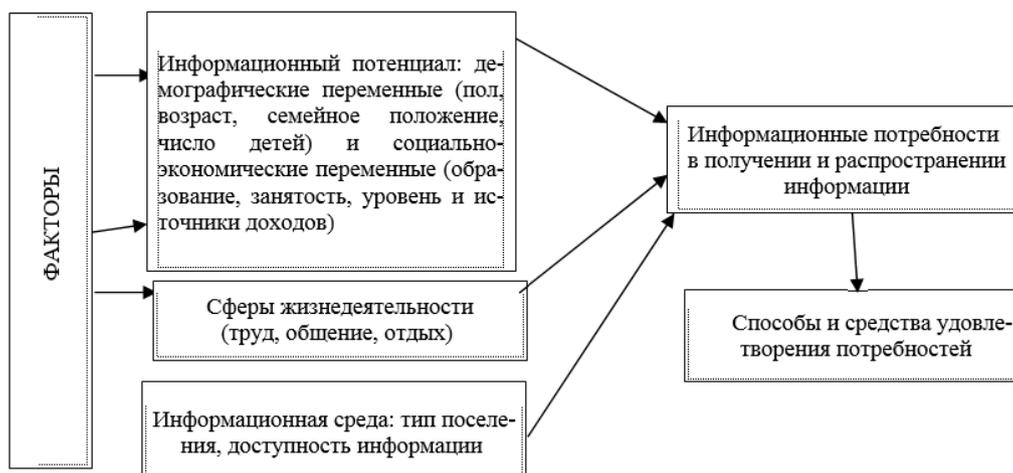

Рис. 1. Факторная модель формирования информационных потребностей личности

Информационные потребности населения Свердловской области: результаты социологического исследования

В рамках социологического исследования социально-демографических и поселенческих особенностей информационной культуры населения Свердловской области нами был проведен анализ информационных потребностей населения. Исследование проводилось методом анкетирования жителей Свердловской области по репрезентативной выборке по полу, возрасту (от 16 до 75 лет) и типу поселения (мегаполис, крупный, средний, малый город, сельские поселения). Итоговый массив анализа составил 934 анкеты.

В ходе исследования проводился анализ потребностей в получении и распространении информации в зависимости от особенностей информационного потенциала, прежде всего демографических и социально-экономических характеристик (пол, возраст, обра-

зование, занятость, уровень доходов) и информационной среды (тип поселения – мегаполис, города, сельские поселения). Статистический анализ показал, что во многом особенности информационных потребностей определяются не полом респондента, а его принадлежностью к определенной возрастной группе. В данном случае были выделены три основные возрастные группы: «молодежь» (до 30 лет), «средний возраст» (30–60 лет), «старший возраст» (старше 60 лет). Занятость анализировалась по статусу (работающий–не работающий), сфере деятельности, занимаемому положению (рабочий, вспомогательный персонал, служащий, руководитель, владелец бизнеса).

Определенный интерес представляет социально-экономический аспект информационного потенциала населения Свердловской области. В ходе исследования была выявлена статистическая зависимость самоидентификации различных половозрастных групп населения по уровню доходов (V Крамера = 0,138 по

возрасту и 0,175 по полу – значимы). Как видно из данных, представленных в табл. 1, наименее благопо-

лучную группу в данном отношении составляют лица старшего поколения.

Т а б л и ц а 1

Отношение к доходам различных половозрастных групп, % от числа ответивших

Возраст, пол	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на еду и самое необходимое	Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	Денег хватает на покупку автомобиля, недвижимости	Денег хватает на все	Сумма строки
До 30	9,2	35,5	37,7	4,4	13,2	100,0
30–59	6,6	41,8	40,7	5,1	5,8	100,0
Старше 60	12,1	53,6	28,6	3,6	2,1	100,0
Мужчины	9,6	34,0	37,5	7,9	11,0	100,0
Женщины	7,7	46,3	37,8	3,0	5,2	100,0
В целом	8,3	42,3	37,7	4,6	7,1	100,0

Рассмотрим потребности в получении информации. В данном случае анализировалось, какая информация интересует представителей различных социальных групп и цели ее получения. На первом месте по значимости оказалась информация развлекательного и политического характера (62% опрошенных), на втором – экономическая, далее по степени убывания значимости – в социально-духовной сфере, бытовая, спортивная, рекламная. В возрастных группах постепенно снижается интерес к развлекательной информации (29,6%–20%–19%) и повышается интерес к информации бытового характера (5,5%–12,9%–18,6%). Среди женщин потребность в информации по степени значимости выглядит следующим образом: развлекательная, политическая, социально-духовная, бытовая; мужчины же предпочитают информацию политического характера, далее – развлекательную, спортивную и экономическую. При этом потребности в информации в меньшей степени зависят от уровня доходов, типа поселения и занятости.

Наиболее значимыми целями поиска и получения информации для населения региона являются само-

развитие и расширение кругозора (67%), а также желание быть в курсе происходящего (66,2%). Более «утилитарные» цели – работа, быт, досуг – были отмечены менее чем половиной опрошенных. Наименее значимыми оказались такие цели получения информации, как учеба, покупки, общение с родственниками и друзьями. Данное распределение с небольшими вариациями сохраняется в разрезе социально-демографических и поселенческих особенностей.

В ходе анализа все источники удовлетворения потребности в получении информации были разделены нами по частоте обращений на 5 групп (табл. 2). В первую группу вошли источники, которые пользуются наибольшей популярностью у населения: телевидение, Интернет и члены семьи – абсолютное большинство опрошенных используют их один или несколько раз в течение дня. При этом, если брать параметр «несколько раз в течение дня», то на первое место выходят члены семьи, далее – Интернет и телевидение. Если анализировать по сумме двух параметров – один и несколько раз в течение дня, то наибольшая аудитория получается у телевидения, затем идут члены семьи и Интернет.

Т а б л и ц а 2

Источники информации, % от числа ответивших

	Источники информации	Один раз в день	Несколько раз в течение дня	Один раз в неделю	Несколько раз в неделю	Реже одного раза в неделю
1	Телевидение	39,1	40,7	3,4	10,2	6,5
	Интернет	18,2	58,7	4,1	9,0	10,0
	Члены семьи	27,2	52,0	5,5	9,4	5,9
2	Друзья, знакомые	20,4	35,8	14,2	20,3	9,2
	Коллеги по работе	24,6	43,6	5,2	14,5	12,1
3	Радио	16,7	28,2	8,5	12,9	33,8
	Газеты, журналы	16,6	11,5	26,3	17,9	27,8
4	Художественная литература	13,8	7,5	17,3	18,6	42,8
	Специальная, профессиональная литература	8,9	12,3	13,9	17,7	47,2
	Образовательные учреждения (школы, вузы и т.д.)	11,9	12,2	7,8	12,0	56,1
5	Органы власти	7,6	6,6	9,0	9,0	67,8
	Общественные и политические организации (партии, движения, церковь и т.д.)	2,6	2,6	6,4	4,2	84,2

Во вторую по частоте обращений группу попадают такие источники информации, как друзья и знакомые, коллеги по работе. Третья группа представлена радио и печатными СМИ (газеты, журналы). Четвертая группа по частоте обращений включает художественную и специальную литературу, а также образовательные организации. Наименьшая частота обращений у таких источников информации, как органы власти и общественные, политические организации.

Анализ показал, что на оценку респондентами условий получения информации большее влияние оказывают не их половозрастные особенности, а тип поселения. Наиболее часто опрошенные отмечали наличие в их поселении услуг Интернета (86,6% ответивших), покупки газет и журналов в книжных магазинах, киосках (76,1%). Наименьшим образом представлены возможности общения с представителями общественных и политических организаций

(партии, движения, церковь и т.д.) – 43,9% – и получения информации от представителей власти (31,5%). Такие варианты получения информации, как просмотр нескольких телевизионных аналоговых и цифровых каналов, посещение библиотеки в месте проживания, были оценены практически равнозначно (примерно 65–66% респондентов указали на наличие данных условий в их поселении).

Измерение удовлетворенности потребности в получении информации жителей Свердловской области показало, что для большинства опрошенных (65%) в целом достаточно получаемой информации. Также достаточно большая часть населения считает, что информации слишком много, избыточно (16%). Недостаток в получении информации испытывают только 8% опрошенных жителей Свердловской области.

Рассмотрим второй вид информационных потребностей – в производстве и распространении информации. Абсолютное большинство жителей региона (89%) отметили, что они являются распространителями информации, которой регулярно делятся с ближайшим кругом общения. Также почти треть респондентов указали, что являются источником информации в профессиональной деятельности и распространяют информацию через общение в социальных сетях. Закономерно, что среди респондентов старшего возраста наибольшее количество тех, кто не считает себя источником информации (7,9%).

Наиболее популярными каналами обмена информацией у жителей Свердловской области являются электронная почта (пользуются 83,3% ответивших) и страницы в социальных сетях (74,2%). Практически половина (45,2%) опрошенных зарегистрированы в специальных приложениях для общения, треть – на портале госуслуг, четверть – на специализированных порталах покупок и получения услуг, 13% – на тематических порталах.

Хотя анализ показал наличие половозрастных особенностей в распространении информации, наибольшее влияние в этой сфере имеют поселенче-

ские особенности. Так, жители мегаполиса и больших городов чаще, чем остальные распространяют информацию через общение в соцсетях, а жители остальных типов поселений – через профессиональное общение. Сельские жители предпочитают общение с друзьями и родственниками, менее разнообразно используют возможности Интернета (в основном социальные сети) [20].

Особенности удовлетворения информационных потребностей населением Свердловской области

Удовлетворение информационных потребностей происходит через использование определенных технических средств, часть которых уже стала основой предметной среды повседневной жизни большинства россиян. Так, по исследованиям М.К. Горшкова, с 2003 г. имущество россиян расширяется через активное приобретение мобильных телефонов, спутникового телевидения, домашних кинотеатров и т.д. Причем такая предметная среда становится обычной для массовых социальных слоев, а не только для среднего и высшего классов. Согласно данным исследователя, если в 2003 г. стационарными компьютерами владело 19% населения России, то в 2009 г. – уже 46% [21. С. 38]. По данным нашего исследования, один компьютер в личном пользовании имеется у 68% жителей области, по два компьютера имеют 12,7% семей. Действительно, данный вид имущества превратился в стандарт повседневной жизни и характеризует информационное потребление жителей области.

Мобильные телефоны, по данным М.К. Горшкова, в 2003 г. отсутствовали в списках имущества подавляющего большинства россиян – у 79%, в 2009 г. ими владело уже 83% населения [Там же]. Наши данные также коррелируют с этими показателями – минимум 80% опрошенных владеют одним мобильным телефоном, около 10% – двумя, в каждой четвертой семье мобильных телефонов от двух и более (табл. 3).

Таблица 3

Имущество жителей Свердловской области, находящееся в личном и семейном владении, % от ответивших

Значения	Сотовый л/с		Смартфон		Планшет		Ноутбук		ПК		ТВ		Радио		Стац.телефо н		Смарт ТВ	
	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья	лично	семья
Ни одного	5,4	5,2	38,0	27,9	48,4	32,3	27,8	18,7	27,2	15,9	10,2	2,5	41,2	36,9	41,6	30,3	63,0	57,0
Одно	80,3	17,9	55,9	26,8	49,3	49,6	66,1	47,4	68,2	64,6	65,4	31,7	55,7	46,3	56,0	59,4	34,6	33,6
Два	9,9	25,6	3,3	19,4	1,3	11,7	3,6	22,4	2,9	12,7	14,4	30,9	1,4	9,0	1,8	5,8	1,5	5,9
Три	2,5	25,3	1,3	15,4	0,2	3,3	1,5	7,1	0,8	4,2	7,6	24,4	0,9	4,3	0,2	2,3	0,9	2,4
Четыре	2,0	26,1	1,5	10,6	0,8	3,0	1,0	4,3	0,8	2,6	2,4	10,5	0,7	3,4	0,5	2,2	0,0	1,1

Тем самым, наиболее распространенным предметом потребления, удовлетворяющим информационные потребности жителей области, является мобильный телефон, на втором месте по распространенности – стационарный компьютер. Далее в порядке убывания следуют ноутбук, телевизор и стационарный телефон. Налицо преимущество использования технологических устройств, предоставляющих большие возможности информационной деятельности: либо более мобильные, либо более функциональные. У 11% опрошенных в семейном владении находится четыре и более смартфонов и телевизоров.

Наименее всего среди имущества жителей области представлены телевизоры со смарт-технологиями, позволяющие соединить преимущества телевидения и компьютерных технологий с выходом в Интернет. Такие устройства имеются только у трети опрошенных как в личном, так и в семейном пользовании.

Статистический анализ показывает, что потребление технических устройств зависит от возраста потребителей, их семейного статуса и типа поселения, в котором они проживают. Так, отмечена тенденция увеличения наличия технических устройств, отнесенных выше к стандартам повседневной жизни (ПК и

мобильные телефоны), с увеличением возраста респондентов: если среди молодежи мобильными телефонами владеет 74% опрошенных, то в средней возрастной группе их уже 83% (коэффициент Крамера = 0,146 – значим), компьютерами 64 и 74% соответственно (коэффициент Крамера = 0,138 – значим). Наоборот, прогрессивные, «новые», «нестандартные» пока еще технические устройства приобретаются чаще в молодом возрасте: если одним смартфоном владеет 68% молодежи, то в возрасте старше 60 лет таковых только 17% (коэффициент Крамера = 0,263 – значим); одним планшетом лично владеет 63% молодежи и 62% людей среднего возраста, однако у людей старшего возраста один планшет имеет лишь 27% опрошенных (коэффициент Крамера = 0,140 – значим).

Закономерной представляется и тенденция зависимости количества устройств, которыми владеет семья, от количества членов семьи – чем их больше, тем больше в их владении технических устройств.

Мобильные телефоны имеются у 86% жителей сел и малых городов Свердловской области, в крупных городах таковых только 55% населения, однако при этом среди жителей крупных городов самая высокая доля тех, кто владеет двумя и тремя такими устройствами одновременно – 25 и 5% соответственно. В крупных городах и самый высокий процент тех, кто владеет хотя бы одним смартфоном – 77% опрошенных против 32% сельских жителей области.

Телевизорами более обеспечены жители средних, малых городов и сел – там они имеются у более чем 71, 66 и 72% опрошенных, а вот телевизоров со

смарт-технологией более всего у жителей мегаполиса – они имеются у 41% опрошенных. Чаще всего телевизоры имеются во владении у холостых потребителей и тех, кто относится к лицам, потерявшим супруга.

Потребление технических устройств не зависит от дохода, получаемого представителями различных социо-демографических групп, однако сумма средств, расходуемых ежемесячно на удовлетворение информационных потребностей, отличается у разных возрастных и семейных групп населения Свердловской области. Так, 81% опрошенных в возрасте от 60 до 75 лет тратит в месяц не более 1 000 руб. на оплату услуг, связанных с информационным потреблением, в то время как у 28% молодежи и 29% людей среднего возраста соответствующие затраты составляют от 1 000 до 3 000 руб. и более (коэффициент Крамера = 0,159 – значим).

Суммы от 1 000 до 3 000 руб. и выше в месяц на оплату услуг, связанных с удовлетворением информационных потребностей, тратят женатые / замужние категории населения, в то время как наиболее экономными в этом плане оказываются вдовствующие группы: 30% против 10% соответственно. Среди вдов и вдовцов также наименьшее количество тех, кто тратит на оплату услуг от 500 до 1 000 руб. в месяц – 33%, среди остальных (и холостые / незамужние, и женатые / замужние, и разведенные) таких примерно равные доли: 40–43% опрошенных.

Конечно, уровень затрат на информационные потребности напрямую зависит от уровня доходов населения (коэффициент Крамера = 0,185 – значим).

Таблица 4

Распределение групп населения в зависимости от уровня дохода и затрат на услуги, связанные с удовлетворением информационных потребностей, % от числа ответивших

Затраты, руб. в месяц	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на ППН	Денег хватает на ТПС	Денег хватает на ТДП	Денег хватает на все
Менее 300 руб.	16,2	13,4	3,6	2,4	4,8
300–500 руб.	28,4	25,1	25,6	7,3	11,3
501–1 000 руб.	40,5	39,2	45,2	29,3	37,1
1 001–1 500 руб.	8,1	12,5	15,8	19,5	21,0
1 501–2 000 руб.	5,4	6,3	8,3	22,0	9,7
2 001–3 000 руб.	0,0	1,6	1,2	9,8	3,2
Более 3 000 руб.	1,4	1,9	0,3	9,8	12,9

Как видно из табл. 4, самые большие суммы на удовлетворение потребностей в информационных услугах тратят самые высокодоходные слои населения. Так, если 22% тех, кто может себе позволить покупку товаров длительного пользования (ТДП), тратят в месяц от 1 500 до 2 000 руб. на оплату информационных услуг, то в категории самых низкодоходных слоев населения таких только 5,4%.

Интересным показателем, характеризующим информационные потребности населения, является их интерес к появлению новинок на рынке технических устройств, что в условиях информационного общества и НТП служит индикатором ожидаемой востребованности возникающих продуктов и услуг. Наибольшую заинтересованность в новинках технических устройств проявляет молодежь (27% опрошенных) и мужчины в целом (22%), наименьший – люди в статусе вдов и вдовцов и жители сельской местности.

Заключение

Подводя итоги, можно с уверенностью говорить о все более возрастающем интересе к изучению информационных потребностей населения в социально-экономических науках. Информационные потребности перестают рассматриваться в узком смысле только как потребности в поиске необходимой информации и приобретают самостоятельное и более важное значение в связи с экспоненциальным ростом работы с информацией в целом, а также расширением набора средств и способов удовлетворения данных потребностей (информационно-коммуникационных технологий).

Результаты конкретного социологического исследования населения Свердловской области показали, что абсолютное большинство жителей региона испытывает потребности как в поиске разнообразной информации (прежде всего развлекательного и политического характера), так и в ее производстве или распро-

странении. Удовлетворение данных потребностей становится одной из важнейших сфер жизнедеятельности населения Свердловской области, в особенности наиболее активных его слоев (молодежи, жителей мегаполиса), приобретая все более разнообразный харак-

тер за счет использования современных технических средств, наиболее популярными из которых являются сотовые телефоны и стационарные компьютеры, а также ИК-технологий, где лидирующие позиции занимают социальные сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ступкин В. Информационные потребности: проблемы и стратегия повышения качества сервиса ИСБИО «Наукоград» // Информационные ресурсы России. 2010. № 5. URL: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/2010/number_5/number_5_1/number_5_12143/ (дата обращения: 03.09.2015).
2. Sylvania M.V., Tarapanoff K.M.A. Information needs and information competencies: a case study of the off-site supervision of financial institutions in Brazil. // Information research. 2008. Vol. 13. № 2. URL: <http://www.informationr.net/ir/13-2/paper344.html> (access date: 03.09.2015).
3. Faibisoff S.G., Ely D.P. Information and information needs by Sylvia Graduate School of Library Science School of Education // Information reports and bibliography. 1976. Vol. 5, № 5. URL: http://faculty.washington.edu/harryb/courses/INFO310/faibisoff_ely.pdf (access date: 03.09.2015).
4. Marton C. Understanding the Health Information Needs of British Internet Users Seeking Health Information Online and Their Perceptions of the Quality of the Internet as a Source of Health Information // Journal of Hospital Librarianship. 2015. Vol. 15 (2). P. 175–188.
5. Becker D.A., Chiware E.R.T. Citation Analysis of Masters' Theses and Doctoral Dissertations: Balancing Library Collections With Students' Research Information Needs // The Journal of Academic Librarianship. 2015. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0099133315001226> (access date: 03.09.2015).
6. Prasad H.N. Information needs and users. Varanasi : Indian Bibliographic Centre, 1992.
7. Zhang M., Trussell R.P., Tillman D.A., An S.A. Tracking the Rise of Web Information Needs for Mobile Education and an Emerging Trend of Digital Divide // Computers in the Schools. Vol. 32, is. 2. P. 83–104.
8. Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М. : Олма-Пресс, 2004. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/30/word/informacionnye-potrebnosti> (дата обращения: 03.09.2015).
9. Бричник В. Пирамида информационных потребностей. URL: http://ecovita.info.blogspot.ru/2013/04/blog-post_30.html (дата обращения: 03.09.2015).
10. Ян К. Информационные потребности личности и социально-педагогические условия их удовлетворения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. URL: <http://www.disscat.com/content/informatsionnye-potrebnosti-lichnosti-i-sotsialno-pedagogicheskie-usloviya-ikh-udovletvoreniya> (дата обращения: 03.09.2015).
11. Бронникова Т.С., Чернявский А.Г. Маркетинг : учеб. пособие. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. URL: <http://www.aup.ru/books/m49/1.htm> (дата обращения: 03.02.2016).
12. Сальников И.И. Основные этапы развития информационных потребностей человека // Социологические науки. 2010. № 10. С. 186–188.
13. Дзялошинский И. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/uroki/2-1-osnova-voispriyiy.html> (дата обращения: 03.09.2015).
14. Соколов А.В. Что есть информационная потребность? // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 197. С. 7–18.
15. Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru/1748/%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 03.02.2016).
16. Банных Г.А., Заборова Е.Н., Костина С.Н. Феномен информационной культуры: теоретико-методологический подход к изучению // Вопросы политологии и социологии. 2014. № 4 (9). С. 69–77.
17. Банных Г.А., Костина С.Н. Информационная культура общества как фактор развития экономики знаний: региональный аспект // Управленец. 2014. № 6 (52). С. 73–77.
18. American psychiatric association makes it official: 'selfie' a mental disorder. March, 2014. URL: <http://adobochronicles.com/2014/03/31/american-psychiatric-association-makes-it-official-selfie-a-mental-disorder/> (access date: 01.09.2015)
19. Ogronczuk J.S. Understanding and Treating Pathological Narcissism. URL: <http://www.apa.org/search.aspx?query=mental%20disorder%20selfie> (access date: 01.09.2015).
20. Банных Г.А., Костина С.Н. Социально-демографические и поселенческие особенности получения и распространения информации (на примере Свердловской области) // Демографические процессы на постсоветском пространстве : сб. материалов VI Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2015. С. 200–206.
21. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 28 апреля 2018 г.

INFORMATION NEEDS OF THE POPULATION OF THE REGION: A SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 62–69.

DOI: 10.17223/15617793/431/8

Galina A. Bannykh, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gbannykh@gmail.com

Svetlana N. Kostina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kostinasn@mail.ru

Alexandr I. Kuzmin, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kuz53@list.ru

Keywords: information needs; information society; information potential; information environment; information activities; socio-demographic groups; regional differentiation; incomes; information technology; consumer behavior.

The article attempts to study, identify and disclose the information needs of the population in the demographic and economic aspects on the example of the inhabitants of Sverdlovsk Oblast. The existing approaches to the definition of information needs in various sciences, including sociological, economic, psychological, were considered. With current theoretical and methodological ideas, the authors' approach to the definition of information needs was given: they are a lack of information which is necessary to sustain individuals, social groups and society in general, implemented by information activities, including search, selection, processing, production and dissemination of information. Information needs stop to be considered in the narrow sense only as a need

to search for the necessary information, but acquire an independent and more important significance in connection with the exponential growth of work with information in general, as well as the expansion of the set of tools and ways to meet these needs (information and communication technologies). The authors' model of the formation of information needs that includes a combination of factors (information potential, information environment, features of life), information needs (in receiving and disseminating information), ways and means to meet them (information activities) was proposed. On the basis of the results of a concrete sociological research conducted in Sverdlovsk Oblast in 2014–2015, current information needs of the population were reviewed. It is concluded that the role of the needs not only in the receiving, but also in the dissemination of information among different social groups has increased recently by means of modern information technologies. The use of various means for meeting information needs, such as television, the Internet, etc., was considered. The analysis revealed the influence of economic and demographic characteristics of the inhabitants of Sverdlovsk Oblast on their information needs. It is concluded that the age and settlement characteristics have prior influence on the choice of means and ways to meet information needs.

REFERENCES

1. Stupkin, V. (2010) Informatsionnye potrebnosti: problemy i strategiya povysheniya kachestva servisa ISBIO "Naukograd" [Information needs: problems and strategies for improving the quality of ISBIO "Naukograd"]. *Informatsionnye resursy Rossii*. 5. [Online] Available from: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/2010/number_5/number_5_1/number_5_12143/. (Accessed: 03.09.2015).
2. Sylvania, M.V. & Tarapanoff, K.M.A. (2008) Information needs and information competencies: a case study of the off-site supervision of financial institutions in Brazil. *Information research*. 13:2. [Online] Available from: <http://www.informationr.net/ir/13-2/paper344.html>. (Accessed: 03.09.2015).
3. Faibisoff, S.G. & Ely, D.P. (1976) Information and information needs by Sylvia Graduate School of Library Science School of Education. *Information reports and bibliography*. 5:5. [Online] Available from: http://faculty.washington.edu/harryb/courses/INFO310/faibisoff_ely.pdf. (Accessed: 03.09.2015).
4. Marton, C. (2015) Understanding the Health Information Needs of British Internet Users Seeking Health Information Online and Their Perceptions of the Quality of the Internet as a Source of Health Information. *Journal of Hospital Librarianship*. 15 (2). pp. 175–188. DOI: 10.1080/15323269.2015.1015092
5. Becker, D.A. & Chiware, E.R.T. (2015) Citation Analysis of Masters' Theses and Doctoral Dissertations: Balancing Library Collections With Students' Research Information Needs. *The Journal of Academic Librarianship*. 41(5). [Online] Available from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0099133315001226>. (Accessed: 03.09.2015). DOI: 10.1016/j.acalib.2015.06.022
6. Prasad, H.N. (1992) *Information needs and users*. Varanasi: Indian Bibliographic Centre.
7. Zhang, M., Trussell, R.P., Tillman, D.A. & An, S.A. (2015) Tracking the Rise of Web Information Needs for Mobile Education and an Emerging Trend of Digital Divide. *Computers in the Schools*. 32: 2. pp. 83–104.
8. Meshcheryakov, B. & Zinchenko, V. (2004) *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Big Psychological Dictionary]. Moscow: Olma-press, 2004. [Online] Available from: <http://vocabulary.ru/dictionary/30/word/informacionnye-potrebnosti>. (Accessed: 03.09.2015).
9. Brichnik, V. (2013) *Piramida informatsionnykh potrebnostey* [The pyramid of information needs]. [Online] Available from: http://ecovita.info.blogspot.ru/2013/04/blog-post_30.html. (Accessed: 03.09.2015).
10. Yan, K. (2002) *Informatsionnye potrebnosti lichnosti i sotsial'no-pedagogicheskie usloviya ikh udovletvoreniya* [Information needs of the individual and socio-pedagogical conditions for their satisfaction]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.dissertcat.com/content/informatsionnye-potrebnosti-lichnosti-i-sotsialno-pedagogicheskie-usloviya-ikh-udovletvoreni>. (Accessed: 03.09.2015).
11. Bronnikova, T.S. & Chernyavskiy, A.G. (1999) *Marketing*. Taganrog: Izd-vo TRTU, [Online] Available from: <http://www.aup.ru/books/m49/1.htm>. (Accessed: 03.02.2016). (In Russian).
12. Sal'nikov, I.I. (2010) Osnovnye etapy razvitiya informatsionnykh potrebnostey cheloveka [The main stages of man's information needs development]. *Sotsiologicheskie nauki*. 10. pp. 186–188.
13. Dzyaloshinskiy, I. (2000) *Rossiyskie SMI v izbiratel'noy kampanii: uroki effektivnosti* [Russian media in the election campaign: lessons of effectiveness]. [Online] Available from: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/uroki/2-1-osnova-vospriyatiy.html>. (Accessed: 03.09.2015).
14. Sokolov, A.V. (2013) Chto est' informatsionnaya potrebnost'? [What is information need?]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 197. pp. 7–18.
15. Psychology.academic.ru. (n.d.) *Potrebnost'* [Need] [Online] Available from: <http://psychology.academic.ru/1748/%D0%B%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. (Accessed: 03.02.2016).
16. Bannykh, G.A., Zaborova, E.N. & Kostina, S.N. (2014) Fenomen informatsionnoy kul'tury: teoretiko-metodologicheskii podkhod k izucheniyu [Phenomenon of information culture: theoretical and methodological approach to studying]. *Voprosy politologii i sotsiologii*. 4 (9). pp. 69–77.
17. Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2014) Informatsionnaya kul'tura obshchestva kak faktor razvitiya ekonomiki znaniy: regional'nyy aspekt [Information culture of the society as a factor in the development of the knowledge economy: a regional aspect]. *Upravlenets*. 6 (52). pp. 73–77.
18. Adobochronicles.com. (2014) *American psychiatric association makes it official: 'selfie' a mental disorder*. [Online] Available from: <http://adobochronicles.com/2014/03/31/american-psychiatric-association-makes-it-official-selfie-a-mental-disorder/>. (Accessed: 01.09.2015)
19. Ogrodniczuk, J.S. (2012) *Understanding and Treating Pathological Narcissism*. [Online] Available from: <http://www.apa.org/search.aspx?query=mental%20disorder%20selfie>. (Accessed: 01.09.2015).
20. Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2015) [Socio-demographic and settlement features of obtaining and disseminating information (on the example of Sverdlovsk Oblast)]. *Demograficheskie protsessy na postsovetskom prostranstve* [Demographic processes in the post-Soviet space]. Proceedings of the VI Ural Demographic Forum. Ekaterinburg: Institute of Economics, UrB RAS. pp. 200–206. (In Russian).
21. Gorshkov, M.K. (2009) Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa: sotsiologicheskoe izmerenie [Russian everyday life in a crisis: sociological dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 36–47.

Received: 28 April 2018

А.М. Беспалов, М.М. Прудникова, Б. Нямдорж, Д. Ундармаа

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Статья написана на основе исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования, культуры и науки Монголии, проект № 16-23-03005.

Рассматриваются результаты эмпирического исследования когнитивного и эмоционального аспектов этнической идентичности малочисленных этносов Западной Монголии: олётгов, урянхайцев, мянгатгов, торгутов и хотонов. Обращается внимание на то, что традиционные отношения народов Западной Монголии еще сохраняются, в то же время интересы в религиозной жизни, информационной сфере начинают меняться, что постепенно будет влиять и на изменения в более консервативных общественных отношениях.

Ключевые слова: этнос; этническая идентичность; ойраты; олётгы; урянхайцы; мянгаты; торгуты; хотоны.

Введение

В условиях глобализации в развитии этносов наблюдаются две противоположные тенденции: унификация и самоопределение. Этноты, с одной стороны, стремятся влиться в общемировые процессы, с другой – сохранить свою уникальность, самость. При этом в процессе ускорения научно-технических изменений, уплотнения социального времени и пространства, усиления информационных потоков превосходят этнокультурная унификация, стандартизация образа жизни, поведения, в то же время появляется неустойчивость и пластичность социальной и личной идентичности. Все это приводит к тому, что идентичность как заданность заменяется индивидуальным выбором «жизненного проекта» конструирования идентичности и ее адаптации под себя, к неустойчивости социальных связей и отношений, грозящей глобальной катастрофой человечеству. Этноты для повышения своей значимости стремятся создать новейшие мифы о своей истории и самоидентификации. «Голос крови», реальная родословная замещаются этими мифами. Особую опасность эти угрозы приобретают в полиэтничных районах, где сталкиваются социокультурные, экономические и политические интересы доминирующих и миноритарных народов и этнических групп. Это весьма серьезно влияет на межкультурный диалог, на представления этносов о самих себе, о своем месте в этом диалоге. Не случайно С. Хантингтон отмечает, что в мире протекает глобальный кризис идентичности: «Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения...» [1. С. 35], «...кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, т.е. носит глобальный характер» [Там же. С. 36]. Поэтому в ходе исследования в Монголии в 2016–2017 гг. мы проанализировали отношение к своей этнической принадлежности у малочисленных народов Западной Монголии: олётгов, мянгатгов, урянхайцев, торгутов, хотонов, – и для сравнения у основного монгольского этноса – халхов.

Постановка проблемы

К проблеме идентичности обращаются представители самых разных областей гуманитарного знания –

философии, социологии, психологии, антропологии, – стремящиеся проанализировать ее содержание, механизмы формирования, основные функции и т.д. Уже в античности мыслители задумывались об осознании человеком самого себя, о своей идентичности, рассматривая ее во взаимосвязи как с телом, так и с душой. Умиравший Гектор, обращаясь к Ахиллесу, умоляет его позаботиться о нем, отождествляя себя со своим телом:

«Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,

Честь воздавая последнюю, в доме огню приобрели» [2. С. 369].

Но и душа после смерти становится тенью умершего, его презентацией. Душа Гектора обращается к Ахиллесу во сне:

«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?

Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!

Души, тени умерших, меня от ворот его гонят

И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом»

[Там же. С. 376].

Античные мыслители рефлексировали и по поводу социального расслоения, выделяя различные сословия и идентифицируя население ойкумены по выделенным ими признакам. Так, например, Платон в основу такого деления положил три начала, или стремления, человеческой души: к познанию, к победе и к вождению [3. С. 372–376]. Представители средневековой философии (Августин Аврелий, Бозций) идентифицируют человека с Богом как Творцом, по образу и подобию которого он создан. В то же время, согласно Блаженному Августину, «...человек есть существо среднее, низшее по сравнению с ангелами и высшее по сравнению с животными, разделяя с животными смертность, а с ангелами разум, т.е. представляя собою существо разумно-смертное» [4. С. 389]. Однако от античности до Нового времени идентичность человека сводилась к поиску тождества, сведению всего к одному: в эпоху Возрождения (Николай Кузанский, Э. Роттердамский, М. Монтень, Т. Мор, Т. Кампанел-

ла, Ф. Рабле и др.) – к творческой самореализации, в эпоху Просвещения (Дж. Локк, Д. Юм, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо) – к универсальности личности, способной вместить в себя с помощью разума и беспредельного знания все Мироздание, в немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В. Гегель, Л. Фейербах) – к обретению постоянства, подобия, похожести. Однако уже начиная с XIX и до начала XXI в. идентичность опирается на категории «инаковость», «различие», «множественность» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), «выбор», «самоопределение» (К. Ясперс, М. Бубер), «описание», «самоописание» (П. Рикер), «симулякр», «ризом» (Ж. Дилёз, Ж. Бодрийяр) и т.д.

В ходе изучения этнической идентичности достаточно отчетливо оформилось три основных теоретических подхода: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиализм (от англ. *primordial* – исконный, изначальный) определяет этнос как изначально данную и неизменную общность людей с четко выраженными устойчивыми признаками, имеющими онтологическое основание. В то же время внутри этот подход может быть дифференцирован на базе некоторых классификационных критериев субстанциального основания этничности: природного как такового, в том числе лежащего в природе человека; социального бытия; единого природного и социального начала человеческого существования, находящегося в сфере духа как надприродного и надсоциального бытия. В этом случае можно выделить несколько направлений анализа и интерпретации феномена этничности: природно-антропологическое, социально-биологическое, социально-историческое. Природно-антропологическое направление (Геродот, Ш. Монтескье, К. Гирц, Х. Айзекс, П.Л. Ван ден Берге, Ф. Тённис, С.А. Арутюнов и др.) усматривает природу этничности и, соответственно, источник этногенеза в генетико-биологических, биофизических, географических и тому подобных факторах. Находясь на схожих позициях, Л.Н. Гумилев более противоречив в определении данного понятия. В основном он утверждает, что «этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д.» [5. С. 13]. В то же время он пишет, что «этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [6. С. 16]. Социально-биологическое направление представляет собой попытку связать в единое целое социально-историческую и природно-биологическую предопределенность этнических процессов и феноменов и рассматривает этнос как природно-генетически наследуемое качество. Р. Шоу и Ю. Вонг предполагают, что этническое родство заложено в генетическом коде еще с доисторической эпохи. Разновидностями данного направления являются социально-психологические и умозрительно-философские концепции «духа» или «души» народа (Г. Лебон, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт и т.д.). Социально-историческое направление рассматривает этнос как исторически складывающуюся социальную группу, свя-

занную общностью территории, исторических судеб, языка, материальной и духовной культуры, экономической жизни, психологического склада (И.В. Сталин). К этой же типологической схеме относится и направление в понимании этничности, которое можно обозначить как культурно-историческое (Н.С. Трубецкой, Ю.В. Бромлей, А. Бастиан, Ф. Гребнер, Т. Парсонс, Ф.И. Нейман, А. Фиркандт, австромарксисты – Р. Шпрингер, О. Бауэр и др.).

Конструктивистский подход (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, В.А. Тишков, В.С. Малахов и т.д.) определяет этнос как искусственное образование, результат целенаправленного конструирования и деятельности самих людей. Зачастую представители конструктивизма видят в этнических конструктах политический инструмент борьбы за экономические и символические ресурсы. Следовательно, образование этнической общности и этническая идентичность выступают в качестве процесса или процедуры отбора и отбраковки («прополки») государством и наукой культурных характеристик как маркеров этноса. Учитывая кризис мультикультурализма в Западной Европе, возрастание национального сепаратизма, ксенофобии, которые активно вторгаются в современный мир, Э. Хобсбаум отмечает: «Сейчас более важно, чем когда-либо, отказаться от теории этнической принадлежности как чего-то “первоначального”» [7. С. 338].

С точки зрения инструменталистского подхода (Л. Белл, А. Коэн, М.П. Фишер, Дж. Окамура, К. Янг, З.В. Сикевич, Л.М. Дробичева, Ю.В. Арутюнян, В.А. Ядов, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Арутюнов, А. Коэн, Х. Ортега-и-Гассет и др.) этнос рассматривается как важный инструмент достижения людьми определенных целей, который не направлен на поиск определения понятий этноса и этничности. В русле инструментализма выделяется два направления: элитарный инструментализм и экономический инструментализм. В первом случае в качестве основной цели этнических элит рассматривается борьба за власть, во втором – за ресурсы. Вот почему представляется более уместным для нашего исследования использование синтетической модели этноса, предложенной О.С. Тереховым в своем диссертационном исследовании «Динамика межэтнических конфликтов XX в.: социально-философский и теоретико-исторический анализ» [8]. Согласно этой модели, разработанной в рамках социальной онтологии Н.С. Розова, развивающей идею «трех миров» К. Поппера, выделяются «вариации для этнических признаков: в биотехносфере – от формы лица и черепа, цвета кожи (подобные признаки неизменяемы или крайне сложно поддаются изменениям) до одежды, причёски, оружия и мебели; в социосфере – от структуры семьи, рода, клана (подобные структуры крайне сложно поддаются внешним изменениям и конструированию извне) до заново создаваемых и изменчивых этнических группировок и диаспор (представляющих собой структуры с открытой возможностью вступления); в психосфере – от темперамента, неосознаваемых архетипов языка – генетических задатков психики, до меняющихся идей и идеологий, которые навязываются и передаются в этнической среде; в культуросфере – от ядерных сим-

волов культуры и владения родным языком до восприятия неологизмов, многоязычия и различных эффектов внешнего культурного влияния» [8. С. 9]. В рамках такой модели этнос представляется в виде ядра, в которое входят представители данного этноса по праву рождения или «по праву крови», имеющие определенные антропологические признаки принадлежности к данному этносу, свободно владеющие родным языком без акцента, выполняющие ритуалы жизненного цикла (принятие новорожденного в общество, брачные и похоронные церемонии), демонстрирующие определенное повседневное поведение, характерное для данного этноса и окружающих его слоев (оболочек этнического ядра). Вокруг ядерной группы имеется три таких слоя. Первый слой состоит из лиц, рожденных от моноэтнических родителей ядра этноса, но не соблюдающих традиции, которые являются обязательными для соответствующей этнической группы. Второй слой включает детей межэтнических браков, в которых один из родителей принадлежит либо к ядерной группе, либо к первому слою вокруг этнического ядра. Третий состоит из «этнических иммигрантов», не имеющих кровного родства с данным этносом, но стремящихся ассимилироваться и в определенной мере быть принятыми в него. Таким образом, под этносом можно понимать биосоциокультурную межпоколенную общность, состоящую из различным образом интегрированных в нее слоев (ядерной группы этноса и оболочек этнического ядра), идентифицирующих себя с этой общностью.

Но этнос – это становящееся явление. На первом этапе это по большей части природное, непосредственное, самоожесточенное явление. Культура его проста и примитивна. На втором этапе происходит его опосредствование собой. В нем появляется свое иное – культурное, которое все больше вытесняет природное, и этнос все более обретает черты социальности. Обычно этот этап связывают со становлением народности. Но искусственность, подражая естественному, им живет и в силу этого к себе начинает относиться критически. На этом этапе происходит становление нации. Теперь требуется не только критика, но и новое утверждение, усиленное антитестическим отрицанием. По этой логике возможен синтез в виде всемирно-исторического этнического образования. Таким образом, этнос более близок к социокультурному содержанию, отличающему его от других общностей. В то же время этногенез не является линейным и однонаправленным процессом. В зависимости от различных социокультурных условий он может включать в себя самые различные тенденции. Важным аспектом в этнической идентификации выступает, как правило, этническое самосознание. Оно формируется в ходе этногенеза, этнокультурной и социокультурной деятельности этноса и выступает затем уже не только «важным показателем этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их другим этносам» [9. С. 72].

Таким образом, современной наукой к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт изучения отдельных аспектов этнической идентичности. На

этой теоретической базе нами была разработана анкета «Мой этнос», которая стала основой для нашего исследования в этом году.

Что касается сведений и исследований идентичности этносов Западной Монголии, то они также уходят в глубь веков. Монгольская метаэтническая общность выходит далеко за пределы территории Монгольской народной республики и включает в себя как часть территории России (Бурятия и Калмыкия), так и часть территории Китая (Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район) [10. С. 94]. Как правило, этносы Западной Монголии, которые мы исследовали, называют общим именем: ойраты. По поводу того, какие этносы включают в группу ойратских народов, идут дискуссии. У некоторых авторов можно найти утверждение, что ойратами называлось отдельное племя, отдельный народ, по имени которого впоследствии был назван союз племен [11. С. 660; 12. С. 202–205; 13. С. 3; 14. С. 9–15; 15. С. 127–129; 16. С. 19–22 и др.]. Первые упоминания об ойратах можно найти в «Сокровенном сказании» [17. § 141, с. 116, § 144, с. 117, § 239, с. 174–175] и у Рашид-ад-Дина в «Сборнике летописей» [18. С. 118–121]. В состав ойратских народов (этнических групп) включается различное их число: от двух-четырех до одиннадцати. В числе 11 этнических групп, включенных в состав современных ойратов, С.К. Хойт называет и те народы, которые участвовали в нашем исследовании [19. С. 138]. Краткую информацию по этнонимам и истории народов Западной Монголии, участвовавших в нашем исследовании (за исключением хотонов), можно найти в книге А. Очира «Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов» [15. С. 112–116, 138–140, 163–165, 188–192]. Также о происхождении, образе жизни и расселении мянгатом есть сведения у Г.Н. Потанина [20. С. 39–40] и А.М. Позднеева [21. С. 310, 340–341, 342, 344]; олэтов – у Г.Н. Потанина [20. С. 39, 42, 108], П.К. Козлова [22. С. 20], А.М. Позднеева [21. С. 61–62], Г.Е. Грумм-Гржимайло [23. С. 566–569]; торгутов – у Рашид-ад-Дина [18. С. 118], Г.Н. Потанина [20. С. 43–44, 91–92, 95–98, 100, 104–105, 120, 150, 165, 167, 170–171], А.М. Позднеева [21. С. 327, 411–412], у современных авторов: Э.П. Бакаевой [24–26], Б.У. Китинова [27], В.П. Санчинова [28], Б. Нанзатова, М. Содномпиловой [29], Э.У. Омакаевой [30, 31] и др.; урянхайцев – у Г.Н. Потанина [20. С. 7–8, 34–39, 81–83, 88, 92, 96–97, 104, 120, 150–151, 161, 172], А.М. Позднеева [21. С. 287–290, 318, 363–364], П.К. Козлова [22. С. 5], Г.Е. Грумм-Гржимайло [23. С. 578–579], Б.Я. Владимирцова [32. С. 79, 85–86, 88], В.В. Ушницкого [33–35], О.М. Ганболда [36], И. Лхагвасурэна [37] и др.; хотонов – у Г.Н. Потанина [20. С. 15–18, 104–105, 152, 162], Б.Я. Владимирцова [32. С. 55, 77, 97, 99–102, 101–104], В.И. Терентьева [12. С. 203], О. Хулнаа [38], Н. Гомбосурэна [39] и др.

Непосредственно вопросам идентификации монгольских народов посвящены диссертации О.И. Зиминой [40] и В.И. Терентьева [41], а также статьи Л.Л. Абаевой [10], Э.П. Бакаевой [42], С.И. Замогилинского, Ю.В. Ставропольского [43], А.А. Клубкова [44], Н.А. Лойко [45], Д.В. Ушакова [46], В.И. Терентьева

[47, 48] и др. Исторический аспект монгольской идентичности раскрывается в статьях К. Коллмар-Пауленца [49], П.О. Рыкина [50], О.И. Зимина [51], А.С. Шмыта [52], Т.Д. Скрынниковой [53] и т.д. И нельзя не упомянуть важные для изучения этнической идентификации исследования по этническому самосознанию монголов. Это, прежде всего, работы В.И. Терентьева [54, 55] и статья М. Мөнхзула и Ж. Төртогтоха [56]. В данной статье, основываясь на синтетическом подходе, суть которого изложена выше, мы рассматриваем этническую идентичность через включенность респондентов в социосферу и культуросферу своего этноса.

Задачи исследования

Исследование направлено на анализ авто- и гетеростереотипов, а также на выявление когнитивного (что я знаю о своем этносе) и эмоционального (как я отношусь и какие эмоции испытываю к своему этносу и к себе как к представителю этого этноса) компонентов этнической идентичности малочисленных этносов Западной Монголии. Данная статья посвящена рассмотрению именно этих компонентов этнической идентичности пяти малочисленных этносов Западной Монголии: олётгов, урянхайцев, мянгатгов, торгутов и хотонов. Для сравнения используются данные доминирующего в Монголии этноса – халхов.

Методы исследования

Респонденты. В исследовании приняли участие 411 человек, из них 224 женщины и 187 мужчин в возрасте от 15 до 67 лет (средний возраст $M = 18,54$, $SD = 1,26$). Среди участников исследования было 77 представителей мянгатгов, 60 – торгутов, 67 – хотонов, 67 – урянхайцев, 67 – олётгов и 73 – халхов, которые опрашивались в двух аймаках: Ховдском и Увснурском. В то же время следует отметить, что среди опрашиваемых были жители 22 аймаков Монголии, хотя и преобладали те, кто непосредственно проживает на территории Ховдского аймака (67,9%). В выборках среди различных этносов была обеспечена приблизительно равная представленность юношей и девушек: доля юношей в разных выборках колеблется в пределах от 40,3 до 54,5%. В ходе исследования использовались квотная и случайно-вероятностная выборки, представители 6 указанных этнических групп добровольно участвовали в опросе. Квоты для них выделялись исходя из задач исследования. Случайно-вероятностная выборка рассчитывалась на основе переписи населения Монголии 2010 г. [57. С. 174, 194]. Репрезентативность выборки соответствует социально-демографической структуре населения двух аймаков, в которых проводился опрос: Ховдского и Увснурского. Это обеспечивает достоверность результатов данного исследования.

Методика. Для выявления когнитивного и эмоционального аспектов этнической идентичности нами была разработана и апробирована в России и Монголии [58] социологическая анкета «Мой этнос». Она содержит пять групп вопросов: 1) к какому этносу

себя причисляют респонденты и по каким критериям они это делают; 2) отношение респондентов, в том числе и эмоциональное, к своему и чужому этносам; 3) знание респондентами фольклора и героев своего этноса; 4) отношение респондентов к религии; 5) паспортника, куда были включены данные о половой принадлежности, возрасте, месте проживания, уровнях образования и дохода семьи респондентов.

Результаты

Идентичность человека – это его представление о самом себе, о том, с какими качествами он себя отождествляет и по каким из них он себя определяет. Для этнической идентичности очень важно понять, к какому этносу человек себя причисляет и на каком основании он это делает. В ходе исследования было выявлено, что участники опроса в основном разделяют традиционные представления в вопросах, касающихся принадлежности к тому или иному этносу. Так, большая часть респондентов (80,0%) принадлежность к этносу определяют по этнической принадлежности отца. Только 14,1% респондентов свою этническую принадлежность определяют по этнической принадлежности обоих родителей, еще меньше (5,1%) – по этнической принадлежности матери. Различия между отдельными этносами, полом и возрастом весьма незначительные. В то же время 3,0% хотонов и 1,3% мянгатгов указали, что этническая принадлежность человека определяется свыше.

Подавляющее большинство респондентов (97,8%) гордятся принадлежностью к своему этносу, считают, что в Монголии есть необходимые условия для его сохранения (85,6%). Более половины опрошенных (67,9%) полагают, что их этнос ни в чем не ущемляется и не подвергается дискриминации. Однако среди опрошенных больше половины хотонов (56,7%), около половины торгутов (45,0%) и олётгов (41,8%) считают, что их этнос ущемляется и подвергается дискриминации. Большинство из них отметили, что дискриминация осуществляется в неравной возможности устроиться на работу в другом городе или аймаке (49,4%), невозможности учиться наравне со всеми в престижных вузах (31,1%), неравной возможности открыть свой бизнес (12,8%). По этносам различий практически не было, за исключением мянгатгов. У них проявились несколько другие приоритеты. Они считают, что дискриминация проявляется в невозможности учиться наравне со всеми в престижных вузах (33,3%), неравной возможности открыть свой бизнес (23,8%) и неравной возможности устроиться на работу в другом городе или аймаке (19,0%).

По отношению к межэтническим бракам уже есть некоторые различия. В целом около трети респондентов (28,6%) считают такие браки возможными в силу равенства всех людей, а 25,9% полагают, что такие браки необходимы для «обновления крови». В то же время немного меньше опрошенных (28,1%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса, а 17,3% отметили, что межэтнические браки неприемлемы только с представителями определенных этносов. Ес-

ли посмотреть ответы на этот вопрос в разрезе этносов, то значительная часть олётгов (38,8%) и халхов (39,1%) считают межэтнические браки недопустимыми по причине их отрицательного влияния на «чистоту» этноса. Этот же ответ преобладает среди мужчин: олётгов (41,9%), халхов (37,5%) и урянхайцев (32,1%), а также женщин: халхов (36,6%) и олётгов (36,1%). При этом большое количество опрошенных отдадут предпочтение в случае заключения межэтнического брака халхам (28,0%), мянгатам (14,6%) и олётгам (12,7%). Однако если халхам отдадут предпочтение представители всех опрашиваемых этносов, то мянгатам отдадут предпочтение олётгы (21,2%), халхи (15,2%) и хотоны (8,3%), а олётгам – урянхайцы (21,6%) и мянгаты (8,2%). На второй позиции у хотонов оказались урянхайцы (8,3%), а у торгутов – казахи, китайцы и русские (по 7,1%). В то же время наиболее отрицательно респонденты отнеслись к выбору супруга или супруги из числа китайцев (38,6%), казахов (23,8%) и русских (12,96%). Безусловно, межэтнические браки способствуют укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, снижению угроз и напряжений в их взаимоотношениях. Однако при определенных условиях, они могут вести к культурной и этнической унификации, разрушению этнической идентичности народов.

Исследование показало, что более половины респондентов (68,4%) считают, что их этнос превосходит другие этносы. В целом респонденты ставят свой этнос значимее казахов (22,6%), китайцев (20,1%) и хотонов (16,7%). В разрезе отдельных этносов ситуация выглядит несколько иначе. Так, на первой позиции оказались казахи у халхов и мянгатов (31,0 и 32,0% соответственно), халхи – у урянхайцев и хотонов (26,7 и 17,9%), китайцы – у олётгов и хотонов (24,5 и 17,9%), хотоны – у торгутов (23,9%). Вторую позицию заняли китайцы у мянгатов и халхов (28,0 и 21,4%), казахи – у урянхайцев, олётгов и торгутов (24,4, 22,4, 21,7%), торгуты и урянхайцы – у хотонов (по 14,3%). По мнению опрошенных, превосходство над другими этносами проявляется прежде всего в интеллекте, умственных способностях, образованности (42,1%), в поддержании этнической культуры,

своих родовых корней, этнических обычаев и традиций (31,4%), в трудолюбии (24,9%). Помимо этого, как очень важные качества хотоны отметили выносливость (39,7%), олётгы – смелость и храбрость (25,5%), урянхайцы и халхи – благородство происхождения, сохранение «чистоты» крови (28,6% и 16,3%), мянгаты – сострадание и умение сопереживать (14,8%). Несмотря на это у большинства респондентов есть друзья из представителей других этносов (77,4%). И только у трети мянгатов (35,1%) и олётгов (31,3%) нет таких друзей. Более половины (52,6%) опрошенных отметили, что их семьи относятся к этому нейтрально, безразлично, а еще 44,1% указали на положительное отношение к наличию друзей из других этносов. Особых отличий у этносов не проявилось, за исключением того, что у олётгов (73,1%), урянхайцев (55,6%) и торгутов (55,1%) большинство членов семей безразличны к наличию таких друзей, а у хотонов (54,0%), мянгатов (52,9%) и халхов (50,9%) – приветствуют этот факт.

Познавательный компонент этнической идентичности включает в себя знание истории своего этноса, его народных героев, фольклора и т.д. В целом респонденты показали достаточно хорошее знание истории и фольклора своих народов. Больше половины опрошенных правильно выбрали двух наиболее известных представителей своего этноса (табл. 1) и легенды и эпические произведения своего народа. Так, 65,1 и 55,8% опрошенных мянгатов верно определили легенды своего народа «Мянгад хэмээх нэрийн тухай домог» («Легенда об имени мянгата») и «Чингүнжавын тухай домог» («Легенда о Чингүнжаве»); 87,0 и 50,0% торгутов – «Бүрэнхайрхан уулын домог» («Легенда о горе Бүрэнхайрхан») и «Гурван хүүхэд уулын тухай домог» («Легенда о горе Три ребенка»); 32,6 и 28,3% хотонов – «Бөх Цэрэндоржийн тухай домог» («Легенда о борце Цэрэндорже») и «Хөх хулын домог» («Легенда о лошади синего цвета»); 67,4 и 53,5% урянхайцев – «Баян цагаан өвгөн» (Богатый, белый дед) и «Аргил цагаан өвгөн» (Добрый, белый дед); 74,0 и 84,0% олётгов – «Цамбагарав хэмээн нэрлэсэн тухай домог» («Легенда о названии Цамбагарав») и «Өөлдийн таван шүтээний тухай домог» («Легенда о пяти святынях олётгов»).

Таблица 1

Наиболее известные представители этносов

	Сүбээдэй баатар	Б. Авирмэд (Алдарт туульч)	Загдсүрэн (Ардын жүжигчин)	Батнасан (гавьяат нисгэгч)	Увш хаан	Б. Бадам (Улсын баатар)	Чингүнжав	Л. Жамсранжав (Ардын жүжигчин)	М. Намсрай (Төрийн соёрхолт их эмч)	С. Загиржав (Улсын аварга малчин)
Мянгат	5,3%	6,6%	0,0%	5,3%	3,9%	1,3%	76,3%	61,8%	5,3%	6,6%
Торгут	3,4%	8,5%	1,7%	8,5%	69,5%	64,4%	8,5%	0,0%	1,7%	0,0%
Хотон	4,6%	18,5%	15,4%	3,1%	4,6%	1,5%	4,6%	3,1%	73,8%	56,9%
Урянхаец	46,9%	76,6%	1,6%	18,8%	1,6%	1,6%	4,7%	12,5%	6,3%	3,1%
Олёт	5,0%	6,7%	76,7%	71,7%	11,7%	0,0%	10,0%	5,0%	1,7%	8,3%

Знание о религии, которую исповедуют народы, к которым принадлежали респонденты, достаточно хорошее. Так, 88,2% мянгатов, 81,9% торгутов, 80,6% халхов, 78,8% урянхайцев и олётгов знают, что их народы исповедуют буддизм. В среднем около 22,0% представителей этих народов отметили, что у них также практикуется шаманизм. В то же время только

50,0% хотонов указали, что традиционной религией их народа является ислам, а 37,9% посчитали, что это буддизм. Несколько иной оказалась ситуация с указанием на религию, исповедуемую самими респондентами. В целом больше половины опрошенных (58,8%) указали о своей приверженности буддизму, и, несмотря на всплеск религиозного сознания в постсоци-

алистический период развития Монголии [59], на втором месте среди представителей всех этносов разных возрастных групп оказалось количество атеистов (19,6%). Только третьим был выбран шаманизм (13,2%). Следует также отметить, что наибольшая приверженность буддизму проявилась у всех опрошенных этносов во всех демографических группах. Однако на втором месте у хотонов (38,8%) оказался ислам, а у олотов (26,9%) – шаманизм. На третьем месте у 26–35-летних респондентов (11,3%) в отличие от других возрастных групп оказался ислам.

В современном мире большое значение в жизни людей имеет Интернет. Им среди опрошенных поль-

зуются 83,5%. Особенно широко Интернетом пользуется молодежь (табл. 2). Этот вопрос не имеет, конечно, прямого отношения непосредственно к этнической идентичности. В то же время косвенно он может показать интерес к этническим проблемам со стороны респондентов. В нашем исследовании в Интернете наибольший интерес у опрошенных вызывают новости (28,2%), социальные сети, общение с другими людьми (19,7%), профессиональная информация (19,5%), история Монголии (14,6%), домашнее хозяйство (приготовление пищи, уход за животными, растениями, вышивание, ремонт жилья и т.п.) (12,9%).

Таблица 2

Пользователи Интернета в Западной Монголии (данные по возрасту)

	15–19 лет	20–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	Свыше 65 лет
Пользуются	90,80%	94,50%	84,20%	84,60%	66,00%	66,70%	40,00%
Не пользуются	9,20%	5,50%	15,80%	15,40%	34,00%	33,30%	60,00%

Что касается отдельных этносов, то интерес к новостям у всех, за исключением хотонов, для которых наиболее предпочтительной является профессиональная информация (34,3%), находятся на первом месте. А вот далее предпочтения меняются. Социальные сети, общение с другими людьми находится на втором месте только у торгутов (33,3%), олотов (20,9%) и урянхайцев (19,4%). Для урянхайцев на втором месте также находится профессиональная информация (19,4%). На втором месте для хотонов находятся новости (29,9%), а для халхов – история Монголии (20,5%). Наличие друзей из других этносов повышает уровень пользования Интернетом. Так, респонденты, у которых есть такие друзья, чаще пользуются интернетом (89,6%) в сравнении с теми, у кого таких друзей нет (62,4%). Это говорит о том, что этнические проблемы не стоят на актуальной повестке дня для представителей изучаемых нами этносов.

Обсуждение

Полученные нами результаты продемонстрировали, что большая часть респондентов идентифицируют себя со своим этносом и разделяют традиционные патриархальные взгляды на ведение родословной по линии отца, что было распространено среди монголов со времен Чингиз-хана и отразилось как в «Сокровенном сказании», так и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина [17. С. 79; 18. С. 59–60, 63–64]. В то же время у Рашид-ад-Дина родословная Чингиз-хана восходит к общей праматери – Алан-Гоа [18. С. 64], что свидетельствует о наличии в монгольской традиции почитания и материнского начала. А если учесть тот факт, что идентичность современных монголов во многом связана с культом имени и истории Чингиз-хана [51–53], то эти факты во многом и обусловили ответы наших респондентов на вопрос об определении своей принадлежности к тому или иному этносу.

Для монголов ценность семьи остается достаточно высокой, несмотря на некоторые изменения в отдельных областях брачно-семейных отношений [60]. Это отмечали исследователи монгольской культуры еще в

прошлые века. В частности, П.К. Козлов писал: «Монголы вообще хорошие семьянины и с сильной любовью относятся к детям» [22. С. 112]. Это подтвердили и наши исследования в Западной Монголии в 2012 г. [61]. Следование традициям также проявилось и в отношении западных монголов к межэтническим бракам. Следует отметить, что наши данные не совпадают с данными, полученными в 2016 г. в Западной и Центральной Монголии барнаульскими исследователями [62. С. 119]. Здесь могло сказаться небольшое число опрошенных ими респондентов (164 человека), а также нечеткое разделение в вопросах понятий «этнос» и «нация» [Там же. С. 118, рис. 3]. В целом, по нашим данным, выразив положительное отношение к брачным союзам между представителями разных народов, респонденты все же предпочтение отдавали монгольским этносам и особо негативное отношение проявили к китайцам и казахам. Негативное отношение монголов к китайцам сформировалось еще в период порабощения Китаем Монголии в период с XVII до начала XX в. Это было отмечено и русскими исследователями: «По собственным наблюдениям и общему отзыву лиц, долго проживавших в Монголии, – писал в XIX в. М.В. Певцов, – масса монгольского народа относится весьма недружелюбно к своим порабощителям...» [63. С. 203]. Помимо того что казахи для монгольских народов Западной Монголии «чужие» по языку и культуре (иная *нация*), следует отметить и тот факт, что негативное отношение монголов к казахам стало проявляться в основном на бытовом уровне в связи с их высокой социально-экономической активностью в Западной Монголии в конце XX – начале XXI в. В меньшей мере такое отношение монголов характерно и к «омонголившимся» хотонам, которые представляют тюркский этнос, мигрировавший в регион северо-западной Монголии в XVII – первой половине XVIII в. Известный этнограф Б.Я. Владимирцов писал: «Монголы-дэрбэты относятся к хотонам несколько свысока, презирая их за то, что они рабы (бол), за то, что они не поклоняются “бурхану”, ходят с бритыми головами (мухр, толсата); но при простоте коче-

вой жизни и благодаря детскому характеру дэрбэтов, при их небрежном отношении ко всему это презрение хотонов мало в чем выражается, разве только в том, что дэрбэт ждет, чтобы хотон первый приветствовал его при встрече» [32. С. 101]. Эти факторы и особенности проявились и в ответах на вопросы по поводу гордости за свой этнос и о его превосходстве над другими этносами.

Одной из важных основ этнической идентификации большинством исследователей признается религия. До принятия буддизма в Монголии традиционным религиозным мировоззрением выступал шаманизм. Однако и принятие буддизма, отличающегося гибкостью и веротерпимостью, не вытеснило данного мировоззрения, а развивалось параллельно с ним. Этим и было обосновано мнение респондентов относительно выбора этнической религии. Что касается хотонов, традиционной религией которых являлся ислам, то, как мы отмечали ранее, они достаточно много переняли из культуры своих соседей – дербэтов: язык, элементы одежды, пищу, а также и религию. Уже в конце XIX в. Г.Н. Потанин писал: «Веру предков своих не только молодые, но и старые почти забыли. Прежние муллы все перемерли; знающих арабскую грамоту людей у Котонов почти совсем нет, также и книг, кроме небольших брошюр; мой знакомый Ходжагул знал только несколько мусульманских молитв, и то вероятно, в испорченном виде; Коран он знал только по имени; имя пророка Магомета ему было мало известно; на мой вопрос, кто у них был пророк, он упоминал какого-то Ольджапейгамбара, а на имя Магомета я мог его навести, только напомнил ему молитву: „ля илля иль аллах» [20. С. 17], а в начале XX в. Б.Я. Владимирцов отмечал, что «теперешняя религия хотонов представляется странной смесью мусульманских переживаний и ламайских и шаманских напластований» [32. С. 102]. В основном наши данные о религиозной принадлежности изучаемых этносов сопоставимы с теми данными, которые были получены в специальном исследовании этноконфессиональной ситуации в монгольском Алтае барнаульским историком П.К. Дашковским и опубликованы им в 2012 г. [64], за исклю-

чением, пожалуй, сведений о значительном распространении среди трети молодых монголов в возрасте от 15 до 25 лет атеизма. На наш взгляд, одной из причин этого является широкое распространение Интернета в современной Монголии, особенно среди молодых людей.

Наши данные свидетельствуют о росте числа пользователей Интернета как в возрастном, так и в образовательном аспектах (ср.: [65]). Безусловно, это будет способствовать росту демократизации монгольского общества, включению его в глобальные мировые процессы. В то же время существует угроза этнокультурному своеобразие населения Монголии.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что традиционные отношения среди респондентов в Западной Монголии еще сохраняются, в то же время интересы в религиозной жизни, информационной сфере начинают меняться, что, на наш взгляд, постепенно будет влиять и на изменения в более консервативных общественных отношениях. В условиях усиления межкультурного диалога в силу концентрации населения в городах, особенно в столице Монголии – Улан-Баторе, все более усиливающаяся унификация в языке и культуре разных этнических групп и народов, происходит формирование единой общемонгольской общности – монгольского народа. Этому также способствует консолидация монголов в постсоциалистический период вокруг общей истории и общенационального лидера – Чингизхана. В то же время интерес к локальной истории, культуре, религии отдельных этносов не ослабевает и требует особого внимания, так как в условиях глобализации и тенденции к унификации может оказаться основой для межэтнических конфликтов.

Авторы выражают признательность за помощь в осуществлении исследования преподавателям и научным сотрудникам АГППУ им. В.М. Шушкина М.С. Власову, О.А. Сычёву, Е.М. Трофимовой, преподавателям Ховдского государственного университета Т. Одончимэг, Л. Нямсүрэн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635, [5] с.
2. Гомер. Илиада и Одиссея / пер. И. Гнедича. М.: Худож. лит., 1967. 767 с. (Библиотека всемирной литературы. Сер. первая. Т. 3).
3. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с. (Филос. наследие).
4. Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I–XIII / сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева. СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 584 с.
5. Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2003. 560 с.
7. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
8. Терехов О.С. Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
9. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
10. Абаева Л.Л. Этнокультурные истоки этнической идентификации монгольских народов // Власть. 2009. № 7. С. 94–96.
11. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оногo. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. IV: Материалы этнографические, с 26-ью таблицами рисунков.
12. Терентьев В.И. Ойраты: этнокультурная составляющая политонима и контуры современной этноисторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 202–205.

13. Санчилов В.П. «Илтэхэл шастир» как источник по истории ойратов / АН СССР, Ин-т востоковедения. М. : Наука, 1990. 135 с.
14. Очиров У.Б. Ойраты западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 9–15.
15. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН. 2016. 286 с.
16. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М. : Наука, 1983. 332 с.
17. Козин С.А. Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niᠦᠴa tobēj an*. Юань чао би ши : монг. обydенный сборник. Т. 1: Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941 (Ленинград). 620 с. (Труды / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; т. XXXIV).
18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 219 с.
19. Хойт С.К. Последние данные по локализации и численности ойрат // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов : сб. науч. тр. / редкол.: П.М. Кольцов [и др.]. Элиста : Изд-во КГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.
20. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению императорского Русского Географического Общества. Вып. II: Материалы этнографические. СПб. : Типография Б. Киршбаума, 1881.
21. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. I: Дневник и маршрут 1892 г. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1896.
22. Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Издание Императорского Русского Географического Общества. Т. II. Вып. 1. СПб. : Типо-Литография «Герольд», 1907. 137 с.
23. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
24. Бакаева Э.П. «Когда не было границы»: формирование этнических групп торгутов в Кобдоском аймаке Монголии в период борьбы за признание независимости страны // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2016. № 4. С. 21–37.
25. Бакаева Э.П. Белый платок в культуре торгутов Монголии (к вопросу о происхождении и символике) // Полевые исследования. 2014. Т. 2, № 2 (2). С. 4–28.
26. Бакаева Э.П. Торгуты Монголии этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2009. № 1. С. 69–86.
27. Китинов Б.У. Торгуты: к вопросу этногенеза и религиозной ориентации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2017. Т. 9, № 1. С. 84–95.
28. Санчилов В.П. О происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы : сб. ст. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 31–50.
29. Нанзатов Б.З., Содномпилова М. М. Традиционные обряды жизненного цикла монгольских народов в условиях современности: торгутская свадьба // Власть. 2013. № 8. С. 148–151.
30. Омакаева Э.У. Вопросы изучения лексики ойратских говоров Монголии в свете актуальных проблем современной монголистики (на примере торгутского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 12–92
31. Омакаева Э.У. Лексические особенности языка торгутов Монголии на фоне калмыцкого языка и монголо-ойратского континуума (к постановке проблемы) // Монголоведение. 2014. № 7. С. 18–27.
32. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г.И. Слесарчук. М. : Вост. лит., 2002. 557 с.
33. Ушницкий В.В. Забайкальская прародина Субудая: степные урянхаты-хамниганы // Регион в приграничном пространстве : матер. междунар. науч. конф. : [в 2 ч.]. / Забайкал. гос. ун-т. Чита : ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 6–8.
34. Ушницкий В.В. Проблема происхождения этнонима урянхай // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 96–99.
35. Ушницкий В.В. Урянхайцы: по следам одного племени в Центральной Азии // Наука и образование. 2008. № 3. С. 72–77.
36. Ганболд О.М. Традиции обрядов по охране природы у ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов) // Мир Евразии. 2012. № 2–4 (17–19). С. 46–50.
37. Лхагвасурэн И. Свадебные обряды алтайских урянхайцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 164–178.
38. Хулнаа О. Монгольская малая народность Убснурского аймака – Хотон // Наука и инновации в XXI веке : актуальные вопросы, открытия и достижения. 2017. С. 225–228.
39. Гомбосурэн Н. Происхождение народности «хотонов-монголов» и их языковые особенности // Язык и культура (Новосибирск). 2017. № 27. С. 15–19.
40. Зимин О.И. Влияние религиозного мифотворчества на монгольскую этническую идентичность : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2015. 206 с.
41. Терентьев В.И. Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI века : дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2016. 239 с.
42. Бакаева Э.П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (к вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-язычных народов. Элиста : КИГИ РАН, 2010. Вып. 2. С. 93–110.
43. Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Социологический дискурс о монгольской этнокультурной идентичности // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2. С. 145–151.
44. Клубков А.А. Евразийская цивилизационная идентичность российской и монгольской молодежи // Психология личности студента в России и Монголии: культурно-историческое своеобразие и социальные факторы формирования / отв. ред. И.В. Фотиева, А.В. Иванов. Барнаул : Пять плюс, 2015. С. 7–16.
45. Лойко Н.А. Конструирование идентичностей в современном монгольском обществе // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : программа и тезисы. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2014. С. 238–240.
46. Ушаков Д.В. Этническая самоидентификация и межэтнические установки населения Северо-Западной Монголии // Социальные процессы в современной Западной Сибири. 2015. С. 198–204.
47. Терентьев В.И. Трансформация самоидентификации «монгольских ойратов» в начале XXI в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : ст. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 219–222.
48. Терентьев В.И. Общее и особенное в этнической самоидентификации западных монголов (конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 20–24.
49. Коллмар-Пауленц К. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века // Свет Дхармы против тумана тьмы. *Tartaria Magna*. Т. 201. С. 86–103.
50. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1. С. 48–85.
51. Зимин О.И. Чингисхан как символ этнической идентификации Монголии в глобализирующемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2013. № 1. С. 60–65.

52. Шмыт А.С. Культ Чингиз-хана в период монгольской народной республики и в современной Монголии как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 307–310.
53. Скрынникова Т.Д. Две Монголии особенность средневековых идентификационных практик // Вестник Евразии. 2005. № 2. С. 29–65.
54. Терентьев В.И. Государственная политика нациестроительства в МНР и становление этнического самосознания западных монголов // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 2. С. 11–20.
55. Терентьев В.И. Современные трансформации этнического самосознания западных монголов // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 146–161.
56. Мөнхзул М., Төртөгтох Ж. Процесс глобализации и национальное сознание в Монголии // Наука и Мир. 2016. Т. 3. № 5 (33). С. 111–112.
57. Хүн ам орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: Нэгдсэн дүн. Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо. Улаанбаатар хот, 2011. Х. 174, 194.
58. Григорьев С.И., Беспалов А.М., Гусякова Л.Г., Прудникова М.М. Социальное качество и структура смыслоязычных ориентаций подростков российско-монгольского приграничья на Алтае (опыт пилотного исследования Международного российско-монгольского проекта) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 9. С. 70–77.
59. Цыбикдоржиев Д.В., Батоева Д.Б. Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии // Власть. 2014. № 5. С. 40–44.
60. Винокурова А.В., Бадараев Д.Д., Батжаргал Д., Энхболд Д. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной монгольской семьи // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 72–78.
61. Беспалов А.М., Прудникова М.М., Нямдорж Б. Ценности российских подростков в российско-монгольском приграничье в современных условиях // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Общественные науки. Т. 2. : Матер. XI Межд. конференция, г. Ховд, 28–29 сент. 2013 г. Ховд; Томск, 2013. С. 51–57.
62. Дашковский П.К., Шершнева Е.А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и Религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 115–128.
63. Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М.: Дрофа, 2010. 878 с.
64. Дашковский П.К. Современные этноконфессиональные процессы в монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.
65. Цэдэн И.Б. Информационное общество и его реальное состояние в современной Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 102–105.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 5 мая 2018 г.

ETHNIC IDENTITY OF INDIGENOUS SMALL ETHNIC GROUPS OF WESTERN MONGOLIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 70–80.

DOI: 10.17223/15617793/431/9

Alexander M. Bepalov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: bam56@mail.ru

Marina M. Prudnikova, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: mimoza.95@mail.ru

Nyamdorj Bavuu, Khovd State University (Khovd, Mongolia). E-mail: nyamdorj_b@yahoo.com

Undarmaa Davaa, Khovd State University (Khovd, Mongolia). E-mail: undaraa_0720@yahoo.com

Keywords: ethnos; ethnic identity; Oirats; Ööld; Torgud; Minggad; Khoton and Uriankhai.

The article provides the results of an empirical study of cognitive and emotional aspects of ethnic identity in indigenous small ethnic groups of Western Mongolia: Oirats, Ööld, Torgud, Minggad, Khoton and Uriankhai. It provides a brief overview of sources on identity issues, including ethnicity, as well as the identity of Mongolian ethnic groups, the main approaches to their study. The article also substantiates the representativeness of the conducted research and its main methodological foundations. The results demonstrated that the majority of respondents share traditional patriarchal views on the conduct of genealogy, inter-ethnic marriages, attitudes toward other ethnoses. The respondents showed a good knowledge of the history and folklore of their ethnic group. This largely predetermined the fact that more than half of the respondents correctly chose the two most famous representatives of their ethnic group, legends and epic works. At the same time, new phenomena have appeared in the life of Western Mongols: changes in the structure of religious preferences, as well as the increasing number of Internet users. Internet news, social networks, communication with other people, professional information, history of Mongolia, housekeeping (cooking, caring for animals, plants, embroidering, repairing houses, etc.) were of the greatest interest for the respondents. In all the changes taking place in modern Mongolia, the authors noted both positive moments leading to democratization and tolerance in interethnic relations and some threats to the preservation of ethnic identity. In conclusion, the authors draw attention to the fact that the traditional relations of small ethnic groups of Western Mongolia still exist, while interests in religious life, in the information sphere are beginning to change, which will gradually influence the changes in more conservative social relations. In the context of intensified intercultural dialogue, due to the concentration of the population in cities, especially in Mongolia's capital, Ulaanbaatar, there is an ever-increasing unification in the language and culture of different ethnic groups, the formation of a single common Mongol community, the Mongolian people. This is also facilitated by the consolidation of the Mongols in the post-socialist period around the common history and the national leader – Genghis Khan. At the same time, there are interests in the local history, culture, and religion of individual ethnic groups, which requires special attention, since in the context of globalization and unification these interests may be the basis for interethnic conflicts.

REFERENCES

1. Huntington, S. (2004) *Kto my?: Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who are we?: The challenges to America's national identity]. Translated from English by A. Bashkurov. Moscow: ACT: Tranzitkniga.
2. Homer (1967) *Iliada i Odiseya* [The Iliad and the Odyssey]. Translated from Old Greek by I. Gnedich. Moscow: Khudozh. lit.
3. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 3. Translated from Old Greek by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takhogo. Moscow: Mysl'.
4. Blessed Augustine. (1998) *Tvoreniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Aleteyya; Kiev: UTsIMM-Press.
5. Gumilev, L.N. (1990) *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [Geography of the ethnos in the historical period]. Leningrad: Nauka.
6. Gumilev, L.N. (2003) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Moscow: Ayris-press.
7. Hobsbawm, E. (2002) Printsip etnicheskoj prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe]. Translated from English. In: Anderson, B. et al. *Natsii i natsionalizm* [Nation and Nationalism]. Moscow: Praksis.

8. Terekhov, O.S. (2008) *Dinamika mezhetnicheskikh konfliktov XX veka: sotsial'no-filosofskiy i teoretiko-istoricheskiy analiz* [The dynamics of interethnic conflicts of the 20th century: socio-philosophical and theoretical-historical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Bromley, Yu.V. (1981) *Sovremennyye problemy etnografii: (oчерki teorii i istorii)* [Modern problems of ethnography: (essays on theory and history)]. Moscow: Nauka.
10. Abaeva, L.L. (2009) Etnokul'turnye istoki etnicheskoy identifikatsii mongol'skikh narodov [Ethno-cultural sources of ethnic identification of Mongolian peoples]. *Vlast'*. 7. pp. 94–96.
11. Potanin, G.N. (1883) *Oчерki Severo-Zapadnoy Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo* [Essays on Northwestern Mongolia. The results of the 1879 trip on behalf of the Imperial Russian Geographical Society, of its member]. Is. IV. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
12. Terent'ev, V.I. (2013) The Oirats: ethnocultural component of politonym and modern ethnohistorical community outline. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 202–205. (In Russian).
13. Sanchirov, V.P. (1990) *"Iletekhel shastir" kak istochnik po istorii oyratov* ["Iletekhel shastir" as a source on the history of the Oirats]. Moscow: Nauka.
14. Ochirov, U.B. (2010) Oyraty zapadnoy Mongolii i Severo-Zapadnogo Kitaya: voprosy etnicheskoy istorii, demografii i geografii rasseleniya v vtoroy polovine XVIII veka [The Oirats of Western Mongolia and Northwestern China: issues of ethnic history, demography and geography of settlement in the second half of the 18th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2. pp. 9–15.
15. Ochir, A. (2016) *Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov* [Mongolian ethnonyms: issues of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista: KIGI RAN.
16. Zlatkin, I.Ya. (1983) *Istoriya Dzhungarskogo khanstva, 1635–1758* [History of the Dzungar Khanate, 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
17. Kozin, S.A. (ed.) (1941) *Sokrovennoe skazanie: mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol un niruča toběj an. Yuan' chao bi shi: mong. obydennyy sbornik* [The Secret History of the Mongols]. Translated from Mongolian. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk.
18. Rashid-al-Din (1952) *Sbornik letopisey [A Compendium of Chronicles]*. Translated from Persian by L.A. Khetagurov. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
19. Khoyt, S.K. (2008) Poslednie dannye po lokalizatsii i chislennosti oyrat [Recent data on the localization and number of the Oirats]. In: Kol'tsov, P.M. et al. (eds) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Is. 2. Elista: Kalmyk State University.
20. Potanin, G.N. (1881) *Oчерki Severo-Zapadnoy Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniyu imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Essays on Northwestern Mongolia. The results of the 1876–1877 trip on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Is. II. St. Petersburg: Tipografiya B. Kirshbauma.
21. Pozdneev, A.M. (1896) *Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispolnennoy v 1892–1893 gg.* [Mongolia and the Mongols. The results of the trip to Mongolia in 1892–1893]. Vol. I. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
22. Kozlov, P.K. (1907) *Mongoliya i Kam. Trudy ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, sovershennoy v 1899–1901 gg. pod rukovodstvom P.K. Kozlova* [Mongolia and Kham. Proceedings of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society in 1899–1901, under the leadership of P.K. Kozlov]. Vol. II. Is. 1. St. Petersburg: Tipo-Litografiya "Gerol'd".
23. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uryanghai region]. Vol. 2. Leningrad: Izdanie uchenogo komiteta Mongol'skoy Narodnoy Respubliki.
24. Bakaeva, E.P. (2016) "Kogda ne bylo granitsy": formirovanie etnicheskikh grupp torgutov v Kobdoskom aymake Mongolii v period bor'by za priznanie nezavisimosti strany ["When there were no borders": the formation of ethnic groups of the Torguts in Khovd Aimak of Mongolia during the struggle for recognition of the independence of the country]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*, № 4. pp. 21–37.
25. Bakaeva, E.P. (2014) Belyy platok v kul'ture torgutov Mongolii (k voprosu o proiskhozhdenii i simvolike) [White kerchief in the Mongolian Torgut culture (on the issue of origin and symbolism)]. *Polevye issledovaniya*. 2:2 (2). pp. 4–28.
26. Bakaeva, E.P. (2009) Torguty Mongolii etnicheskii sostav i etnicheskie markery [Mongolian Torguts ethnic composition and ethnic markers]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*. 1. pp. 69–86.
27. Kitinov, B.U. (2017) The Torguts: on the issue of ethnogenesis and religious orientation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Vseobshchaya istoriya – RUDN Journal of World History*. 9:1. pp. 84–95. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-84-95
28. Sanchirov, V.P. (1996) O proiskhozhdenii etnonima torgut i naroda, nosivshego eto nazvanie [On the origin of the ethnonym Torgut and the people with this name]. In: Ochir, A. & Zoriktuev, B.R. (eds) *Mongolo-buryatskie etnonimy* [Mongol-Buryat ethnonyms]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
29. Nanzatov, B.Z. & Sodnompilova, M.M. (2013) Traditsionnye obryady zhiznennogo tsikla mongol'skikh narodov v usloviyakh sovremennosti: torgutskaya svad'ba [Traditional rites of the life cycle of the Mongolian peoples in modern conditions: the Torgut wedding]. *Vlast'*. 8. pp. 148–151.
30. Omakaeva, E.U. (2014) The study of vocabulary of Oirat dialects of Mongolia in the light of the urgent problems of modern Mongolian studies (on the example of the Torgut dialect). *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. pp. 12–92. (In Russian).
31. Omakaeva, E.U. (2014) Leksicheskie osobennosti yazyka torgutov Mongolii na fone kalmytskogo yazyka i mongolo-oyratskogo kontinuumu (k postanovke problemy) [Lexical features of the Mongolian Torgut language against the background of the Kalmyk language and the Mongolo-Oirat continuum (to the formulation of the problem)]. *Mongolovedenie*. 7. pp. 18–27. DOI: 10.22162/978-5-903833-35-1/2014-7-18-27
32. Vladimirtsov, B.Ya. (2002) *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow: Vost. lit.
33. Ushnitskiy, V.V. (2016) [The Transbaikalian original homeland of Subuday: the steppe Uryanghats-Khamnigans]. *Region v prigranichnom prostranstve* [Region in the frontier space]. Proceedings of the international conference. Pt. 2. Chita: Transbaikalian State University. pp. 6–8. (In Russian).
34. Ushnitskiy, V.V. (2010) Problema proiskhozhdeniya etnonima uryankhay [The problem of the origin of the ethnonym Uryanghay]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 1. pp. 96–99.
35. Ushnitskiy, V.V. (2008) Uryankhaytsy: po sledam odnogo plemeni v Tsentral'noy Azii [The Uryanghays: following the traces of a tribe in Central Asia]. *Nauka i obrazovanie*. 3. pp. 72–77.
36. Ganbold, O.M. (2012) Traditsii obryadov po okhrane prirody u oyratov-mongolov (na primere altayskikh uryankhaytsev i zakhchinov) [Traditions of nature conservation ceremonies among Oirats-Mongols (on the example of Altai Uryanghays and Zakhchins)]. *Mir Evrazii*. 2–4 (17–19). pp. 46–50.
37. Lkhagvasuren, I. (2009) Svadebnye obryady altayskikh uryankhaytsev [Wedding ceremonies of the Altai Uryanghays]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. pp. 164–178.
38. Khulnaa, O. (2017) [A Mongolian small people of Ubsnur Aimak – the Khotons]. *Nauka i innovatsii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya* [Science and innovations in the 21st century: topical issues, discoveries and achievements]. Proceedings of the IV international conference. 5 August 2017. Penza: Nauka I Prosveshchenie. pp. 225–228. (In Russian).
39. Gombosuren, N. (2017) Proiskhozhdenie narodnosti "khotonov-mongolov" i ikh yazykovyye osobennosti [Origin of the nationality of Khoton Mongols and their linguistic features]. *Yazyk i kul'tura* (Novosibirsk). 27. pp. 15–19.

40. Zimin, O.I. (2015) *Vliyaniye religioznogo mifotvorchestva na mongol'skuyu etnicheskuyu identichnost'* [Influence of religious mythmaking on Mongolian ethnic identity]. Philosophy Cand. Diss. Chita.
41. Terent'ev, V.I. (2016) *Formirovaniye i razvitiye etnicheskogo samosoznaniya zapadnykh mongolov v kontse XIX – nachale XXI veka* [Formation and development of ethnic self-consciousness of Western Mongols in the late 19th – early 21st centuries]. History Cand. Diss. Gorno-Altaysk.
42. Bakaeva, E.P. (2010) Oyraty i kalmyki. Oyrat-kalmyki? (k voprosu o samoidentifikatsii i samonazvanii etnosa) [The Oirats and the Kalmyks. The Oirat-Kalmyks? (on the issue of self-identification and self-name of an ethnos)]. In: *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-yazychnykh narodov* [Problems of ethnic history and culture of Turkic-speaking peoples]. Is. 2. Elista: KIH RAS.
43. Zamogil'nyy, S.I. & Stavropol'skiy, Yu.V. (2014) Sotsiologicheskiy diskurs o mongol'skoy etnokul'turnoy identichnosti [Sociological discourse on the Mongolian ethno-cultural identity]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*. 2. pp. 145–151.
44. Klubkov, A.A. (2015) Evraziyskaya tsivilizatsionnaya identichnost' rossiyskoy i mongol'skoy molodezhi [Eurasian civilizational identity of Russian and Mongolian youth]. In: Fotieva, I.V. & Ivanov, A.V. (eds) *Psikhologiya lichnosti studenta v Rossii i Mongolii: kul'turno-istoricheskoe svoeobrazie i sotsial'nye faktory formirovaniya* [Psychology of student personality in Russia and Mongolia: cultural and historical originality and social factors of formation]. Barnaul: Pyat' plus.
45. Loyko, N.A. (2014) Konstruirovaniye identichnostey v sovremennom mongol'skom obshchestve [Designing identities in modern Mongolian society]. In: *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya: programma i tezisy* [Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and modernity: methodology, methodology and practice of research: program and theses]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–240.
46. Ushakov, D.V. (2015) Etnicheskaya samoidentifikatsiya i mezhetnicheskie ustanovki naseleniya Severo-Zapadnoy Mongolii [Ethnic self-identification and interethnic attitudes of the population of Northwestern Mongolia]. In: *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social processes in modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 198–204.
47. Terent'ev, V.I. (2014) Transformatsiya samoidentifikatsii "mongol'skikh oyratov" v nachale XXI v. [Transformation of self-identification of "Mongolian Oirats" at the beginning of the 21st century]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Is. XX. Barnaul: Altai State University.
48. Terkin, P.O. (2017) The General and the Particular in the Ethnic Identification of Western Mongolians (in the Late 19th – Early 20th Centuries). *Problemy vostokovedeniya – The Problems of Oriental Studies*. 1 (75). pp. 20–24. (In Russian).
49. Kollmar-Paulents, K. (n.d.) Tibetskoe vospriyatiye mongolov i formirovaniye novoy mongol'skoy identichnosti v nachale XVII veka [The Tibetan perception of the Mongols and the formation of a new Mongol identity in the early 17th century]. *Tartaria Magna*. 201. pp. 86–103.
50. Rykin, P.O. (2002) Sozdaniye mongol'skoy identichnosti termin "mongol" v epokhu Chingiskhana [The creation of the Mongolian identity the term "Mongol" in the era of Genghis Khan]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 48–85.
51. Zimin, O.I. (2013) Chingiskhan kak simvol etnicheskoy identifikatsii Mongolii v globaliziruyushchemsya mire [Genghis Khan as a symbol of Mongolia's ethnic identity in a globalizing world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki*. 1. pp. 60–65.
52. Shmyt, A.S. (2014) The cult of Genghis Khan in the period of Mongolian People's Republic and in modern Mongolia as an element of Mongolian national identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (47). pp. 307–310. (In Russian).
53. Skrynnikova, T.D. (2005) Dve Mongolii: osobennost' srednevekovykh identifikatsionnykh praktik [Two Mongolias: the feature of medieval identification practices]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 29–65.
54. Terent'ev, V.I. (2015) State policy of nation-building in Mongolia and the formation of ethnic self-consciousness of western Mongols. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii – Bulletin of the Buryat State University. Human Research of Inner Asia*. 2. pp. 11–20. (In Russian).
55. Terent'ev, V.I. (2016) Current Transformations of Ethnic Identity among the Western Mongolians. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 146–161. IR
56. Munkhzul, M. & Turtogtokh, Zh. (2016) The process of globalization and national consciousness in Mongolia. *Nauka i Mir – Science and World*. 3:5 (33). pp. 111–112. (In Russian).
57. National Statistical Office of Mongolia (2011) *Population and Housing Census 2010: Summary*. Ulaanbaatar. (In Mongolian).
58. Grigor'ev, S.I., Bupalov, A.M., Guslyakova, L.G. & Prudnikova, M.M. (2013) Sotsial'noe kachestvo i struktura smyslozhiznennykh orientatsiy podrostkov rossiysko-mongol'skogo prigranich'ya na Altae (opyt pilotnogo issledovaniya Mezhdunarodnogo rossiysko-mongol'skogo proekta) [Social quality and structure of meaningful orientations of teenagers of the Russian-Mongolian borderland in the Altai (experience of pilot study of the International Russian-Mongolian project)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 9. pp. 70–77.
59. Tsybikdorzhiev, D.V. & Batoeva, D.B. (2014) Faktory uspekha religioznogo vozrozhdeniya v Mongolii [Factors of the success of the religious revival in Mongolia]. *Vlast'*. № 5. pp. 40–44.
60. Vinokurova, A.V., Badaraev, D.D., Batzhargal, File & Enkhbold, File (2012) Sootnosheniye semeynykh i vnesemeynykh tsennostey v strukture tsennostnykh orientatsiy sovremennoy mongol'skoy sem'i [The correlation of family and extra-family values in the structure of value orientations of the modern Mongolian family]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1. pp. 72–78.
61. Bupalov, A.M., Prudnikova, M.M. & Nyamdorzh, B. (2013) [Values of Russian adolescents in the Russian-Mongolian frontier area in modern conditions]. *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoy Mongolii i sopredel'nykh regionov: Obshchestvennye nauki* [Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions: Social sciences]. Proceedings of the international conference. Khovd. 28–29 September 2013. Vol. 2. Khovd; Tomsk. pp. 51–57. (In Russian).
62. Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A. & Tsede, N. (2017) Etnokonfessional'nye issledovaniya v Mongolii v 2016 g. [Ethnoconfessional studies in Mongolia in 2016]. *Narody i Religii Evrazii*. 1–2 (10–11). pp. 115–128.
63. Pevtsov, M.V. (2010) *Puteshestviya po Kitayu i Mongolii. Puteshestvie v Kashgariyu i Kun'lun'* [Trips in China and Mongolia. Trip to Kashgariya and Kunlun]. Moscow: Drofa.
64. Dashkovskiy, P.K. (2012) Sovremennyye etnokonfessional'nye protsessy v mongol'skom Altae [Modern ethno-confessional processes in the Mongolian Altai]. *Religiovedeniye*. 1. pp. 134–143.
65. Tseden, I.B. (2012) Informatsionnoye obshchestvo i ego real'noye sostoyaniye v sovremennoy Mongolii [Information society and its real state in modern Mongolia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*. 14. pp. 102–105.

Received: 05 May 2018

И.А. Щеглова

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Статья посвящена анализу этических и правовых аспектов исследований с использованием данных из социальных медиа для прогнозирования экономических, политических, социальных и других процессов. Цель работы – опираясь на кейсы, имеющие место в исследовательской практике, проанализировать последствия нарушений, возникающих в ходе работы с данными из социальных сетей, и предложить пути преодоления этико-правовых барьеров в использовании таких данных.

Ключевые слова: большие данные (Big data); социальные медиа; данные из соцсетей; персональные данные; этические аспекты; правовые аспекты.

В 2016 г. количество пользователей социальных медиа составило 2,8 млрд человек, что на 21% больше, чем в 2015 г. [1]. Согласно данным Brand Analytics число активных участников социальных сетей в декабре 2015 г. в России составило около 37 млн человек, ими было сгенерировано 588 млн сообщений за месяц [2]. Число активных пользователей мировой сети Facebook в сентябре 2017 г. составило 1,37 млрд человек [3]. Таким образом, интенсивное развитие информационной среды и системы глобальной коммуникации сделали Интернет, с одной стороны, массовым благом современного поколения, которое люди используют для решения своих повседневных нужд – поиска информации, обучения, общения, развлечения. С другой стороны, открытость и доступность данных о социальной жизни людей вызывает опасения, так как вся информация, которую создают и которой обмениваются пользователи внутри социальных медиа, автоматически становится достоянием общественности.

Сбор информации о респонденте без прямого обращения к нему считается неактивным методом исследования, примером которого являются «большие данные» (Big Data) [4]. Big Data – это цифровые следы, оставляемые людьми в ходе посещения сайтов, пространственных перемещений и в результате других действий. Преимущества таких данных – объемность и оперативность [5]. В 2013 г. количество хранящейся в мире информации составило 1,2 зеттабайта, из которых всего лишь 2% занимает нецифровая информация [6].

Сегодня форумы и социальные сети открывают возможности для извлечения больших данных различного характера. Наиболее часто используемыми типами больших данных, извлекаемыми из социальных сетей, являются сообщения, публикации, репосты и лайки пользователей. Такие данные пользуются спросом среди маркетологов, экономистов, психологов, политологов, журналистов, к ним обращаются службы безопасности и представители других сфер [7–12]. Даже такой простой элемент социальных сетей, как лайк (отметка «Мне нравится»), зарекомендовал себя ценным источником информации. Например, с помощью лайков исследователи могут составить личностный портрет пользователя. Исследователи из университета Стэнфорда (США) и университета Кембриджа (Великобритания) смогли описать личностные черты пользователей на основе данных из

Facebook и доказали, что составленный ими портрет более валиден, чем личностный портрет, воспроизведенный с помощью бумажных опросников [7]. Если человек лайкает какой-то продукт или бренд в социальных сетях, маркетологи расценивают такое действие как форму выражения потребителями своих предпочтений. На основе данных из социальных сетей крупным ретейлерам удается повысить эффективность коммуникаций с потенциальными клиентами и значительно увеличить продажи [13–15]. Кроме этого, данные из социальных медиа нашли применение в медицине, например в диагностике депрессии [16, 17], оценке состояния психического здоровья [18], а также выявлении вспышек гриппа [19].

Данные из социальных сетей активно используются не только в маркетинге и медицине, но и в политике. Брексит (Brexit) и победу Дональда Трампа на выборах в США считают самыми неожиданными событиями 2016 г. Дело в том, что социологические опросы, которым привыкли доверять, дали неверные прогнозы, в то время как анализ сообщений Twitter и Facebook помог установить верные результаты американских выборов и судьбу Великобритании в Европейском Союзе [20–23]. Данные события подталкивают современную социологию общественного мнения к смене подходов к исследованиям и переходу от массовых опросов к анализу больших данных (Big Data).

Необходимо иметь в виду, что прогноз на основе больших данных может оказаться ошибочным, что впоследствии негативно скажется на имидже организации, проводившей прогностический анализ. Так, например, известно, что в 2012 г. крупная американская розничная сеть Target использовала данные об онлайн покупках клиенток, чтобы предсказать срок их беременности, а затем рассылать им предложения с товарами для беременных с целью увеличения объема продаж [9]. Однако такая «забота» вызвала вопросы у покупателей, большинство из которых не догадывались, как много известно об их частной жизни [9, 24]. В 2017 г. эксперты по анализу данных из социальных медиа неверно предсказали результаты голосования в Австралии за однополые браки, существенно занизив процент проголосовавших «за» [25, 26].

Несмотря на то, что большинство пользователей сетей не ограничивают доступ к своей демографической информации (пол, возраст, семейное положение, образование), исследователи отмечают, что при за-

полнении профиля в социальных сетях некоторые поля могут по ошибке или преднамеренно оставаться незаполненными или содержать ложную информацию о фактах биографии, интересах и предпочтениях [27–29]. Тем не менее, если пользователи скрывают данную информацию, но проявляют активность в социальных сетях, например комментируют посты, публикуют статусы, то текстовые сообщения рассматриваются как косвенные показатели их личностных характеристик, указывающих на профессию, уровень образования, политические взгляды, религиозные убеждения [5, 28]. В условиях массового сбора данных о пользователях даже такие базовые сведения, как, например, посещение сайта или совершение покупки могут служить источником более детальной информации о пользователе, чем анкетные данные [30].

Несмотря на очевидные плюсы быстро развивающейся сферы больших данных, исследователями часто игнорируется этическая составляющая данного вопроса. Согласно результатам исследования, проведенного учеными Холл и Флинн, только 36% руководителей департаментов компьютерных наук британских вузов считают, что анализ этической составляющей научных работ «очень важен», и всего лишь 1% респондентов согласился с тем, что университеты «достаточно эффективно» мониторят этическое качество исследований в сфере компьютерной инженерии [31]. Важность соблюдения этико-правовых норм в проведении исследований обостряется с появлением новых нарушений в использовании данных из социальных медиа [32–34]. В то же время растет число работ, в которых отмечается необходимость пересмотра стратегий управления информацией (создание, агрегирование, продажа данных), а также решение вопросов этики и конфиденциальности [12, 28, 35, 36].

Таким образом, с одной стороны, данные, извлекаемые из социальных сетей, дают новые возможности для развития науки, а с другой – ставят под сомнение правомерность и этичность их использования. Цель данной работы – сделать обзор этических и правовых нарушений использования данных из социальных медиа на примере кейсов, имеющих место в исследовательской практике, а также проанализировать правила, регламентирующие процедуру работы с такими данными. В работе ставятся следующие задачи:

1) описать текущее состояние этических и правовых аспектов использования данных из социальных медиа на примере российских и зарубежных работ;

2) определить спектр этических и правовых проблем, возникающих при работе с данными из социальных медиа;

3) предложить пути преодоления этико-правовых барьеров в использовании данных из социальных медиа.

Новизна работы заключается в поднятии и развитии новой и в то же время актуальной для российского научного сообщества темы – использование данных из социальных медиа в исследовательской практике для прогнозирования экономических, политических и других процессов, играющих важную роль в современном мире.

Этические аспекты. В связи со стремительным развитием и массовым распространением социальных

сетей работа с данными, извлекаемыми из них, считается новым, перспективным, но пока еще малоизученным процессом. Кроме того, этические и правовые вопросы использования данных из соцсетей не проработаны в полной мере. С одной стороны, доступность информации о поведении человека, его личностных чертах, с другой стороны, сильное желание исследователей узнать как можно больше об интересующем их объекте (например, покупателе, сотруднике) ставит серьезные вопросы к защите персональных данных и права на частную жизнь. Регистрируясь в социальных сетях, люди принимают пользовательское соглашение, тем самым дают разрешение на размещение информации о себе в открытом доступе. Однако пользователи редко задумываются о том, что может стоять за «безобидным» согласием на обработку данных. Одно дело, когда участники социальных сетей могут самостоятельно контролировать информацию, которую они делают доступной для других, другое дело, когда появляется большое количество программного обеспечения, с помощью которого можно легко получить информацию о пользователях, их активности на медиаплатформе, даже если эта информация была скрыта настройками приватности. Сегодня активно используются автоматизированные компьютерные программы – скрэперы, которые позволяют автоматически скачать и обработать большой объем информации, делая содержание сайта пригодным для использования в качестве данных [37, 38].

В 2008 г. группа исследователей из университета Гарварда в рамках проекта «Вкусы, связи и время» («Tastes, Ties, and Time») сформировала базу данных, которую можно было бы использовать для проведения идеального исследования: репрезентативная выборка, лонгитюдные данные, собранные в социальной сети Facebook и дополненные информацией от университета [39]. Исследователи ставили цель изучить взаимосвязи студентов с их социальной средой и университетской жизнью, а также произошедшие изменения за четыре года обучения. Проект был одобрен этической комиссией университета и получил финансирование от Национального научного фонда. Одним из условий получения финансирования был свободный доступ к собранным данным. Разумеется, исследователи постарались защитить участников проекта: убрали имена и ID из баз данных, обязали всех исследователей, имеющих доступ к данным, подписать соглашение о неразглашении информации. Тем не менее, несмотря на старания ученых сделать информацию конфиденциальной, университет Гарварда, зашифрованный как «неизвестный университет на северо-востоке США» («anonymous, northeastern American university»), был легко раскрыт [32]. Кроме этого, с помощью кодовой книги, находившейся в открытом доступе, можно было получить детальную информацию о выборке студентов: пол, раса, национальность, родной штат, политические взгляды, направление обучения, что позволило установить личности конкретных участников. Данное исследование получило широкий резонанс, и под нажимом общественности данные были удалены из общего доступа [40, 41].

В 2014 г. в американском научном журнале «Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)» была опубликована статья «Экспериментальное доказательство массового эмоционального воздействия через социальные сети» («Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks»), в которой авторы рассказывали об эксперименте по управлению поведением и настроением людей с помощью социальных сетей [40, 41]. В своей работе исследователи доказали, что эмоциональное состояние может передаваться от одних людей другим, при этом люди не ощущают какого-то внешнего воздействия. В качестве экспериментального воздействия ученые использовали новостную ленту Facebook, манипулируя хорошими и плохими статусами и постами. Спустя некоторое время после публикации статьи в журнале редакторы высказали свои опасения по поводу этической составляющей данного исследования. Они пояснили, что статья была принята к публикации, так как работа была одобрена этической комиссией Корнельского университета и авторы статьи ссылались на Правила использования данных Facebook, согласно которым пользователи, создавая аккаунт на платформе Facebook, автоматически соглашаются, что информация о них будет доступна широкой аудитории. Однако позднее редакторы журнала указали на нарушение этических норм проведения исследования, аргументируя это тем, что участники исследования не знали, что они являются объектом изучения и, следовательно, не могли согласиться или отказаться от участия в эксперименте [40]. В то же время представители Британского психологического общества заявили, что подобный эксперимент следует считать социально безответственным, так как своими действиями ученые нарушают автономию и достоинство людей [34]. Кроме того, в действиях научной группы увидели потенциальный вред здоровью, так как участники эксперимента подверглись воздействию негативных сообщений, которые могли вызвать отрицательные эмоции и послужить причиной нарушения психического состояния. Комментируя исследование Крамера и его команды, представитель Facebook утверждала, что «их цель заключалась в улучшении качества сервисов и стремлении сделать контент релевантным для определенных групп пользователей [Там же]. Тем не менее, как отмечает Ральф Шредер, под «улучшением качества сервисов» может подразумеваться увеличение продаж или манипуляция политическими настроениями общества, что полностью противоречит этико-правовым нормам научной практики [10. С. 4].

Таким образом, исследования, в которых собираются сетевые данные, вызывают много спорных вопросов. Основная проблема заключается в том, что они нарушают главный этический принцип – добровольное участие в исследовании. Также возникают опасения, связанные с возможным причинением вреда здоровью испытуемых и вторжением в их личную жизнь в случае деанонимизации персональных данных, собранных в ходе эксперимента. Нюрнбергский кодекс, утвержденный в 1947 г., сделал необходимым условием проведения исследования с участием чело-

века его добровольное согласие, а также информирование о возможных рисках. Принципы, представленные в Нюрнбергском кодексе, легли в основу этических норм проведения исследований в современном мире. В апреле 1979 г. в Бельмонтском докладе были закреплены этические основания для действующих законов по защите участников исследования: уважение личности, польза и справедливость [42]. Сегодня для обеспечения этических требований исследователи предлагают выполнять следующие шаги:

- предоставить пользователям подробную информацию о том, какие данные будут использоваться для исследования, и кто будет иметь к ним доступ;
- предоставить пользователям информацию о текущих результатах исследования;
- сообщить пользователям о публикации результатов исследования [28. С. 553].

Юридические аспекты. Помимо этических аспектов использования данных из социальных медиа, встает вопрос о юридических ограничениях. Широкий резонанс общественности, вызванный публикацией результатов исследования «Экспериментальное доказательство массового эмоционального воздействия через социальные сети», послужил толчком для введения юридических ограничений [33]. Центр электронной конфиденциальной информации (EPIC), американская научно-исследовательская организация, защищающая права граждан на частную жизнь, свободу выражения мнения и демократические ценности в век информации, подал судебный иск против компании Facebook за нарушение закона Федеральной торговой комиссии [43]. Основная претензия EPIC к Facebook заключалась в «скрытном и несогласованном использовании персональных данных пользователей с целью проведения над ними психологического эксперимента» [Там же]. В качестве аргумента EPIC приводит тот факт, что во время проведения эксперимента в докладе об использовании данных Facebook не указал, что личная информация участников может быть использована в исследовательских целях. Таким образом, после ряда судебных разбирательств и громкой огласки руководители глобальной медиа платформы приняли требования Федеральной торговой комиссии и ввели ограничение к данным на личных страницах пользователей.

В Европе Facebook также подвергся резкой критике из-за непрозрачности политики по сбору и обработке информации о пользователях [44]. В 2015 г. исследователи междисциплинарного центра права, интеллектуальной защиты прав Левенского университета и отдела изучения медиа, информации и телекоммуникации Брюссельского свободного университета заявили, что политика конфиденциальности Facebook, обновленная в начале 2015 г., нарушает закон о защите прав потребителей Европейского союза. В ходе анализа были выделены основные замечания: 1) отсутствие валидного согласия пользователей на обработку их данных; 2) отсутствие адекватных механизмов контроля использования данных пользователей в коммерческих целях; 3) невозможность отключить функцию определения местоположения [45].

В России официально действует федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006, регули-

рующей отношения, связанные с обработкой персональных данных юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. Закон о персональных данных предусматривает [46]:

1) законное основание обработки персональных данных, в качестве которого выступает информированное, конкретное и сознательное согласие субъекта персональных данных, за исключением случаев, прямо указанных в законе;

2) ограничение обработки персональных данных только заранее установленными, законными целями (не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями их сбора, а равно избыточность персональных данных по отношению к целям их обработки);

3) недопустимость объединения баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой;

4) при обработке персональных данных должна быть обеспечена их точность и актуальность по отношению к целям обработки персональных данных;

5) хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных.

Однако, как показывает в своей статье А.И. Савельев, возможности, создаваемые технологиями больших данных, находятся в прямом противоречии с принципами закона, что делает право на частную жизнь и большие данные несовместимыми между собой [30]. Автор отмечает, что получение информированного согласия от респондента невозможно по следующим причинам:

а) отсутствие возможности предоставить исчерпывающий объем информации о возможных способах и целях обработки персональных данных;

б) отсутствие возможности субъекта персональных данных адекватно воспринять такую информацию;

в) отсутствие возможности взаимодействия с огромным множеством организаций, осуществляющих сбор и обработку персональных данных в современном обществе [Там же. С. 55].

Пути преодоления этико-правовых барьеров. Несмотря на то что большие данные стали одним из

перспективных направлений в научном мире, их использование открывает не только новые возможности перед учеными, но и ставит серьезные этические и юридические вопросы, на которые пока не найдены правильные ответы.

Стоит отметить, что несколько лет назад, когда ученые только начинали воплощать в жизнь свои проекты, можно было легко скачать данные из Facebook, не запрашивая разрешения пользователей на доступ к их профилю, и использовать полученную информацию для любых целей. Сегодня уже нельзя так просто получить доступ к данным на социальных платформах. Кроме того, научные журналы стали серьезнее относиться к этике исследований, проводимых на основе таких данных. Тем не менее для урегулирования этико-правовых вопросов работы с данными из социальных медиа необходимо предпринять следующие шаги:

1) переосмыслить и адаптировать к условиям медиа среды такие понятия, как персональные данные, информированное согласие, возможность выйти из исследования. Также необходимо урегулировать на правовом уровне статус персональных данных пользователей, регистрируемых в социальных сетях. Другими словами, юридически зафиксировать, являются персональные данные ресурсом, находящимся в открытом доступе, или это неотчуждаемое неотъемлемое благо;

2) разработать регламент предварительной экспертизы плана исследования, реализуемого в социальных медиа. Обеспечить мониторинг текущих результатов для предотвращения негативных последствий. Особое внимание необходимо уделить следующим условиям: а) полная анонимизация данных и отсутствие возможности их деанонимизировать; б) отсутствие взаимодействия между участниками выборки; в) опубликованные результаты не должны давать возможность раскрыть участников исследования;

3) разработать для обучающихся в магистратуре и аспирантуре, научных сотрудников и других лиц, вовлеченных в научные проекты, курс по этике проведения исследований (в очном или онлайн-формате), включающий раздел по использованию больших данных. Данный курс поможет исследователям правильно оценить этические аспекты будущих проектов и поддержать эволюцию стандартов и норм в быстро меняющейся научно-технической среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kemp S. Digital in 2017 Global Overview. URL: <https://hootsuite.com/de/newsroom/press-releases/digital-in-2017-report> (access date: 25.12.2017).
2. Brand Analytics. Социальные сети в России, зима 2015–2016. Цифры, тренды, прогнозы. URL: <https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/> (дата обращения: 25.12.2017).
3. Key facts about Facebook. URL: <http://newsroom.fb.com/key-facts> (дата обращения: 05.01.2018).
4. Онлайн исследования в России 2.0 : сб. ст. / под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М. : Северо-Восток, 2010.
5. Корытникова Н.В. Online Big Data как источник аналитической информации в онлайн исследованиях // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 14–24.
6. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / пер. с англ. Инны Гайдюк. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
7. Youyoua W., Kosinski M., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015. № 112 (4). P. 1036–1040.
8. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2013.
9. Duhigg C. The Power of Habit: Why we do what we do in life and business. New York : Random House, 2012.
10. Schroeder R. Big Data and the brave new world of social media research // Big Data and Society. 2014. № 1 (2). P. 1–11.

11. Lazer D., Pentland A., Adamic L.A., Aral S., Barabási A.-L., Brewer D. Van Alstyne M. Life in the network: the coming age of computational social science // *Science*. 2009. Vol. 323. P. 721–723.
12. Martin K.E. Ethical Issues in the Big Data Industry // *MIS Quarterly Executive*. 2015. № 14 (2). P. 67–85.
13. Calo M.R. Digital Market Manipulation // *The George Washington Law Review*. 2013. Vol. 82 (4). P. 995–1051.
14. Xun J, Guo B. Twitter as customer's eWOM: an empirical study on their impact on firm financial performance // *Internet Research*. 2017. Vol. 27 (5). P. 1014–1038.
15. Brynjolfsson E., Hitt L., Kim H. Strength in Numbers: How does data-driven decision-making affect firm performance? // *ICIS 2011 Proceedings*. 2011. URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2011/proceedings/economicvalueIS/13> (access date: 20.12.2017).
16. Moreno M.A., Jelenchick L.A., Egan K.G., Cox E., Young H., Gannon K.E., Becker T. Feeling bad on Facebook: depression disclosures by college students on a social networking site // *Depression and Anxiety*. 2011. Vol. 28. P. 447–455.
17. Reece A.G., Danforth C.M. Instagram photos reveal predictive markers of depression // 6:15. 2016.
18. Conway M., O'Connor D. Social media, big data, and mental health: current advances and ethical implications // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 9. P. 77–82.
19. Li J., Cardie C. Early Stage Influenza Detection from Twitter // *arXiv preprint arXiv:1309.7340*. 2013.
20. Шалак В. Potus 2016. URL: <http://vaal.ru/show.php?id=281> (дата обращения: 05.01.2018).
21. Perez S. Analysis of social media did a better job at predicting Trump's win than the polls // *Techcrunch*. 2016. URL: <https://techcrunch.com/2016/11/10/social-media-did-a-better-job-at-predicting-trumps-win-than-the-polls/> (access date: 05.01.2018).
22. Ceron A., Curini L., Iacus S. How pollsters could use social media data to improve election forecasts // *The Washington Post*. 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/12/21/using-these-4-steps-pollsters-could-use-social-media-data-to-improve-election-forecasts/?utm_term=.a9d5a334b373 (access date: 05.01.2018).
23. Celli F., Stepanov E., Poesio M., Riccardi G. Predicting Brexit: Classifying Agreement is Better than Sentiment and Pollsters // *Proceedings of the Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotions in Social Media*. Osaka, Japan, December, 2016. P. 110–118.
24. Lubin G. The Incredible Story of How Target Exposed A Teen Girl's Pregnancy. 2012. URL: <http://www.businessinsider.com/the-incredible-story-of-how-target-exposed-a-teen-girls-pregnancy-2012-2> (access date: 04.01.2018).
25. Tuffley D., Stantic B. Social media study points to a close result in the same-sex marriage vote // *The conversation*. 2017. URL: <https://theconversation.com/social-media-study-points-to-a-close-result-in-the-same-sex-marriage-vote-84436> (access date: 05.01.2018).
26. Han M. Social media poll predicts narrow "No" win in same-sex marriage survey // *Financial Review*. 2017. URL: <http://www.afr.com/news/politics/social-media-poll-predicts-narrow-no-win-in-samesex-marriage-survey-20171101-gzd6rv> (access date: 04.01.2018).
27. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С. Анализ социальных сетей: методы и приложения // *Труды Института системного программирования РАН*. 2014. Т. 26, вып. 1. С. 439–456.
28. Kosinski M., Matz S., Gosling S., Popov V., Stillwell D. Facebook as a Social Science Research Tool: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations and Practical Guidelines // *American Psychologist*. 2015.
29. Yang Z., Wilson C., Wang X., Gao T., Zhao, B. Y., Dai Y. Uncovers social network Sybils in the wild // *Proceedings of the ACM SIGCOMM conference on Internet measurement*. New York, NY : ACM Press, 2011.
30. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. № 1. С. 43–66.
31. Hall T., Flynn V. Ethical issues in software engineering research: a survey of current practice // *Empirical Software Engineering*. 2001. Vol. 6. P. 305–317.
32. Zimmer M. But the data is already public: on the ethics of research in Facebook // *Ethics and Information Technology*. 2010. № 12. P. 313–325.
33. Kramer A.D., Guillory J.E., Hancock J.T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // *PNAS*. 2014. № 111 (24). P. 8788–8790.
34. Facebook's 'experiment' was socially irresponsible // *Guardian*. 2014. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/01/facebook-socially-irresponsible> (access date: 17.07.2017).
35. Norval C., Henderson T. Contextual Consent: Ethical Mining of Social Media for Health Research // *Proceedings of the WSDM 2017, Workshop on Mining Online Health Reports*. Cambridge, 2017.
36. Israel M., Hay I. *Research Ethics for Social Scientists: Between Ethical Conduct and Regulatory Compliance*. London : Sage, 2006.
37. Barbier G., Liu H. *Data Mining in Social Media* // Aggarwal C. (eds) *Social Network Data Analytics*. Boston, MA : Springer, 2011.
38. Hogan B. *Analyzing Social Networks via the Internet* // *The SAGE Handbook of Online Research Methods* Nigel Fielding / R.M. Lee & Grant Blank (eds). 2008.
39. Lewis K., Kaufman J., Gonzalez M., Wimmer A., Christakis N. Tastes, Ties, and time: A new social network dataset using Facebook.Com // *Social Networks*. 2008. No. 30 (4). P. 330–342.
40. Parry M. Harvard Researchers Accused of Breaching Students' Privacy // *The Chronicle of Higher Education*. 2011. URL: <https://www.chronicle.com/article/Harvards-Privacy-Meltdown/128166> (access date: 05.01.2018).
41. Kaiser T. Harvard Sociologists in Hot Water Over Facebook Study; Student Privacy Called into Question // *Dailytech*. 2011. URL: <http://www.dailytech.com/Harvard+Sociologists+in+Hot+Water+Over+Facebook+Study+Student+Privacy+Called+into+Question/article22116.htm> (access date: 04.01.2018).
42. The Belmont Report. URL: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/index.html> (access date: 10.07.2017).
43. In re: Facebook (Psychological Study). EPIC, 2014. URL: <https://epic.org/privacy/internet/ftc/facebook/psycho/> (access date: 17.07.2017).
44. Lomas N. Facebook's Data Protection Practices Under Fresh Fire In Europe // *TechCrunch*. 2015. URL: <https://techcrunch.com/2015/02/23/facebook-ad-network/> (access date: 2.01.2018).
45. Van Alsenoy B., Verdoodt V., Heyman R., Ausloos J., Wauters E. From social media service to advertising network: a critical analysis of Facebook's Revised Policies and Terms. 2015. URL: <https://www.law.kuleuven.be/citip/en/news/item/facebooks-revised-policies-and-terms-v1-1.pdf>. (access date: 20.12.2017).
46. О персональных данных : Федеральный закон РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 13.07.2017).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 января 2018 г.

ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF SOCIAL MEDIA DATA USAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 81–87.

DOI: 10.17223/15617793/431/10

Irina A. Shcheglova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ishcheglova@hse.ru; shcheglova.i@mail.ru

Keywords: Big Data; social media; social networking data; personal data; ethical aspects; legal aspects.

This paper discusses the ethical and legal usage of social networking data (for instance, Facebook, VKontakte, Twitter, YouTube and other websites) enabled to answer vital research questions, generating economic, political and social forecasts, as well as understanding other processes. It aims to analyze the ethical and legal consequences of data misuse which took place in research practice and offers steps to prevent ethical and legal barriers that might arise while working with social networking data. The paper poses the following research tasks: 1) to describe the current state of ethical and legal aspects of social networking data usage taking into account existing Russian and international research; 2) to identify the circle of ethical and legal concerns that might emerge while working with social networking data; 3) to provide recommendations aimed at preventing ethical and legal misuse of such data. As it is shown in the paper, the main issue with the usage of such data is that it undermines the main ethical principle – voluntary participation in research. In addition, the tempting openness of social networking data can encourage the infringement of privacy rights, threaten personal data protection and harm the mental health of users. In spite of all efforts countries put to handle legal questions related to the usage of Big Data, current practice shows that possibilities developed by Big Data undermine principles of law and make people's right to privacy and such data incompatible. In the paper, the author suggests the following steps aimed at preventing ethical and legal violations of social media data usage: 1) to reconsider and adapt to social media environment such concepts as personal data, informed consent, ability of people to opt in and out of an experiment; 2) to develop detailed regulations of preliminary ethical and legal expertise of research proposals with social networking data and monitor results of ongoing research to prevent potential harm which might be caused by the usage of such data; 3) to develop a course (face-to-face or online) on research ethics with modules on Big Data usage for students, researchers and people who can be potentially involved in any research field.

REFERENCES

- Kemp, S. (2017) *Digital in 2017 Global Overview*. [Online] Available from: <https://hootsuite.com/de/newsroom/press-releases/digital-in-2017-report>. (Accessed: 25.12.2017).
- Brand Analytics. (2016) *Sotsial'nye seti v Rossii, zima 2015–2016. Tsifry, trendy, prognozy* [Social networks in Russia, winter 2015–2016. Figures, trends, forecasts]. [Online] Available from: <https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/>. (Accessed: 25.12.2017).
- Facebook. (n.d.) *Key facts about Facebook*. [Online] Available from: <http://newsroom.fb.com/key-facts>. (Accessed: 05.01.2018).
- Shashkin, A.V., Devyatko, I.F. & Davydova, S.G. (eds) (2010) *Onlayn issledovaniya v Rossii 2.0* [Online research in Russia 2.0]. Moscow: Severo-Vostok.
- Korytnikova, N.V. (2015) Online Big Data kak istochnik analiticheskoy informatsii v onlayn issledovaniyakh [Online Big Data as a source of analytical information in online research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 14–24.
- Mayer-Schonberger, V. & Cukier, K. (2014) *Bol'shie dannye. Revolyutsiya, kotoraya izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim* [Big Data. A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think]. Translated from English by Inna Gaydyuk. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Youyoua, W., Kosinski, M. & Stillwell, D. (2015) Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 112 (4). pp. 1036–1040. DOI: 10.1073/pnas.1418680112
- Kosinski, M., Stillwell, D. & Graepel, T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 110 (15). DOI: 10.1073/pnas.1218772110
- Duhigg, C. (2012) *The Power of Habit: Why we do what we do in life and business*. New York: Random House.
- Schroeder, R. (2014) Big Data and the brave new world of social media research. *Big Data and Society*. 1 (2). pp. 1–11. DOI: 10.1177/2053951714563194
- Lazer, D. et al. (2009) Life in the network: the coming age of computational social science. *Science*. 323. pp. 721–723. DOI: 10.1126/science.1167742
- Martin, K.E. (2015) Ethical Issues in the Big Data Industry. *MIS Quarterly Executive*. 14 (2). pp. 67–85.
- Calo, M.R. (2013) Digital Market Manipulation. *The George Washington Law Review*. 82 (4). pp. 995–1051.
- Xun, J. & Guo, B. (2017) Twitter as customer's eWOM: an empirical study on their impact on firm financial performance. *Internet Research*. 27 (5). pp. 1014–1038.
- Brynjolfsson, E., Hitt, L. & Kim, H. (2011) Strength in Numbers: How does data-driven decision-making affect firm performance? *ICIS Proceedings*. [Online] Available from: <https://aisel.aisnet.org/icis2011/proceedings/economicvalue/13>. (Accessed: 20.12.2017).
- Moreno, M.A. et al. (2011) Feeling bad on Facebook: depression disclosures by college students on a social networking site. *Depression and Anxiety*. 28. pp. 447–455. DOI: 10.1002/da.20805
- Reece, A.G. & Danforth, C.M. (2016) Instagram photos reveal predictive markers of depression. *EPJ Data Science*. 6:15. DOI: 10.1140/epjds/s13688-017-0110-z
- Conway, M. & O'Connor, S. (2016) Social media, big data, and mental health: current advances and ethical implications. *Current Opinion in Psychology*. 9. pp. 77–82. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.01.004
- Li, J. & Cardie, C. (2013) *Early Stage Influenza Detection from Twitter*. arXiv preprint arXiv:1309.7340.
- Shalak, V. (2016) *Potus*. [Online] Available from: <http://vaal.ru/show.php?id=281>. (Accessed: 05.01.2018). (In Russian).
- Perez, S. (2016) Analysis of social media did a better job at predicting Trump's win than the polls. *TechCrunch*. [Online] Available from: <https://techcrunch.com/2016/11/10/social-media-did-a-better-job-at-predicting-trumps-win-than-the-polls/>. (Accessed: 05.01.2018).
- Ceron, A., Curini, L. & Iacus, S. (2016) How pollsters could use social media data to improve election forecasts. *The Washington Post*. [Online] Available from: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/12/21/using-these-4-steps-pollsters-could-use-social-media-data-to-improve-election-forecasts/?utm_term=.a9d5a334b373. (Accessed: 05.01.2018).
- Celli, F., Stepanov, E., Poesio, M. & Riccardi, G. (2016) Predicting Brexit: Classifying Agreement is Better than Sentiment and Pollsters. *Proceedings of the Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotions in Social Media*. Osaka, Japan: PEOPLES@COLING. pp. 110–118.
- Lubin, G. (2012) *The Incredible Story of How Target Exposed A Teen Girl's Pregnancy*. [Online] Available from: <http://www.businessinsider.com/the-incredible-story-of-how-target-exposed-a-teen-girls-pregnancy-2012-2>. (Accessed: 04.01.2018).
- Tuffley, D. & Stantic, B. (2017) Social media study points to a close result in the same-sex marriage vote. *The Conversation*. [Online] Available from: <https://theconversation.com/social-media-study-points-to-a-close-result-in-the-same-sex-marriage-vote-84436>. (Accessed: 05.01.2018).
- Han, M. (2017) Social media poll predicts narrow "No" win in same-sex marriage survey. *Financial Review*. [Online] Available from: <http://www.afr.com/news/politics/social-media-poll-predicts-narrow-no-win-in-samesex-marriage-survey-20171101-gzd6rv>. (Accessed: 04.01.2018).
- Korshunov, A. et al. (2014) Analiz sotsial'nykh setey: metody i prilozheniya [Social network analysis: methods and applications]. *Trudy Instituta sistemnogo programirovaniya RAN – Proceedings of the Institute for System Programming*. 26:1. pp. 439–456.
- Kosinski, M., Matz, S., Gosling, S., Popov, V. & Stillwell, S. (2015) Facebook as a Social Science Research Tool: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations and Practical Guidelines. *American Psychologist*. 70(6). pp. 543–556. DOI: 10.1037/a0039210
- Yang, Z. et al. (2011) Uncovering social network Sybils in the wild. *Proceedings of the ACM SIGCOMM conference on Internet measurement conference*. New York, NY: ACM Press. DOI: 10.1145/2556609

30. Savel'ev, A.I. (2015) The Issues of Implementing Legislation on Personal Data in the Era of Big Data. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 1. pp. 43–66. (In Russian).
31. Hall, T. & Flynn, V. (2001) Ethical issues in software engineering research: a survey of current practice. *Empirical Software Engineering*. 6. pp. 305–317. DOI: 10.1023/A:1011922615502
32. Zimmer, M. (2010) “But the data is already public”: on the ethics of research in Facebook. *Ethics and Information Technology*. 12. pp. 313–325. DOI: 10.1007/s10676-010-9227-5
33. Kramera, A.D., Guillory, J.E. & Hancock, J.T. (2014) Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *PNAS*. 111 (24). pp. 8788–8790. DOI: 10.1073/pnas.1320040111
34. The Guardian. (2014) Facebook’s ‘experiment’ was socially irresponsible. *The Guardian*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/01/facebook-socially-irresponsible>. (Accessed: 17.07.2017).
35. Norval, C. & Henderson, T. (2017) Contextual Consent: Ethical Mining of Social Media for Health Research. *Proceedings of the WSDM 2017, Workshop on Mining Online Health Reports*. Cambridge.
36. Israel, M. & Hay, I. (2006) *Research Ethics for Social Scientists: Between Ethical Conduct and Regulatory Compliance*. London: Sage.
37. Barbier, G. & Liu, H. (2011) Data Mining in Social Media. In: Aggarwal, C. (eds) *Social Network Data Analytics*. Boston, MA: Springer.
38. Hogan, B. (2008) Analyzing Social Networks via the Internet. In: Fielding, N., Lee, R.M. & Blank, G. (eds) *The SAGE Handbook of Online Research Methods*. London; Beverly Hills, CA: Sage.
39. Lewis, K. et al. (2008) Tastes, Ties, and time: A new social network dataset using Facebook.com. *Social Networks*. 30 (4). pp. 330–342. DOI: 10.1016/j.socnet.2008.07.002
40. Parry, M. (2011) Harvard Researchers Accused of Breaching Students’ Privacy. *The Chronicle of Higher Education*. [Online] Available from: <https://www.chronicle.com/article/Harvards-Privacy-Meltdown/128166>. (Accessed: 05.01.2018).
41. Kaiser, T. (2011) Harvard Sociologists in Hot Water Over Facebook Study; Student Privacy Called into Question. *Dailytech*. [Online] Available from: <http://www.dailytech.com/Harvard+Sociologists+in+Hot+Water+Over+Facebook+Study+Student+Privacy+Called+into+Question/article22116.htm>. (Accessed: 04.01.2018).
42. HHS.gov. (1979) *The Belmont Report*. [Online] Available from: <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/index.html>. (Accessed: 10.07.2017).
43. EPIC. (2014) *In re: Facebook (Psychological Study)*. [Online] Available from: <https://epic.org/privacy/internet/ftc/facebook/psycho/>. (Accessed: 17.07.2017).
44. Lomas, N. (2015) Facebook’s Data Protection Practices Under Fresh Fire In Europe. *TechCrunch*. [Online] Available from: <https://techcrunch.com/2015/02/23/facebook-ad-network/>. (Accessed: 2.01.2018).
45. Van Alsenoy, B. et al. (2015) *From social media service to advertising network: a critical analysis of Facebook’s Revised Policies and Terms*. [Online] Available from: <https://www.law.kuleuven.be/citip/en/news/item/facebooks-revised-policies-and-terms-v1-1.pdf>. (Accessed: 20.12.2017).
46. Consultant.ru. (2006) *O personal'nykh dannykh: Federal'nyy zakon RF* [On the personal data: the Federal law of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/. (Accessed: 13.07.2017).

Received: 18 January 2018

ИСТОРИЯ

УДК 947.083: 930.85(14)

М.А. Воскресенская

КУЛЬТУРОСОФСКАЯ КРИТИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

На материалах философской публицистики раскрывается подход Н.А. Бердяева к анализу русской революции, заключающийся в поиске культурных смыслов политической реальности. Автор приходит к заключению, что при разработке и реализации любых модернизационных проектов целесообразно принимать во внимание идеи мыслителя о первостепенной значимости духовных факторов общественного развития.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев; русская революция; публицистика, культурософская интерпретация политического процесса.

Первые попытки анализа революционных событий начала XX в. в контексте тех процессов, которые сегодня принято обозначать термином «модернизация», предпринимали еще сами современники переломной исторической эпохи. Основные дискуссии изначально (да и впоследствии) разворачивались с различных идеологических позиций вокруг политических, экономических, социальных преобразований в России. Эти острые споры о насущном и, как многим представляется, главным заглушали голоса тех, кто стремился постичь *культурные смыслы* разразившихся цивилизационных катаклизмов и намечавшихся для страны перспектив. Однако с течением времени все отчетливее осознается несуетная, несиюминутная актуальность их глубоких размышлений. В число этих мыслителей входит Н.А. Бердяев, в чьем философском и публицистическом творчестве тема революции заняла одно из центральных мест, но при этом не стала поводом для отстаивания какой-то определенной партийной позиции.

Н.А. Бердяев придерживался вполне определенных общественных взглядов: он был убежденным противником насильственных методов разрешения социальных конфликтов и проблем, однако ни к одному из политических лагерей не примыкал и политикой как таковой ни в практическом, ни в теоретическом плане не занимался, хотя и подвергался жесткой идеологической критике буквально со всех сторон – и официальных властей (как до, так и после революции), и разного рода оппозиционных сил. В философской автобиографии мыслитель выразительно обрисовал свое парадоксальное положение между внешней вовлеченностью в политический водоворот и внутренней отстраненностью от политики: «Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим» [1. С. 9]. Тем не менее оставаться совершенно безучастным к бурным социально-политическим процессам и событиям, разворачивавшимся на его глазах, он не мог. Революционные

волнения в России встретили его живой отклик, который мы находим не столько в академических трудах кабинетного затворника, сколько в вышедшей из-под пера философа публицистике, пусть и особого толка – адресованной не широким массам, а скорее интеллектуальной элите.

Свое понимание освободительной борьбы Н.А. Бердяев обозначил еще в период первой русской революции. В журнале «Вопросы жизни» (1905, апрель–май) была опубликована его статья «Культура и политика (к философии новой русской истории)», где, в частности, заявлялось: Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России. Только тогда мы будем знать, во имя чего действовать и творить. Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания» [2. С. 326]. Спустя полгода в журнале «Полярная звезда» (1905. № 2) вышла его статья «Революция и культура». В ней мыслитель признавал, что революция «несет с собой несомненную правду социальной справедливости», но в то же время выражал опасение, что вследствие слабости культурных традиций в России «может разыгаться страшная историческая трагедия», если на смену деспотизму самодержавия придет «вандализм революции» [3. С. 419].

Тяжелейшие эксцессы по обе стороны баррикад Н.А. Бердяев рассматривал не в классово-политической плоскости, а в духовно-нравственном ключе. Подводя итоги революции 1905–1907 гг. совместно с соавторами по сборнику «Вехи» (1909) и пытаясь понять, что же творилось тогда со страной, он приходил к выводу, что непримиримая всеобщая жесточенность была спровоцирована бездуховностью «интеллигентщины», а истоки российской трагедии лежат в ее умственно-мировоззренческих заблуждениях, морально-нравственных искажениях революционного интеллигентского сознания. В статье «Философская истина и интеллигентская правда» мыслитель упрекал революционную интеллигенцию в «малокультурном» отношении к духовным ценностям, которые те стремились подчинить «утилитарно-

общественным целям», «интересам политики, партий, направлений и кружков». Главную задачу интеллигенции как наиболее образованной и мыслящей части общества он видел не в возбуждении классовой ненависти, а в том, чтобы «способствовать культурному возрождению России» [4. С. 11, 13, 30]. Н.А. Бердяев настаивал: «Политическое освобождение возможно лишь в связи с духовным и культурным возрождением и на его основе» [Там же. С. 30].

События 1917 г. еще более укрепили философа в этом убеждении. Свои мысли на сей счет он развивал во втором «веховском» сборнике – «Из глубины» (1918). Статью «Духи русской революции» Н.А. Бердяев начал с констатации: «С Россией произошла страшная катастрофа» [5. С. 250]. Причины этой катастрофы он вновь связывает с культурным состоянием русского общества и прежде всего с духовным обликом интеллигенции. Революцию он называет «великой проявительницей», показавшей «омертвление русских душ», всеобщее духовное «обнищание», вследствие которого «русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство» [Там же. С. 261]. Однако проявлением чьих-то пороков роль революции в судьбе отечества для него не исчерпывается. Философ переходит к прямому и резкому ее обличению: «Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благость. Русская революция хотела бы истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме» [Там же. С. 283]. Россию, по его словам, истерзали «злые духи», учинившие разнузданную оргию. «И освобождение от них предполагает духовное перерождение народа, внутренний в нем переворот. Революция не является таким переворотом», – резюмировал мыслитель [Там же. С. 258–259].

Осмыслению причин революции, ее истинных и ложных целей, реальных и потенциальных перспектив Н.А. Бердяев посвящал статью за статьей в течение полутора лет после свержения самодержавия. Эти публицистические работы составили авторский сборник «Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.» (1918). Из рассуждений философа вытекает, что он отнюдь не считал себя контрреволюционером, более того, полагал, что революция была неизбежна, подчеркивал, что ее вызвали нетерпимое положение масс, обветшалость всех общественных институтов царской России, разложение традиционных духовно-ценностных основ русской жизни. Вместе с тем его удручала та трансформация, которую претерпевала русская революция в ходе своего нарастания. По его мнению, изначальный импульс всеобщему протесту против монархии задал «инстинкт самосохранения целого народа», и в этом стихийном порыве революция сплотила нацию, укрепила ее единство. Однако с развитием и углублением революционного процесса сложившаяся было целостность рассыпалась на враждующие группы, каждая из которых принялась отстаивать свои корыстные интересы, подчиненные «целям социального благополучия», в то время как истинная свобода – «божественная цен-

ность, высшая цель, мечта многих поколений лучших русских людей» – достигается не просто внешним избавлением от давления властей, но внутренним духовным преображением [6. С. 116, 119–120, 148]. Главным фактором этой, как ему казалось, деформации изначальной сути освободительного движения философу представлялась специфика общественного сознания вождей русской революции со свойствами ему утилитарно-нигилистическими тенденциями, которые, в свою очередь, сформировались по объективным культурно-историческим причинам: «Нигилизм нашего революционного сознания есть порождение старого и долгого рабства. Большая доля вины за него падает на классы руководящие и господствующие, на нравственное вырождение сверху... Интеллигенция изменяет своему назначению быть независимым и свободным органом высшего сознания и высшей культуры духа... И нужно сознаться, что всей мыслящей части русского общества, которая почитала себя носительницей сознательных идей, есть в чем покаяться и от чего очиститься» [Там же. С. 125, 146, 164].

К постижению причин, социокультурной природы и цивилизационных последствий русской революции мыслитель вновь и вновь возвращался до конца своих дней. Неприятие им революционного насилия и проявлений бездуховности в большевистской России оставалось неизменными, но с течением времени гневный антиреволюционный пафос постепенно уступал место более взвешенным оценкам политического процесса и его участников, причем как сторонников революции, так и ее противников. Оказавшись в вынужденной эмиграции, он не только упорно продолжал разоблачать «ложь коммунизма», но и последовательно выступал против реставрационных настроений монархических кругов русского зарубежья. Его постоянной публицистической трибуной в Париже стал журнал религиозно-философской мысли «Путь» (1925–1940), основателем и редактором которого он сам же и являлся.

В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции», открывавшей первый номер нового издания, формулировалась его миссия: способствовать сохранению и развитию русской духовной культуры как необходимому условию будущего возрождения России [7]. Духовность трактовалась интеллектуальными силами, объединившимися вокруг этого издания, прежде всего в православном ключе, однако журнал «Путь» не был богословским по содержанию и не являлся рупором церкви. На его страницах представлены религиозно-философские размышления о судьбе покинутой Родины, ее истории и культуре, современном состоянии и перспективах развития. В число наиболее обсуждаемых вопросов входил курс русской революции. Тон этому разговору задавал Н.А. Бердяев. Философ пытался дать объективный анализ кардинальных перемен в российской действительности. Судя по многочисленным выступлениям на страницах журнала «Путь», в своих обращениях к эмигрантской среде Н.А. Бердяев неустанно подчеркивал «невозможность возврата к тому, что было до революции и войны» [8. С. 134], «неотвратимость и неотменимость факта революции, с которой

нужно начинать теперь всякую деятельность» [9. С. 180].

Мыслитель внутренне так и не принял революцию, он не разделял ее целей и идеалов. Тем не менее ему пришлось смириться с ее бесповоротностью. Он писал: «Не признавать революцию есть словосочетание, лишенное реального смысла. Я не люблю революции и не вижу в ней самой ничего хорошего, она ужасна, отвратительна в своих образах, она есть тяжкая расплата. Но я признаю, что революция свершилась и что после нее начинается новый период нашей истории» [9. С. 180]. Философ пытался повернуть эмигрантское сознание от «дореволюционных» умонастроений к «пореволюционным», донести до собратьев по изгнанию мысль о бесплодности внешней борьбы с большевизмом. Он настойчиво разъяснял читателям своего журнала: любое выступление «старорежимных» сил не только получит отпор со стороны Красной Армии, но и натолкнется на жесткое сопротивление всего народа, сплотит его вокруг советской власти. Народ не хочет возвращения свергнутого режима и не допустит этого: «Большевистская власть для крестьян, для рабочих, для красноармейцев, для новой интеллигенции, порожденной революцией, превращается в охрану от призрака реставрации, от дореволюционных настроений и устремлений» [Там же. С. 177]. Н.А. Бердяев полагал, что советская власть будет свергнута только после того, как сам народ восстанет против нее.

Выступая убежденным противником политического радикализма в борьбе с большевистским режимом, Н.А. Бердяев отнюдь не проявлял лояльности к большевизму, но он признал революцию как данность, как непреложный факт. Он желал свержения коммунистической системы, но принципиально расходился с правомонархическими лидерами в представлениях о средствах борьбы с ней и путях последующего развития страны. Философ отвергал популярную в эмигрантской среде идею реставрации монархии: «Сама идея реставрации есть идея насилия и кровопролития, она не хочет считаться с органическими процессами в народной жизни, с преодолением революции изнутри, имманентно» [Там же. С. 180]. Выступая против «абсолютизации относительных и преходящих исторических форм» [10. С. 142], он не цеплялся, в отличие от многих, за монархические идеалы. Философ справедливо утверждал: «Монархия в старом смысле стала в наши дни утопией» [9. С. 179]. Он напоминал: «Монархия не была у нас даже свергнута, она сама пала от разложения, от потери веры в нее» [Там же. С. 180]. Не уповал он и на монархические лозунги «спасения России»: «Никогда наши “правые” не защищали “вдов и сирот”, они предпочитали устраивать еврейские погромы» [11. С. 110].

Н.А. Бердяев не считал возможным оправдывать насилие монархистов революционным насилием: «Нельзя сравнивать революцию, которая есть болезнь и разлив хаотической стихии, с монархией, которая претендует быть устойчивым порядком жизни. Более всего крови проливают революции и более всего совершают насилий, это бесспорно. Но революции не имеют нормативного характера. Насилия же, к кото-

рым склонны правые монархические партии, смертные казни, тюрьмы, преследования инаковерующих и инакомыслящих, носят характер нормативный, возводятся в закон жизни» [9. С. 180]. По мнению Н.А. Бердяева, мотивы агрессивных устремлений сторонников и противников революции были общими – и теми и другими двигали в первую очередь мстительные чувства: «Революция всегда есть явление мести, в ней поднимаются мстители за несправедливость и угнетение прошлого, за крепостное право, за испытанную бедность, за унижение человеческого достоинства. Всякая месть духовно отвратительна и для христианина неприемлема. Но месть за революцию еще отвратительнее мести революционной, в ней мстят за утерю своего привилегированного положения, не сознавая своих грехов» [Там же. С. 180].

Призывая не идеализировать ни революцию, ни дореволюционный строй, философ находил много общего в моральном (точнее – аморальном) облике противоборствующих сторон: «Наиболее легко преступают пределы различия между добром и злом крайние правые – монархисты и националисты, и крайние левые – коммунисты. В этом они схожи по духу, по типу» [12. С. 86]. Мыслитель с горечью замечал, что готовность политической эмиграции использовать любые средства борьбы против советской власти мало отличается от «культурной разрушительности большевиков» [8. С. 134]. Любые политические цели общественного движения философ считал заблуждениями. Политика, по его убеждению, сама по себе не способна коренным образом преобразовать и усовершенствовать общество. Крайности революции и контрреволюции сходились и в этом ошибочном уповании на политику: «Монархия сейчас есть рожденная ненавистью к настоящему утопия совершенного общественного строя. Она играет ту же роль, какую играл социализм в течение всего XIX в., который также был утопией совершенного социального строя» [13. С. 14]. Не разделяя ложных политических целей, Н.А. Бердяев резонно утверждал: «Если человек хочет любить только монархическую Россию, то значит, любовь к России и к русскому народу не является у него первичной и главенствующей, им движет любовь к государству и государственной форме, а не к своей земле и своему народу» [Там же. С. 15].

Возрождение России для мыслителя было связано совсем не с возвращением дореволюционных порядков: «Главная сейчас задача есть задача духовного просветления народных слоев, всколыхнувшихся от революции, пробуждения в них религиозного и национального сознания» [Там же. С. 15]. Чувство разразившейся катастрофы, охватившее его после революции, сменилось настроенностью на длительную и глубокую духовную работу. Будучи религиозным мыслителем, основу цивилизационного развития России он видел в духовном преображении народа: «Русским людям нужно прививать благородное почитание творческих усилий духа, уважение к мысли, любовь к человеческому качеству» [8. С. 139].

Н.А. Бердяев настаивал на том, что важнее задумываться о содержании жизни государства и обще-

ства, чем о ее социальных формах, будь то монархия или республика. По его убеждению, государственное устройство – это технический вопрос, а основополагающим является вопрос о том, «какой дух движет властью и определяет жизнь общества» [10. С. 144]. К этой мысли он возвращался неоднократно, вновь и вновь убеждая читателя: «Важны не цели, не идеологии, а духовная основа жизни, духовные истоки жизни, по которым определяется “путь”. Не новые идеологические цели нужно ставить политике, а новые духовные основы и истоки для нее найти, то есть исходить из духовного возрождения, из нового духа жизни. Это предполагает ограничение сферы политики, недопущение ее главенства над жизнью и ее вампирического развития. Важны не новой идеологии люди, а *нового духа люди*» [12. С. 88].

Под духовностью Н.А. Бердяев понимал, прежде всего, приверженность христианской истине. Исходя из этого, главной задачей эмиграции он считал не военно-политическое насильственное «низвержение революции», а ее духовное развенчание: «Нужна непримиримая духовная борьба с коммунистической идеологией, с безбожием и бесчеловечием коммунистической диктатуры, с ложью и обманом, с деморализацией и обездушиванием, но не с новой, порево-

люционной рабоче-крестьянской Россией, которую свергнуть нельзя, а можно лишь просветлять и облагораживать» [12. С. 94].

Всегда стремившийся оставаться над классовыми схватками и, как следствие, постоянно подвергавшийся нападкам и «правых», и «левых», Н.А. Бердяев занимал принципиально беспартийную позицию, не позволяя себе подменять философский анализ и журналистское высказывание политической пропагандой. И потому, несмотря на определенную утопичность его культурософских интерпретаций сложнейших политических процессов, размышления Н.А. Бердяева по сей день не утрачивают глубины и значимости. Идеи мыслителя об устранении кризисных состояний социума средствами культуры, манифестированные им в многочисленных публицистических выступлениях, разумеется, не могли бы служить конкретной политической программой или практическим руководством к прямому действию. Тем не менее его культурософский подход к осмыслению общественно-политической реальности побуждает задуматься о сомнительной успешности каких бы то ни было модернизационных проектов, не учитывающих культурных факторов общественных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Культура и политика (к философии новой русской истории) // Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные*. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 310–326.
3. Бердяев Н.А. Революция и культура // Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные*. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 419–427.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 11–30.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 250–289.
6. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг. СПб. : РХГИ, 1998. 432 с.
7. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.
8. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.
9. Бердяев Н.А. Дневник философа (спор о монархии, о буржуазности и свободе мысли) // Путь. 1926. № 4. С. 176–182.
10. Бердяев Н.А. Ответ на письмо монархиста // Путь. 1926. № 3. С. 140–144.
11. Бердяев Н.А. Дневник философа (о духе времени и монархии) // Путь. 1927. № 6. С. 110–114.
12. Бердяев Н.А. Дневник философа (о средствах и целях, о политике и морали, о политике христианской и политике гуманистической, о двух пониманиях задач эмиграции) // Путь. 1929. № 16. С. 82–94.
13. Бердяев Н.А. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи // Путь. 1928. № 14. С. 3–30.

Статья представлена научной редакции «История» 27 января 2018 г.

CULTUROSOPHICAL CRITICISM OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHICAL JOURNALISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 88–92.

DOI: 10.17223/15617793/431/11

Marina A. Voskresenskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru; marina3010@ngs.ru

Keywords: N.A. Berdyaev; Russian revolution; journalism; culturosophical interpretation of political process.

The article traces the formation of N.A. Berdyaev's views on the Russian Revolution in the framework from uncertain expectations of some spiritual change to the evaluation of the real political events and finding ways to overcome their negative effects. The thinker's philosophical journalistic materials reveal his culturosophical approach to the analysis of political reality. A number of journalistic sources of the period of the first Russian Revolution show that the philosopher declared the real purpose of a liberation struggle was not only the deliverance of the underclass from a political and economic oppression, but also the cultural transformation of the country. The thinker recognized the revolution had the rightness of social justice, but at the same time feared revolutionary destructiveness that could replace monarchical despotism. Berdyaev perceived the real outcome of the events of 1905–1907 and 1917 as a disaster. Understanding and assessment of these events is the subject of Berdyaev's numerous articles included in the philosophical and journalistic collections of *Milestones* (1909), *From Depth* (1918), *The Spiritual Foundations of the Russian Revolution* (1918). The philosopher analyzed the social upheavals not through the party-political positions, but in spiritual and moral ways. He noted that in spite of the fact that the revolution had objective reasons, it nevertheless had selfish, utilitarian, soulless interests of its supporters, who resorted to revolutionary violence. Berdyaev considered the desire for social well-being as a perversion of the true

nature of the revolution. He imposed the blame for this perversion on the Russian revolutionary intelligentsia and its low cultural level. Time and again he insisted that political liberation was possible only on the basis of the cultural growth and spiritual development of society. Berdyaev was always an implacable enemy of Bolshevism. However, he did not support the idea of the restoration of the monarchy. When in involuntary emigration, the philosopher continued to expose the “lies of communism”, but but thought about the improvement of the post-revolutionary Russian life rather than about the return of the pre-revolutionary order. His philosophical and religious edition *Put'* [The Way] (1925–1940) became Berdyaev’s ongoing journalistic podium in Paris. Through his regular publications on the pages of the magazine, the philosopher convinced readers that the Soviet government would be overthrown, but only in case if the people would rise up against it. He claimed that any revolution or its opponents were not to be idealized. He condemned the violence manifested on both sides. He treated any political goals of a social movement as a delusion in which the extremes of revolution and counter-revolution converged. The philosopher did not associate the revival of Russia with a particular ideology or a change of government in the country, but with the spiritual enlightenment of the people and the cultural transformation of the Russian society. He assured the emigre audience that the hard work for the ennoblement of the worker-peasant souls would lead to the fall of the Communist dictatorship. On this basis, he considered that the main task of the Russian Diaspora was not an armed overthrow of the revolution, but its spiritual debunking. Summing up the research, the author concludes that Berdyaev’s thoughts, set out in the philosophical and journalistic works, could not be used as a political tool or guide to direct actions, but his culturological approach to the analysis of political reality was relevant because any project for modernization of the society should take into account the cultural consciousness of society.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (An essay on autobiography)]. Moscow: Kniga.
2. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, social and literary experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 310–326.
3. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, social and literary experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 419–427.
4. Berdyaev, N.A. (1991) *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical truth and intelligentsia truth]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda.
5. Berdyaev, N.A. (1991) *Dukhi russkoy revolyutsii* [The spirits of the Russian Revolution]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda.
6. Berdyaev, N.A. (1998) *Dukhovnye osnovy russkoy revolyutsii. Opyty 1917–1918 gg.* [Spiritual foundations of the Russian Revolution. Experiments of 1917–1918]. St. Petersburg: RKhGI.
7. *Put'*. (1925) *Dukhovnye zadachi russkoy emigratsii* [Spiritual problems of the Russian emigration]. *Put'*. 1. pp. 3–8.
8. Berdyaev, N.A. (1925) *Evraziytsy* [The Eurasians]. *Put'*. 1. pp. 134–139.
9. Berdyaev, N.A. (1926) *Dnevnik filosa (spor o monarkhii, o burzhuaznosti i svobode mysli)* [Diary of a philosopher (dispute about monarchy, about bourgeoisness and freedom of thought)]. *Put'*. 4. pp. 176–182.
10. Berdyaev, N.A. (1926) *Otvety na pis'mo monarkhista* [Reply to the letter of a monarchist]. *Put'*. 3. pp. 140–144.
11. Berdyaev, N.A. (1927) *Dnevnik filosa (o dukhe vremeni i monarkhii)* [Diary of a philosopher (on the spirit of time and monarchy)]. *Put'*. 6. pp. 110–114.
12. Berdyaev, N.A. (1929) *Dnevnik filosa (o sredstvakh i tselyakh, o politike i morali, o politike khristianskoy i politike gumanisticheskoy, o dvukh ponimaniyakh zadach emigratsii)* [Diary of a philosopher (on means and goals, on politics and morality, on Christian politics and humanistic politics, on two understandings of the tasks of emigration)]. *Put'*. 16. pp. 82–94.
13. Berdyaev, N.A. (1928) *Illyuzii i real'nost' v psikhologii emigrantskoy molodezhi* [Illusions and reality in the psychology of emigrant youth]. *Put'*. 14. pp. 3–30.

Received: 27 January 2018

Ж.А. Гумерова, П.А. Игрунова

КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В.В. НАБОКОВА)

Статья построена на историко-культурном разборе ряда произведений раннего периода творчества В.В. Набокова в контексте культурного пространства эмигрантской среды. Раскрыта тема духовного одиночества, ностальгии по утраченной родине, показаны отражение в произведениях современных исторических процессов и реакция на них. Делается вывод о том, что в творчестве Набокова актуализируется проблема культурной самоидентификации. Наряду с историческими источниками в работе использованы материалы художественной литературы, что придает статье междисциплинарную направленность.

Ключевые слова: В.В. Набоков; эмиграция; русское зарубежье; культурная идентичность; ностальгия.

В условиях современной России и стран постсоветского пространства вопросы, связанные с поиском национальной идеи, актуализируются и получают новое рождение [1]. Вопрос национальной самоидентификации вставал ребром в наиболее кризисные моменты отечественной истории, в частности в революционное время. Представителям эмигрантской мысли, испытывавшим чувство потери родины, были присущи такие психосоциальные характеристики, как скептицизм и пессимизм, а также выход в интеллектуальной работе на новую аналитическую глубину для отражения причинно-следственных связей меняющихся реалий жизни.

Русская эмиграция 1917–1922 гг. представляла собой во многом уникальное явление: при отсутствии существенных признаков нации эмигранты из царской России всячески противились культурной ассимиляции в странах пребывания и продолжали считать себя «Россией вне России» [2]. Стремление сохранить свой язык и традиции было характерной чертой российской неоднородной эмиграции первой волны. В реализации этого тезиса важнейшая роль принадлежала национальному самосознанию. В отличие от политического и военного «фронтов», деятельность которых привела лишь к отчуждению, работа в области культуры являлась единственным поприщем, послужившим объединению российской эмигрантской среды [Там же]. Центральное место в духовном наследии русского зарубежья занимали размышления о судьбах Родины, ее историческом предназначении, месте и роли русского народа в мировой культуре.

Владимир Владимирович Набоков принадлежал к этой эмигрантской среде. Писатель нового поколения, отступник русской литературной традиции, он вместе с тем с детских лет читал и любил А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и А. Блока, получил блестящее воспитание, с детства свободно владел тремя языками. Читал в американских университетах, уже будучи известным писателем, курс русской и мировой литературы, который впоследствии был издан отдельной книгой [3]. Опасаясь плохого чужого перевода в будущем, вместе с сыном перевел роман «Лолита» на русский язык [4]. А с началом Второй мировой войны писатель теряет своего русского читателя в Европе, эмигрирует вместе с женой в США и продолжает творчество исключительно на английском языке.

Тематика духовного одиночества – потеря любимой родины – лейтмотивом проходит сквозь всю его творческую жизнь, а герои произведений хранят память об Отчизне. Еще в юности молодому писателю вместе с Россией довелось пережить величайшие исторические потрясения: Первая мировая война, а затем Октябрьская революция с последующей эмиграцией длиною в жизнь. Все это не могло не найти отклика в ранней набоковской прозе. Наполненный одиночеством и печалью рассказ «Письмо в Россию» (1924) – письмо героя-эмигранта из Германии девушке. Образ первой возлюбленной перекликается с образом любви к России. Это предположение также подтверждает первое опубликованное произведение автора – роман «Машенька» (1926), в котором понятие «пространство–время» – русская эмигрантская среда в Берлине – совпадает с уже упомянутым рассказом. Роман был благосклонно, но без особых восхвалений, встречен критикой. О нем писал М. Осоргин в «Современных записках» (назвал его «очень хорошей повестью из эмигрантской жизни» и считал, что мелочи быта особенно удалась Набокову) [5. С. 31–32], а журналист и общественный деятель А. Изгоев увидел в «Машеньке» отработанную в XIX в. разновидность романа о русской интеллигенции [6. С. 580]. К слову, эмигрировавший в 1931 г. Е.И. Замятин высоко оценил талант и сразу же объявил Сирина самым большим приобретением эмигрантской литературы [7. С. 190]. Наряду с этими произведениями тема духовного одиночества прослеживается и в более поздних сочинениях Владимира Набокова. Главный герой рассказа «Посещение музея» (1938) в приступе безумства оказывается «не в России своей памяти», а в стране «самделишной, сегодняшней, заказанной [ему], безнадежно рабской и безнадежно родной» [8].

Первоначальный период формирования Набокова как поэта, вплоть до появления первого вышеупомянутого романа «Машенька» (1926), в целом демонстрирует прямолинейную зависимость поэтики от внешних биографических влияний [9. С. 221]. Полтора года Набоков вместе с семьей провел в Крыму, куда они вынуждены были бежать из столицы в ноябре 1917-го и откуда эвакуировались весной 1919 г. Эти месяцы, которые семья провела в имении графини Паниной в Гаспре, дали молодому поэту ощутить «всю боль изгнания» [10. С. 527, 530]. В Кембридж-

ском университете, где Набоков оказался после Крыма, он, будучи «яростно несчастен», как сказал своему биографу Эндрю Филду, страдая от классической формы ностальгии по утраченной родине и утраченной возлюбленной (но одновременно позволяя не тратить себе лишнего времени на учебу, выбрав самый легкий для себя бакалавриат по французской и русской литературе), еще острее почувствовал себя русским поэтом, одиноким изгнанником [9. С. 222].

Творчество Набокова невозможно назвать идейным с социально-политической точки зрения. Он был ярким противником идейности в искусстве, эстетом-формалистом, оттачивавшим свой талант. Но это не означает, что в его работах не было отражения существующей реальности. Немного отступив в сторону, обратимся к такому понятию как «история идей». В свое время Платон противопоставлял идеи миру явлений, ведь сами по себе идеи не являются отражением реальности. Они принадлежат к миру воображаемого и в этом своем качестве обладают способностью изменять реальность. Когда такое вмешательство идей в жизнь приобретает особо крупные размеры, это называют революцией. Русская литература, философия, политическая мысль – не зеркала русской революции, а скорее наоборот: революции совершались в текстах, а оттуда смотрелись в свое историческое отражение, тусклое и всегда неверное [6. С. 592].

По Набокову, фанатическая привязанность к чему-либо – это метафора всех революций. Вообще тема революции непопулярна в творчестве писателя. Пожалуй, особо стоит отметить лишь стихотворение «К свободе», написанное 3 (16) декабря 1917 г. в Гаспре, куда молодой Набоков вместе со своим братом Сергеем бежал из революционного Петрограда. Его необходимо рассматривать контекстуально, как отклик на веховое событие в судьбе молодого поэта.

Наследник литературной традиции поэтов-пророков писатель Иосиф Бродский объяснял литературный успех разных авторов независимой субъектностью языка. Именно так он объяснял и свой собственный успех. Писатель новой эпохи, каковым можно назвать и Набокова, создает свой неповторимый герметичный язык, циркулирующий в рамках метаромана.

Набоковские произведения с течением времени стали общепризнанным достоянием литературы русской диаспоры, русского зарубежья. Роман «Приглашение на казнь» – предтеча постмодерна, образец интертекстуальной прозы, насыщенный аллюзиями на современную автору реальность.

Дата написания романа варьирует: в 1934 г. был окончен черновой вариант текста, в 1935 г. – доведен до ума и лишь в 1938 г. роман был представлен читателю на всеобщее обозрение. Стоит только сопоставить дату написания с актуальными событиями того времени, и становится очевидным факт воплощения реакции писателя на политические события. Роман написан в 1937 г., когда укрепляются, набирая силу, две тоталитарные системы: фашизм и сталинизм. 30 января 1933 г. Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером республики, что означало установление диктатуры партии НСДАП. Приход национал-социалистов к власти ознаменовал падение Веймар-

ской республики и начало эпохи Третьего рейха. Кроме этого, Набоков, разумеется, знал и о наделавших шуму политических процессах в Советском Союзе в начале 1930-х гг., и о правовом произволе советской власти, что, впрочем, талантливо обыгрывается в произведении. Таким образом, роман, сочетающий в себе жанровые черты утопии и антиутопии одновременно, – это жестокий и развенчивающий ответ Набокова на события тоталитарной политики. В этом сюжете Набоков выразил свое понимание сущности тоталитаризма, который требует от человека не просто подчинения, но самозабвенной любви к государству, к своему палачу [3. С. 246, 261]. С другой стороны, в год написания романа у писателя произошло событие, которое едва не свело его с ума: в мае у жены Веры были тяжелые роды долгожданного сына. И именно небывалый творческий взлет помог Набокову отвлечься от тревог за жену и ребенка.

Но есть и метафизическое основание политической утопии: автору «Приглашения на казнь» удалось предсказать мир постмодерна. Для автора эмпатия и культура ставятся выше духа коллективизма и государственных нужд. В тоталитарных государствах все эти добродетели упразднены. Но главный герой оказывается склонен к рефлексии и самопознанию, его душа и сознание недоступны для карательных органов. «Смерть – рождение души», – утверждает автор в тексте лекции, посвященной «Анне Карениной» [Там же]. Освобождение души от пут власти находится только в смерти (хотя такой финал можно рассматривать двояко, равно как и крушение последних надежд со смертью героя).

У Набокова есть и другой тип героя. Обыватели и пошляки населяют рассказ «Облако, озеро, башня». По сюжету они выбирают одного общего врага и «затапывают» его, потому что именно этот обряд создает некое ощущение родства и единения. Горожанам, чтобы чувствовать себя «правильно», нужно убить главного героя романа. Жажда сплочения – вот что движет этими людьми. Она может довести толпу до самоубийственного экстаза: стоит вспомнить хотя бы трагедию на Ходынском поле (1896) или всех погибших в давке на похоронах Сталина (1953 г.). На ежегодном поклонении в Мекке (хадж) в давке гибнут десятки, если не сотни паломников.

Потребность к сплочению может привести человека к вступлению в банду, уличную шайку, мафиозный клан. Как правило, это подразумевает разрыв с привычным жизненным укладом. Но жажда слияния с организованным большинством утоляется гораздо легче, если во всем государстве произойдут политические перемены, нацеленные на полное подчинение человека аппарату управления. Таким образом, тоталитарный деспотизм удовлетворяет такую социально необходимую потребность человека, как потребность к групповой самоидентификации [12]. Но мало просто ощущать себя частью чего-то целого, людей должно объединять общее дело. Зачастую им становится война, борьба с внешним или внутренним врагом, что и представлено в уже упомянутом рассказе «Облако, озеро, башня». Историческим примером воплощения этой концепции в жизнь может послужить избиение

армян в Турции в 1915 г., которое до сих пор не признается в этой стране актом геноцида. Гонения и преследования евреев в Германии в 1930-х гг. молодое немецкое поколение встретило с большим энтузиазмом, потому что общая идея и цель отвечали человеческой потребности к единению. В отечественной истории ярким примером такого социального поведения служат жалобы в карательные органы, слежка за «политически ненадежными» и многочисленные доносы на соседей и коллег в советское время, которые принесли новый виток в сталинскую послевоенную эпоху.

Подводя итоги, можно утверждать, что тема ностальгии, многогранно представленная в творчестве Набокова, занимает одно из ведущих мест на пути к пониманию проблемы «лишнего человека», избегающего ассимиляции с новой культурой (на примере эмигрантской диаспоры в европейском обществе). Особенностью культуры русского зарубежья послеоктябрьского периода стало стремление к сохранению и развитию в традициях предшествующего периода, а также отклик на животрепещущие проблемы современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумерова Ж.А., Шелехов И.Л. Основные направления исследования русского национального самосознания в XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 39–42.
2. Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежом России (20–30-е гг. XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-ideya-i-ee-rol-v-razviti-i-russkoy-kulturny-za-rubezhami-rossii> (дата обращения: 04.04.2017).
3. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1998.
4. «В руках вредоносного ремесленника русская версия “Лолиты” могла бы полностью выродиться, оказаться испятнанной вульгарными пересказами и промахами. И я решил перевести ее сам»: интервью журналу Playboy, январь 1964. URL: <http://lib.ru/NABOKOV/Inter03.txt> (дата обращения 27.02.2017).
5. Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова : критические отзывы, эссе, пародии. М., 2000.
6. Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2013.
7. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. М., 1996.
8. Набоков В.В. Посещение музея. URL: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/poseschenie-muzeya.htm> (дата обращения: 04.04.2017).
9. Набоков В.В. Стихотворения. СПб., 2001.
10. Набоков В.В. Память, говори // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода. СПб. : Симпозиум, 1999. Т. 5.
11. Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> (дата обращения: 06.04.2017).
12. Ефимов И. Жажда сплочения // Нева. 2016. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2016/10> (дата обращения: 06.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 февраля 2018 г.

CULTURAL SELF-IDENTIFICATION OF POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION ON THE EXAMPLE OF V.V. NABOKOV'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 93–96.

DOI: 10.17223/15617793/431/12

Zhanna A. Gumerova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Polina A. Igrunkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina7991@mail.ru

Keywords: V.V. Nabokov; emigration; cultural identity; nostalgia; Russian emigre community.

The aim of the article is to find out the characteristics of Nabokov's cultural identity, to determine whether he has the values of perception that representatives of the emigrant thought had. The source of the material for the article is the Russian-language prose and literary studies of the writer of the early period of his creative work. The article presents an analysis of this source in the historical and cultural context. It was indicated that the theme of spiritual loneliness finds an echo in Nabokov's prose. It shows itself in the letter of an emigrant hero to a girl, whose image echoes the image of love for Russia (“A Letter That Never Reached Russia”), a description of the Russian emigrant environment in Berlin (“Mary”), the nostalgia of the protagonist for the lost homeland in the story “The Visit to the Museum”. The initial period of Nabokov's formation as a poet demonstrates the direct dependence of his poetics on external biographical influences – his get-away from Petrograd and evacuation from Crimea caused a sense of exile. Special attention was paid to the problem of reflecting the realities of time in Nabokov's works. It is noted that Nabokov's works are not ideological from the socio-political point of view. The writer was an ardent opponent of ideology in art, he was a formalist aesthete. But this does not mean that there was no reflection of the existing reality in his works. In particular, the dystopian novel *Invitation to a Beheading* is full of allusions to the contemporary reality; it represents the writer's reaction to the contemporary events. This is a cruel and debunking response to the events of totalitarian politics. The novel also contains a metaphysical basis: empathy and culture are placed above the collectivism spirit and state needs. The central character is prone to reflection and self-knowledge. His soul and consciousness are inaccessible to punitive bodies. Another type of Nabokov's character is a philistine and a vulgar, feeling thirst for merging with an organized majority. It is not enough just to feel like part of something whole; a common cause should unite people. It can be a war, a struggle with an external or internal enemy, which is represented in the story “Cloud, Castle, Lake”. The article gives historical examples of the implementation of this concept into practice. Thus, the theme of nostalgia, multilaterally represented in Nabokov's work, occupies one of the leading places in understanding the problem of a “superfluous man” who avoids assimilation with a new culture (through the example of the emigrant expat in the European society). There is a trace of the desire to preserve cultural identity in the writer's works, as well as a deep analysis of the realities of life. In this regard, V.V. Nabokov's works contain certain features of the culture of the Russian emigre community of the after-October period.

REFERENCES

1. Gumerova, Zh.A. & Shelekhov, I.L. (2016) The study of Russian national consciousness: basic approaches in the 20th and 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 39–42. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/7
2. Kosorukova, M.I. (2004) *Natsional'naya ideya i ee rol' v razvitii russkoy kul'tury za rubezhami Rossii (20–30-e gg. XX veka)* [The national idea and its role in the development of Russian culture abroad of Russia (1920s–1930s)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-ideya-i-ee-rol-v-razvitii-russkoy-kul'tury-za-rubezhami-rossii>. (Accessed: 04.04.2017).
3. Nabokov, V.V. (1998) *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
4. Playboy. (1964) Nabokov's interview. [Online] Available from: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter03.txt>. (Accessed: 27.02.2017).
5. Mel'nikova, N.G. (ed.) (2000) *Klassik bez retushi: literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzvy, esse, parodii* [A classic without retouching: the literary world about the works of Vladimir Nabokov: critical reviews, essays, parodies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Averin, B.V., Karpov, N.A. & Titarenko, S.D. (eds) (2013) *Literatura russkogo zarubezh'ya (1920–1940)* [Literature of the Russian Abroad (1920–1940)]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University.
7. Struve, G.P. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Moscow: Russkiy put'.
8. Nabokov, V.V. (1938) *Poseshchenie muzeya* [Visiting a museum]. [Online] Available from: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/poseschenie-muzeya.htm>. (Accessed: 04.04.2017).
9. Nabokov, V.V. (2001) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Feniks.
10. Nabokov, V.V. (1999) *Pamyat', govori* [Speak, Memory]. In: *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda* [Collected American period works]. Translated from English. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
11. Etkind, A. (2001) *Novyy istorizm, russkaya versiya* [New historicism, Russian version]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 47. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>. (Accessed: 06.04.2017).
12. Efimov, I. (2016) *Zhazhda splocheniya* [The thirst for connection]. *Neva*. 10. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/neva/2016/10>. (Accessed: 06.04.2017).

Received: 26 February 2018

В.Н. Кудряшев

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1860–1880-х гг.

Рассматривается освещение этнополитической ситуации в Польше второй половины XIX в. русской публицистической литературе. Утверждается, что при существенном расхождении русской либеральной публицистики в оценке причин польско-русского противостояния единственным вариантом виделось совместное сосуществование в рамках единого Российского государства. Акцентируется внимание на неприятии русскими либералами политики русификации, проводимой правительством в Польше. Автор отмечает стремление русской либеральной публицистики к поиску компромиссов с поляками как жизненной необходимости для обеспечения совместного прогрессивного развития.

Ключевые слова: польский вопрос; русские либералы; русификация; ассимиляция.

Западные окраины были одним из наиболее экономически развитых регионов Российской империи и отличались этническим и конфессиональным многообразием. Весьма сложной и неоднозначной являлась история присоединения этих земель к России. Политические, национальные и социальные процессы протекали здесь гораздо острее, чем в других частях империи. В Западном и Юго-Западном краях возникли польский, малорусский и еврейский вопросы, составлявшие главное содержание национального вопроса в России вплоть до начала XX в. Именно западные окраины стали местом противостояния русских национальных проектов с наиболее яркими конкурентными национализмами.

Русско-польские отношения были болезненным и постоянно обсуждаемым вопросом в общественной мысли России второй половины XIX в. Тому причиной была, прежде всего, «неуспокоенность» Польши, не смилившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся русификаторской политике царского правительства. Интенсивность и острота дискуссий по «польскому вопросу» в русской публицистике в значительной мере определялись очередным обострением ситуации в Польше. Польское восстание 1863 г. стало событием, повлиявшим на тематику и тональность работ либеральных авторов. Резкость суждений несколько ослабевает к середине 1870-х гг. Новый всплеск был вызван сообщениями об участии польских добровольцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на стороне Турции.

В русской либеральной публицистике заметен широкий диапазон мнений в оценке отношений Польши и России. А.Д. Градовский большую часть вины за национальную катастрофу поляков возлагал на ее правящие слои, неверно оценившие место Польши в европейской цивилизации и избравшие ошибочную внешне- и внутривнутриполитическую стратегию.

Со времен разделов Польши, т.е. с конца XVIII в., польская элита сделала свою страну заложницей интриг великих европейских держав. Позиционируя себя как восточный форпост европейской цивилизации и католицизма, прикрывавший ее от азиатских агрессоров, польская аристократия, не надеясь на силы польского народа, обращала свои взоры прежде всего к Франции, стремясь найти в ней союзницу от русско-немецкой экспансии. Но, утверждал А.Д. Градовский, поляки всегда воспринимались Европой с высокоме-

рием и презрением, распространяемым на весь славянский мир. Польша была интересна европейским политикам только как инструмент давления на Россию. Наполеон I, заигрывая с поляками и обещая восстановить польскую независимость, лишь стремился получить пушечное мясо для войны с Россией. Во время событий 1830 и 1863 гг. Европа (и особенно французы) с охотой поддерживали на словах героическую борьбу поляков с царской деспотией, но дальше публичных акций и дипломатических демаршей дело не шло [1. С. 608–609]. В своей ненависти к России польская аристократия готова была искать союзников в Пруссии, выдвигая план создания польского государства как будущего союзника в борьбе с российским влиянием.

Образование в центре Европы мощного германского государства в 1871 г., по мнению ученого, коренным образом изменило ситуацию. Франция утратила первенство в Европе, и ее влияние резко ослабло. Польские территории, вошедшие вместе с Пруссией в состав Германской империи, получили статус имперских земель, и любые попытки изменить ситуацию могли вызвать мгновенную и самую жесткую реакцию немцев [Там же. С. 609].

Другой опорой польского освободительного движения А.Д. Градовский определял католический клерикализм. Будучи проводником католицизма в славянских землях, Польша еще в конце XVIII – начале XIX в. могла рассчитывать на моральную поддержку Европы, указывая на притеснение католичества со стороны России. Но во второй половине XIX в., в условиях повсеместного провозглашения европейскими правительствами принципа свободы совести, католическая церковь воспринималась как враг прогресса и призывы к ее защите уже не находили отклика [Там же. С. 609–610].

В самой Речи Посполитой насильственное насаждение католической веры встретило упорное сопротивление православного населения, «создало диссидентский вопрос», воспрепятствовало налаживанию сотрудничества поляков и малороссов и в конечном итоге привело к полному разрыву с Малороссией [Там же. С. 610–611]. Таким образом, по мнению русского ученого, стал очевиден идейный кризис польского освободительного движения. Не получив реальной помощи у европейских стран, поляки не видели своего места среди славянских народов. Польская

элита упорно грезил о Речи Посполитой в границах 1772 г., т.е. старой феодальной Польши, с шляхетским всевластием и угнетением других народов [1. С. 603–604]. То есть речь по-прежнему велась не о восстановлении единства польской народности, а о восстановлении государства.

Поэтому русский ученый призывал польскую интеллигенцию «вернуться домой». Он обращался не к той ее части, которая поставила целью своей жизни борьбу с Россией и участвовала в любых войнах на стороне любого врага России, но к той части, которая готова была осознать новые политические реалии. Здесь размышления А.Д. Градовского приобретали отчетливую славянофильскую окраску. Ситуацию, когда польские земли были поделены между тремя империями и будущее Польши определяло противостояние их интересов, он интерпретировал как противостояние германского и славянского миров. Поляки должны были сделать свой выбор и присоединиться к начинающему самостоятельную политическую жизнь славянскому племени или, перейдя на противную сторону, раствориться в германском мире, потеряв свою национальную идентичность [Там же. С. 611].

Альтернативность вариантов А.Д. Градовский обозначал максимально контрастно. Германская империя как национальное немецкое государство проводило жесткую ассимиляционную политику по отношению к славянам. Пребывание поляков как самостоятельного народа в таких условиях было абсолютно бесперспективно.

Обращаясь к польским эмигрантам, А.Д. Градовский старался доказать принципиальное отличие условий пребывания польских земель в составе России. Конфликт между Польшей и Россией носил межгосударственный, а не межнациональный характер. Российское государство, приняв участие в разделе Польши, никогда не стремилось к уничтожению польского народа. Жесткие меры, принятые после подавления восстаний, были направлены на сохранение государственного единства. Русское общество традиционно симпатизировало полякам, и в нем, по крайней мере до 1863 г., были сильны настроения в пользу возврата польской государственности, но, естественно, без малоросских земель. Русский народ всегда отличался национальной и религиозной толерантностью, распространявшейся и на поляков [2. С. 616–617]. Поэтому те, кто действительно заботился о сохранении польской народности, должны были понимать, что достичь этой цели возможно только через союз с Россией и примирение с перспективой длительного пребывания в ее составе. Присоединение к славянскому движению означало отказ от возврата к прошлому, т.е. от претензий на малорусские и литовские земли, и сосредоточение на проблемах польской народности «в тех местах, где она действительно являлась преобладающей» [3. С. 605].

Стоит признать, что А.Д. Градовский осознавал всю сложность примирения поляков и русских и наличие мощного противодействия ему и в русском, и в польском обществе. Более того, он писал о том, что сторонников сотрудничества с Россией среди польской интеллигенции абсолютное меньшинство. По-

этому русское общество должно было сделать шаги навстречу полякам, забыть старые обиды и не допускать оскорблений их национального достоинства [1. С. 611–612].

Заметно контрастировало с его выводами отношение к проблеме Б.Н. Чичерина. Он осуждал раздел Польши, а включение ее в состав России считал завоеванием и порабощением. Не снимая с поляков вины за развал собственного государства, ученый не считал, что это оправдывало завоевателей [4. С. 15–16]. Для России уничтожение славянского государства было в конечном итоге невыгодно и безнравственно. Ученый полагал, что территориальные приобретения не компенсировали моральных и политических потерь России в длительной исторической перспективе. В конце концов от разделов Польши более всего выиграла Пруссия, бывшая их инициатором [Там же. С. 14–15]. Вместе с тем поляки не утрачивали стремления к восстановлению государственности, сохраняя высокий уровень национального самосознания. Поэтому Б.Н. Чичерин скептически относился к планам интеграции Польши в состав России [5. С. 100–101].

Главным просчетом польской политики было предоставление Александром I Польше конституции. Даже подобные уступки со стороны имперской власти не заставили поляков смириться. В условиях же сохранения самодержавной власти на остальной территории империи, это усугубило раскол государства. Одновременно Б.Н. Чичерин укорял поляков за неблагодарность и считал восстания 1830 и 1863 гг. ошибкой, поскольку они изначально были обречены на поражение и только ухудшили положение Польши [Там же. С. 274].

Сразу после восстания Б.Н. Чичерин написал большую статью, где раскрыл свое видение сложившейся ситуации в Польше и возможных мер русского правительства. В ней он считал необходимым установление в Польше диктатуры для наведения порядка как важнейшего условия проведения реформ [6. Л. 8 об.–9, 33 об.]¹.

Однако, вернувшись спустя десятилетия к анализу данного периода русско-польских отношений, он полностью дезавуировал свои предложения. Последовавшая после подавления восстаний политика ужесточения репрессий, писал ученый, не могла привести к успеху, так как у народов с сильным национальным духом подобные меры вызывают возрастающее стремление к сопротивлению. Поэтому уничтожив Царство Польское и включив Польшу в состав империи, власти продолжили цепь трагических ошибок [5. С. 275]. Противостояние усиливалось, но проигрывали обе стороны. Польша страдала от репрессий и насильственной ассимиляции. Ученый резко критиковал русификаторскую политику, проводимую царской администрацией в Польше. Она приняла гораздо более жесткие формы, чем политика германизации в польских областях Германии. Немцы, неукоснительно проводя политику вытеснения польского языка, по крайней мере оставили преподавание польского языка в школах. Россия же полностью русифицировала даже начальное образование [4. С. 22–23]².

Также несправедлива была религиозная политика. Б.Н. Чичерин считал недопустимым вмешательство

властей в вопросы веры. Государство, в его представлении, могло влиять на миссионерскую деятельность церкви различных конфессий, поощряя какую-либо, но не должно нарушать свободы совести [4. С. 33–34]. Рост внешнего деспотизма порождал деспотизм внутренний, т.е. направленный на русский народ. Проводя довольно смелую аналогию с многовековым пребыванием греков в составе Османской империи, Б.Н. Чичерин приходил к выводу о том, что подобные ситуации разрешимы только предоставлением народу независимости [5. С. 275]³.

Подобную позицию в значительной мере разделял К.Д. Кавелин, писавший, что борьба поляков за свободу заслуживала такой же поддержки, как борьба сербов против Турции или итальянцев против Австрии. Владычество России над Польшей ученый называл «бессмысленным и отвратительным». Одновременно он настаивал на преобладании позитивных тенденций во взаимоотношениях двух народов. Несмотря на все сложности и противоречия, происходило их взаимообогащение – «взаимным трением друг об друга мы лечимся от дикости». Поэтому герценовская идея о «сближении в ненависти к правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительного явления» [7. С. 79]. Прочным могло быть сближение, основанное на усилении взаимовлияния, на «перерождении, от сознания единства перед глубоким, коренным различием с европейским синтезом» [Там же].

Но при всей критичности оценки пребывания Польши в составе России либералы не видели ему реальных альтернатив и выступали против каких-либо радикальных мер. К.Д. Кавелин сомневался в возможности обретения Польшей независимости насильственным путем. Из текста его письма неочевидно неверие в способность поляков победить Россию, он, скорее, не видел выгоды для них от этой победы. Как ни странно, либерал в подтверждение своей мысли указывал на «славянский вопрос», «который стоит несравненно важнее, чем польский вопрос», т.е. славянская солидарность должна была перевесить ненависть между поляками и русскими⁴. Он даже обращался к фантастической ситуации, когда Российское правительство вдруг вернет Польше независимость и удовлетворит все ее территориальные претензии. Но это не отдалило бы Польшу, а наоборот, «поляков бы опять потянуло сильно к нам» [Там же. С. 78].

Б.Н. Чичерин категорически отвергал идею решения польского вопроса посредством предоставления ей конституции и места в общерусском народном представительстве. Народное представительство, писал он, эффективно, когда правительство может опереться на большинство населения. Но в Польше, где в общественной жизни по-прежнему доминировала враждебная ко всему русскому аристократия, это приведет к усилению противников России, которые превратят представительный орган в центр сопротивления [6. Л. 13–15]. Кроме того, введение конституционализма в Польше и невведение его в России было бы невозможно, а Россия, по его мнению, еще не была готова к конституции, так как реформы Александра II существенно изменили общественный порядок и тре-

бовалось значительное время на его адаптацию, прежде чем делать новые столь радикальные шаги [6. Л. 27–29]. Первыми шагами должны были стать уравнивание поляков в правах с русскими, распространение на польские земли земского самоуправления, прекращение русификаторской политики и языковых ограничений [4. С. 37].

Особую позицию в данном вопросе занимал В.С. Соловьев. Польско-русские отношения, по его мнению, были заложниками извечного противостояния Востока и Запада. Показывая их историческую ретроспективу, философ старался опровергнуть мнение о только негативном влиянии России на судьбу Польши. Он указывал, что кроме участия России в несправедливом разделе польского государства было и стремление предотвратить исчезновение польской национальности. По крайней мере именно таким образом интерпретировалось создание Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. Отрицая какие-либо корыстные побуждения в действиях Александра I, русский философ видел в них исключительное желание предотвратить онемечивание поляков, вырвав из-под немецкого влияния часть их земель. В результате они были опорой польской этничности, помогая сопротивлению ассимиляции поляков, живших в составе немецких государств [1. С. 17–18].

Российской власти удалось решить сложнейший вопрос, который не смогла решить польская элита в период суверенности – социальный конфликт между панством и холопством. По мнению В.С. Соловьева, последнему были предоставлены гражданские и экономические свободы, что предотвратило раскол общества и обеспечило его развитие не в «панской» или «хлопской», но в социально единой Польше. Не идеализируя русскую политику в Польше, публицист, отправляя к мнению «даже иностранных писателей», констатировал здесь «такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством» [Там же. С. 18]. Главным результатом пребывания Польши в составе Российской империи было сохранение ее «исторического тела».

Но поляки, уверен философ, предпочли бы немецкую ассимиляцию примирению с Россией. Он видел в этом проявление не межрелигиозных или межнациональных, а межцивилизационных противоречий. Поляки духовно принадлежали Западу, а поскольку «дух сильнее крови», их славянское происхождение не помогло преодолеть духовные различия с русскими⁵. Отношения Польши и России, таким образом, были частью более глобальной проблемы отношений России и Европы, и алгоритм их налаживания В.С. Соловьев представлял совпадающим.

Только через действительное и внутреннее примирение с Западом, через «свободное соглашение с его духовными началами» Россия обретет новые перспективы⁶. Точно так же и примирение с Польшей возможно исключительно на основе поиска духовного согласия, поскольку политический компромисс русский философ считал недостижимым. Даже абстрагируясь от готовности России предоставить Польше независимость, В.С. Соловьев указывал на фанта-

стичность планов польской элиты по воссозданию Речи Посполитой. Кроме того, обретение Польшей независимости не устраняло германской угрозы, жертвой которой она пала бы неизбежно. Благом для Польши и для России он видел отречение от взаимной неприязни и духовное сближение на основе христианского универсализма [1. С. 19–21].

В.С. Соловьев писал о безусловном сочувствии идее «самой полной» автономии Польши, реализация которой была бы выгодна и самой России. Он постоянно и весьма резко выступал против русификации Польши, называя ее «убийством братского народа» [9. С. 238].

Но государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе не обязательной для сохранения и развития национальности [10. С. 271]. Более того, пример Польши показал, что народ, лишенный собственной национальной государственности, вполне способен выжить, и в нем В.С. Соловьев увидел развенчание принципа «национального эгоизма», т.е. безусловного требования своего государства для каждой национальности. Будущее единение человечества предполагало и иные политические формы единства. Поэтому философ откровенно заявлял о бесперспективности самостоятельных (т.е. национальных) государств, смело утверждая, что для их ликвидации в Европе хватило бы одной войны. Впрочем, политическая сторона национального вопроса, по его словам, В.С. Соловьева не интересовала, так как центр тяжести будущих перемен он связывал с этическими аспектами. Поляки, давно потеряв «ложное единство обособленного и эгоистического национального существования», стали прообразом существования наций в условиях будущего всеединства [Там же. С. 272].

Поиск путей сближения русских и поляков был доминирующей темой либеральной публицистики. Сложность и неоднозначность русско-польских отношений порождала различные подходы к ее решению, проявлявшиеся даже в рамках одного издания.

Подход публициста «Вестника Европы» А.Н. Пыпина к польской проблеме основывался на необходимости признания поляков как состоявшейся народности, чья ассимиляция нереализуема. Если же в одном политическом образовании развивается несколько уже сложившихся национальностей, замечал Пыпин, их сближение возможно только «на почве соединяющего их просвещения равноправности и свободы» иначе неизбежны конфликты [11. С. 357–387]. Поэтому только отказ от обрусения станет основой для прекращения враждебных отношений Польши и России [12. С. 345].

А.Н. Пыпин был одним из наиболее последовательных критиков русификаторской политики, всегда решительно выступавшим в защиту польского языка, литературы, культуры. Но основной угрозой польской этничности он считал германизацию поляков, проживавших в Германии и Австрии. И дело было не в славянской солидарности, влиявшей на царское правительство, но в гораздо большей эффективности ассимиляционной политики, проводимой немецкими государствами [13. С. 708–709].

Дискутируя с позицией Ю.Ф. Самарина, ратовавшего за реанимацию земских соборов или иного «рус-

ского представительства», но не видевшего пользы от участия в них поляков, А.Н. Пыпин отмечал полезность любых форм привлечения поляков к обсуждению насущных вопросов. Понятно, что речь велась о гипотетической ситуации, но для либерала было важным делать шаги в сторону включенности Польши в общероссийские процессы. Для него печальнее всего отсутствие или крайняя ограниченность общественных институтов, где российская и польская общественность могла хотя бы обмениваться мнениями⁷. В том числе и поэтому, считал либерал, спустя два столетия нахождения Польши в составе России русская и польская общественность находились в состоянии открытой враждебности. А.Н. Пыпин соглашался с Ю.Ф. Самариным, что «польский вопрос не уменьшается в области политики» и примирение Польши и России должно происходить во всех областях жизни общества [13. С. 705–706; 14. С. 325–340]⁸.

Иную позицию демонстрировал сотрудник этого же журнала Л.А. Полонский, считавший жесткую политику по отношению к Польше оправданной и целесообразной. Он напоминал о предоставлении Александром I политических привилегий Царству Польскому, которых не имели даже собственно русские губернии. Но бескомпромиссность польской шляхты, не видевшей иной цели, кроме восстановления Речи Посполитой, заставила русское правительство свернуть автономию Польши: «События 1831 года уничтожили прежние обязательства» [15. С. 393]. Уже сточение политики по отношению к Польше не отрезвило ее элиту, вновь выступившую против российского господства. Публицист выражал удовлетворение подавлением Польского восстания 1863 г., представляя его как выступление преимущественно польского дворянства. Поэтому главным средством успокоения Польши ему виделась изоляция традиционно сепаратистски настроенной польской шляхты от крестьянства, преимущественно «русского». Публицист приветствовал распространение аграрной реформы на Польшу, считая, что формирование зажиточного крестьянства приведет к созданию «среднего класса», который неизбежно станет противником любых потрясений и, следовательно, союзником русских властей⁹. Пока же роль среднего класса выполняли евреи, проявившие себя во время восстания как лояльные подданные и союзники русских властей. Тем не менее публицист настаивал на необходимости увеличения прослойки «местного русского зажиточного крестьянства» за счет предоставления различных льгот. Это не означало необходимости каких-либо притеснений или ограничений для евреев. Более того, Л.А. Полонский предлагал распространение на евреев прав других российских подданных и снятие ограничений на расселение. Все меры должны исключать принуждение и основываться только на материальном стимулировании нужных процессов [15. С. 397]. Он подчеркивал необходимость интенсификации экономического развития Польши, строительства железных дорог, которые привяжут Польшу к России крепче любых запретительных мер [Там же. С. 393–394].

Но одновременно публицист считал вполне адекватными действия русской администрации, последо-

ности» в системе управления, суда. Абсолютная унификация системы государственного управления виделась ему лучшим средством искоренения сепаратизма: «Чем скорее будет снято с западного края исключительное его положение, тем скорее он будет поставлен в положение нормальное». Это, по мнению Л.А. Полонского, не противоречило необходимости ускорить реформу местного самоуправления, создания земских учреждений. Журналист был против ограничений национального языка, считая, что подобные меры не будут «действенными и примирительными» [15. С. 394].

В статьях Л.А. Полонского 1868 г. еще заметно раздражение к полякам, не желавшим смириться с включением в состав Российского государства. Данные настроения можно признать следствием еще свежих эмоциональных переживаний по поводу восстания 1863 г. В них акцент делался на принудительные действия русского правительства по искоренению польской автономности без ожидания позитивной реакции польского общества. В статьях 1877 г. настроения публициста заметно меняются. Он обращал внимание на подъем позитивных чувств в русском обществе в связи с поддержкой южнославянского освободительного движения и надеялся, что это отразится на сдвиге отношения к полякам в сторону большего понимания и стремления к диалогу. Одновременно он наблюдал обнадеживавшие тенденции в польской прессе, сменившей откровенную враждебность ко всему русскому, на более взвешенные оценки [16. С. 362]¹⁰. Л.А. Полонский призывал русскую общественность не торопиться с ожиданиями и не требовать от поляков немедленного отказа от былых заблуждений. Примером подобной позиции он представил выступление Н.И. Костомарова в «Петербургских новостях», где присутствовали и традиционные обвинения в предательстве поляками общеславянского дела, обращение к истории, где поляки выступали врагами России и угнетателями малороссов. Н.И. Костомаров настаивал не только на осознании поляками ошибок в прошлом, но и на деятельном избавлении от них путем безоговорочного присоединения к общеславянской освободительной борьбе. Обращаясь к Н.И. Костомарову, публицист призывал отказаться от ожидания, что ненависть со стороны поляков вдруг сменится любовью, и оценивать перспективы межнациональных отношений с позиции политического прагматизма. Возвращаясь к своей мысли о несовпадении этнической и государственной идентичности, он считал, что правильнее требовать от поляков «солидарности с русским государством», т.е. превращения их в «добрых русских граждан» и «...чтобы политический патриотизм их был в России» [Там же. С. 367–368]¹¹. При этом поляки могли сохранять предпочтение своим национальным особенностям и даже традиционное высокомерие к русской культуре и обычаям [Там же. С. 367].

Л.А. Полонский не разделял убеждения своего оппонента в невозможности примирения русских и поляков в современных условиях, отсылавшего решение

уверен в наличии у России достаточного потенциала для русификации Польши и полагал, что в соответствии с существующей тенденцией следует ожидать дальнейшей консолидации польского общества, при том что ее средний класс будут составлять польские крестьяне, солидарные скорее с польской элитой, нежели с русскими властями [16. С. 365]¹². Надежда на выветривание «шляхетского духа» в польской элите также не казалась ему обоснованной. Тем более опыт прошлых восстаний показывал, что они опирались отнюдь не только на аристократию, а в восстании 1863 г горожане и ремесленники были едва ли не самой активной группой [Там же. С. 374]¹³.

Поэтому примирение польского и русского обществ необходимо начинать уже сейчас. И, возможно, оно будет только на основе компромисса между ними. Россия должна признать неудачу и бесперспективность планов русификации Польши, а русское общество должно постепенно, но неуклонно изживать полонофобию, замешанную на вечной враждебности и подозрительности к полякам. Но и поляки должны не только отказаться от борьбы за независимость, но и смириться с утратой автономии времен Царства Польского. Они должны понять, что традиционная ставка на помощь Европы в обретении независимости от России, не принеся полякам ничего, кроме разочарования, в условиях утраты Францией (которая, чаще всего морально, но поддерживала надежды Польши) былого веса в Европейских делах делает единственно возможным решение польской проблемы как внутренней российской [Там же. С. 376]¹⁴. Л.А. Полонский напоминал полякам, что после образования Германской империи Россия оставалась единственным препятствием на пути полной германизации поляков. Поэтому они четко должны были представлять альтернативой русскому подданству немецкое господство. Если настоящее положение гарантировало сохранение польской национальности, то в последнем варианте утрата ее будет неизбежна [17. С. 376–377]¹⁵.

Отношение к борьбе поляков за восстановление государственности у представителей либерального крыла русской общественной мысли было различным, но не предполагавшим возможности создания независимого польского государства в обозримом будущем. При существенном расхождении в оценке причин польско-русского противостояния единственным вариантом виделось совместное сосуществование в рамках единого Российского государства.

Политика русификации, проводимая правительством в Польше, вызывала дружную критику в либеральной публицистике, в то же время часть вины за жесткие административные меры перекладывалась на сепаратистски настроенную польскую элиту. Русские либералы считали бессмысленной попытку преодоления сформировавшейся польской национальной идентичности и предлагали сосредоточиться на преодолении полонофобии в русском обществе и русофобии в польском. Поиск компромиссов был жизненно необходим для обеспечения совместного прогрессивного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предложения Б.Н. Чичерина практически совпадали с идеями И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина того же периода: введение жесткой административной системы, подавление аристократии и создание социальной опоры в среде польского крестьянства путем проведения аграрной реформы и развития крестьянского самоуправления. [6. Л. 8 об.–9, 33 об.].
- ² Ученый неоднократно обращался к сравнению ситуации в польских районах Австрии, Германии и России. И каждый раз сравнение было не в пользу России. Германия проводила политику онемечивания более осторожно и методично. Кроме того, более высокий уровень экономического развития и уровень жизни населения в Германии делали пребывание поляков в ее составе более комфортным чем в России. Тем более проигрывала Россия в сравнении с Австрией. Особенно Чичерину импонировало введение парламентаризма, позволившего славянам принимать деятельное участие в государственной политике. Это не решало всех национальных проблем Австрии, в частности немецкие националисты не смирились с присутствием славян в парламенте. но давало шанс на то, что межнациональные споры будут разрешаться в парламенте легитимными способами, а не на баррикадах революционными [4. С. 26–27].
- ³ Но это нельзя трактовать как призыв предоставить Польше независимость [5. С. 275].
- ⁴ Между тем К.Д. Кавелин являлся одним из наиболее последовательных критиков славянофильства.
- ⁵ То есть линия культурного разлома проходила не на западе, а на востоке Польши. Данная мысль совпадала с господствовавшим в славянофильской среде убеждением о поляках как «агентах» католической Европы в славянском мире. Но у В.С. Соловьева данное положение носило характер констатации, а не обвинения.
- ⁶ В этой связи философ предлагал по-новому взглянуть на опыт поляков, которые будучи славянским народом, смогли проникнуться духом Запада [1. С. 19–21].
- ⁷ Публицист имел в виду не только представительные органы, но и наличие свободной от государственной опеки прессы. Особенно это относилось к Польше, где свобода печати была еще меньшей, чем даже в далекой от идеала России [13. С. 705].
- ⁸ Ю.Ф. Самарин называл данный процесс «возрождением Польши», но А.Н. Пыпин полагал, что в равной степени его можно будет считать и возрождением России [13. С. 705–706; 14. С. 325–340].
- ⁹ Под русскими крестьянами публицист понимал великорусских, малорусских и литовских (белорусских) крестьян. Он предлагал также переселять крестьян из великорусских губерний, но с целью изменения не этнического, а социального состава землевладельцев [15. С. 393].
- ¹⁰ Публицист понимал, что с обеих сторон еще сильны позиции радикалов. Это касалось и польской эмиграции, и русских консерваторов [16. С. 362].
- ¹¹ Что же касается вклада поляков в общеславянскую борьбу, то Полонскому, воспринимавшему ее прежде всего как элемент внешней политики России, было достаточно, что поляки примут участие в войне с Турцией в качестве солдат и офицеров русской армии [16. С. 367–368].
- ¹² Здесь Л.А. Полонский признавал неудачу плана создания среднего класса из переселенных великорусских крестьян, на который он возлагал надежды в своей статье 1868 г. Он указывал, что причиной неудачи было отсутствие зажиточного русского крестьянства, в отличие от Германии, активно проводящей колонизацию Познани за счет многочисленного зажиточного немецкого крестьянства [16. С. 365].
- ¹³ Л.А. Полонский отказался от господствовавшего тезиса о том, что польские восстания носили преимущественно аристократический характер, которое ранее разделял и он сам. [16. № 9. С. 374].
- ¹⁴ Л.А. Полонский напоминал полякам, что после образования Германской империи Россия оставалась единственным препятствием на пути полной германизации поляков. Поэтому они четко должны представлять альтернативой русскому подданству немецкое господство [16. С. 376].
- ¹⁵ В свете рассуждений самого публициста непонятно, можно ли считать сохранность польской этничности результатом политики русских властей или, наоборот, ее несостоятельностью [17. С. 376–377].

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. По поводу польского легиона в Турции // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 606–612.
2. Градовский А.Д. Польский вопрос (ответ на письмо эмигранта) // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 613–618.
3. Градовский А.Д. Письмо к И.С. П. (по поводу польского вопроса) // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 603–605.
4. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос. Берлин : Изд. Г. Штейниц, 1899. 68 с.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. Кушнерев и К, 1897. Ч. 3. 558 с.
6. Чичерин Б.Н. Крестьянское дело в Польше // ОР РГБ Ф. 334. К. 20. Д. 10.
7. Кавелин К.Д. Письмо А.И. Герцену 1 июня 1862 г. // Письма К.Д. Кавелина и И.С.Тургенева к А.И. Герцену. Женева : Украинская тип., 1892. С. 77–80.
8. Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России / Соловьев В.С. Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 7–23.
9. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.
10. Соловьев В.С. Письмо в редакцию «Przegląd Polski» // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. С. 267–282.
11. Пыпин А.Н. Еще несколько слов по Южно-Славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 357–387.
12. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 312–353.
13. Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С. 703–736. 463.
14. Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 325–350.
15. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 380–400.
16. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 359–382.
17. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 11. С. 358–381.

Статья представлена научной редакции «История» 23 февраля 2018 г.

THE POLISH QUESTION IN RUSSIAN LIBERAL JOURNALISM OF THE 1860S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 97–103.

DOI: 10.17223/15617793/431/13

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: Polish question; Russian liberals; Russification; assimilation.

The article examines the Russian-Polish relations, which were a painful and constantly discussed issue in the social thought of Russia in the second half of the 19th century. The reason for it, above all, was the “restlessness” of Poland, which did not resign itself to the loss of statehood and actively resisted the Russification policy of the tsarist government. The author notes the connection of the

intensity and severity of discussions on the Polish question in Russian journalism with the aggravation of the situation in Poland. Thus, the Polish Uprising in 1863 was an event that affected the theme and tonality of the works of liberal authors. The sharpness of the judgments slightly weakened by the mid-1870s. A new surge was caused by reports of the participation of Polish volunteers in the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the side of Turkey. The author focuses on a wide range of opinions in Russian liberal journalism in assessing relations between Poland and Russia. Gradovsky assigned most of the blame for the national catastrophe of the Poles to its ruling strata that wrongly assessed the place of Poland in the European civilization and chose an erroneous external and internal political strategy. Chicherin's attitude to the problem significantly contrasted with his conclusions. Chicherin condemned the partition of Poland, and considered its inclusion in Russia as conquest and enslavement. While not blaming the Poles for the collapse of their own state, the researcher did not think that this justified the conquerors. For Russia, the destruction of the Slavic state was, ultimately, unprofitable and immoral. Chicherin considered the interference of the authorities in the matters of faith inadmissible. The state, in his opinion, could influence the missionary activity of the churches of various faiths, encouraging one of them, but it should not violate the freedom of conscience. The author points to a special position in this issue of Soloviev. Soloviev wrote about an unconditional sympathy for the idea of the "most complete" Polish autonomy, the implementation of which would be beneficial to Russia. He constantly and quite sharply opposed the Russification of Poland, calling it the "murder of a fraternal people". The attitude towards the struggle of the Poles for the restoration of statehood among the representatives of the liberal wing of the Russian public thought was different, but it did not presuppose the possibility of creating an independent Polish state in the foreseeable future. With a significant discrepancy in assessing the reasons for the Polish-Russian confrontation, the only option was a joint coexistence within the framework of a single Russian state. The author comes to a conclusion that the policy of Russification carried out by the government in Poland provoked amicable criticism in liberal journalism, while at the same time part of the blame for the harsh administrative measures was shifted to the separatist-minded Polish elite. Russian liberals considered it senseless to attempt to overcome the formed Polish national identity and proposed to focus on overcoming the Polonophobia in Russian society and Russophobia in Polish. The search for compromises was vital to ensure joint progressive development.

REFERENCES

1. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 606–612.
2. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 613–618.
3. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 603–605.
4. Chicherin, B.N. (1899) *Pol'skiy i evreyskiy vopros* [The Polish and Jewish question]. Berlin: Izd. G. Shteynits.
5. Chicherin, B.N. (1897) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Pt. 3. Moscow: Tip. Kushnerev i K.
6. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 334. Box 20. File 10. Chicherin, B.N. *Krest'yanskoe delo v Pol'she* [Peasants' case in Poland].
7. Kavelin, K.D. (1892) *Pis'ma K.D. Kavelina i I.S. Turgeneva k A.I. Gertsenu* [Letters from K.D. Kavelin and I.S. Turgenev to A.I. Herzen]. Geneva: Ukrainskaya tip. pp. 77–80.
8. Solov'ev, V.S. (1914) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie. pp. 7–23.
9. Solov'ev, V.S. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 219–246.
10. Solov'ev, V.S. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 267–282.
11. Pypin, A.N. (1877) *Eshche neskol'ko slov po Yuzhno-Slavyanskomu voprosu* [A few words on the South Slavic question]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 357–387.
12. Pypin, A.N. (1878) *Panslavizm v proshlom i nastoyashchem* [Pan-Slavism in the past and the present]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 312–353.
13. Pypin, A.N. (1880) *Pol'skiy vopros v russkoy literature* [The Polish question in Russian literature]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 703–736.
14. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 325–350.
15. *Vestnik Evropy*. (1868) *Vnutrennyaya khronika* [Internal chronicle]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 380–400.
16. *Vestnik Evropy*. (1877) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 359–382.
17. *Vestnik Evropy*. (1877) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 11. pp. 358–381.

Received: 23 February 2018

«ЕДИНСТВО ПО СУТИ, А НЕ ПО ФОРМЕ»: ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕРЕДИНЫ 1960-х гг.

Анализируются проекты развития европейской интеграции в политической сфере, предложенные П.-А. Спааком, Л. Эрхардом и Дж. Сарагатом в середине 1960-х гг. Данные проекты заполнили паузу в дискуссии о европейской политической интеграции, образовавшуюся после провала плана Фуше и вето Ш. де Голля на вступление Великобритании в Европейское экономическое сообщество, и предвосхитили некоторые элементы Европейского политического сотрудничества, запущенного в 1970 г.

Ключевые слова: европейская интеграция; Европейский политический союз; П.-А. Спаак; Л. Эрхард; Дж. Сарагат.

С началом европейской интеграции страны-участницы данного процесса стремились найти некоторую форму политической организации Европы для координации и гармонизации своих национальных внешних политик и политик безопасности. В работах историков, посвященных начальному этапу европейской политической интеграции, рассматриваются либо крупные, но безуспешные инициативы, такие как проект учреждения Европейского политического сообщества и план создания Европейского политического союза, либо механизм Европейского политического сотрудничества (ЕПС), успешно запущенный в начале 1970-х гг. [1. С. 48–67, 81–87; 2. С. 11–23]. При этом из поля зрения исследователей ускользают проекты, предлагавшиеся европейскими политиками в середине 1960-х гг. В.Г. Барановский отмечает, что в 1964–1965 гг. в Западной Европе появился ряд новых планов образования политического союза, которые, однако, застопорились вследствие возникшего в 1965 г. кризиса ЕЭС, но не анализирует их содержания [3. С. 82–83]. Между тем проекты середины 1960-х гг. являются важным связующим звеном между первыми планами европейской политической интеграции, обсуждавшимися в 1950-е – начале 1960-х гг., и механизмом ЕПС, появившимся в 1970-е гг.

После провала в 1954 г. проекта создания Европейского оборонительного сообщества и связанного с ним плана построения Европейского политического сообщества страны «шестерки» сконцентрировались на задаче углубления сотрудничества в экономической сфере. Несмотря на то, что вопросы военной и внешнеполитической интеграции не были включены в Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), идея федеративного объединения западноевропейских стран не была отброшена. Сторонники федералистского подхода полагали, что создание таможенного союза должно идти рука об руку с развитием институтов наднациональной власти и со временем привести к политическому единению Европы. Первый председатель Комиссии ЕЭС В. Хальштейн сравнивал Европейское экономическое сообщество с трехступенчатой ракетой. Подобно ракете Общий рынок должен был пройти ступени создания таможенного, экономического и затем политического союза [2. С. 19].

Другой вариант развития европейской политической интеграции был представлен дискуссиями о создании Европейского политического союза. Идея со-

здания политического союза принадлежала Ш. де Голлю, который в 1960 г. предложил дополнить Общий рынок регулярными консультациями глав государств и правительств стран «шестерки» по вопросам экономики, внешней политики, обороны и культуры. Переговоры по плану создания Европейского политического союза (план Фуше) продолжались с февраля 1961 г. по апрель 1962 г. Однако страны «шестерки» так и не смогли выработать общую позицию по таким принципиальным вопросам, как форма Европейского политического союза (федерация или конфедерация), участие Великобритании в проекте, компетенция Союза в экономических и оборонных вопросах. Против плана Фуше выступил В. Хальштейн, который полагал, что Европейское экономическое сообщество само по себе является политическим союзом [4. Р. 164]. В дальнейшем дискуссия о развитии политической интеграции периодически возобновлялась либо после преодоления очередного кризиса в сообществе, либо под влиянием внешних вызовов, которые грозили ослабить роль Западной Европы на международной арене [5. Р. 217].

После провала плана Фуше и вето Ш. де Голля на вступление Великобритании в ЕЭС (январь 1963 г.) европейцы отказались от крупных проектов создания политического союза в пользу более умеренных концепций политического сотрудничества. Сразу после вето де Голля Бельгия и Нидерланды выступили против обсуждения новых предложений о развитии политической интеграции. Одной из причин такой позиции была неясность будущей политики Великобритании в отношении Европейских сообществ и ее неготовность участвовать в дискуссии о создании Европейского политического союза. Министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер призвал отказаться от тщетных поисков формы политического союза и вместо этого добиваться единства по существу [4. Р. 231]. Потеряв надежду на вступление Великобритании в ЕЭС и всерьез опасаясь франко-германской гегемонии в сообществе, малые страны в срочном порядке поставили вопрос об усилении наднациональных структур ЕЭС: Комиссии и Европейского парламента. В конце 1963 – начале 1964 г. страны «шестерки» приняли решение о необходимости слияния рабочих органов Европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС, Евратом).

В конце 1963 г. в Бельгии и ФРГ стали склоняться к точке зрения о том, что настало время попытаться

возобновить дискуссию о создании политического союза. Лидеры этих стран были готовы принять концепцию Ш. де Голля о создании конфедерации суверенных европейских государств и перестали настаивать на том, что Великобритания должна участвовать в разработке политических планов «шестерки». В свою очередь, Италия и Нидерланды предлагали дождаться итогов парламентских выборов в Великобритании [6. Р. 224]. 4 декабря 1963 г. в беседе с А. Пейрефитом Ш. де Голль заявил, что он не видит смысла в возрождении плана Фуше. Де Голль утратил интерес к данному проекту, когда понял, что другие страны «шестерки» не хотят двигаться в рамках предложенной им концепции «Европы государств». К тому же он ревниво относился к тому, что канцлер ФРГ Л. Эрхард хотел реанимировать план Фуше от своего имени [7. С. 175].

В январе 1964 г. министр иностранных дел Бельгии П.-А. Спаак предложил в дополнение к Комиссии ЕЭС учредить комиссию по политическим и оборонным вопросам с правом давать рекомендации правительствам государств-членов Общего рынка [8]. В дальнейшем П.-А. Спаак пересмотрел свою концепцию и отказался от идеи создания европейской федерации. Это произошло после того, как в июле 1964 г. он встретился с немецкими политиками и обсудил с ними причины замедления движения к большому европейскому единству [9]. Бельгийский министр считал необходимым сломать инерцию, которая поразила европейское движение после вето де Голля, и одновременно поддержать похожие инициативы Л. Эрхарда. 9 сентября 1964 г. на парламентской встрече Западноевропейского союза (ЗЕС) Спаак удивил своих коллег, вернувшись к идеям плана Фуше и выдвинув новый подход к политическому единству «шестерки». Вместо заключения договора о Европейском политическом союзе он предложил учредить коллегию «трех мудрецов», которая должна была заниматься подготовкой повестки дня регулярных саммитов по европейским политическим проблемам, а по истечении этого эксперимента продолжительностью от трех до пяти лет подготовить проект договора о политическом союзе [10].

Предложения Спаака вызвали смешанную реакцию в странах «шестерки». План был встречен благоприятно в ФРГ и Люксембурге. Италия была готова поддержать проект, но с некоторыми оговорками. Нидерланды считали создание политического союза невозможным без участия Великобритании. К тому же если во время переговоров по плану Фуше Бельгия и Нидерланды выступали единым фронтом, то план Спаака не был предварительно обсужден с голландским министром иностранных дел Ж. Лунсом. Президент Франции Ш. де Голль не изменил своей точки зрения, согласно которой любая уступка национального суверенитета в политической сфере была невозможной [11]. Ш. де Голль называл наднациональные институты ЕЭС и их представителей не иначе как «безродные институты» и «безродные люди» [12. С. 445].

Вопрос о политическом сотрудничестве был включен в документ Комиссии «Инициатива 1964», представленный 1 октября 1964 г. Наряду с установ-

лением срока досрочного завершения создания таможенного союза в нем говорилось о том, что создание Европейских сообществ является первым шагом к политическому союзу. Согласно документу, построение политического союза предполагало:

– распространение деятельности сообщества на новые сферы, такие как оборона, внешняя политика и культура;

– улучшение институциональной структуры через слияние рабочих органов Европейских сообществ и расширение полномочий Европейского парламента в законодательной и бюджетной сферах [13. Р. 28–29].

6 ноября 1964 г. свой план по укреплению западноевропейского единства обнародовал канцлер ФРГ Л. Эрхард. Двумя днями ранее немецкое правительство направило свои предложения Комиссии ЕЭС и правительствам других стран-членов Общего рынка. План Эрхарда появился в результате нескольких месяцев напряженной работы немецкого политика, который сразу после прихода к власти дал понять, что считает укрепление европейского единства одной из своих главных задач. Л. Эрхард стремился избежать сужения европейской политики ФРГ до рамок двусторонних франко-германских отношений, предусмотренных Елисейским договором 1963 г. После вето де Голля на вступление Великобритании в ЕЭС Эрхард пришел к выводу, что усиление политического и экономического единства «шестерки» и будущий интеграционный потенциал Европейского экономического сообщества будут лучше служить германским интересам, нежели его расширение. В основе плана Эрхарда лежали идеи плана Фуше и последние предложения министра иностранных дел Бельгии П.-А. Спаака. Немецкий политик исходил из того, что «политика – это искусство возможного». Европейской реальностью того времени являлись сопротивление де Голля созданию федерации и неопределенность позиции Великобритании в отношении политической интеграции. Немецкий план предполагал развитие общей внешнеполитической линии стран-членов ЕЭС и их военное сотрудничество в рамках НАТО.

План Эрхарда предусматривал создание конфедерации суверенных государств, которая со временем могла бы стать «более совершенным союзом». По мнению западногерманского канцлера, политическая воля двигаться вперед была важнее, чем точная форма европейских политических институтов [14]. Главной особенностью плана было постепенное движение шаг за шагом. Первый этап включал регулярные консультации стран-членов ЕЭС по политическим и оборонным вопросам. Консультации должны были начаться прежде установления точной формы институтов политического сотрудничества и были призваны облегчить процесс координации политики стран «шестерки» по важным вопросам, затрагивающим интересы всех участников [15]. План предусматривал создание комитета – политического органа с ограниченной, но определенной властью. В течение переходного периода данный комитет должен был заниматься подготовкой регулярных встреч лидеров государств стран-членов ЕЭС и ключевых министров. К концу переходного периода он должен был разработать предложения по бо-

лее обязывающей форме политического сотрудничества, скрепленный подписанием соответствующего договора. Переходный период рассматривался как уступка Ш. де Голлю, выступавшему против формирования наднационального политического союза [16].

Л. Эрхард призывал к наделению Европейского парламента законодательной властью, предоставлению Общему рынку собственных финансовых ресурсов, ускорению создания таможенного союза. С этой целью он предлагал параллельно с формированием Общей сельскохозяйственной политики в 1965 г. сократить внутренние таможенные пошлины в ЕЭС еще на 10%, а к 1967 г. провести последнее снижение пошлин на 20%. После этого страны «шестерки» могли бы приступить к созданию экономического союза, который предполагал координацию их экономической и валютной политики [17. Р. 156–157]. Конечная цель германской политики заключалась в создании Европейского союза, которому постепенно будет передаваться все больше и больше суверенных прав государств-членов. Со временем в этот союз должны были вступить Великобритания, Дания и Норвегия. В итоге Атлантический альянс смог бы опираться на две опоры: американскую и европейскую. Немецкий план в значительной степени совпадал с американским проектом атлантического партнерства [18. Р. 82]. Американское посольство в Брюсселе охарактеризовало план Эрхарда как прекрасную и значимую серию предложений, не настолько революционных, чтобы быть отвергнутыми, но и не настолько общих и расплывчатых, чтобы не привлечь к себе внимания [17. Р. 157].

Министр иностранных дел Италии Дж. Сарагат выступал за усиление роли Европейского парламента как гаранта развития демократических принципов внутри сообщества. 26 ноября 1964 г. Италия направила своим партнерам по Общему рынку предложения по достижению европейского единства. Они включали ежегодные встречи глав государств и правительств стран-членов ЕЭС и усилия по составлению к 1968 г. договора о политическом объединении. Великобритания была также информирована об этих предложениях через институты Западноевропейского союза. Первые три года политическое сотрудничество должно было развиваться на экспериментальной основе без заключения формального соглашения. В течение этого времени предусматривались ежеквартальные встречи министров иностранных дел стран «шестерки» наряду со встречами министров образования, науки и культуры. На этих встречах также могли обсуждаться вопросы обороны в той степени, насколько они были связаны с проблемами внешней политики. Встречи должны были готовиться специальной «политической комиссией», состоящей из представителей правительств стран-членов Общего рынка. Специальные ежегодные встречи Европейского парламента и исполнительных органов Европейских сообществ должны были исследовать инициативы по развитию европейского единства. Конкретные шаги по составлению договора о Европейском политическом союзе должны были начаться не позднее 1 января 1967 г., т.е. после слияния рабочих органов Европейских сообществ [19].

Предложения Спаака, Эрхарда и Сарагата стремились обойти проблемы, которые стали камнем преткновения на переговорах по плану Фуше. Все три проекта предполагали консультативную стадию прежде подписания договора. План Спаака был основан на идее дать политическому союзу пробный пуск под руководством умеренно наднациональной коллегии «трех мудрецов». Проекты Эрхарда и Сарагата предлагали развитие по типу конфедерации с акцентом на постепенный прогресс в сторону укрепления наднационального принципа.

Правительство Франции усматривало в предложениях о развитии политического сотрудничества возможность возрождения плана Фуше, с которым план Сарагата имел много общего, а планы Спаака и Эрхарда совпадали отчасти [20]. В январе 1965 г. во время визита Л. Эрхарда во Францию Ш. де Голль в принципе согласился с немецкими предложениями. В дальнейшем французское правительство выдвинуло ряд условий создания политического союза, среди которых основным был вопрос о новых шагах по формированию Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС. Когда в марте 1965 г. министр иностранных дел Италии А. Фанфани предложил провести в мае того же года конференцию министров иностранных дел в Венеции для возобновления дискуссии о создании Европейского политического союза, Франция отклонила данное предложение. Обсуждение проектов создания политического союза окончательно застопорилось в связи с разразившимся летом 1965 г. кризисом «пустого кресла» в ЕЭС.

В итоге в середине 1960-х гг. «шестерке» удалось провести только институциональную реформу. 8 апреля 1965 г. был подписан договор о слиянии рабочих органов ЕОУС, ЕЭС и Евратома, но из-за особой позиции Франции без расширения прав Европейского парламента. Договор объединил институты Европейских сообществ в единую систему, учредив единую Комиссию и единый Совет Европейских сообществ. Фактически Комиссия ЕЭС заняла место умирающего Верховного органа ЕОУС и Комиссии Евратома, устранив бюрократическую неразбериху, вызванную существованием трех отдельных сообществ, и подтвердила доминирование ЕЭС над двумя другими сообществами. Подписание договора показало возможность проведения институциональной реформы, несмотря на то что во главе Франции находился Ш. де Голль, а также наличие консенсуса между странами-членами ЕЭС по вопросу о том, в каком направлении должны развиваться институты сообщества [5. Р. 46]. Договор о слиянии вступил в силу с 1 июля 1967 г.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в сообществе сложились благоприятные условия для возвращения к плану развития европейского политического сотрудничества. 1 июля 1968 г. страны «шестерки» завершили создание таможенного союза, что произошло на полтора года раньше установленного Римским договором срока. Отставка Ш. де Голля с поста президента Франции в апреле 1969 г. разблокировала вопрос о вступлении Великобритании и других стран-кандидатов в ЕЭС. Состоявшийся в декабре того же года саммит глав государств и правительств в Гааге

одобрил предложения о расширении Европейских сообществ и углублении европейской экономической интеграции через создание Экономического и валютного союза, а также высказался за более тесное политическое сотрудничество стран-участниц ЕЭС.

27 октября 1970 г. министры иностранных дел стран «шестерки» одобрили доклад Давиньона, подготовленный комиссией экспертов под председательством бельгийского дипломата Э. Давиньона. Согласно докладу, в целях гармонизации взглядов в области международной политики правительства государств, входящих в ЕЭС, должны были консультироваться друг с другом по всем наиболее важным внешнеполитическим вопросам. Для этого раз в полгода должны были проводиться регулярные встречи министров иностранных дел. Подготовкой встреч должен был заниматься специальный Политический комитет, заседающий не менее четырех раз в год. В случае необходимости встречи министров иностранных дел могли быть заменены конференцией глав государств и

правительств стран-участниц ЕЭС [21]. После подписания в 1986 г. Единого Европейского акта механизм Европейского политического сотрудничества был включен в правовые рамки сообщества.

Таким образом, проекты, предложенные европейскими политиками в середине 1960-х гг., помогли заполнить паузу, образовавшуюся в дискуссии о европейской политической интеграции, и предвосхитили некоторые элементы Европейского политического сотрудничества, предложенного в докладе Давиньона. В их числе были предложения о проведении саммитов по политическим вопросам, подготовкой которых должен заниматься специальный орган. В это время также кристаллизуется идея о том, чтобы отказаться от попыток немедленного учреждения политического союза через подписание договора в пользу постепенного продвижения от консультаций к гармонизации внешней политики стран-участниц объединения, что со временем должно было привести к укреплению политического единства европейских стран и построению политического союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браницкий А.Г., Каменская Г.В. История европейской интеграции. Москва ; Нижний Новгород, 2003. 234 с.
2. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе: некоторые вопросы теории и практики. М., 1983. 264 с.
3. Барановский В.Г. Западная Европа: военно-политическая интеграция. М., 1988. 200 с.
4. Crises and Compromises: the European project, 1963–1969 / ed. by W. Loth. Baden-Baden, 2001. 575 p.
5. Ludlow P.N. The European Community and the Crises of the 1960s: Negotiating the Gaullist challenge. L., 2006. 269 p.
6. Camps M. European Unification in the Sixties: from the Veto to the Crisis. New York, 1966. 273 p.
7. Пейрефит А. Таким был де Голль. М., 2002. 696 с.
9. New York Times. 1964. July 15.
8. Washington Post. 1964. January 16.
10. Washington Post. 1964. September 25.
11. New York Times. 1964. September 14.
12. Брандт В. Воспоминания. М., 1991. 526 с.
13. Vanthoor W.A. Chronological History of the European Union 1946–1998. Cheltenham, Northampton (MA), 1999. 244 p.
14. New York Times. 1964. October 10.
15. Washington Post. 1964. November 7.
16. Washington Post. 1964. November 6.
17. McGhee G. At the Creation of a New Germany: from Adenauer to Brandt. An Ambassador's Account. New Haven, London, 1989. 289 p.
18. The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe / ed. by H. Haftendorn, G.-H. Soutou, S.F. Szabo and S. F. W. Wells, Jr. Baltimore, 2006. 411 p.
19. Washington Post. 1964. November 29.
20. Washington Post. 1964. December 4.
21. Report by the Foreign Ministers of the Member States on the Problems of Political Unification, 27 October 1970. URL: http://aei.pitt.edu/4543/1/epc_first_report_oct_1970.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2017 г.

“UNITY IN ESSENCE, NOT IN FORM”: EUROPEAN POLITICAL INTEGRATION PROJECTS OF THE MIDDLE OF THE 1960S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 104–108.

DOI: 10.17223/15617793/431/14

Oksana G. Lekarenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Keywords: European integration; European Political Union; Spaak; Erhard; Saragat.

The article aims to examine the projects of political integration proposed by European politicians in the middle of the 1960s and to specify their role in European political integration. It is based on the published documents of European Communities, press publications and memoirs. Analysis of the projects, proposed in the middle of the 1960s, shows that after the failure of the Fouchet Plan, the Europeans shifted the debate from grand ideas of a political union to the more modest concept of foreign policy coordination. Belgian Foreign Minister Spaak suggested a committee of three “wise men” to be appointed to prepare agenda for regular summit meetings on European political problems. On the basis of this experience, the committee could then draft a treaty, establishing the European Political Union. German Chancellor Erhard advocated a step-by-step approach. In the first phase, the governments should consult each other on major political and defense matters. The Erhard Plan envisaged the creation, for a transitional period, of an advisory committee to prepare for regular meetings of government leaders and chief ministers. By the end of the transitional period, the committee would also help to prepare proposals for a more binding form of political cooperation to be established after treaty negotiations. Italian Foreign Minister Saragat suggested holding annual meetings of the leaders of state of the European Economic Community (EEC) countries, and efforts to draw up a treaty on political unity by 1968. For an experimental period of three years, there would also be quarterly meetings between foreign ministers, prepared by a special political commission.

Despite the modest character, the projects were not implemented because of the “empty chair” crisis in the EEC that occurred in 1965. The author concludes that though the projects of Spaak, Erhard and Saragat did not succeed, they filled a pause in the discussion on the European political integration and influenced the European Political Cooperation launched in 1970. First, the European Political Cooperation incorporated some of the ideas proposed in the middle of the 1960s, including the idea of regular meetings of foreign ministers and the heads of state and governments prepared by a special committee. Second, a major shift occurred from the ambitious plans to establish a political union immediately to the political consultations and harmonization of the foreign policies as a means of strengthening the European political unity.

REFERENCES

1. Branitskiy, A.G. & Kamenskaya, G.V. (2003) *Istoriya evropeyskoy integratsii* [History of European integration]. Moscow: IMEMO RAN; Nizhny Novgorod: FMO NNGU.
2. Baranovskiy, V.G. (1983) *Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Evrope: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Political integration in Western Europe: some issues of theory and practice]. Moscow: Nauka.
3. Baranovskiy, V.G. (1988) *Zapadnaya Evropa: voenno-politicheskaya integratsiya* [Western Europe: military-political integration]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Loth, W. (ed.) (2001) *Crises and Compromises: the European project, 1963–1969*. Baden-Baden: Nomos Verlag.
5. Ludlow, P.N. (2006) *The European Community and the Crises of the 1960s: Negotiating the Gaullist challenge*. London: Routledge.
6. Camps, M. (1966) *European Unification in the Sixties: from the Veto to the Crisis*. New York: Council on Foreign Relations.
7. Peyrefit, A. (2002) *Takim byl de Goll'* [This was de Gaulle]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
8. *New York Times*. (1964). July 15.
9. *Washington Post*. (1964). January 16.
10. *Washington Post*. (1964). September 25.
11. *New York Times*. (1964). September 14.
12. Brandt, W. (1991) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from English. Moscow: Novosti, 526 c.
13. Vanthoor, W.A. (1999) *A Chronological History of the European Union 1946–1998*. Cheltenham, Northampton (MA): Edward Elgar Publishing.
14. *New York Times*. (1964). October 10.
15. *Washington Post*. (1964). November 7.
16. *Washington Post*. (1964). November 6.
17. McGhee, G. (1989) *At the Creation of a New Germany: from Adenauer to Brandt. An Ambassador's Account*. New Haven, London: Yale University Press.
18. Haftendorn, H. et al. (eds) (2006) *The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe*. Baltimore: Woodrow Wilson Center Press.
19. *Washington Post*. (1964). November 29.
20. *Washington Post*. (1964). December 4.
21. Foreign Ministers of the Member States. (1970) *Report by the Foreign Ministers of the Member States on the Problems of Political Unification, 27 October 1970*. [Online] Available from: http://aei.pitt.edu/4543/1/epc_first_report_oct_1970.pdf.

Received: 20 December 2017

М.В. Новиков

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ЗОЛОТО И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1936–1939 гг.)

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-1801833-П.

Рассматривается проблема, связанная с перевозкой большей части золотого запаса Испании в октябре–ноябре 1936 г. в Советский Союз. В условиях гражданской войны правительство Испанской республики приняло решение перебазировать золото в СССР, исходя из соображений безопасности и необходимости оплаты советской военной помощи. В статье отмечается дискуссионный характер как ценовой политики советского руководства, так и решения испанского правительства перевезти в СССР большую, а не меньшую часть золотого запаса.

Ключевые слова: гражданская война; золотой запас Испании; военная помощь; перевозка золота в СССР.

В октябре–ноябре 1936 г. советские спецслужбы совместно с посольством СССР в Испании и представителями правительства Испанской республики провели блестящую операцию, по словам известного американского историка Стэнли Пейна, «одну из самых экстраординарных финансовых операций XX века» [1. Р. 148] – перевозку большей части золотого запаса Испании в СССР. Причины принятия соответствующих решений руководителями Испанской республики и Советского Союза, ход самой операции по перевозке золота, а также значение и последствия этого события для обеих стран до сих пор являются предметом научных дискуссий, наиболее существенные составляющие которых мы и рассмотрим в данной статье.

18 июля 1936 г. консервативная часть армии Испании подняла военный мятеж против законного демократического правительства, переросший в длительную и кровопролитную гражданскую войну. На следующий день, 19 июля, буржуазное правительство Хосе Хирала, в котором не было ни одного коммуниста, социалиста или анархиста, приняло два важнейших решения: во-первых, оно открыло военные арсеналы и раздало оружие рабочим организациям для борьбы с мятежниками, во-вторых, обратилось за военной помощью к правительству Народного фронта Франции. Вскоре правительство приняло еще одно принципиальное решение – использовать золотые резервы банка Испании для нужд ведения войны, продав Франции часть золотых запасов и пополнив тем самым валютные счета правительства для закупок оружия за границей [2. Р. 106].

В августе–сентябре 1936 г. мятежники, опираясь на военную помощь Италии и Германии, провели ряд успешных наступательных операций и вплотную приблизились к Мадриду. В условиях возможного захвата столицы мятежниками правительство Испанской республики в середине сентября приняло решение перебазировать золотой запас (четвертое место в мире по объему) в более безопасное место – в старые пороховые погреба военно-морского порта Картахена. Всего в Картахену были перевезены 10 тыс. ящиков золота, все запасы серебра, а также иностранная валюта и другие финансовые активы.

По мнению известного испанского историка Анхеля Виньяса, продажа золота банку Франции шла

ускоренным темпом в первые месяцы войны, и к марту 1937 г. 26,5% золотого запаса Испании оказалось во французских сейфах [2. Р. 108]. По уточненным данным Пейна, 9,6 тонны было перевезено во второй половине сентября, 52 тонны – в октябре, перевозка золота небольшими партиями во Францию продолжалась до февраля 1937 г., всего было перевезено 174 тонны, или 27,4% всего золотого запаса Испании [1. Р. 148].

Перевезенное во Францию золото предполагалось использовать для закупки оружия как в самой Франции, так и в других странах. Сделать это было необычайно трудно, так как все европейские государства присоединились к франко-британской политике невмешательства в испанский конфликт, предполагавшей в том числе запрет на продажу оружия воюющим сторонам. Многочисленные группы торговых представителей испанского правительства были направлены в Париж и Лондон, их описывали следующим образом: «Маленькие люди в черных костюмах на черном асфальте с сумками, набитыми золотом, готовые купить любой военный самолет» [Ibid. Р. 148]. Возможности закупки оружия еще больше сократились, когда правительство мятежников, возглавляемое генералом Ф. Франко, стало активно противодействовать и блокировать использование золотовалютных резервов Испании в западных странах.

В то время когда правительство Испанской республики безуспешно пыталось за золото и валюту купить оружие в европейских странах, из Советского Союза во исполнение решения руководства СССР в рамках утвержденной секретной операции «Х» в ответ на многочисленные просьбы правительства республики начало поступать советское оружие. Первый пароход прибыл 4 октября с обещанием, что в ближайшее время объемы поставок оружия и военного снаряжения существенно увеличатся, и действительно, через 8 дней пароход «Комсомол» доставил в Испанию 50 танков «Т-26», следом двигались другие суда, груженные самолетами, артиллерийским оружием, стрелковым оружием и боеприпасами.

Советское руководство приняло решение о поставках оружия Испанской республике после долгих колебаний. Решившись в конце июля 1936 г. на оказание гуманитарной помощи [3. С. 51–63], руководство СССР до 10 сентября отклоняло все просьбы офици-

альных и неофициальных представителей Испанской республики о продаже оружия. При отсутствии дипломатической миссии СССР в Мадриде многочисленные просьбы к советскому руководству направлялись через дипломатические каналы во Франции. Так, 9 августа советник посольства СССР в Париже сообщал в НКВД, что испанцы «согласны на любые комбинации, только бы скорее получить помощь» [4. С. 28]. Тем не менее 23 августа нарком иностранных дел М. Литвинов через советское посольство в Париже извещал испанскую сторону, что советское руководство не считает возможным удовлетворить просьбу испанцев о поставках оружия, мотивируя свою позицию большой протяженностью транспортных коммуникаций и возможностью нападения на советские торговые суда, а также необходимостью соблюдать условия соглашения о невмешательстве в испанский конфликт, к которому присоединился СССР. Аналогичное письмо от Литвинова получил вновь назначенный посол СССР в Мадриде М. Розенберг: «Вопрос о помощи испанскому правительству обсуждался у нас неоднократно, но мы пришли к заключению о невозможности посылать что-либо отсюда» [Там же].

Как явствует из дневника Литвинова, дебаты в Москве продолжались до 10 сентября, и автор дневника был удивлен нерешительностью И. Сталина [5. Р. 20]. Колебания Сталина закончились 14 сентября, когда на Лубянке под председательством наркома НКВД Г. Ягоды (через 2 недели репрессированного и замененного на Н. Ежова) была создана комиссия, в которую вошли С. Урицкий, начальник разведывательного управления Наркомата обороны, А. Слуцкий, начальник иностранного отдела НКВД, М. Фриновский, командующий войсками НКВД, ими был разработан план поставок оружия в Испанию. Через 2 дня проект по оказанию помощи Испанской республике получил кодовое название – операция «Х». В рамках всей операции, руководство которой было возложено на наркома обороны К. Ворошилова, была создана межведомственная группа «Х» под руководством Урицкого для координации деятельности представителей армии, НКВД, разведывательного управления Наркомата обороны, Наркомата финансов и Наркомата внешней торговли [1. Р. 141]. 29 сентября 1936 г., когда первые транспорты с оружием уже были в пути или стояли под погрузкой в портах, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято официальное политическое решение о проведении операции «Х»: «а) Утвердить план операции по доставке личного состава и специальных машин в «Х», возложив полное осуществление всей операции на т.т. Урицкого и Судына (исполняющий обязанности народного комиссара внешней торговли СССР. – *М.В.*). б) На проведение специальной операции отпустить Разведупру 1 910 тыс. советских рублей и 199 тыс. американских долларов» [4. С. 39].

Что касается оплаты советских военных поставок в октябре 1936 г., общеизвестно, что к этому времени не было никаких официальных платежных документов, подписанных обеими сторонами. Скорее всего, существовала некая неофициальная договоренность, о которой Пейн пишет следующим образом: «Совер-

шенно очевидно, что Негрин (Хуан Негрин, министр финансов Испанской республики. – *М.Н.*) и Кабальеро (Ларго Кабальеро, премьер-министр Испанской республики. – *М.Н.*) пообещали перевозку золота в СССР для оплаты поставок советского оружия» [1. Р. 149]. Негрин, без сомнения, знал о том, что многие страны использовали во время войн перевозку золотого запаса в соседние государства для хранения его там на депозитах; к этому, в частности, прибегала Франция во время Первой и Второй мировых войн. Однако, как подчеркивает Пейн, одно дело отправить золото в страну, которая была бастионом капитализма, как это сделала Франция, и совсем другое дело – передать золото на хранение стране – лидеру мирового революционного движения [Там же]. Пейн, тем не менее, не видит здесь особой проблемы: по его мнению, в тот период Испания превратилась в революционное государство номер два, а сам Негрин быстро эволюционизировал в сторону более тесных отношений с коммунистами. Его личный секретарь Б. Мартинес, с которым Негрин якобы находился в интимных отношениях, был членом коммунистической партии Испании и быстро установил хорошие личные отношения со своим главным партнером в советском посольстве, А. Сташевским, атташе по торговле [Там же].

В. Кривицкий, резидент советской разведки в Западной Европе, перебежавший на Запад, утверждал, что именно Сташевский уговорил Негрина перевезти золото в Москву [6. Р. 99–100]. А. Орлов, руководитель резидентуры НКВД в Испании, перебежавший в США, напротив, пришел к выводу, что это была личная инициатива Негрина. Согласно версии Орлова Негрин являлся типичным западным левым интеллектуалом, находившимся в оппозиции к коммунистической теории, но симпатизировавшим великому эксперименту в России [7. Р. 31–43]. По мнению Пейна, Негрин был хорошо расположен к Советскому Союзу, который он считал «доброй силой и, возможно, единственной надеждой Испанской республики» [1. Р. 149].

Точно известно, что 15 октября 1936 г. Кабальеро написал письмо (возможно, заготовленным Негрином) на французском языке, которое от его имени было вручено послу СССР в Мадриде М. Розенбергу. В письме содержалась просьба о перевозке большей части золотого запаса Испании на хранение в Советский Союз. Через два дня было подготовлено второе письмо, в котором подчеркивалось, что правительство Испанской республики хотело бы использовать перевезенное в СССР золото для международных платежей с участием в этом процессе СССР [Там же]. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело эти два письма на своих заседаниях 17 и 19 октября и приняло по каждому из писем отдельное решение: «Поручить т. Розенбергу ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах» (17 октября. – *М.Н.*); «Поручить т. Розенбергу ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномочен-

ными испанпра или минфина и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту» (19 октября. – М.Н.) [4. С. 92–93].

По свидетельству Орлова, 20 октября он получил телеграмму от главы НКВД Ежова, в которой содержалось прямое указание «Ивана Васильевича» (псевдоним Сталина для специальных коммуникаций) организовать доставку испанского золота из Картахены в Одессу на советских транспортных судах. Сталин особо запретил Орлову давать какую-либо расписку представителям испанского правительства до тех пор, пока золото не будет доставлено в Советский Союз. Орлов утверждал, что он договорился с Негрином о начале этой секретной операции через два дня, 22 октября [7. Р. 31–43]. Он же предложил использовать для погрузки золота на суда и его охраны прибывших в Картахену 80 советских танкистов во главе с полковником С. Кривошеиным [4. С. 93].

Всего было перевезено и погружено на транспортные суда около 510 тонн золота, запакованных в 7 800 ящиков [1. Р. 150]. Все золото было распределено между четырьмя советскими торговыми судами: «Нева» – 2 697 ящиков; «КИМ» – 2 100; «Кубань» – 2 020; «Волголес» – 963. Погрузка производилась по ночам в период с 22 по 25 октября в условиях строжайшей секретности, о сути происходящего знали лишь 7 человек из руководства Испанской республики, а также Орлов и Розенберг [4. С. 93]. Грузовые суда уходили из Картахены с суточным интервалом и 2 ноября благополучно прибыли в Советский Союз. В Одесском порту золото погрузили в специальный железнодорожный состав и доставили в Москву [Там же. С. 94].

Десятидневную операцию (22 октября – 2 ноября 1936 г.) по перевозке испанского золота в СССР можно отнести к числу идеальных. Организаторам удалось обеспечить необходимый уровень секретности, предотвратить возможные утечки информации и обеспечить безопасность советских торговых судов на линии Картахена–Алжир, где был задействован военно-морской флот Испанской республики [8. С. 98]. Естественно, что организаторов и исполнителей данной операции представили к правительственным наградам. Как пишет Рыбалкин, Сташевского наградили Орденом Ленина, Орлова якобы не отметили. При этом он ссылается на книгу Орлова «Тайная история сталинских преступлений» [4. С. 94]. Пейн, автор, которому можно доверять, напротив, пишет, что «Сталин был настолько доволен, что в январе Орлов был награжден Орденом Ленина, высшей советской наградой» [1. Р. 150]. 24 января 1937 г. на банкете в Кремле Сталин якобы, будучи в хорошем настроении, сказал: «Испанцам никогда не видать этого золота как никогда не видать собственных ушей» [4. С. 94]. Со ссылкой на Орлова эта фраза, которую он будто бы слышал в частной беседе Сталина, получила широкое распространение в западной литературе [1. Р. 150].

Нет никакой информации о том, что в момент принятия решения о перевозке золота в СССР были какие-либо разногласия в руководстве Испанской республики, зато позднее этот вопрос станет для них чрезвычайно дискуссионным. Очевидно, что решения

принимали Кабальеро и Негрин. Кабальеро позднее писал, что другого выбора в тот момент не было [9. Р. 203–204]. Военный министр И. Прието отрицал свое участие в организации перевозки золота в СССР, хотя именно он отдавал приказ кораблям военно-морского флота Испанской республики о сопровождении советских торговых судов с золотом на линии Картахена–Алжир. Как пишет Пейн, в тот момент Негрин был преданнейшим сторонником Прието, лидера одной из фракций социалистической партии Испании, он и Прието работали в тесном контакте. Нет очевидных доказательств, что Прието принимал участие в выработке решения по золоту, но очевидно, что он вскоре был посвящен в этот план и обязался обеспечить безопасность перевозки золота в Москву [1. Р. 151]. Президент Испанской республики М. Асанья ничего не пишет в своем дневнике о золоте. Много лет спустя Прието утверждал, что Асанья якобы пришел в ярость, когда узнал о перевозке золота, и даже угрожал отставкой, в то время как посол в Москве М. Паскуа утверждал, что его старый добрый друг Негрин частенько ему говорил, что на самом деле Асанья никогда не был против перевозки золота в СССР [Там же].

Что касается СССР, то все, что было связано с испанским золотом, стало в нем запретной темой. Были расстреляны основные участники этой акции: нарком НКВД Ежов, нарком финансов Гринько, посол СССР в Испанской республике Розенберг, и лишь Орлову, информированному о грозящем ему аресте, удалось тайно выехать с семьей в США [4. С. 96–97]. Эту тему обошли в своих мемуарах и С. Кривошеин, и Н. Кузнецов, другие информированные советские участники войны в Испании. Советским историкам приходилось либо отрицать очевидный факт перевозки золота в СССР, либо обходить эту тему молчанием. Советское руководство предприняло серьезные усилия для того, чтобы прекратить или хотя бы приглушить волну обсуждения в западных странах проблемы испанского золота. Так, решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1937 г. послу СССР в Великобритании И. Майскому было предложено решительно возражать против обсуждения в Комитете по невмешательству в испанский конфликт вопроса об испанском золоте, поднятого представителями Германии и Италии. В последующие месяцы эта тема неоднократно поднималась в Комитете по невмешательству представителями Германии, Италии, Португалии, они пытались узнать, сколько золота и в каких странах депонировало правительство Испанской республики. В советской дипломатической переписке сообщалось, что упорное желание итальянцев «получить во чтобы то ни стало точные данные о количестве вывезенного после 18 июля 1936 г. испанского золота (где это золото находится и в какой мере оно числится на депозитах испанского правительства и других учреждений республиканской Испании) вызывается тем, что один из переметнувшихся к Франко директоров Испанского банка начал во французском суде процесс с целью добиться решения о незаконности вывоза золотого запаса или части его из Испании за границу. Главное затруднение этого директора заключается в том, что

он никак не может получить нужных ему для ведения процесса точных данных о количестве вывезенного золота и о том, где это золото находится. По словам Каstellано (секретарь французского посольства в Лондоне, маркиз. – *М.Н.*), французское правительство в данное время не заинтересовано в том, чтобы эти данные были даны, и со своей стороны не намерено дать имеющуюся в его распоряжении информацию по данному вопросу» [4. С. 96]. Нежелание французского правительства в данном случае вполне объяснимо, так как 27,4% золотого запаса Испании было депонировано во Франции.

О дальнейшей судьбе испанского золота известно немного. Ю.Е. Рыбалкин, автор известной книги «Операция “Х”». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939)», в частности, пишет: «Золото, которое было в слитках, брусках, монетах (включая редкие нумизматические экземпляры), хранилось в подвале двухэтажного дома № 3 по Настасьинскому переулку в центре Москвы. Затем его, вероятнее всего, перевели в основное хранилище Управления драгоценных металлов НКФ СССР. Располагалось хранилище тогда тоже в центре столицы на Неглиной улице в трехэтажном здании, построенном еще в 1895 г. (во дворе Госбанка СССР). Здание имело окна на втором и третьем этажах с открывающимися железными ставнями и решетками. Вход закрывался на две железные двери. В холле был подъемник, лестница вела на второй и третий этажи. Ценности хранились на всех трех этажах. Первый этаж являлся основным хранилищем золота. Кроме этого, были кладовые для хранения алмазного фонда и других драгоценных металлов. На этажах находились большие железные шкафы для хранения золота в слитках. Каждый шкаф запирался одним замком, но двумя ключами. Один из ключей был у начальника сектора кладовых, другой – у контролера того же сектора. Одним ключом открыть шкаф было невозможно. Драгоценные металлы надежно охранял 173-й полк НКВД» [Там же. С. 92].

Анхель Виньяс, опираясь на документы испанской стороны, включая архив Банка Испании, и воспоминания испанских участников операции, приводит детальное описание процесса передачи золота советской стороне. 5 ноября 1936 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Н. Крестинский проинформировал посла Испанской республики в СССР М. Паскуа о доставке испанского золота в Москву и о необходимости составления и подписания соответствующего протокола. После завершения всех формальностей Паскуа и высшие советские официальные лица отправились в Гохран, где в огромной комнате аккуратными штабелями были сложены ящики с золотом, причем 5 619 ящиков оказались неповрежденными, у 128 были повреждены лаковое покрытие и деревянные детали, 33 ящика открыты для проверки. 9 ноября в Москву прибыл последний груз испанского золота – около 2 000 ящиков, и вся процедура передачи повторилась, после чего Паскуа доложил министру иностранных дел Испанской республики Альваресу дель Вайо о благополучном завершении операции [2. Р. 114].

Вместе с золотом в Москву прибыли 4 представителя испанского правительства, их поселили в гостинице «Метрополь», создав условия для их полной изоляции от окружающих. Им предстояла деликатная миссия – совместно с представителями Гохрана вскрыть все ящики и произвести сверку находящегося там золота с прилагаемыми описями. После подготовки соответствующего помещения 4 декабря испанские и советские специалисты приступили к работе, в ходе которой выяснилось, что количеству золотых монет в некоторых ящиках не соответствует описям, их было или меньше, или больше, другие монеты были фальшивыми или очень плохого качества и т.д. Испанские и советские специалисты работали в очень быстром темпе, к 24 января 1937 г. они завершили ревизию, а 5 февраля был составлен соответствующий отчет о количестве золота, доставленного из Испании в Москву. Как пишет Виньяс, общий вес вместе с добавками в сплав других металлов составил 510 079 529,3 грамма, что соответствовало 460 516 851 грамму чистого золота с ориентировочной рыночной стоимостью 518 млн долларов. Виньяс подчеркивает, что только после этого начались финансовые операции с испанским золотом, в октябре 1936 г. – феврале 1937 г. советская военная помощь Испанской республике осуществлялась на кредитной основе. [2. Р. 114–115; 10].

Вот что пишет о процедуре передачи Рыбалкин: «6 ноября золото помещено на хранение в Наркомфин (НКФ) СССР. Позднее был составлен акт о приемке золота, который в начале февраля 1937 г. подписали посол Испанской республики Паскуа, нарком финансов СССР Гринько и заместитель наркома иностранных дел Крестинский. Экземпляр акта был передан республиканскому правительству. 24 апреля Сташевский из Валенсии сообщил шифротелеграммой наркому внешней торговли А. Розенгольцу: «Выяснил точно, что московский акт приемки золота был передан Кабальеро, а он, в свою очередь, передал его Барайбо – заместителю военного министра, человек весьма сомнительный». После окончания гражданской войны этот экземпляр акта хранился у Негрина, а после его смерти был передан правительству Франко [4. С. 94].

В начале февраля 1937 г. Паскуа встречался со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Крестинским, обсуждая с ними вопросы советской военной помощи на кредитной основе. В ходе этих бесед обозначилась четкая позиция советской стороны, которая указывала на все возрастающий долг Испанской республики перед СССР. В этих условиях Кабальеро и Негрин 16 февраля решили продать часть золотого запаса, находившегося в Москве, и подписали приказ о продаже золота на сумму 51 160 168 долларов. В последующие месяцы 1936 г. Кабальеро и Негрин (с мая 1937 г. Негрин единолично, став премьер-министром) подписали 14 приказов, всего было продано 358,2 тонны, или 80% золота, депонированного в СССР. Вырученные от продажи 256 млн долларов были переведены в Париж для оплаты закупок Испанской республики вне СССР, 131 млн долларов были переведены Госбанку СССР в счет оплаты советской военной помощи [2. Р. 116–117].

Негрин не хотел продавать оставшиеся 20% депонированного в СССР золота, предполагая израсходовать его после победы в гражданской войне на восстановление страны. По его поручению Паскуа вел трудные и безуспешные переговоры с советским руководством о поставках оружия с осени 1937 г. за счет исключительно советских кредитов. Советская же сторона настаивала на продаже оставшихся 20% золота для оплаты советской военной помощи. В условиях, когда Народная Армия Испанской республики терпела поражения из-за нехватки оружия и военного снаряжения, Негрин нашел компромиссное решение – добиваться советского кредита и одновременно вести продажу оставшегося золота. 26 февраля 1938 г. Сталин, Молотов и Ворошилов встретились с Паскуа и договорились о выделении Испанской республике кредита в размере 70 млн долларов. Негрин рассчитывал на кредит в 150 млн долларов, поэтому достигнутые договоренности он считал неудовлетворительными, однако, был вынужден принять их. 7 марта 1938 г. кредитное соглашение было подписано в Барселоне, где в тот период находилось правительство Испанской республики. Согласно соглашению СССР открывал несколько кредитных линий для закупки Испанской республикой советского оружия, а 35 т депонированного в СССР испанского золота передавались Советскому Союзу в качестве залога под выдаваемый кредит [2. Р. 118–119].

После этого, пишет Виньяс, испано-советские отношения улучшились, но Москва не торопилась с поставками оружия в больших объемах до тех пор, пока не стало слишком поздно. Что касается Негрина, на следующий день после заключения кредитного соглашения, идя на встречу пожеланиям советского руководства, он подписал приказ об оплате накопившихся перед СССР долгов на сумму 33 млн долларов [Там же. Р. 119]. Вскоре после этого, 28 апреля 1938 г. был подписан приказ о продаже остатков золотого запаса Испанской республики, дальнейшее финансирование закупок оружия могло осуществляться либо за счет новых кредитных соглашений, либо за счет продажи запасов серебра, находившихся в Картахене [Там же].

Неудача с получением советского кредита (70 млн вместо 150 млн) вынудило Паскуа покинуть Москву и перейти на работу в посольство в Париже. В условиях военных поражений и ухудшения международного положения Испанской республики весной 1938 г. в Москву был назначен поверенный в делах Висенте Поло, который столкнулся с прохладным отношением советских руководителей к испанскому вопросу и большим количеством нерешенных проблем, самой серьезной из которых был неоплаченный к маю 1938 г. долг в размере 7,5 млн долларов. Понимая, что Поло вряд ли сможет договориться с советским руководством о новом кредите, Негрин направил в Москву Паскуа. Он должен был договориться со Сталиным о новом кредите в 75–100 млн долларов под гарантии испанского золота, депонированного во Франции, и доходов от экспорта свинца, ртути, соли, цитрусовых и миндаля. Переговоры были быстрыми и настолько секретными, что даже Поло ничего не знал о них. На встрече с советскими лидерами, пишет Виньяс,

13 июля 1938 г. Паскуа договорился о новом кредите в размере 60 млн долларов.

Дискуссионным остается очень важный вопрос об эффективности использования золотого запаса правительством Испанской республики. Как пишет Пейн, все расходы республиканцев по закупкам оружия за рубежом, включая поставки из СССР, составили около 800 млн долларов в текущих ценах того времени, причем все было оплачено немедленно золотом или валютой. Для сравнения: генерал Франко получил военных товаров и услуг из зарубежных источников на сумму около 700 млн долларов, на 225 млн долларов из Германии и на 410 млн долларов из Италии, причем все поставки были произведены в кредит, погашение которого предполагалось после окончания гражданской войны. Большая часть долга была возвращена Германии поставками товаров и услуг в годы Второй мировой войны, в то время как долг Италии был погашен только в 1961 г. Франко получил крупные кредиты и от американских нефтяных компаний на закупку горюче-смазочных материалов. Пейн подчеркивает, что, оплачивая поставки оружия и военного снаряжения с помощью кредитов, а не золота, как Испанская республика, Франко смог закупить больше оружия и военного снаряжения, что было важно для достижения военной победы [1. Р. 158].

Дискуссионной остается проблема цен на поставляемое из СССР оружие, военное снаряжение и другие услуги. Рыбалкин в своей работе утверждает, что стоимость советских самолетов (бомбардировщик СБ – 110 тыс. долларов; истребитель И-16 – 40 тыс. долларов; истребитель И-15 – 35 тыс. долларов) «примерно соответствовала стоимости французских, английских и американских самолетов идентичного типа и модификации». Аналогичная ситуация, по мнению Рыбалкина, была и со стоимостью бронетанковой техники, артиллерийских орудий и стрелкового оружия, цены «на спецтовары для “X” в ам. долларах» утверждались Политбюро ЦК ВКП(б), поставки оружия и командирование военных специалистов шло по линии Наркомата обороны, а финансовые расчеты производились Наркоматом внешней торговли [4. С. 98].

В зарубежной историографии сложилось несколько иное мнение относительно ценовой политики советского руководства. Так, Пейн утверждает, что «цены на самом деле были непомерно высокими» [1. Р. 157]. По мнению Пейна, «советские представители никогда не давали республиканскому правительству точную цену по курсу в рублях, и Хоусон (Дж. Хоусон, автор книги «Оружие в Испании: не рассказанная история испанской гражданской войны». Лондон, 1998. – М.Н.) открыл, что через произвольное манипулирование обменным курсом советские руководители фактически регулярно назначали цену на 30–40% выше международных рыночных цен. Завышение цен на некоторые виды оружия было еще более значительное» [Там же]. Согласно Хоусону, поставщики оружия на Западе регулярно обманывали торговых представителей Испанской республики, завышая цены, но «денежный налог, которым обложила испанцев советская власть, был самым высоким, так как на карту были поставлены очень большие деньги» [Там же].

Испанская сторона оплачивала золотом стоимость не только советского оружия и военного снаряжения, но и различных услуг и издержек. Как пишет Рыбалкин, «расчеты по отправке людей и грузов были довольно сложны, так как в них включалось не только жалованье, но и оплата проезда в Испанию и обратно, содержание в Москве, экипировка, суточные, погрузка в портах и пр. ... семьям погибших в Испании военнослужащих Красной Армии с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) с января 1937 г. выдавались единовременное пособие в размере 25 тыс. рублей и пенсии» [4. С. 199].

Важной статьёй расходов были затраты на подготовку национальных военных специалистов для Народной армии Испанской республики на территории СССР в различных учебных заведениях, однако, как подчеркивает Рыбалкин, «итоговые цифры стоимости обучения республиканцев пока не обнаружены». Он приводит данные о создании 20-й военной школы в г. Кировабаде (г. Гянджа, Азербайджан. – *М.Н.*) по подготовке летчиков для военно-воздушных сил Испанской республики, подчеркивая, что смета на строительство и создание данной школы составила 800 тыс. долларов без стоимости авиационной техники, автотранспорта и других расходов [Там же]. Подобные сведения дают повод для критики со стороны Пейна, который подчеркивает, что созданные на испанские деньги объекты военной инфраструктуры после отъезда испанцев использовались для подготовки и повышения квалификации военных специалистов Красной Армии, что, по крайней мере, свидетельствует о непорядочности советского руководства.

Отсутствие достоверных и адекватных сведений о стоимости услуг и издержек создает благоприятную почву для появления различных версий. В частности, тот же Пейн утверждает, что советское руководство «установило высокие цены на все услуги и издержки, связанные с оказанием военной помощи республике и обучением 600 испанских летчиков, танкистов и других специалистов на территории СССР», испанское правительство якобы оплачивало проезд в Испанию и обратно «представителей армии и разведки, которые никогда не покидали территории СССР» [1. Р. 157].

Пейн критически оценивает эффективность решения руководства Испанской республики о перевозке 510 т золота в Советский Союз. Учитывая те трудности, с которыми сталкивались торговые представители республики в Западной Европе при закупках оружия, и важность поставок оружия из СССР, было совершенно понятно, пишет Пейн, что какую-то часть золотого запаса необходимо было перевезти в СССР, но перевозка большей ее части представляется совершенно необоснованной. Игнорирование других, альтернативных вариантов, утверждает Пейн, и складывание «почти всех республиканских яиц в советскую корзину» представляли собой рискованное и безрасудное действие, так как отныне можно было полагаться только на советскую помощь. С этого времени республика и в финансовом, и в военном отношении стала полностью зависимой от Советского Союза [Там же. Р. 151]. Как писал Виньяс в своей книге «Испанское золото в гражданской войне», перевозка почти все золото в советские сейфы, республика по-

теряла переговорный инструмент и неизбежно способствовала росту советского влияния на принятие решений некоторыми республиканскими лидерами [11; 12. Р. 187].

Картахена, где хранилось золото, пишет Пейн, была главной военно-морской базой Испанской республики, ей ничто не угрожало в октябре 1936 г. Для любого нормального правительства сделать то, что делало руководство Испанской республики, было бы безумием, но для революционного государства, борющегося за свое существование, перевозка большей части золотого запаса в бастион мировой революции была вполне логичным действием. Пейн убежден, что «даже с революционной точки зрения республиканское правительство могло сохранить больше средств для достижения своих целей, оставив большую часть золота в Испании», и это могло стать альтернативой «ужасным объятиям Советского Союза» [1. Р. 151].

Советский Союз оказывал помощь Испанской республике, используя для этих целей и западные каналы, в частности Коммерческий банк в Париже и Народный банк в Лондоне. Пейн пишет, что в Париже главную роль в оказании помощи республике играла французская компартия, основавшая для этих целей собственную торговую компанию «France-Navigation». Компания приобрела 16 торговых судов, общим водоизмещением 310 тыс. т и после окончания гражданской войны эти суда, купленные на деньги Испанской республики, остались в руках ФКП, которая использовала их в своих целях, основав на вырученные от их продажи деньги новую ежедневную газету «Ce soir», полумиллионный тираж которой играл важную роль в пропагандистской войне. Советский Союз и Коминтерн, делает вывод Пейн, оказали решающую помощь Испанской республике, но республика заплатила за это хорошие деньги, Советский Союз и французская компартия получили свою долю прибыли от испанских активов, «ироничное обстоятельство для революционных борцов с капиталом» [Там же. Р. 152].

В целом и отечественные, и зарубежные историки высоко оценивают организационную сторону секретной операции по перевозке золота из Испании в Советский Союз, подчеркивая, что именно оплаченная испанским золотом советская военная помощь стала главным фактором длительного сопротивления Испанской республики объединенным силам международного фашизма. В то же время зарубежные авторы подвергают критике решение правительства Испанской республики о перевозке большей части золотого запаса в СССР, полагая, что это поставило правительство республики в полную зависимость от СССР и лишило его переговорного инструмента. Более разумной, по их мнению, представлялась бы перевозка в СССР меньшей части золотого запаса. В связи с отсутствием в научном обороте соответствующих советских платежных документов, подтверждающих целесообразность расходования депонированного в СССР испанского золота, в зарубежной историографии выдвигаются версии о завышении цен на оружие, военное снаряжение и услуги в рамках операции «Х». Подвергается сомнению эффективность использова-

ния испанского золота для оплаты военной помощи Европе через подконтрольные Советскому Союзу непосредственно из СССР и для закупки оружия в коммерческие структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Payne S. *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism*. New Haven and London, 2004.
2. Vinas A. Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War // *European Studies Review*. 1979. № 1. P. 105–128.
3. Новиков М.В. Советский Союз и гражданская война в Испании // *Российская история*. 2009. № 5. С. 51–63.
4. Рыбалкин Ю. Операция «X». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М. : АИРО-XX, 2000.
5. Litvinov M. *Notes for Journal*. L., 1955.
6. Krivitsky W. In *Stalin's Secret Service*. N.Y., 2000.
7. Orlov A. How Stalin Relieved Spain of \$ 600 000 000 // *Reader's Digest*. 1966. Dec. P. 31–43.
8. Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане : воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. 3-е изд., пер. М. : Наука, 1988.
9. Caballero L. *Mis recuerdos*. Mexico City, 1954.
10. Шубин А. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
11. Родригес Л. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля. 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
12. Vinas A. *El oro espanol en la guerra civil*. Madrid, 1976.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2018 г.

THE CIVIL WAR, GOLD AND SOVIET MILITARY AID TO THE SPANISH REPUBLIC (1936–1939)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 109–115.

DOI: 10.17223/15617793/431/15

Mikhail V. Novikov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: m.novikov@yspu.org

Keywords: Civil War; gold reserves of Spain; military aid; transportation of gold in USSR.

The author aims to review the causes, course and consequences of the brilliant operations of Soviet intelligence services, conducted in October–November 1936 together with the Embassy of the USSR in Spain and representatives of the government of the Spanish Republic on the transport of the greater part of Spain's gold reserves to the USSR. On the basis of a comparative analysis of Russian and foreign studies on this issue, the author presents facts associated with the solution to the problem raised in the article. The Soviet leadership made a decision to supply weapons to the Spanish Republic after much hesitation on 14 September, the project assistance was codenamed "Operation X". As for the payment for Soviet military supplies in the fall of 1936, it is well known that there were no official payment documents. Most likely, there existed some informal agreement. On October 15 and 17, 1936, Prime Minister L. Caballero wrote two letters to M. Rosenberg, the Soviet Ambassador in Madrid. The letters contained a request for the transfer of the greater part of Spain's gold reserves to be deposited in the Soviet Union for international payments with the Soviet Union's participation in this process. The Politburo of the CC RCP (b) considered these two letters at its meetings on 17 and 19 October and adopted a separate decision for each of the letters. On October 20, a resident of the NKVD in Spain A. Orlov received a telegram from the head of the NKVD N. Yezhov, which contained a direct order of Stalin to organize the delivery of gold from Spain to the USSR on Soviet transport ships. In total, about 510 tonnes of gold, packed in 7 800 boxes, were transported. Along with the gold, four members of the Spanish government arrived in Moscow. They had a delicate mission: in collaboration with representatives of the Gokhran to open all the boxes and check the gold in them with the attached inventories. On February 5, 1937, the report on the amount of gold brought from Spain to Moscow was drawn up. The total weight of the gold, together with the other metals in the alloy, amounted to 510,079,529.3 grams, which corresponded to 460,516,851 gram of pure gold with an estimated market value of 518 million dollars. The gold was used by the government of the Spanish Republic to pay for the Soviet military aid (171 million dollars) and the purchase of arms and different materials in other countries. The author concludes that the shipment of the Spanish gold to the USSR was due to serious, objective reasons on the background of the civil war, that the operation for the transfer of the gold was carried out flawlessly, that weapons and materials paid for by this gold allowed the Spanish Republic to fight on equal terms with the combined forces of world fascism for a long time, that the absence of the Soviet payment documents, which reflect the price of weapons, materials and services, the exchange rate of gold for rubles and dollars, leaves the discussion of the effectiveness of the Soviet military aid open.

REFERENCES

1. Payne, S. (2004) *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Vinas, A. (1979) Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War. *European Studies Review*. 1. pp. 105–128.
3. Novikov, M.V. (2009) Sovetskiy Soyuz i grazhdanskaya vojna v Ispanii [Soviet Union and the Civil War in Spain]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 51–63.
4. Rybalkin, Yu. (2000) *Operatsiya "X". Sovetskaya voennaya pomoshch' respublikanskoy Ispanii (1936–1939)* [Operation "X". Soviet military aid to the Republican Spain (1936–1939)]. Moscow: AIRO-XX.
5. Litvinov, M. (1955) *Notes for Journal*. London: Andre Deutsch London.
6. Krivitsky, W. (2000) *In Stalin's Secret Service*. N.Y.: Enigma Books.
7. Orlov, A. (1966) How Stalin Relieved Spain of \$ 600 000 000. *Reader's Digest*. Dec. pp. 31–43.
8. Kuznetsov, N.G. (1988) *Na dalekom meridiane: vospominaniya uchastnika natsional'no-revolutsionnoy vojny v Ispanii* [On the distant meridian: memories of a participant in the national revolutionary war in Spain]. 3rd ed. Moscow: Nauka.
9. Caballero, L. (1954) *Mis recuerdos* [My memories]. Mexico City.
10. Shubin, A. (2016) *Stalin i grazhdanskaya vojna v Ispanii* [Stalin and the Civil War in Spain]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
11. Rodrigues, L. (2016) *Stalin i grazhdanskaya vojna v Ispanii*. [Stalin and the Civil War in Spain]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
12. Vinas, A. (1976) *El oro espanol en la guerra civil* [Spanish gold in the Civil War]. Madrid: Libros de bolsillo.

Received: 20 February 2018

В.В. Расколец

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО КРАЯ

На основе широкого круга источников, документальных публикаций и научной литературы исследуется создание и деятельность промышленно-технического отдела Института исследования Сибири. Проанализировано состояние научных сил сибирского региона в области научного изучения промышленности и техники. Рассмотрены главные направления в работе промышленно-технического отдела. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что вопреки тяжелым экономическим условиям Гражданской войны, ученые отдела сыграли свою роль в подготовке к индустриализации Сибири.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; В.И. Минаев; В.Я. Мостович; Н.П. Чижевский; Сибирский геологический комитет; Кузбасс; индустриализация Сибири.

В течение нескольких столетий Сибирь в культурном и экономическом отношении представляла собой бедный край. Областническое движение, одним из лозунгов которого была просвещенная Сибирь, поставило на повестку дня создание сибирского университета, получившего свое воплощение в Томске в 1888 г. В 1900 г. в Томске открылось второе высшее учебное заведение – Томский технологический институт, а в 1910 г. возникли Сибирские Высшие женские курсы. Эти успехи, однако, были явно недостаточны для столь огромного края, каким являлась Сибирь.

Очевидная необходимость в культурном просвещении и модернизации экономики обозначилась с началом Первой мировой войны. Февральские события, положившие конец монархии Романовых, позволили сибирской интеллигенции поднять вопрос о строительстве в Сибири первого исследовательского института наподобие тех, которые получили свое развитие в европейской России. Это учреждение вошло в историю под названием Институт исследования Сибири (ИИС).

В данной статье речь пойдет лишь об одном из его отделов – промышленно-техническом. Его изучение не только призвано дать адекватную оценку состоянию исследований в области промышленности и техники Сибири в предшествующий период, но также позволит обозначить стоявшие проблемы, показать найденные сибирскими учеными пути их решения и продемонстрировать то, как эти решения воплощались на практике.

Мы не будем подробно останавливаться на историографии исследований истории ИИС, тем более что она уже получила относительно полное освещение в другой работе автора [1]. Исследованию промышленно-технического отдела, помимо статей общего характера, изданных коллективом томских историков [2–3], посвящена работа В.В. Раскольца, С.Ф. Фоминых, А.Н. Сорокина, опубликованная в сборнике материалов Сибирского исторического форума [4]. Однако в данной работе, ограниченной объемом изложения, авторы не имели возможности целостно и контекстно рассмотреть предмет своего исследования.

Целью данной статьи является формирование целостного представления об истории создания и деятельности промышленно-технического отдела Инсти-

тута исследования Сибири. В рамках работы автор попытается дать оценку вкладу изучаемого отдела в развитие промышленности и техники Сибири.

К моменту образования ИИС научное изучение промышленности и техники в Сибири находилось на явно неудовлетворительном уровне. Фактически исследования в этих областях исчерпывались работами научных коллективов Томского университета (ТУ) и Томского технологического института (ТТИ). Определенный вклад в развитие производительных сил внесло Томское отделение Императорского Русского технического общества, открытое в 1902 г., а также Общество сибирских инженеров, организованное при ТТИ в 1909 г. Цели этих организаций практически совпадали и заключались в содействии экономико-хозяйственному развитию Сибири, прежде всего ее промышленности и транспорту, распространению технического образования и технических знаний посредством чтения докладов, устройства лабораторий, библиотек, музеев, организации экскурсий, экспедиций и т.д. [5. С. 4]. С началом Первой мировой войны некоторую роль в изучении промышленности и техники стали играть действовавшие в 1915–1918 гг. военно-промышленные комитеты [6. С. 252–254]. В остальном же научные исследования не выходили за пределы научно-популярных журналов тех или иных отраслей промышленности («Вестник золотопромышленности» и др.).

Между тем Первая мировая война со всей очевидностью продемонстрировала отсталость промышленности Сибири. По авторитетному заявлению М.В. Шиловского, «несмотря на всплеск интереса к металлообработке во второй половине 1915 г., промышленность Сибири по-прежнему ориентировалась преимущественно на переработку сельскохозяйственного сырья» [7. С. 97]. Отдельные прорывные исследования этих лет в рамках ТУ и ТТИ (создание конструкции противогазной маски с кислородным питанием, выработка промышленного метода получения безводного цианистого водорода и др. [8. С. 250–253]) носили локальный характер и не затрагивали коренных основ сибирской экономики. Гражданская война, обострившая до предела социально-экономический кризис России, уже ставила вопрос ребром: либо превращение страны в полуколониальную сырьевую при-

датов, либо поиск путей к модернизации экономики и подъему производительных сил.

История создания Института исследования Сибири не является предметом данного исследования, ввиду чего мы лишь кратко обозначим ее основные моменты [9–10].

Первая серьезная попытка придать ИИС реальное воплощение произошла на Первом сибирском метеорологическом съезде, проходившем в Иркутске в конце октября 1917 г. Его участники пришли к выводу о желательности создания учреждения, которое занималось бы систематизацией уже добытых знаний и координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением об ИИС [11. С. 294–296].

Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война помешали претворению в жизнь намеченных планов. Только после установления в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в Томске. Этот съезд должен был стать «смотром» научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки.

Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Несмотря на суровые зимние условия и сложности с железнодорожным транспортом, на съезде были представлены около 240 делегатов от 17 городов Сибири, Урала и Европейской России. Работа велась на общих и секционных заседаниях.

На одном из общих заседаний съезда ректор Томского университета А.П. Поспелов сделал доклад под названием «Значение исследовательских институтов и опытных заводов в деле изучения Сибири», в котором детально проанализировал деятельность этих учреждений [12. 21 янв.].

«Задачей исследовательских институтов в самом общем смысле является изучение окружающей нас природы», – писал А.П. Поспелов. Характерные черты деятельности исследовательских институтов – узкая специализированность и государственная важность. В отличие от них испытательные станции выполняют лишь практические задачи текущего характера, по вопросам обрабатывающей промышленности, включая всевозможные анализы и испытания, а также другие поручения технического характера [13. Ч. 1. С. 52].

Всего А.П. Поспелов выделил 10 необходимых для Сибири исследовательских институтов, в том числе институт по рафинированию платины, институт по обследованию водных сил в Сибири (гидрометрический), институт по исследованиям в области физики, химии и минералогии, институт по исследованию сибирских углей, институт по исследованию соляных озер в Сибири и др. Вопрос об очередности устройства этих институтов А.П. Поспелов оставлял открытым, «сама жизнь, – по его словам, – выдвинет аргументы за и против тех или других решений в этой области».

По мнению А.П. Поспелова, задачи опытных заводов по сравнению с исследовательскими институтами более скромные и заключаются в разработке и введении того или иного химического производства, усо-

вершенствовании и выработке методов фабричных производств, а также подготовке соответствующих специалистов. Обрисовав в общих чертах стадии опытного производства и необходимое для опытных заводов оборудование, А.П. Поспелов подчеркнул, что опытные заводы не должны задерживаться на одном каком-нибудь производстве, а должны передавать накопленное знание и аппаратуру заинтересованным в дальнейшем производстве учреждениям и лицам [13. Ч. 1. С. 53].

В ходе прений после доклада был поставлен вопрос о том, каким образом исследовательские институты и опытные заводы будут связаны с ИИС. Следует отметить, что никакого решения принято не было, так как дело создания институтов выходило за рамки компетенции съезда и этот вопрос нуждался в дальнейшей проработке. В итоговом постановлении было отмечено, что вопрос о том, какие исследовательские институты нужно создать в первую очередь, должна решать каждая секция в индивидуальном порядке.

Задачам промышленно-технического освоения Сибири на съезде была напрямую посвящена деятельность секции химии и химической технологии. Эта секция была представлена известными в России учеными: ректором Томского университета А.П. Поспеловым, ординарным профессором по кафедре органической химии Е.В. Бироном, профессором кафедры металлургии цветных металлов В.Я. Мостовичем, ординарным профессором по кафедре волокнистых и красящих веществ В.И. Минаевым и др. [14. С. 32–38, 145–150, 169–176, 196–199; 15].

Под председательством В.И. Минаева в малой химической аудитории было проведено четыре заседания с заслушиванием пяти докладов.

Представленные доклады касались насущных вопросов развития Сибири. Так, доклад А.П. Поспелова был посвящен координации работ по исследованию водных сил Сибири в связи с задачей получения азота и развитием электрохимической промышленности. Доклад Я.И. Михайленко касался всестороннего химического исследования различных материалов и сырых продуктов для их рационального использования, в связи с чем он предложил создать при ИИС химический отдел с лабораториями органической, неорганической и физической химии, а также центральной аналитической лабораторией. Помимо этого Я.И. Михайленко предложил субсидировать направления в области химических исследований путем поощрения ученых в виде премий.

Необходимости планомерного исследования топлива в Сибири посвятил свой доклад Н.П. Чижевский. Для тщательного изучения свойств топлива он выдвинул идею создания центральной испытательной станции в виде химической лаборатории, куда отправлялись бы все образцы топлива и которая направляла бы химические исследования на более рациональный путь [13. Ч. 2. С. 68].

С.В. Шперлинг зачитал доклад о торфяных болотах Сибири и их использовании в торфодобывающей промышленности. Ученый привел данные о наличии огромных запасов торфа, имеющихся во многих уездах России, в частности в Томском, подчеркнув, что

торф можно использовать не только в качестве ископаемого топлива, но и в смысле выработки из него «подстилочного, упаковочного и некоторых других материалов» [13. Ч. 2. С. 81]. Подводя итоги, автор выразил надежду, что при ИИС удастся создать отдельную секцию по изучению торфяных залежей Сибири и разработать план их утилизации.

С точки зрения научного изучения и хозяйственного освоения природных ресурсов Сибири особое значение имел доклад В.И. Минаева, посвященный созданию и развитию химической промышленности в Сибири. Ученый выдвинул задачи получения серной, азотной и соляной кислот, соды и поташа. На повестку дня были поставлены вопросы об организации алюминиевой промышленности, изучении химических свойств нефти и связанной с ней организации «парафиновой и минерально-масляной промышленности аналогичной известной саксоно-тюрингской индустрии, налаживании целлюлозного и бумажно-картонного производства, производства древесного спирта, ацетона, уксусной кислоты и ее солей, формалина, дегтя, скипидара, канифоли, различных смол, креозотовых препаратов и пр. [Там же. С. 74]. Чрезвычайно важными были вопросы об изготовлении сибирских волокнистых материалов текстильного значения и организации в связи с этим добывающей и обрабатывающей льняной промышленности – «одного из самых надежных и скорых средств к поднятию народного благосостояния...». В перспективе В.И. Минаев выдвинул задачу создания большой химической промышленности, связанной с развитием коксования и утилизацией главнейших ароматических углеводородов (производство красящих и фармацевтических, пахучих и вкусовых веществ) и т.д.

Производство по указанным направлениям было необходимо не только для укрепления экономического положения Сибири, но и в военно-политическом отношении. «Великая европейская война, – писал В.И. Минаев, – с несомненной очевидностью показала, что страны с высокоразвитой химической промышленностью могут усиленно снабжать свои действующие армии... как средствами нападения, так и средствами защиты. Сибирь, если ей суждено обороняться и защищать свою независимость, – при *полном отсутствии* химической промышленности, окажется в самом печальном положении...» [Там же. Ч. 1. С. 76]. При этом В.И. Минаев отметил важность взаимосвязи химической военной промышленности и химических продуктов мирного времени.

Подытоживая доклад В.И. Минаев отметил, что *первейшей задачей* Института исследования Сибири в выполнении поставленных целей должно быть создание комплексного и целесообразно согласованного плана работ.

В итоговой резолюции, принятой секцией химии и химической технологии, было высказано множество пожеланий. Участники планировали создание особого гидрологического отдела, а также отдела химии и созданной при нем центральной аналитической лаборатории Института для всестороннего исследования минерального и растительного топлива. Кроме того, секция наметила ряд учреждений при ИИС, задача

организации которых была делом первостепенной важности, среди которых металлургическая испытательная станция, занимающаяся вопросами рафинирования платины; институт по топливу, изучающий продукты сухой перегонки дерева, бурых и каменных углей; институт силикатной промышленности, разрабатывающий вопросы керамического, стеклянного и цементного производства; институт большой химической промышленности, занимающийся исследованием соляных озер Сибири и др. [17. 14 февр.]. Достижение этих целей предполагалось «с помощью широко развитой сети исследовательских учреждений». В соответствии с докладом В.И. Минаева главной задачей на первое время была разработка плана создания и развития химической промышленности и «проведение этого плана в жизнь страны». Работа учреждений Института предполагалась в тесном контакте с правительственными ведомствами, в частности с министерством торговли и промышленности, на которое возлагалась важная задача привлечения частных инвестиций.

Другой секцией, непосредственно связанной с промышленностью, была секция геологии и горного дела, деятельность которой была тесно связана с Сибирским геологическим комитетом.

Сибирский геологический комитет был учрежден в октябре 1918 г. при посредничестве ученых Петроградского геологического комитета и Российского правительства А.В. Колчака. Идея его основания была высказана еще в 1907 г., однако лишь после революции, всколыхнувшей «вопрос о геологическом учреждении в Сибири», Сибгеолком получил возможность реализации на практике. По своей структуре он целиком дублировал Российский комитет, за исключением геологических кабинетов-музеев, создание которых планировалось в обозримом будущем.

Создатели Сибгеолкома решили ограничить задачи нового учреждения областью прикладной геологии, сняв с него, ввиду отсутствия надлежащего оборудования, составление общей геологической карты. Начатые уже Российским Комитетом работы планировалось продолжить вне зависимости от того, будут ли в них принимать участие сотрудники Сибгеолкома или нет. Первым директором этого учреждения стал управляющий Министерством торговли и промышленности, видный геолог П.П. Гудков [18. С. 1].

Ученые-геологи с самого начала имели активные контакты с ИИС. На съезде по организации ИИС присутствовали как представители Петроградского геологического комитета (Я.С. Эдельштейн, Ф.В. Доброхотов, В.К. Котульский, А.Н. Криштофович, П.Л. Низковский, П.И. Преображенский, В.И. Яворский), так и представители Сибгеолкома (П.П. Гудков, М.А. Усов, Н.Н. Павлов, Н.С. Пенн, М.К. Коровин, Б.Л. Степанов и др.). Они же работали в секции геологии и горного дела.

Делегаты секции заседали в петрографическом кабинете ТТИ. Интересным представляется то, что на трех заседаниях секции не было заслушано ни одного доклада, хотя изначально их было заявлено шесть. Все запланированные доклады были заслушаны в ходе работы других секций либо на общих собраниях

съезда. Так, доклады Я.С. Эдельштейна «Геологические исследования, произведенные Геологическим комитетом в Сибири», Э.Э. Анерта «Организация Геологического комитета как одна из существующих форм объединения исследовательской работы в России» и П.П. Гудкова «Об организации геологических исследований в Сибири» были представлены на общих собраниях съезда «в целях ознакомления широких кругов общества с конструкцией и деятельностью Геологического комитета». Доклады же В.А. Пазухина «О путях развития горнозаводского дела», В.Я. Мостовича «Об испытательных станциях» и И.Ф. Пономарева «Исследование глин, известняков и других встречающихся в Сибири ископаемых», были вынесены на совместное заседание с секцией химии и химической технологии.

Доклад Я.С. Эдельштейна, посвященный истории создания и деятельности Геологического комитета в России, был призван показать сильные стороны этого учреждения, учет которых пригодился бы в сибирском научном строительстве. «Соединение в одном учреждении такой широко разветвленной, ведомой по определенному плану съемочной и исследовательской деятельности с указанной дифференцировкой отдельных работников и по специальностям, – отметил он, – и составляет главную силу Геологического комитета как исследовательского научного учреждения. На запросы практической жизни он имеет возможность откликаться быстро, и любой вопрос он имеет возможность обсудить всесторонне, привлекая к работе различных специалистов. Последовательно проведенная широкая автономность и полная коллегиальность гарантируют Комитет от косности и рутинности. Наконец, предъявляемые к желающим попасть в Комитет довольно суровые требования также достаточно обеспечивают высокий средний научный уровень работников Комитета» [19. 24 янв.].

Ключевым вопросом в работе секции геологии и горного дела стал вопрос о компетенции и статусе Сибгеолкома. В то время как геологи Петроградского комитета настаивали на его относительно подчиненном положении по отношению к центру, сибирские геологи, напротив, отстаивали необходимость иметь в Сибири самостоятельное геологическое учреждение.

По окончании работы секции было принято решение о том, что при ИИС не будет образован геологический отдел, так как для исследований в области геологии уже существует Сибгеолком. В качестве пожелания секция геологии и горного дела рекомендовала будущим отделам Института взять за основу положения статута Института Mellon в Питтсбурге. Принцип конструкции Института Mellon был предложен для того, чтобы не терять времени, пока ИИС окрепнет и даст научные плоды. Суть его заключалась в контрактном способе проведения научных работ, когда те или иные физические или юридические лица делали заказ на производство определенных научно-практических работ по интересующим их проблемам.

На совместных заседаниях секции химии и химической технологии и секции геологии и горного дела также было затронуто несколько важных проблем. Так, В.Я. Мостович прочитал доклад о роли испыта-

тельных станций в развитии горнозаводской промышленности. Для создания горнозаводской промышленности, по словам автора, в первую очередь необходимо было наличие богатых рудных месторождений и высокого потребительского спроса на промышленные товары.

В то же время он отмечал, что «обстоятельный учет ресурсов Сибири в смысле ее минеральных богатств пока не произведен, и поэтому одинаково неправильным было бы говорить о Сибири как о «золотом дне» и источнике неисчерпаемых богатств или же делать пессимистическое заключение о природных богатствах Сибири» [13. Ч. 2. С. 83].

Важными представлялись золотодобыча, добыча меди, серебросвинцовых и цинковых руд, железнорудная промышленность. «Каждая руда требует индивидуальной обработки и нет тех готовых и общих схем, которые были бы пригодны в целом для обработки даже весьма близких по составу и свойствам руд», – отмечал В.Я. Мостович. Поэтому намного разумнее было бы создать лабораторию по выявлению этих уникальных свойств, чем строить заводы, заранее обреченные на неэффективную переработку руд.

В.Я. Мостович также отметил, что в России не хватает нужной литературы, специалистов, а руды обрабатываются по уже известным шаблонам, что ведет к их нерациональному использованию. Подводя итоги, ученый указал на необходимость учреждения двух испытательных станций: в Томске для Западной Сибири и в Иркутске (или Владивостоке) для Восточной Сибири. В каждой из них должны были существовать 4 отдела: отдел по испытанию естественных видов топлива и разработке его экономического использования; отдел по исследованию металлических руд с особым развитием лабораторий по золоту, меди и обогащению руды; отдел по испытанию огнеупорных материалов; химическая, минералогическая и металлографическая лаборатории как вспомогательные отделы, обслуживающие подразделения [Там же. С. 90].

На объединенной секции были прочитаны и другие доклады. В.А. Пазухин прочел доклад «О путях развития горнозаводского дела», в котором коснулся современных тенденций в развитии горнозаводского дела в наиболее передовых странах мира. Вывод В.А. Пазухина для обывателя представляется неожиданным: «...единственной прочной и устойчивой базой для горнозаводского дела являются большие богатые рудные месторождения, причем богатство последних определяется не качеством... а количеством имеющихся руд» [Там же. С. 94]. Предприятия, расположенные рядом с месторождениями, где руды мало, пусть она и более насыщена металлами, быстро перерабатывают весь запас руды и в конечном итоге разоряются.

И.Ф. Пономарев сделал доклад по теме «Исследование глин, известняков и других встречающихся в Сибири ископаемых, необходимых для производства строительных материалов». Ученый выдвинул задачу превращения Сибири из края «деревянных изб» в край «прочных каменных» домов. Условием выпол-

нения этой задачи является обеспечение Сибири строительными материалами: кирпичом, стеклом, цементом, для производства которых, в свою очередь, нужны глина, известняк, песок, гипс, мирабилит и др. [20. Л. 204–206]. В перспективе ученый рассчитывал создать «Институт силикатной промышленности, в задачи которого входили бы: 1) производство керамических изделий: фарфора, фаянса, изразцов, плиток и др.; 2) производство различных сортов стекла: оконного, зеркального, оптического, хрустали и др.

В ходе работы совместного заседания впервые была высказана мысль о создании при Институте особого промышленно-технического отдела, в который должны были быть избраны представители от всех секций. В комиссию по организации этого отдела вошли В.И. Минаев и Е.В. Бирон (секция химии и химической технологии), П.К. Соболевский (секция геодезии и геофизики), Н.С. Пенн (секция геологии и горного дела), Н.Н. Лавров (секция ботаники и почвоведения), В.В. Птицын (статистико-экономическая секция). Сформированная комиссия приняла резолюцию о «насаждении и развитии промышленности» по трем отраслям: 1) машиностроения вообще и сельскохозяйственного в частности; 2) обрабатывающей промышленности (создание рационального плана химической промышленности); 3) добывающей промышленности (включая и горное дело) [13. Ч. 4. С. 27].

Таким образом, в ходе работы указанных секций были поставлены грандиозные задачи, успешное решение которых превратило бы Сибирь в развитый промышленный край, своеобразная «программа максимум», выполнение которой требовало целого ряда благоприятных условий. Образованный промышленно-технический отдел стал одним из 11 отделов в утвержденном на съезде Положении об ИИС, принятом 26 января 1919 г. Насущность его задач отразилось в итоговом проекте сметы ИИС, где он стал третьим по числу входящих в него членов – 8 человек, и вторым по сумме бюджета – 800 тыс. руб., что на тот момент составляло примерно 10% всего бюджета ИИС [Там же. Ч. 1. С. 104]. В отдел были избраны: председателем Е.В. Бирон, В.Л. Мостович, И.И. Бобарыков, С.В. Лебедев, В.И. Минаев, Н.С. Пенн, Г.Г. Поварнин.

На первых порах деятельность промышленно-технического отдела не могла развернуться ввиду того, что Институт исследования Сибири не имел статуса официального государственного учреждения и не мог получить какие-либо кредиты от правительства. Вплоть до 28 июля 1919 г. он существовал в виде общественной организации со своими отделениями и отделами – Общества Института исследования Сибири. Поэтому весной 1919 г. отдел занимался большей частью планированием будущей деятельности, а также установлением контактов с местными властями, экономическими и общественными организациями.

С 1 по 18 мая 1919 г. в Омске прошел ряд заседаний Межведомственного совещания, касающихся официального утверждения Института исследования Сибири и отпуска денежного аванса для его работ. В объяснительной записке к смете Института Б.П. Вейнберг среди прочего вкратце обрисовал план

работы промышленно-технического отдела. Главной задачей отдела ставилось исследование различных сортов древесины в механическом и химическом отношениях. Представленная смета отдела также включала в себя мероприятия по исследованию руд, минерального топлива, волокнистых веществ, жиров, соляных озер, силикатных и дубильных материалов. Помимо этого предполагались собирание данных статистического характера, обследование сибирских металлургических и механических заводов, выяснение постановки кустарного дела и технического оборудования. Выполнение указанных задач планировалось произвести с помощью лабораторий и персонала ГТИ и ТУ как единственно компетентных в этой области. Создание для этих целей особых исследовательских институтов и опытных заводов еще только намечалось [16. Д. 15. Л. 185–186].

К смете промышленно-технического отдела была приложена особая записка возглавлявшего его И.И. Бобарыкова с программой промышленно-технического отдела. Она состояла из двух основных частей.

Первая часть касалась собирания и систематизации уже имеющихся данных, касающихся природных богатств Сибири, количества и качества путей сообщения, состояния сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности, постановки и размеров технического и вообще профессионального образования, а также данных о наличии рабочих рук в различных частях Сибири [Там же. Л. 166]. Работа в этой области должна была вестись вместе со статистико-экономическим отделом.

Вторая часть была посвящена плану создания рациональной сибирской промышленности в различных отраслях производства, а также разработки и рационального использования природных богатств Сибири с учетом имеющегося спроса среди населения.

Итоговая смета промышленно-технического отдела составила, по словам И.И. Бобарыкова, ничтожную по тем временам сумму в 224 тыс. руб., включая 97 тыс. на работы и 127 тыс. на содержание персонала отдела.¹ Из 97 тыс. руб. 35 тыс. руб. планировалось потратить на исследования по химической промышленности, 20 тыс. на изучение сибирских лесов, по 10 тыс. руб. на оценку металлургических, механических заводов Сибири, а также на исследование неизученных руд и минерального топлива. Оставшиеся 7 тыс. руб. были направлены на выяснение постановки кустарного дела (2 тыс. руб.) и технического образования (5 тыс. руб.) [Там же. Л. 167–169].

В условиях острого дефицита финансирования вести исследования возможно было только при помощи лабораторий и персонала Томского университета и Томского технологического института, хотя эти учреждения также испытывали значительные трудности.

Начавшиеся Первая мировая, а затем Гражданская война привели к продовольственному и финансовому кризису в стране, отразившемуся на университетах и их преподавателях. Из-за нарушившихся связей с Европейской частью России и странами Западной Европы стало не хватать приборов и научного оборудования, в связи с чем некоторое профессора предлагали

выписывать его из Японии и Америки. В Томском университете прекратились поступления научной литературы, а его помещения часто не отапливались. Дошло до того, что помещения университета и института стали отдавать под постой войск и военные госпитали [8. С. 348–349]. Тем не менее ТТИ и ТУ выразили готовность помочь промышленно-техническому отделу в его важной научной работе.

Штат промышленно-технического отдела, состоящий, согласно Положению, из 8 членов института, включал заведующего отделом, секретаря, одного специалиста и двух ассистентов. Кроме них в отдел входили секретарь (делопроизводитель), не являющийся членом Института, машинистки-переписчицы, а также 8 сотрудников [16. Д. 15. Л. 169–169 об.]. Костяк промышленно-технического отдела был представлен участниками секции химии и химической технологии съезда по организации ИИС: И.И. Бобарыковым (заведующий промышленно-техническим отделом), В.Я. Мостовичем (секретарь), В.И. Минаевым, Н.П. Чижевским. В число членов отдела также входили С.В. Лебедев, Н.Я. Пенн, Г.Г. Поварнин и Н.В. Гутковский. Сотрудниками отдела числились В.А. Буштедт, К.Р. Эман, Я.Ж. Николин, К.П. Самцов, П.А. Парамонов, А.И. Соболевский и В.К. Сухова были служащими отдела [Там же. Д. 58. Л. 9].

Тогда же был представлен список организаций, имеющих право избирать своих членов в промышленно-технический отдел. В их числе находились: Общество сибирских инженеров, Сибирский геологический комитет, Томское губернское земство, Управление государственных имуществ (лесной совет), Министерство торговли и промышленности, военнo-химическая комиссия, закупсбыт, совет съездов торговли и промышленности, синдпредсоюз, министерство народного просвещения, союз маслодельных артелей и др. [Там же. Д. 15. Л. 16–16 об.]. Практически все эти организации получили право избирать делегатов в Совет промышленно-технического отдела постановлением ИИС от 13 ноября 1919 г. [Там же. Д. 17. Л. 90].

Таким образом, из представленной программы видно, что уже на первом этапе своей деятельности промышленно-технический отдел поставил задачи, гораздо более скромные, нежели те, что были озвучены участниками секции химии и химической технологии на съезде по организации ИИС. Отчасти это диктовалось потребностью правительства в сбережении денежных средств в условиях ведения Гражданской войны. В ходе работы междудеятельственного совещания, о котором уже говорилось выше, была значительно урезана смета Института. Вместо восьми миллионов рублей, испрашиваемых на тот момент (позже смета была сокращена до 4 млн руб.) было представлено значительно меньше – 1 млн 635 тыс. руб. [13. Ч. 1. С. 108]. Даже с учетом того, что эти средства отпускались всего на полгода, их было явно недостаточно. На первый аванс в 230 тыс. руб. Институту пришлось существовать в течение полугода, хотя изначально он был отпущен на два месяца.

«Положение об Институте исследования Сибири» было принято Советом Министров Правительства

А.В. Колчака и утверждено верховным правителем 28 июля 1919 г. С принятием Положения Институт стал официальным государственным учреждением с особыми привилегиями и полномочиями.

Несмотря на все сложности военного времени, предоставленные на майском междудеятельственном совещании Обществу ИИС кредиты в 230 тыс. руб., из которых 62 тыс. руб. были выделены промышленно-техническому отделу, позволили ему постепенно начать свою практическую деятельность.

Работа отдела велась по ряду ключевых направлений. Одной из наиболее важных задач отдела был химико-технологический анализ каменного угля из Судженского месторождения для постановки и производства кокса. Работы в этом направлении велись профессором по кафедре металлургии железа ТТИ Н.П. Чижевским, занимавшимся проблемами изучения металлургического топлива.

Задачей Н.П. Чижевского начиная с зимы 1919 г. стало определение того, какие пласты Судженского месторождения были наиболее благоприятными для разработки, а также определение количественного запаса угля [16. Д. 41. Л. 43–43 об.]. В ходе химического анализа образцов Н.П. Чижевский направил в промышленно-технический отдел записку, где высказал желательным привлечь к работам помощника заведующего лабораторией Златоустовского завода [Там же. Л. 38–38 об.]. На заседании от 11 сентября была удовлетворена смета Н.П. Чижевского в размере 4 тыс. руб. на исследование судженских углей, а 20 ноября 1919 г. на эти цели ему было предоставлено еще 2 тыс. руб. [22. С. 126, 131]. Итогом деятельности Н.П. Чижевского, как указано в итоговом отчете отдела, стало выявление механических свойств судженского кокса, в частности его сопротивление к дроблению.

В смете на 1920 г. Н.П. Чижевский в сотрудничестве с В.И. Минаевым усовершенствовал программу по исследованию сухой перегонки бурых углей. Им удалось выяснить, что бурые угли в зависимости от их возраста дают разные продукты пирогазирования и могут служить материалом либо для минерально-масляной (парафиновой), либо для бензольной промышленности. В связи с этим были выделены два района обследования бурых углей: 1) близ деревни Каштак в окрестностях Томска (молодой уголь); 2) в одном из Красноярских месторождений (уголь среднего возраста) [16. Д. 41. Л. 43–43 об.].

Результаты этих исследований имели в дальнейшем важное значение для разработки проблем коксохимии. Была изучена связь между природой топлива и его поведением в доменном процессе [22. С. 45]. Через год Н.П. Чижевский написал работу «Исследование коксуетости угля Судженских копей Томской губернии». Под его руководством было проведено изучение коксования углей не только Сибири, но и Урала, Дальнего Востока, Донбасса, Караганды и Подмосковья. В дальнейшем Н.П. Чижевский занялся исследованием свойств нефтяного кокса для производства технического графита [16. Д. 66. Л. 20].

Интересными представляются работы ординарного профессора по кафедре прикладной механики и

машиностроения ТПУ И.И. Бобарыкова в области изучения механических и химических свойств сибирского леса. Исследования предполагалось начать с обследования строевой сосны обско-чулымской дачи. Параллельно И.И. Бобарыков осуществлял исследование свойств осины, березы и кедра с точки зрения их пригодности к производству масляной клепки [22. С. 45]. На первых порах деятельность в указанном направлении шла по возрастающей. Из предоставленного междуведомственным совещанием кредита 10 тыс. руб. было ассигновано механической лаборатории ТТИ на два месяца на сбор образцов леса и подготовительные работы. Постановлением совета от 15 июня смета на эти работы была доведена до 20 650 руб. На химическое исследование кедра, березы, ветлы и осины было выделено 2 290 руб. В связи с этим в мае в управление государственных имуществ было направлено прошение промышленно-технического отдела о доставке речным путем 30–40 стволов этих деревьев [16. Д. 35. Л. 51–52]. Однако ввиду обстоятельств «политического характера означенное поручение не могло быть полностью выполнено и сваленные деревья остались не вывезенными из леса».

И.И. Бобарыков планировал продолжить работы в этих направлениях в 1920 г., расширив их за счет исследования древесины Залтайской дачи [16. Д. 66. Л. 38]. Однако из-за отсутствия ассигнований в 1920 г. работы так и не смогли быть продолжены. Полученные результаты были применены И.И. Бобарыковым с пользой во время создания мастерской, а затем и завода по изготовлению протезов для инвалидов Первой мировой и Гражданской войн.

Помимо всего прочего, И.И. Бобарыков принимал участие в разработках вопроса о проведении северной железнодорожной магистрали в составе Совета по объединению проектов Урало-Кузнецкого и Северных путей.

Другой областью деятельности промышленно-технического отдела являлось исследование свойств кожи под руководством и.д. экстраординарного профессора по кафедре химической технологии органических веществ Г.Г. Поварнина при посредничестве Губземства. Работа подразделилась на две части: изучение механических (эти работы производились в лаборатории И.И. Бобарыкова) и химических свойств кожи, в связи с чем Г.Г. Поварнин получил 12 800 руб. В то время как изучение кожи в химическом отношении стало невозможным ввиду того, что «замерзли трубы в лаборатории», а также «были взяты на военную службу ряд работников», исследование кожи в механическом отношении прошло успешно, в связи с чем было опубликовано несколько отчетов с данными определений подлинного удельного веса кожи, а также определений потери при ее измельчении [Там же. Д. 35. Л. 54–54 об.]. В дальнейшем Г.Г. Поварнин продолжил разработку теории дубления кожи, впервые систематически исследовав отечественные дубильные растения.

Помимо этой работы Г.Г. Поварнин вел исследование сухой перегонки дерева, где его работы перекликались с деятельностью В.И. Минаева. 18 октября Г.Г. Поварнин на заседании Совета отдела сделал

специальный доклад, посвященный химической обработке дерева. Перед Г.Г. Поварниным была поставлена задача изучить способы возгонки древесной смолы и получаемых при этом продуктов. На эти работы ему было выделено 25 900 руб., а позже еще 5 440 руб. [Там же. Д. 17. Л. 67]. В ходе работы Г.Г. Поварниным был представлен «Отчет о сухой перегонке дерева, произведенной Томским губернским земством и промышленно-техническим отделом Института исследования Сибири».

В конце сентября при посредничестве Я.С. Эдельштейна началось сотрудничество отдела с инженером-технологом, заведовавшим заводами по извлечению радия при академии РАН, Л.Н. Богоявленским. Предметом изучения Л.Н. Богоявленского являлось извлечение радия, а также нахождение радиевых элементов в цинковых обманках [Там же. Д. 41. Л. 66, 67]. В середине октября 1919 г. им была представлена смета работ в размере 9 тыс. руб. на фотографические и радиографические работы и др. [Там же. Д. 66. Л. 19]. В сотрудничестве с профессором П.П. Орловым Л.Н. Богоявленский предпринял работы по спектрографическим исследованиям цинковых обманок Алтая. «Попутно были сделаны исследования относительно действия лучей радия на мокро-коллоидальную пластинку» [Там же. Д. 35. Л. 63]. Вскоре Л.Н. Богоявленский представил отделу отчет об извлечении радия из ферганской руды.

После закрытия института он вплоть до 1922 г. продолжал изучение радиоактивности в различных районах Алтая. В 1926 г. Л.Н. Богоявленскому удалось открыть месторождение радиевых вод в Печорском бассейне, исследование которых было включено в первый пятилетний план индустриализации СССР [23]. Результаты исследований имели важное практическое значение для развития радиевой промышленности Сибири.

Особого внимания заслуживает деятельность В.Я. Мостовича, занимавшегося обследованием свинцово-цинковых руд Риддерского месторождения для возможности рациональной обработки руд на месте. 15 июня 1919 г. ему было ассигновано на эти цели 5 600 руб., а 5 августа того же года еще 2 500 руб. Однако, как он писал в отчете, «ввиду изменившихся обстоятельств получить среднюю пробу руд не удалось», а исследование пришлось отложить [16. Д. 35. Л. 58–58 об.]. Впоследствии В.Я. Мостович консультировал по горно-техническим вопросам ряд горных предприятий Сибири, в том числе Риддерское предприятие [2. С. 28].

Существенный вклад в достижения промышленно-технического отдела внес В.И. Минаев. Под его авторством числятся работы в области разгонки смолы и дегтя на осветительные и смазочные масла, исследования эфирного масла и прочих пахучих трав, разработка вопроса об извлечении и индивидуализации фенолов товарного дегтя, предложения по выработке сероуглерода и формалина и др. [22. С. 152].

Авторству В.И. Минаева также принадлежит доклад «О русской льняной промышленности и мерах для поднятия ее в Сибири», опубликованный в Известиях ИИС. Обрисовывая голод среди населения в

области товаров текстильной промышленности, создавшийся во всем мире в результате Первой мировой войны, автор приходит к выводу, что единственным выходом для Сибири будет создание льняной промышленности полного цикла: начиная от выращивания льна и заканчивая выработкой конечного продукта.

В то время отечественные льнопрядильные и ткацкие фабрики на 77% были оснащены иностранными машинами и лишь на 23% машинами своего производства. Выход из этого положения для Сибири В.И. Минаев видел в учреждении научных испытательных станций, в задачи которых входили бы «изучение условий культуры волокнистых промышленных (лубяных) растений... изучение первичной обработки льняной и конопляной тресты с научно-технической точки зрения», а также распространение полезных знаний льноводству и коноплеводству [24. С. 73]. При этих испытательных станциях должна быть организована целая система учреждений, начиная от лабораторий и опытных полей и заканчивая образцовыми льнопрядильными, ткацкими, веревочно-шпагатными и другими мастерскими. Все это планировалось организовать с привлечением государственного финансирования в сотрудничестве с кооперативными союзами и мелкими крестьянскими хозяйствами. В.И. Минаевым были также разработаны эскизы льнодельни и пимокатной фабрики.

На 1920 г. В.И. Минаев предоставил смету по изучению льняной тресты, в которой планировал сравнительные исследования волокна южных (Алтайская губерния) и северных (Томская губерния) районов.

Активное участие в деятельности промышленно-технического отдела принимал председатель общества и Союза сибирских инженеров, впоследствии ректор ТТИ Н.В. Гутовский. К тому времени Н.В. Гутовский являлся председателем комиссии по обследованию деятельности уральских заводов и выяснению возможности их производительности [25. С. 40]. Несмотря на то что Н.В. Гутовский вошел в состав промышленно-технического отдела только в феврале 1920 г., им была проделана определенная работа в области собирания сведений по вопросу о железодельной и металлообрабатывающей промышленности Сибири. Будучи полным решимости продолжать работу, Н.В. Гутовский просил лишь о материальной субсидии в размере 40 тыс. руб. на 1920 г.

Какова была дальнейшая судьба работы Н.В. Гутовского, неизвестно, однако стоит отметить, что Урало-кузнецкий проект томских ученых, который он возглавлял, получил самую высокую оценку со стороны советских, а затем и российских историков [26. С. 124]. В 1923 г. по инициативе Н.В. Гутовского и профессора Б.П. Вейнберга при ТТИ откроется НИИ прикладной физики, на базе которого в 1928 г. будет создан Сибирский физико-технический институт [27. С. 102; 28. С. 24–25].

На одном из заседаний промышленно-технического отдела была принята программа по развитию благоустройства сибирских городов. Для ее осуществления Н.В. Гутовский рекомендовал кандидатуру П.А. Парамонова – городского архитектора Томска и преподавателя ТТИ по дисциплинам «строительных

материалов, черчения и архитектурного проектирования» [29]. К тому времени он уже имел опыт в проектировании колоний Кемеровского и Кольчугинского рудников для акционерного общества Кузнецких каменно-угольных копей (АО «Копикуз»), мыловаренных и кожевенных заводов г. Томска и других зданий. В 1918 г. он выиграл конкурс на проектирование Щегловска (совр. г. Кемерово) в соответствии с концепцией «города-сада» Э. Говарда [30. С. 167]. Идеи Э. Говарда ярко выразились в четком функциональном зонировании территории и разделении зон зеленой полосой [31. С. 16]. В дальнейшем его работы в промышленно-техническом отделе и застройка Щегловска шли параллельно.

25 апреля 1920 г. промышленно-техническим отделом была утверждена его программа по обследованию «Городского хозяйства и благоустройства городов Сибири», в связи с чем ему было выделено 4 тыс. руб. [22. С. 144]. Параллельно со сбором статистического материала П.А. Парамонов разрабатывал проект обязательных постановлений по строительной и технико-санитарной частям для городов Сибири. В итоговой смете 1920 г. на исследования П.А. Парамонова планировалось выделить 80 тыс. руб., 7 тыс. руб. на «производство обликотипичных построек, составление их планов и конструкций, 15 тыс. руб. на фотографирование зданий, 40 тыс. руб. на командировки в различные сибирские города для обследования городских хозяйств и благоустройства и др. [16. Д. 35. Л. 74]. В дальнейшем П.А. Парамонов принимал участие в благоустройстве города Омска. В Кемерово же идеи П.А. Парамонова были реализованы не полностью, оказав, однако, влияние на дальнейшее развитие планировочной структуры этого города.

Активное участие в деятельности промышленно-технического отдела принимали И.Ф. Пономарёв, Н.С. Пенн, С.К. Конюхов, А.П. Таловский, К.П. Самцов. И.Ф. Пономарев проводил исследования сибирских глин для изучения создания мостового кирпича как материала для изготовления клинкера (искусственного мостового кирпича), а также разрабатывал проект строительства в г. Омске кирпичного завода. Н.С. Пенн в ходе поездки в Северный Енисейский золотоносный район собрал, а затем обработал материалы по золотому делу. Кроме того, он также собрал данные по постановке дражного золоторудного дела в Северной Енисейской губернии, а в январе 1920 г. совершил командировку в Кузнецкий бассейн для изучения угольных копей в техническом отношении. С.К. Конюхов и А.П. Таловский занимались изучением торфяников Сибири. Сбором пушнины для составления коллекции, а также обследованием сырьевого рынка Сибири занимался К.П. Самцов.

Освоением Сибири в промышленно-техническом отношении занимался, конечно, не только промышленно-технический отдел. Такие задачи выполняли и другие отделы Института и сотрудничавшие с ним учреждения и частные лица. В частности, стоит выделить исследования географического отдела, посвященные, прежде всего, разработке использования гидроэнергии. Что касается организаций, сотрудничавших с Институтом, то здесь стоит выделить уже упомянутый Сибирский геологический комитет.

После съезда по организации ИИС между институтом и Сибгеолкомом установилась тесная связь, включающая в себя взаимные консультации о предполагаемых работах, отчеты о сделанных и т.д. В июне 1919 г. в состав Совета Общества ИИС был кооптирован директор Сибгеолкома П.П. Гудков, а в конце ноября того же года Сибгеолком получил право избирать своих представителей в качестве членов совета промышленно-технического отдела Института [16. Д. 24. Л. 22].

Несмотря на трудности с финансированием, деятельность Сибгеолкома была достаточно плодотворной. Разграничив геологические работы с Петроградским отделением, Сибгеолком летом 1919 г. провел ряд экспедиций, нацеленных на изучение месторождений ископаемых Сибири. Одной из них стала поездка С.М. Курбатова в Енисейскую губернию для изучения минералов Минусинского края, в ходе которой им были обследованы ряд медных рудников в районе Черного и Белого Юсов, по правому берегу Чулыма, медные месторождения района Божьего озера в Ачинском уезде, а также медное месторождение в верховьях Печище [2. С. 23]. В общей сложности в 1919 г. по программе Сибгеолкома работало одиннадцать экспедиционных отрядов, два из которых (отряд М.А. Усова по обследованию района Анжерских и Судженских угольных копей и отряд Б.А. Степанова, К.Г. Тюменцева, А.М. Кузьмина по изучению марганца в Горной Шории) – в Томской губернии [32. С. 181]. Вместе с Петроградским комитетом работы Сибгеолкома охватили территорию от Сахалина на Востоке до западных склонов Урала на Западе, от устья Енисея на севере до Урянхайского края и Киргизской степи на юге.

После падения Временного Всероссийского правительства А.В. Колчака и прихода советской власти встал вопрос о судьбе Института исследования Сибири. У большевиков не было ни средств, ни желания содержать Институт, члены которого в прошлом сотрудничали с белогвардейцами. 9 января по арест был взят директор Института В.В. Сапожников. Только вмешательство Б.П. Вейнберга, настоявшего на том, что арест «может весьма серьезно сказаться на здоровье» директора Института, убедило Сибревком 12 января освободить В.В. Сапожникова [16. Д. 60. Л. 24].

Враждебное отношение советской власти вылилось на страницы печати. В газете «Знамя революции» от 4 июня 1920 г. была помещена статья, в которой содержалась резкая критика томских ученых и организуемых ими научных экспедиций, требующих непомерного количества продовольствия. «Для нас важны сейчас только такие работы, которые имеют срочный характер в деле нашего хозяйственного строительства. Широкие планы нам теперь не по силам», – писало «Знамя революции». И далее: «Тем более трудно поверить, что... мы получим действительную помощь от той компании, которая в массе своей настроена антисоветски, которая до сего времени формировала кадры активных колчаковских прислужников на всех поприщах общественной и политической арене» [33. 4 июня].

8 февраля 1920 г. состоялось заседание совета промышленно-технического отдела, на котором об-

суждался вопрос о его дальнейшем существовании. Причиной тому была экономическая политика советской власти, сосредоточивающей все технические исследования в Совете народного хозяйства [22. С. 134]. Работы же в большинстве лабораторий прекратились по причине элементарного отсутствия отопления и газа, и к началу 1920 г. деятельность отдела практически остановилась. Несмотря на это 13 марта И.И. Бобарыков предложил членам промышленно-технического отдела составить программы в области их изучения на ближайшее время. 21 марта поступили программы в областях льноводства, овцеводства, шерстяной и суконной промышленности, исследования соленых и горько-соленых озер, а также лесоводства, железодельной и металлообрабатывающей промышленности, пчеловодства и птицеводства, исследования горных предприятий, сырьевого рынка Сибири и др. [Там же. С. 145–147]. Кроме того, была заслушана программа по изучению предприятий золотосного района Северо-Енисейского горного округа.

Смета, утвержденная на 1920 г., предполагала продолжение уже начатых сотрудниками отдела работ по 12 пунктам: 1) исследование продуктов сухой перегонки бурых углей Томского и Красноярского районов; 2) окончание исследования коксования каменного угля Судженских копей; 3) исследование способов обогащения аморфных Туруханских графитов; 4) исследование медных руд, содержащих редкие металлы и радиоактивные элементы; 5) исследование получения бетулина и дегидрогенизации терпенов; 6) составление проекта металлургической и испытательной станции и т.д. [16. Д. 66. Л. 11 об.].

Следуя изложенной в 1919 г. программе И.И. Бобарыкова, промышленно-технический отдел продолжал собирать статистический материал о самых разных сторонах Сибирского края. Работы эти должны были вестись в контакте со статистико-экономическим отделом, который выразил готовность оказать содействие при условии оплаты указанных работ. Примерно в апреле 1920 г. статистико-экономический отдел предоставил первые данные касающиеся населения Сибири, его распределения, прироста по годам за последние 20 лет, а также перевозки лесных грузов по ж/д и водным путем, сведения о потреблении лесных материалов на местах и о вывозе за пределы Сибири, о числе, мощности и распределении лесопильных и деревообрабатывающих заводов Сибири, о потреблении разных сортов бумаги и картона, о лесных массивах Сибири по областям и губерниям, распределение по городам и о положении лесного хозяйства [Там же. Д. 35. Л. 71]. Постановлением Совета промышленно-технического отдела от 9 мая 1920 г. из 136 тыс. руб. принятой сметы 68 тыс. (50%) планировалось выдать статистико-экономическому отделу на проведение работ статистического характера.

Во время утверждения новой программы работ члены отдела приняли решение привлечь к деятельности отдела известного сибирского архитектора А.Д. Крячкова, в задачи которого должен был войти сбор сведений по истории техники строительства в Сибири на основе изучения памятников старины. Вскоре А.Д. Крячков предложил институту приобре-

сти кустарную художественно-промышленную коллекцию А.В. Адрианова. 25 апреля 1920 г. он сделал заявление о необходимости скорейшей командировки в район Барнаула и Колыванского завода для предотвращения расхищения памятников старины [16. Д. 69. Л. 8]. А 2 мая 1920 г. на одном из заседаний отдела он выдвинул программу изучения строительства в Сибири [2. С. 17].

В связи с представленными программами 12 мая была утверждена дополнительная смета в 343 тыс. руб. в дополнение к ранее принятой в 650 тыс. руб. Выделение средств для указанных исследований позволило бы значительно укрепить производительные силы края, что в перспективе способствовало бы и поднятию экономики.

Поначалу ИИС было обещано дальнейшее финансирование, но лишь после того как было бы утверждено его новое «Положение». Так, в телеграмме заведующего Сибнаробразом (Сибирский отдел народного образования) С.И. Канатчикова, полученной 28 февраля 1920 г. из Омска, говорилось: «Институт исследования Сибири после пересмотра Положения на днях будет утвержден. Прошу сотрудников Института спокойно продолжать работу, средства будут переведены после утверждения Положения» [16. Д. 35. Л. 170].

Однако вскоре пошли слухи о скором закрытии Института и передаче его функций созданным в связи с этим научным секциям при Томском университете и Томском технологическом институте. Институт не

спасли ни попытки воздействовать на Сибревком через Академию наук в Москве, ни письма Б.П. Вейнберга в Совет народных комиссаров, Комиссариат народного образования, а также ВСНХ. 5 июня Сибревком принял постановление «О закрытии Института исследования Сибири...» с 1 июля 1920 г.

Подводя итоги нашей обширной работы, мы отмечаем, прежде всего, тяжелые политические и экономические условия, в которых отделу пришлось вести свою работу. Скудная материальная база Российского правительства А.В. Колчака, его поражение в Гражданской войне и приход советской власти, рассматривающей новое учреждение как место укрывшихся врагов революции – все эти события не позволили отделу в полной мере реализовать поставленные задачи.

В то же время деятельность промышленно-технического отдела помогла не только сохранить научное наследие в трудный период истории, но и преумножить его. Исследования ученых промышленно-технического отдела в области химической, железнодорожной, легкой и металлообрабатывающей промышленности, цветной и черной металлургии, а также кокса заложили базу для будущей индустриализации в Сибири. Исследования П.А. Парамонова и А.Д. Крячкова по архитектуре способствовали расцвету сибирских городов: Барнаула, Омска и др. Наконец, ощутимым являлся вклад отдела в развитие промыслов, укрепивших сибирскую экономику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оценка, данная бюджету промышленно-технического отдела И.И. Бобарыковым, отчасти иллюстрируется гиперинфляционными процессами, протекавшими в Сибири в результате хозяйственной разрухи, денежной эмиссии Временного всероссийского правительства и общего сокращения товарооборота. Если в начале января 1919 г. томская газета «Сибирская жизнь» стоила 50 копеек, то в конце декабря ее стоимость увеличилась почти в 10 раз и составила 4 руб. В то же время прожиточный минимум в Акмолинской области на середину 1919 г. составлял 632 рубля. В Томске прожиточный минимум на одного взрослого человека с 1 мая по 1 декабря 1919 г. вырос с 592 руб. 15 коп. до 1 712 руб. 40 коп., т.е. более чем в 4 раза. «Безумный рост цен, особенно на жиры, отопление, свет, особенно зимою, – писала «Сибирская жизнь», – доводит городское население, трудовую интеллигенцию до отчаяния. Цены граничат с голодными, семьи обречены на голодание».

ЛИТЕРАТУРА

1. Расколец В.В. Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. С. 141–149.
2. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). С. 5–44.
3. Некрылов С.А., Фоминых С.В., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.
4. Создание промышленно-технического отдела Института исследования Сибири и его деятельность в изучении сибирского края // Экономическое развитие Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 12–13 октября 2016 г. Красноярск : Резонанс, 2016. С. 248–252.
5. Ситникова Д.Л. Общество сибирских инженеров в начале XX в. // Гуманитарный вестник. 2014. № 9 (23). С. 1–10.
6. Еремин Е.А. Военно-промышленные комитеты Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1915–1918 гг.) // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 252–254.
7. Шиловский М.В. Первая Мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. редактор В.П. Зиновьев ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
8. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
9. Кузнецова Н.Н. Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 – середина января 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 97–100.
10. Расколец В.В. Подготовка и проведение съезда по организации Института исследования Сибири : октябрь 1917 – январь 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 117–123.
11. Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 г. Благовещенск, 1919. 306 с.
12. Голос Сибири (Томск). 1919.
13. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. 467 с.

14. Профессора Томского политехнического университета : биографический справочник / авт. и сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
15. Поспелов Александр Петрович. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 13.11.2017).
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
18. Известия Сибирского геологического комитета. Томск, 1920. Т. 1, вып. 1.
19. Народная газета (Томск). 1919.
20. НБ ТГУ. ОРКП. Ф. 11 (Институт исследования Сибири).
21. Копытов М.А. От металлургии к кибернетике // Томский политехник : ежегодный журнал / Томский политехнический университет (ТПУ), Ассоциация выпускников. 1999. Вып. 5. С. 45–47.
22. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
23. Создатель института радия. URL: <https://tverlife.ru/news/38705.html> (дата обращения: 02.11.2017)
24. Известия Института исследования Сибири. Томск, 1920. № 4. Труды промышленно-технического отдела № 1.
25. Лозинский Ю.М. «Он был творцом в науке о металле и звуки скрипки он боготворил» (очерк о профессоре Н.В. Гутовском // Томский политехник : ежегодный журнал. Томск, 1999. Вып. 5. С. 39–42.
26. Панькин И.Д. Проблемы решения Урало-Кузнецкой проблемы 1919–1920 гг. в отечественной историографии // Социум и власть. Челябинск, 2014. № 1 (45). С. 122–126.
27. Чучалин А.И. Ректор Гутовский. Ученый, ставший организатором сибирской металлургии // Томский политехник: ежегодный журнал. 2001. Вып. 7. С. 101–104.
28. Индустриализация Сибири и Урала решалась в стенах Томского политехнического // Томский политехник. 1995. № 12. С. 24–30.
29. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – нач. XX века). Томск, 2004. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-4881/> (дата обращения: 13.11.2017).
30. Захарова И.В. Первые градостроительные работы в промышленных центрах Кузбасса (начало XX века) // X Баландинские чтения. Ново-сибирск, 2015. Ч. 2. С. 166–175.
31. Егорова Т.Ю. Города-сады в Западной Сибири в начале XX в. // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 16–20.
32. Боярко Г.Ю., Горюхин Е.Я. Политехники в поисках твердых полезных ископаемых на томской земле // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг ресурсов. 2004. Т. 307, № 4. С. 179–186.
33. Знамя революции (Томск). 1920.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2018 г.

THE INDUSTRY AND TECHNOLOGY DEPARTMENT OF THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA: ESTABLISHMENT, ACTIVITIES AND CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 116–127.

DOI: 10.17223/15617793/431/16

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: Institute for the Study of Siberia; V.I. Minaev; V.Yu. Mostovich; N.P. Chizhevsky; Siberian Geological Committee; Kuzbass; industrialization of Siberia.

This article explores the foundation and operation of the Industry and Technology Department of the Institute for the Study of Siberia (ISS) on the basis of a wide range of sources, documentary publications and scientific literature. During the work of the Section of Chemistry and Chemical Technology and the Section of Geology and Mining, a lot of important questions were raised. Among them were the creation of the platinum, gold, lead, zinc, silver and iron mining industries; the foundation of a number of research institutes in the key industry fields; the establishment of peat mining, electrochemical and aluminum industries; the establishment of the cellulose and paperboard production, production of wood alcohol, acetone, acetic acid and its salts, formalin, tar, turpentine, colophony, various resins, creosote substances, etc. In summary, during the work of the aforementioned sections, monumental tasks were set, the accomplishment of which could make Siberia an advanced industrial region. The work of the Industry and Technology Department of the ISS is analyzed. At first, the work could not be started due to the fact that the Institute for the Study of Siberia was not an official state institution and could not get any funding from the government. The work of the department members proceeded within the framework of their scientific specialty. For example, N.P. Chizhevsky researched the problem of metallurgical fuels, I.I. Bobarykov studied the mechanical and chemical properties of the Siberian forests, G.G. Povarnin worked in the field of researching the mechanical and chemical properties of leather, L.N. Bogoyavlensky researched radium detection and extraction, V.Yu. Mostovich researched the lead and zinc ores of the Ridder deposit, etc. The activities of the Industry and Technology Department during the period of Soviet rule are analyzed. In the early 1920s, the department was almost completely dormant due to the absence of gas, electricity and heating in the laboratories of Tomsk University and Tomsk Institute of Technology. Also, the practicality of the department existence as such came into question, given the tendency of the Soviet Government to concentrate all technical studies in the Council of National Economy. Despite all of that, the department continued its operation. On March 21, 1920, members of the department presented the program on research of flax cultivation, sheep breeding, wool and cloth industry, salt lakes exploration, forestry, bee-keeping and poultry raising, iron and metal industry, etc. Therefore, as can be seen, the Industry and Technology Department set tasks much more modest than those presented by the participants of the Section of Chemistry and Chemical Technology and the Section of Geology and Mining at the Congress on the Foundation of ISS. The main reason for that was the poor economic situation of the Russian Government headed by A.V. Kolchak, which was unable to provide the department with necessary funding.

REFERENCES

1. Raskolets, V.V. (2017) [Organization of the Geographical Department in the Institute for the Study of Siberia (October 1917 – July 1919)]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchemykh* [Topical issues of historical research: the view of young scholars]. Proceedings of the all-Russian youth scientific school-conference Novosibirsk: Institute of History, SB RAS. pp. 141–149. (In Russian).
2. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.V. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the meetings of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Nekrylov, S.A. et al. (2014) Otdely, Sredne-sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, Central Siberian Department and Commission of the Institute for the Study of Siberia (1919–1921)]. In: Fominykh, S.V. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Branch and commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Rezonans. (2016) [The establishment of the Industrial and Technical Department of the Institute for the Study of Siberia and its activities in the study of the Siberian region]. *Ekonomicheskoe razvitiye Sibiri* [Economic development of Siberia]. Proceedings of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk. 12–13 October 2016. Krasnoyarsk: Rezonans. pp. 248–252.
5. Sitnikova, D.L. (2014) Siberian Society of Engineers in the early XX century. *Gumanitarnyy vestnik*. 9 (23). pp. 1–10. (In Russian).
6. Eremin, E.A. (2005) Voенно-promyshlennyye komitety Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (1915–1918 gg.) [Military-industrial committees of Western Siberia during the First World War (1915–1918)]. *Polzunovskiy vestnik*. 3. pp. 252–254.
7. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya Mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avto-graf.
8. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk University: the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kuznetsova, N.N. (2011) Preparation course of Congress on the Siberia Research Institute organization (Oct. 1917 – Jan. 1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 97–100. (In Russian).
10. Raskolets, V.V. (2016) Preparation and holding of the Congress on the Foundation of the Research Institute of Siberia: October 1917 - January 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 117–123. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/19
11. Tipo-litografiya “Blagoveshchensk” Torgovogo doma “I.Ya. Churin i Ko” (1919) *Trudy Pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutsk 26–30 oktyabrya 1917 g.* [Proceedings of the First Siberian Meteorological Congress in Irkutsk October 26–30, 1917]. Blagoveshchensk: Tipo-litogr. “Blagoveshchensk” Torgovogo doma “I.Ya. Churin i Ko”.
12. *Golos Sibiri*. (1919).
13. Tipografiya Sibirskogo Tovarishchestva pechatnogo dela i Doma trudolyubiya. (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tipografiya Sibirskogo Tovarishchestva pechatnogo dela i Doma trudolyubiya.
14. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: a biographical directory]. Vol. 1. Tomsk: Izd-vo NTL.
15. Wiki.tsu.ru. (n.d.) Pospelov Aleksandr Petrovich. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87. (Accessed: 13.11.2017). (In Russian).
16. State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 (*Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia]). List 1.
17. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
18. *Izvestiya Sibirskogo geologicheskogo komiteta*. (1920). 1:1.
19. *Narodnaya gazeta*. (1919).
20. Tomsk State University esear Library, Department of Manuscripts and Book Monuments (NB TGU. ORKP). Fund 11 (*Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia]).
21. Kopytov, M.A. (1999) Ot metallurgii k kibernetike [From metallurgy to cybernetics]. *Tomskiy politekhnik*. 5. pp. 45–47.
22. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian branch and the commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Vorob'yov, V.V. (2011) *Sozdatel' instituta radiya* [Establisher of the Radium Institute]. [Online] Available from: <https://tverlife.ru/news/38705.html>. (Accessed: 02.11.2017).
24. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. 4:1.
25. Lozinskiy, Yu.M. (1999) “On byl tvortsom v nauke o metalle i zvuki skripki on bogotvoril” (oчерk o professore N.V. Gutovskom) [“He was a creator in the science of metal and he idolized the sounds of the violin” (essay on Professor N.V. Gutovsky)]. *Tomskiy politekhnik*. 5. pp. 39–42.
26. Pan'kin, I.D. (2014) Draft solutions of Ural-Kuznetsk problem of 1919–1920 in national (Russian) historiography. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 1 (45). pp. 122–126. (In Russian).
27. Chuchalin, A.I. (2001) Rektor Gutovskiy. Uchenyy, stavshiy organizatorom sibirskoy metallurgii [Rector Gutovsky. The scientist who became the organizer of the Siberian metallurgy]. *Tomskiy politekhnik*. 7. pp. 101–104.
28. Tomskiy politekhnik. (1995) Industrializatsiya Sibiri i Urala reshallas' v stenakh Tomskogo politekhnicheskogo [Industrialization of Siberia and the Urals was decided within the walls of Tomsk Polytechnic University]. *Tomskiy politekhnik*. 12. pp. 24–30.
29. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomsk (XIX – nach. XX veka)* [Architects of Tomsk (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: TSUAB. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-4881/>. (Accessed: 13.11.2017).
30. Zakharova, I.V. (2015) Pervyye gradostroitel'nye raboty v promyshlennykh tsentrakh Kuzbassa (nachalo XX veka) [The first town-planning works in the industrial centers of Kuzbass (early 20th century)]. *X Balandinskije chteniya*. Pt. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts. pp. 166–175.
31. Egorova, T.Yu. (2006) Goroda-sady v Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [Cities-gardens in Western Siberia in the early 20th century]. *Vestnik AltGTU im. I.I. Polzunova – Vestnik of the I. I. Polzunov Altai State Technical University*. 1. pp. 16–20.
32. Boyarko, G.Yu. & Goryukhin, E.Ya. (2004) Politekhniki v poiskakh tverdykh poleznykh iskopaemykh na tomskoy zemle [Polytechnics in search of solid minerals in Tomsk land]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring resursov – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 307:4. pp. 179–186.
33. *Znamya revolyutsii*. (1920).

Received: 11 February 2018

Н.А. Тучкова

СЕЛЬКУПСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СВЕТЕ РАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ВОПРОСАМ ФОЛЬКЛОРНОГО ИСТОРИЗМА

Анализируются подходы к фольклору как к историческому источнику с позиций разных исследовательских направлений – «конкретного историзма», этнофольклористики, компаративной фольклористики, а также современного направления – «ареальной» фольклористики, разрабатываемого Ю.Е. Березкиным. Автором выявлено, что селькупский фольклор за весь период исследований рассматривался только с точки зрения «конкретного историзма» (исследования А.В. Головнева) и с точки зрения этнофольклористики (работы Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих).

Ключевые слова: фольклор; исторический источник; фольклорный историзм; исторические предания; этнографический контекст; селькупский фольклор.

Представители исторической и этнографической науки никогда не оспаривали функцию фольклора быть носителем исторической и этнографической информации. На протяжении XIX–XX вв. отношение к фольклорному материалу всегда было как к ценному историческому и этнографическому источнику, потенциально имеющему высокую степень содержания исторических и этнографических сведений.

Исследователи, работающие с фольклорным материалом в направлении «конкретного историзма», выявили, что наиболее результативной является опора на тексты исторических преданий, так как именно этот фольклорный жанр, во-первых, обладает наибольшей степенью насыщенности конкретной исторической информацией, во-вторых, историческая информация в произведениях такого рода наименее «обработана» художественным способом, что весьма важно для исторических реконструкций [1, 2].

Опыт работы исследователей, привлекавших фольклорный материал сибирских этносов (нганасанский, эвенкийский, хакасский, кетский, алтайский и др.) [3–7], показывает высокую результативность этого метода: исследователям по текстам фольклорных произведений удавалось охарактеризовать территорию формирования этноса (например, выявить ее ландшафтные особенности или иные природно-географические черты); этнические компоненты, из которых складывался этнос; разделения и ответвления родовых групп друг от друга; этнонимы прошлого (в некоторых случаях с народной этимологией этнонимов, родовых названий), этнонимы соседей и врагов.

Кроме того, как вполне успешные (хотя не бесспорные) можно оценить попытки исследователей идентифицировать фольклорных героев и некоторых исторических личностей: вождей племен, основателей родов (т.е. лиц, от которых род (патронимия) ведет свое происхождение), ярких военных предводителей – как, например, герой нганасанских преданий Тимихоти – «Сломанный зуб», возглавивший в XVII в. нганасан в их стычках с ненцами [3. С. 26–27], или джунгарских властителей – Лоузен-Шуну, Галдан-Ойрот-хана, Амыр-Сана-Ойрот-хана, Галдан-Цэрэна и др., – пусть и «затронутых процессом канонизации» [7. С. 201]. В частности, исследователем алтайских исторических преданий Л.И. Шерстовой было выявлено, что историческим прототипом героя алтайских

легенд Шуну являлась реальная историческая личность XVIII в. – Лоузен (лоубзан)-Шюню, или Шуну, внук Аюки-хана, сын Цэван-Рабатана, сводный брат Галдан-Цэрэна. После смерти отца Шуну из-за дворцовых интриг он вынужден был бежать на Волгу, к калмыкам, а затем в Россию [7. С. 204].

Метод, которым обычно пользуются исследователи, работая в области «конкретного историзма», – сравнительно-сопоставительный: данные фольклора о каком-либо событии напрямую сопоставляются с известными по документам историческими фактами, персонажи фольклорных текстов – с историческими личностями, выявленными также по документальным источникам, сведения о родовых группах и племенах – с историческими данными об этих группах, упоминаемые в фольклорных текстах этнонимы – с подобными этнонимами, известными из этнографических записей и публикаций, и т.п.

Исследовательское направление «фольклор и этнография» (этнофольклористика) также демонстрирует высокий уровень эффективности в работе с фольклорным материалом при проведении этноисторических и этнокультурных исследований. Образцами успешных этнографических изысканий, построенных в основном на фольклорных источниках, богато, в частности, отечественное и зарубежное финно-угроведение. Так, например, уже в период конца XIX – начала XX в. именно на фольклорном материале С.К. Патканов реконструировал эпоху «военной демократии» хантов, В.Н. Чернецов – социальную организацию обских угров [8, 9]. В 1970–2000-х гг. с фольклором как источником по этнографии *обских угров (хантов и манси)* работали З.П. Соколова, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин и др. [10–12]. Обзор взглядов различных исследователей на соотношение дисциплин «этнография» и «фольклор», а также анализ публикаций в данном исследовательском направлении осуществил Ант.А. Ким [13].

Основной метод, которым этнокультурная информация извлекается из фольклорных текстов, также сравнительно-сопоставительный. Кроме того, активно используется метод контекстного анализа, так как исследователи, работающие в данном направлении, интересуются прежде всего контекстом фольклорных произведений, на фоне которого разворачиваются сюжетные действия.

Этнофольклористика позволяет реконструировать социальную стратификацию этноса, элементы его политического устройства, традиции и семейные нравы, черты бытовой культуры, религиозные верования, а также хозяйственные занятия носителей исследуемой фольклорной традиции.

Компаративная фольклористика как особое исследовательское направление, сравнивающее схожие мотивы и сюжеты в разных этнических фольклорных традициях, всегда играла важнейшую роль в изучении фольклорных текстов. При этом «каждая научная теория и школа применяла свою методикку, основанную на характерных для нее представлениях о природе и специфике фольклора и понимании задач научного сравнения» [14. С. 55].

В период превалирования в отечественной науке сравнительно-типологического подхода к изучению фольклора, давшего значительные результаты для понимания сути фольклорного процесса (в частности, осознания его стадийности), собственно этноисторические исследования находились, как правило, за рамками исследований фольклористов.

С зарождением в начале XXI в. фактически нового научного направления, актуального как для филологических (фольклористических) исследований, так и для исторических (этнологических), – ареальной фольклористики, или «сравнительных исследований распространения фольклорно-мифологических мотивов»¹ – вопрос реконструкции этноисторических процессов через анализ ареалов фольклорных мотивов вышел на передний план [15–17].

Один из важнейших выводов, полученных в ходе исследования ареального распространения мотивов, был сформулирован следующим образом: сходство фольклорных мотивов у разных народов и на разных континентах можно объяснять именно миграциями, т.е. распространение мотивов напрямую связано с путями миграций отдельных групп людей (популяций) [17. С. 7–9].

Проблема датировки событий, отраженных в фольклорных текстах, а также иных данных, в том числе контекстной информации, содержащейся в ткани фольклорных произведений, не решена до настоящего времени: существует несколько методов датирования фольклорного материала (исходя из разных теоретических подходов к фольклорному тексту), но все они не дают однозначного и точного результата.

На селькупском фольклорном материале в XX – начале XXI в. были проведены различные исследования как в направлении «конкретного историзма», так и в области этнофольклористики.

В рамках первого направления было выявлено, что в фольклорном наследии селькупов имел место жанр исторических преданий, но популярным и широко распространенным (на фоне жанра сказки или богатырской песни (в прошлом)) он не был. С начала XIX в. (с записей А.П. Степанова (полковника Маслова)) были известны два исторических предания – о даровании Богом еды (благополучия) новопоселенцам на р. Таз и о Старике в Заячьей парке [18, 19]. Фактически именно ими и ограничивается круг надежно зафиксированных исторических преданий у селькупов.

П.И. Третьяков и особенно А.Ф. Плотников широко использовали термин «предания инородцев» для изложения данных, полученных ими от информантов, и в итоге они в своих публикациях [20, 21] привели значительную сумму сведений исторического характера, но все это – записи «устной истории», а не фольклорные тексты.

Этнолог А.В. Головнев привлек к своим этноисторическим исследованиям значительный объем фольклорных текстов северных селькупов (сказки и исторические предания) [22]. Им было установлено, что крупные военно-политические события (судьбоносные битвы, такие как поражение селькупов на Оби от хантыйско-русской коалиции или победа на р. Тольке в Кэли Мач) в фольклоре этого народа **не** отражены [Там же. С. 116]. Однако сам факт борьбы с ненцами – народом *келэк тамдыр* (боевые столкновения партизанского типа), проживавшими на осваиваемой селькупам территории Таза, имеет фольклорное подтверждение. Самый характерный фольклорный пример этой борьбы – сюжет о Старике в Заячьей парке [Там же. С. 139]. Данный сюжет, записанный неоднократно (не только А.В. Головневым, но и другими исследователями, начиная с публикации А.П. Степанова), вероятно, говорит о процессе фольклоризации одного или нескольких конкретных событийных рассказов (при условии, что в других ареалах Западной или Восточной Сибири или на иных континентах этот сюжет не известен²).

Этнофольклористические исследования с привлечением селькупского фольклорного материала, проводимые Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, показали высокую степень результативности. Г.Н. Прокофьевым был собран большой объем селькупского фольклора на среднетазовском и баишенском (туруханском) диалектах селькупского языка [23]; этот материал характеризует фольклорное наследие северных селькупов. Е.Д. Прокофьевой, имевшей возможность работать с этим архивным собранием, удалось задействовать его в своих этнографических публикациях. Особенно удачными были опыты по привлечению фольклорных сведений для реконструкции мифологической картины мира северных селькупов [24–26].

Томским этнологом Г.И. Пелих была осуществлена попытка выявить компонентный состав селькупского этногенеза с опорой на фольклорный материал, с одной стороны, и на гидронимический – с другой [27], однако из-за отсутствия на момент исследования в ее распоряжении репрезентативной и верифицированной источниковой базы (атрибутированных фольклорных текстов на селькупском языке) выводы автора выглядят спорными. Кроме того, Г.И. Пелих проводились также сопоставительные исследования фольклорного материала селькупов и социально-исторических процессов: автор пыталась выявить следы материнского рода, группового брака, классификационную систему родства, социально-имущественное расслоение селькупского общества [28]. Контекст некоторых фольклорных произведений позволил Г.И. Пелих сделать некоторые выводы по данным аспектам.

Таким образом, в ходе проведенного исследования автором были рассмотрены различные методологиче-

ские подходы к этноисторическим исследованиям, проводимым на фольклорном материале, и произведена оценка их результативности. Выявлено, что селькупский фольклор редко привлекался для этноисторических исследований. Основными методологическими подходами, в рамках которых рассмат-

ря селькупский фольклорный материал для выявления содержащейся в нем исторической и этнографической информации, были исследования в направлении «конкретного историзма» (А.В. Головнев) и этнофольклористики (работы Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ю.Е. Березкин понимает **мотивы** как **образные и фабульные элементы фольклорных произведений**, что не совпадает с «элементарными мотивами» С. Томпсона (с которыми обычно работают фольклористы).

² В каталоге Ю.Е. Березкина этот сюжет не учтен, так как оценен им как «квазиисторический» (из переписки с Ю.Е. Березкиным).

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Филология. 2009. № 107. С. 112–119.
2. Биткеев Н.Ц., Варламов А.Н. Эпический историзм // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 156–161.
3. Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.
4. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2011.
5. Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 29 с.
6. Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 127 с.
7. Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191–208.
8. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая старина. 1891. № 3, 4.
9. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–42.
10. Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Верования и быт народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 118–132.
11. Лукина Н.В. Некоторые вопросы этнической истории хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 158–161.
12. Кулемзин В.М. Человек и природ в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.
13. Ким Ант. А. Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.
14. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л. : Наука, 1976.
15. Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 94–105.
16. Березкин Ю.Е. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 21–32.
17. Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука, 2013. 320 с.
18. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1, 2.
19. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии : сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. 1833. № 5. С. 275–291; № 7. С. 392–415; № 9. С. 506–523; № 10. С. 562–575.
20. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители // Записки Русского географического общества по общей географии. 1869. Т. 2. 416 с.
21. Плотников А.Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда, Томской губернии) : историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.
22. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : Уро РАН, 1995. 606 с.
23. Казакевич О.А. Архив Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg, 2010. С. 257–269.
24. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1952. Т. 1. С. 88–107.
25. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
26. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
27. Пелих Г.И. К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов // Труды Томского государственного университета. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148.
28. Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 65–69.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 апреля 2018 г.

SELKUP FOLKLORE FROM THE PERSPECTIVES OF DIFFERENT METHODOLOGICAL APPROACHES TO FOLKLORE HISTORICISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 128–131.

DOI: 10.17223/15617793/431/17

Natalya A. Tuchkova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Keywords: folklore; historical source; folklore historicism; historical traditions; ethnographic context; Selkup folklore.

The article analyzes approaches to folklore as a historical source from the perspectives of different research areas such as “concrete historicism”, ethnic folklore and comparative folklore studies, as well as the modern “areal” folklore studies developed by Yu.E. Berzkin. Research in the field of “concrete historicism” was carried out on the folklore material of a number of Siberian ethnic groups – Nnganasan, Evenki, Khakas, Ket, Altai etc. It was the researchers working with the folklore material of this field who found out that the reliance on the texts of historical legends is the most effective, as this folklore genre is most saturated with specific historical information. Ethnic folklore studies as a special research direction allow to reconstruct, first of all, the social stratification of the ethnos, ele-

ments of its political structure, traditions and family customs, features of everyday culture, religious beliefs, as well as economic activities of the bearers of the studied folklore tradition. There are many examples of successful ethnic folklore studies, inter alia, in national and foreign Finno-Ugric studies. In the course of the research of the Selkup folklore material, the author revealed that the Selkup folklore during the whole period of its study was considered only from the standpoint of “concrete historicism” and from the point of view of ethnic folklore studies. Within the framework of the first direction, it was established that in the folklore heritage of the Selkups there was a genre of historical legends, but it was not popular and widespread (in comparison with the fairy tale or the heroic song (in the past)). Ethnic folklore studies involving Selkup folklore materials were made by G.N. and E.D. Prokofiev and G.I. Pelikh, an ethnologist from Tomsk. It was found that the experiments of E.D. Prokofieva on using folklore information for the reconstruction of the mythological view of the world of the Northern Selkups were particularly successful. G.I. Pelikh made an attempt to identify the component composition of Selkup ethnogenesis based on folklore and hydronymical material, but due to the lack of representative and verified sources (attributed folklore texts in the Selkup language) at the time of the study, the author’s conclusions were controversial. G.I. Pelikh also carried out comparative studies of the folklore material of the Selkups and the socio-historical processes.

REFERENCES

1. Varlamov, A.N. (2009) On historicism of folklore: based on Evenk folklore. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 107. pp. 112–119. (In Russian).
2. Bitkeev, N.Ts. & Varlamov, A.N. (2012) Epicheskiy istorizm [Epic Historicism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*. 10. pp. 156–161.
3. Dolgikh, B.O. (1976) *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan* [Mythological tales and historical legends of the Nganasan]. Moscow: Nauka. pp. 7–35.
4. Varlamov, A.N. (2011) *Spetsifika istorizma v fol'klora evenkov* [Specificity of historicism in the Evenk folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yakutsk.
5. Butanaeva, I.I. (2000) *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [Khakass historical folklore: the experience of historical and ethnographic analysis]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
6. Nikolaev, R.V. (1985) *Fol'klor i voprosy etnicheskoy istorii ketov* [Folklore and issues of ethnic history of the Kets]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
7. Sherstova, L.I. (2010) Rol' istoricheskikh predaniy v formirovaniy ideologii burkhanizma [The role of historical legends in the formation of the ideology of Burkhanism]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnos and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Patkanov, S.K. (1891) Starodavnaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i geroicheskim skazaniyam [The ancient life of the Ostyaks and their heroes in the epic and heroic legends]. *Zhivaya starina*. 3, 4.
9. Chernetsov, V.N. (1939) Fraternal'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [The phraternal organization of the Ob-Ugra society]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 20–42.
10. Sokolova, Z.P. (1987) K proiskhozhdeniyu obskikh ugrov i ikh fratriy (po dannym fol'klora) [To the origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Verovaniya i byt narodov Sibiri* [Beliefs and way of life of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
11. Lukina, N.V. (1976) Nekotorye voprosy etnicheskoy istorii khantov po dannym fol'klora [Some issues of the ethnic history of the Khanty people according to folklore data]. In: *Yazyki i toponimiya* [Languages and toponymy]. Tomsk: [s.n.].
12. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Kim Ant, A. (2007) *Syuzhetnyy sostav khantyskogo prozaicheskogo fol'klora v kontekste etnografii* [The plot structure of the Khanty prosaic folklore in the context of ethnography]. History Cand. Diss. Tomsk.
14. Putilov, B.N. (1976) *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of the comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka.
15. Berezkin, Yu.E. (2003) Yuzhnosibirsko-severoamerikanskii svyazi v oblasti mifologii [South Siberian-North American links in the field of mythology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2 (14). pp. 94–105.
16. Berezkin, Yu.E. (2016) Results of computing the data on the areal distribution of the folkloric and mythological motifs in Northern Asia (South Asian and American links). *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri*. 2 (31). pp. 21–32. (In Russian).
17. Berezkin, Yu.E. (2013) *Afrika, migratsii, mifologiya. Arealny rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migration, mythology. Areas of the distribution of folklore motifs in the historical perspective]. St. Petersburg: Nauka.
18. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseyskaya guberniya* [Yenisei Province]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tip. Konrada Vingebera.
19. Maslov. (1833) Brodyashchie narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Eniseyskoy gubernii: soobshcheno g. polkovnikom Maslovym [The nomadic peoples of the Turukhansk region. Excerpt from the statistical notes of Yenisei Province: reported by Colonel Maslov]. *Zavolzhiyskiy muravey*. 5. pp. 275–291.
20. Tret'yakov, P.I. (1869) Turukhanskiy kray, ego priroda i zhiteli [The Turukhansk region, its nature and inhabitants]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii*. 2.
21. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray (5-y stan Tomskogo uezda, Tomskoy gubernii): istoriko-statisticheskii ocherk* [The Narym region (5th mill of Tomsk district, Tomsk province): historical and statistical essay]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
22. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and the Ugrians]. Ekaterinburg: UrB RAS.
23. Kazakevich, O.A. (2010) Arkhiv G.N. i E.D. Prokof'evykh: samodiytskie yazykovye materialy [Archive of G.N. and E.D. Prokofiev: the Samoyed language materials]. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 32/33. pp. 257–269.
24. Prokof'eva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [To the issue of the social organization of the Selkup (genus and phratry)]. In: Potapov, L.P. & Levin, M.G. (eds) *Sibirskiy etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Prokof'eva, E.D. (1961) Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam) [Representations of Selkup shamans about the world (based on drawings and watercolors)]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 20. Leningrad: USSR AS.
26. Prokof'eva, E.D. (1976) Starye predstavleniya sel'kupov o mire [Old representations of the Selkups about the world]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka.
27. Pelikh, G.I. (1963) K voprosu o rodoplemennom stroe narymskikh sel'kupov [On the issue of tribal system of the Narym Selkups]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 165. pp. 137–148.
28. Pelikh, G.I. (1965) Fol'klor kak sredstvo rasshifrovki toponimov [Folklore as a means of deciphering toponyms]. In: Koshelev, Ya.R. (ed.) *Voprosy fol'klora* [Issues of folklore]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 22 April 2018

«ПО ПУТИ ЛЕНИНА К СЧАСТЬЮ И СЛАВЕ...»: ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА 1940–1960-х гг. И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Анализируется процесс формирования представлений о ценностных основах, достижениях, ожиданиях и авторитетах советского человека 1940–1960-х гг., составлявших единый политический идеал. Его конкретное идейное содержание рассматривается, во-первых, с официальной точки зрения, которая наиболее наглядно отражалась в лозунгах и образах визуальной пропаганды, а во-вторых, с позиции простых граждан СССР, сохранившейся в воспоминаниях и письмах во власть.

Ключевые слова: СССР; визуальная пропаганда; политический идеал; письма во власть; коммунизм; революция; Ленин; Сталин.

Каждая идеология, заинтересованная в организованности и сплочении общества, сталкивается с проблемой формирования доходчивых и непротиворечивых политических образов. Для идеократических государств, к которым цивилизационно относится и Россия [1. С. 15], решение данной задачи вообще обретает основополагающий смысл. Вместе с тем в настоящее время идейные рамки дальнейшего развития нашей страны все еще четко не определены. Поэтому представляется особенно актуальным критический анализ исторического опыта идеологической работы, который ниже будет построен на примере некоторых аспектов советской массовой пропаганды конца 1940-х – начала 1960-х гг.

Избранный для рассмотрения период во многих отношениях был знаковым. Исследователи, различающиеся по предметным областям и взглядам, сходятся в том, что именно тогда в СССР произошли серьезные сдвиги, обусловленные отходом от мобилизационных принципов развития общества [2. С. 546], постепенной сменой поколений [3. С. 54–55] и изменениями в мировоззренческих установках граждан [1. С. 148–151]. Особое внимание к политической жизни диктовалось и

курсом советских руководителей, когда после победы в Великой Отечественной войне коммунизм был провозглашен в качестве глобальной цели. «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме», – за 12 лет до повторения Н.С. Хрущевым эта фраза была произнесена на XI съезде ВЛКСМ первым секретарем ЦК организации Н.А. Михайловым [4. С. 160]. На этом фоне по-особому осмыслились ценностные основы, достижения, ожидания и авторитеты советского человека, составляя единый политический идеал. Целью данной статьи являются реконструкция этого идеала и определение характера его влияния на изменения общественных настроений в СССР. Исследование велось в двух взаимосвязанных измерениях. Во-первых, официальная точка зрения, которая в наиболее яркой и доходчивой форме распространялась визуальной пропагандой. Путем количественного и качественного анализа 2 860 советских плакатов периода 1946–1964 гг. выявлялась динамика и специфика отражения в ней политически значимых смысловых категорий, таких как *революция, социализм, коммунизм, партия*, а также образов *вождей* (таблица).

Политические категории в плакатных лозунгах СССР

Год	Революция		Социализм		Коммунизм		Партия		Ленин		Сталин		Всего плакатов
	Кол-во*	%**	Кол-во	%	
1946	6	5,0	6	5,0	3	2,5	16	13,2	8	6,6	21	17,4	121
1947	18	12,1	14	9,4	3	2,0	14	9,4	6	4,0	24	16,1	149
1948	8	6,8	10	8,5	8	6,8	7	5,9	8	6,8	21	17,8	118
1949	2	2,2	9	9,7	9	9,7	2	2,2	9	9,7	21	22,6	93
1950	2	1,1	10	5,6	11	6,1	19	10,6	13	7,3	28	15,6	179
1951	2	2,0	8	8,0	11	11,0	3	3,0	6	6,0	11	11,0	100
1952	4	3,2	5	4,0	13	10,5	4	3,2	3	2,4	10	8,1	124
1953	2	1,4	2	1,4	10	7,0	7	4,9	6	4,2	7	4,9	142
1954	8	4,6	8	4,6	4	2,3	7	4,0	2	1,1	2	1,1	174
1955	7	3,6	5	2,6	6	3,1	9	4,6	5	2,6	0	0,0	196
1956	3	1,6	2	1,1	8	4,4	13	7,1	8	4,4	0	0,0	182
1957	22	10,1	7	3,2	6	2,8	15	6,9	10	4,6	0	0,0	218
1958	4	1,8	2	0,9	13	5,9	15	6,8	13	5,9	0	0,0	220
1959	2	1,2	4	2,4	23	13,6	10	5,9	8	4,7	0	0,0	169
1960	8	5,1	1	0,6	9	5,8	7	4,5	5	3,2	0	0,0	156
1961	3	1,7	10	5,8	25	14,5	32	18,6	8	4,7	0	0,0	172
1962	1	0,8	4	3,1	22	16,9	17	13,1	4	3,1	0	0,0	130
1963	4	3,3	4	3,3	16	13,0	10	8,1	9	7,3	0	0,0	123
1964	1	1,1	0	0,0	1	1,1	2	2,1	1	1,1	0	0,0	94
Всего	107	3,7	111	3,9	201	7,0	209	7,3	132	4,6	145	5,1	2860

* Количество плакатов, содержащих данную политическую категорию.

** Долевой показатель от общего числа политических плакатов, вышедших за данный год.

Во-вторых, мнения простых граждан СССР, представленные в источниках личного происхождения, включая письма в верховную власть. Большинство из них относятся к началу 1960-х гг., что позволяет рассматривать подобный материал как некое подведение социально-политических итогов послевоенного развития страны и выражение доверия (или недоверия) к тем или иным лозунгам. Конечно, эти письма не могут раскрыть всей палитры мнений двухсотмиллионного Союза. Их авторы представляются людьми, наиболее активно рефлексировавшими по поводу политической обстановки в стране. При этом, даже критикуя шаги высшего руководства, очевидно, они верили партии и правительству и надеялись, что своим письмом смогут как-то повлиять на ситуацию.

Категорией, призванной укреплять в равной мере политическое и историческое сознание граждан СССР, была *революция*. Из таблицы видно, что особое распространение она предсказуемо получала в юбилейные 1947 и 1957 гг. Вследствие фактора праздничности заметная часть связанной с ней наглядной агитации носила скорее декоративный, чем призывный характер.

Рис. 1. Худ. В. Иванов (1957)

Акцент на поколенческую связь прослеживается и на примере работ В. Иванова. Упоминание об одной из них осталось в очерках художника: «К сорокалетию Советской власти мною был задуман сложный по замыслу плакат. В нем надо было отразить главные этапы развития нашего общества... Соответственно текст плаката звучал так: “В борьбе за Советскую власть, за социализм, за нашу Советскую Родину, за коммунизм народ и партия – едины!”» [8. С. 41]. Каждый из этих этапов представлял герой, символизировавший боевой или трудовой подвиг своего времени. Его неизменное единство с партией выражала монументальная фигура В.И. Ленина. К несколько иным образам прибегнул тот же В. Иванов в плакате «Нашим отцам – героям Октября – слава!» (1963). Память о революции здесь олицетворяли монокромно выполненные в алом цвете матрос, красно-

Но, вместе с тем, именно по плакатам на революционную тему хорошо реконструируется идеальный портрет советского человека. В этой связи показательна серия из трех работ А. Кокорекина к 30-й годовщине Октября¹, получившая высокое признание как со стороны жюри специального конкурса, так и от коллег и критиков [5. 25 июля; 6. С. 84; 7. С. 191–192]. Среди лозунгов-здравий в торжественно-портретной и в то же время без прикрас реалистичной манере изображены представители наиболее уважаемых социальных слоев – рабочий, колхозница, военнослужащий. За современными героями еще более монументальные образы их предшественников – революционного пролетария, крестьянина и красноармейца. «Чувствуется уверенность и спокойствие людей, завоевавших свою свободу, хозяев своей жизни, смело глядящих в будущее», – писала об этих плакатах искусствовед Г. Демосфенова [7. С. 192].

В предложенных А. Кокорекиным сюжетах проявился мотив преемственности поколений победителей. Само по себе мотивирующее слово *победа* (включая синонимы) стало частью 155 лозунгов советских героических плакатов 1946–1964 гг.

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1963)

гвардеец и солдат. За счет особенностей лозунга они стали частью исторического и даже несколько аполитичного семейного контекста. В сюжете есть и их «потомок», но, в отличие от своего современника из агитки, созданной художником к 40-летию Октября, он не являлся *человеком-деятелем*. Иначе говоря, в 1957 г. это был сталевар, своим трудом двигавший страну к коммунизму, но в 1963 г. – обычный юноша, хотя и искренне гордившийся славным прошлым, но не имевший собственного ярко выраженного социально-политического лица (рис. 1, 2).

Само по себе приближение очередной годовщины великой даты становилось поводом для мобилизации на ударный труд. Агитация такого типа охватывала и тем самым объединяла людей различных регионов, специализаций, укладов и национальных культур. Так, омичей призывали к 29-й годовщине Октября с

честью и досрочно выполнить обязательства области по хлебозаготовкам, данные в письме товарищу Сталину², а, например, узбекских колхозников – встретить 35-ю годовщину выполнением годового плана по сбору хлопка³.

Для плакатов с международным подтекстом революция – не только некая отправная точка советской и мировой истории, но и продолжающийся процесс, особенно актуальный в условиях деколонизации. «Под влиянием идей Октября более 1 300 000 000 человек в Азии и Африке сбросили цепи колониализма»

(1957), – торжественно прозвучало в одной из агиток, где видим флаги Китая, Индии, Египта и других стран, ставших на путь национального возрождения. Или, например, плакат В. Каленского, выпущенный в 1960 г., текстовая часть которого состояла из огромной цифры «1917» и рожденного Октябрьской революцией лозунга «Мир народам!». Образно-символическая основа этого сюжета основывалась на изображении современной демонстрации в поддержку мира, объединившей людей разных национальностей и рас (рис. 3).

Рис. 3. Худ. В. Каленский (1960)

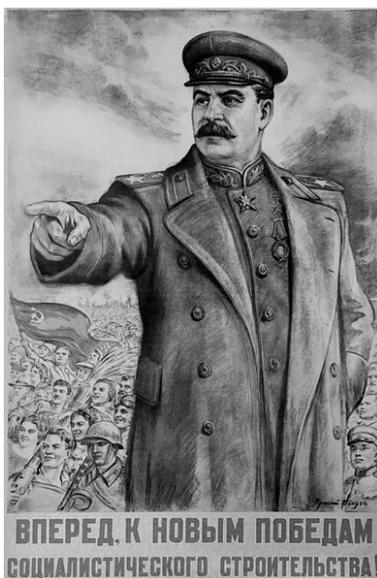

Рис. 4. Худ. И. Тоидзе (1946)

Рис. 5. Худ. И. Тоидзе (1949)

Если же революция «тяготела» к образу прошлого, то перспектива будущего заключалась в **коммунизме** и семантически связанных с ним понятиях. Согласно таблице, с 1948 по 1952 г. количество плакатов на эту тему неуклонно возрастает, хотя с точки зрения долевого показателя уместнее говорить о волнообразном росте. Как произошел качественный скачок в характере политических лозунгов, хорошо заметно на примере работ одного из ведущих советских плакатистов И. Тоидзе. В его агитке за 1946 г. текстовая часть звучала так: «Вперед, к новым победам социалистического строительства!»; в другой, за 1949 г.: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к победе коммунизма!» При этом в оба плаката художник поместил одних и тех же героев – И.В. Сталина в мундире генералиссимуса (во втором случае есть еще и В.И. Ленин), ряды советских людей, различавшихся в социальном плане, но сплоченных. По форме похожи и сами лозунги, однако по содержанию они уже из идеологически разных эпох (рис. 4, 5). И все же первый всплеск пропаганды коммунизма был скорее расширением идейно-психологических горизонтов. Но как часть повседневной практики он стал позиционироваться со второй половины 1950-х гг., когда в визуальной пропаганде появились первые призывы жить, работать и учиться по-коммунистически⁴. Судя по характеру задействованных образов, это означало полную отдачу и эмоциональный подъем от трудовой деятельности, гармонию духа и тела, готовность развивать себя и других.

Продолжением этой идеологической тенденции можно считать «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый XXII съездом КПСС в 1961 г., постулаты которого также были визуализированы серией плакатов. В них использовались образы современников, характеризующих знакомую, но в то же время идеальную повседневность: счастливые семьи, трудолюбивые и чуткие друг к другу люди, сплоченные дружной народы и т.д. Исходя из количественных данных, относительную регулярность призывы приближать коммунистическое завтра приобрели в 1959–1963 гг. на фоне соответствующей риторики Н.С. Хрущева. В 1962 г. этой теме был посвящен примерно каждый шестой советский плакат. Видна и динамика ухода на второй план категории «**социализм**». По частоте присутствия в лозунгах она стабильно уступает «коммунизму» с 1955 г., становясь уже пройденной, достигнутой целью, тогда как задача плаката была забегать вперед – «тащить понятное время» [8. С. 10].

На примере визуальной пропаганды хорошо заметно, что после XXII съезда и выхода в свет проекта Программы КПСС политическая цель советского общества начала активнее глобализоваться и осмысляться как сумма неких общечеловеческих ценностей, базируясь на тезисе: «Коммунизм утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех». К наиболее типичным плакатам такого плана можно отнести работы М. Соловьева «Комму-

низм – это путь народов к свободе и счастью», Л. Голованова «Советский Союз борется в первых рядах за мир и ведет народы к светлому будущему!» (рис. 6), В. Иванова «Программа КПСС – светоч коммунизма и мира» (все – 1962). Каждая из ценностей имела в советской наглядной агитации и самостоятельное звучание, и собственные образно-символические рамки. Так, после войны главными императивами в отношении советского человека к внешней политике был *мир* и семантически связанные с ним понятия, нашедшие отражение в 297 плакатах за 1946–1964 г. Широкое раскрытие этой темы обусловило разнообразие задействованного в ней изобразительного ряда, от чисто символических белых голубей до реалистичных интернациональных образов материнства и детства. Понятие *труд*, включая другие контекстуальные синонимы созидания – «работа», «стройка», «пятилетний план», «Первомай» и т.п., – прослеживается в 938 (!) плакатах рассматриваемого

Рис. 6. Худ. Л. Голованов (1962)

Другим аспектом влияния визуальной пропаганды на политическое сознание масс был образ власти и персонализировано образ вождей. С точки зрения количественной динамики за весь период 1946–1964 г. в плакатных лозунгах *И.В. Сталин* упоминался чаще *В.И. Ленина* – 145 против 132. При этом имя Сталина последний раз названо в агитке, выпущенной в 1954 г.⁵ По частоте изображений он уступил Ленину (135 и 169 соответственно). В последних плакатах, относящихся к 1955 г., вождь предстает уже как сугубо символическая фигура, вписанная в единый ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным⁶ (рис. 7). Впрочем, визуализация советского руководителя в стиле профиля с торжественного барельефа среди кумачовых знамен вполне допускалась и при его жизни⁷. Широк перечень качеств, которыми наделялся Сталин. Вот некоторые из них, обладавшие прямым политическим смыслом: великий вождь советского народа (в лозунгах употреблялся почти как устойчивое словосочетание), светоч и зодчий коммунизма, творец самой демократической конституции в мире и т.п. Иные качества несли более символический и даже семейный оттенок: знамя боевое и знамя дружбы народов СССР, счастье народное, великий друг детей, учитель и отец, родной Сталин.

периода. Активно изображалась промышленная или сельскохозяйственная производственная среда, а *рабочие* или *колхозники* встречались примерно в каждой четвертой-пятой агитке тех лет. Пропаганда созидания получила дополнительный импульс в 1959 г., что было самым прямым образом связано с введением планов семилетки – новшества хрущевской экономической политики. Тогда плакатистов призвали сформировать наглядную агитацию, берушую «на вооружение подъем и пафос, созвучный трудовым победам народа. Наше дело – дело энтузиастов, и здесь немислимы удовлетворенность, стороннее любование, созерцательность – все, от чего исходит пассивность и остановка» [9. 23 июля]. Категории *свобода* (встречается в 68 плакатах), *равенство* (17), *братство* (30) и *счастье* (87) получили несколько меньшее распространение. Наряду с социальным подтекстом они несли мотив межнациональной и межрасовой солидарности.

Рис. 7. Худ. В. Брискин, К. Иванов (1955)

По замыслу некоторых агиток он становился частью неформальной сферы. Так, к 30-летию БССР вышел плакат, изображавший застолье и цитировавший строки популярной в 1940-е гг. песни⁸: «Тост наш за Сталина! Тост наш за партию! Тост наш за знамя побед!» (на белорус. яз., 1948) (рис. 8). И, надо сказать, это не было идеологическим преувеличением. В частности, томский историк профессор Ю.В. Куперт⁹ вспоминает, что в студенческих компаниях того времени довольно часто можно было услышать «давайте выпьем за Родину» или «выпьем за Сталина», но справедливости ради стоит заметить, если первое все воспринимали воодушевленно, то ко второму порой относились скептически [10].

Вокруг И.В. Сталина концентрировалась и идея сохранения мира во всем мире¹⁰. Некоторые его высказывания, такие как «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира» из речи на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. и «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца» из интервью газете «Правда» от 17 февраля 1951 г., превращались в часть плакатных лозунгов¹¹. Повышение интереса визуальной пропаганды на международные темы к фигуре Ленина обозначилось с 1957 г., когда атмосфера 40-летнего юбилея Октября

сплелась с советской трактовкой антиколониальных и революционных процессов в третьих странах.

После ухода из визуальной пропаганды образа Сталина исчез не только понятный для абсолютного большинства, выверенный способ актуализации различных политических вопросов, но и некий функциональный механизм донесения идей. Разноплановый образ вождя как реального сверхгероя сочетал в себе и революционное прошлое (прославлялся как прямой соратник Ильича¹²), и социалистическое настоящее с перспективой светлого коммунистического будущего [11. С. 179–180]. Образ Ленина, в котором сочетались «мудрость и простота, волевая энергия вождя и мягкость человека» [6. С. 154], все же оставался символом из прошлого. Возникшая огромная ниша не была заполнена Н.С. Хрущевым. Став во главе страны, в известных автору плакатах он появился лишь *трижды*, хотя случаи цитирования его высказываний встречались *13* раз. Тем самым образ политического авторитета был всецело возложен на обобщенно-абстрактную категорию «партия», что доказуемо статистически: за период до XX съезда (1946–1955 гг.) она в разных формах фигурирует в *88* агитках, а за оставшееся время нахождения

Хрущева у власти (1956–1964 гг.) – уже в *121*. Визуальное ее воплощение трудно реконструировать однозначно, но, судя по целому ряду сюжетов, собирательный образ *коммуниста* – это мужчина средних лет (иногда уже слегка убеленный сединой), в строгом костюме, нередко с кумачовым знаменем-транспарантом в руках или томом классиков марксизма (рис. 9). С эволюцией подхода к трактовке политического авторитета косвенно связана и другая тенденция, на которую обратили внимание современные исследователи В. Михайлин и Г. Беляева. Отсутствие конкретных и «живых» героев во власти приводило к тому, что изначально преобладавшая в советской визуальной пропаганде здравица («Да здравствует...») стала вытесняться славословием («Слава...»). В первом случае формулировка ориентируется, прежде всего, на текущий момент, обращенный в будущее. Во втором акцент делается на эпическую составляющую сюжета, делая образы участников более монументальными, что по отношению к современникам было далеко не всегда уместным, а значит, снижало эффективность агитации [11. С. 192].

Рис. 8. Худ. С. Романов (1948)

Рис. 9. Худ. В. Иванов (1955)

Рис. 10. Худ. Г. Солонин (1960)

Глядя на количественные данные, можно заметить, что степень распространения политических категорий в советской визуальной пропаганде в долевом плане весьма далека от подавляющей. Безусловно, некоторые агитки с революционными или коммунистическими лозунгами и образами вождей выходили огромными тиражами и чисто технически значительно чаще достигали адресата. Так, один из последних плакатов с изображением Сталина «Вперед, к победе коммунизма!» (1955) насчитывал полмиллиона экземпляров. Как можно убедиться, иногда и сразу несколько политических категорий концентрировалось в рамках одного сюжета. Но многие другие пропагандируемые темы могли выглядеть довольно аполитично. Например, об *образовании* речь шла в *190* плакатах, что вполне сопоставимо с масштабом упоминания коммунизма. Хотя таким просветительским ло-

зунгам, как «Наша страна должна быть самой просвещенной и культурной страной мира» (1946) или «Воспитаем поколение достойных строителей коммунизма!» (1960) (рис. 10), не откажешь в глобальном звучании.

Некоторые современные исследователи отмечали, что большевизм изначально был идеологией позитивного *действия* и, несмотря на свою революционность, созидания [12, 13], а также глубокой *веры* в мессианский идеал будущего [1, 14]. Наряду с пробуждением политического сознания для советской визуальной пропаганды послевоенного периода также оставался значимым призыв к действию как таковому. Помимо понятий «победа» и «труд» подобную смысловую нагрузку несло слово «*борьба*», нашедшее отражение в *158* лозунгах. И хотя по частотным показателям его едва ли можно увязать с какой-либо кон-

кретной пропагандистской кампанией, само по себе оно стало своеобразным символом советской жизни. В частности, как вспоминал профессор М.С. Кузнецов¹³, когда в 1950-е гг. ученые характеризовали какой-либо поступательный процесс в СССР, «тогда слово такое было “в борьбе” – ведь, действительно, все время то троцкисты, то левые, то правые, то еще кто-нибудь...» [15]. По характеру требований к наглядной агитации хорошо заметно, что слабое деятельное начало становилось предметом нареканий. Например, плакатист В. Корецкий критиковал агитку своего коллеги П. Голубя «Наше будущее – коммунизм!» (1950) за то, что «трафаретные, невыразительные лица, отсутствие действенного сюжета обеднили большую и ответственную тему» [6. С. 112]. В 1962–1963 гг. на страницах газеты «Советская культура» вышла серия из четырех статей художников и критиков, где был представлен весьма серьезный разбор состояния плакатно-агитационного искусства, к недостаткам которого в основном относили вялость текстов, шаблонность изображений, а также ремесленную небрежность, порой выдаваемую за новаторство. Несмотря на осмысление проблемного поля, согласно подсчетам, в 1964 г. в плакатах произошел резкий спад распространения политических категорий, а впоследствии агитки с бессодержательными «заклинательными» лозунгами и довольно примитивным образным рядом становились нормой [16. С. 100–101]. Все это было тревожным признаком идейного истощения агитаторов: кризис действия в советской пропаганде подошел вплотную к вопросу о вере в ее призывы.

Безусловно, как и у всякой глобальной концепции, у советской идеологии были и свои последовательные сторонники, и свои заведомые противники. Впрочем, судя по партийным документам регионального уровня, если в начале 1950-х гг. на волне первого усиления коммунистических лозунгов, например, комсомолец высказывал «неверие в построение коммунизма в нашей стране», то это расценивалось не как результат враждебных происков, а именно как признак поверхностной идеологической работы [17. Л. 244]. Но после хрущевской риторики большое сомнение появилось и у тех, кому не откажешь в политической грамотности. Так, М.С. Кузнецов, бывший в то время на преподавательской и партийной работе, вспоминал, что когда на XXII съезде «Хрущев ляпнул: “К 1980 году коммунизм построим в нашей стране”», – и на различных собраниях было трудно это прокомментировать, он в полушутливой форме говорил слушателям, что если даже явно цель не может быть достигнута, «борьба за ее осуществление удесятерит силы» [15]. Чувство идеологического противоречия шло от хрущевской трактовки сути и сроков прихода коммунизма. «Он понимал коммунизм так, что у каждого человека будет сколько хочешь колбасы; у него поговорка была: “лучше нет на свете птицы, чем свиная колбаса”¹⁴. Вот это меня потрясло, и я понял, что это глупость, с чего все и началось», – делится своими ощущениями еще один современник тех событий, историк, доцент ТГУ Б.С. Жигалов¹⁵ [18]. Такой материально-гастрономический подход к коммунизму, особенно в усло-

виях продовольственного кризиса 1963–1964 гг., обращался в чисто тактическую ошибку руководства, не говоря уже об идейной стороне дела.

Подробный разбор политических итогов рассматриваемого периода содержали письма советских граждан, присланные в Совмин СССР сразу после отставки Н.С. Хрущева. Всего в нашем распоряжении 119 подобных откликов. 95 из них имели замечания и пожелания по экономическим вопросам, 10 – отсылки к межэтническим отношениям; 52 касались внешнеполитического курса, 72 – характера власти, 31 – идеологической сферы. В ряде писем все это рассматривалось в комплексе; кроме того, не считая трех примеров поддержки Хрущева, их объединяет негативное отношение к стилю его руководства, нашедшее отражение в острокритических, саркастических и даже порой бранных характеристиках, которые ставили под большой вопрос многие лозунги, порожденные хрущевским десятилетием. Яркий пример тому мнение офицера-фронтовика, коммуниста, кавалера восьми правительственных наград, а на тот момент 42-летнего скромного учителя математики, Ю.В. Ждярского, письмо которого получило резолюцию: «Лично ознакомить т. Косыгина и, возможно, членов Президиума Совмина». Он предлагал судить Хрущева показательным судом за многочисленные политические и экономические провалы, мотивируя это так: «Разве не позор, что на 48-м году после победы Великого Октября мы вынуждены крохи продуктов получать по карточкам... понимаю, что мы во имя светлых идеалов должны испытывать определенные лишения, но, в конце концов, эти лишения должны быть в пределах нормы, в пределах объективности». Далее следовал призыв уже к новым руководителям «по-ленински объяснить народу, что отстранение Хрущева – это не его желание, не его старческая болезнь, а вполне законная необходимость»¹⁶ [19. Л. 61–63]. Не углубляясь в экономическое и внешнеполитическое сознание советского человека, которое нашло отражение во многих письмах и достойно отдельного рассмотрения, отметим, что вышеприведенные строки Ю.В. Ждярского вписываются и в политико-идеологические суждения других граждан.

Оставался незыблем образ Ильича: «как учил Ленин», «ленинские принципы», «по-ленински», «быть ленинцем», – все это было символическим критерием к оценке действий руководства, несоответствие которому, как и спекуляция на ленинизме, считалось тяжким ударом по авторитету. В довольно резком письме А. Балахонова из Новосибирска читаем следующее: «...как Вы будете выполнять программу КПСС – эту сказку. Сказка потому, что вы разорили Русь Святую. Был бы Ленин и посмотрел на вас... он сказал бы “преступление”» [Там же. Л. 33 об.]. Так, даже предствление о Святой Руси и гипотетический ленинский взгляд на ее нынешнее состояние встали на одну ценностную плоскость. Сама по себе принадлежность к революционному времени рисовала определенный идеал поведения, который не следовало забывать как власти, так и обществу: «Я и мои боевые друзья, однопольчане, гордимся тем, что принадлежали к славной когорте русских людей двадцатых годов, прини-

мавших участие в свершении социалистической революции в России и в течение нескольких десятилетий защищавших государственные интересы Советского Союза с оружием в руках... Нам было очень трудно во всех отношениях, но мы никогда не выражали недовольства и не думали о личном благополучии», – писал об особенностях людей своего поколения беспартийный отставной полковник Горбещкий [20. Л. 110–115].

Критикуя руководство, в целом авторы писем не отвергали коммунистические идеи. Напротив, развитие событий возвратило «веру в партию и ее марксистско-ленинское учение. При хвастуне Хрущеве народы потеряли веру» [Там же. Л. 20]. Оставшаяся безымянная киевлянка отмечала, что «собственно в идеи верят много, но отвратительно, что столько лжи вокруг!» Она была противницей громких публичных разоблачений Н.С. Хрущева: «Так много молодым умам, молодому поколению повредило разоблачение Сталина, что ошибки этой не надо повторить» [Там же. Л. 28]. Такое чисто идеологическое соображение перекликалось с требованиями некоторых граждан пересмотреть официальную позицию по фигуре И.В. Сталина. Довольно взвешенно на этот счет высказался некий И.В. Васильев: «Если культ личности И.В. Сталина принес большой вред делу коммунистического строительства, то ликвидация последствий культа личности хрущевскими методами, на наш взгляд, принесла еще больший вред морально-политическому единству партии и народа, монолитности общества, не говоря уже о единстве мирового коммунистического движения». И заключил в конце письма: «Умалить авторитет т. Сталина – это значит нанести вред делу коммунистического строительства и подрывать свой авторитет как руководителя советского общества» [19. Л. 24–27 об.]. Метафорой из наглядно-агитационной практики обозначил конфликт образов вождей ленинградец И. Зюрев, заявив, что Хрущев манипулировал культом личности, «чтобы снять со знамени марксизма-ленинизма гордый профиль И.В. Сталина и впоследствии поместить свой, тусклый и невыразительный» [Там же. Л. 58 об.]. Далее автор письма, хорошо помнивший призывы сталинского времени, заметил, что Хрущев просто присвоил своему правлению идею перехода от социализма к коммунизму, звучащую гораздо раньше. Добавим лишь, что негативное восприятие генсека формировалось и вне идеологического пространства, ассоциируясь не столько с тиражируемыми лозунгами, сколько с публичной его деятельностью, навязчивые, «воспеваемые подхалимами» подробности которой раздражали советских граждан.

В целом письма показывают, что адресанты хотя и могли чего-то не знать достоверно, но за долгие годы политического просвещения в СССР и многолетний опыт пропаганды хорошо научились вникать в суть идеологических процессов. Исходя из имеющихся подписей, можно заключить, что в основном они были людьми зрелыми. Молодежь, возможно, уже недостаточно доверяла верховной власти, чтобы выходить с ней на прямой диалог, или просто не имела необходимых для этого идей. То, что в результате хрущевского десятилетия именно молодые люди утратили «четкую линию развития», веру в партию и дисциплину, вызывало конкретные опасения некоторых граждан [19. Л. 39, 90, 105; 20. Л. 112, 120]. Их собственное доверие политическим лозунгам находилось в зависимости от отношения к руководству, причем как к прежнему, так и к нынешнему. С точки зрения массового тиражирования, проанализированного на примере агитационного плаката, это означает, что в течение всего периода 1946–1964 гг. принципиальных возражений не вызывали только образы В.И. Ленина и Великого Октября. Но и они, будучи частью прошлого, не могли в достаточной мере обеспечить пропаганду деятельным поступательным настроем, оставаясь лишь неким моральным идеалом. А побудительные лозунги и образы текущего момента, включая впервые распространяемую еще при И.В. Сталине идею движения к коммунизму, к началу 1960-х гг. понесли значительный ущерб от неблагоприятного политического портрета Н.С. Хрущева (он формировался в основном вне плакатов). Но на последовавшие изменения общественных настроений пропагандисты начали отвечать, по сути, идеологической перестраховкой, пустив в тираж самые общие абстрактно-нейтральные и мало волнующие призывы.

Предпринятый анализ показал, что рассматриваемый период во многом стал переломным для советской идеологии. На его исходе обозначились кризисные проявления, которые могут быть расценены как моральные предпосылки распада СССР. Главным историческим уроком здесь представляется то, что судьба даже самых глобальных и в целом поддерживаемых народом идей и проектов в существенной мере зависит от образа вождя, т.е. лично-ориентированного феномена лидерства. Идеология реализуется в конкретных деятелях, их непустых словах и политических поступках. При этом абстрагирование лозунгов и образов, перевод пропаганды в безотносительное, вроде бы всеми поверхностно одобряемое содержание ведут к консервации идеологического кризиса и не способствуют подлинному сплочению нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плакаты А. Кокорекина представляли собой единый замысел, реализованный в трех вариантах главного героя и сопутствовавшего лозунга («1917–1947 Да здравствует наш победоносный рабочий класс!»; «1917–1947 Да здравствует наша победоносная Советская Армия»; «1917–1947 Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство»).

² См.: И. Шульпин «Омичи! С честью выполним свои обязательства, данные в письме великому вождю народов товарищу Сталину. Уберем без потерь урожай первого года новой Сталинской пятилетки. К великому празднику 29-й годовщины Октября досрочно выполним план хлебозаготовок по вашей области» (1946).

³ См.: А. Венедиктов «Встретим 35 годовщину Октября выполнением плана хлопкозаготовок!» (1952).

⁴ См. напр.: В. Сурьянинов «Работать, учиться и жить по-коммунистически!» (1956); В. Иванов «Работай по-коммунистически!» (1958).

⁵ См.: В. Иванов «Под знаменем Ленина-Сталина, под руководством коммунистической партии – вперед, к торжеству коммунизма!» (1954).

⁶ См.: В. Брискин, К. Иванов «Вперед, к победе коммунизма!» (1955); В. Кайдалов «Партия – наш рулевой!» (1955); Н. Божко «На фабрике, в школе, в колхозе, в забое будем продолжать славу героев!» (на укр. яз., 1955).

⁷ См. напр.: И. Ганф «Вперед к коммунизму!» (1950).

⁸ Песня «Наш гост» («Гвардейская застольная») на музыку И. Любана и слова М. Косенко и А. Тарковского.

⁹ Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского Государственного университета. В 1948–1953 гг. – студент историко-филологического факультета ТГУ. Член КПСС с 1952 г.

¹⁰ В. Иванов «Сталин – великий знаменосец мира» (1950).

¹¹ См. напр. Б. Березовский, И. Шагин «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира (И. Сталин)» (1949); Б. Белопольский «Мир народам!» (1952).

¹² См. напр. Н. Карповский «Слава великим вождям Октября!» (1952).

¹³ Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В 1950-е гг. – преподаватель истории КПСС в ряде учебных заведений г. Томска. Член ВКП(б) с 1947 г.

¹⁴ Поговорка «Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса!» даже дополняла текстовую часть плаката А. Мосина «Развивайте свиноводство!» (1955).

¹⁵ Борис Степанович Жигалов (род. 1932) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1961 г. – аспирант историко-филологического факультета ТГУ. До 1971 г. – беспартийный.

¹⁶ Действительные причины отставки Н.С. Хрущева официально не были озвучены. Советские люди сами догадывались о реальной подоплеке этого политического шага или узнавали об этом из внешних источников. Это обстоятельство дало повод для критики властей за недоверие к народу: «Народ узнает о том, что происходит в его стране, из зарубежных передач», – негодовали авторы писем [20. Л. 96 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Картунов С.В. Национальная идентичность. Постижение смысла. М., 2009. 589 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008. 1200 с.
3. Левада Ю.А. Поколения XX века. Возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 39–60.
4. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. 304 с.
5. Советское искусство. 1947.
6. Корецкий В.Б. Заметки плакатиста. М., 1958. 168 с.
7. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М., 1962. 444 с.
8. Иванов В.С. Как создается плакат. М., 1963. 62 с.
9. Советская культура. 1959.
10. Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора.
11. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. Энтузиаст, сын героя: эволюция устойчивых конвенций в «оттепельном» плакате // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 176–194.
12. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. 256 с.
13. Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М., 2016. 224 с.
14. Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010. 320 с.
15. Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // Личный архив автора.
16. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89–109.
17. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924 (II).
18. Интервью с Борисом Степановичем Жигаловым. Томск. Ноябрь 2014 г. // Личный архив автора.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1614.
20. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1631.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 декабря 2017 г.

“BY LENIN’S WAY TO HAPPINESS AND GLORY”: VISUAL PROPAGANDA OF THE 1940S–1960S AND THE POLITICAL IDEAL OF THE SOVIET PERSON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 132–140.

DOI: 10.17223/15617793/431/18

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: USSR; visual propaganda; letters to power; communism; revolution; Lenin; Stalin; political ideal.

The aim of the article is the reconstruction of this ideal and the determination of its influence on the changes of the public mood in the USSR. In the article, the case of some aspects of the Soviet mass propaganda of the late 1940s – early 1960s, when after the victory in the Great Patriotic War communism was claimed as the global aim of the development of the Soviet society, is observed. On this background, the Soviet person’s values, achievements, expectations and authorities were particularly comprehended, compiling a single political ideal. Two interconnected dimensions were observed: the official point of view, which was most intelligibly and vividly replicated by means of visual propaganda; and the opinions of the common Soviet citizens, who could express trust or distrust to some of the political slogans in their judgments. The basis of the researched sources consists of 2,860 propaganda posters of 1946–1964, poster-makers’ notes, reviews about the development of visual propaganda in the USSR, as well as various sources of personal origin: letters to the supreme power from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the author’s interviews with the representatives of the older generation. The main methods of research were content- and intent-analysis, aimed at revealing the dynamics and specificity of depicting the notional political categories of Revolution, Socialism, Communism, Party, images of the Leaders in Soviet posters. In the analysis of the sources of personal origin, standard methodological activities of interpretation, typology, generalization were used. The analysis allows making the following conclusions. During the overall period, among the mentioned political categories of visual propaganda, only the image of V.I. Lenin and the Great October did not cause the Soviet citizens’ principal objections. But, as part of the past, it could not sufficiently provide the propaganda with an active, progressive mindset, remaining just a moral ethos. The actual political ideals, reflected in the slogans and images of the time, including the idea of moving forward to communism first distributed during I.V. Stalin’s rule, by the beginning of the 1960s, had been discredited by N.S. Khrushchev’s unfavorable political portrait. Propagandists reacted to the following changes of the public mood by ideological reassurance: the most general abstract-neutral and little-motivating calls were replicated. Thereby, crisis phenomena, which may be regarded as moral premises of the disintegration of the USSR, appeared in the Soviet ideology.

REFERENCES

1. Kortunov, S.V. (2009) *Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla* [National identity. Comprehension of meaning]. Moscow: Aspekt Press.
2. Kara-Murza, S.G. (2008) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
3. Levada, Yu.A. (2005) Pokoleniya XX veka. Vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the twentieth century. Possibilities of research]. In: Levada, Yu.A. & Shanin, T. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and children: generation analysis of modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Danilov, A.A. & Pyzhikov, A.V. (2001) *Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody* [The birth of a superpower: the USSR in the first post-war years]. Moscow: ROSSPEN.
5. *Sovetskoe iskusstvo*. (1947).
6. Koretskiy, V.B. (1958) *Zametki plakatista* [Notes of a poster artist]. Moscow: Izd-vo Sovetskiy khudozhnik.
7. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.
8. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How to create a poster]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR.
9. *Sovetskaya kul'tura*. (1959).
10. Personal archive of the author. *Interv'yu s Yuriem Vasil'evichem Kupertom. Tomsk. Fevral' 2014 g.* [Interview with Yury Vasilievich Kupert. Tomsk. February 2014].
11. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2012) Enthusiast, the son of a Hero: evolution of ideological and visual conventions in late Soviet political poster. *Neprikosnovennyy zapas*. 3. pp. 176–194. (In Russian).
12. Žizek, S. (2003) *13 opytov o Lenine* [13 experiments on Lenin]. Moscow: Ad Marginem.
13. Vakhitov, R.R. (2016) *Revolutsiya, kotoraya spasla Rossiyu* [A revolution that saved Russia]. Moscow: TD Algoritm.
14. Kara-Murza, S.G. & Osipov, G.V. (2010) *SSSR – tsivilizatsiya budushchego. Innovatsii Stalina* [The USSR: the civilization of the future. Innovations of Stalin]. Moscow: Izdatel'stvo "Yauza".
15. Personal archive of the author. *Interv'yu s Mikhailom Sergeevichem Kuznetsovym. Tomsk. Sentyabr' 2013 g.* [Interview with Mikhail Sergeevich Kuznetsov. Tomsk. September 2013].
16. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2013) "Nash" chelovek na plakate: konstruirovaniye obraza ["Our" person on the poster: the design of the image]. *Neprikosnovennyy zapas*. 1. pp. 89–109.
17. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1924 (II). (In Russian).
18. Personal archive of the author. *Interv'yu s Borisom Stepanovichem Zhigalovym. Tomsk. Noyabr' 2014 g.* [Interview with Boris Stepanovich Zhigalov. Tomsk. November 2014].
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1614. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1631. (In Russian).

Received: 07 December 2017

И.В. Федюнин

ЭПОХА МЕЗОЛИТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА И ВОЛГИ: ГЕОГРАФИЯ, ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20048).

Работа посвящена систематизации имеющихся древностей эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги. Рассматриваются источниковая база, хронология, периодизация, география культур мезолита региона. В результате фиксируются факты существенного расширения ареала зимовниковской культуры раннего мезолита, а также, в более поздние периоды, – кросс-зональных миграций населения других культур лесной, лесостепной и степной зон. Отмечено, что помимо охоты характер миграций определялся возможностями собирательства и рыбной ловли, проследить которые, основываясь на современных данных археологии, очень сложно.

Ключевые слова: археология; мезолит; памятники; междуречье Дона и Волги; культуры.

Введение

Эпоха мезолита в междуречье Дона и Волги до настоящего времени представляет собой «terra incognita» в археологии Восточной Европы. Такая ситуация, порожденная прежде всего слабой исследованностью территории, приводит к тому, что каждый новый памятник, исследованный более или менее широкой площадью, способен существенно повлиять на имеющиеся в науке концепции. В то же время сопредельные территории от Днепра до Урала включают в себя ареалы археологических культур, изучающихся вне контекста данных мезолита доно-волжского междуречья.

Рассматриваемая территория включает в себя несколько микрорегионов памятников. Их специфика определяется как природно-географическими факторами (приуроченность к речному бассейну, растительной зоне – лесной, лесостепной или степной), так и степенью изученности. Помимо участков правобережья Волги и левобережья Дона выделяются регионы оксодонского водораздела (бассейн р. Цны), сурско-мокшанского междуречья, Похоперья, а также северо-западного Прикаспия и сало-маньчских степей.

Источники и историография

Источниковая база эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги на сегодняшний день включает в себя 76 пунктов (рис. 1). Большое количество материалов было ранее опубликовано автором и другими исследователями [1–4]. В ряде случаев изучение коллекций позволило пересмотреть их авторские интерпретации. В ходе работы использовались материалы археологических фондов и музеев Воронежа (фонды Воронежского педуниверситета, Воронежского госуниверситета, Воронежского областного краеведческого музея), Борисоглебска (фонды Борисоглебского историко-художественного музея), Липецка (фонды археологического кабинета ЛГПУ), Самары (фонды археологической лаборатории СамГПУ), Пензы (фонды Пензенского государственного краеведческого музея), Моршанска (фонды Моршанского историко-художественного музея), Балашова (фонды Балашовского краеведческого музея).

История исследований мезолита в междуречье Дона и Волги характеризуется в целом небольшим объемом полевых работ.

Впервые материалы мезолита из Моршанского музея были опубликованы Т.Б. Поповой [5]. Каменный инвентарь стоянки Воскресенский Бугор, включающий в себя находки черешковых и иволистных наконечников стрел, нуклеусы от микропластин, остря, длинные соколы, был сопоставлен Т.Б. Поповой с коллекцией Елина Бора [Там же. С. 211]. Другие памятники каменного века – Дедов Бугор, Мокрый Залив, Цигуров Хутор – были отнесены ею к неолиту. Знакомство с этими коллекциями показало, что подавляющее большинство керамики в них относится к эпохе бронзы лесной полосы. Сюда же могут быть отнесены и находки двустороннеобработанных наконечников стрел и дротиков [6]. Автором настоящей работы в 2012 г. была предпринята попытка систематизации всех собранных П.П. Ивановым материалов [Там же].

В 1980–1990-е гг. на территории музея-заповедника «Куликово поле» и прилегающих территориях проводились масштабные полевые изыскания, завершившиеся выявлением новых памятников каменного века, в том числе мезолита. На территории Тульской области, в Донском Левобережье, такие разведки и раскопки проводились Б.А. Фоломеевым, М.И. Гоняным, Ю.Г. Екимовым и О.Н. Заидовым [7–11]. Широкой площадью было раскопано поселение Монастырщина 2б в приустьевой части р. Непрядвы [12]. Многослойный памятник в основании культурных отложений содержал расщепленный кремль, который с равной вероятностью мог относиться как к эпохе мезолита, так и к неолиту.

С 1987 г. изучение финального палеолита и мезолита в лесостепном Подонье проводится А.Н. Бессудновым. Исследователем открыты и изучены новые памятники, многие из них опубликованы [13–22]. В 1997 г. А.Н. Бессудновым была защищена кандидатская диссертация «Мезолитические памятники Лесостепного Подонья», явившаяся первой обобщающей работой по мезолиту региона [19]. В результате исследования стоянок Подонья и Поосколья А.Н. Бессудновым была составлена схема хронологии и периодизации мезолитических памятников [19].

Рис. 1. Карта памятников эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги: 1 – Карельская стоянка; 2 – Серповое (Воскресенский Бугор); 3 – Аклужинские Борки; 4 – Дедов Бугор; 5 – Красное Поле; 6 – Крюковско-кужновский могильник; 7 – Ракша; 8 – Мокрый залив; 9 – Цигуров Хутор; 10 – Тавровка; 11 – Малое Нелядино; 12 – Свободный Сокол; 13 – Дружба 2; 14 – Конь-Колодезь 3; 15 – Сырское городище; 16 – Студеновка 3; 17 – Плотина 3; 18 – Монастырщина 2Б; 19 – Журишки 4; 20 – Устье; 21 – Четвериково; 22 – Четвериково 2; 23 – Ильинка (Воронежская область); 24 – Затон 1; 25 – Ферма; 26 – Красноселовка; 27 – Рубеж; 28 – Клеповка 2; 29 – Клеповка 3; 30 – Погоново Озеро; 31 – Пургасово 3; 32 – Барашево 1; 33 – Широмасово; 34 – Зарека 1; 35 – Ховрино; 36 – Подлесное 1; 37 – Озеро Белое; 38 – Клюквенное 4; 39 – Пензенские стоянки; 40 – Сядемка; 41 – Плаутино 2; 42 – Ильмень-Голова; 43 – Каменка 1; 44 – Каменка 2; 45 – Устье Савалы; 46 – Дубки 2; 47 – Дубки 3; 48 – Дубки 1; 49 – Самодуровка; 50 – Чуриловка; 51 – Пыховка 1; 52 – Рождественское; 53 – Русаново; 54 – Шапкино I; 55 – Ураков Бугор; 56 – Старо-Яблоневская; 57 – Яровское; 58 – Хут. Добровольский; 59 – Овцевод; 60 – Красный Маныч; 61 – Крепянка; 62 – Новый Маныч 1; 63 – Первомайское 1; 64 – Первомайское 2; 65 – Первомайское 3; 66 – Новый Егорлык 1; 67 – Новый Егорлык 2; 68 – Новый Егорлык 3; 69 – Новый Егорлык 4; 70 – Рассыпное 8; 71 – Широкие Нивы II; 72 – Му-Кюкн 2; 73 – Ар-Доланг; 74 – Яшкуль 5; 75 – Бергин 1; 76 – Харба

В период 2004–2011 гг. неолитическим отрядом экспедиции ВГПУ под руководством А.В. Суркова при участии автора проводилось исследование многослойной стоянки Ямное в долине Дона [23]. Основная часть материалов этого памятника относилась к неолиту и энеолиту. В ходе исследований стоянки была выявлена компактно расположенная группа кремневых изделий, залегавшая в основании гумусированной супеси, отнесенная авторами исследования к раннему мезолиту [23].

Начиная с середины 1970-х гг. в работу по выявлению и анализу мезолитических памятников Подонья включается экспедиция Воронежского государственного педагогического института под руководством А.Т. Синюка. Основные итоги изучения мезолита и неолита были сформулированы А.Т. Синюком

в кандидатской и докторской диссертациях, монографии «Население бассейна Дона в эпоху неолита» [24] и статьях [25–27].

Автором настоящей работы в 2006 г. в монографии «Мезолитические памятники Среднего Дона» были подвергнуты ревизии все имеющиеся памятники и концепции существования мезолитической эпохи на Дону [2]. В частности, было отмечено отсутствие оснований для отстаивания теории «генетической преемственности» между поздним мезолитом и ранним неолитом Лесостепного Подонья [24], как, впрочем, и для поисков генезиса среднедонского неолита в мезолите Северного Прикаспия или Средней Азии [2]. Каменный инвентарь памятников позднего мезолита Среднего Подонья и Северного Прикаспия объединяют только очень общие признаки: микропластинчатая

техника раскалывания и сходный процент преднамеренно сегментированных пластин. Так называемая «рогатая» трапеция из коллекции Монастырской 1 при повторном изучении коллекции автором оказалась сильно окатанным медиальным фрагментом пластины с механическим выколом-выемкой без ретуши.

Памятники Лесостепного Похоперья в рамках рассматриваемого региона получили оценку в работах А.А. Хрекова, В.В. Ставицкого, А.Т. Синюка, В.В. Килейникова, А.В. Суркова и автора [2, 3, 25–28].

А.А. Хрековым при раскопках неолитической стоянки Шапкино в Тамбовской области в нижележащих слоях был выявлен комплекс каменных орудий позднемезолитического облика, анализ которого позволил исследователю связать его происхождение с влиянием бутовской культуры [25].

В.В. Килейниковым и В.И. Погореловым выявлен целый ряд памятников различных периодов мезолита [29–31]. В.В. Килейников уделяет особое внимание технико-типологическим особенностям каменной индустрии стоянок Новохоперского района, разделяя памятники на различные по хозяйственной специфике типы [32].

В 2003 г. вышла в свет монография В.В. Ставицкого и А.А. Хрекова «Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья», в которой анализу мезолитических древностей уделено особое внимание [26]. Авторами отмечается близость позднемезолитических материалов Верхнего Прихоперья памятникам Волго-Окского мезолита в целом, проводятся аналогии с бутовской культурой. Автором настоящей работы в 2012 г. были введены в научный оборот материалы хоперской стоянки Плаутино 2, раскапывавшейся на протяжении 10 лет [3].

На Нижнем Дону, в его Левобережном районе, количество исследованных раскопками памятников финального палеолита и мезолита немногочисленно, не все пункты с каменным инвентарем имеют однозначную атрибуцию.

Заслуга начала целенаправленного изучения мезолита региона принадлежит геологу Г.И. Горецкому, опубликовавшему первую сводку местонахождений эпохи [33]. А.В. Цыбрием находки ряда пунктов Ростовской области относятся к неолиту, однако керамика ряда стоянок и местонахождений не выявлена, а формы каменных орудий, представленные в публикациях, могли существовать и в мезолите. Недавно выявленные А.В. Цыбрием комплексы относятся им к кругу древностей Нижневолжской историко-культурной области с некоторой долей кавказского компонента, однако в то же время подчеркивается высокая степень сходства с материалами мезолитической стоянки Гофицкое 1 в Ставрополье, обследованной А.П. Захариковым, и другими мезолитическими памятниками [34, 35].

Изучение мезолита северо-восточного Причерноморья связано с работами И.В. Сеницына и П.С. Рыкова в 1920-е годы. В послевоенные годы район начал обследоваться Северокавказской экспедицией Е.И. Крупнова, здесь были открыты и изучены новые памятники, однако традиция соотнесения микролитических коллекций с эпохой палеометалла, отмеченная

П.М. Кольцовым [36], сохранилась и в эти годы, вплоть до конца 1950-х гг., когда кардинальная ревизия имеющихся коллекций и их интерпретаций была проведена А.А. Формозовым [37]. Помимо работ Северокавказской экспедиции, изучением микролитических коллекций в степях междуречья Нижнего Дона и Волги в 1950–1960-е гг. занимались Л.В. Грехова, И.В. Сеницын, Н.Д. Праслов, А.В. и В.В. Цыбрий и др. [34, 35, 38–40].

С конца 1960-х гг. в регионе работает экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.Н. Мелентьева. Итогом этой работы стало изучение новых памятников, а также выделение мезолитической сероглазовской культуры. Происхождение культуры связывалось исследователем с территориями Ближнего Востока, ее специфику определяли ансамбли разнообразных геометрических микролитов. Основные этапы развития культуры связывались А.Н. Мелентьевым с трансгрессиями и регрессиями Каспийского моря [41. С. 105].

Со второй половины 1970-х гг. изучением мезолита и неолита Северо-Западного Прикаспия начинает заниматься экспедиция Калмыцкого государственного университетом под руководством П.М. Кольцова. За 40-летний период работы были найдены и изучены многие мезолитические памятники, среди которых наиболее информативной оказалась стоянка Харба. Полученные материалы легли в основу выделения исследователем североприкаспийской культурно-исторической области, куда он включил мезолитические и неолитические материалы Северо-Западного Прикаспия (Му-Кюкн 2, Харба, Джангар, Заханата, Ар-Доланг, Ту-Бузгу-Худук 1 и 2), Нижнего Повольжья (Орловка), степного Заволжья (Варфоломеевка) и левобережья Волги (Тентексор и др.) [36, 42, 43]. В 2014 г. автором исследовалось мезолитическое местонахождение Широкие Нивы II [4]. Несмотря на вскрытую площадь (свыше 9 000 м²), памятник дал небольшую коллекцию артефактов, в которой, тем не менее, присутствовали диагностические типы находок.

Культурно-хронологическая периодизация мезолита

Каталог древностей эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги [4] может служить основанием для разработки схемы хронологии, периодизации, синхронизации памятников и археологических культур указанной территории. В целом анализ данных приводит к выводу о том, что в настоящее время применительно к территории доно-волжского междуречья скорее можно говорить не о периодизации эпохи, а о периодизации культур мезолита. Условные понятия «ранний» и «поздний» мезолит необходимы для хронологической градации материалов с учетом их локальных особенностей.

Ранний мезолит. К раннему мезолиту относятся памятники зимовниковской культуры в междуречье Дона и Волги и ряд коллекций с неясным культурным статусом, датированных пребореальным временем.

Зимовниковская культура представлена гомогенным комплексом нижнего слоя стоянки Плаутино 2 и Ураков Бугор (?). Каменная индустрия базировалась

на использовании отщепов и пластин, полученных в «ударной» технике, во вторичной обработке преобладали крутая и отвесная ретушь, резцовый скол, орудия представлены резцами, сребками, скреблами, охотничье вооружение – высокими и средневысокими трапециями, прямоосными и трансверсальными острями (рис. 2, 3). Вопросы генезиса раннего мезолита в междуречье Дона и Волги остаются наиболее острыми. При наличии территориально близких крупных скоплений позднелпалеолитических памятников в правобережье

режье Дона (Костенковско-Борщевский район – в лесостепной, каменнобалковские стоянки – в степной зоне) бесспорно финальнопалеолитические пункты изучены слабо, имеющиеся коллекции (Дивногорье 2, 9) в силу ограниченности материалов несопоставимы. Наиболее представительна коллекция из нижнего слоя Плаутино 2 (см. рис. 2). Весь комплекс находок был отнесен к зимовниковской культуре как автором раскопок [4], так и украинскими исследователями [44. С. 66] на основе большого количества аналогий.

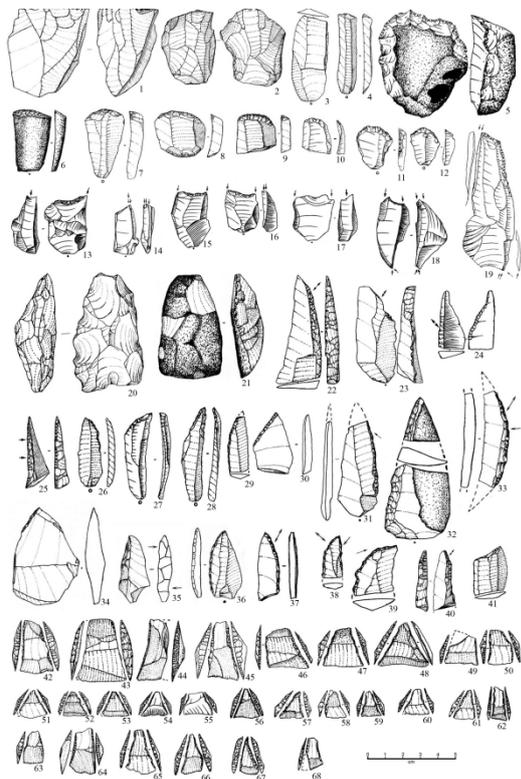

Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Плаутино 2 (нижний слой)

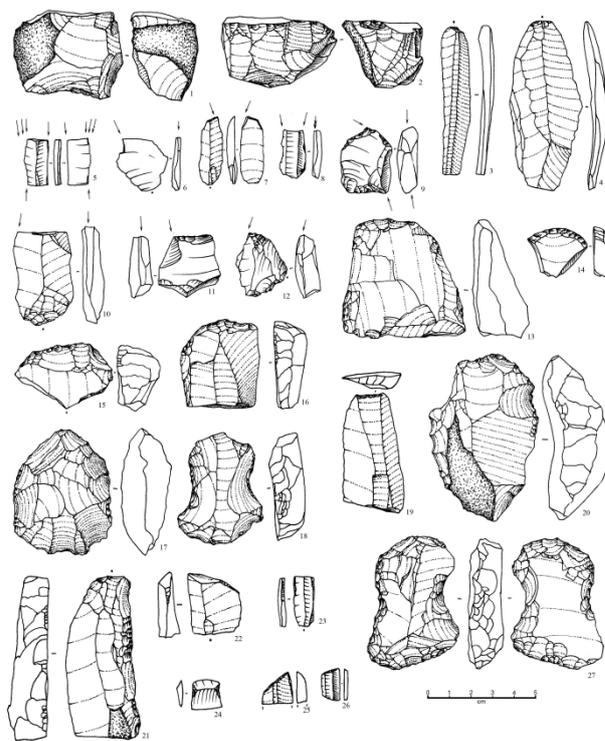

Рис. 3. Каменная индустрия стоянки Ураков Бугор (по: [45])

Рассматривая коллекцию стоянки Ураков Бугор, нельзя согласиться с утверждением А.А. Ластовского о том, что «в раннем мезолите (Нижнего Поволжья. – И.Ф.) культурные контакты по линии запад-восток отсутствуют» [45. С. 197], даже заменив положения «контактной» гипотезы, которая вряд ли может быть доказана существующей источниковой базой памятников мезолита Восточной Европы, на теорию смещения ареалов обитания древних коллективов, привязанных к сезонным миграциям стадных копытных млекопитающих [46]. Вполне возможно предположить, что территория доно-волжского междуречья в финале плейстоцена и начале голоцена включала в себя один или несколько упомянутых выше ареалов, иначе трудно было бы объяснить присутствие сходных культур в Подонцовье, Северо-Восточном Причерноморье и Нижнем Прикамье.

Опубликованные в разное время концепции исследователей по проблеме зимовниковской культуры иллюстрируют отсутствие единства в решении вопросов о ее генезисе, хронологии и периодизации, участии в сложении неолитических традиций [4. С. 159–162]. Культура была выделена А.Ф. Гореликом в результате исследова-

ния стоянок Зимовники 1, 2 и других в Подонцовье в 1980-х гг. [47]. Тогда ее генезис связывался с чохской индустрией на Кавказе [Там же. С. 132].

После открытия и исследования стоянки Сабовка В.А. Манько предложил свою схему периодизации. К первому этапу, связываемому с местными позднелпалеолитическими традициями, им отнесены материалы Сабовки I и Зимовники 1–3. Аналоги в финале плейстоцена находятся, по мнению автора, в рогаликско-передельской группе памятников. Древнейший этап развития культуры характеризуется сочетаниями крупных и мелких трапеций в комплексе, а общей чертой в технике вторичной обработки является крутой угол ретуши, формирующей орудие [48. С. 10–13]. Для второго этапа (Зимовники 1–3 (?), Сабовка II, Хорошее) характерно появление одноплощадочных нуклеусов со скошенными площадками, резцов-стругов, концевых и боковых скребков при сохранении ведущей роли средневысоких и высоких трапеций в категории геометрических микролитов [Там же. С. 13–16]. Параллельное воздействие «традиций южных культур... и населения Северного Подонечья» [Там же. С. 16] обусловило образование на третьем

этапе двух синхронных локальных вариантов зимовниковской культуры: платовоставского и петропавловского. Следует отметить, что удлинение периода бытования зимовниковской культуры от финального палеолита до неолита и выделение трех этапов ее развития не выдерживают критики. Позднее В.А. Манько отказался от некоторых высказанных ранее предположений [49] и позже появление платовоставского, неолитического варианта стал увязывать с возникновением донецкой мезо-неолитической культуры [50. С. 21]. Петропавловский вариант (стоянки Врубовка I, Петропавловка и верхний горизонт Сабовки I) имеет больше черт сходства с «донеолитическими» (по В.А. Манько) этапами культуры. Однако они представлены в основном в верхнем слое стоянки Сабовка I, комплекс которой, судя по публикации (встречаются острия с микрорезцовым сколом, трапеции со струганой спинкой, а также низкие), содержит инокультурную примесь.

И.Н. Гавриленко выделяет два этапа развития зимовниковской культуры: сабовский, рубежа плейстоцена и голоцена, и вязовокский, хронологически увязываемый с пребореалом и бореалом [51. С. 84]. В то же время он выделяет вязовокский, сабовский и сурско-островский варианты культуры [Там же]. Это нарушает логику пространственного и временного членения материалов. Непонятно, что является содержанием этапа, а что – варианта. «Ядро» культуры, судя по всему, составляет единство характерных признаков диахронных индустрий Сабовки и Вязовока-4а.

Не выглядит убедительной теория И.Н. Гавриленко, объясняющая генезис зимовниковской культуры контактами носителей местных эпиграветтских традиций и пришлого населения с постаренбургскими традициями [Там же. С. 90–91]. Во-первых, в представленных коллекциях с зимовниковских памятников на территории Украины (Сабовка, Вязовок-4а) следы «местного эпиграветта» отсутствуют. Во-вторых, непонятно, что и какая культура наследует, если в итоге это «наследство» не проявляется в комплексах. В-третьих, «контактная» гипотеза, как совершенно справедливо отмечает А.Н. Сорокин, скорее доказывает механическое смешение материалов, чем взаимодействие традиций носителей разных культур [52].

Л.Л. Зализняк считает, что зимовниковская культура сложилась на основе традиций, представленных на памятниках типа Борщево-2, под влиянием северо-европейской культуры лингби, а ее верхняя хронологическая граница не выходит за рамки бореала [44. С. 68–69]. По результатам раскопок стоянки Борщево-2 в 1990-х гг. Ю.Ю. Цыганов отмечал: «...археологический материал залегал с разбросом по вертикали 0,5 м без отчетливых стерильных прослоек. Расчленение на культурные горизонты не представлялось возможным. Находки залегали большей частью наклонно и на ребре. Налицо признаки переотложенности слоя...» [53. С. 29]. К этому можно добавить, что острия с памятника, послужившие объектом установления аналогий, характерны для средней поры позднего палеолита Костенковско-Борщевского района.

В.А. Манько в своей более поздней работе помещает зимовниковские материалы после осокоровско-

рогаликских, датируя их концом аллереда [54. С. 155]. Однако как археологических, так и естественнонаучных данных для этого недостаточно. Не хватает их и для утверждения о том, что верхняя хронологическая граница культуры доходит до начала атлантикума [Там же]. Точка зрения Л.Л. Зализняка, относящего эту границу к бореалу, предпочтительнее, так как она подтверждена естественнонаучными данными и взвешенным анализом материалов [44. С. 68–69]. Ряд местонахождений и стоянок Степного Подонья с многочисленными находками геометрических микролитов [55] все же не содержит представительных коллекций с высокими трапециями; трапеции других пропорций вполне могут относиться и к позднему мезолиту, и к неолиту.

В этой связи материалы нижнего слоя Плаутино 2, имеющие больше сходства с индустрией зимовниковской культуры, чем отдельные памятники, относимые к данной культуре, между собой, приобретают все большую актуальность. Судя по радиоуглеродной дате, полученной по кости, $9\,950 \pm 100$ л.н. (SPb-309) и соответствующим ей палинологическим данным [3], нижний слой стоянки Плаутино 2, расположенной в центральной части междуречья Дона и Волги, может быть одним из древнейших памятников зимовниковской культуры. Л.Л. Зализняк включил материал этой стоянки в ее сабовский вариант [44. С. 66]. Но, как уже отмечалось выше, общность содержания выделенных вариантов вызывает множество вопросов, так что с большей уверенностью пока можно говорить о сходстве только с эпонимным памятником. Материалы стоянки Сабовка фактически идентичны плаутинским, за исключением разницы в сырье, и датируются по данным изучения почв пребореальным–бореальным временем [56].

Изучение автором ряда коллекций памятников Среднего Поволжья, сурско-моксанского междуречья, Похоперья показало, что во всех этих регионах в коллекциях мезолита часто присутствуют средневысокие и высокие трапеции при том, что другие составляющие «зимовниковского» комплекса здесь также не редкость (Ураков Бугор, Пензенские стоянки, с. Тарвас-Молот) [1]. При этом характерные для территориально более близкой усть-камской культуры трапеции с боковыми выемками [57] здесь отсутствуют, что позволило исследователям говорить о «ножных влияниях» в мезолите на указанный район [58. С. 210].

Согласно имеющимся данным, сейчас можно сделать предположение о том, что формирование зимовниковской культуры вполне могло начаться в конце плейстоцена в ходе миграций населения усть-камской культуры на юг. Вся совокупность данных свидетельствует, что этот процесс не был линейным и одноментным. Картирование памятников позволяет предположить, что одно из направлений движения осуществлялось по Волге, вплоть до ее низовий на юг (Ураков Бугор), другое – через верховья рек Суры и Хопра, затем Дона – на юго-запад.

Определенную специфику усть-камской культуре придают ретушированные «выемки» на трапециях. Подобная техника встречается и в материалах более южных памятников междуречья Дона и Волги, но

здесь она имеет гораздо более скромные масштабы [3]. Имеющиеся датировки памятников мезолита до-но-волжского междуречья не противоречат приведенному выше предположению. Впрочем, оно требует получения новых стратифицированных комплексов, прежде всего в Волжском Правобережье.

М.Ш. Галимова вслед за А.Ф. Гореликом [47] отмечает, что формирование усть-камской культуры связано с наследием чохской культуры западной части Северного Кавказа [57. С. 4]. Такое предположение кажется не совсем обоснованным при наличии местных, возможно, и более древних, чем Чохское поселение, стоянок в устье Камы (Лобач, Камское устье (н.с.)), материалы которых могут позволить говорить об автохтонном развитии индустрии на протяжении финала плейстоцена и раннего голоцена. Индустрия чохского поселения характеризуется разнообразием ансамбля геометрических микролитов, большинство из которых не представлено ни в усть-камской, ни в зимовниковской культурах [59], орудийный набор и техника расщепления также демонстрируют существенные различия. В целом на современном уровне исследования можно констатировать освоение территории междуречья Днепра и Волги в раннем мезолите населением зимовниковской культуры.

Сложность культурогенетических вопросов мезолита степной зоны междуречья Дона и Волги обусловлена как небольшим количеством «достоверных» источников, так и слабой разработанностью проблемы диагностических признаков культур, характеризующихся изобилием геометрических микролитов. Любопытны разработки в области мезолита Северо-Восточного Прикаспия, где на основании сочетания находок отдельных типов (сегмент / параллелограмм) выделены же-калганская и истайская группы памятников [60, 61]. Однако это исследование проводилось на основе изучения сборов из разрушенных стоянок и может иметь только гипотетический характер, не говоря о том, что отмеченные комбинации вполне могут отражать факт сочетания разных типов геометрических микролитов даже в одном составном орудии. Характер обработки дуги сегмента, безусловно, важный признак, однако орудия с так называемой гелуанской ретушью характерны и для неолита Северного Прикаспия [60, 61], Степного Поволжья [62] и Подонья [55]. Вероятнее всего, в оценке степени и характера сходства культур следует уделять особое внимание технико-типологическому анализу всех категорий находок.

П.М. Кольцов относит к раннему мезолиту Северо-Восточного Прикаспия памятники первой половины бореального периода – стоянки Му-Кюкн 2, Яшкуль 5, Улан-Эрге и др. [36. С. 238–240]. Индустрии этого периода, по П.М. Кольцову, характеризуются микропластинчатой техникой расщепления, основанной на утилизации прямоплощадочных конических нуклеусов, а также преобладанием притупляющей ретуши во вторичной обработке орудий, среди которых диагностическое значение имеют транкированные пластины, концевые скребки, резцы на сломанных пластинах, геометрические микролиты, в том числе сегменты с «гелуанской» ретушью [Там же. С. 238–239]. Состав фауны – лошадь, олень, бык и др.

– характерен для начала бореала Северо-Западного Прикаспия. Достаточно обширные аналогии изученным коллекциям автор находит в памятниках Кавказа, Предкавказья, Крыма, Северного Прикаспия и Передней Азии [36. С. 239]. Генезис мезолита Северо-Западного Прикаспия П.М. Кольцов связывает со стоянками Кавказа: мезолитическим слоем пещер Квачара, Яштхва [Там же. С. 274]. Ряд приведенных выше признаков имеет коллекция стоянки Широкие Нивы II (Федюнин, 2014) на западной границе Северо-Западного Прикаспия, однако специфика памятника не позволяет дать ему однозначную датировку. А.М. Комаров предполагал существование всех выделенных в североприкаспийском регионе групп памятников в рамках единой «сероглазовской» индустриальной традиции [61. С. 17].

Поздний мезолит. Изучение позднего мезолита в междуречье Дона и Волги сопряжено с целым рядом проблем. Во-первых, здесь очень немного «чистых» комплексов без инокультурной или неолитической примеси. Бедность напластований при преобладании многослойных памятников затрудняет выделение типичного набора орудий и заготовок, характеризующего конкретную индустрию. Во-вторых, констатируя разницу между позднемезолитическими комплексами региона, приходится сравнивать их с уже известными науке культурами, выделенными на основе источниковедчески ненадежных материалов, т.е. ответ на вопрос, что и с чем сопоставлять, здесь будет иметь достаточно субъективный характер.

По результатам исследования стоянки Каменка 1 в Прихоперье автором была выделена каменская культура позднего мезолита на территории лесостепной зоны междуречья Дона и Волги. Источниковую основу данной культуры составляют стоянки Плаутино 2 (слой позднего мезолита), Четвериково, Затон 1, ряд небольших местонахождений, опубликованных ранее [3. С. 110–132; 4].

Позднемезолитическая индустрия стоянки Плаутино 2 представлена небольшой, но выразительной коллекцией артефактов, которые были стратиграфически и планиграфически обособлены от культурного слоя раннего мезолита [3. Рис. 3, III]. В ряду диагностических признаков выделяется техника раскалывания, основанная на параллельном призматическом расщеплении и утилизации торцовых нуклеусов, направленная на получение тонких правильных микропластин. Орудийный набор характеризуют резцы на сломе заготовки и двугранные, скребки, долотовидные и рубящие орудия, пластинки с притупленным ретушью краем, пластины со скошенным ретушью концом, обломки косых острий, транке, а также чешковидные наконечники стрел (рис. 4).

Большое число аналогий описанному выше комплексу обнаруживается на стоянке Четвериково [63]. Техника расщепления камня на стоянке не имела единственной строгой технологической последовательности, базировалась на характеристике исходного состояния сырья, диктовавшего приемы раскалывания, которые при всем их многообразии сводились к утилизации нуклеусов с параллельным или конвергентным расположением негативов сколов. В коллекции обнаружено боль-

шое количество торцовых нуклеусов от микропластин, но соответствующих им сколов немного. В целом индустрию можно охарактеризовать как выраженную непластинчатую. Во вторичной обработке доминировали резцовый скол, крутая и полукрутая ретушь, в меньшей степени представлены сплошная бифасиальная оббивка и плоская подтеска. Представительной является серия

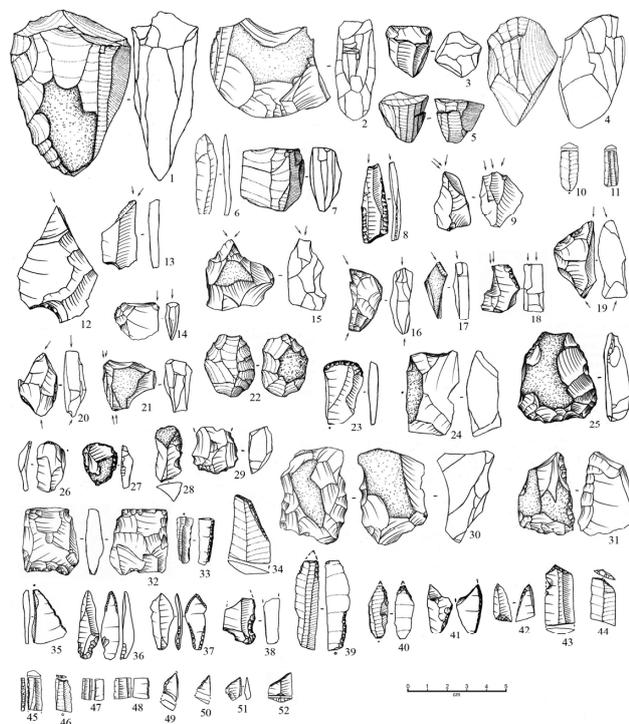

Рис. 4. Каменная индустрия стоянки Плаутино 2 (верхний слой)

Все памятники каменской культуры объединяет доминирование кварцита в качестве основного сырья для изготовления орудий. Техника расщепления камня базируется на утилизации пирамидального, карандашевидного и торцового нуклеуса, направлена на получение пластин в технике отжима либо скола через посредник, а также удара мягким и жестким отбойниками. В каменной индустрии, несмотря на ее выразительный микролитический облик, преобладает отщеп в качестве основной заготовки. Ансамбль орудий представлен резцами, в основном без подработки ударной площадки, концевыми и концевыми-боковыми скребками, деревообрабатывающими орудиями, прежде всего теслами, изготовленными из кварцита или сланца, а также шлифованными орудиями из алевролита. Выразительны долотовидные орудия, часто случайных форм, симметричные и асимметричные острья из пластин, средневысокие трапеции (рис. 6).

Колющие наконечники стрел чаще всего представлены обломками, но среди них нет предметов с плоской подтеской. Целые изделия подромбической формы с расширяющимся кверху пером, с ретушью брюшка. Находки шлифованных орудий из сланца и

резцов без предварительно подработанной площадки и боковых. Выразительна группа симметричных и асимметричных острий с выделенными отвесной и крутой ретушью обушками, а также симметричная средневысокая трапеция. Единичны костяные острья, шлифованные орудия, обломки камней мягких пород с рядами процарапанных линий (рис. 5).

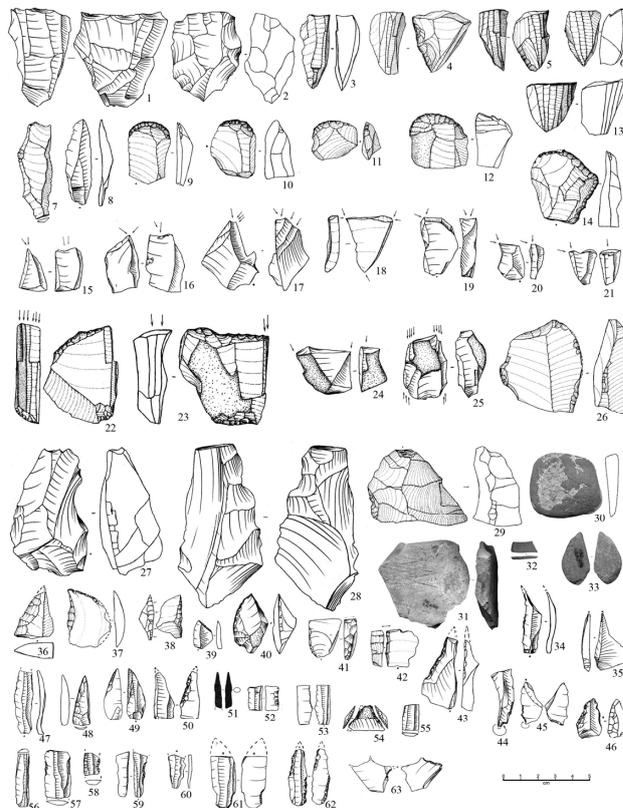

Рис. 5. Каменная индустрия стоянки Четвериково

других так называемых «мягких» пород камня также придают определенные черты своеобразия данному кругу памятников. Перечисленные типы орудий труда по отдельности не являются чем-то новым на карте мезолита Восточной Европы. Однако, учитывая территориальное «окружение» культуры, можно констатировать ее самобытность. Территории, расположенные к северу и северо-западу от лесостепи донского левобережья (юг волго-окского междуречья, бассейн Цны), в позднем мезолите были ареалом пургасовской, бутовской, култинской и других культур [64. С. 71–78]. Южнее, в степном Подонье, памятники мезолита характеризуются массовым распространением геометрических микролитов, прежде всего низких и средневысоких трапеций и сегментов [55]. Донское правобережье включает в себя ареал донецкой культуры [28]. Несмотря на спорность отдельных вопросов ее содержания, материалы памятников выглядят достаточно своеобразно.

Аналогии описанным выше материалам обнаруживаются в лесостепной части Прихоперья, Примокшанья и Верхнего Посурья – в смешанных коллекциях стоянок Шапкино, Заречное 1, Пензенские, Большой Колояр [25,

26]. Черты сходства индустрии позднего мезолита каменской культуры можно найти в материалах памятни-

ков Клюквенный-4, Озеро Белое, пензенских стоянок [65; 66. С. 219, 222], отчасти – в Пургасово-3 [67].

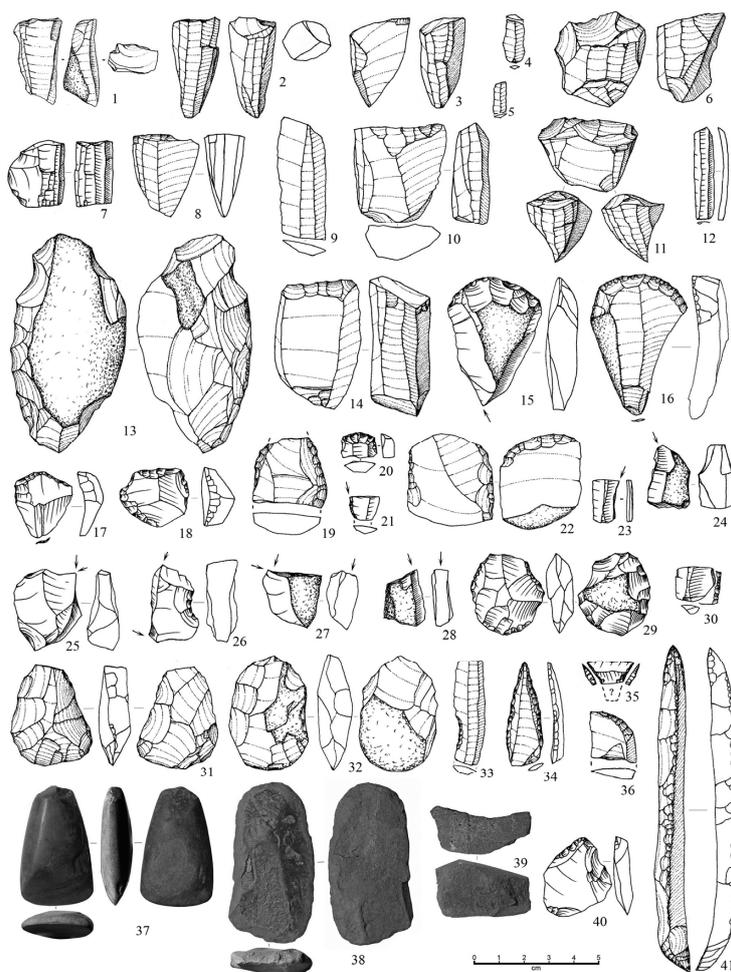

Рис. 6. Каменная индустрия стоянки Каменка 1

Следует отметить, что ввиду недостаточной изученности памятников бассейна Цны, Примокшанья и Посурья о точных параллелях пока говорить рано, однако общий вектор сравнения с древностями данного региона обозначается достаточно четко. Перспективы разработки проблемы связаны с уточнением ареала, во-первых, микролитов пургасовских типов, во-вторых, своеобразных симметричных наконечников с удлинённым черешком, занимающим 2/3 орудия. При этом говорить об устойчивых аналогиях с древностями Волго-Окского междуречья не приходится – они обнаруживаются только в материалах мезолитических местонахождений Тамбовской равнины в бассейне средней Цны [6].

Имеющиеся материалы пока не позволяют выделить более одного этапа каменской культуры. По данным палинологических исследований, накопление культурного слоя эпонимного памятника происходило во второй половине бореала [2. С. 13]. Имеющиеся естественнонаучные определения для неолита лесостепного Прихоперья [27] позволяют предположить существование культуры вплоть до начала неолитической эпохи. При этом, если наследие культуры в каменной индустрии четко просматривается на памятниках раннего неолита Прихоперья и Побитюжья

(Плаутино 4, Монастырская 1, Затон 1 (?)) [24, 27], за исключением, пожалуй, единичности находок резцов в памятниках начала керамической эпохи, то вопрос ее происхождения пока следует оставить открытым.

Впервые о культурной принадлежности материалов сурско-мокшанского междуречья высказался В.Н. Шитов, с одной стороны, констатировавший высокую их степень сходства с памятниками Поволжья, с другой, связав генезис местного мезолита с территорией Костенковско-Борщевского района на Дону [68. С. 55, 56]. Последующие исследования существенно углубили разработку проблемы.

В.В. Ставицкий на основе имеющихся материалов пришел к выводу о связях местных памятников с мезолитом волго-окского междуречья [Там же. С. 31]. А.А. Сорокин включил Среднее и Нижнее Примокшанье в ареал пургасовской культуры (рис. 7) (стоянки Имерка 4 и Шаверки 5), отмечая находки наконечников пургасовского типа в Борисово 1 в Мещере, Дорках, Нижних Котицах, Круглом озере на Верхней Волге [Там же. С. 72]. Генезис культуры связывается А.Н. Сорокиным с культурой веретье [Там же. С. 73].

Территория култинской культуры, по А.Н. Сорокину, также включает в себя районы Примокшанья – здесь располагается стоянка Барашево 1 [Там же. С. 78, 79].

Отличительными признаками култинской культуры являются параллельно-призматическая техника расщепления конических и торцевых нуклеусов, относительно высокий микролитизм индустрии, слабое использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши; массово встречаются резцы на сломе заготовок, концевые скребки и вкладыши из фрагментов пластин [52. С. 48]. Охотничье вооружение представле-

но скошенными и косыми острями, использовавшимися как колющие наконечники и вкладыши при полном отсутствии так называемых постсвидерских наконечников и пластин с притупленным краем (рис. 8). Хронология культуры занимает промежуток времени от бореала до начала атлантикума, ее генезис, по мнению А.Н. Сорокина, был связан с мезолитом Камско-Вятского междуречья [52. С. 52; 70].

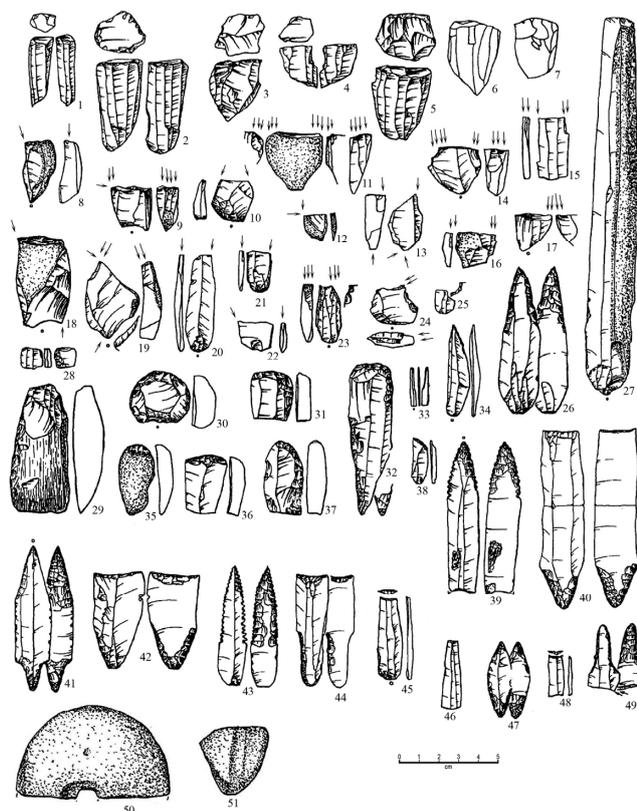

Рис. 7. Каменная индустрия стоянки Пургасово 3 (по: [69])

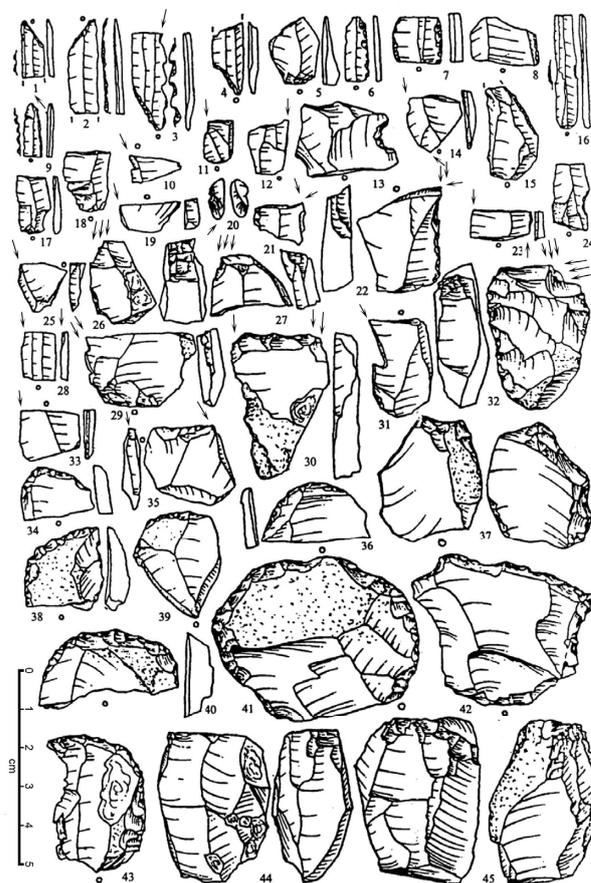

Рис. 8. Каменная индустрия стоянки Барашево 1 (по: [69])

А.В. Вискалин включает индустрию ховринского поселения (рис. 9) в круг древностей мезолита Среднего Поволжья «с наконечниками», указывая на возможные аналогии в материалах стоянок Яндашевская, Русско-Луговская II, Удельно-Шумецкое X и др. [71. С. 238]. В контексте же изучения мезолита Дно-Волжского междуречья памятник представляет собой обособленное в культурном отношении явление, суть которого пока не ясна.

Поздний мезолит Северо-Западного Прикаспия представлен материалами «харбинской» группы стоянок [36. С. 273]. Она характеризуется микролитоидным характером индустрии, применением плоской ретуши во вторичной обработке, преобладанием концевых скребков, ППК, геометрических микролитов, пластин со скошенными ретушью концами, резцов на сломанных заготовках в индустриях (рис. 10). Аналогии указанным материалам автор обнаруживает в Северо-Восточном Прикаспии (истайская культура) [36. С. 274]. Анализ других признаков местных каменных

индустрий наткнется на проблему культуроразличия в североприкаспийском регионе, где большинство источников получено путем сбора с развешиваемых памятников, а наличие стратиграфически выраженных комплексов – большая редкость.

Приведенный выше обзор свидетельствует об освоении населением эпохи мезолита всей территории междуречья Дона и Волги. Проведенная систематизация имеющихся данных позволяет констатировать факты существенного расширения ареала зимовниковской культуры, а также – в более поздние периоды – кросс-зональных миграций населения других культур. Характер и направленность этих движений не всегда можно объяснить только их привязкой к мигрирующим животным – объектам охоты. Другие источники существования – собирательство и рыбная ловля – играли не меньшую роль в экономике населения эпохи мезолита. Территория лесостепи с ее повышенной биологической емкостью, отсутствием серьезных преград для передвижения, смешением лес-

ных и степных растительных и фаунистических сообществ, судя по всему, была благоприятным местом для обитания населения фактически любой культуры

в мезолите. Перечисленные свойства лесостепной зоны предполагали быструю и безболезненную адаптацию «пришельцев» к новым условиям.

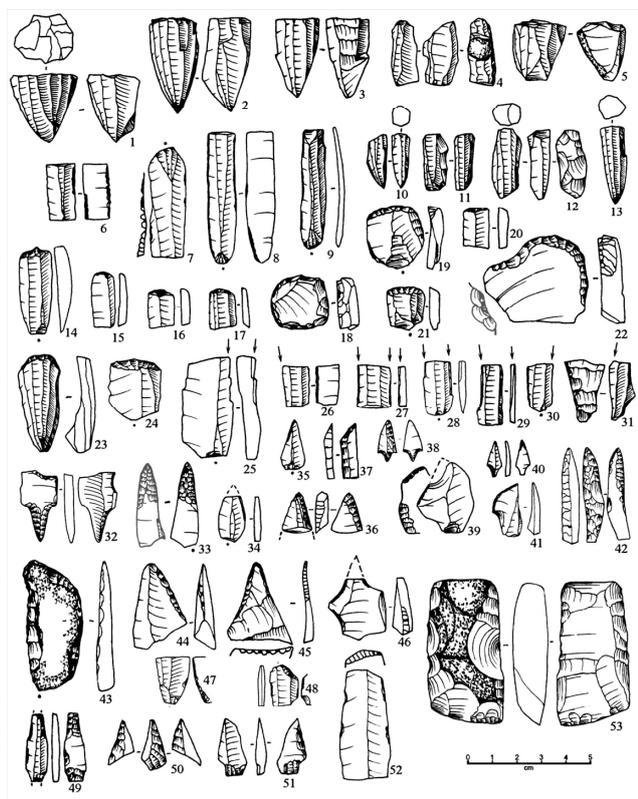

Рис. 9. Каменная индустрия Ховринского поселения (по: [71])

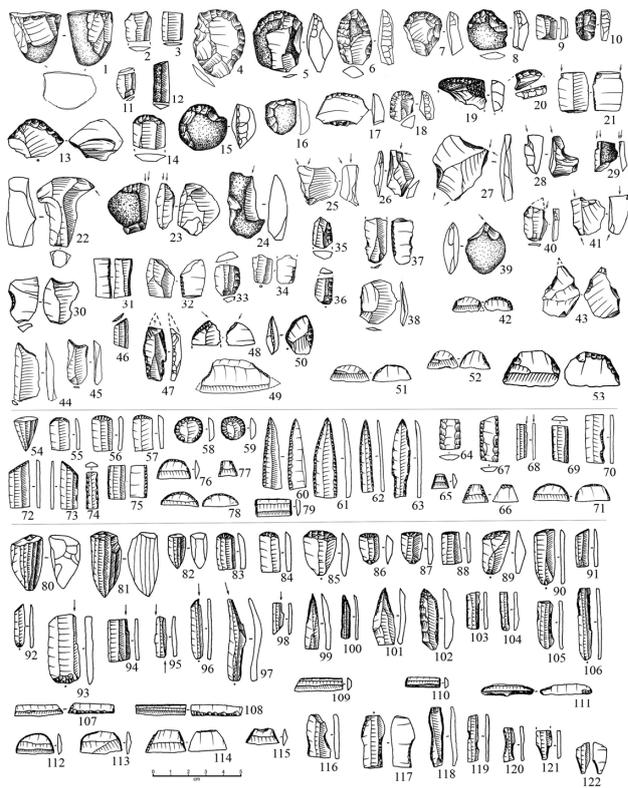

Рис. 10. Каменная индустрия стоянок северо-восточного Приамурья и сало-маньчжурских степей: 1–53 – Широкие Нивы II; 54–79 – Му-Кюкн 2, Ар-Доланг; 80–122 – Харба (по: [36])

ЛИТЕРАТУРА

1. Федонин И.В. Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 28 с.
2. Федонин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж : ВГПУ, 2006. 145 с.
3. Федонин И.В. Стоянка Плаутино 2 и ее месте в мезолите бассейна Дона. Воронеж : ВГПУ, 2012. 148 с.
4. Федонин И.В. Памятники эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги. Воронеж : ВГПУ, 2016. 176 с.
5. Попова Т.Б. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея // Советская археология. 1962. № 4. С. 210–214.
6. Федонин И.В. Тамбовский край в эпохи палеолита и мезолита (бассейн средней Цны) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 34–53.
7. Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМ. 1984 г. // Архив ИА РАН.
8. Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской археологической экспедиции ГИМ за 1986 г. // Архив ИА РАН.
9. Гоняный М.И. Отчет о работе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в Тульской обл. 1986 г. // Архив ИА РАН.
10. Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции областного краеведческого музея об исследовании поселения Мельгуново 3 в Узловском р-не Тульской обл. в 1993 г. // Архив ИА РАН.
11. Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского краеведческого музея об исследовании археологических памятников Мельгуново 3 и Мельгуново 1 в Узловском р-не Тульской обл. в 1995 г. // Архив ИА РАН.
12. Фоломеев Б.А., Гласко М.П., Хотинский Н.А., Гуман М.А., Александровский А.А., Былинская Л.Н. Монастырщина II – неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 120–136.
13. Бессуднов А.Н. Колосково IV – мезолитический памятник Поосколья // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж : ВГПУ, 1988. С. 3–12.
14. Бессуднов А.Н. Новые археологические памятники в Среднем Поосколье (к археологической карте) // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж : ВГПУ, 1989. С. 3–8.
15. Бессуднов А.Н. К вопросу о свидерских и аренбургских традициях в охотничьем вооружении населения каменного века Лесостепного Подонья // Елец и его окрестности. Елец, 1991. С. 83–86.
16. Бессуднов А.Н. Типы резцов в кремневом инвентаре многослойного памятника Студеновка 3 // Археология доно-волжского бассейна. Воронеж : ВГПУ, 1993. С. 3–11.
17. Бессуднов А.Н. О проблемах изучения мезолитических памятников на Верхнем Дону // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк : ЛГПУ, 1995. С. 26–27.
18. Бессуднов А.Н., Обломский А.М. Изучение археологических памятников на реке Семенек // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж : ВГПУ, 1996. С. 21–48.
19. Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.

20. Бессуднов А.Н., Ивашев М.В. Археологические исследования Липецкого государственного педагогического института за 20 лет // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк : ЛГПУ, 1999. С. 219–231.
21. Бессуднов А.Н. О хозяйственном укладе мезолитических племен Лесостепного Подонья // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж : ВГПУ, 1999. С. 17–23.
22. Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004. С. 92–94.
23. Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное[^] (материалы исследований). Воронеж : ВГПУ, 2012. 154 с.
24. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж : ВГУ, 1986. 179 с.
25. Хреков А.А. Раннеолитические памятники Лесостепного Прихоперья // Археология восточноевропейской степи. Саратов : СГУ, 1992. Вып. 3. С. 6–11.
26. Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов : СарГУ, 2003. 146 с.
27. Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похоперья. Воронеж : ВГПУ, 2006. 127 с.
28. Федюнин И.В. Мезолит Лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 1. С. 16–27.
29. Килейников В.В. Отчет об археологических разведках по рекам Потудани и Савале на Среднем Дону в 1981 году. Архив ИА РАН.
30. Килейников В.В. Отчет об археологической разведке в 1984 г. // Архив ИА РАН.
31. Погорелов В.И. Отчет об археологической разведке 1988 г. // Архив ИА РАН.
32. Килейников В.В. Стоянки каменного века в низовьях р. Савалы // Архитектура и древняя история Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 134–136.
33. Горецкий Г.И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 302–319.
34. Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. Памятники каменного века в бассейне р. Рассыпной // Археологические записки. Ростов н/Д : ДАО, 2000. Вып. 1. С. 31–44.
35. Цыбрий А.В. Местонахождение Степаносавченское 1 // Археологические записки. 2002. № 2. С. 89–90.
36. Кольцов П.М. Неолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М. : Воскресение, 2005. 352 с.
37. Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // Советская археология. 1972. № 1. С. 22–35.
38. Грехова Л.В. Памятники эпохи палеолита и мезолита // Труды государственного исторического музея. 1970. Вып. 44. С. 10–34.
39. Праслов Н.Д., Постников Г.Б., Ротшильд Е.В. Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии // Краткие сообщения института археологии. М., 1969. Вып. 117. С. 54–60.
40. Праслов Н.Д. Памятники каменного века Южных Ергеней // Краткие сообщения института археологии. М.? 1971. Вып. 126. С. 102–107.
41. Археология СССР. Мезолит СССР / под ред. Л.В. Кольцова. М. : Наука, 1989. 345 с.
42. Кольцов П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
43. Кольцов П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста : КГУ, 1990. С. 62–71.
44. Залізник Л.Л. Фінальний палеоліт та мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. 2005. № 8. 184 с.
45. Ластовский А.А. Культурная специфика Нижне-Волжского региона в эпоху мезолита // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 197–208.
46. Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М. : ИА РАН, 2008. 328 с.
47. Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев : Науkdjdf думка, 1984. С. 4–23.
48. Манько В.А. Проблемы зимовниковской культуры в Северо-Восточном Приазовье // Древние культуры Восточной Украины. Луганск : Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 1996. С. 10–31.
49. Манько В.А. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Сабовка-1 в Северо-Восточном Приазовье // Древности Подонцовья. Луганск : Осирис, 1997. С. 11–26.
50. Манько В.О. Неоліт ПівденноСхідної України. Київ : Шлях, 2006. 280 с.
51. Гавриленко І.М. Зімовниківська археологічна культура (до історії ранньомезолітичного населення лівобережної України). Полтава : АСМІ, 2000. 144 с.
52. Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М. : Гриф и К, 2006. 216 с.
53. Цыганов Ю.Ю. Исследования палеолитической стоянки Борщево 2 // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия : материалы пленума ИИМК. 11–14 апреля 1995 г. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1995. С. 28–29.
54. Манько В.О. Проблемы финального палеолита Юга Украины // С.Н. Бибикив и первобытная археология. СПб. : ИИМК РАН, 2009. С. 151–165.
55. Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кав. науч. центра высшей школы Южного фед. ун-та, 2008. 199 с.
56. Веклич М.Ф., Герасименко Н.П. К вопросу о стратиграфии мезолитических и неолитических памятников Луганской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. Луганск : Вид-во Східноукр. нац. ун-та ім. В. Даля, 1990. С. 20–22.
57. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье р. Камы. Москва; Казань : Янус-К, 2001. 272 с.
58. Шитов В.Н., Ямашкин А.А., Ставицкий В.В., Королев А.И., Гришаков В.В. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. Саранск : Изд-во НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 54–65.
59. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М. : Наука, 1987. 222 с.
60. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-Песков Волго-Уральского междуречья. М. : Интеллект, 1995. 258 с.
61. Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Ижевск, 2000. 20 с.
62. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов : СГУ, 2004. 253 с.
63. Федюнин И.В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж : ВГПУ, 2010. 208 с.
64. Сорокин А.Н. О мезолите низовьев р. Мокши // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2004. Вып. 6. С. 71–81.
65. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999. 196 с.
66. Ставицкий В.В., Шитов В.Н., Ямашкин А.А., Королев А.И., Гришаков В.В. Мезолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. Саранск : Изд-во НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 54–65.
67. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полевья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М. : Наука, 2002. 248 с.
68. Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1976. Вып. 52. С. 24–87.
69. Сорокин А.Н. О мезолите низовьев р. Мокши // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2004. Вып. 6. С. 71–81.
70. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 240 с.
71. Вискалин А.В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура / отв. ред. А.Н. Сорокин. М. : ИА РАН, 2008. С. 228–239.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

THE MESOLITHIC PERIOD IN THE INTERFLUVE OF THE DON AND THE VOLGA: GEOGRAPHY, SITES, CULTURES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 141–154.

DOI: 10.17223/15617793/431/19

Ivan V. Fedyunin, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: feduniniv@mail.ru

Keywords: archeology; Mesolithic; sites; interfluve of Don and Volga; culture.

The work is devoted to the systematization of the existing Mesolithic antiquities in the area between the Don and the Volga. The source basis, chronology, periodization and geography of the Mesolithic cultures of the region are considered. The study area includes several micro-region sites. In addition to the sites of the left bank of the Don and the right bank of the Volga, the sites of the Oka-Don watershed (the Tsna basin), the Sursk-Mokshan interfluve, the Pokhopye and the northwest Caspian Sea region and the Sal-Manych steppes are allocated. The Zimovnikovskaya culture is represented by a complex of the lower layer of the Plautino 2 and Urakov Bugor sites. The lithic industry was based on the use of flakes and plates obtained by “percussive” techniques. Secondary processing consisted in cragged and steep flaking, cut shear. The tools were incisors, scrapers, hunting weapons shaped as high and medium-high trapezoids, straight-axial and transversal edges. The formation of the culture could begin at the end of the Pleistocene during the migration of the population of the Ust-Kama culture to the south. The Kamenskaya culture of the Late Mesolithic in the forest-steppe interfluve of the Don and the Volga region includes materials of Plautino 2 (Late Mesolithic layer), Chetverikovo, Zaton 1 and others. The splitting technique was based on the utilization of conical, cylindrical and block lithic cores; it was used to obtain plates by pressing or splitting through an intermediary material and by soft and hard hammers. The main core preform in the lithic industry was flake. The tools were represented by cutters, scrapers, adzes made of quartzite or shale, and sharpened tools made of siltstone, edges and medium-high trapezoids. Analogies of the lithic industry are found in the forest-steppe of the Prikhopye, the Primokshanye and the Upper Posurye. A.N. Sorokin included the Middle and Lower Primokshanye in the area of the Purgasovskaya culture. The genesis of the culture is associated with the traditions of the Veretye culture, the territory includes the areas of the Primokshanye. The lithic industry is characterized by parallel-prism technique of splitting cores, high microlithic type of industry. It is represented by cutters at the edges of preforms, end scrapers and inserts, beveled and oblique edges in the absence of post-Sviderian points and plates with blunt edges. The chronology of the culture is the time from the beginning of the Boreal to the Atlanticum; its genesis was associated with the Mesolithic of the Vyatka-Kama interfluve. The Late Mesolithic of the northwest Caspian Sea region is represented by the materials of the “Harbin” sites that have analogies in the northeast Caspian Sea region (Istayskaya culture). The sites are characterized by the microlithoid nature of the industry, the predominance of end scrapers, blunt-edge plates, geometric microliths, plates with blunt ends, cutters on broken preforms. As a result, the facts of a significant expansion of the range of the Zimovnikovskaya Early Mesolithic culture are recorded. In later periods, a cross-zonal migration of population from other cultures of the forest, forest-steppe and steppe zones occurred. It is noted that, in addition to hunting, the nature of migration was determined by the possibility of collecting and fishing, but to trace them, based on current archaeological evidence, is very difficult.

REFERENCES

1. Fedyunin, I.V. (2005) *Mezoliticheskie pamyatniki Dono-Volzhsogo mezhdurech'ya* [Mesolithic monuments of the Don and the Volga interfluve]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
2. Fedyunin, I.V. (2006) *Mezoliticheskie pamyatniki Srednego Dona* [Mesolithic monuments of the Middle Don]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
3. Fedyunin, I.V. (2012) *Stoyanka Plautino 2 i ee mesto v mezolite basseyna Dona* [The site Plautino 2 and its place in the Mesolithic basin of the Don basin]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
4. Fedyunin, I.V. (2016) *Pamyatniki epokhi mezolita v mezhdurech'e Dona i Volgi* [Monuments of the Mesolithic in the interfluve of the Don and the Volga]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
5. Popova, T.B. (1962) Arkheologicheskie kolleksii Morshanskogo kraevedcheskogo muzeya [Archaeological collections of the Morshansk Museum of Local History]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 210–214.
6. Fedyunin, I.V. (2013) Tambov region in Paleolithic and Mesolithic epochs (Tsna middle pool). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 4 (120). pp. 34–53. (In Russian).
7. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Folomeev, B.A. (1984) *Otchet Oksko-Donskoy ekspeditsii GIM* [Report of the Oka-Don expedition of the State Historical Museum].
8. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Folomeev, B.A. (1986) *Otchet o rabotakh Okskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM za 1986 g.* [Report of the Oka-Don expedition of the State Historical Museum for 1986].
9. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Gonyanyy, M.I. (1986) *Otchet o rabote Verkhnedonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM v Tul'skoy obl.* [Report on the work of the Upper Don archaeological expedition of the State Historical Museum in Tula Oblast].
10. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Ekimov, Yu.G. (1993) *Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii oblastnogo kraevedcheskogo muzeya ob issledovanii poseleniya Mel'gunovo 3 v Uzlovskom r-ne Tul'skoy obl. v 1993 g.* [Report of the archaeological expedition of the Regional Museum of Local Lore on the study of the settlement of Melgunovo 3 in the Uzlovsky district of Tula Oblast in 1993].
11. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Ekimov, Yu.G. (1995) *Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii Tul'skogo kraevedcheskogo muzeya ob issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov Mel'gunovo 3 i Mel'gunovo 1 v Uzlovskom r-ne Tul'skoy obl. v 1995 g.* [The report of the archaeological expedition of the Tula Regional Museum on the study of the archaeological sites Melgunov 3 and Melgunov 1 in Uzlovsky district of Tula Oblast in 1995].
12. Folomeev, B.A. et al. (1984) *Monastyrschchina II – neoliticheskoe i srednevekovoe poselenie na Kulikovom pole v verkhov'yakh Dona* [Monastyrschchina II: Neolithic and medieval settlement on the Kulikovo field in the upper reaches of the Don]. In: Khotinskiy, N.A. (ed.) *Arkheologiya i paleogeografiya mezolita i neolita Russkoy ravniny* [Archeology and paleogeography of the Mesolithic and the Neolithic of the Russian Plain]. Moscow: Nauka.
13. Bessudnov, A.N. (1988) Koloskovo IV – mezoliticheskiy pamyatnik Pooskol'ya [Koloskovo IV: the Mesolithic monument of Srednee Pooskol'ye]. In: Sinyuk, A.T. (ed.) *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy* [Research of archeological monuments of Eastern Europe]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
14. Bessudnov, A.N. (1989) *Novye arkheologicheskie pamyatniki v Srednem Pooskol'e (k arkheologicheskoy karte)* [New archaeological monuments in Srednee Pooskol'ye (to the archaeological map)]. In: Sinyuk, A.T. (ed.) *Problemy arkheologicheskogo izucheniya dono-volzhskey lesostepi* [Problems of archaeological study of the Don-Volga forest-steppe]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
15. Bessudnov, A.N. (1991) *K voprosu o sviderskikh i arensburgskikh traditsiyakh v okhotnich'em vooruzhenii naseleniya kamennogo veka Lesostepnogo Podon'ya* [On the issue of the Swedish and Arsenburg traditions in the hunting armament of the population of the Stone Age of the forest-steppe Don region]. In: *Elets i ego okrestnosti* [Elets and its environs]. Elets: [s.n.].

16. Bessudnov, A.N. (1993) Tipy reztsov v kremnevom inventare mnogoslonoynogo pamyatnika Studenovka 3 [Types of incisors in the silica inventory of the multi-layered monument Studenovka 3]. In: Sinyuk, A.T. (ed.) *Arkheologiya dono-volzhskogo basseyna* [Archeology of the Don-Volga Basin]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
17. Bessudnov, A.N. (1995) [On the problems of the study of the Mesolithic sites on the Upper Don]. *Abstracts of Local Studies Conference dedicated to the founder of the Lipetsk Regional Museum M.P. Trunov*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 26–27. (In Russian).
18. Bessudnov, A.N. & Oblomskiy, A.M. (1996) Izuchenie arkhelohicheskikh pamyatnikov na reke Semenek [The study of archaeological monuments on the river Semenek]. In: Sinyuk, A.T. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya vysshey pedagogicheskoy shkoly* [Archaeological research of the higher pedagogical school]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
19. Bessudnov, A.N. (1997) *Mezoliticheskie pamyatniki Lesostepnogo Podon'ya* [The Mesolithic monuments of the forest-steppe Don region]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
20. Bessudnov, A.N. & Ivashev, M.V. (1999) [Archaeological research of the Lipetsk State Pedagogical Institute for 20 years]. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopredel'nykh territoriy* [Archeology of the Central Chernozem region and adjacent territories]. Proceedings of the conference. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 219–231. (In Russian).
21. Bessudnov, A.N. (1999) O khozyaystvennom uklade mezoliticheskikh plemen Lesostepnogo Podon'ya [On the economic structure of the Mesolithic tribes of the forest-steppe Don region]. In: Pryakhin, A.D. (ed.) *Problemy arkheologii basseyna Dona* [Problems of archeology of the Don basin]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
22. Bessudnov, A.N. (2004) Novye verkhnepaleoliticheskie mestonakhozhdeniya basseyna Verkhnego i Srednego Dona [New Upper Paleolithic locations of the Upper and Middle Don basin]. In: *Kostenki i ramnyaya pora verkhnego paleolita Evrazii: obshchee i lokal'noe* [Kostenki and the early period of the Upper Paleolithic of Eurasia: the general and the local]. Voronezh: Istoki.
23. Surkov, A.V. & Skorobogatov, A.M. (2012) *Mnogosloynnaya stoyanka Yamnoe (materialy issledovaniy)* [The multilayer site Yamnoe (research materials)]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
24. Sinyuk, A.T. (1986) *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita* [The population of the Don basin in the Neolithic period]. Voronezh: Voronezh State University.
25. Khrekov, A.A. (1992) Ranneneoliticheskie pamyatniki Lesostepnogo Prikhoper'ya [The Early Neolithic monuments of the forest-steppe Prikhoperye]. In: Mironov, V.G. et al. (eds) *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy stepi* [Archeology of the Eastern European steppe]. Is. 3. Saratov: Saratov State University.
26. Stavitskiy, V.V. & Khrekov, A.A. (2003) *Neolit – ranniy eneolit lesostepnogo Posur'ya i Prikhoper'ya* [The Neolithic – Early Eneolithic of the forest-steppe Posurye and Prikhoperye]. Saratov: Saratov State University.
27. Surkov, A.V. (2006) *Neoliticheskie pamyatniki Srednego Pokhoper'ya* [The Neolithic monuments of the Middle Pokhoperye]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
28. Fedyunin, I.V. (2015) The Mesolithic of the Forest-Steppe Don Area: Retrospective and Prospective Reviews. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 43:1. pp. 16–27. (In Russian).
29. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Kileynikov, V.V. (1981) *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh po rekam Potudani i Savale na Srednem Donu v 1981 godu* [Report on archaeological explorations on the Potudan and the Savala on the Middle Don in 1981].
30. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Kileynikov, V.V. (1984) *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v 1984 g.* [Report on archaeological exploration in 1984].
31. Archive of the Institute of Archeology, RAS. Pogorelov, V.I. (1988) *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke 1988 g.* [Report on archaeological exploration in 1988].
32. Kileynikov, V.V. (2000) Stoyanki kamennogo veka v nizov'yakh r. Savaly [Stone Age camps in the lower reaches of the river Savala]. In: *Arkhitektura i drevnyaya istoriya Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy* [Architecture and ancient history of the left-bank Ukraine and adjacent territories]. Donetsk: Skhidniy vidavnichiy dim.
33. Goretzkiy, G.I. (1952) Sledy paleolita i mezolita v Nizhnem Podon'e [Traces of the Paleolithic and Mesolithic in the Lower Don region]. *Sovetskaya arkheologiya*. XVI. pp. 302–319.
34. Tsybriy, A.V. & Tsybriy, V.V. (2000) Pamyatniki kamennogo veka v basseynе r. Rassypnoy [Monuments of the Stone Age in the basin of the river Rassypnaya]. *Arkheologicheskie zapiski*. 1. pp. 31–44.
35. Tsybriy, A.V. (2002) Mestonakhozhdenie Stepanosavchenskoe 1 [Location Stepanosavchenskoe 1]. *Arkheologicheskie zapiski*. 2. pp. 89–90.
36. Kol'tsov, P.M. (2005) *Mezolit i neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya* [The Mesolithic and the Neolithic of the northwestern Caspian region]. Moscow: Voskresenie.
37. Formozov, A.A. (1972) O roli zakaspiyskogo i priaral'skogo mezolita i neolita v istorii Evropy i Azii [On the role of the Trans-Caspian and Aral Sea Mesolithic and Neolithic in the history of Europe and Asia]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 22–35.
38. Grekhova, L.V. (1970) Pamyatniki epokhi paleolita i mezolita [Monuments of the Paleolithic and the Mesolithic]. *Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 44. pp. 10–34.
39. Praslov, N.D., Postnikov, G.B. & Rotshil'd, E.V. (1969) Novye pamyatniki s mikroliticheskim inventarem v Severo-Vostochnom Prikaspii [New monuments with microlithic implements in the northeastern Caspian region]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*. 117. pp. 54–60.
40. Praslov, N.D. (1971) Pamyatniki kamennogo veka Yuzhnykh Ergeney [Monuments of the Stone Age of the Southern Ergen]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*. 126. pp. 102–107.
41. Kol'tsov, L.V. (ed.) (1989) *Arkheologiya SSSR. Mezolit SSSR* [Archeology of the USSR. The Mesolithic of the USSR]. Moscow: Nauka.
42. Kol'tsov, P.M. (1988) *Neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya* [The Neolithic of the northwestern Caspian region]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
43. Kol'tsov, P.M. (1990) O kul'turnoy prinaldezhnosti neoliticheskikh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Prikaspiya [On the cultural affiliation of Neolithic monuments in the northwestern Caspian region]. In: Markovin, V.I. et al. (eds) *Voprosy arkheologii yuga Vostochnoy Evropy* [Issues of archeology in the south of Eastern Europe]. Elista: Kalmyk State University.
44. Zaliznyak, L.L. (2005) Final'niy paleolit ta mezolit kontinental'noi Ukraïni [The final Paleolithic and Mesolithic of continental Ukraine]. *Kam'yana doba Ukraïni*. 8.
45. Lastovskiy, A.A. (2006) Kul'turnaya spetsifika Nizhne-Volzhskogo regiona v epokhu mezolita [Cultural specificity of the Lower Volga region in the Mesolithic]. In: Skripkin, A.S. (ed.) *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya. Kamenny vek* [Archeology of the Lower Volga region. The Stone Age]. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo.
46. Sorokin, A.N. (2008) *Mezolitovedenie Pooch'ya* [Mesolithology of the Oka region]. Moscow: IA RAS.
47. Gorelik, A.F. (1984) Mezolit Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya (voprosy kul'turno-khronologicheskogo chleneniya) [The Mesolithic of the North-Eastern Black Sea Region (issues of cultural and chronological division)]. In: Telehin, D.Ya. et al. *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy* [Materials of the Stone Age on the territory of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka.
48. Man'ko, V.A. (1996) Problemy zimovnikovskoy kul'tury v Severo-Vostochnom Priazov'e [Problems of Zimovnikovskaya Culture in the north-eastern Azov Region]. In: *Drevnie kul'tury Vostochnoy Ukrainy* [Ancient Cultures of Eastern Ukraine]. Lugansk: East-Ukrainian National University.
49. Man'ko, V.A. (1997) Final'nopaleoliticheskiy kompleks stoyanki Sabovka-1 v Severo-Vostochnom Priazov'e [The final paleolithic complex of the Sabovka-1 site in the northeastern Azov region]. In: *Drevnosti Podontsov'ya* [Antiquities of the Donetsk region]. Lugansk: Osiris.
50. Man'ko, V.O. (2006) *Neolit PivdennoSkhidnoi Ukraïni* [The Neolithic of southeastern Ukraine]. Kiev: Shlyakh.

51. Gavrilenko, I.M. (2000) *Zimivnikivs'ka arkhеologichna kul'tura (do istorii rann'omezolitchnogo naselennya livoberezhnoi Ukraini)* [Zimovnikovskaya archaeological culture (to the history of the early Mesolithic population of the left-bank Ukraine)]. Poltava: ASMI.
52. Sorokin, A.N. (2006) *Problemy mezolitovedeniya* [Problems of Mesolithology]. Moscow: Grif i K.
53. Tsyganov, Yu.Yu. (1995) [Studies of the Paleolithic site Borshechevo 2]. *Izuchenie kul'turnykh vzaimodeystviy i novye arkhеologicheskie otkrytiya* [Studies of cultural interactions and new archaeological discoveries]. Proceedings of the plenary session of the Institute of the History of Material Culture. 11–14 April 1995. St. Petersburg: IHMC RAS. pp. 28–29. (In Russian).
54. Man'ko, V.O. (2009) Problemy final'nogo paleolita Yuga Ukrainy [Problems of the final Paleolithic of the south of Ukraine]. In: Vasil'ev, S.A. & Kulakovskaya, L.V. (eds) *S.N. Bibikov i pervobytnaya arkhеologiya* [S.N. Bibikov and primitive archeology]. St. Petersburg: IHMC RAS.
55. Tsybriy, V.V. (2008) *Neolit Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazov'ya* [Neolithic of the Lower Don and the northeastern Azov Sea]. Rostov-on-Don: Izd-vo Sev.-Kav. nauch. tsentra vysshey shkoly Yuzhnogo fed. un-ta.
56. Veklich, M.F. & Gerasimenko, N.P. (1990) K voprosu o stratigrafii mezoliticheskikh i neoliticheskikh pamyatnikov Luganskoy oblasti [On the issue of the stratigraphy of Mesolithic and Neolithic monuments of the Lugansk region]. In: *Problemy issledovaniya pamyatnikov arkhеologii Severnskogo Donetsa* [Problems of the study of the monuments of archeology of Seversky Donets]. Abstracts. Lugansk: East Ukrainian Volodymyr Dahl National University. pp. 20–22.
57. Galimova, M.Sh. (2001) *Pamyatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e r. Kamy* [Monuments of the late Paleolithic and Mesolithic at the mouth of the river Kama]. Moscow; Kazan: Yanus-K.
58. Shitov, V.N. et al. (2008) *Arkhеologiya Mordovskogo kraya. Kamenny vek, epokha bronzy* [Archeology of the Mordovian Territory. The Stone Age, the Bronze Age]. Saransk: Izd-vo NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya. pp. 54–65.
59. Amirkhanov, Kh.A. (1987) *Chokhscoe poselenie. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana* [The Chokh settlement. Man and his culture in the Mesolithic and the Neolithic of mountainous Dagestan]. Moscow: Nauka.
60. Ivanov, I.V. & Vasil'ev, I.B. (1995) *Chelovek, priroda i pochvy Ryn-Peskov Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* [Man, nature and soil of the Ryn-Pesok of the Volga-Ural interfluve]. Moscow: Intellekt.
61. Komarov, A.M. (2000) *Mezolit Severnogo Prikaspiya* [The Mesolithic of the northern Caspian region]. Abstract of History Cand. Diss. Izhevsk.
62. Yudin, A.I. (2004) *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya* [Varfolomeevskaya site and the Neolithic steppe Volga region]. Saratov: Saratov State University.
63. Fedyunin, I.V. (2010) *Paleolit i mezolit Yuzhnogo Podon'ya* [The Paleolithic and the Mesolithic of the southern Don region]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
64. Sorokin, A.N. (2004) O mezolite nizov'ev r. Mokshi [About the Mesolithic of the lower reaches of the river Moksha]. *Tverskoy arkhеologicheskyy sbornik*. 6. pp. 71–81.
65. Stavitskiy, V.V. (1999) *Kamenny vek Primokshan'ya i Verkhnego Posur'ya* [The Stone Age of Primokshanye and the Upper Posurye]. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy ob'edinennyy kraevedcheskiy muzey.
66. Stavitskiy, V.V. et al. (2008) Mezolit [Mesolithic]. In: Stavitskiy, V.V. & Shitov, N. (eds) *Arkhеologiya Mordovskogo kraya. Kamenny vek, epokha bronzy* [Archeology of the Mordovian region. The Stone Age, the Bronze Age]. Saransk: Izd-vo NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya.
67. Sorokin, A.N. (2002) *Mezolit Zhizdrinskogo poles'ya. Problema istochnikovedeniya mezolita Vostochnoy Evropy* [The Mesolithic of Zhizdrinsky woodland. The problem of the source study of the Mesolithic of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
68. Shitov, V.N. (1976) Epokha kamnya i rannego metalla v Primokshan'e [The Age of Stone and Early Metal in Primokshanye]. In: Fedorov-Davydov, G.A. (ed.) *Materialy po arkhеologii Mordovii* [Materials on the Archeology of Mordovia]. Is. 52. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo.
69. Sorokin, A.N. (2004) O mezolite nizov'ev r. Mokshi [About the Mesolithic of the lower reaches of the river. Moksha]. *Tverskoy arkhеologicheskyy sbornik*. 6. pp. 71–81.
70. Gusentsova, T.M. (1993) *Mezolit i neolit Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [The Mesolithic and the Neolithic of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk: Udmurt State University.
71. Viskalin, A.V. (2008) Khovrinskaya mezoliticheskaya stoyanka [The Khovrino Mesolithic Site]. In: Sorokin, A.N. (ed.) *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura* [Man, adaptation, culture]. Moscow: IA RAS.

Received: 28 November 2017

ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9.072.43

М.А. Викулина, Г.В. Сорокоумова, О.В. Шурыгина

РОЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ЛИНГВИСТА

Предлагаются определение и структура профессиональной личности будущего педагога-лингвиста, названы наиболее значимые компоненты этой структуры, среди которых выделены профессионально значимые ценностные ориентации, определяющие особенности профессионально-личностного целеполагания; названы условия развития профессиональной личности будущего педагога-лингвиста, выделена научно-исследовательская деятельность, играющая особо важную роль в преобразовании учебной деятельности студентов в их учебно-профессиональную деятельность.

Ключевые слова: профессиональная личность педагога-лингвиста; структура профессиональной личности педагога-лингвиста; профессионально значимые ценностные ориентации; научно-исследовательская деятельность; анализ результатов исследования.

Введение. В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» сказано, что приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины [1].

Главная роль в воспитании такой личности отводится педагогу, который обязан обладать общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, поэтому в настоящее время чрезвычайно актуален вопрос определения понятия «профессиональная личность», структурных компонентов профессиональной личности, условий и психологических механизмов развития профессиональной личности педагога, в том числе будущего педагога-лингвиста.

Основная проблема данной работы, подлежащая разработке, обусловлена, таким образом, существенным противоречием между потребностью общества, практики образования и вузовской подготовки в воспитании активной, высококомпетентной и высоконравственной профессиональной личности будущего педагога-лингвиста, с одной стороны, и явно недостаточной научно-теоретической и экспериментально-психологической разработанностью путей, методов и средств решения этой задачи, отсутствием целостной концепции развития профессиональной личности будущего педагога-лингвиста.

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблемам развития профессионализма (А.В. Батаршев, А.А. Деркач, С.А. Дружилов, И.А. Зимняя, Е.А. Климов, А.К.Маркова, Л.М. Митина, А.Б. Орлов, Ю.П. Поваренков, Н.С. Пряжников и др.) позволил нам обобщить представления о понятии профессиональной личности педагога-лингвиста, выделить наиболее значимые компоненты структуры профессиональной личности педагога-лингвиста, психологические условия, факторы и механизмы развития профессиональной личности будущего педагога-лингвиста.

Профессиональная личность будущего педагога-лингвиста представляет собой интегративную личностно-профессиональную структуру, а динамика ее развития в процессе профессиональной вузовской подготовки определяется содержанием и направленностью специальной учебно-профессиональной деятельности [2–4].

Профессиональная личность педагога-лингвиста представляет собой интегративную личностно-профессиональную структуру, включающую определенные компоненты. Среди наиболее значимых компонентов структуры мы выделяем:

- профессионально значимые ценностные ориентации, определяющие особенности профессионально-личностного целеполагания;
- систему учебно-профессиональных аналитических, прогностических и диагностических действий;
- личностно-профессиональную рефлексивную, регулируемую развитие у будущего специалиста профессиональной деятельности и др. [3. С. 74].

Специфическим компонентом профессиональной личности будущего педагога-лингвиста является коммуникативный компонент как система свойств, умений и способностей личности, обеспечивающих успешность профессионального общения, понимания и взаимопонимания с другими людьми, способности к овладению коммуникативными качествами, умениями и навыками общения. Коммуникативный потенциал в структуре профессиональной личности будущего педагога-лингвиста имеет особое значение в связи с коммуникативной природой и сущностью педагогической и лингвистической профессиональной деятельности.

Для того чтобы профессиональная личность сформировалась, необходимо:

- во-первых, формирование психологической готовности к выбору профессии в процессе обучения в школе (профориентация, профконсультирование);
- во-вторых, формирование психологической готовности к овладению профессией в процессе обучения (в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего обра-

зования), в основе которой лежит овладение определенным уровнем компетентности: приобретение знаний, развитие профессиональных умений и навыков, специфичных для каждой профессии; развитие личностного потенциала (интеллектуального, коммуникативного, мотивационного, эмоционально-волевого, духовно-нравственного); переход учебной деятельности в учебно-профессиональную;

– в-третьих, формирование психологической готовности к реализации себя в профессии;

– в-четвертых, формирование полной психологической готовности к профессии, в основе которой сочетаются высокий уровень мотивации профессии, высокий уровень творчества, высокий уровень ответственности и самосовершенствование, саморазвитие и самоактуализация в профессии [4].

Фундамент будущей профессиональной личности закладывается в студенческом возрасте, поэтому в период вузовского обучения необходимо обеспечить преобразование учебной деятельности студентов в учебно-профессиональную деятельность.

Особое место в данном преобразовании занимает научно-исследовательская деятельность, которая представляет собой самостоятельную деятельность студентов под научным руководством преподавателей университета. Эта деятельность имеет целью углубление теоретических знаний по определенной научной проблеме и формирование умений использовать эти знания для анализа или практического решения частных вопросов, связанных с будущей профессиональной деятельностью педагога-лингвиста. В этой связи важно рассматривать обращение к организации учебно-исследовательской деятельности студента как «одной из значимых для развития будущего профессионала форм учебного процесса, поскольку учебный процесс, сливаясь с научным трудом студента, все более превращается в реальную профессиональную деятельность» [5. С. 5].

Нами определены конкретные цели научно-исследовательской деятельности [Там же. С. 62–63]:

– многоаспектный поиск, полный сбор научных источников информации;

– систематизация как этап аналитико-синтетической переработки извлеченной научной информации;

– переработка и хранение полученной информации;

– воспроизведение, размножение и распространение научной информации.

Указанные цели достигаются при решении задач научно-исследовательской деятельности:

1. Расширить и углубить знания, формировать профессиональную компетентность будущего педагога-лингвиста в интересующей его проблематике.

2. Способствовать выработке умений применять свои теоретические знания при решении конкретных практических вопросов.

3. Помочь в овладении умениями и навыками самостоятельной исследовательской работы (работа с научной литературой, исследование фактов, анализ явлений или данных эксперимента, развитие аналитических и прогностических учебно-профессиональных действий).

Выявленные цели и задачи послужили основой для разработки программы курса «Получение и обра-

ботка научно-исследовательской информации», реализованной на этапе формирования готовности и способности студента осуществлять научно-исследовательскую работу.

Научно-исследовательские работы по педагогике и психологии имеют ряд специфических особенностей. В отличие от других форм учебной деятельности, эта работа позволяет студенту удовлетворить свой интерес именно в той области знаний и умений, которая его наиболее привлекает.

Другая особенность научно-исследовательских работ определяется экспериментальным характером дисциплин: решение многих психолого-педагогических вопросов в современной науке предполагает экспериментальное изучение, т.е. разработку соответствующей экспериментальной процедуры, проведение измерений и наблюдений, различные формы обработки результатов, в том числе математической обработки, анализ данных эксперимента и их интерпретация с точки зрения выдвигаемых гипотез и т.д. Все это развивает исследовательские навыки студентов, интегрированный подход к изучению темы.

С этим связана и еще одна особенность. Проведение научно-исследовательской работы предполагает соответствующие контакты исследователя с детьми, педагогами, родителями, сотрудниками учреждений и т.д. Это предъявляет особые требования к экспериментатору и его умению общаться с людьми, соблюдать в этом общении соответствующие этические нормы, в том числе нормы профессиональной этики.

Непрерывным требованием к научно-исследовательским работам по психолого-педагогическим проблемам является творческая самостоятельность студентов в суждениях и выводах, глубина проникновения в существо изучаемого вопроса, научная добросовестность и соблюдение профессиональной этики.

Ценность научно-исследовательской деятельности и в том, что ее выполнение приобщает будущего специалиста к практико-ориентированной науке, развивает его творческое мышление, формирует профессиональную компетентность, в целом поднимает качество профессиональной подготовки в системе профессионального обучения.

В рамках студенческой междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории НГЛУ LUNN of SCIENCE, функционирующей в Нижегородском государственном лингвистическом университете (далее – НГЛУ), осуществляется деятельность по подготовке будущих педагогов-лингвистов к научно-исследовательской работе.

Цель исследования – определить эффективность программы подготовки студентов к проведению научного исследования, а также влияние последнего на развитие структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста.

Основная часть.

Наше исследование включало три этапа:

Констатирующий этап – анкетирование студентов на готовность к научно-исследовательской деятельности и тестирование уровня развития основных структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-психолога.

Анкетирование студентов на готовность к научно-исследовательской деятельности. В анкетировании участвовали 97 студентов разных направлений подготовки и курсов. Студентам предстояло оценить по 5-балльной шкале свои исследовательские навыки и умения. После подсчета результатов выводилось среднее арифметическое по всем показателям. В результате проведенного исследования установлено, что выше всего, на «4» балла, студенты оценивают свои умения искать и анализировать необходимую информацию в научных источниках. Умения обобщать и систематизировать изученный материал, формулировать и аргументировать свое отношение студенты определяют на уровне 3,4 балла. Самый низкий балл 2,7 – выявлен по показателям «навыки оформления результатов исследования в научную публикацию» и «выступления на конференции с докладом». Данные результаты свидетельствуют о том, что студенты в достаточной степени не владеют знаниями и умениями, необходимыми для написания научных публикаций и не готовы к публичным выступлениям. Наше исследование показало, что респонденты проявляют интерес к исследовательским проектам и экспериментам, готовы принимать участие в деятельности научных кружков.

В исследовании уровня развития структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста приняли участие 70 студентов факультета английского языка (*далее по тексту – ФАЯ*) НГЛУ: 35 человек составили экспериментальную группу (ЭГ), которая приняла участие в программе по подготовке к проведению научного исследования и 35 – контрольную группу (КГ), не принимавшую участие в этой программе.

Оценка уровня развития основных структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста – мотивационно-ценностного, операционального, рефлексивного и коммуникативного – осуществлялась с помощью ряда методик.

1. Профессионально значимые ценностные ориентации, определяющие особенности профессионально-личностного целеполагания, изучались с использованием списка терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича и оценки их оптимальности по диспозициям личностных ценностей В.А. Ядова. На основе корреляционного анализа идеальных и реально полученных в диагностике индивидуальных иерархий ценностей по диспозициям определялся уровень развития ценностных ориентаций студентов [6. С. 59].

2. Диагностика уровня осознанности жизненной цели проводилась с помощью методики Е. Карапешта «Осознанность жизненных целей» [Там же. С. 67].

3. Изучение личностно-профессиональной рефлексии включало методику измерения уровня оптимальности самооценки (шкалы С. Будасси в модификации Н.М. Пейсахова) и методику измерения уровня уверенности в себе А.М. Прихожан [7].

4. Для диагностики коммуникативного компонента профессиональной личности будущего педагога-лингвиста мы использовали тест А. Меграбиана с целью выявления личностных особенностей: эмпатии (эмпатическая тенденция), присоединения (тенденция

к присоединению, сокращение межличностной дистанции в процессе взаимодействия) и сензитивности к отвержению (восприимчивость к критике, жесткость Я-концепции) [6. С. 90].

В анализе результатов эксперимента использовались методы математической обработки данных и качественный анализ. Надёжность и достоверность полученных данных определялась адекватностью и валидностью выборки; использованием методов описательной статистики подтверждением достоверности различий с помощью Т-критерия Вилкоксона, который может применяться для сопоставления показателей, измеренных в *двух* разных условиях на *одной* и той же выборке испытуемых [8].

Формирующий этап позволил разработать и апробировать программу подготовки студентов к проведению научного исследования, в которой участвовали 35 человек – студентов ФАЯ (ЭГ).

Работа по подготовке к проведению научного исследования включала две составляющих.

Во-первых, курс «Получение и обработка научно-исследовательской информации», цель которого – обеспечение теоретической и практической устойчивой готовности обучающегося к формированию исследовательских умений и навыков для осуществления научных исследований, получения, применения новых научных знаний в целях достижения качества научного исследования.

Задачи курса:

1. Познакомить слушателей с основополагающими методами анализа эмпирических данных и их теоретического осмысления; основными методами математического и статистического анализа эмпирических данных.

2. Научить слушателей работе с библиографическими данными с привлечением современных информационных технологий.

3. Познакомить слушателей с методами презентации научных результатов, используя современные технические средства.

4. Формировать у слушателей умения использовать современные технологии сбора информации, обработки и интерпретации полученных экспериментальных и эмпирических данных.

5. Формировать у слушателей навыки научно-исследовательской работы, её планирования, проведения, обобщения научных выводов.

Предполагалось, что по окончании изучения курса слушатели:

– *узнают* методы и средства поиска, сбора, хранения и переработки научной информации, методы проведения научных исследований;

– *проявят умение* осуществлять поиск информации по полученному заданию, сбор, анализ данных, необходимых для решения поставленных задач, грамотно использовать термины, оформлять результаты проведенного исследования, вести библиографическую работу с привлечением современных информационных технологий, обрабатывать экспериментальные данные, в том числе с использованием математических методов;

– *овладеют* на высоком уровне навыками устной и письменной речи, современными информационными

технологиями, методами сбора, обработки и анализа данных, навыками выражения своих мыслей и мнения в ходе исследования, основными методами математического и статистического анализа эмпирических данных, методами презентации научных результатов с привлечением современных технических и программных средств, включая подготовку электронной презентации выступления с докладом на защите своего исследования.

Во-вторых, тренинг «Психология уверенности в себе и публичного выступления», нацеленный на развитие навыков уверенно-достойного поведения в различных ситуациях, в том числе в ситуациях публичного выступления и презентации научных результатов своего исследования.

Упражнения в тренинге направлены на осознание и развитие участниками группы своих сильных и слабых сторон, развитие коммуникативных навыков, на развитие умений быстрой и точной ориентации в позиции партнера по общению; на овладение методами эффективной аргументации и изменения позиции партнера по общению.

Контрольный этап позволил проверить влияние реализованной программы на готовность студентов к научно-исследовательской деятельности и изменение

мотивационно-ценностного, операционального, рефлексивного и коммуникативного компонентов профессиональной личности будущих педагогов-лингвистов.

Анализ результатов исследования. В табл. 1 представлены сводные данные студентов ЭГ по результатам диагностики структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста на констатирующем этапе исследования в виде средних уровневых показателей (СУП). В связи с тем, что показатели респондентов контрольной и экспериментальной групп не различаются, мы сочли возможным представить только данные студентов ЭГ.

Результаты диагностики структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста позволили нам сделать следующие выводы:

1. Среди студентов ЭГ преобладают показатели среднего и низкого уровня развития структурных компонентов профессиональной личности: мотивационно-ценностного, операционального, рефлексивного и коммуникативного.

2. Результаты диагностики подтверждают необходимость специальной работы, направленной на развитие структурных компонентов профессиональной личности будущих педагогов-лингвистов.

Таблица 1

Сводные данные по результатам диагностики структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста в ЭГ (N = 35)

Структурные компоненты профессиональной личности будущего педагога-лингвиста		Для студентов по уровню деятельности, %			СУП
		высокий	средний	низкий	
Мотивационно-ценностный	Осознанность жизненных целей	21	44	35	1,86
	Ценностно-нравственные ориентации	10	52	38	1,70*
	Общее отношение к жизни	15	48	37	1,78*
Операциональный	Аналитические действия	12	58	30	1,76*
	Прогностические действия				
	Диагностические действия				
Рефлексивный	Оптимальность самооценки	20	38	42	1,78*
	Уверенность в себе	17	56	27	1,90
	Общий уровень рефлексии	18	47	35	1,83
Коммуникативный	Эмпатия	15	53	32	1,78*
	Присоединение	17	53	30	1,70*
	Сензитивность к отвержению	38	47	15	1,76*

Примечание. Значимость отличий от теоретического среднего: * $p < 0,05$.

Для изучения динамики развития структурных компонентов профессиональной личности будущих педагогов-лингвистов проведена контрольная диагностика на выборке студентов ЭГ. Целью постэкспериментальной диагностики явилось проведение сравнительного анализа результатов для проверки эффективности программы подготовки студентов к проведению научного исследования.

Содержание и методика диагностического исследования студентов ЭГ после прохождения программы была идентичной диагностике на констатирующем этапе. Анализ результатов осуществлялся по выделенным ранее структурным компонентам профессиональной личности будущих педагогов-психологов.

В табл. 2 представлены сводные результаты сравнительной диагностики в виде средних уровневых показателей (СУП) по структурным компонентам

профессиональной личности будущего педагога-лингвиста до и после прохождения программы подготовки студентов ЭГ к проведению научного исследования, сделан расчет значимости выявленных изменений в показателях. Целесообразно отметить, что изменений в показателях по структурным компонентам профессиональной личности будущего педагога-лингвиста после прохождения программы подготовки студентов ЭГ мы не обнаружили.

Результаты, представленные в табл. 2 показывают, что участие будущих педагогов-лингвистов в программе подготовки к проведению научного исследования эффективно влияет на все структурные компоненты профессиональной личности, особенно на мотивационно-ценностный компонент: профессионально значимые ценностные ориентации, отношение к профессии, осознанность профессиональной цели.

Сводные данные по результатам диагностики структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста до и после прохождения программы подготовки к проведению научного исследования (ЭГ; N = 35)

Структурные компоненты профессиональной личности будущего педагога-лингвиста	До прохождения программы	После прохождения программы
Мотивационно-ценностный компонент		
Осознанность профессиональной цели	1,86	2,77**
Профессионально значимые ценностные ориентации	1,70	2,80**
Глубина и ответственность отношения к профессии	1,78	2,78**
Операциональный компонент		
Аналитические действия	1,76	2,60**
Прогностические действия		
Диагностические действия		
Рефлексивный компонент		
Уровень оптимальности самооценки	1,78	2,60**
Уровень уверенности в себе	1,90	2,43*
Общий уровень рефлексии	1,83	2,52*
Коммуникативный компонент		
Эмпатия	1,88	2,67**
Присоединение	2,06	2,76**
Сензитивность к отвержению	2,22	1,77*

Примечание. Значимость различий по t-критерию: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Заключение. Результаты проведенного экспериментального исследования, в частности его контрольного диагностического этапа, свидетельствуют о существенной позитивной динамике развития у будущих педагогов-лингвистов всех структурных компонентов профессиональной личности. Подтверждена высокая эффективность разработанной и реализованной программы подготовки студентов к проведению научного исследования.

Можно сделать вывод, что участие в научно-исследовательской деятельности оказывает эффективное влияние на развитие всех структурных компонентов профессиональной личности будущего педагога-лингвиста. Это позволяет рекомендовать данную программу для внедрения в процесс вузовской подготовки студентов с целью развития профессиональной личности будущего педагога-лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>
2. Климов Е.С. Психология профессионала. Москва : Ин-т практической психологии, Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 400 с.
3. Сорокоумова Г.В. Условия, механизмы и факторы развития профессиональной личности социомического типа : учеб. пособие по курсу «Педагогическая антропология». Раздел Психология. Н. Новгород : НГЛУ, 2017. 296 с.
4. Матрёшина Е.Б., Сорокоумова Г.В. Развитие профессиональной личности будущего юриста в процессе вузовской подготовки. Н. Новгород : Изд-во УРАО НФ, 2013. 185 с.
5. Викулина М.А., Казанцева Е.С. Теоретические основы организации учебно-исследовательской деятельности студентов вуза / под науч. ред. М.А. Викулиной. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. 127 с.
6. Сорокоумова Г.В. Изучение личностного потенциала : учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во НФ УРАО, 2007. 144 с.
7. Прихожан А. Психология неудачника: Тренинг уверенности в себе. М., 1997.
8. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2002. 350 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 ноября 2017 г.

THE ROLE OF RESEARCH ACTIVITIES IN THE FORMATION OF OCCUPATION-SPECIFIC PERSONALITY TRAITS OF PEDAGOGICAL LINGUISTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 155–160.

DOI: 10.17223/15617793/431/20

Maria A. Vikulina, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: prof_vikulina@lunn.ru

Galina V. Sorokoumova, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: galsors@mail.ru

Olga V. Shurygina, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: olga_schuriginina@mail.ru

Keywords: occupation-specific personality traits of pedagogical linguists; make-up of pedagogical linguists' personality traits; set of occupation-relevant values; research activities; findings evaluation.

This article focuses on research activities as conditioning formation of occupation-specific personality traits with Pedagogical Linguistics students. The authors provide a definition of occupation-specific traits of pedagogical linguists, consider their make-up as well as the factors underlying their development, with research activities regarded as the centerpiece. The research in question that students do under guidance of university professors acting as their advisers requires skills and competences of dealing with scientific literature, analyzing facts and phenomena, own research, publishing findings and speaking at scientific conferences. Conducting research implies interviewing children, teachers, parents, staff, which is a test to the researchers' communication skills and their ability to follow professional code of conduct. The authors underscore that the value of research activities is due to them being conducive to the students' creative thinking, professional competence and enhanced quality of their training as would-be pedagogical linguists.

The inter-disciplinary Research Laboratory “LUNN of SCIENCE” has carried out a three-phase experiment seeking to prepare students for their own research activities. Phase One – Basic included questioning the total of 97 students in order to find out how well they were prepared for conducting own research, and testing with a view to reveal their set of values and aspirations via D. Leontyev’s method. Phase Two – Formation embraced validation of a pre-research preparatory program. The program consisted of Obtaining and Handling Research-Relevant Information course, introducing the students to fundamentals of research activities, and Self-Confidence and Public Speaking Psychology training course, developing students’ communication skills and preparing them for speaking in public. 35 students of the School of English at the Linguistics University of Nizhny Novgorod joined the program. Phase Three was focused on assessing the program’s efficiency. The findings obtained confirm that Pedagogical Linguistics students involved in research activities are likely to better develop their occupation-specific personality traits.

REFERENCES

1. Rg.ru. (2015) *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2015 g. N 996-r g.* [Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation No. 996-r of May 29, 2015]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.
2. Klimov, E.S. (1996) *Psikhologiya professionala* [Psychology of the professional]. Moscow: In-t prakticheskoy psikhologii, Voronezh: NPO “MODEK”.
3. Sorokoumova, G.V. (2017) *Usloviya, mekhanizmy i faktory razvitiya professional'noy lichnosti sotsionomicheskogo tipa* [Conditions, mechanisms and factors of development of a professional personality of a socioeconomic type]. N. Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod.
4. Matreshina, E.B. & Sorokoumova, G.V. (2013) *Razvitie professional'noy lichnosti budushchego yurista v protsesse vuzovskoy podgotovki* [Development of the professional personality of the future lawyer in the university training]. N. Novgorod: Izd-vo NF URAO.
5. Vikulina, M.A. & Kazantseva, E.S. (2006) *Teoreticheskie osnovy organizatsii uchebno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov vuzov* [Theoretical bases of the organization of educational-research activity of university students]. N. Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod.
6. Sorokoumova, G.V. (2007) *Izuchenie lichnostnogo potentsiala* [Learning the personal potential]. N. Novgorod: Izd-vo NF URAO.
7. Prikhozhan, A. (1997) *Psikhologiya neudachnika: Trening uverennosti v sebe* [Psychology of the loser: Training of self-confidence]. Moscow: TTs “Sfera”.
8. Sidorenko, E.V. (2002) *Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg: Rech’.

Received: 17 November 2017

О.В. Гудкова

ОСОБЕННОСТИ СОБЫТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Анализируются основные аспекты и понятия событийного формата образовательной организации. Выделены три группы метапредметных умений старшеклассников, подлежащих формированию в соответствии с новыми требованиями ФГОС СОО к образовательным результатам. Предлагается технология «открытый образовательный проект» как ресурс событийного формата образовательной организации. Комплекс основных аспектов и понятий, опыт собственных исследований автора позволяют выявить специфику и результативность данного формата применительно к учащимся старшей школы в контексте формирования их метапредметных умений.

Ключевые слова: метапредметные умения старшеклассников; событие; со-бытийная общность; событийный формат образовательной организации; образовательное событие; образовательный результат; открытый образовательный проект.

В настоящее время широко обсуждается понимание того, что в XXI в. крайне важно перейти от утилитарного индустриального образования к интегральной образовательной парадигме. Образование должно быть ориентировано не только на передачу знаний и развитие умений, но и на всестороннюю поддержку становления человека как полноценного автора своей жизни. В современных исследованиях выделены базовые навыки XXI в., среди которых: концентрация и управление вниманием (необходимы, чтобы справляться с информационной перегрузкой); цифровая грамотность (способность работать в цифровой среде, в том числе AR и VR, будет столь же востребована, как способность писать и читать); творчество, креативность (при автоматизации рутинной деятельности на любой работе будет все больше необходимости мыслить нестандартно и создавать новое); способность к (само)обучению (в быстро меняющемся мире придется продолжать обучение в течение всей жизни, иногда самостоятельно осваивая новые навыки) [1. С. 75].

Для нашей страны также актуальна проблема создания полноценного образования XXI в., о чем свидетельствуют проводимые здесь крупные реформы образования.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования являются отражением сложности и противоречивости объективных процессов, протекающих в обществе. Приоритет материального в массовом сознании часто затмевает, а порой деформирует все другие, не менее важные ценности. ФГОС акцентирует внимание на высокой значимости качеств личности, востребованных процессами общественного развития: профессионализме, активности, успешности, стремлении к достижениям, творчестве и др. Формированию подлежат профессионально-ориентированные метакомпетенции старшеклассников.

В образовательном стандарте изложены новые требования к образовательным результатам [2]. Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать следующие группы умений старшеклассников: коммуникативно-организаторские умения, умения информационного поиска, ИКТ-умения. Коммуникативные умения предполагают: умение планировать собственную дея-

тельность, эффективно действовать в группе, т.е. соотносить свои действия с действиями других, выполнять различные функции в коллективе и устанавливать эффективное взаимодействие для достижения результата. Умения информационного поиска включают в себя готовность и способность к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, умение ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников. ИКТ-умения предполагают online поиск информации, обмен информацией с помощью электронной почты, умение составить мнение о качестве и релевантности информации и умение адаптировать информацию к конкретной аудитории [3].

В связи с новыми задачами активизируется поиск способов формирования необходимых умений и организации образования. В дидактических исследованиях накоплен позитивный опыт решения вышеперечисленных и других проблем, о чем свидетельствуют разработки, выполненные учеными Т.М. Ковалевой, Т.В. Якубовской, Е.В. Ковалевской и др. [4, 5]. В рамках нашего исследования большой ценностью являются разработки, связанные с событийным форматом организации образовательного процесса.

Исходной идеей событийного формата является идея о том, что эффективны настоящие события, которые наполнены смыслом, ясным для учащегося, цели которых сформулированы и приняты учащимся, что порождает его собственный небольшой личный опыт и мудрость [6. С. 64].

История вопроса событийной организации образования возвращает нас к работам ученых из разных областей: философии (М.М. Бахтин, М. Хайдеггер), психологии (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, М.М. Миркес, Н.В. Муха) и педагогики (Ю.С. Мануйлов, Ю.Л. Троицкий и И.Ю. Шустова и др.) [7–9, 11 и др.].

Ключевым понятием данного формата является «событие», введению которого и его вхождению в современное гуманитарное знание мы обязаны русскому философу М.М. Бахтину, а позднее немецкому мыслителю М. Хайдеггеру. В «Философии поступка», одном из своих ранних трактатов, М.М. Бахтин заявляет, что философия жизни может быть только нравственной философией и что жизнь должна пониматься исключительно как событие, а не как наличное бы-

тие. Изначальный феномен ответственности открывается в своем этическом содержании в соответствии с определением человеческого события как со-бытия, т.е. когда мы начинаем анализировать человеческое событие с точки зрения его воплощенности в мире с другими. «Понять предмет – значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность. Только изнутри моей участности может быть понято бытие как событие, но внутри видимого содержания в отвлечении от акта как поступка нет этого момента единственной участности» [7]. Философ понимает жизнь как событие. Событие – это ответственное отношение к себе и другим.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер (а понятие «событие» / «со-бытие» было одним из стержневых понятий в его учениях) определял его как бытие, совместное с другим. «На основе этого совместного бытия-в-мире мир есть всегда уже тот, который я делю с другими. Мир присутствия есть совместный-мир. Бытие-в есть со-бытие с другими» [8. С. 42]. «Анализ показал: событие есть экзистенциальный конститутив бытия-в-мире. Соприсутствие оказывается своим бытийным способом внутримирно встречающего сущего. Пока присутствие вообще есть, оно имеет бытийный образ бытия-друг-с-другом. Последнее нельзя понимать как суммарный результат появления многих «субъектов». Обнаружение некоего числа «субъектов» само делается возможным только потому, что встречающие в их соприсутствии другие трактуются ближайшим образом уже лишь как «номера». Такой счет открывается уже только через определенное со- и друг-к-другу-бытие. Это «беззастенчивое» событие «рассчитывается» с другими без того, чтобы почестному «считаться с ними» или даже просто хотеть с ними «иметь дело»» [Там же. С. 44]. Философ указывает на совместность бытия людей (со-бытие), на необходимость «считаться» с другим человеком, а тем более «иметь с ним дело».

Основные положения событийного формата разработаны российским психологом В.И. Слободчиковым. В своем исследовании он дает определение «со-бытийной общности»: «Со-бытийная общность есть живое единство, сплетение и взаимосвязь двух и более жизней, их внутренне сродство при внешней их противопоставленности; со-бытие предполагает, что, несмотря на препятствия и «непрозрачность» других, все-таки возможно понимание (постижение) личности Другого, а также чувство ответственности за других и преданности, которое включает в себя и Я, и Ты, и Мы» [9. С. 8]. Необходимо отличать со-бытийную общность от симбиотической сращенности и формальной организованности. В симбиозе отношения практически отсутствуют, действуют только связи, поэтому для данного типа характерна неразличенность его участников. Что касается формальной организованности, то здесь практически отсутствуют связи, а действуют только отношения. В гармоничном единстве связи и отношения находятся только в со-бытийной общности. В статье о гениальном педагоге

С.А. Кабалине В.И. Слободчиков пишет о со-бытийной общности следующее: «Уклад Дома держится Единством, Общностью взрослых и детей: единством духа, смысла, верой и верностью им; общностью дел – со-вместных, сопряженных, распределенных меж старыми и малыми. Итак, это первый постулат педагогики Калабалына: образование человека начинается и пребывает там, где складывается человеческая общность; не-слиянно-нераздельная со-бытийная общность. И прежде всего – детско-взрослая иерархически устроенная со-бытийная общность» [10. С. 3].

Анализируя исследования российского ученого Ю.С. Мануйлова, предметом научного интереса которого является среда как условие и средство воспитания личности школьника, мы понимаем, что подлинное значение со-бытия, его исходный смысл содержатся в понятии «жизнь», «бытие». «Быть, жить – значит взаимодействовать со средой» [11. С. 57]. В своей работе автор исследует процесс замены взаимодействия понятием «со-бытие». «Замена слова “взаимодействие” на “со-бытие” оказалась настолько плодотворной, что появилась возможность вычленивать промежуточные переменные в таком количестве и такого качества, которых оказалось достаточно, чтобы охарактеризовать различные стороны взаимодействия человека и среды» [Там же. С. 58].

В своей работе И.Ю. Шустова, сфера научных интересов которой касается проблемы коллективного обучения и воспитания, исследует различные аспекты понятия «со-бытийная общность». «Со-бытийная общность может быть проявлена для участника общности как жизненное событие, где произошло открытие, родилось новое знание, видение, понимание себя и другого, появился новый опыт деятельности» [12. С. 28]. Этот подход не только создает для школьников открытые отношения со сверстниками и взрослыми, но и в дальнейшем выводит их на жизненное самоопределение и приобретение нового опыта.

В этом же исследовании определены задачи педагога в реализации со-бытийной общности. Они включают следующее: обеспечить свободу, добровольность выбора участия (неучастия) в совместной деятельности, возможность выбора направлений и способов деятельности; выстраивать и поддерживать отношения равенства, взаимного интереса, взаимоприятия и взаимоуважения; создать в общности условия для межпозиционного взаимодействия, стимулировать проявление и осознание юношами своей позиции, способности уважать и понимать позицию другого; моделируя со-бытийную общность, учитывать опыт, который в ней получают молодые люди; стимулировать рефлексивные процессы, уделять им достаточно большое время, тем самым выводя взаимодействие участников на осознанный уровень; понимать и учитывать в своей работе влияние выстраиваемых отношений и рефлексии на формирование единого ценностно-смыслового пространства внутри общности [Там же. С. 31].

В работе В.Г. Валеева мы встречаемся с понятием «образовательное событие». Это есть «осознание и

осуществление учащимися соответствующего выбора» [13. С. 70]. Здесь же упоминается право педагога конструировать обучающие средства и педагогическую среду, что и делает образовательное событие именно со-бытием, совместным бытием учащегося и педагога.

В исследовании «Событие как образовательная стратегия» Ю.Л. Троицкого, организатора международных научных конференций и летних школ по проблемам историографии, подчеркивается, что «нет событийных учебных предметов, так же как и предметной событийности: есть событийность как кратное качественное состояние внутри любых предметов и возможность трансформации предметного контента в пред-событийное состояние» [14. С. 93]. Автор выделяет ключевые характеристики образовательного события. «Ключевыми характеристиками Образовательного События можно считать: коммуникативное поведение преподавателя, коммуникативное поведение класса (или ученика), коммуникативное пространство урока или занятия, коммуникативное время урока, образ предмета у школьника, рефлексию учебной дисциплины у преподавателя» [Там же].

Т.М. Ковалева, исследующая проблему тьюторства в контексте индивидуализации образования, подчеркивает, что «образовательное событие в тьюторском сообществе рассматривается как новая специфическая единица практики индивидуализации образования, которая преодолевает “школоцентризм” и формирует рабочее пространство для позиции тьютора, точнее, для целой системы тьюторских позиций» [4. С. 90]. Автор соотносит событийность с проблематикой времени и антроппрактикой «открытия себя» в будущем. Таким образом, образовательное событие выступает в качестве организованной образовательной среды, где предметом деятельности становится работа с будущим.

Важной аспектом образования, организуемого в событийном формате, является «образовательный результат». М.М. Миркес и Н.В. Муха, научное сообщество которых занимается анализом современных дидактических проблем, к образовательному результату, достигаемому в событийной организации работы относят «личностный и деятельностный прирост, новообразования в области опыта субъектности, рефлексивных умений и рефлексивного опыта, опыта самоопределения и управления ресурсами» [15. С. 104].

Проанализировав некоторые аспекты событийности и ее базовые понятия, перечисленные выше, мы подошли к основному понятию «событийный формат образовательной организации». Проблема обеспечения событийности в образовательной и педагогической деятельности напрямую связана с созданием культурных условий для раскрепощения человека в образовании. В каких ситуациях возникает событийность? Ответ на этот вопрос мы находим в работе Н.Б. Крыловой, утверждающей, что это происходит «в ситуациях, когда то, что происходит с детьми в школе, разворачивается на основе собственного “хода вещей”, а не по специальному плану, заказу и умыслу со стороны; когда школьная жизнь не “давит” ребенка, а обеспечивает ему ту жизнедеятельность, к которой он стремится и которую ищет» [16. С. 147].

Таким образом, на основе результатов проведенного нами аналитического исследования, мы приходим к пониманию сущности событийной организации, которая состоит в реализации ярких событий в жизни школьного коллектива и отдельной личности, где на основе осуществляемых практических действий оказывается воздействие на человека, изменяются его представления, ценности и смыслы.

К классическим событийным форматам относятся деловые игры, погружения, деятельностные и компетентностные олимпиады, тренинги, образовательный туризм, открытые образовательные программы и проекты [15. С. 105].

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности технологии «открытый образовательный проект» как ресурса для создания событийного пространства в урочное и внеурочное время. Данная технология предполагает использование проблемного анализа путем создания реальных жизненных ситуаций, ориентирование в которых требует от старшеклассников метапредметных умений, таких как умение планировать свою деятельность, эффективно действовать в группе, умение информационного поиска и умение использовать данные из сети Интернет для решения задач.

Сущность технологии заключается в том, что на определенный период учительский коллектив и старшеклассники погружаются в определенную жизненную ситуацию. Работая в целевых группах, учащиеся вместе с учителем разрабатывают идею, определяют пути воплощения идеи в жизнь, изучают условия и особенности развития ситуации, разрабатывают план реализации идеи, предусматривают риски, реализовывают идею, учитывают эффекты от реализации и определяют возможное дальнейшее развитие идеи. Позиция учителя – это позиция тьютора, поясняющего каждую деталь и координирующего все действия.

Технология «открытый образовательный проект» включает в себя следующие этапы: 1) мотивационный (сопровождение мотивационной готовности учителей и старшеклассников к реализации проекта); 2) проективный (погружение ответственных участников проекта в новую деятельность в целевой группе, разработка плана реализации проекта в ОО, определение консалтингового потенциала учителей (тьюторов) для решения проектных задач); 3) реализации проекта (реализации в ОО новой деятельности, фиксация начального этапа сформированности образовательных результатов); 4) рефлексивный (оценка результативности реализации проекта: решение проблем, сформулированных на первом этапе, анализ образовательных результатов деятельности старшеклассников, анализ полученных дополнительных эффектов в рамках проекта, принятие решения о дальнейшей деятельности по реализации проекта).

Рассмотренные особенности технологии позволяют нам использовать ее как ресурс организации учебного процесса в событийном формате.

Пример открытого образовательного проекта из практики автора. Открытый образовательный проект «Виртуальный завод» был разработан с целью формирования престижного образа профессии инженера, который трудится на промышленном производстве. Тема

является актуальной в контексте «Обзора инновационной политики ОЭСР: Российская Федерация», 2011 г., подготовленного Организацией экономического сотрудничества и развития и Министерством образования и науки РФ. В данном документе подчеркивается актуальность возрождения профессии инженера.

В начале эксперимента нами была проведена диагностика метапредметных умений старшеклассников, задействованных в нашем проекте. Состав целевой группы – 25 человек. Диагностика коммуникативных умений была проведена по методике В.В. Синянского и В.А. Федорошина. Исходя из полученных данных, отметили, что очень высокий уровень показали 2 учащихся, что составило 8% от общего числа испытуемых. Высокий уровень – 4 учащихся, 16% от общего числа. Средний уровень – 5 учащихся, 20% от общего числа. Ниже среднего и низкий уровни – по 7 учащихся, т.е. 28% от общего числа. Диагностика умений информационного поиска была проведена по методике Н.В. Пехотиной. Высокий, средний и низкий уровень показали 4, 8 и 13 учащихся соответственно, что составляет 16, 32 и 53%. ИКТ-умения продиагностированы по методике С.Т. Бочаровой. Методика имеет следующие ступени: очень уверенно, уверенно, довольно уверенно, неуверенно, необходимо научиться. Очень уверенно – 1 учащийся, 4% от общего числа испытуемых. Уверенно – 2 учащихся, 8% от общего числа. Довольно уверенно – 4 учащихся, 16%. Неуверенно – 8 учащихся, 32%. Необходимо научиться – 9 учащихся, 36%.

Диагностика показала, что все три группы умений в основном находятся на уровне развития ниже среднего или низком. В большей степени сформированы умения третьей группы (ИКТ-умения).

В контексте содержания проекта старшеклассники ознакомились с функциями инженера со знанием иностранного языка в машиностроительной отрасли промышленного производства. Изучили историю и документацию машиностроительного завода в своем городе, систематизировали ее, спланировали работу конструкторского отдела завода и качественно выполнили перевод технической документации с русского

языка на английский. Учащиеся анализировали справочную литературу, тендерные документы (тексты тендерных предложений, контрактов и дополнений к контрактам), знакомились с техническими предложениями и техническими спецификациями, чертежами и инструкциями. В контексте организации процесса особо хотим отметить его модульный характер.

В результате реализации проекта «Виртуальный завод» были сформированы метапредметные умения старшеклассников в следующих объемах:

1) в отношении коммуникативно-организаторских умений: увеличилось количество старшеклассников со средним уровнем – с 5 учащихся до 9, что составляет прирост 16%.

2) в отношении умений информационного поиска: увеличилось количество старшеклассников со средним уровнем – с 8 учащихся до 15, прирост – 28%.

3) в отношении ИКТ-умений: увеличилось количество старшеклассников с уровнем «довольно уверенно» – с 4 учащихся до 10, прирост – 24%.

В результате исследования можно сделать вывод, что технология «открытый образовательный проект» способствовала результативности формирования умений информационного поиска старшеклассников. Направления дальнейшего исследования в данной области предполагают в большей степени сформировать коммуникативно-организаторские умения и ИКТ-умения обучающихся.

В заключение следует обратить внимание на особый конструктивный характер деятельности субъектов образования в реализации событийного формата. Задача учащегося заключается в самостоятельном конструировании собственного образования. Он выбирает предложенные и интересующие его модули, дисциплины, мастерские, проекты, события. В этом методе учитель выступает в качестве главного педагогического инструктора, умеющего понимать, уметь говорить на разных языках, вести переговоры, признавать право каждого учащегося на личное образование, выстраивать логику образовательного процесса, интерпретировать его результаты и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ложкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. URL: <https://worldskills.ru/media-czentr/doklady-i-issledovaniya.html>
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (10–11 кл.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174
3. Метапредметный подход в обучении школьников : методические рекомендации для педагогов общеобразовательных школ / авт.-сост. С.В. Галян. Сургут : РИО СурГПУ, 2014. 64 с.
4. Ковалева Т.М., Якубовская Т.В. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой // Человек.RU. 2017. № 12. С. 85–94.
5. Путилин В.Д., Ковалевская Е.В., Путилина Н.В. Конпроблемное образование – вызов XXI века // Образование личности. 2016. № 4. С. 27–33.
6. Ковалевич В.Т., Шайдурова О.В., Гудкова О.В. Активные методы в системе профориентации учащихся // Формирование человеческого капитала ресурсами системы образования : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 21–22 апреля 2016 / под общ. ред. В.Т. Ковалевич. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 172 с.
7. Бахтин М.М. К философии поступка. URL: <http://www.pereplet.ru/misl/bahtin.html>
8. Хайдеггер М. Бытие и время // Ad Marginem. 1997. 156 с.
9. Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н. Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 6–14.
10. Слободчиков В. И. Со-бытийная педагогика С.А. Калабалина // Профилактика зависимостей. 2015. № 1. С. 19.
11. Мануйлов Ю.С. Язык «Со-» // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 56–62.
12. Шустова И.Ю. Детско-взрослая общность и ее со-бытийные характеристики // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н. Б. Крыловой, М. Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 23–35.
13. Валеев Р.Г. Познавательная самостоятельность учащихся как предпосылка и результат образовательных событий // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 69–75.

14. Троицкий Ю.Л. Событие как образовательная стратегия // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 87–94.
15. Миркес М.М., Муха Н.В. Образовательное событие как тьюторская практика // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 101–109.
16. Крылова Н.Б. Условия проявления событийности образования // Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Саратов : Эстамп, 2010. С. 147–155.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 мая 2018 г.

THE PECULIARITIES OF SENIOR STUDENTS' EVENT-ORGANIZED TEACHING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 161–165.

DOI: 10.17223/15617793/431/21

Olga V. Gudkova, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olya.gudkova.69@inbox.ru

Keywords: intersubject skills of senior students; event-organized teaching; event; co-existent community; educational event; educational result; open educational project.

In the article, it is stated that the priority of materialistic ideas in people's mind deforms all other important values. The Federal State Education Standard of General Secondary Education pays attention to the person's qualities, required by social development: high professional level, activity, successfulness, aspiration to achievements, creativity and others. It is noted that more and more works appear that suggest ways to achieve this high level of education. It is stated that educational institutions of all levels search actively for theoretical justifications for innovations, ways, methods, technologies for the formation of the above qualities. It is emphasized that modern education has new tasks of the formation of various abilities of students, including meta-subject skills of high school students. Three groups of meta-subject skills of high school students have been singled out which are subject to formation in connection with the new requirements of the Federal State Education Standard of General Secondary Education to educational results. It is stated that there are didactic works by various researchers, where positive experience has been accumulated in the solution of the above and other problems. Great value is the experience in the event format of education organization. An analytical study of the main aspects and basic concepts of the event format of education organization was conducted. On the basis of the concepts "event", "educational event", "educational outcome", "co-existent community", "event organization of education", the essence of the event phenomenon is determined. The author dwells in detail on the technology of the "open educational project", which belongs to the classical forms of the event format. Features of this technology are considered. An example of an open educational project from the author's experience is given. Reflection of this experience makes it possible to draw a conclusion about the effectiveness of the formation of the meta-subject skills of high school students indicated above. An analysis of the results of using this technology makes it possible to assert that the event format promotes the achievement of the educational results identified in the Federal State Education Standard of General Secondary Education.

REFERENCES

1. Loshkareva, E. et al. (2017) *Navyki budushchego. Chto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire* [Skills of the future. How to thrive in the new complex world]. [Online] Available from: <https://worldskills.ru/media-czentr/doklady-i-issledovaniya.html>.
2. Konsul'tantPlyus. (2012) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya (10–11 kl.)* [Federal state educational standard of secondary (complete) general education (10–11 grades)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174.
3. Galyan, S.V. (ed.) (2014) *Metapredmetnyy podkhod v obuchenii shkol'nikov: metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov obshcheobrazovatel'nykh shkol* [Meta-discipline approach in the education of schoolchildren: methodological recommendations for teachers of general education schools]. Surgut: Surgut State Pedagogical University.
4. Kovaleva, T.M. & Yakubovskaya, T.V. (2017) Tutorial activity as anthropopractice: between individual educational trajectories and individual educational programs. *Chelovek.RU*. 12. pp. 85–94. (In Russian).
5. Putilin, V.D., Kovalevskaya, E.V. & Putilina, N.V. (2016) Conproblem'based education ' challenge of the XXI century. *Obrazovanie lichnosti – Personality Formation*. 4. pp. 27–33. (In Russian).
6. Kovalevich, V.T., Shaydurova, O.V. & Gudkova, O.V. (2016) [Active methods in the system of vocational guidance of students]. *Formirovanie chelovecheskogo kapitala resursami sistemy obrazovaniya* [Formation of human capital by the resources of the education system]. Proceedings of the III all-Russian conference. Siberian Federal University, Krasnoyarsk. 21–22 April 2016. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
7. Bakhtin, M.M. (1997) *K filosofii postupka* [To the philosophy of an action]. [Online] Available from: <http://www.pereplet.ru/misl/bakhtin.html>.
8. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
9. Slobodchikov, V.I. (2010) So-bytiynaya obrazovatel'naya obshchnost' – istochnik razvitiya i sub'ekt obrazovaniya [Co-existent educational community as the source of development and the subject of education]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
10. Slobodchikov, V.I. (2015) So-bytiynaya pedagogika S.A. Kalabalina [Co-existent pedagogy of S.A. Kalabalina]. *Profilaktika zavisimostey*. 1.
11. Manuylov, Yu.S. (2010) Yazyk "So-" [The language "Co-"]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
12. Shustova, I.Yu. (2010) Detsko-vzroselaya obshchnost' i ee so-bytiynye kharakteristiki [Children-adult community and its co-existent characteristics]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
13. Valeev, R.G. (2010) Poznavatel'naya samostoyatel'nost' uchashchikhsya kak predposylka i rezul'tat obrazovatel'nykh sobytii [Cognitive independence of students as a prerequisite and result of educational events]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
14. Troitskiy, Yu.L. (2010) Sobytie kak obrazovatel'naya strategiya [Event as an educational strategy]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
15. Mirkes, M.M. & Mukha, N.V. (2010) Obrazovatel'noe sobytie kak t'yutorskaya praktika [Educational event as tutorial practice]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.
16. Krylova, N.B. (2010) Usloviya proyavleniya sobytiynosti obrazovaniya [Conditions for the manifestation of the eventfulness of education]. In: Krylova, N.B. & Zhilina, M.Yu. (eds) *Sobytiynost' v obrazovatel'noy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Eventfulness in educational and pedagogical activities]. Saratov: Estamp.

Received: 04 May 2018

Е.В. Осипенко

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ И ОБРАЗА ЖИЗНИ ШКОЛЬНИКАМИ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА

Представлены результаты социологического исследования учащихся I и II ступеней (1–9 классы) средних школ Гомельского региона. Нами констатировано, что образ жизни детей в последнее время претерпел значительные изменения и оказывает негативное воздействие на их морфо-функциональное развитие и восприятие реального мира. Респонденты не ведут дневник самоконтроля и слабо изучают литературу по физической культуре и здоровью, что свидетельствует о необходимости внесения коррекции в формирование потребностно-мотивационного компонента личностной физической культуры.

Ключевые слова: здоровье; самооценка; учащиеся; учреждения общего среднего образования; двигательная активность; физические упражнения; самоконтроль.

Введение. Здоровье нации определяется, прежде всего, здоровьем детей и подростков. Уровень развития подрастающего поколения, а также его физический и умственный потенциал могут стать предпосылками выхода республики из тяжелого социально-экономического кризиса.

Необходимо отметить, что на протяжении последних 20 лет сохраняется тенденция к росту заболеваемости по обращаемости на 2–4% в год, увеличивается распространенность хронической патологии, снижается количество практически здоровых детей во всех возрастно-половых группах, что подтверждается данными официальной статистики и результатами выборочных научных исследований [1, 2].

Известно, что самооценка школьниками показателей своего здоровья позволяет получить более объективную картину состояния и активизировать интерес у учащихся к здоровому образу жизни.

Цель исследования – выявить уровень валеологической грамотности среди учащихся 1–9 классов учреждений общего среднего образования Гомельского региона.

Методы и организация исследования. В нашем исследовании принимали участие школьники учреждений общего среднего образования Гомельской области (из 85 учреждений образования) в количестве 301 человека, из них 145 лиц мужского пола (48,2%) и 156 – женского (51,8%). Более детальная информация по классам и полу респондентов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика респондентов, принявших участие в социологическом исследовании

Пол	Класс									Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Мальчики	22	18	18	23	20	16	17	7	4	145
Девочки	12	20	19	20	27	15	20	18	5	156
<i>Всего</i>	34	38	37	43	47	31	37	25	9	301

Из представленных данных следует, что выборка учащихся I ступени образования включает 152 человека (81 – 53,3% – мальчик, 71 – 46,7% – девочка). Из них учащихся 1-го класса – 34 человека (22,4%), 2-го – 38 человек (25,0%), 3-го – 37 человек (24,3%), 4-го класса – 43 человека (28,3%).

При этом учащиеся II ступени образования составили выборку в количестве 149 человек (64 – 43,0% – мальчика, 85 – 57,0% – девочек). Из них учащихся 5-го класса – 47 человек (31,5%), 6-го – 31 человек (20,8%), 7-го – 37 человек (24,8%), 8-го – 25 человек (16,8%), 9-го – 9 человек (6,0%).

Для проведения данного исследования применялся метод анкетирования. Обработка результатов исследования осуществлялась при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 с использованием сравнительной оценки распределений по ряду учетных признаков. Учащимся была предложена анкета, состоящая из 15 вопросов, связанных с самооценкой собственного здоровья и образа жизни.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования были получены следующие результаты. На вопрос «Оцените состояние своего здоровья в текущем году» 195 респондентов (100 ♂ и 95 ♀ – 64,8%) отве-

тили, что считают его отличным, 104 респондента (45 ♂ и 59 ♀ – 34,6%) – удовлетворительным, а 2 (2 ♀ – 0,7%) – плохим.

Детальный анализ полученных результатов по ступеням образования выявил следующее: 100 респондентов 1–4-го классов (57 ♂ и 43 ♀ – 65,8%) и 95 респондентов 5–9-го классов (43 ♂ и 52 ♀ – 63,8%) считают свое здоровье отличным, 50 респондентов 1–4 классов (24 ♂ и 26 ♀ – 32,9%) и 54 респондента 5–9-го классов (21 ♂ и 33 ♀ – 36,2%) – удовлетворительным, а 2 респондента 1–4-го классов (2 ♀ – 1,3%) – плохим.

На вопрос «Как изменилось Ваше здоровье по отношению к прошлому году?» 140 респондентов (73 ♂ и 67 ♀ – 46,5%) считают, что улучшилось, 148 респондентов (66 ♂ и 82 ♀ – 49,2%) – не изменилось, а 13 респондентов (6 ♂ и 7 ♀ – 4,3%) указали на его ухудшение.

При этом, по мнению респондентов, состояние здоровья улучшилось у 68 респондентов 1–4-го классов (36 ♂ и 32 ♀ – 44,7%) и 72 респондентов 5–9-го классов (37 ♂ и 35 ♀ – 48,3%), не изменилось у 77 респондентов 1–4-го классов (41 ♂ и 36 ♀ – 50,7%) и у 71 респондента 5–9-го классов (25 ♂ и 46 ♀ –

47,7%). Ухудшение отметили 7 респондентов (4 ♂ и 3 ♀ – 4,6%) 1–4-го классов и 6 респондентов 5–9-го классов (2 ♂ и 4 ♀ – 4,0%).

О важности двигательной активности для организма подрастающего поколения и необходимости самостоятельных занятий с целью удовлетворения дефицита двигательной активности в недельном цикле и повышения уровня физической подготовленности существует большое количество проведенных исследований [1, 2]. Поэтому нами был задан респондентам следующий вопрос: «Оцените уровень своей двигательной активности в последние месяцы». Анализ полученных результатов показал, что 151 респондент (82 ♂ и 69 ♀ – 50,2%) указал на высокий уровень, 140 респондентов (59 ♂ и 81 ♀ – 46,5%) отметили умеренный уровень, а 10 респондентов (4 ♂ и 6 ♀ – 3,3%) охарактеризовали его как крайне низкий. В то же время на высокий уровень двигательной активности указали 90 респондентов 1–4-го классов (51 ♂ и 39 ♀ – 59,2%) и 61 респондент 5–9-го классов (31 ♂ и 30 ♀ – 40,9%), умеренный уровень, по мнению респондентов, выделили 57 учащихся 1–4-го классов (28 ♂ и 29 ♀ – 37,5%) и 83 респондента 5–9-го классов (31 ♂ и 52 ♀ – 55,7%). Крайне низкий уровень отметили 5 респондентов 1–4-го классов (2 ♂ и 3 ♀ – 3,3%) и 5 респондентов 5–9-го классов (2 ♂ и 3 ♀ – 3,4%).

Можно предположить, что для многих учащихся в средних школах физическая нагрузка, которая дается на уроках физической культуры и здоровья, является практически единственной в недельном объеме двигательной активности и необходимой для оптимального физического развития и повышения функциональных возможностей организма занимающихся. При этом она является причиной тех адаптационных изменений в организме, от характера и величины которых зависит конечный результат. Физическая нагрузка в виде учебных заданий должна соответствовать индивидуальным и поло-возрастным особенностям занимающихся.

Оценивая уровень физических нагрузок на уроках физической культуры и здоровья 42 респондента (22 ♂ и 20 ♀ – 14,0%) отметили как слишком высокий, 228 респондентов (112 ♂ и 116 ♀ – 75,7%) – как достаточный, а 31 респондент (11 ♂ и 20 ♀ – 10,3%) – как низкий. Из них на высокий уровень физических нагрузок на уроках физической культуры и здоровья указали 25 респондентов 1–4-го классов (14 ♂ и 11 ♀ – 16,4%) и 17 респондентов 5–9-го классов (8 ♂ и 9 ♀ – 11,4%), на достаточный уровень – 109 респондентов 1–4-го классов (59 ♂ и 50 ♀ – 71,7%) и 119 респондентов 5–9-го классов (53 ♂ и 66 ♀ – 79,9%), а на низкий уровень – 18 респондентов 1–4-го классов (8 ♂ и 10 ♀ – 11,8%) и 13 респондентов 5–9-го классов (3 ♂ и 10 ♀ – 8,7%) – низкий.

На вопрос «Испытываете ли Вы быструю утомляемость при любых физических нагрузках?» 126 респондентов (74 ♂ и 52 ♀ – 41,9%) ответили «нет», 129 респондентов (47 ♂ и 82 ♀ – 42,9%) – изредка, 45 респондентов (23 ♂ и 22 ♀ – 15,0%) – да, 1 (1 ♂ – 0,3%) – всегда. Детализированный анализ показал, что не испытывают быструю утомляемость при любых физических нагрузках 72 респондента 1–

4-го классов (44 ♂ и 28 ♀ – 47,4%) и 54 респондента 5–9-го классов (30 ♂ и 24 ♀ – 36,2%); изредка испытывают утомляемость 53 респондента 1–4-го классов (23 ♂ и 30 ♀ – 34,9%) и 76 респондентов 5–9-го классов (24 ♂ и 52 ♀ – 51,0%). На наличие быстрой утомляемости указали 26 респондентов 1–4-го классов (13 ♂ и 13 ♀ – 17,1%) и 19 респондентов 5–9-го классов (10 ♂ и 9 ♀ – 12,8%); 1 респондент 1–4-го классов (1 ♂ – 0,7%) отметил систематическое утомление.

Анализ готовности респондентов к выполнению интенсивных упражнений и действий соревновательного характера показал, что 165 респондентов (86 ♂ и 79 ♀ – 54,8%) полностью уверены, 100 респондентов (46 ♂ и 54 ♀ – 33,2%) – недостаточно готовы, а 36 (13 ♂ и 23 ♀ – 12,0%) – не готовы. При этом полностью готовы 81 респондент 1–4-го классов (43 ♂ и 38 ♀ – 53,3%) и 84 респондента 5–9-го классов (43 ♂ и 41 ♀ – 56,4%), недостаточно готовы – 45 респондентов 1–4-го классов (27 ♂ и 18 ♀ – 29,6%) и 55 респондентов 5–9-го классов (19 ♂ и 36 ♀ – 36,9%), не готовы 26 респондентов 1–4-го классов (11 ♂ и 15 ♀ – 17,1%) и 10 респондентов 5–9-го классов (2 ♂ и 8 ♀ – 6,7%).

Анализ наличия собственных неприятных ощущений респондентов, более в области сердца в покое показал, что 17 респондентов (5 ♂ и 12 ♀ – 5,6%) отмечают их частое присутствие, 58 респондентов (25 ♂ и 33 ♀ – 19,3%) – проявление время от времени, 226 респондентов (115 ♂ и 111 ♀ – 75,1%) ничего не беспокоит. Так, на наличие неприятных ощущений и более указали 14 респондентов 1–4-го классов (5 ♂ и 9 ♀ – 9,2%) и 3 респондента 5–9-го классов (3 ♀ – 2,0%), на проявление время от времени – 26 респондентов (18 ♂ и 8 ♀ – 17,1%) и 32 (7 ♂ и 25 ♀ – 21,5%) соответственно, в то время как 112 респондентов 1–4-го классов (58 ♂ и 54 ♀ – 73,7%) и 114 респондентов 5–9-го классов (57 ♂ и 57 ♀ – 76,5%) ничего не беспокоит.

На вопрос «Бывают ли у Вас головные боли, головокружение, обмороки в покое?» 10 респондентов (6 ♂ и 4 ♀ – 3,3%) отметили, что очень часто, 67 (19 ♂ и 48 ♀ – 22,3%) – изредка, 224 (120 ♂ и 104 ♀ – 74,4%) – не бывают. При этом систематическое наличие головных болей, головокружения и обмороков в покое констатировано у 7 респондентов 1–4-го классов (6 ♂ и 1 ♀ – 4,6%) и 3 респондентов 5–9-го классов (3 ♀ – 2,0%), их наличие время от времени отмечают 32 респондента 1–4-го классов (11 ♂ и 21 ♀ – 21,1%) и 35 респондентов 5–9-го классов (8 ♂ и 27 ♀ – 23,5%). Не отмечают дискомфорта в покое 113 респондентов 1–4-го классов (64 ♂ и 49 ♀ – 74,3%) и 111 респондентов 5–9-го классов (56 ♂ и 55 ♀ – 74,5%).

Изучая наличие каких-либо неприятных ощущений у респондентов во время выполнения физических упражнений необходимо констатировать, что 21 респондент (10 ♂ и 11 ♀ – 7,0%) испытывает их частое присутствие, 72 респондента (27 ♂ и 45 ♀ – 23,9%) испытывают их изредка, а 208 респондентов (108 ♂ и 100 ♀ – 69,1%) не чувствуют дискомфорта. При этом частые боли в области сердца и неприятные ощущения при физических нагрузках отмечают 16 респондентов 1–4-го классов (8 ♂ и 8 ♀ – 10,5%) и 5 респондентов 5–9-го классов (2 ♂ и 3 ♀ – 3,4%), дискомфорт время от времени характеризуют 33 респондента 1–

4-го классов (18 ♂ и 15 ♀ – 21,7%) и 39 респондентов 5–9-го классов (9 ♂ и 30 ♀ – 26,2%), а 103 респондента 1–4-го классов (55 ♂ и 48 ♀ – 67,8%) и 105 респондентов 5–9-го классов (64 ♂ и 85 ♀ – 70,5%) ничего не беспокоит.

На вопрос «Беспокоят ли Вас головные боли при выполнении физических нагрузок?» 13 респондентов (6 ♂ и 7 ♀ – 4,3%) отметили, что очень часто, 66 респондентов (24 ♂ и 42 ♀ – 21,9%) – изредка, 222 респондента (115 ♂ и 107 ♀ – 73,8%) – нет. На частые головные боли при выполнении физических нагрузок жалуются 11 респондентов 1–4-го классов (6 ♂ и 5 ♀ – 7,2%) и 2 респондента 5–9-го классов (2 ♀ – 1,3%), боли время от времени отмечают 30 респондентов 1–4-го классов (14 ♂ и 16 ♀ – 19,7%) и 36 респондентов 5–9-го классов (10 ♂ и 26 ♀ – 24,2%). При этом 111 респондентов 1–4-го классов (61 ♂ и 50 ♀ – 73,0%) и 111 респондентов 5–9-го классов (54 ♂ и 57 ♀ – 74,5%) – не испытывают внутреннего дискомфорта.

Следует отметить, что 16 респондентов (6 ♂ и 10 ♀ – 5,3%) указали на систематическое наличие болей в позвоночнике или суставах в покое и после выполнения физических упражнений (10 респондентов 1–4-го классов (4 ♂ и 6 ♀ – 6,6%) и 6 респондентов 5–9-го классов (2 ♂ и 4 ♀ – 4,0%)), 69 респондентов (27 ♂ и 42 ♀ – 22,9%) отметили наличие их время от времени (28 респондентов 1–4-го классов (17 ♂ и 11 ♀ – 18,4%) и 41 респондент 5–9-го классов (10 ♂ и 31 ♀ – 27,5%)), а 216 (112 ♂ и 104 ♀ – 71,8%) не имеют их (114 респондентов 1–4-го классов (60 ♂ и 54 ♀ – 75,0%) и 102 респондента 5–9-го классов (52 ♂ и 50 ♀ – 68,5%)).

Изучая длительность ночного сна и степень восстановления сил в дни физических тренировок и уроков физической культурой и здоровьем необходимо констатировать, что 176 респондентов (92 ♂ и 84 ♀ – 58,5%) указывают на достаточный сон, 94 респондента (37 ♂ и 57 ♀ – 31,2%) – на частичную удовлетворенность, а 31 респондент (16 ♂ и 15 ♀ – 10,3%) постоянно не высыпается. Из них 91 респондент 1–4-го классов (50 ♂ и 41 ♀ – 59,9%) и 85 респондентов 5–9-го классов (42 ♂ и 43 ♀ – 57,0%) полностью удовлетворены длительностью и качеством сна в дни физических тренировок и уроков физической культурой и здоровьем, 39 респондентов 1–4-го классов (18 ♂ и 21 ♀ – 25,7%) и 55 респондентов 5–9-го классов (19 ♂ и 36 ♀ – 36,9%) удовлетворены качеством сна частично, а 22 респондента 1–4-го классов (13 ♂ и 9 ♀ – 14,5%) и 9 респондентов 5–9-го классов (3 ♂ и 6 ♀ – 6,0%) постоянно не высыпается.

На вопрос «Занимаетесь ли Вы элементарным закаливанием (холодный душ, обтирание)?» 55 респондентов (29 ♂ и 26 ♀ – 18,3%) отметили, что делают это ежедневно, 124 респондента (58 ♂ и 66 ♀ – 41,2%) – закаливаются не регулярно, а 122 респондента (58 ♂ и 64 ♀ – 40,5%) не выполняют закаливающие процедуры. При этом ежедневно выполняют закаливающие процедуры 26 респондентов 1–4-го классов (16 ♂ и 10 ♀ – 17,1%) и 29 респондентов 5–9-го классов (13 ♂ и 16 ♀ – 19,5%), время от времени закаливающие процедуры используют 46 респондентов 1–4-го классов (23 ♂ и 23 ♀ – 30,3%) и 78 респондентов 5–9-го классов (35 ♂ и 43 ♀ – 52,3%), 80 респондентов

1–4-го классов (42 ♂ и 38 ♀ – 52,6%) и 42 респондента 5–9-го классов (16 ♂ и 26 ♀ – 28,2%) не занимаются закаливанием.

Анализ привычки ведения дневника самоконтроля по оценке собственного физического развития показал, что лишь 42 респондента (22 ♂ и 20 ♀ – 14,0%) систематически это делают, 56 респондентов (22 ♂ и 34 ♀ – 18,6%) – пробовали, но не получается, а 203 респондента (101 ♂ и 102 ♀ – 67,4%) – не считают это необходимым. При этом систематическое ведение дневника самоконтроля отмечают лишь 23 респондента 1–4-го классов (12 ♂ и 11 ♀ – 15,1%) и 19 респондентов 5–9-го классов (10 ♂ и 9 ♀ – 12,8%), на то, что пробовали, но не получается указали 25 респондентов 1–4-го классов (13 ♂ и 12 ♀ – 16,4%) и 31 респондент 5–9-го классов (9 ♂ и 22 ♀ – 20,8%).

Следует выделить, что не считают необходимым ведение дневника самоконтроля 104 респондента 1–4-го классов (56 ♂ и 48 ♀ – 68,4%) и 99 респондентов 5–9-го классов (45 ♂ и 54 ♀ – 66,4%), на что следует в дальнейшем обратить внимание и детально изучить механизмы и направления повышения потребностно-мотивационно-ценностной сферы и заботы о собственном здоровье у учащихся учреждений общего среднего образования.

Только 42 респондента (23 ♂ и 19 ♀ – 14,0%) из числа опрошенных постоянно изучают литературу по физической культуре, спорту, здоровью, 93 респондента (47 ♂ и 46 ♀ – 30,9%) изучают изредка, а 166 (75 ♂ и 91 ♀ – 55,1%) не изучают. Из них систематически изучают литературу 21 респондент 1–4-го классов (13 ♂ и 8 ♀ – 13,8%) и 21 респондент 5–9-го классов (10 ♂ и 11 ♀ – 14,1%), изучение литературы время от времени констатируют 35 респондентов 1–4-го классов (21 ♂ и 14 ♀ – 23,0%) и 58 респондентов 5–9-го классов (26 ♂ и 32 ♀ – 38,9%), а 96 респондентов 1–4-го классов (47 ♂ и 49 ♀ – 63,2%) и 70 респондентов 5–9-го классов (28 ♂ и 42 ♀ – 47,0%) – не изучают вовсе.

В заключение можно отметить, что образ жизни современных школьников оказывает негативное воздействие на их морфофункциональное развитие и восприятие реального мира. Только 14,0% респондентов систематически ведут дневник по самоконтролю и оценке своего здоровья, изучают литературу по физической культуре, спорту, здоровью. Лишь 18,3% респондентов систематически выполняют закаливающие процедуры.

Имеющиеся сведения в научно-методической литературе и результаты собственных исследований свидетельствуют о достаточно низком уровне физической подготовленности учащихся учреждений общего среднего образования как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации и невозможности выполнять большинство контрольных упражнений, которые содержит учебная программа по предмету «Физическая культура и здоровье». В то же время 50,2% респондентов, согласно результатам нашего исследования, считает уровень своей двигательной активности высоким, а 46,5% респондентов – умеренным.

Нашим исследованием констатировано, что 64,8% опрошенных респондентов отмечают свое состояние

здоровья отличным, а 34,6% – удовлетворительным. При этом готовы выполнять соревновательные упражнения лишь 33,2% опрошенных респондентов.

Анализ присутствия каких-либо неприятных ощущений у учащихся 1–9-го классов Гомельского региона в покое или во время выполнения физических упражнений показал, что в целом более 70–75% респондентов не испытывают признаков дискомфорта в состоянии собственного здоровья.

31,2% респондентов указывают на частичную удовлетворенность длительностью и качеством сна в дни занятий физическими упражнениями, а 10,3% респондентов – на постоянный недосып.

Следует заключить, что анализ полученных результатов исследования свидетельствует о необходимости внесения коррекции в формирование потребностно-мотивационно-ценностной сферы учащихся и заботы их о собственном здоровье.

Надеемся, что представленные материалы будут полезны в практической деятельности педагогам, руководителям учреждений образования, родителям, другим заинтересованным специалистам при вынесении решений, касающихся вопросов организации физического воспитания и проектирования развивающей физкультурно-игровой среды в учреждениях общего среднего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жмулин А.В. Оптимизация двигательной активности учащихся младших классов в системе школьного физического воспитания : дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 189 с.
2. Мруц И.Д. Обоснование недельного режима двигательной активности в самостоятельных занятиях учащихся 11–15 лет : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Кишинев, 2005. 31 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 2 апреля 2018 г.

SELF-ASSESSMENT OF HEALTH AND LIFESTYLE BY SCHOOLCHILDREN OF GOMEL REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 166–169.

DOI: 10.17223/15617793/431/22

Evgeny V. Osipenko, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus). E-mail: eosipenko_2009@mail.ru

Keywords: health; self-esteem; students; institutions of general secondary education; motor activity; exercise; self-control.

The article presents the results of a sociological research of the students of the institution of general secondary education of Gomel Region on assessing their own health and lifestyle. It is stated that children's way of life has recently undergone significant changes and has a negative impact on their morphological and functional development, and on their perception of the real world. Only 14.0% of the respondents regularly keep a diary on self-control and assessment of their health, study literature on physical culture, sports, health. Only 18.3% of the respondents systematically improve their endurance. Available data from scientific and methodological literature and results of the author's own research testify to a rather low level of physical shape of secondary school students both in the Republic of Belarus and in the Russian Federation, and to their impossibility to perform most of control exercises from the Physical Culture and Health course curriculum. Nevertheless, 50.2% of the respondents consider their level of motor activity to be high, and 46.5% of the respondents moderate. The study showed that 64.8% of the respondents said their health was excellent, and 34.6% satisfactory; yet only 33.2% of the respondents are ready to perform competitive exercise. The analysis of the presence of any discomfort in the 1st–9th grade students of Gomel Region at rest or during exercise showed that, in general, more than 70–75% of the respondents do not experience any signs of discomfort in their own health. 31.2% of the respondents indicate partial satisfaction with the duration and quality of sleep during the days of doing physical exercise, and 10.3% of the respondents a permanent lack of sleep. It should be concluded that the results of the research show the need for correction in the formation of the need-motivation-value sphere of students and their own care for health. The author hopes that the presented material will be useful in the practical activities for teachers, heads of educational institutions, parents, other professionals interested in making decisions concerning the organization of physical education and the design of the developing sports environment in the institutions of general secondary education.

REFERENCES

1. Zhmulin, A.V. (2008) *Optimizatsiya dvigatel'noy aktivnosti uchashchikhsya mladshikh klassov v sisteme shkol'nogo fizicheskogo vospitaniya* [Optimization of the motor activity of students of junior grades in the system of school physical education]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
2. Mruts, I.D. (2005) *Obosnovanie nedel'nogo rezhima dvigatel'noy aktivnosti v samostoyatel'nykh zanyatiyakh uchashchikhsya 11–15 let* [The justification of the weekly regimen of motor activity in independent studies of students aged 11–15]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Chisinau.

Received: 02 April 2018

ПРАВО

УДК 343.12

В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научно-исследовательского проекта № 16-03-00413.*

Изучаются различные подходы к пресечению злоупотребления правом. Авторы приходят к выводу, что закрепление указанного понятия в качестве принципа нецелесообразно, а противодействие основным формам злоупотребления правом возможно путем внесения «точечных» изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: злоупотребление правом; противодействие; нормативное закрепление.

В настоящее время правовая категория «злоупотребление правом» получила достаточно широкое освещение в юридической литературе. Живой интерес ученых-процессуалистов к рассматриваемому феномену обусловлен как складывающейся судебной практикой, так и отсутствием единого мнения относительно природы указанного правового явления. В научной литературе имеются публикации, касающиеся причин и условий злоупотребления правом, его понятия, а также способов противодействия, пресечения и предотвращения злоупотребления правом в уголовном процессе. Тем не менее некоторые авторы по различным причинам и основаниям необоснованно расширяют сферу действия изучаемого явления, путем отнесения к ней тех правоотношений и действий, которые таковыми выступать в принципе не могут. Это обусловлено неповторимостью конкретных форм злоупотребления права и трудностью его определения, а также широкой долей субъективизма в его установлении, что существенно осложняет противодействие данному явлению.

В связи с данным обстоятельством хотелось высказать свою позицию относительно правильной квалификации случаев злоупотребления правом, его ограничения от иных недобросовестных действий участников уголовного процесса, и самое главное – о путях и способах предотвращения подобного поведения.

Основными причинами появления указанного феномена в уголовном судопроизводстве являются: существенное расширение прав участников уголовного процесса, в особенности подозреваемого, обвиняемого, защитника и потерпевшего, а также широкое внедрение в нормы отечественного уголовно-процессуального права принципов состязательности и диспозитивности.

Не случайно, что даже в практике Европейского Суда по правам человека не допускается злоупотребление правом при подаче жалобы в указанную судебную инстанцию [1. С. 248–260].

Так, А.Б. Диваев отмечает, что «состязательность сама по себе невозможна в условиях стеснения инициативы сторон судебного спора, ограничения про-

цессуальных возможностей по отстаиванию ими своих интересов, отсутствия развернутой системы их судебных прав. А там, где есть широкий круг прав, там есть диспозитивность как проявление свободы воли по распоряжению этими правами» [2. С. 35]. При этом автор добавляет, что состязательность в рассматриваемом ракурсе представляет собой некий «катализатор» злоупотреблению сторонами своими правами.

Л.В. Головкин обращает внимание на то, что связано это явление с неуклонным развитием права на защиту, что само по себе является позитивной тенденцией. Однако увеличение количества и качества прав подозреваемого, обвиняемого, защитника, к сожалению, приводит иногда к искушению злоупотребить этими правами, т.е. использовать их не в законных (легитимных) интересах, а вопреки им (во вред правосудию) – для того, чтобы затянуть уголовный процесс, увести его к обсуждению не имеющих отношения к делу вопросов и т.п. Поэтому доктрина, законодательство и судебная практика неизбежно начали вырабатывать уголовно-процессуальное понятие злоупотребления правом, прежде всего правом на защиту, поскольку в практической плоскости данная проблема возникает наиболее часто [3. С. 128].

Исходя из исследуемых причин можно сделать следующие выводы: злоупотреблять правом могут только лишь указанные выше участники уголовного процесса; пресечение злоупотребления правом возможно только путем ограничения конкретного субъективного права.

В связи с указанным обстоятельством некоторые ученые-процессуалисты видят оптимальной следующую правовую конструкцию: закрепление недопустимости злоупотребления правом в качестве принципа уголовного процесса.

Так, О.И. Даровских, поддерживая указанную идею, выделяет условия и признаки данной правовой конструкции. Условиями злоупотреблений правом в уголовном судопроизводстве выступают: статус участника уголовного судопроизводства; наличие определенного права (которым указанный участник злоупотребляет); ситуация правовой неопределенности [4. С. 28].

Признаки данной правовой конструкции – это: особая форма противоправного поведения; умышленные действия (в редких случаях бездействие); *деятельность любых участников уголовного судопроизводства, в том числе и должностных лиц* (выделено нами. – В.А., Д.Н.), поведение злоупотребляющего правом лица направлено на причинение вреда либо угрозы его причинения иным участникам процесса, либо такое поведение посягает на принципы уголовного судопроизводства, искажает реализацию данных принципов, тем самым затрагивая интересы общества и государства [4. С. 28].

На наш взгляд, ключевым признаком, позволяющим рассматривать недопустимость злоупотребления правом в качестве принципа уголовного процесса, является сфера его распространения на всех участников уголовного процесса. В анализируемом случае О.И. Даровских полагает, что злоупотреблять правом могут в том числе должностные лица, в связи с такой трактовкой идея принципа вполне обоснована.

С учетом складывающейся судебной практики (где злоупотребление правом отмечается в действиях защитника, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), а также разъяснения п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (где отмечается факт злоупотребления именно только со стороны защиты), а также причин появления указанного феномена (в виде расширения прав стороны защиты, реализации принципов состязательности и диспозитивности) можно сделать вывод о том, что рассматриваемая категория не распространяется на властных субъектов уголовного процесса. По данному факту мы ранее вполне определено высказывали свою позицию [5. С. 25–38].

В этой связи весьма актуальны рассуждения А.Б. Диваева по данному вопросу. Автор отмечает, что в отличие от субъективного права полномочие не подразумевает свободы воли носителя права при его использовании. Полномочием нельзя распорядиться по своему желанию. Это обстоятельство связано с публично-правовым характером должностных полномочий, которым его носитель не только вправе, но и обязан воспользоваться при наличии предусмотренных законом оснований для этого. Природа злоупотребления субъективным правом такова, что для того чтобы им злоупотребить, его необходимо «употребить», т.е. реализовать, а поэтому злоупотребление субъективным правом возможно исключительно в форме активного поведения носителя права. Если право им не используется, то и злоупотребление невозможно. Данное правило, вполне очевидное для злоупотребления субъективным правом, совершенно не отражает сущности злоупотребления полномочиями [2. С. 39].

Стоит отметить, что Конституционный Суд РФ в определениях от 2 июля 2015 г. № 1541-О, № 1542-О и № 1543-О истолковал смысл положений части шестой ст. 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указав, что нельзя считать злоупотреблени-

ем правом случаи неоднократного направления уголовного дела для производства дополнительного следствия, приостановление или прекращение уголовного дела по одним и тем же основаниям [6].

Тем самым Высший Суд также фактически подчеркнул, что злоупотребление правом со стороны должностных лиц недопустимо и невозможно в принципе.

Имеются и иные взгляды на проблему законодательного закрепления недопустимости злоупотребления правом. К примеру, Л.Д. Калинкина отмечает, что в рамках уголовного судопроизводства следует говорить не столько о злоупотреблении правами, сколько о четком регулировании в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержания, условий и порядка реализации прав [7. С. 24]. Автор также ссылается на разъяснение Конституционного Суда РФ, в котором указано, что законодатель не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права, ставили бы его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и, наконец, исключали бы его судебную защиту [8]. Ряд исследователей полагают, что каждый возможный случай злоупотребления правом должен быть предусмотрен в конкретной уголовно-процессуальной норме с указанием, какие последствия для участников уголовного судопроизводства будут иметь место при осуществлении того или иного злоупотребления правом. При этом, как заявляют авторы, никто не мешает законодателю с появлением новых способов злоупотребления правом вносить изменения в УПК РФ [9. С. 34–40].

Мы полагаем, что понятие «злоупотребление правом» необходимо закрепить в ст. 5 УПК РФ. При этом указанная норма, наряду с п. 18 Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29, будет являться правовым основанием для пресечения таких форм злоупотребления правом, как заявление многочисленных ходатайств, жалоб, отводов, чтобы судья или иное должностное лицо не тратило время на мотивировку своего решения. Но иные формы злоупотребления правом, которые направлены на ограничение такого права, должны пресекаться именно путем внесения точечных изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство с созданием соответствующих процессуальных механизмов.

Изложенные идеи хотелось бы рассмотреть на примере двух форм злоупотребления правом: 1) при производстве в суде с участием присяжных заседателей, когда адвокаты делают заявления или выясняют вопросы, которые не должны исследоваться в присутствии присяжных заседателей, а подсудимые допускают негативные высказывания в адрес органов, осуществляющих предварительное расследование, с тем чтобы опорочить доказательства обвинения [10. С. 51]; 2) злоупотребления правом при подаче жалоб на решения судов и должностных лиц, а также заявлений и жалоб на других граждан с целью свести личные счеты либо вынудить совершить определенные действия [11. С. 101–105].

Относительно первой формы злоупотребления в первую очередь речь идет о нарушении защитником п. 6–8 ст. 335 УПК РФ, а также в особенности – п. 3 ст. 336 УПК РФ, который гласит, что стороны не вправе

ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании. На практике судья, чаще всего, прерывает такие выступления и разъясняет присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Какие меры в этом случае возможно применить, если защитник нарушает указанные положения? На наш взгляд, ограничивать или лишать права выступать в прениях в принципе недопустимо. Наиболее рациональной мерой здесь выглядит либо штраф, либо удаление защитника из зала судебного заседания, при условии, что ему предварительно было вынесено предупреждение о недопустимости подобного поведения, а также направление частного определения суда в адвокатскую палату субъекта с требованием наказать такого адвоката в соответствии с нормами кодекса профессиональной этики адвоката. Сложнее обстоит дело, если подобные действия совершает подсудимый, единственно возможным действием здесь выступает его удаление из зала судебного заседания.

Как нам представляется, указанные действия возможно предупреждать и пресекать только точечными изменениями и дополнениями уголовно-процессуального законодательства.

О второй форме злоупотребления правом скажем следующее. Конституционный Суд РФ высказал свою позицию относительно злоупотребления правом со стороны частного обвинителя. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» указано, что использование гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотреблений своим правом со стороны частного обвинителя не исключено, когда обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет никаких оснований и обусловлено не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу [12].

Таким образом, в этом случае заинтересованное лицо должно подавать искомое заявление в суд с целью возмещения вреда, ущерба, убытков от действий частного обвинителя.

Относительно тех форм, когда возможны злоупотребления при подаче кассационных жалоб, уместно заметить, что совершенно правильно отмечает М.Е. Нехороших – пресечение злоупотреблений правом в данном случае возможно путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в частности, ведения пресекающего срока и запрета на подачу новых жалоб по тем же основаниям в связи с наличием ревизионного начала в деятельности суда кассационной инстанции [13. С. 69].

Серьезной проблемой в практике работы правоохранительных органов остаются вопросы подачи многочисленных жалоб и заявлений в различные инстанции гражданами с целью сведения личных счетов. Указанные действия отнимают очень много времени, отвлекают от основной работы и несмотря на малозначимость таких обращений, требуют вынесения процессуального решения.

В рассматриваемом контексте лишить или ограничить право гражданина на подачу жалобы, заявления невозможно, взыскивать с него расходы за необоснованное обращение – весьма сомнительно, перекладывать такую обязанность на другого гражданина нецелесообразно. Применение положений о злоупотреблении правом здесь неэффективно в виду того, что реакция возможна только после проведения проверки, когда смысл реализации ее результатов уже отпал. Поэтому здесь надлежит согласиться с Т.В. Трубниковой в том, что «государство должно проявлять определенную терпимость к подобным возможным злоупотреблениям правом, рассматривая их как своего рода процессуальные издержки (если злоупотребление правом хотя и создает препятствия в осуществлении правосудия, но эти препятствия не чрезмерны, затрудняют ход процесса, однако не останавливают его)» [14. С. 76].

Таким образом, понятие «злоупотребление правом» необходимо закрепить в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению основных категорий, применяемых в кодексе. Указанная норма позволит противодействовать несложным формам его проявления (в виде подачи большого количества необоснованных ходатайств, жалоб, заявлений). Все иные формы злоупотребления правом, реализуемые в рамках фундаментальных прав и свобод, следует ограничивать только путем внесения соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, либо остается «смириться с ними» и акцентировать внимание на повышение качества правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прозванченков А.В., Шахбазов Р.А. Злоупотребление правом в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 248–260.
2. Диваев А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–42.
3. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
4. Даровских О.И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 25–29.
5. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Субъекты злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МАЭП, Союз криминалистов и криминологов, 2016. С. 25–38.
6. Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.
7. Калинкина Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 24–26.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 26. Ст. 3185.
9. Юмашев Н.С., Юмашев А.Н., Солопов Н.С. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2015. № 15. С. 34–40.
10. Маркина Е.А. О злоупотреблении стороной защиты правом в судебном разбирательстве «de jure» и «de facto» // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 49–55.
11. Бурмагин С.В. Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2011. № 3. С. 101–105.
12. Собрание законодательства. 2011. № 43. Ст. 6123.
13. Нехороших М.Е. Соотношение ревизионного начала и запрета на подачу новых кассационных жалоб // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 67–71.
14. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июня 2018 г.

STANDARD REGULATION OF WAYS TO COUNTERACT ABUSE OF RIGHT IN CRIMINAL TRIAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 170–173.

DOI: 10.17223/15617793/431/23

Vladimir A. Azarov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru

Daulet M. Nurbayev, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: daulet_mn@mail.ru

Keywords: abuse of right; counteraction; normative consolidation.

The subject of this study is various options to counter abuse of right in criminal proceedings. Within the framework of this publication, the following tasks have been accomplished: 1) it is established that the current legislation and the developing practice allow to effectively counteract the main forms of abuse of right; 2) the possibility of fixing a new principle in the criminal trial, the inadmissibility of abuse of right, is studied; 3) various theoretical schemes of countering the abuse of law available in the scientific literature are analyzed. The main methods used in the work are comparison, logical methods of induction and deduction. The material on the basis of which the conclusions of the study were obtained are the definitions and decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on the criminal cases examined, as well as statistical data obtained from the official websites of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. Within the framework of the research, the private scientific methods have been used: the formal legal one made it possible to study the possibility of consolidating the notion of abuse of right as a principle of the criminal procedure, the comparative legal one helped to find methods of combating abuse of right in the literature. Based on the study, the following conclusions were drawn. Rules on countering abuse of right can not be regarded as a principle of criminal procedure, as there can be no fundamental institution that applies to separate participants in the criminal procedure and is designed exclusively for the category of individuals. In criminal proceedings, the use of general formulations is inadmissible in relation to the phenomenon under study, only “targeted” changes in legislation and appropriate correction of investigative and judicial practice are possible; some forms of abuse of right can not be eradicated only by legislation, and they will have to be combatted only by the law enforcer within a specific legal situation.

REFERENCES

1. Prozvanchenkov, A.V. & Shakhbazov, R.A. (2015) Abuse of the right in the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 4. pp. 248–260. (In Russian).
2. Divaev, A.B. (2017) Abuse of rights of parties to a criminal trial under adversariality. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 35–42. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/7
3. Arutyunyan, A.A. et al. (2016) *Kurs ugolovnogo protsesssa* [The course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.
4. Darovskikh, O.I. (2017) On the signs of the abuse of rights in criminal proceedings. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 25–29. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/5
5. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2016) [Subjects of abuse of right in criminal proceedings]. *Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva* [Protection of human rights and freedoms in the sphere of criminal proceedings]. Proceedings of the international conference. Moscow: MAEP, Soyuz kriminalistov i kriminologov. pp. 25–38. (In Russian).
6. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. (2015). 6.
7. Kalinkina, L.D. (2010) K voprosu o zloupotreblenii pravami i ikh nedobrosovestnom ispol'zovanii v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of abuse of rights and their unfair use in criminal proceedings]. *Advokat*. 4. pp. 24–26.
8. Constitutional Court of the Russian Federation. (2000) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18 fevralya 2000 g. № 3-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 stat'i 5 Federal'nogo zakona “O prokurature” v svyazi s zhaloboy grazhdanina B.A. Kekhmana* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 18, 2000 No. 3-P “On the case on the verification of constitutionality of Paragraph 2 of Article 5 of the Federal Law “On the Prosecutor’s Office” in connection with the complaint of citizen B.A. Kekhman]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/.
9. Yumashev, N.S., Yumashev, A.N. & Solopov, N.S. (2015) O printsipe dobrosovestnosti, obkhode zakona i zaprete zloupotrebleniya pravom v normakh grazhdanskogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [On the principle of good faith, circumvention of the law and the prohibition of abuse of right in the norms of civil and criminal procedural legislation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 15. pp. 34–40.
10. Markina, E.A. (2017) on the abuse of right de jure and de facto by the defense in the judicial proceedings. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 49–55. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/9
11. Burmagin, S.V. (2011) Problema prava na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve [The problem of the right to defense in criminal proceedings]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 3. pp. 101–105.
12. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2011). 43. Art. 6123.
13. Nekhoroshikh, M.E. (2017) Correlation of revision and prohibition for submission of new cassation complaints. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 67–71. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/11
14. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/17/8

Received: 06 June 2018

Н.В. Ахмедшина, Р.Л. Ахмедшин

КРИТЕРИИ АНАЛИЗА ТЕОРИЙ ПРИЧИННОСТИ СЕРИЙНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ)

Раскрывается алгоритм оценки исследовательской ценности отдельных теорий причинности серийных преступлений. В рамках различных исследовательских школ сформировалось несколько основных направлений, объясняющих причины существования серийной преступности. В большинстве своем эти теории убедительны и в теоретическом, и в эмпирическом аспектах, что делает проблематичным объяснение их большого числа. Результатом проведенного исследования выступил анализ сильных и слабых сторон биологических теорий причинности серийной преступности.

Ключевые слова: серийный преступник; серийный убийца; теории причинности; биологический фактор преступности.

Криминалистическая наука как прикладное знание стоит на фундаменте криминологического знания, которое в свою очередь заимствует знание об исследуемом феномене из смежных областей знания. Однако, как и любая человеческая деятельность, криминологическое познание не являет из себя субстрат чистого знания. В криминологической науке объективно результаты проводимых исследований напрямую зависят от ряда факторов, которые сами криминологи предпочитают активно не обсуждать. Конечно сама по себе криминологическая теория, оторванная от практики ее применения, не имеет ценности, что делает порой академическую науку о природе преступления совершенно бессмысленной.

Какие же факторы определяют содержание получаемого знания о личности преступника в частности:

1) само наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта;

2) уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта;

3) социальный заказ общества;

4) академические традиции;

5) исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, возможности сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации).

Наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта подразумевает принципиальную познаваемость исследуемого объекта. Принципиальная познаваемость проистекает из самой природы установок научного познания. Здесь речь идет об объективности существования исследуемого объекта.

Нельзя изучать объект высокой степени абстракции и надеяться на получение практикоценного результата. Чем более общим является понимание объекта исследования, тем оно менее результативно. Чем больший круг исследуемых феноменов включает исследуемый объект, тем более общими будут выводы проводимого исследования. Казалось бы, данные положения элементарны и всеми понимаемы, однако, как было видно из прошлого параграфа, авторы, понимающие эти положения в теории, категорически не хотят руководствоваться ими в практике исследования. Понятно, что серийные преступники – уникальное образование, которое должно быть отграничено от схожих, но сколько исследователей даже в наши

дни в понятие серийности включают все формы множественности, на выходе проводимых исследований имея крайне общие прикладные рекомендации.

Психологически авторов, стремящихся к избыточной теоретичности, понять несложно, ведь под заявкой глубокого теоретического осмысления наиболее удобно прятать отсутствие смысла проводимого исследования. В рассматриваемом нами случае, чем абстрактнее понятие серийного преступника, тем удобнее маскировать отсутствие практических выводов, заменяя их на рассуждения о природе явления.

Уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта, никогда не бывает избыточным, однако всегда достаточен для научного познания хотя бы на уровне гипотез.

Исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, эффективных и достаточных алгоритмов сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации) – категория объективная, но тем не менее малоисследованная и до предела дискуссионная. Примером негативного следствия для успешного исследования фактора «исследовательский потенциал ученого» является недооценка значимости биологических теорий преступности, проистекающая из того, что «большинство криминологов имеют плохую подготовку в области биологии и немногие из них имеют интерес или склонность к выправлению ситуации и, таким образом, прилипают к биологии свободных теорий, которые были в моде, когда они были аспирантами» [1. Р. 7; 2. Р. 15].

Из факторов, которые определяют содержание получаемого знания о личности преступника, наиболее проблемными являются фактор социального заказа общества и фактор академических традиций.

Социальный заказ общества предопределяет получение от естественных наук знания, необходимого для прогресса науки и техники, а от гуманитарного знания, наоборот, необходимого для стабилизации общества, недопущения революционных изменений и прогресса. Естественно, в первом направлении часто встречаются шарлатаны, а во втором бунтари, но они не составляют ту массу, которая бы определяла вектор научного развития, регулируемый социальным заказом общества. Что же требуется власти от теорий преступного поведения в рамках социального заказа общества?

Во-первых, в рамках социального заказа власти необходимо до предела уменьшить вину государства

в развитии феномена преступности, как правило, переложив ее на малые группы (семью, школу, окружение, даже национальные сообщества). Поэтому теории, которые определяют власть как основного виновника преступного феномена, упоминаются редко и формально. Ясно, что в рамках социального заказа для власти предпочтительнее теории причинности серийных преступлений, утверждающих, что базовым фактором в формировании личности преступника является его семья.

Во-вторых, в рамках социального заказа власти необходимо получить такие теории, которые бы предполагали возможность борьбы с преступностью в принципе (после увеличения ассигнований, после модернизации правоохранительных структур, после принятия «строгих, но справедливых» законов).

Теории, которые исходят из ограниченного потенциала волевого контроля субъекта, противореча уголовно-правовой доктрине «свободы воли», таким образом, также не соответствуют социальному заказу. Ведь если ограниченный потенциал волевого контроля – объективное явление, то вся современная уголовно-правовая доктрина нуждается в ревизии. Бессмысленно бороться традиционными способами с биологической преступностью именно в силу предопределенности криминальной природы человека, поэтому проще биологические теории отрицать. Неудивительно, что биологические теории преступности, объективно базирующиеся на ограниченном потенциале волевого контроля лицом своего поведения, всегда являлись объектом повышенной критики.

В рамках социального заказа любого общества оптимальна пропаганда социальных теорий преступности. Именно поэтому «социологическая криминология была господствующей парадигмой, которая руководила исследованием преступности в XX веке» [3. Р. XV; 4. С. 72]. К сожалению, для значительного количества зарубежных исследователей и подавляющего большинства отечественных в XXI в. в этом плане ничего не изменилось. «Социологическая криминология успешно деконструировала консервативные представления о преступности, но не приобрела много полезных знаний о том, как спасти преступников от преступной жизни. Несмотря на благие намерения и искренние убеждения, его сторонники разработали скудные прагматические советы о том, как уменьшить страдания, которые несет преступление в жизни виновных и их жертв» [3. Р. XVI].

Учитывая, что «ключевые современные решения, касающиеся научного вопроса, смещены в сторону биологических, химических и инженерных проблем, что отражается в исследовании проблем уголовного преследования» [5. Р. 5], мы будем рассматривать биологические теории серийной преступности наравне с социальными и личностными.

Социальный заказ реализуется путем выделения грантов на ограниченный комплекс проблем, разработку неконфликтных образовательных программ, общее информационное воздействие на социум и научный мир.

Типичным примером следствия социального заказа является стремление значительного количества

криминологов, как зарубежных [6. Р. 92], так и отечественных, объяснить феномен преступности бедностью лиц, совершающих деликты, а не способом организации и реализации власти в данном государстве.

Есть еще ряд обстоятельств (в-третьих, в-четвертых и т.д.), но применительно к теориям, объясняющим феномен серийных преступлений, они мало важны.

Резюмируя сказанное, говоря о социальном заказе той или иной теории, мы будем в дальнейшем вести речь о ее политической и доктринальной ангажированности. Политическая ангажированность – соответствие запросам и мировосприятию наиболее активных социальных групп, формирующих социальный заказ науке от общества. Доктринальная ангажированность – соответствие интересам и основным положением доктрины как источника права и правовой науки.

Академические традиции как фактор, который определяет содержание получаемого знания о личности преступника, вероятно, является наименее исследованным. Больше всего современный исследователь боится обвинений в исследовательском радикализме, избыточном новаторстве, отходе от исследовательских традиций и направлений исследовательских школ. Неудивительно, что немаловажная задача для современного криминолога не дать четкий, однозначный ответ, опасаясь обвинений от коллег и огульной бездоказательной критики, как это было в случае с Ч. Ломброзо, В. Штерном, И.С. Ноем, Б.Ф. Поршневым. Поэтому до сих пор «не умея фиксировать определенность отношений, в которых совершаются переходы противоположностей, страхась релятивизма, и не желая быть односторонним, эклектик ищет спасение в формуле “и то и другое”» [7. С. 156].

Анализируя деятельность академического сообщества в рассматриваемом вопросе, всегда необходимо помнить, что утверждение о том, что история изучения преступлений – «это увлекательное исследование, в основе которого работа отдельных научных пионеров, а не организации систематизированной, финансируемой государством, спроектированной и предназначенной для оказания помощи государственным обвинителям» [5. Р. 33], имеет под собой определенные основания.

Общая нейтральность и нерешительность выводов характеризуют и исследования природы серийных преступлений. Неудивительно, что формулировки вроде того, что «личность серийного убийцы представляет собой сложный коктейль из биологических ресурсов, психических факторов и социальных условий – нет одной четкой формулы для серийного убийцы» [8. Р. 284], широко распространены, несмотря на их малую ценность. Но положение о том, что природу серийного преступника детерминирует и биологический, и социальный, и личностный фактор, означает только одно: в логическом массиве «серийный преступник» присутствуют как минимум три его разновидности, одну из которых характеризует преимущественно биологический фактор, другую – социальный, третью – личностный. Все теории преступности, в том числе и применительно к серийной преступности, имеют объективную основу, просто поведение

отдельных групп серийных преступников можно объяснить конкретной теорией. Нет правильных и неправильных теорий – есть группы серийных преступников, которые познаются в рамках конкретной теории причинности.

Доминанта только одного из факторов в поведении человека полностью соответствует таким системообразующим для наук о человеке понятиям, как «эволюционная специализация» – эффективное направление в развитие организма за счет второстепенных структур, «правило прогрессирующей специализации» Ш. Депере – группа, вступившая на путь специализации, как правило, в дальнейшем развитии будет идти по пути все более глубокой специализации [9. С. 164], «принцип доминанты Ухтомского» – все поступающие в организм сигналы содействуют эффекту одного единственного инстинктивного поведения [10. С. 309; 11. С. 160], «акцентуации характера» – переразвитие определенных психологических свойств за счет остальных.

Вера в правоту одной теории также необъективна, как и вера в то, что единой детерминанты для конкретной группы нет, а есть сложный комплекс причин, который в силу своей сложности познаваем на уровне высокой абстракции. Смешна убежденность исследователей, что применительно к разнородной группе лиц эффективно понимание только в одном аспекте (биологическом, социальном или личностном). Такое понимание целесообразно в исследовании только достаточно однородной группы, не всех серийных преступников, а серийных преступников определенного типа.

Анализ теорий причинности серийных преступников должен происходить в рамках определенной схемы, единой для всех теорий. Только тогда криминологическая теория из области академических фантазий превратится в инструмент помощи практику, а неиспользование ее в теории расследования будет объясняться не оторванностью теории от реальности, а недостаточным уровнем квалификации практического работника.

К числу факторов, посредством которых целесообразно определять ценность теории причинности серийных преступлений, следует отнести следующие:

- Содержание теории.
- Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории.
- Теоретическая состоятельность и ценность.
- Практическая ценность и область применения.
- Эмпирическая состоятельность.
- Сильные стороны теории.
- Слабые стороны теории.
- Политическая и доктринальная ангажированность.
- Современное состояние и перспективы развития.

К группе биологических теорий причинности серийных преступлений следует отнести генетическую теорию и теорию R-комплекса.

Содержательный анализ генетической теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. Генетическая теория преступности является одной из классических кримино-

логических теорий. Так, Р. Фокс, исследуя преступников, имеющих 47-й кариотип, установил закономерность физических проявлений соматических параметров у данных представителей преступного мира [12. Р. 64]. В других исследованиях указывается на особенности дактилоскопического узора у представителей указанной группы преступников. Например, установлено, что у представителей данной группы преступников в дактилоскопических узорах на пальцах рук чаще, чем в норме, встречаются дуговые узоры, а также отмечается, например, тенденция к снижению гребневого ската [13. С. 115; 14. С. 103–133; 15. С. 15–18; 16. С. 145]. Справедливости ради надо отметить, что данное направление сформировано в нашей науке только на уровне разрозненных, робких исследований и только подтверждает, а не формирует знание о биологической детерминированности части преступлений.

Говоря о серийных преступниках, часть исследователей отмечает некоторую степень девиантности, присущую им, в целом же отмечая их психическую нормальность. «Эта идея предполагает, что их единственная проблема заключается в том, что в некотором роде они девиантны, что отличает их от остальной части человечества. Но это ложь, потому что серийный убийца не вписывается в обычную область человеческого существования и маркировать его просто как отклонение не справедливо, что также не позволяет разработать план лечения, включающий некоторые формы эффективного вмешательства, которые могли бы привести его к воссоединению с человеческой расой» [17. Р. 105].

Что же отличает, по убеждению сторонников генетической теории серийных преступников от обычных людей? Выделяются две группы отличий.

Первая группы отличий определяется наличием химического дисбаланса в деятельности психики [18. Р. 29]. Это касается, прежде всего, серотонинного и дофаминного дисбаланса, предопределяющего слабую способность волевого контроля в стрессовых ситуациях. Названный дисбаланс предопределяет склонность к агрессивному поведению [2. Р. 41; 19. Р. 66; 20. Р. 217; 21. Р. 299–316; 22; 23. Р. 18].

Вторая группы отличий представлена генетическими отклонениями, также предопределяющими склонность к агрессивному поведению. Рассматриваемое направление исходит из идеи, продолжающейся в наши дни эволюции человека, предопределяющей изменения генотипа, однако «серьезные биологи не считают, что есть “преступный ген”: они ищут гены что, делает преступное поведение более вероятным» [2. Р. 35]. Такое может быть обусловлено как химическим дисбалансом, о котором уже говорилось, так и серьезными структурными аномалиями головного мозга [24. Р. 80].

Выводы обеих групп авторов изучаются также на предмет наследования рассматриваемых особенностей. Так, статистически доказана наследственная предрасположенность к агрессивному поведению, предопределяющему совершение насильственных преступлений [2. Р. 36–37].

К генетической теории примыкает теория приобретенного дефекта, который свойствен серийным пре-

ступникам: физиологические и психологические отклонения объясняют совокупностью физических травм (прежде всего, в результате черепно-мозговых повреждений и интоксикаций) [17. Р. 109]. Классическим примером, подтверждающим данную теорию, выступает биография Альберта Фиша (Albert Fish).

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье взрывоподобное поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать большое количество повреждений жертве и разрушения обстановки места преступления. Системообразующим является факт внезапного выбора и нападения на жертву, малосвязанный как с внешними, так и с ее личностными свойствами. Преступные события рассматриваемого типа серийного преступника напрямую коррелируют с неприятностями в личной и профессиональной жизни преступника.

Теоретическая состоятельность и ценность. Прежде всего необходимо отметить, что рассматриваемая теория давно стоит на позиции, что «биологический или эволюционный детерминизм не эквивалентен биологической неизбежности» [1. Р. 11; 25. Р. 21]. Отдельно теоретическая состоятельность предопределяется задействуемой естественнонаучной методологией. Резюмируя сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать очень высокой.

Отметим, что противники биологического подхода традиционно не ссылаются на конкретные исследования, ограничиваясь голословным отрицанием [26. Р. 190; 27. Р. 101].

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория обладает как прикладной, так и объяснительной функцией. Практическая ценность рассматриваемой теории выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями биологического комплекса свойств, предопределяющих склонность к агрессивному поведению. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению жестоких преступлений, что значительно оптимизирует возможность расследования серийных преступлений на первоначальном этапе. Предварительный поиск по базам данным на первоначальном этапе, дополненный элементами, установленными профилированием, в значительной степени в короткое время позволит сформировать небольшой по объему круг подозреваемых.

Будучи признанной, рассматриваемая теория может даже изменить тактику защиты серийных преступников в суде. Так, на практике «адвокаты уже пытались использовать исследование молекулярной генетики системы серотонина для оправдания или смягчения преступных деяний своих клиентов» [2. Р. 39]. Известны предложения о коррекции поведения посредством изменений в рационе питания с целью регулирования недостающих медиаторов [Ibid. Р. 40], что открывает новые горизонты не только в профилактике агрессивной преступности, но и в коррекции поведения осужденных серийных преступников в процессе отбывания наказания.

Эмпирическая состоятельность. Проверка на эмпирическую состоятельность данной теории показывает неоднозначные результаты. Определенная часть серийных преступников демонстрирует отсутствие биологической детерминанты их преступной деятельности. Часть серийных преступников может быть рассмотрена в рамках генетической теории не в полной мере. Частичная обусловленность преступного поведения нашла убедительное подтверждение в трудах современных исследователей, к примеру так называемого гена воина [28. Р. 1–7]. Учитывая, что рассматриваемая генетическая аномалия, предопределяющая дефицит моноаминоксидазы (МАО-А), оказывает влияние только на мужчин, становится объяснимым факт их преобладания среди серийных преступников.

Однако есть группа серийных преступников, у которых зафиксированы генетические аномалии, частота встречаемости которых в норме не позволяет рассуждать о простом совпадении. Так, каноническими стали примеры наличия у Бобби Джо Лонга (Bobby Joe Long) – лишней X-хромосомы, у Ричарда Спекка (Richard Franklin Speck) лишней Y хромосомы, у Генри Ли Люкаса (Henry Lee Lucas) – нередко встречающейся у серийных преступников аномалии, выражающейся в особенности строения пальцы на ногах (вероятно, синдром Марфана). Естественно, говорить о наличии генетической патологии можно применительно к небольшому количеству серийных убийц. Таким образом, эмпирическая состоятельность генетической теории достаточно высока.

Сильные стороны теории – научность, базирующаяся на естественнонаучной парадигме, высокий уровень проверяемости выводов, естественная логичность, однозначность и точность.

Слабые стороны теории проистекают из ее же научности. Если опровергнуть социальные теории преступности довольно сложно ввиду их неконкретности, неоднозначности основных понятий, слабой проверяемости или вообще непроверяемости в лабораторных условиях, то с достижениями генетической теории ситуация прямо противоположная. Неудивительно, что область применения данной теории достаточно узка – небольшая доля обычных агрессивных преступлений и не самая значительная доля преступлений серийных. Слабостью теории выступает и современный уровень развития такой специфической области знания, как психогенетика.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность спорная, так как, с одной стороны, фактически не предполагает виноватого, преподнося преступника как жертву патологических отклонений – что удобно. С другой стороны, традиционно более распространены попытки обвинять общество и конкретно власть, нежели чем человеческую природу – что непривычно.

Доктринальная ангажированность крайне низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека, поведение которого предопределено не сознательными усилиями, а дефектами психики и нервной системы. Невысокий уровень доктринальной ангажированности обусловлен также традиционным нежеланием научного сообщества (особенно индустриально

развитых государств) изучать естественнонаучную составляющую поведения любого преступника, о чем говорилось в начале параграфа.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне мало скоординированных исследований специалистов различных научных областей, с громадными перспективами развития. В отечественной науке подобные исследования крайне нехарактерны, за исключением, пожалуй, Ростовского региона.

Содержательный анализ теории R-комплекс причинности серийных преступлений.

Содержание теории. Тезис о том, что поведение человека можно объяснить историей эволюции человека [1. Р. 13], находит свое отражение и в исследованиях серийных преступников. Исследования, выявившие уникальное место человека среди приматов как представителя единственного вида обезьян, являющегося прирожденной убийцей [17. Р. 197], широко известны.

Широкое распространение каннибализма в Средние века характерно для Европы, Китая и стран центральной Америки [29. Р. 110, 114], также в Древней Аравии человеческие останки, залитые медом (mollified man – «кондитерская мумия человека»), пользовались популярностью [29. Р. 105]. Кровь недавно убитого человека, используемая в медицинских целях, была столь же популярна в Древнем Риме, как и человеческая плацента, используемая в косметических целях в мире современном [29. Р. 105, 108].

Исследование троглодитид (высших прямоходящих приматов, являющихся уже не животными, но еще не людьми) Б.Ф. Поршневым показало, что развитие человеческого вида прошло ряд этапов. На первом этапе сформировалась способность поглощать мясо, не имея специально предназначенного зубного аппарата. В силу сказанного троглодитиды питались преимущественно не мясом, а головным и костным мозгом убитых другими хищниками животных. На втором этапе троглодитиды стали употреблять в пищу трупы сначала умерших, а потом специально убитых членов племени (адельфофагия). На третьем этапе способность к подражанию образовала социальную и биологическую основы возникновения речи. Так, внутри сообщества гоминид возникает человек с его символической смысловой речью и относительно невысокой внушаемостью. На четвертом этапе происходит окончательное эволюционное размежевание человека (неоантропа) и палеоантропа (неандертальцев). При этом неоантропы и палеоантропы сосуществовали вместе в одних сообществах, причем первые служили основной пищей вторых. На пятом этапе произошло распространение неоантропов по всему земному шару. Это произошло в силу того, что неоантропы стремились бежать либо от палеоантропов, потреблявших их в пищу, либо от популяций неоантропов, находящихся в симбиотические отношения с неандертальцами [30].

К идентичным выводам пришли и зарубежные авторы, уверенные, что «внутривидовая агрессия человека это – самопроизвольное инстинктивное стремление человека» [31. С. 60].

Именно описанные особенности становления человеческого рода предопределяют человеческую

агрессию как некий атавизм, присущий человеку в силу его эволюции, однако присущий лишь фрагментарно. Серийные преступники являются носителями атавистического стремления к убийству представителя своего вида, которое называют «R-комплекс».

В рамках теории R-комплекса становится понятной та степень чуждости, неадекватности и неестественности уровня агрессии, наблюдаемого в серийных преступлениях.

К рассматриваемой теории примыкает пусть и умозрительная, но вполне сбалансированная гипотеза «криминальных программ», выдвинутая Е.Г. Самовичевым (цит. по: [32. С. 153]). Гипотеза представлена совокупностью нижеследующих идей.

В каждом человеке можно найти некий код, алгоритм поведения. Например, это код овладения речью. В 2–2,5 года каждый ребенок начинает разговаривать. То же самое – программа полового созревания. В определенном возрасте она включается и выключается. Есть и криминальная программа, которая срабатывает в определенных условиях и уже определяет поступки и действия конкретного человека. Действительно, очень часто изобличение преступника является не итогом деятельности правоохранительных органов, а, на первый взгляд, провоцируется самим преступником. Е.Г. Самовичев объясняет подобную провокацию закономерностями завершения криминальной программы. Зарубежные исследователи также подтверждают это, утверждая, что «серийные убийцы иногда выгорают, и в зависимости от особенностей личности они либо позволяют себе быть захваченными, совершить самоубийство, или прекратить убивать сами по себе и тихо угаснуть там, откуда они пришли» [8. Р. 17].

По нашему глубокому убеждению, R-комплекс, если имеет объективную природу, должен проявляться в рамках гипотезы криминальных программ, предложенной Е.Г. Самовичевым.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать момент охоты за жертвой, ее преследование. Системообразующим является фактор ограниченного количества повреждений, нанесенных жертве, а также отсутствие посмертных повреждений. Рассматриваемый тип также вполне логично должен экспериментировать с каннибализмом. Ввиду архитипичности, исходности криминального поведения данного серийного преступника, крайне маловероятно выбор жертвы одного пола с преступников и иные сексуальные aberrации, не встречающиеся в природе.

Теоретическая состоятельность и ценность. Учитывая, что R-комплекс – это потребность убивать людей, возникает противоречие с прослеживающейся у значительного количества серийных преступников в детстве тенденцией мучить и убивать животных. Позитивность данной теории заключается в эстетичности установки на то, что агрессивное поведение, проявляющееся в значительной степени, является не типичной, а атавистической потребностью. Учитывая обоснованность теорий R-комплекса с позиций цело-

го комплекса наук, что видно на примере учения Б.Ф. Поршнева, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Однако если принять во внимание положение о том, что R-комплекс должен базироваться на каком-то материальном носителе (особенности нервной системы, особенности развития отделов головного мозга, физиологические особенности), практическая ценность рассматриваемой теории выражается в потенциальной возможности фиксации и регистрации граждан, являющихся носителями рассматриваемого комплекса. Вряд ли можно оспорить идею криминалистической ценности организации учета, исходя из предрасположенности к совершению жестоких преступлений, что значительно оптимизирует возможность расследования серийных преступлений на первоначальном этапе.

Эмпирическая состоятельность. Вероятно, механизм проявления R-комплекса предельно стихийен и на данный момент исследованию поддается очень плохо. Эмпирическое подтверждение данной теории возможно только посредством использования метода эксперимента. Для этого необходимо поместить серийного преступника в лабораторные или естественные условия и контролировать изменения в его поведении и психике. Понятно, что подобная постановка возможна только при условии участия в качестве жертвы живого лица, что неэтично. Таким образом эмпирическая состоятельность теории R-комплекса крайне низка.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность механизма спонтанного проявления архетипических моделей поведения. Отметим, что рассматриваемая теория также может быть объективна лишь частично, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества серийных преступников, чей феномен обусловлен R-комплексом.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка, так как не предполагает виноватого, а значит не может быть использована как средство давления. Невысокий уровень политической ангажированности обусловлен также нежеланием научного сообщества (особенно индустриально развитых государств) идти по пути осуждения отклоняющегося поведения неадекватных малых групп, так как это противоречит идее политкорректности. Доктринальная ангажированность низка, так как противоречит самой идее свободы воли человека – если R-комплекс образование стихийно-эволюционное, то степень вины серийного преступника становится уже не столь однозначной.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, с незначительными перспективами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walsh A., Beaver K.M. Introduction to Biosocial Criminology / Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 7–28.
2. Theories of crime / ed. by I. Marsh. N.Y. : Routledge, 2006. 205 p.
3. Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. 285 p.
4. Ганишина И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 160 с.
5. Kiely T.F. Forensic evidence: science and the criminal law. Boca Raton, CRC Press, 2001. 345 p.
6. Mills L.G. The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings. NY, Springer Publishing Company, 1998. 296 p.
7. Сагаатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 420 с.
8. Vronsky P. Serial killers: the method and madness of monsters. N.Y. : Berkeley books, 2004. 412 p.
9. Депере Ш. Превращения животного мира / пер. Ю. Жемчужникова ; под ред. и с предисл. А. Борисяка. Пг. : Тип. М. Стасюлевича, 1915. 269 с.
10. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Собрание сочинений. Л. : Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. 328 с.
11. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Алетейя, 2007. 720 с.
12. Fox R.J. The XYU offender: a modern myth? // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1971. Vol. 62, № 1. P. 59–73.
13. Наследственные болезни человека / под ред. Л.О. Бадаляна. Ташкент : Медицина, 1980. 248 с.
14. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 214 с.
15. Самищенко С.С. Атлас необычных папиллярных узоров. М. : Юриспруденция, 2001. 320 с.
16. Чистикин А.Н., Яровенко В.В. Опыт определения психопатологических состояний методом дерматоглифики // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск, 1993. С. 145–146.
17. Kurtz Ch.J., Hunter R.D. Dark truths: modern theories of serial murder. London : Virgin Books Ltd., 2004. 229 p.
18. Schurman-Kauflin D.S. The new predator: women who kill, Profiles of female serial killers. N.Y. : Algora Publishing, 2000. 240 p.
19. Beaver K.M. Molecular Genetics and Crime / Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 50–72.
20. DeLisi M. Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 209–224.
21. Moore T.M., Scarpa A, Raine A.A meta-analysis of serotonin metabolite 5-HIAA and antisocial behavior // Aggressive Behavior. 2002. № 28. P. 299–316.
22. Raine A. The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder. San Diego, CA : Academic Press, 1997. 377 p.
23. Ramsland K.M. Inside the minds of serial killers: why they kill. Westport : Praeger, 2006. 201 p.
24. Wright J.P., Boisvert D., Dietrich K., Ris M.D. The Ghost in the Machine and Criminal Behavior: Criminology for the 21st Century // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 73–89.
25. Thornhill R., Palmer C.P. A natural history of rape. Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. 272 p.

26. Mazur A. Testosterone and Violence among Young Men // *Contemporary biosocial criminality* / ed. by A. Walsh, K. M. Beaver. N.Y. : Routledge, 2009. P. 190–204.
27. Щербача С.А. Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям : дис. ... канд. психолог. наук. Сочи, 2003. 150 с.
28. Tiihonen J. Genetic background of extreme violent behavior // *Molecular Psychiatry*. 2014. P. 1–7.
29. Roach M.S. *The curious lives of human cadavers*. London : Penguin Books Ltd, 2003. 304 p.
30. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О.Т. Вите. СПб. : Алетейя, 2007. 720 с.
31. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насилованных преступлений : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.
32. Модестов Н.С. Маньяки... Слепая смерть. М. : OCR Палек, 1998. 193 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 июня 2018 г.

CRITERIA FOR THE ANALYSIS OF CAUSALITY THEORIES OF SERIAL CRIMES (ON THE EXAMPLE OF BIOLOGICAL THEORIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 174–181.

DOI: 10.17223/15617793/431/24

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: serial criminal; serial killer; causality theory; biological factor of crime.

The article reveals the algorithm for evaluating the research value of individual causality theories of serial crimes. Within the framework of various research schools, several main directions have been formed, explaining the reasons for the existence of serial crimes. For the most part, these theories are persuasive in both theoretical and empirical aspects, which makes the explanation of their large number problematic. The result of the study was an analysis of the strengths and weaknesses of biological theories of causality of serial crimes. In the conducted research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. The following private scientific methods were used in the study: biographical analysis, statistical analysis, comparative-historical method, expert assessment. The factors determining the content of the obtained knowledge about the personality of the offender are singled out: objective patterns that predetermine the nature of the object under study; the level of scientific knowledge necessary for the cognition of the object under study; the social order of the society; academic traditions; the research potential of the scientist. Among the factors by which it is expedient to determine the value of the theory of causality of serial crimes, the following criteria of analysis were assigned: the content of the theory; the typical image of a serial criminal resulting from the content of the theory; theoretical consistency and value; practical value and scope; empirical validity; strengths of the theory; weaknesses of the theory; political and doctrinal bias; the current state and development prospects. These criteria were used in the content analysis of a group of biological theories of causality of serial crimes. This group includes such well-known theories as the genetic theory and the theory of the R-complex. The genetic theory explains the criminal behavior of serial criminals as congenital defects in their body. The theory of the R-complex presupposes the presence in serial criminals of an archetypal complex of aggressive behavior, reflecting one of the stages of human evolution. One of the main ideas is the thesis about the targeting of each theory of causality of serial crimes.

REFERENCES

1. Walsh, A. & Beaver, K.M. (2009) Introduction to Biosocial Criminology. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
2. Marsh, I. (ed.) (2006) *Theories of crime*. N.Y.: Routledge.
3. Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) (2009) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
4. Ganishina, I.S. (2004) *Psikhologicheskoe vliyaniye neblagopoluchnoy sem'i na deviantnoye povedeniye nesovershennoletnikh* [Psychological influence of an unsuccessful family on the deviant behavior of minors]. Psychology Cand. Diss. Ryazan.
5. Kiely, T.F. (2001) *Forensic evidence: science and the criminal law*. Boca Raton: CRC Press.
6. Mills, L.G. (1998) *The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings*. N.Y.: Springer Publishing Company.
7. Sagatovskiy, V.N. (1973) *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategoriy* [Fundamentals of the systematization of universal categories]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. N.Y.: Berkley books.
9. Deperet, Ch. (1915) *Prevrashcheniya zhivotnogo mira* [The transformations of the animal world]. Translated from French by Yu. Zhemchuzhnikov. Petrograd: Tip. M. Stasyulevicha.
10. Ukhtomskiy, A.A. (1950) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
11. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the origin of human history (the problem of paleopsychology)]. 2nd ed. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Fox, R.J. (1971) The XYY offender: a modern myth? *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 62:1. pp. 59–73.
13. Badalyan, L.O. (ed.) (1980) *Nasledstvennyye bolezni cheloveka* [Hereditary diseases of man]. Tashkent: Meditsina.
14. Samishchenko, A.S. (2015) *Nauchnye osnovy daktiloskopii i perspektivy ikh razvitiya* [Scientific foundations of fingerprinting and prospects for their development]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Samishchenko, S.S. (2001) *Atlas neobychnykh papillyarnykh uzorov* [Atlas of unusual papillary patterns]. Moscow: Yurisprudentsiya.
16. Chistikin, A.N. & Yarovenko, V.V. (1993) Opyt opredeleniya psikhopatologicheskikh sostoyaniy metodom dermatoglyfiki [Experience in the definition of psychopathological states by the method of dermatoglyphics]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremennyy period* [Topical issues of jurisprudence in the modern period]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Kurtz, Ch.J. & Hunter, R.D. (2004) *Dark truths: modern theories of serial murder*. London: Virgin Books Ltd.
18. Schurman-Kauffman, D.S. (2000) *The new predator: women who kill, Profiles of female serial killers*. N.Y.: Algora Publishing.
19. Beaver, K.M. (2009) Molecular Genetics and Crime. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
20. DeLisi, M. (2009) Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.

21. Moore, T.M., Scarpa, A. & Raine, A. (2002) A meta-analysis of serotonin metabolite 5-HIAA and antisocial behavior. *Aggressive Behavior*. 28. pp. 299–316. DOI: 10.1002/ab.90027
22. Raine, A. (1997) *The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder*. San Diego, CA: Academic Press.
23. Ramsland, K.M. (2006) *Inside the minds of serial killers: why they kill*. Westport: Praeger.
24. Wright, J.P., Boisvert, D., Dietrich, K. & Ris, M.D. (2009) The Ghost in the Machine and Criminal Behavior: Criminology for the 21st Century. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
25. Thornhill, R. & Palmer, C.P. (2000) *A natural history of rape*. Cambridge, MA: The MIT Press.
26. Mazur, A. (2009) Testosterone and Violence among Young Men. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. N.Y.: Routledge.
27. Shcherbakha, S.A. (2003) *Vliyaniye agressivnosti lichnosti na ee otnoshenie k pravonarusheniyam* [Influence of person's aggression on its attitude to offenses]. Psychology Cand. Diss. Sochi.
28. Tiihonen, J. (2014) Genetic background of extreme violent behavior. *Molecular Psychiatry*. 20(6). pp. 786–792. DOI: 10.1038/mp.2014.130
29. Roach, M.S. (2003) *The curious lives of human cadavers*. London: Penguin Books Ltd.
30. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the origin of human history (the problems of paleopsychology)]. St. Petersburg: Aleteyya.
31. Ratinova, N.A. (1998) *Samoregulyatsiya povedeniya pri sovershenii agressivno-nasil'stvennykh prestupleniy* [Self-regulation of behavior in the commission of aggressively violent crimes]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
32. Modestov, N.S. (1998) *Man'yaki... Slepaya smert'* [Maniacs . . . Blind death]. Moscow: OCR Palek.

Received: 15 June 2018

В.М. Лебедев, В.Г. Мельникова

НАУКА, НОРМОТВОРЧЕСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Рассматриваются проблемы взаимодействия науки, нормотворчества и правоприменения в частном праве на примере трудового права. Обосновывается необходимость раскрытия технологической парадигмы трудового права, поскольку такой подход к исследованию юридического аспекта социально-трудовых отношений позволит выявить объективные основания совершенствования законодательства о труде, научно обоснованные направления модификации, изменения норм трудового права, а главное – их системы.

Ключевые слова: наука трудового права; система трудового права; нормотворчество; технологическая парадигма трудового права; социальная система.

В последнее время достаточно много уделяется внимания разработке проблем частного права. Это в известной мере можно проследить на анализе исследований такой составной части частного права, как трудовое.

1. Развитие трудового права в России так или иначе связано с исследованием проблемы взаимодействия науки трудового права, нормотворчества, прежде всего, на уровне организации, а также практики применения норм трудового права в производственном коллективе. Чем раньше мы поймем это, тем эффективнее будут наши поиски.

2. Конечно, разработка понятий, формулировка дефиниций – важное направление научных исследований. Однако определения, тем более догмы, скорее замедляют развитие науки, чем способствуют ее становлению. И то и другое – это как бы вершинные достижения соответствующих поисков, на определенный временной период, своего рода, конечные их цели. В силу этого научные результаты в дальнейшем нередко сводятся к схоластическим изыскам, их преодолению. Достаточно, например, вспомнить роль и значение для научных разработок теорию единого трудового правоотношения, формулировки функций трудового права, его метода, системы.

Конечно, развенчание той или иной догмы в конечном счете приводит к формированию новой. Но в этот временной период реализуется то качество науки трудового права, которое мы именуем творчеством, поиском нового, расцветом критики, взлетом и падением отдельных конструкций, т.е. тем самым теоретическим всплеском, который и именуется наукой.

3. Социологический обзор диссертационных исследований с 1950 по 2017 г., разбитых по десятилетиям, позволяет сделать ряд выводов.

Первые три десятилетия характеризуются бережным отношением к теории трудового права. Не только докторские, но и кандидатские диссертации присущи поиски новых конструкций, стремление к системным исследованиям, социологическим обобщениям, т.е. изучение практики применения норм трудового права.

Для докторских диссертаций этого периода требовалась разработка нового научного направления с обязательной публикацией его результатов в монографии, выпущенной в центральном издательстве («Юридическая литература», «Наука»). В 90-х гг. эти

требования нивелируются научно-прикладными результатами с многочисленными предложениями по совершенствованию действующего законодательства о труде и публикацией их в определенных, малоизвестных широкой научной общественности журналах, признаваемых ВАК.

Современная наука трудового права «пестрит» предложениями по совершенствованию действующего законодательства о труде, а точнее отдельных статей ТК РФ, перестановкой их слагаемых или даже стилистическими правками.

4. В постсоветский период обычно не идет речь об открытии новых институтов трудового права, например, таких как правовое регулирование качества результатов наемного труда, вырабатываемой продукции (товаров, работ, услуг); новой структуры (системы) трудового права; выявление необходимости правового регулирования труда не только отдельных категорий работников, но и в отдельных отраслях нашего хозяйства, хотя науке известны технологии важнейших отраслей промышленности, строительства [1]. Уже мало кто сомневается в том, что технология труда имеет не только технический, экономический, но и правовой аспекты. Общеизвестно, что отношения работодателя и работников в процессе производства довольно жестко прогнозируются, заранее опосредуются в системе локальных нормативных правовых актов, которые именуются документами технологического процесса [Там же].

5. В диссертациях предлагается и подается как новое в науке набор поправок в действующее законодательство о труде, которое для диссертанта является своеобразным монолитом, заслуживающим только обсуждения и уточнения отдельных его положений (статей, пунктов и т.п.), но исследователю обычно не приходит мысль об его ущербности в целом либо отдельных частей.

6. Если в период становления науки трудового права от докторанта требовалась разработка нового научного направления, то затем оно было заменено более аморфным, размытым, четко не определенным словосочетанием «крупный вклад в науку трудового права». Наука только тогда сохраняет свое лицо, когда ее результаты могут быть конкретно выражены. Это присуще и науке трудового права. Например, систему трудового права можно выразить в формуле. Непредвзятый исследователь трудового права не мо-

жет, например, не согласиться с компоновкой частей трудового права по формуле:

$ab+ac+\dots+an=a(b+c+\dots+n)$, где a – Общая часть; $(b+c+\dots+n)$ – Особенная.

В современной литературе по трудовому праву выносят в Общую часть те нормы, которые «носят общий характер и в равной мере применимы ко всем или большинству правовых институтов» [2. С. 23].

Если обратиться к приведенной выше формуле, то изложенную мысль действительно можно отразить в символах следующим образом: трудовое право – это $a(b+c+\dots+n)$, где a – Общая часть трудового права, т.е. нормы трудового права, которые «носят общий характер», $(b+c+\dots+n)$ – Особенная часть трудового права, освобожденная от этих норм.

Нетрудно заметить, что предложенная формула несовершенна, поскольку «а» не характерно для всех без исключения норм Особенной части. Она также не учитывает наличия в трудовом праве Специальной части, но позволяет в конечном счете сформулировать достаточно конструктивную идею, состоящую в том, что в Особенной части нет смысла рассматривать в каждом отдельном институте общие для них нормы права, закрепляющие одно и то же правило поведения субъектов трудового права. Именно они (эти правила), прежде всего, и составляют Общую часть трудового права. В содержание Общей части обычно включают: «положения и нормы, относящиеся к организации труда всех работников в целом»; различные группы норм, устанавливающие предмет и задачи трудового права, основные принципы, источники, субъектный состав, основные трудовые права и обязанности [3. С. 43–44]¹. Почему в Общую часть включаются не только нормы трудового права, но и положения, обычно не объясняются. Более того, не раскрывается, что следует понимать под содержанием положения. Можно только предполагать, что речь идет о преамбулах, введениях нормативных правовых актов, где законодатель излагает свое понимание принимаемого закона и его роли в жизни государства, гражданского общества.

Аналогичным образом можно отразить и опосредование процедуры применения материальных норм трудового права, закрепить их пошаговую реализацию, когда, например, речь идет о дисциплинарной, материальной ответственности, порядка расторжения трудового договора и рассмотрения соответствующих трудовых споров².

7. История становления науки трудового права характеризуется закреплением догм и оправданием действий законодателя. В этом смысле ученые стали выполнять роль апологетов нормотворчества и современного им правоприменения. Наука всегда выполняла и будет выполнять идеологическую функцию оправдания действующего режима и способствовать его сохранению, развитию. Нетрудно заметить, анализируя историю, что наука трудового права всегда шла в фарватере идеологии. Иначе она организационно и материально существовать не могла. Об этом свидетельствуют введения авторефератов диссертаций и преамбулы законов, особенно советского периода.

Можно, конечно, запретить использовать в домашних условиях лунный свет, обзаведясь плотными

шторами. Однако он от этого не погаснет за пределами квартиры, дома. Так и идеологию запретить нельзя. Она объективно присуща любой власти, в том числе и такому ее проявлению, как нормотворческий и правоприменительный процессы.

8. Нормотворческим, в частности, законодательным органом, редко учитывались наработки ученых. Можно привести, например, предложения о выравнивании защитной функции применительно к работодателям и работникам, выделение в ТК специального раздела о правовом регулировании труда отдельных категорий работников.

9. Особенно в постсоветский становится очевидным в научных исследованиях их прикладной характер.

Однако ценность рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства определялась их практической значимостью. Если ранее диссертант с соответствующей запиской обращался в нормотворческий орган и заручался ответом, что его предложения приняты к рассмотрению, то в настоящее время рекомендации обычно носят безадресный характер, а диссоветы не интересуют результаты предложений диссертанта и тем более их рассмотрение в том либо ином нормотворческом органе. Этот процесс нередко напоминает эхо в пустом пространстве либо общение слепого с глухим.

10. Предмет трудового права обычно воспринимается как монолит, как данность, не требующая практического анализа и исследования его системы. В действительности предмет трудового права – это совокупность быстро меняющихся по форме и содержанию общественных отношений, что не может не сказываться на их правовом опосредовании, в особенности на уровне производственного коллектива, отдельной организации. Они как раз и составляют те базисные отношения, которые нуждаются в тщательном изучении. Трудовое право в этом смысле нельзя изучать без социологии, системологии и субсидиарности других смежных, в том числе и правовых наук. Основная «болезнь» трудовиков – это местечковость, замкнутость в своих догмах, определениях, узко воспринимаемых трактовках, формулировках для собственного потребления и якобы не нуждающихся в сторонней критике. Достаточно, например, сослаться на трактовку системы трудового права, а тем более российского права в целом.

Если рассматривать право или его отдельную отрасль как систему, следует соблюдать ее требования. Во-первых, целое (право либо его отрасль) необходимо понимать как единство определенных элементов. Во-вторых, разделяя целое на элементы, необходимо пользоваться одним критерием (основанием), который должен находиться вне системы. В-третьих, элементы системы не должны взаимно проникать друг в друга, а наоборот, исключать, т.е. быть дизъюнктивными. И, в-четвертых, выделенные указанным образом элементы, будучи объединенными, в сумме своей соответствовать тому целому, что подвергалось делению, т.е. исходной величине, системе (праву, отрасли и т.п.). Нетрудно заметить, что эти элементарные правила юристами не соблюдаются. Так, для деления

российского права как системы на отрасли (виды) используются обычно два (а иногда и более) критерия: предмет и метод. В свою очередь, метод определяется договорным характером установления трудовых правоотношений, особым режимом выполнения взаимных обязательств, сочетанием централизованного и локального, нормативного и договорного регулирования условий труда, зависимостью вознаграждения от коллективных и индивидуальных результатов труда, внесудебным порядком применения санкций и охраны прав, участием трудовых коллективов и профсоюзов в создании, применении и контроле за соблюдением трудового законодательства [3. С. 39].

В.Н. Толкунова под методом трудового права понимала «комплекс шести способов правового регулирования» [7. С. 6–7].

Исследование базисных трудовых отношений – единственный путь избавления от схоластики в науке трудового права. Это можно сделать, если попытаться перенести проблему совершенствования трудового права на локальный уровень. Объективный исследователь не сможет отрицать исторический путь становления трудового права от отдельной нормы к их системе, отрасли либо институту, т.е. совокупности выходящих в производственных условиях норм, скорее опосредующих, чем регулирующих трудовое поведение правил, как между работниками и работодателями, так и в их собственной среде.

11. Наука трудового права (это принято в правоведедении) трактует право как государственный инструмент определенного формирования поведения субъектов в процессе труда. Государство создает нормы, обеспеченные его принудительной силой, которые обязаны соблюдать работники и работодатели. Другими словами, трудовое право первично, а поведение людей в процессе труда производно, вторично: как велит государство, так и ведут себя субъекты трудового права. Из этого делается вывод, что наука трудового права изучает, совершенствует процесс создания норм трудового права, порядка их применения, совершенствования, учитывая опыт их реализации.

На самом деле это утверждение допустимо и теоретически обосновано как исключение из общего правила, т.е. частично. В период изменения общественно-экономической формации либо режима правления действительно может иметь место субъективное нормотворчество – выгодное и удобное для пришедшего к власти класса, режима, т.е. определенной части общества.

В действительности, как показывает история возникновения, становления и совершенствования трудового права, правила поведения участников совместного труда вырабатываются прежде всего в производственном коллективе, т.е. на локальном уровне. Любое государственное установление, противоречащее (не отвечающее) этим нормам, рано или поздно признается недействующим, ничтожным, нуждающимся в совершенствовании с учетом установившихся на локальном уровне правил трудового поведения. Трудовое поведение – это не случайное объединение и государственное опосредование правил, а их система, обусловленная принятым в организации технологическим процессом.

12. В науке прошлого столетия, как уже отмечалось ранее, появился ряд публикаций о роли технологии, технологических способов производства в обновлении действующего законодательства о труде. При этом достаточно четко определились два взгляда на эту проблему.

Во-первых, технологическое отношение рассматривалось как одностороннее отношение человека в процессе его трудовой деятельности к орудию, предмету и результату труда. Таким образом, предпринималась попытка выявить определенный вид отношений, которые нельзя отнести к сфере общественных, поскольку последние могут возникать только между людьми – участниками социума. В связи с этим появилась необходимость конструирования и особой разновидности норм права – технико-юридических норм.

Во-вторых, была предложена конструкция технологического отношения, возникающего в процессе наемного труда как общественного отношения, которое складывается между работодателем и наемным работником по поводу использования (применения) орудий, предмета и получения запрограммированного работодателем (его представителями) результата труда. Как показывает изучение практики, именно это отношение подвергается работодателем детальной правовой регламентации на локальном уровне. В процессе наемного труда действительно используются законы природы и техники. Но не они закрепляются в нормах права. В этом нет необходимости, поскольку такие законы объективны. Работодатель только выбирает из ряда возможных технологий изготовления товара – той продукции, ради которой им и была создана организация. Любая технология основывается на объективных законах природы и техники. Работодатель, его представители устанавливают правила, по которым она реализуется в процессе наемного труда. Именно этим правилам придается обязательный правовой характер, и они составляют основу технологического процесса. Их условно можно объединить в специальный вид социально-трудовых норм – технологических норм. Такие нормы всегда имеют своего адресата – участников совместного процесса труда: работодателя (его представителей), работников, первичный производственный коллектив. Таким образом, технологический процесс на уровне организации находит свое выражение в системе социальных связей работника с работодателем. Главное в этой системе состоит в том, что технологический процесс, оказывается, не существует вне своей социальной формы. Попытки разъединить на уровне действующей организации его технологическую и социальную составляющие практически приводят к разрушению этого понятия. Технологический процесс реально может существовать только как совокупность социально-трудовых связей, отношений по поводу выбора, использования орудий, обработки предмета труда, создания условий применения соответствующей системы технологических норм в конкретной организации. Во всех других случаях о технологическом процессе можно говорить только как об идее, проекте и т.п., но не более того. Оживить идею, воплотить проект в

конкретной организации может наемный работник под руководством и контролем работодателя, его представителей.

Технологический процесс предопределяет любой вид неединоличного, подчиненного работодателю договорного труда. Так, именно им обусловлены подбор, расстановка, производственное обучение и повышение квалификации в организации. Содержание технологических отношений работника с работодателем формирует трудовое поведение каждого участника совместного труда. Стало быть, фактическое выполнение работником порученной ему работы должно соответствовать документам техпроцесса, утвержденной работодателем технологической схеме, в которой он властно предписывает участнику совместного труда производить определенные трудовые операции в известной их последовательности в те или иные отрезки рабочего времени. Все это основано не на произволе, частном усмотрении работодателя, его представителей, а исключительно на содержании требований конкретного технологического процесса.

С этих позиций труд представляется всего лишь следствием выбора и внедрения собственником средств производства определенного технологического процесса и содержания организационных отношений на уровне «работодатель – работник», их отношения по субординации (соподчинению), а также координационные связи (взаимодействие) равных по статусу представителей работодателя, других исполнителей. Безусловно, указанные отношения и опосредующие их нормы права могут изменяться по форме, содержанию, объему в ходе совершенствования, например, орудий, предметов труда, способов их применения, обработки и т.п.

Образно говоря, технологический процесс является своего рода «диктатором» любого предприятия. Участники совместного труда в рыночных условиях хозяйствования постоянно озабочены не только точным соблюдением требований техпроцесса, но и его модификацией, совершенствованием.

Работодатель, избравший наиболее удачный, по его мнению, вариант технологического процесса, становится его «рабом», не имеющим возможности противодействовать ему, отказаться от точного инициативного соблюдения соответствующих технологических требований. Это, по всей вероятности, и составляет объективную основу технологической дисциплины работодателя, его представителей, их дисциплинарной и материальной ответственности перед собственником средств производства, владельцем организации. Данный аспект ответственности по трудовому праву все еще нуждается в надлежащей теоретической разработке.

Исследуя роль технологического процесса на уровне организации, можно говорить о системе локальных норм трудового права, опосредующих процесс производства товаров, оказания услуг, выполнения работ, о соответствующей системе прав и обязанностей участников совместного труда, социально-трудовых правоотношений. Это не абстрактные конструкции, поскольку они всегда рассчитаны на определенные категории субъектов, направлены на дости-

жение реальных целей, стоящих перед производственным коллективом задач.

Следовательно, имеются достаточные основания для формулировки технологической парадигмы трудового права, предопределяющей в значительной степени содержание той его части, которую можно именовать системой локальных норм организации, а в известной мере – и всего трудового права.

По мнению философов, «в парадигмах, относящихся к технологическим способам производства, сосредоточивается сущностная и функциональная характеристика производительных сил, их организация... полное раскрытие парадигм предполагает многосторонний анализ» [8. С. 115]. Раскрытие технологической парадигмы трудового права – это задача науки трудового права. Ее решение позволит ученым выйти за пределы если не порочного, то достаточно тесного круга совершенствования норм трудового права, только исходя из анализа их содержания и практики применения. Предлагаемый подход к исследованию юридического аспекта социально-трудовых отношений позволит выявить объективные основания совершенствования законодательства о труде, научно обоснованные направления модификации, изменения действующих норм трудового права, а главное – их системы. Оказывается, не только парадигма трудового договора, единого трудового правоотношения может конструировать систему трудового права, но и содержание процесса наемного труда, технология, воплощенная в определенных фазах (этапах) ее использования работодателем, ведения технологического процесса. До тех пор, пока наука не выйдет на этот уровень познания целей и задач правового регулирования труда, законодатель вынужден будет заниматься абстрактным конструированием норм трудового права и «доводить» их до необходимого уровня методом проб и ошибок, как бы предугадывая истинные запросы социально-трудовых отношений в необходимости их правового регулирования. В этом отношении достаточно сослаться на конструирование системы трудового права, его структуры или на историю становления любого важнейшего института, такого, например, как «Охрана труда».

Социальная система, в том числе правовая, должна иметь свою основу организации элементов – системообразующий признак (фактор). Всякая попытка при построении системы использовать ряд системообразующих факторов свидетельствует об известной ее ущербности или о пороках самого исследователя, у которого на момент описания системы не имеется достаточных знаний о ней для выявления и использования главного системообразующего признака. Юристы выделяют трудовое право как отрасль российского права, используя, прежде всего, предмет и метод правового регулирования. Проведенный нами анализ этих системообразующих факторов показал, что не только отдельные нормы, группы норм, но и некоторые институты, ныне считающиеся элементами (содержанием) системы трудового права, должны быть из нее исключены. Из системы трудового права как отрасли при таком подходе «выпадают» нормы, традиционно включаемые в систему: по опосредованию

государственного надзора и контроля за охраной труда и соблюдением трудового законодательства, прав профсоюзов, рассмотрения индивидуальных трудовых споров, трудоустройства в точном смысле этого слова и др. Анализ действующего трудового права привел к выводу о том, что его система состоит из норм, которые объединяются в три основные части (блоки): 1) Общая часть; 2) нормы, осуществляющие общее регулирование социально-трудовых отношений; 3) нормы, обеспечивающие специальное регулирование труда отдельных категорий работников [9. С. 36]. В качестве системообразующего фактора здесь выступали не столько предмет и метод трудового права, сколько его единство и дифференциация. Такой подход позволил с иных позиций приблизиться к содержанию системы трудового права и, видимо, не случайно нашел отражение в системе Трудового кодекса Российской Федерации.

Предложенная система трудового права нашла определенное отражение в учебной литературе [Там же]. Следует различать систему трудового права и систему законодательства о труде. «Долгие годы, – писал Р.З. Лившиц, – структура права рассматривалась в нашей литературе с сугубо нормативистских позиций. Поскольку право понималось как система норм, то структура права трактовалась как структура законодательства (деление права на отрасли, институты, отдельные нормы и т.д.)» [10. С. 76]. Действительно, с традиционных нормативистских позиций систему, структуру права нельзя рассматривать в отрыве от системы, структуры законодательства о труде. Система права и система законодательства должны соотноситься как содержание и форма, хотя законодатель в ряде случаев может отступить от этого принципа. Трудовое законодательство и Трудовой кодекс РФ, по мнению М.В. Молодцова, разработаны с учетом системы отрасли трудового права, хотя у них и имеются определенные отличия, «вызванные необходимостью выделить в системе законодательства о труде и в кодифицированных актах специальную часть, объединяющую нормы, которые устанавливают особые условия труда для некоторых категорий работников» [11. С. 23]. Специальные нормы не являются самостоятельным институтом, поскольку они не могут отражать «дифференциацию трудового права в отрыве от общих норм» [12. С. 32].

С такого рода утверждениями можно согласиться, если исходить из правового регулирования труда только отдельных категорий работников. Дело в том, что в части четвертой, разделе XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» объединены два вида правового регулирования труда: отдельных категорий работников и в отдельных отраслях хозяйства. На это следует обратить внимание.

Безусловно, правовое регулирование труда женщин, подростков до 18 лет, руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации, лиц, работающих по совместительству, временных и сезонных работников, лиц, работающих вахтовым методом и пр. сложно понять без обращения к Общей и Особенной частям трудового права, хотя применить в ряде случаев нормы Особенной ча-

сти без учета содержания Общей части бывает также весьма проблематично. Это свидетельствует не столько об относительной самостоятельности той или иной части трудового права, сколько об их единстве, о наличии структурных связей в трудовом праве как системе.

Несколько иное положение возникает при анализе правового регулирования труда в отраслях промышленности, строительства, некоторых видов транспорта и др. Вряд ли есть смысл оспаривать достаточно очевидное утверждение о том, что современная, а тем более советского периода становления Особенная часть трудового права в основном содержала нормы правового регулирования труда в промышленности и бюджетных организациях (учреждениях). Всякий раз подготовка специалиста в юридических вузах на базе изучения такого законодательства делала его, мягко говоря, недостаточно подготовленным для работы в других отраслях народного хозяйства. Нельзя говорить только о специфике правового регулирования труда в строительстве, воздушном или морском флоте и ряде других отраслей, поскольку там так называемая специфика оказывается основой правового регулирования труда, а общие нормы, предусмотренные, например, Особенной частью трудового права, – всего лишь нормативными условиями обоснованного применения специальных норм, которые составляют правовую основу приема на работу, рабочего времени и времени отдыха, оплаты, дисциплины и тем более охраны труда. В этих случаях, очевидно, можно говорить о наличии Специальной части трудового права, включающей нормы регулирования труда в отдельных отраслях народного хозяйства.

В обоснование необходимости дальнейшего рассмотрения затронутого вопроса хотелось бы еще раз обратить внимание на одно достаточно важное положение, сформулированное Р.З. Лившицем, в теории права. Доказать истинность, необходимость предложенного в литературе того или иного варианта системы (структуры) права в целом или в отдельной его отрасли невозможно, поскольку это «следствие определенного правопонимания... объективно существующих видов правовой материи».

Для построения системы трудового права России в 2004 г. предложено использовать субъективный критерий, т.е. круг субъектов, на которых распространяется действие правовых норм. В качестве элементов системы называется Общая часть, Индивидуальное трудовое право, Коллективное трудовое право, Право трудового процесса.

Для того чтобы продвинуться в анализе системы и структуры трудового права, необходимо принять и использовать в качестве инструментария исследования общеизвестную истину: элементы любой системы могут быть классифицированы по различным основаниям. Сколько можно сформулировать системообразующих факторов, столько и удастся построить моделей исследуемой системы. Более того, построение и анализ любой новой модели исследуемого социального явления, в том числе правового, будут определенным вкладом в его изучение, помогут выявить новые, ранее неизвестные науке его характеристики.

Модель в таких случаях обычно позволяет восполнить и пробелы законодательства, упущения нормотворческих органов. Так, использование технологической парадигмы трудового права может быть очередным шагом в исследовании содержания его системы и структуры.

Целесообразно различать этапы развития (стадии ведения) технологического процесса наемного труда: 1) подбор и расстановка рабочей силы работодателем, его представителями в соответствии с требованиями техпроцесса; 2) соединение рабочей силы со средствами производства, принадлежащими работодателю, собственнику; 3) опредмечивание произведенного продукта (изготовление полуфабрикатов, товаров, оказание услуг и т.п.); 4) использование, распределение произведенного в процессе наемного труда продукта; 5) создание необходимых условий для эффективного ведения технологического процесса (нормотворчество, в том числе локальное, убеждение, стимулирование, применение мер пресечения и юридической ответственности).

Каждому этапу соответствуют свои группы норм, присущие ему, как принято говорить, институты.

Для первого этапа характерны нормы трудового права, закрепляющие понятие, содержание, порядок заключения, изменения, приостановления (консервации) и расторжения трудового договора; профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации рабочих, ИТР и служащих; защиту персональных данных работников и др.

Для второго – нормы, определяющие режим рабочего времени и времени отдыха, охрану труда, внутренний трудовой распорядок.

Для четвертого – правила нормирования и оплаты труда.

Для пятого – нормы, устанавливающие порядок ведения технологического процесса, нормы трудовой ответственности, применение иных методов обеспечения эффективности ведения техпроцесса.

Предлагаемая классификация, оказывается, позволяет сделать вывод о том, что общепризнанная система трудового права России не содержит института, обеспечивающего работодателю опредмечивание произведенной в организации продукции, хотя на предприятиях существует система норм и органов, которые занимаются определением качества произведенной продукции, ее безопасности. Это инженеры или отделы технического контроля, стандарты предприятия, иные локальные нормативные акты, в которых содержатся требования к качеству вырабатываемой в организации продукции, оказываемых услуг, выполняемых работ. В малом бизнесе такую функцию

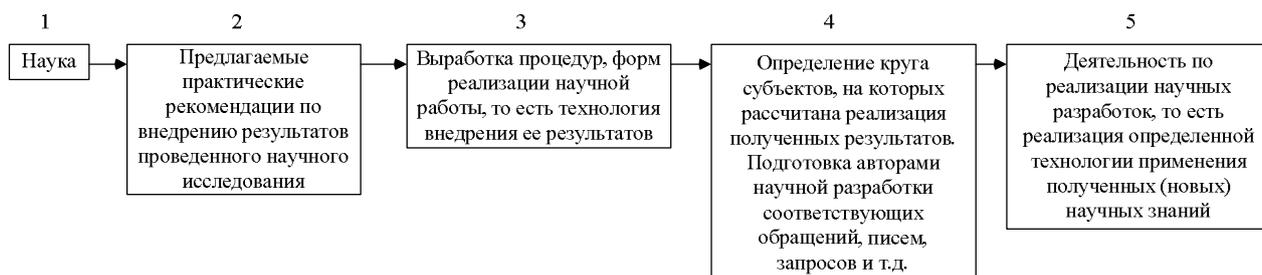
выполняет или сам работодатель, или уполномоченный им менеджер.

Видимо, в Трудовом кодексе РФ целесообразно восполнить отмеченный пробел, дополнив часть пятую разделом XIV – «Обеспечение качества труда», где наряду с общими положениями можно предусмотреть главы, в которых содержались бы нормы, регулирующие: а) государственный надзор и контроль за качеством и безопасностью для потребителя выпускаемой продукции, выполняемых работ, оказываемых услуг; б) определяющие порядок организации контроля работодателем за качеством, безопасностью выпускаемой продукции, оказания услуг, а также систему таких органов в производственном коллективе; в) самозащиту работодателем своих трудовых прав в сфере качества и безопасности товаров, услуг, работ; г) систему нормативных правовых актов, содержащих требования к качеству и безопасности продукции в рыночных условиях хозяйствования, соотношение их по вертикали, т.е. по правовой силе, начиная с Закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. и заканчивая стандартами отдельных организаций. В соответствии со ст. 17 Закона «О техническом регулировании» стандарты организаций, в том числе коммерческих, общественных, научных организаций, объединений юридических лиц, могут разрабатываться и утверждаться ими самостоятельно, исходя из необходимости применения их для совершенствования производства и обеспечения качества продукции, выполнения работ, оказания услуг.

Чтобы эффективно исследовать любое правовое явление, необходимо прежде всего уяснить степень его разработки, установить недостаточность, неполноту, а может быть, и необъективность тех результатов, которые уже получены наукой и практикой.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть положение о том, что предложенный вариант исследования системы, структуры трудового права России позволяет сделать вывод о перспективности и продуктивности различных подходов в изучении не только этой, но и любой иной проблемы трудового права. Наука обычно появляется там и тогда, где и когда исследователь отрешается от догм, традиционных подходов, которые мешают (препятствуют) поиску нового. Следует всегда помнить, что наряду с проторенными путями исследования правовой материи всегда существуют десятки тропинок, которые все еще ждут своих исследователей.

Трудовое исследование представляет собой социальную систему. Применительно к трудовому праву она включает в себя ряд элементов. Ее можно представить в виде следующей схемы:

Современные предложения по внесению изменений в действующее законодательство о труде – это уже элемент внедрения научной разработки, адресованный, как уже отмечалось ранее, неизвестно кому и вряд ли субъектам нормотворческого процесса, потому что он (ученый) никогда и никем не наделялся какими-то полномочиями в данной части правотворческой деятельности.

Предоставление в ресторане посетителю столовых приборов еще нельзя назвать завтраком, обедом илиужином. Для того, чтобы трапеза состоялась, необходимо, например, наличие определенной в меню пищи. Так и в научном исследовании подготовка к реализации элементов 2–5 сфер не свидетельствует о некоей самостоятельной их значимости в научном поиске, в

разработке проблем, отдельных вопросов теории правового регулирования труда.

13. Чтобы повысить эффективность научных исследований в сфере правового регулирования трудовых отношений, следует обратить особое внимание на разработку процедуры реализации материальных норм, на их пошаговое применение, понятной и обязательной для участников соответствующих правоотношений. Это, как уже отмечалось, избавит их от инициативы в обосновании возникших разногласий и тем более трудовых споров, будет способствовать установлению «социального мира» между участниками непримиримых противоречий, возникающих в процессе наемного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л.А. Сыроватская, характеризуя Общую часть, также писала, что она включает «те нормы и ПОЛОЖЕНИЯ» (выделено нами. – В.Л., В.М.), которые имеют общий характер и в равной мере применимы «ко всем или большинству» правовых институтов (групп норм). К ним она относилась только нормы-принципы, нормы-задачи и «общие вопросы организации труда и правового статуса субъектов трудового права» [2. С. 23; 4. С. 21]. В то же время Л.А. Сыроватская «положения, включающие цели и задачи данного (нормативного правового) акта, его заключительные положения и т.д.» относилась не к системе трудового права, а к системе трудового законодательства [2. С. 25].

² Такая попытка в науке трудового права уже предпринималась десятилетие назад [5. С. 126–127]. См. также: [6. С. 403, 406–414, 428].

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский Р.А., Гинберг А.М., Дрякина И.П. и др. Технология важнейших отраслей промышленности : учеб. для вузов по специальности «Планирование промышленности» / под ред. А.М. Гинберга, Б.А. Хохлова. М. : Высшая школа, 1985. 496 с.
2. Сыроватская Л.А. Трудовое право : учеб. для вузов по специальности и направлению «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1998. 308 с.
3. Иванкина Т.В., Маврин С.П., Магницкая Е.В. и др. Трудовое право России : учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / под ред. А.С. Пашкова. СПб., 1994. 289 с.
4. Сыроватская Л.А. Трудовое право: учеб. М., 1995.
5. Лебедев В.М. Трудовое право и акрибология (Особенная часть). М. : Статут, 2008. 131 с.
6. Лебедев В.М., Мельникова В.Г., Назметдинов Р.Р. Трудовое право: опыт сравнительного правового исследования / под ред. В.М. Лебедева. М. : НОРМА, 2018. 478 с.
7. Толкунова В.Н. Трудовое право : конспект лекций. М. : Белые альвы, 1997. 240 с.
8. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства: хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 381 с.
9. Лебедев В.М. Трудовое право: проблемы общей части. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 1998. 184 с.
10. Лившиц Р.З. Теория права : учеб. для юрид. высш. учеб. заведений. М. : БЕК, 1994. 224 с.
11. Молодцов М.В., Головина С.Ю. Трудовое право России : учеб. для вузов. М. : Норма, 2004. 626 с.
12. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России : [учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция»]. М. : Проспект, 2004. 491 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2018 г.

SCIENCE, RULE-MAKING AND LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 182–189.

DOI: 10.17223/15617793/431/25

Vladimir M. Lebedev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lebedev-vm@rambler.ru

Valentina G. Melnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: walmel@mail.ru

Keywords: science of labor law; system of labor law; rule-making; technological paradigm of labor law; social system.

The article considers the problems of interaction between science, rule-making and law enforcement in private law using the example of labor law. The research was carried out on the basis of a sociological survey of dissertational studies from 1950 to 2017. The analysis made it possible to identify general patterns and draw the attention of researchers to the need to study the fundamental constructions of labor law, to formulate several proposals on the directions of scientific research in labor law. It is substantiated that the rules of conduct of participants in joint labor are developed primarily in the production team, that is, at the local level. Labor behavior is not an accidental unification and state mediation of rules, but their system, conditioned by the technological process adopted in the organization. The necessity of disclosing the technological paradigm of labor law is substantiated, since such an approach to the study of the legal aspect of social and labor relations will make it possible to identify the objective grounds for improving labor legislation, scientifically substantiated directions for modification, changes in the norms of labor law, and, most importantly, their systems. In order to advance in the analysis of the system and the structure of labor law, it is necessary to adopt and use model building as a tool for research. Many system-forming factors can be formulated, and just as many models of the system under investigation can be constructed. The construction and analysis of any new model of the social phenomenon under study, including the legal one, will be a definite contribution to its study, will help to find out new characteristics that were previously unknown to science. So, the use of the technological paradigm of labor law can be another step in the study of the content of its system and structure. The classification proposed in the article made it possible to conclude that the universally recognized system of the labor law of Russia

does not contain an institution that provides the employer with the objectification of the products produced in the organization. In the Labor Code of the Russian Federation, it is expedient to fill the gap by adding Section XIV – “Ensuring the Quality of Labor” – to Part 5. Labor law study is considered as a social system, which includes a number of elements. It can be represented in the form of the following scheme (sequence): 1. Science. 2. Proposed practical recommendations for the implementation of the results of the research carried out. 3. Development of procedures, forms of implementation of the research, i.e. implementation of its results. 4. Identification of the subjects the implementation of the results is intended for. Preparation by authors of a scientific development of the corresponding addresses, letters, requests etc. 5. Activities to implement scientific developments, that is, the implementation of a certain technology for the application of the received (new) scientific knowledge.

REFERENCES

1. Vladimirskiy, R.A. et al. (1985) *Tekhnologiya vazhneyshikh otrasley promyshlennosti* [Technology of the most important industries]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Syrovatskaya, L.A. (1998) *Trudovoe pravo* [Labor law]. 2nd ed. Moscow: Yurist”.
3. Ivankina, T.V. et al. (1994) *Trudovoe pravo Rossii* [The labor law of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Syrovatskaya, L.A. (1995) *Trudovoe pravo* [Labor law]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Lebedev, V.M. (2008) *Trudovoe pravo i akribologiya (Osobennaya chast')* [Labor law and acrybology (Special part)]. Moscow: Statut.
6. Lebedev, V.M., Mel'nikova, V.G. & Nazmetdinov, R.R. (2018) *Trudovoe pravo: opyt sravnitel'nogo pravovogo issledovaniya* [Labor law: experience of comparative legal research]. Moscow: NORMA.
7. Tolkunova, V.N. (1997) *Trudovoe pravo: konspekt lektsiy* [Labor law: a summary of lectures]. Moscow: Belye al'vy.
8. Osipov, Yu.M. (1990) *Opyt filosofii khozyaystva: khozyaystvo kak fenomen kul'tury i samoorganizuyushchayasya sistema* [The experience of the philosophy of economy: economy as a phenomenon of culture and a self-organizing system]. Moscow: Moscow State University.
9. Lebedev, V.M. (1998) *Trudovoe pravo: problemy obshchey chasti* [Labor law: problems of the general part]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
10. Livshits, R.Z. (1994) *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: BEK.
11. Molodtsov, M.V. & Golovina, S.Yu. (2004) *Trudovoe pravo Rossii* [The labor law of Russia]. Moscow: Norma.
12. Gusov, K.N. & Tolkunova, V.N. (2004) *Trudovoe pravo Rossii* [The labor law of Russia]. Moscow: Prospekt.

Received: 17 May 2018

Н.В. Ольховик

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА

Рассматриваются основные положения международно-правовых документов, касающиеся непенитенциарного режима. Предлагается в УК РФ установить запрет назначения исправительных работ иностранцам; дополнить требования непенитенциарного режима обязанностями осужденного возместить причиненный потерпевшему вред; предусмотреть возможность корректировки требований непенитенциарного режима в период исполнения наказания и условно-досрочного освобождения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; альтернативы лишению свободы; наказания без изоляции от общества; непенитенциарный режим.

В отечественной юридической литературе анализ международных документов относительно наказаний и мер без изоляции от общества рассматривался в основном с точки зрения их применения [1. С. 5–12; 2], влияния на реформу уголовно-исполнительной системы России [3], при исследовании зарубежного опыта организации и деятельности службы пробации [4. С. 39–51], либо правового регулирования и организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций [5].

Правовое закрепление непенитенциарного режима выражается в виде правил, образующих порядок поведения осужденных и порядок деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества. На международном уровне эти правила сформулированы как в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы (Токийских правилах), 1990 г. [6. С. 100–113], так и в документах Совета Европы: Рекомендации Комитета министров Совета Европы о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер 1992 г. [Там же. С. 114–132], Рекомендации Комитета министров Совета Европы о персонале, исполняющем альтернативные санкции и меры 1997 г. [Там же. С. 133–145], Рекомендации Комитета министров Совета Европы в отношении медиации в уголовно-правовой сфере 1999 г. [7. С. 33–40], Рекомендации Комитета министров Совета Европы о совершенствовании применения Европейских правил в отношении общественных санкций и мер, 2000 г. [8. С. 49–56], Рекомендации Комитета министров Совета Европы об условном осуждении и условно-досрочном освобождении 2003 г. [Там же. С. 57–68], Рекомендации Комитета министров Совета Европы о правилах Совета Европы о пробации 2010 г. [9. С. 625–648]. Следует отметить, что международно-правовые документы распространяются не только на наказания без изоляции от общества, но и на иные меры, которые наказаниями не являются (условное осуждение, полная отсрочка исполнения наказания, частичная отсрочка исполнения наказания, условно-досрочное освобождение, электронный мониторинг, компенсация причиненного преступлением вреда или ущерба и др.). Кроме того, для обозначения порядка поведения осужденных и порядка деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, международно-правовые документы не используют термин непенитенциарный режим.

Употребляемый в международных правовых актах термин «режим обращения» также не обозначает этот порядок, а предполагает различные методы работы с отдельными категориями осужденных. Однако это вовсе не означает, что международно-правовые документы не регламентируют порядок и условия поведения осужденных и порядок деятельности органов, исполняющих альтернативные санкции. Для их обозначения в международно-правовых документах используются термины «условия» и «надзор».

Из содержания международно-правовых документов следует, что условия альтернативных санкций могут предусматриваться законом для всех осужденных, устанавливаться на основании закона судом некоторым из них, а также предусматриваться органом, их исполняющим. Как представляется, такое деление «условий» позволяет выделить карательное и некарательное содержание непенитенциарного режима.

Карательные требования непенитенциарного режима соответствуют качественному и количественному содержанию того или иного наказания без изоляции осужденного от общества, являются обязательными, предъявляются ко всем осужденным к тому или иному наказанию без изоляции от общества, устанавливаются (или должны устанавливаться) только уголовным законом и конкретизируются в приговоре суда в виде определения их вида, меры, срока действия. Рекомендации Комитета министров Совета Европы о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер (далее – Европейские правила в отношении общественных санкций и мер 1992 г., Рекомендации 1992 г.) предусматривают ряд требований к общинным санкциям и мерам.

Во-первых, общинные наказания и меры не должны назначаться на неопределенный срок. Их продолжительность должна устанавливаться органом, полномочия которого определены законом (правило 5).

Во-вторых, характер и продолжительность общинных санкций и мер должны соответствовать серьезности правонарушения, по которому нарушителю закона был вынесен приговор или было предъявлено обвинение, а также учитывать личные обстоятельства (правило 6).

В-третьих, общинные санкции или меры не должны ограничивать гражданские или политические права правонарушителя, если эти ограничения противоречат Правилам, принятым международным сообществом в отношении прав человека и основных свобод.

Степень ограничения этих прав, вызванная применением общественных санкций или мер, не должна быть большей, чем того требует решение, накладывающее подобное наказание или меры. Характер общинных наказаний и мер, а также способы их применения должны гарантировать правонарушителю, согласно международному праву, соблюдение прав человека (правило 22).

В-четвертых, характер, содержание и способы применения общинных наказаний и мер не должны ставить под угрозу частную жизнь и достоинство правонарушителей или их семей либо привести к их преследованию. Не должна существовать угроза потери самоуважения, разрушения семейных отношений, связи с общиной и общественной жизнью. Необходимо принять меры для защиты правонарушителей от оскорблений, неуместного любопытства и огласки (правило 23).

В-пятых, общинные наказания и меры не должны предусматривать медицинское и психическое лечение и процедуры, не соответствующие принятым в мире этическим Правилам (правило 25).

В-шестых, наложение и применение общинных наказаний и мер должно быть направлено на развитие у правонарушителей чувства ответственности перед общиной в целом и потерпевшим (ими) в частности (правило 30).

Следует подчеркнуть, что практически все вышеперечисленные рекомендации международно-правовых документов нашли отражение в действующем российском уголовном законодательстве в нормах, закрепляющих наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, общице начала и специальные правила назначения наказания. Однако нельзя не отметить и то, что содержание некоторых наказаний, не связанных с лишением свободы, излишне карательное. На наш взгляд, предусмотренная уголовным законодательством России возможность назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет в качестве дополнительного наказания будет негативно отражаться не только на правовом статусе человека, который будет считаться осужденным на протяжении весьма длительного промежутка времени, но и на членах его семьи. Их характеристика, омраченная такой информацией, будет ставить под угрозу частную жизнь и достоинство осужденных и членов их семей, может привести к разрушению семейных отношений, связи с общиной и общественной жизнью (правило 23).

На практике встречаются ситуации, когда степень ограничения прав осужденного, вызванного назначением наказания, не связанного с лишением свободы, больше, чем того требует решение, накладывающее подобное наказание. Проведенное нами исследование показывает, что осужденным к исправительным работам и ограничению свободы нередко приходится менять место работы, поскольку оно находится за пределами его места жительства, а следовательно, и территории, обслуживаемой уголовно-исполнительной инспекцией. Как представляется, такая ситуация не гарантирует осужденному, согласно международному

праву, соблюдение прав человека (правило 22). В этой связи следует закрепить в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве возможность осужденного к исправительным работам трудиться и не в районе его места жительства.

Кроме этого, международно-правовые документы, в отличие от российского законодательства, требуют сотрудничества и согласия правонарушителя на применение общественных санкций и мер. В главе IV Европейских правил относительно общественных санкций и мер 1992 г. предусматривается, что общинное наказание должно накладываться только в том случае, если известно, что условия и обязательства могут быть соответствующими и правонарушитель готов сотрудничать и выполнять их (правило 31). Так как применение общественных санкций или мер воздействия должно обеспечивать сотрудничество правонарушителя и понимание им наказания как справедливой и разумной реакции на совершенное правонарушение, правонарушитель по возможности должен принимать участие в процессе принятия решений по вопросам применения наказания (правило 34). Согласие обвиняемого лица должно быть получено перед наложением общественных санкций, которое будет применено до начала судебного разбирательства или вместо суда и решения о наказании (правило 35). Если необходимо поучить согласие правонарушителя по какому-либо вопросу, его следует проинформировать, ответ должен быть однозначным. Полученное согласие не должно иметь последствий, лишающих правонарушителя его основных прав (правило 36). В российском уголовном праве испрашивание согласия подсудимого на применение к нему того или иного наказания или меры не предусматривается. Исключение составляет норма Уголовного кодекса Российской Федерации о назначении штрафа несовершеннолетнему с согласия его родителей или других законных представителей, которая противоречит не только принципу личного исполнения наказания, но и устоявшемуся в теории и на практике представлению о наказании как о мере государственного принуждения, которая назначается независимо от согласия (несогласия) подсудимого [10. С. 76–77].

Международно-правовые документы определяют и содержание непенитенциарного режима, которое устанавливается судом не каждому осужденному к тому или иному наказанию без изоляции от общества, а дифференцированно, с одной стороны, с целью нейтрализовать воздействие факторов, способных создать условия для совершения осужденным нового преступления, и, с другой – обеспечить благоприятные условия его исправления. Эти требования образуют некарательное содержание непенитенциарного режима, поскольку не включаются в содержание того или иного наказания без изоляции осужденного от общества. Установление осужденным этих требований предполагает не только привлечение осужденных к выполнению карательных требований, но и непосредственно направлено на предупреждение совершения осужденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия их исправления. В Европейских правилах в отношении общественных санк-

ций и мер взыскания 1992 г. определено, что условия и обязательства по общинным наказаниям и мерам, которые установлены назначившим их органом, должны проистекать из ясных и недвусмысленных положений закона, так же как и последствия за невыполнение этих условий и обязательств (правило 4).

Раздел 12 Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с лишением свободы 1990 г. (далее – Токийских правил), регламентирует принципы установления осужденным «условий». В соответствии с п. 12.1, если компетентный орган определяет условия, которые должны соблюдаться правонарушителем, то он должен учитывать как интересы общества, так и интересы и права правонарушителя и жертвы. В пункте 12.2 отмечается, что условия, подлежащие выполнению, должны быть практическими, точными и по возможности малочисленными и направленными на уменьшение вероятности возвращения правонарушителя к уголовной деятельности и повышение вероятности возвращения правонарушителя к нормальной жизни в обществе, с учетом интересов жертвы. На вопрос об имплементации этих рекомендаций в российское законодательство нельзя ответить однозначно. В большей мере соответствует этим рекомендациям содержание режима испытания при условном осуждении, который включает в себя разные по своей правовой природе и целевому назначению обязанности, как предусмотренные в законе, так и иные, способствующие исправлению осужденного. Содержание непенитенциарного режима при наказаниях, не связанных с лишением свободы, не включает обязанность осужденного возместить причиненный потерпевшему вред, следовательно, не учитывает интересы потерпевшего от преступления. Включение этой обязанности в содержание непенитенциарного режима наказаний, не связанных с лишением свободы, будет соответствовать основным направлениям «виктимологической политики Российской Федерации» [11. С. 201–208]. Содержание непенитенциарного режима не всегда учитывает интересы самого осужденного в части реализации его права на образование и труд [12. С. 16–26]. Так, например, трудоустроить осужденного к исправительным работам 14–15-летнего несовершеннолетнего в общем для всех осужденных порядке невозможно, ибо требуется соблюдение правил, установленных в трудовом законодательстве. В связи с этим следует согласиться с бытующим на практике мнением о запрете назначения исправительных работ осужденным, не достигшим 16 лет. Практика показывает, что несовершеннолетних, осужденных к обязательным и исправительным работам, обучающихся в образовательных учреждениях, также невозможно привлечь к отбыванию этих наказаний в свободное от учебы время, поэтому в такой ситуации в уголовно-исполнительном законодательстве должна предусматриваться отсрочка отбывания данных наказаний в каникулярное время. В настоящий момент единственным вариантом индивидуализации исполнения приговора является предусмотренная в УПК РФ возможность отсрочки его исполнения.

Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. исходят также из

того, что ряд требований непенитенциарного режима могут или должны предусматриваться органом, исполняющим альтернативные санкции, при осуществлении надзора и обращения. При этом Рекомендации 1992 г. содержат критерии, которым должны отвечать эти требования.

Во-первых, инструкции органа, исполняющего наказание, выпускаемые во исполнение решения о наказании и мерах, должны быть четкими и носить практический характер.

Во-вторых, они не должны предъявлять к правонарушителю требования, выходящие за рамки требований, вытекающих из решений о наказании (правила 27, 73).

В-третьих, они должны индивидуализироваться для каждого отдельного случая и категории осужденных (правило 24).

В-четвертых, характер, содержание и способы применения общинных наказаний и мер должны исключить возможность риска нанесения физической или психической травмы (правило 26).

Рассматривая через призму вышеперечисленных критериев требования непенитенциарного режима по российскому законодательству, следует отметить, что установление органом, исполняющим наказание, осужденным этих требований предполагает не только привлечение осужденных к выполнению карательных требований непенитенциарного режима, но и непосредственно направлено на предупреждение совершения осужденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия его исправления. Так, например, определение уголовно-исполнительной инспекцией осужденному к обязательным работам вида работ и объекта, на котором они будут отбываться, должно обеспечить не только карательное содержание этого наказания, но и благоприятные условия его исправления и предупреждение совершения осужденным нового преступления. Невыполнение этого требования может привести к тому, что наказание не будет отбываться либо его отбывание будет проходить формально (только с точки зрения учета «отработанного» осужденным времени). Аналогичный принцип должен действовать и при определении мест отбывания исправительных работ неработающим осужденным, а также при установлении дополнительных обязанностей осужденным к ограничению свободы (ст. 54 УИК РФ), а также при определении осужденному к обязательным и исправительным работам, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью периодичности явки в уголовно-исполнительную инспекцию. Однако действующее законодательство не предусматривает возможности индивидуализации некарательных требований непенитенциарного режима всем категориям осужденных без изоляции от общества (несовершеннолетним, женщинам, иностранцам, лицам без определенного места жительства). Если к этому добавить невозможность осуществления непрерывного контроля за поведением осужденного без изоляции от общества, то не приходится сомневаться в том, что предусмотренные законом универсальные правила не позволяют исполнить назначен-

ное ему наказание. Так, например, трудоустроить осужденного к исправительным работам иностранца в общем для всех осужденных порядке невозможно, ибо требуется разрешение на работу, оформленное в установленном законом порядке. Учитывая это, а также то, что любое нарушение иностранцем миграционного законодательства будет препятствовать исполнению приговора об исправительных работах, так как этот иностранец будет выдворен за пределы Российской Федерации, а приговоры российских судов не исполняются на территории других государств, следует закрепить в ст. 50 УК РФ запрет на назначение исправительных работ иностранным гражданам.

Международно-правовые акты говорят и о необходимости изменения содержания непенитенциарного режима в зависимости от поведения осужденного, а также о досрочном прекращении их исполнения. Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. предусматривают, что орган, принимающий решение в соответствии с действующим законодательством, может изменить условия и обязательства, предусмотренные общественными санкциями и мерами, учитывая успехи, достигнутые правонарушителем (правило 87). В связи с этим считаем необходимым и своевременным предоставить суду возможность возложения на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам обязанностей, как при вынесении приговора, так и в период отбывания наказания по представлению уголовно-исполнительной инспекции, а также уголовно-исполнительной инспекции, если эти обязанности направлены на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима (например, являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию с указанием периодичности, отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией о своем поведении). При этом перечень обязанностей, которые могут быть возложены судом, должен быть открытый, так как это позволит суду индивидуализировать требования не-

пенитенциарного режима каждому осужденному. Кроме этого, в уголовно-исполнительном законодательстве следует предусмотреть возможность уголовно-исполнительной инспекции возлагать на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам обязанностей, направленных на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима, не только после нарушения осужденным требований этого режима, как это сейчас предусмотрено в ч. 2 ст. 46 УИК РФ, но и при постановке на учет.

Европейские правила в отношении общественных санкций и мер взыскания 1992 г. также говорят о том, что орган, принимающий решение, должен быть наделен полномочиями, позволяющими ему прекратить отбывание наказания или мер до истечения срока, если установит, что правонарушитель выполнял наложенные обязательства, и сочтет, что далее нет необходимости выполнять их для достижения целей, которые преследовало наказание или меры (правило 88). Российское уголовное законодательство в настоящее время такую возможность судам, к сожалению, не предоставляет. Статья 79 УК РФ предусматривает возможность условно-досрочного освобождения только при отбывании осужденным одного наказания, не связанного с лишением свободы, – принудительных работ, которое еще не введено в действие. Как представляется, возможность условно-досрочного освобождения должна быть предусмотрена при отбывании обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы в качестве основного наказания.

Таким образом, приведение российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в соответствии с требованиями международно-правовых документов невозможно без его изменения в части дополнения некарательных требований непенитенциарного режима применительно ко всем наказаниям, не связанным с лишением свободы, их изменения в период исполнения наказаний без изоляции от общества и досрочной отмены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы междунар. конф. М. : ПРИ, 2001. 267 с.
2. Мананкова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и вопросы их реализации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Томск, 1998. 22 с.
3. Тепляшин П.В. Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. 132 с.
4. Хуторская Н.Б. Организация и деятельность служб пробации за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы междунар. конф. М. : ПРИ, 2001. 267 с.
5. Коровин А.А., Хуторская Н.Б. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций на основе реализации европейских стандартов и зарубежного опыта. М. : ПРИ, 2011. 151 с.
6. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Сборник нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М. : ПРИ, 2002. 332 с.
7. Рекомендации Комитета министров Совета Европы в отношении медиации в уголовно-правовой сфере, 1999 г. URL: <http://intermediation.narod.ru/index/0-34> (дата обращения: 21.10.2015).
8. Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселённости тюрем. Совет Европы, Страсбург, 2015. 170 с.
9. Рекомендации Комитета министров Совета Европы о правилах Совета Европы о пробации, 2010 г. Неофициальный перевод Н.Б. Хуторской. Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. Т. 2: Особенная часть : учеб. / Е.А. Антонян, А.В. Бриллиантов, А.Я. Гришко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МПЮА имени О.Е. Кутафина, 2011. 792 с.
10. Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 166 с.
11. Воронин Ю.А., Майоров А.В. Правовая виктимологическая политика России: концептуальные аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 201–208.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 апреля 2018 г.

INTERNATIONAL FUNDAMENTAL LEGAL PRINCIPLES OF NON-PENAL REGIME

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 190–194.

DOI: 10.17223/15617793/431/26

Nikolay V. Olkhovik, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Keywords: penal law; international standards of treatment of convicts; alternatives to imprisonment; punishment without isolation from society; non-penal regime.

In this article, the author considers basic statements of international legal acts relating to the regulation of order and conditions of serving sentence without isolation from society – non-penal regime. The author analyses its punitive and non-punitive requirements and its changes according to the behavior of a convict. The content of international legal acts suggests that conditions of alternative sanctions can be provided by the law for all convicted persons, it can be established on the basis of the law by the court and it can be provided by the body which enforces them. This distinction of “conditions” allows to separate the punitive and non-punitive content of non-penal regime. Almost all recommendations of international legal documents were reflected in the Russian criminal law in the norms which fix punishment not related to isolation from the society, the general principles and special rules of punishment imposition. However, the content of certain types of punishment not related to isolation from the society is unnecessarily punitive (deprivation of the right to hold certain positions or to be engaged in certain activities for a period of 20 years as additional punishment). In some cases the degree of limits on rights of the convicted caused by the imposition of punishment not related to imprisonment is bigger than it is demanded by the decision imposing this type of punishment (duty of the convicted to correctional work and restriction of freedom to work in the district of their living). Finally, international legal documents, alternatively to Russian legislation, demand collaboration and agreement of the offender to apply public sanctions and measures. Comparing statements of international legal acts to Russian legal norms of criminal law and penal law, the author formulates suggestions to improve the criminal and penal legislation of Russia in terms of establishing requirements of non-penal regime. The author proves the necessity to decrease the maximum term of deprivation of right to occupy certain posts or to be engaged in certain activities, which has been appointed as additional punishment; to ban the imposition of correctional labor for foreigners; to add non-penal requirements of non-penal regime for the convict to compensate for the harm to the victim; to provide for an opportunity to change the duties of the convicted while serving their sentences; to provide for an opportunity of parole while serving mandatory and corrective labor, as well as limitations on freedom imposed as the main sentence.

REFERENCES

1. Utkin, V.A. (2001) [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: the initial phase of the project]. *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii* [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation]. Proceedings of the international conference. Moscow: PRI. (In Russian).
2. Manankova, M.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty primeneniya ugovolno-pravovykh mer, ne svyazannykh s lisheniem svobody, i voprosy ikh realizatsii* [International standards for the application of criminal law measures, not related to deprivation of liberty, and issues of their implementation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Teplyashin, P.V. (2012) *Vliyaniye mezhdunarodnogo penitentsiarnogo prava na reformu ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [Influence of the international penitentiary law on the reform of the penitentiary system of Russia]. Krasnoyarsk: SibYul FSKN Rossii.
4. Khutorskaya, N.B. (2001) [Organization and activities of probation services abroad]. *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Rossiyskoy Federatsii* [Alternatives to imprisonment in the Russian Federation]. Proceedings of the international conference. Moscow: PRI. (In Russian).
5. Korovin, A.A. & Khutorskaya, N.B. (2011) *Pravovoe regulirovaniye i organizatsiya deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'nykh inspektsiy na osnove realizatsii evropeyskikh standartov i zarubezhnogo opyta* [Legal regulation and organization of activity of penitentiary inspectorates on the basis of the implementation of European standards and foreign experience]. Moscow: PRI.
6. Filimonov, O.V. (ed.) (2002) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'nykh inspektsiy. Sbornik normativno-pravovykh aktov* [Organizational and legal bases of the activity of Organizational and legal bases of the activity of the criminal executive inspections. Collection of regulatory legal acts. Collection of regulatory legal acts]. Moscow: PRI.
7. Intermediation.narod.ru. (1999) *Rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy v otnoshenii mediatsii v ugovolno-pravovoy sfere* [Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe on mediation in the criminal law field]. [Online] Available from: <http://intermediation.narod.ru/index/0-34>. (Accessed: 21.10.2015).
8. Council of Europe. (2015) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy po predotvrashcheniyu perenaselennosti tyurem. Sovet Evropy* [Compendium of texts of the Council of Europe on the prevention of overcrowding in prisons]. Strasburg: Council of Europe.
9. Eminov, V.E. & Orlov, V.N. (eds) (2011) *Rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy o pravilakh Soveta Evropy o probatsii, 2010 g. Neofitsial'nyy perevod N.B. Khutorskoy. Rossiyskoe ugovolno-ispolnitel'noye pravo: v 2 t.* [Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the rules of the Council of Europe on probation, 2010. Unofficial translation by N.B. Khutorskaya. Russian criminally-executive law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: MSLA.
10. Utkina, S.S. (2004) *Ugovolnoye nakazaniye v vide shtrafa* [Criminal punishment in the form of a fine]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Voronin, Yu.A. & Mayorov, A.V. (2015) Legal victimological policy of Russia: conceptual aspects. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 9:2. pp. 201–208. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).201-208
12. Prokumentov, L.M. & Ol'khovik, N.V. (2011) *RetSIDivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdeniye* [Recurrent crime of juvenile convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 24 April 2018

И.П. Попова, И.Г. Смирнова

ЗАОЧНОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрены такие концептуальные проблемы заочного порядка постановления приговора, как терминологическое обеспечение и основания проведения судебного разбирательства заочно, возможность заочного судебного разбирательства при объявлении лица в розыск, а также специфика вручения приговора, вынесенного заочно, и проблемы его исполнения. Сформулированы выводы и сделан ряд предложений по совершенствованию правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; заочное судебное разбирательство; обвинительный приговор без назначения наказания; участие подсудимого.

В соответствии с международными стандартами отправления правосудия по уголовным делам каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения быть судимым в его присутствии (п. «с» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Вместе с тем многие государства допускают возможность рассмотрения уголовного дела по существу в отсутствие подсудимого.

Так, Модельный УПК стран СНГ (ст. 353) предусматривает обязательное участие подсудимого. К исключительным случаям заочного производства Модельный УПК относит: 1) уклонение подсудимого от явки в суд; 2) наличие ходатайства подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, если заочное разбирательство не воспрепятствует всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств дела. При производстве у мировых судей предусматривается возможность при неявке подсудимого по уважительной причине рассмотреть дело в его отсутствие при условии, если: 1) подсудимый ходатайствует о заочном рассмотрении дела; 2) статья уголовного закона, предусматривающая уголовный проступок, указанный в повестке о вызове подсудимого, не предусматривает наказание в виде лишения свободы; 3) потерпевший, его представитель не приводят серьезных доводов, требуя участия подсудимого в судебном разбирательстве (ст. 449).

В свою очередь, УПК Азербайджана допускает судебное разбирательство в отсутствие подсудимого только в следующих исключительных случаях: 1) если обвиняемый, находящийся за пределами Азербайджанской Республики, умышленно уклоняется от явки в суд; 2) если лицо, обвиняемое в преступлении, не представляющем большой общественной опасности, заявило ходатайство о рассмотрении судом выдвинутого против него обвинения в его отсутствие, при условии, что это не будет препятствовать всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием. Если судебное разбирательство проводится в отсутствие обвиняемого, участие его защитника в судебном заседании обязательно (ст. 311).

Разбирательство уголовного дела в отсутствие обвиняемого согласно ст. 294 УПК Республики Бела-

русь может быть допущено лишь в случаях, когда: 1) лицо, обвиняемое в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления, признает свою вину и ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие; 2) обвиняемый находится вне пределов Республики Беларусь и уклоняется от явки в судебное заседание.

Аналогичным образом, разбирательство дела в отсутствие подсудимого с учетом требований ст. 259 УПК Республики Кыргызстан допускается в случаях, если: 1) подсудимый находится вне пределов Кыргызской Республики и уклоняется от явки в суд; 2) подсудимый после повторного вызова не явится в судебное заседание и не уведомит суд о причине неявки. Примечательно, что поскольку явка подсудимого обязательна, то в случае отложения судебного разбирательства обязанность обеспечения явки подсудимого возлагается судом на орган, который расследовал уголовное дело (ч. 3 ст. 259 УПК Кыргызстана).

Главное судебное разбирательство (рассмотрение уголовного дела по существу судом первой инстанции) согласно УПК Республики Казахстан, происходит при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев: 1) когда подсудимый, обвиняемый в совершении уголовного проступка либо преступления небольшой и средней тяжести, ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие; 2) когда подсудимый находится вне пределов Республики Казахстан и уклоняется от явки в суд; 3) отказа подсудимого, содержащегося под стражей, явиться и присутствовать в судебном заседании (ст. 335).

Такую возможность предусматривает также законодательство ряда европейских стран, а также стран АТР (в частности, в Японии допускается проведение производства по уголовному делу в сокращенном порядке вообще без проведения судебного заседания). Вместе с тем, к примеру, некоторыми учеными в Мальте расширение незначительного перечня исключительных случаев рассмотрения уголовных дел в отсутствие подсудимого расценивается как посягательство на закрепленное в Конституции Республики Мальта и ЕСПЧ право на справедливое судебное разбирательство [1].

Взаимодействие государств в сфере уголовного преследования (например, по вопросам передачи уго-

ловного преследования, оказания правовой помощи, экстрадиции, передачи осужденного для отбывания наказания в государство его гражданства) представляется весьма затруднительным при наличии существенных различий в вопросах уголовно-процессуального регулирования разных вопросов. Именно поэтому крайне важно оценить особенности правового регулирования заочного судебного разбирательства и проблем его применения в Российской Федерации.

Итак, появление данного института в российском уголовном судопроизводстве следует признать обусловленным исторически, поскольку такая возможность была предусмотрена еще Псковской судной грамотой, когда потерпевшей стороне выдавалась «безсудная грамота» [2. С. 124–133] – по результатам рассмотрения дела в отсутствие ответчика, не явившегося на суд (в указанный период не имелось разделения на уголовные и гражданские дела).

Согласно дореволюционному законодательству, Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) была предусмотрена возможность постановления заочного приговора, изначально только при производстве у мировых судей (ст. 133–141 УУС). С 15 февраля 1888 г. возможность постановления заочного приговора была учтена и в окружных судах при рассмотрении уголовных дел, где в качестве наказания не предусматривалось лишение или ограничение прав (ст. 834.1–9 УУС). Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого носило исключительный характер. Такой вид приговора было возможно постановить при рассмотрении уголовных дел по обвинению в совершении деяний, за которые было предусмотрено наказание не свыше ареста. Необходимым условием рассмотрения дела в заочном порядке была неявка подсудимого, своевременно и надлежаще извещенного о явке в суд, по неуважительной причине. При этом у подсудимого имелось право заявить о новом судебном разбирательстве в течение двух недель с момента получения копии заочного приговора (ст. 139 УУС). Ряд дореволюционных, впрочем, как и современных, процессуалистов возмозможность постановления заочного приговора расценивали как проявление нарушения принципа состязательности сторон [3. С. 16–17, 192].

УПК РСФСР 1960 г. также предусматривал возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого в исключительных случаях, если это не препятствует установлению истины по делу: 1) когда подсудимый находился вне пределов СССР и уклонялся от явки в суд; 2) когда по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствовал о разбирательстве дела в его отсутствие. Суд, однако, был вправе признать явку подсудимого обязательной (ст. 246 УПК РСФСР).

С учетом требований ч. 1 ст. 123 Конституции РФ и ч. 1 ст. 247 УПК РФ участие обвиняемого в судебном заседании в суде первой инстанции является обязательным. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие обвиняемого является исключительным и допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

В настоящее время действие заочного порядка судебного разбирательства и заочного постановления приговора неоднозначно воспринимается российским судебным сообществом (это подтверждается результатами социологического опроса 425 судей судов основного и среднего звена Российской Федерации, проведенного на территории семи субъектов Российской Федерации в 2014–2017 гг.). Конечно, большинством опрошенных респондентов (81%) считают допустимым в российском уголовном судопроизводстве постановление приговора заочно в результате судебного разбирательства в отсутствие подсудимого. Вместе с тем противники данного порядка отмечали следующие обстоятельства, которые, по их мнению, обуславливают скептическое отношение к заочному правосудию. Так, возражая против заочного производства, среди наиболее значимых причин недопустимости постановления приговора в заочном порядке были названы:

- возможность нарушения предусмотренных международными актами требований о праве при рассмотрении любого обвинения лично предстать перед судом;
- высокий риск незаконного осуждения;
- высокий риск вынесения приговора в отношении умершего;
- возможность нарушения права на защиту в результате заочного производства.

Так, в обзоре апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2014 г. приводится в качестве примера уголовное дело, в котором нарушение заочного порядка рассмотрения уголовного дела повлекло отмену заочного приговора в отношении С., а уголовное дело было направлено на новое судебное разбирательство, поскольку на момент судебного разбирательства и постановления приговора местонахождение подсудимого было установлено, так как подсудимый содержался в следственном изоляторе.

Тем не менее, несмотря на наличие не только сторонников, но и противников заочного судебного разбирательства, законодатель допускает и регламентирует этот порядок, а ученые подчеркивают, что тот факт, что обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования, исходя из личного интереса (например, интереса личной безопасности), сам по себе не означает, что он отказывается от возможности реализации своего процессуального интереса в опосредованном участии в судебном заседании, процессуального интереса выразить собственную позицию по делу. Что не исключает возможность предоставления обвиняемому ряда гарантий, которые позволят опосредованно защищать свои процессуальные интересы в рамках судебного заседания [4. С. 43–44, 46].

Заочное разбирательство в современном российском уголовном судопроизводстве, будучи одним из вариантов рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, обладает определенной спецификой. УПК РФ предусматривает несколько случаев проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого:

- рассмотрение уголовного дела ввиду постоянного отсутствия подсудимого (в связи с его смертью);

– рассмотрение уголовного дела ввиду временного отсутствия подсудимого (к примеру, подсудимый удален из зала суда в связи с нарушением порядка в судебном заседании);

– рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого в связи с определенными особенностями его личности (например, во время допроса несовершеннолетнего подсудимого, может быть удален его соучастник).

В данном исследовании речь пойдет о рассмотрении уголовных дел в порядке ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, а именно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если подсудимый находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд.

С учетом положений ч. 1 и 4 ст. 247 УПК РФ по ходатайству обвиняемого о рассмотрении дела в его отсутствие могут быть рассмотрены только уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. При этом суд вправе признать участие обвиняемого обязательным и отказать в удовлетворении такого ходатайства. Равно, если суд признает, что имеются обстоятельства, препятствующие участию обвиняемого в судебном заседании, что может быть расценено как вынужденный отказ от права на личное участие в судебном заседании, то такое ходатайство подлежит отклонению. Таким образом, наличие ходатайства подсудимого о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие не предопределяет принятие решения суда о заочном производстве. Диспозитивные возможности подсудимого, обвиняемого в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, о личном участии в судебном разбирательстве зависят от дискреционных полномочий суда, принимающего решение об удовлетворении или отклонении такого ходатайства.

Напротив, вне зависимости от волеизъявления обвиняемого, уклоняющегося от явки в суд, в его отсутствие могут быть рассмотрены уголовные дела о преступлениях, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, в следующих исключительных случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ: когда подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд; и если это лицо не было привлечено к ответственности (момент привлечения лица к уголовной ответственности в данном случае определяется законодательством соответствующего иностранного государства) на территории иностранного государства по данному уголовному делу по материалам, направленным в компетентные органы иностранного государства, для осуществления уголовного преследования (ст. 458 УПК РФ).

Каким образом может быть доказан факт нахождения лица за пределами РФ? Полагаем необходимым дополнить нормы УПК РФ положениями об обязанности стороны обвинения в лице государственного обвинителя представить суду доказательство нахождения подсудимого за пределами РФ и (или) уклонения его от явки в суд и не привлечения подсудимого к ответственности по данному уголовному делу на территории иностранного государства, а также возложении на суд обязанности принятия исчерпывающих мер по

уведомлению подсудимого о месте и времени производства судебного разбирательства [5. С. 9]. Представляется, что с увеличением технических средств связи такое уведомление возможно не только путем опубликования данных сведений в средства массовой информации, но и средствах массовых коммуникаций, в том числе в сети Интернет.

В настоящее время не поставлена точка в дискуссии относительно возможности рассмотрения по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ уголовных дел в случае, если подсудимый скрылся не только за пределами РФ, но и на территории РФ. К примеру, Е.А. Карякин предлагает ограничить возможность заочного разбирательства в отсутствие ходатайства подсудимого лишь случаями нахождения подсудимого за пределами РФ [6. С. 78]. Как показывают экспертные оценки судейского сообщества, на первом месте эффективность уголовного процесса ассоциируется в равной степени с восстановлением справедливости и с защитой прав и законных интересов участников процесса, что соответствует и ожиданиям общества. На втором месте судьи указывают наказание виновного, тогда как в обществе это место занимают вопросы возмещения причиненного преступлением вреда [7. С. 130]. Представляется, что расхождение в позиции относительно эффективности уголовного процесса профессионального сообщества и мнения общественности обусловлено, в том числе, обвинительным уклоном в правосознании судей. Подтверждением чему является и то, что справедливость приговора судьи связывают, в первую очередь, с назначением справедливого наказания и осуждением виновного, и лишь затем указывают на оправдание невиновного. Применительно к рассматриваемому вопросу общественные ожидания от уголовного судопроизводства были бы оправданы в случае законодательного урегулирования возможности заочного судебного разбирательства при объявлении лица не только в международный розыск, но и в федеральный розыск на территории РФ.

В силу действия принципов самостоятельности и независимости судебной власти решение о проведении заочного судебного разбирательства принимает суд. Первый вопрос, который при этом возникает: каковы основания для принятия такого решения? Бесспорно, самостоятельным основанием для назначения предварительного слушания является наличие ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Вместе с тем законодатель не регламентирует все случаи возможного рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого при соблюдении указанных в законе условий. В этой связи интересна позиция Пленума Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» от 22 декабря 2009 г. № 28, в п. 13 которого, подчеркивая исключительность таких случаев. Верховный Суд РФ полагает, что к ним могут быть отнесены: особая общественная опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый;

необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением; случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов; невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого.

Безусловно, указание всех случаев рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого лишит дискреционных полномочий суда в признании ситуации исключительной для возможного заочного производства. Именно так полагают 90% опрошенных судей, считающих, что законодатель не должен ограничивать все возможные случаи в ч. 5 ст. 247 УПК РФ конкретным перечнем исключительных ситуаций.

Вместе с тем судьями предлагается нормативно закрепить примерный перечень таких оснований, оставив его открытым для конкретных случаев. Вместе с тем думается, что безграничное расширение указанных пределов судебского усмотрения возможно нивелировать обязанностью суда мотивировать свое решение о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого с предоставлением сторонам возможности его обжалования до вынесения итогового решения по делу. На наш взгляд, законодателю следует разграничить указанные в ч. 5 ст. 247 УПК РФ обстоятельства и указать обязательные условия их применения.

Следует отметить, что широкого распространения заочное производство в судебной практике не получило. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, без участия подсудимого на основании ч. 4 ст. 247 УПК РФ судами России рассмотрено: в 2011 г. 0,39% дел от числа всех оконченных производством уголовных дел в отношении 3 993 лиц, в 2012 г. – 0,51% дел в отношении 4 914 лиц, 2013 г. – 0,46% дел в отношении 4 533 лиц, в 2014 г. – 0,45% дел в отношении 4 348 лиц, в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,39% дел в отношении 3 909 лиц; в 2016 г. рассмотрено в таком порядке 0,35% уголовных дел в отношении 3 528 лиц. На основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ без участия подсудимого рассмотрено уголовных дел еще меньше: в 2011 г. 0,05% дел от числа всех оконченных производством в отношении 549 лиц, в 2012 г. – 0,06% дел в отношении 560 лиц, 2013 г. – 0,07% дел в отношении 690 лиц, в 2014 г. – 0,08% дел в отношении 762 лиц, а в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,05% в отношении 528 лиц; в 2016 г. рассмотрено 0,06% дел в отношении 646 лиц.

Среди проблем реализации заочного судебного разбирательства необходимо акцентировать внимание на соблюдение процессуальных прав обвиняемого. Зарубежные авторы рассматривают как смертельную комбинацию, наносящую непоправимый ущерб равноправию сторон, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого без участия его защитника. Они верно подчеркивают, что сокращение правовой помощи и расходов на оплату услуг защитника, который представляет интересы отсутствующего подсудимого, не должно превалировать над интересами подсудимого, имеющего право быть услышанным судом [8].

Российское уголовно-процессуальное законодательство в этой связи предусматривает, что в отсут-

ствии подсудимого его интересы представляет защитник с учетом требований о состязательности и равноправии сторон, что является обязательным и в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ. При этом важным становится не только сам факт присутствия защитника в судебном заседании, но и его активное участие в судебном разбирательстве. Особую сложность могут представлять случаи назначения защитника, если таковой ранее не принимал участия в производстве по делу. Такому защитнику позиция обвиняемого известна лишь из материалов дела. Тогда как обвиняемый мог и не давать показания по существу предъявленного обвинения. Представляется, что высказанные защитником позиции по исследованным в судебном заседании вопросам могут различаться с обозначенной его подзащитным позицией в случае, если таковая улучшает положение обвиняемого. Иное означало бы нарушение права подсудимого на защиту.

Претерпевает ощутимые изменения и структура судебного производства по уголовным делам, рассматриваемым заочно. Так, в подготовительной части судебного заседания личность подсудимого устанавливается по материалам дела, которые должны быть собраны в полном объеме. Необходимые дополнительные сведения могут быть получены путем представления новых доказательств как защитником, к примеру, сведения о состоянии здоровья подсудимого, так и стороной обвинения, к примеру, сведения о привлечении подсудимого к уголовной ответственности к моменту рассмотрения уголовного дела. Представление новых доказательств, в том числе сведения о личности подсудимого, обусловлено, как правило, длительным приостановлением производства по делу до момента принятия решения о заочном производстве. Важным является выяснение времени вручения копии обвинительного заключения защитнику, в целях соблюдения права на защиту и надлежащую подготовку стороны защиты против предъявленного отсутствующему подсудимому обвинения (ч. 5 ст. 265 УПК РФ).

В судебном следствии не производится допрос подсудимого, но могут быть исследованы ранее данные обвиняемым показания, в случае соблюдения при допросе предусмотренных законом условий. В виду того, что в судебном разбирательстве отсутствует подсудимый, минует такой его этап, как последнее слово подсудимого, что может быть восполнено представлением обязательного слова для последней реплики защитнику. Однако в отсутствие подсудимого в случае формальной защиты со стороны защитника, назначенного по инициативе суда, или вступившего в судебное разбирательство в порядке замены, доказательства чаще всего исследуются путем оглашения письменных документов и показаний допрошенных в судебном производстве свидетелей и потерпевших. Нередко встречаются судебные решения, полностью основанные на исследовании доказательств в таком порядке, что уголовно-процессуальным законом само по себе не запрещено. Объясняется это не только тем, что в отсутствие личного общения со своим подзащитным защитнику сложнее инициировать представление и исследование новых доказательств, но и тем,

что согласие стороны защиты на оглашение доказательств в таком порядке без непосредственного допроса свидетелей в отсутствие подсудимого выражается чаще в отсутствие подсудимого. В этой связи вполне обоснованными представляются опасения Т.В. Трубниковой, что в ряде случаев заочный порядок производства используется судьями не по причине невозможности участия подсудимого в судебном заседании, а именно с целью упрощения судебной процедуры [9. С. 131].

Еще один вопрос, возникающий в правоприменительной практике, это соотношение заочного и особого порядка судебного разбирательства. Полагаем справедливым, что уголовное дело не может быть рассмотрено в отсутствие подсудимого, если имеется ходатайство о его рассмотрении в особом порядке, поскольку рассмотрение уголовных дел в особых производствах (по правилам гл. 32, 40, 40.1 УПК РФ) возможны только с личным участием подсудимого.

Более того, поскольку рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, а равно уголовные дела в отношении несовершеннолетних связаны с предоставлением, законодательным закреплением дополнительных процессуальных порядков и процессуальных гарантий, концепция их реализации вступает в противоречие с концепцией заочного судебного разбирательства, которое, как было отмечено ранее, неразрывно связано с упрощением процессуальных форм. В этой связи представляется необходимым закрепить нормы о запрете рассмотрения уголовного дела в заочном формате в отношении несовершеннолетнего подсудимого, а также судом присяжных.

Порядок постановления заочного приговора не содержит существенных отличий от приговора, постановляемого в общем порядке, с участием подсудимого. Во вводной части приговора следует указать, что уголовное дело рассмотрено в заочном производстве, а данные о личности подсудимого установлены по материалам дела. Представляется, что по итогам судебного разбирательства может быть постановлен любой вид приговора из числа, предусмотренных ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

Наиболее соответствующим интересам подсудимого, на наш взгляд, помимо оправдательного приговора, может быть обвинительный приговор без назначения наказания, в котором устанавливается вина подсудимого и принимается судом решение о не назначении наказания. Основанием для постановления такого приговора является, в первую очередь, позитивное посткриминальное поведение подсудимого. По своим правовым и социальным последствиям обвинительный приговор без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) существенно отличается от иных видов обвинительного приговора. В частности, подсудимый, в отношении которого постановлен такой обвинительный приговор, является осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), но судимость такое осуждение не образует в силу положений ст. 86 УК РФ.

Основания для постановления данного судебного решения как вида уголовной ответственности, на наш взгляд, обусловлены определенными свойствами личности и (или) определенными особенностями содеян-

ного либо совокупностью указанных обстоятельств. Эти основания свидетельствуют о том, что цели уголовного наказания могут быть достигнуты в данном случае без назначения наказания, так как те цели, что определяют необходимость назначения наказания, уже достигнуты к моменту постановления данного вида приговора.

К примеру, при совершении неосторожного преступления, в результате которого наступили непоправимые последствия в виде смерти близкого лица, виновное лицо подвергается осуждению, его действиям дается отрицательная оценка, но поскольку цели наказания уже достигнуты в ходе уголовного судопроизводства в результате посткриминального поведения (в частности, в виде страданий самого подсудимого), то обстоятельства, характеризующие личность подсудимого в целом, и обстоятельства содеянного убеждают суд в избыточности самой меры государственного принуждения в виде наказания.

Так, обвинительный приговор без назначения наказания был постановлен Салехардским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа в отношении Ф., которая в ночное время, находясь после родов двойни в палате перинатального центра, положила новорожденного ребенка рядом с собой в кровать и уснула. В процессе сна подсудимая своим телом перекрыла дыхательные пути новорожденного, который в силу возраста и беспомощного состояния не имел возможности высвободиться и умер от механической асфиксии. Суд пришел к выводу, что вследствие изменившейся обстановки Ф. перестала быть общественно опасной, в указанной ситуации цели восстановления социальной справедливости и исправления виновной вполне могут быть достигнуты без применения реальных мер уголовной ответственности. На основании ст. 80.1 УК РФ в порядке, закрепленном п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, суд признал Ф. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, и освободил подсудимую от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ в связи с изменением обстановки.

Ряд зарубежных исследователей отмечают, что в настоящее время возрастает число данных, свидетельствующих о большом разнообразии последствий уголовного наказания, которые различно влияют на превенцию преступлений в зависимости от типа правонарушителей, преступлений и социальных установок. При этом в зарубежной литературе отмечается, что законная и справедливая процедура судопроизводства, уважение со стороны полиции и суда в ходе осуществления уголовного правосудия оказывают большее влияние на предупреждение новых преступлений, нежели назначенное судом наказание [10. Р. 445]. Вместе с тем несправедливое наказание, процессуальная несправедливость благоприятствуют совершению новых преступлений [11. Р. 27].

К примеру, К. Спон обращает внимание на то, что фактически, принимая решение о наказании, его виде и размере, судьи опираются не только на процессуальные нормы, но и на свои убеждения и ценности, сформировавшиеся в зависимости от предыдущего опыта работы, места их жительства и криминогенной

ситуации в этом районе, пола, расы и т.д. Тогда как в понимании граждан приговор, как результат работы всей системы уголовного правосудия, должен быть законным, обоснованным и справедливым. Спон отмечает, что между тем реформы законодательства, направленные на порядок постановления приговора в США, тем не менее, не привели к снижению уровня преступности [12. Р. ix–xii, 127–168].

Среди всех требований, которые закон предъявляет к приговору, менее всего УПК РФ раскрывает такое, как справедливость [13]. Между тем именно справедливость приговора, постановленного по итогам заочного производства, чаще всего становится предметом проверки состоявшегося решения вышестоящими судами. Вопросы обжалования заочно постановленного приговора являются весьма актуальными в настоящий момент. Прежде всего, интересен тот факт, что 21% опрошенных судей считают излишним обязательность разъяснения последствий и порядка обжалования заочного приговора, а это закономерно влечет и сложности с последующим его фактическим обжалованием.

Различный порядок обжалования приговоров, постановленных в отсутствие подсудимого, в более сложной форме в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ, как верно подчеркивает Т.Г. Бородинова, излишне обеспечивает гарантии подсудимых, добровольно отказавшихся от права на личное присутствие в судебном разбирательстве [14. С. 82].

Дискуссионным является вопрос и о возможности отмены заочного приговора на основании ч. 7 ст. 247 УПК РФ самим судом, постановившим приговор (в качестве механизма процессуального самоконтроля). Представляется, что такая процедура позволит сэкономить время на подготовку и направление уголовного дела в вышестоящий суд для безусловной отмены заочного приговора и позволит в кратчайшие сроки приступить к его рассмотрению вновь уже с участием подсудимого. В этой связи стоит согласиться с мнением о том, что обеспечение права подсудимого на рассмотрение уголовного дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено, не может подменять возможность принятия нового решения судом апелляционной инстанции, и в случае обоснованного рассмотрения в отсутствие подсудимого, такое уголовное дело подлежит направлению в суд первой инстанции для рассмотрения по существу [15. С. 152].

Обращает на себя внимание, что за несколько лет действия нового порядка обжалования и пересмотра судебных решений законодатель так и не внес изменения в норму ч. 7 ст. 247 УПК РФ, до сих пор предусматривающую, по сути, только надзорный порядок рассмотрения ходатайства осужденного или его защитника в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ (минуя апелляционный и кассационный порядки).

Норма гл. 48 УПК РФ, на которую ссылается в действующей редакции уголовно-процессуального закона законодатель, прекратила свое действие с 1 января 2013 г. Представляется, что редакцию ч. 7 ст. 247 УПК РФ следует изменить, указав в ней на отмену заочного приговора по ходатайству осужден-

ного или его защитника в кассационном порядке, предусмотренном гл. 47.1 УПК РФ. Думается, не лишним будет и подчеркнуть согласие осужденного в случае подачи такого ходатайства защитником, так как в вопросе обжалования заочного приговора их позиции могут различаться.

Представляется, что отсутствие сроков обращения с таким ходатайством с момента, когда осужденному вручено судебное решение, ставит в неравное положение потерпевшего и делает неопределенным порядок исполнения заочного приговора. Тем самым, фактически, утрачиваются ценность и значение приговора как итогового судебного решения, так как приговор подлежит безусловной отмене в любое время лишь по ходатайству осужденного или его защитника. Стороне защиты не требуется приводить каких-либо мотивов несогласия с вынесенным решением суда в результате заочного производства. Получается, неправомерное поведение участника процесса со стороны защиты и фактически злоупотребление им своим правом приводят к нарушению прав другой стороны и увеличению разумных сроков судопроизводства.

Аналогичным образом УПК Албании предусматривает правило о праве осужденного ходатайствовать о восстановлении срока обжалования, если он докажет, что не знал о вынесенном решении (Article 147 «Renewal of time limits»). Но при этом, если решение было достигнуто в отсутствие, обвиняемый может просить восстановления периода времени, чтобы сделать обращение, когда он демонстрирует, что не знал о решении.

В ходе нового судебного разбирательства в ином составе суда все доказательства должны быть исследованы вновь в полном объеме, с участием потерпевших, вовлеченных в повторное судебное разбирательство вне своего желания. Думается, что законодателю необходимо более подробно регламентировать как порядок заочного производства, так и процедуру обжалования состоявшего в отсутствие подсудимого решения.

Неразрывно с вопросом обжалования заочного приговора связана проблема необходимости поиска ответа на вопрос о недопустимости поворота к худшему в суде вышестоящей инстанции. Иными словами, вопрос о возможности ухудшения положения осужденного новым приговором на законодательном уровне пока не решен. В отсутствие законодательной регламентации практика идет путем соблюдения запрета на поворот к худшему, так как при отмене заочного приговора о несправедливости назначенного наказания не высказывались вышестоящие инстанции.

Не меньшая проблема, возникающая в правоприменительной практике, – это преюдициальное значение приговора, вступившего в законную силу, если он был постановлен заочно. В этой связи И.С. Дикарев справедливо полагает, что приговоры, постановленные по результатам судебного разбирательства, проведенного в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, не должны иметь преюдициального значения. Мотивируя свою позицию, автор подчеркивает, что отсутствие у подсудимого возможности защищаться, довести до све-

дения суда свою позицию препятствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, в результате чего вопрос об истинности достигнутого судом знания остается открытым [16. С. 53]. Аналогичную позицию разделяет и Б.Р. Бурганов [17. С. 132].

В свою очередь Р.В. Шакитко и С.В. Фидельский приходят к аналогичному выводу: приговоры, постановленные в отсутствие подсудимого в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 247 УПК РФ, не должны приобретать свойства преюдициальности в силу экстраординарности характера процедуры заочного производства и нестабильности вступившего в законную силу заочного приговора. Однако, по их мнению, обстоятельства, установленные заочным приговором, вступившим в законную силу, обладают свойством преюдициальности, поскольку соблюден общий порядок их исследования и формирования выводов [18. С. 168–170].

В этой связи возникает вопрос о том, является ли вообще возможность рассмотрения уголовного дела в порядке заочного судопроизводства соответствующей процессуальным интересам подсудимого? Как обоснованно полагают И.В. Смолькова и Р.В. Мазюк, интересы личности и государства, личности и общества не всегда совпадают. По их мнению, нельзя отдавать приоритет в этой области интересам государства или общества [19. С. 159]. Представляется, что если рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого инициировано им самим, то таким образом оно не проти-

воречит его интересам. Также оно соответствует интересам потерпевшего, общества и государства в целом по своевременному разрешению уголовно-правового конфликта и судебной защите нарушенных прав.

В случае же, когда рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого происходит не по ходатайству подсудимого, представляется, что наличие определенных процессуальных гарантий должно обеспечивать максимальное соответствие процедуры уголовного судопроизводства интересам подсудимого. Во всяком случае, право на обжалование заочного приговора лишь по одной инициативе стороны защиты и повторное рассмотрение уголовного дела в общем порядке корреспондируют праву суда на заочное судебное разбирательство и служат основной, но не единственной гарантией механизма реализации процессуальных интересов подсудимого [20. С. 76–82].

Таким образом, институт заочного производства нуждается в дальнейшем изучении и совершенствовании – в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства и обеспечения принципа процессуальной экономии. Отказ подсудимого от права на личное участие в рассмотрении уголовного дела по существу не должен противоречить ни одному важному общественному интересу и должен сопровождаться обеспеченным минимумом гарантий, соответствующих его значению [21. С. 198], а к самому заочному судебному разбирательству надо подходить с особой осторожностью, расценивая такое производство как нежелательное, но допустимое [22. С. 896].

ЛИТЕРАТУРА

1. Meli M. Trials in absentia: erosion of the rights of accused?: a comparative study. URL: <https://www.um.edu/mt/library/oar/handle/123456789/17510>.
2. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. 151 с.
3. Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1895. 218 с.
4. Мазюк Р.В., Задорожный В.Д. Защита процессуальных интересов обвиняемого при заочном порядке избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Академический юридический журнал. 2016. № 2 (64). С. 40–48.
5. Трофимова Е.В. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: нормативное регулирование и практика применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
6. Карякин Е.А. Проблематика заочного судебного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 75–79.
7. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М. : Юрилитинформ, 2011. 352 с.
8. Willey P. Trials in absentia and the cuts to criminal legal aid // Journal of Criminal Law. 2014. Vol 78, Issue 6. P. 486–510.
9. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 127–133.
10. Lawrence W. Sherman. Defiance, Deterrence, and Irrelevance: a Theory of Criminal Sanction // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1993. Vol 30, Issue 4. P. 445–473.
11. Kyle Mclean, Scott E. Wolfe. A Sense of Injustice Loosens the Moral Bind of Law // Criminal Justice and Behavior. 2016. Vol 43, Issue 1. P. 27–44.
12. Spohn C. How do judges decide? The search for fairness and justice in punishment. Second edition. Sage Publications, Inc. 2009. 376 p. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/how-do-judges-decide/book232267#Spohn, Cassia. How do judges decide?>
13. Попова И.П. Справедливое правосудие // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 7–13.
14. Бородинова Т.Г. Пересмотр приговоров, вынесенных в отсутствие подсудимого // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 80–82.
15. Андреева О.И., Желева О.В., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Право на возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции: возможность злоупотребления полномочиями // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 554–567.
16. Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 51–53.
17. Бурганов Б.Р. Институт преюдиции в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 191 с.
18. Шакитко Р.В., Фидельский С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве : нормативное закрепление и порядок и реализации. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2014. 206 с.
19. Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 156–169.
20. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2017. № 4. С. 76–84.
21. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
22. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 марта 2018 г.

TRIAL BY CORRESPONDENCE IN CRIMINAL CASES: IMPLEMENTATION PROBLEMS IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 195–202.

DOI: 10.17223/15617793/431/27

Irina P. Popova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irinabaikal@mail.ru

Irina G. Smirnova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Keywords: criminal trial; trial in absentia; conviction without sentencing; participation of defendant.

The study aims to analyze the peculiarities of the criminal procedural regulation of trial in absentia in foreign states, to identify the most significant problems of making judgments in absentia under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to suggest ways to solve them in order to optimize the law enforcement judicial practice. To achieve the aim, the analysis of investigative jurisprudence was carried out, data of judicial statistics were collected and analyzed, a questionnaire to study opinions of 425 judges from seven regions of the Russian Federation was developed (the survey was conducted in 2014–2016). The research is based on the dialectic method of scientific knowledge of objective reality. When writing the article, general and private scientific methods of research were used: system, historical, statistical, axiomatic, comparative and legal ones, methods of expert assessment, questioning, etc. In the course of research, the authors considered the following conceptual problems of making judgments in absentia: terminological support, grounds for conducting trial in absentia, the implementation of the rule of no reformatio in pejus in this type of trial, the possibility of trial in absentia when the person is not only on the international but also on the federal wanted list, the particularities of the court investigation conducted in the absence of the defendant, the procedural value of the judgment in absentia, the specifics of the judgment, the delivery of the judgment in absentia and the problems of its appeal and execution. The authors generalized the received results and came to the following conclusions: the existence of the institution of trial in absentia in criminal cases is historically conditioned, and the consideration of a criminal case in absentia initiated by the defendant not only complies with their legitimate interests, but also in general corresponds to the interests of the victim, society and the state on the timely and proper judicial protection of violated rights. Meanwhile, the consideration of a criminal case in absentia outside the initiative of the defendant must be accompanied by appropriate mechanisms for guaranteeing the exercise of the legitimate rights and interests of the defendant.

REFERENCES

1. Meli, M. (2016) *Trials in absentia: erosion of the rights of accused?: a comparative study*. [Online] Available from: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/17510>.
2. Kunitsyn, A. (1843) *Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii* [Historical depiction of ancient legal proceedings in Russia]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
3. Dukhovskoy, M.V. (1895) *Iz lektsiy po ugovnomu protsessu* [From lectures on the criminal procedure]. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig.
4. Mazyuk, R.V. & Zadorozhnyy, V.D. (2016) Zashchita protsessual'nykh interesov obvinyаемого pri zaochnom poryadke izbraniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu [Protection of procedural interests of the accused in absentia in order to select a preventive measure in the form of imprisonment]. *Akademicheskyy yuridicheskiy zhurnal – Academical law journal*. 2 (64). pp. 40–48.
5. Trofimova, E.V. (2009) *Zaochnoe sudebnoe razbiratel'stvo ugovolnykh del: normativnoe regulirovanie i praktika primeneniya* [Trial in absentia in criminal cases: normative regulation and practice of application]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
6. Karyakin, E.A. (2015) Problematika zaochnogo sudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu [The problem of trial in absentia in the criminal case]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 75–79.
7. Smirnova, I.G. (2011) *Sotsial'naya tsennost' ugovnogo sudoproizvodstva* [The social value of criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
8. Wiley, P. (2014) Trials in absentia and the cuts to criminal legal aid. *Journal of Criminal Law*. 78:6. pp. 486–510. DOI: 10.1177/0022018314557412
9. Trubnikova, T.V. (2008) Rassmotrenie dela v otsutstvie podsudimogo (zaochnoe proizvodstvo) v sisteme uproschennykh sudebnykh ugovolno-protsessual'nykh proizvodstv [Examination of the case in the absence of the defendant (proceedings in absentia) in the system of simplified criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 315. pp. 127–133. (In Russian).
10. Sherman, L.W. (1993) Defiance, Deterrence, and irrelevance: a Theory of Criminal Sanction. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 30:4. pp. 445–473.
11. McLean, K. & Wolfe, S.E. (2016) A Sense of Injustice Loosens the Moral Bind of Law. *Criminal Justice and Behavior*. 43:1. pp. 27–44. DOI: 10.1177/0093854815609655
12. Spohn, C. (2009) *How do judges decide? The search for fairness and justice in punishment*. Second edition. Sage Publications, Inc. [Online] Available from: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/how-do-judges-decide/book232267#>.
13. Popova, I.P. (2016) Spravedlivoe pravosudie [Fair Justice]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 7–13.
14. Borodinova, T.G. (2016) The review of court judgments passed in the absence of a defendant. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: politics, economics, law*. 4. pp. 80–82. (In Russian).
15. Andreeva, O.I. et al. (2016) The court of appeal's right to return a criminal case to the first-instance court: a possibility of power abuse. *Vse-rossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10:3. pp. 554–567. (In Russian).
16. Dikarev, I.S. (2014) Preyuditsial'nost' sudebnykh resheniy v ugovnom protsesse [The prejudiciality of judicial decisions in the criminal procedure]. *Zakonost'*. 10. pp. 51–53.
17. Burganov, B.R. (2016) *Institut preyuditsii v sovremennom rossiyskom ugovnom protsesse* [The institution of prejudice in the modern Russian criminal trial]. Law Cand. Diss. Kazan.
18. Shakit'ko, R.V. & Fidel'skiy, S.V. (2014) *Preyuditsiya v ugovno-protsessual'nom prave: normativnoe zakreplenie i poryadok i realizatsii* [Prejudice in the criminal procedure law: normative consolidation and implementation]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
19. Smol'kova, I.V. & Mazyuk, R.V. (2016) Legal, illegal and procedural interests of the accused person in Russian criminal procedure. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10:1. pp. 156–169. (In Russian).
20. Mazyuk, R.V. (2017) Procedural Interests of Criminal Proceedings Participants. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 4. pp. 76–84. (In Russian).
21. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal position of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal procedure of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo protsessu* [The course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.

Received: 02 March 2018

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «КОНСТИТУЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI в.

Статья посвящена вопросам формирования термина «конституция» в отечественной и зарубежной доктрине конца XIX – начала XXI в. Проведен анализ отечественной и зарубежной доктрины, а также выделены основные тенденции определения указанного понятия, сложившиеся в дореволюционный, революционный, советский периоды и при обсуждении проектов Конституции Российской Федерации. На основе изложенного исследователем выработан собственный подход к современному обороту «Конституция Российской Федерации».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Основной закон; теория конституции.

В первых писанных конституциях (например, США 1787 г., Франции 1791 г.) были закреплены вопросы, в первую очередь связанные с регулированием взаимодействия органов государственной власти, формой государственного устройства, что в целом неудивительно: задача Основного закона сводилась к регулированию взаимоотношений между народом и властью. В процессе развития конституционно-правовой мысли, менялось и внутреннее наполнение основных законов государств, добавлялись положения о правах человека и гражданина.

Проанализировать, как трансформировалось само значение термина «конституция» со временем, – цель данного исследования. В процессе которого предлагается рассмотреть точки зрения авторов разного периода и предложить итоговое определение, которое может стать пригодным и для современной науки конституционного права.

Вопросы, рассматривающие термин «конституция» в общем смысле, начинают подниматься отечественными государствоведами только в начале XX в. До этого периода российских и зарубежных юристов интересовали аспекты, связанные с определением понятия «закон», соотношением закона и права [1], верховенством права [2]. Более активные размышления о термине «конституция» появляются в начале XX в. в трудах Ф. Лассалья, А.И. Елистратова, А. Джебелегова, П.И. Стучки, Н.И. Лазаревского и др.

Объяснение указанному феномену дал Б.Н. Чичерин, выделивший причины возбуждения конституционного вопроса:

1) дворяне, лишившись крепостного права, думали этим путем сохранить обломки своих утраченных преимуществ и связать настоящее с прошедшим;

2) либералы желали воспользоваться этим случаем, чтобы с помощью возбужденных страстей провести конституционные идеи;

3) наличие Конституций в соседних государствах, с которыми России приходилось сотрудничать [3. С. 4–8].

Следует отметить, что термин «конституция» – продукт многовекового развития политической, философской и юридической мысли. Так, например, Ф. Лассаль, отвечая на вопрос «что такое конституция?», говорил: «...фактические отношения силы записаны на бумагу, выражаются письменно и как ско-

ро они записаны, они уже не просто фактические отношения силы, а они становятся правами, правовыми учреждениями, и кто восстает против них – подвергается наказанию» [4. С. 16].

Б. Чичерин, подразумевая под конституцией термин «основной закон», писал, что им определяются устройство и права верховной власти в различных ее отраслях законодательной, исполнительной и судебной, а также основные права и обязанности граждан. Основной закон должен быть один для всего государства, ибо им определяется устройство государства как единого целого [5. С. 302–303].

Ч. Боржо отмечалось, что конституция – основной закон, согласно которому организуется управление государством и регулируются отношения отдельных индивидуумов или юридических лиц к целому. Он обнаруживал основной характер писанной конституции в том, что она является законом гарантий – гарантий наций против узурпации властей, которым она вверила осуществление верховной власти, осуществление своего суверенитета, также гарантией меньшинства против всемогущества большинства. Им также упоминалось, что конституция не должна заключать в себе обширных постановлений [6. С. V, 38–40]. Следовательно, часть общих «постановлений» должна быть конкретизирована в текущем законодательстве.

Конституция государства, писал Г. Еллинек, затрагивает все те правовые положения, которыми определяются органы верховного управления, способ их образования, их взаимные отношения и круг деятельности каждого из них; вместе с тем в них провозглашаются принципы, определяющие положение личности по отношению к государственной власти. Он отмечал, что римляне также (как Аристотель) проводят строгое различие между конституцией государства и отдельными законоположениями. Установление конституции они обозначали специальным термином «*rem publicam constituere*», из которого впоследствии и возник термин «конституция» в смысле государственного устройства, вошедший далее во всеобщее употребление лишь с XVIII в. [7. С. 5–8].

Обращает на себя внимание общая идея, встречающаяся у обозначенных авторов: в первую очередь, Конституция – положения, определяющие взаимодействие органов государственной власти, фактические

отношения силы, закрепленные на бумаге. А уж после нормы – имеющие особые свойства, отличающие их от иных.

П.А. Строганов полагал, что «конституция – это закон, определяющий порядок, который следует соблюсти при создании административных законов, которые непременно, поскольку они требуют видоизменений, объяснений и т.д. должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства» [8. С. 40–41]. В предложенном подходе отражается важнейшее свойство конституционных норм – высшая юридическая сила, которая подразумевает необходимость учитывать закрепленные положения в Основном законе в процессе формирования всего законодательства.

Н.И. Палиенко отмечал, что конституция, как правовой порядок, представляет собою совокупность публично-правовых гарантий в интересах граждан и народа [9. С. 127–163]. В данном случае, полагаем, автором акцентируется внимание не столько на формальной составляющей Конституции, сколько на материальной.

М.А. Рейснер под конституцией понимал основной, органический, фундаментальный закон. Он полагал, что она может быть охарактеризована с двух сторон: материальной и формальной. Так, конституция с материальной точки зрения есть юридическая норма, определяющая форму правления и основные черты государственного строя. В формальном смысле слова – это комплекс таких законов, для издания, отмены или изменения которых недостаточно так называемого законодательного пути, но которые издаются при соблюдении особых правил и форм, предписанных специально для издания конституционных законов, затрагивающих самые важные устои государственного строя. Однако как с материальной, так и с формальной стороны конституция является нормой высшего достоинства и силы. Конституция стоит над законом, она выше его. Она есть верховный закон, которому подчинен сам законодатель. Закон, таким образом, сам становится законным благодаря конституции. Отсюда и ряд мер, которые должны специально конституции обеспечить особую устойчивость и силу [10. С. 192–195]. В предложенном М.А. Рейснером определении понятия «конституция» отражены, на наш взгляд, некоторые ее важнейшие свойства: высшая юридическая сила, верховенство, стабильность, учредительный характер: «...конституция это, можно сказать, скрижали завета, священный, нерушимый закон, стоящий над всеми законами, над всякой властью и гражданином до тех пор, пока в особом торжественном порядке не изменит его та же высшая учредительная власть. Конституция уравнивает законодательную, исполнительную, судебную власть. Она же определяет ответственность всех властей перед народом и право его на необходимую самооборону. Такое содержание конституции и ее особое значение демократии необходимо приводить к исключительной форме ее изда-

ния. Учредительная власть – это власть самого народа, взятого непосредственно» [11. С. 19–20].

А.И. Елистратов определял конституцию как совокупность руководящих начал и правил, на которых зиждется система государственного соподчинения людей [12. С. 142].

В.Н. Дурденевский, как и М.А. Рейснер предлагал различать конституцию в двух смыслах: материальном и формальном. Однако в эту классификацию он закладывал иные основания: под конституцией в материальном смысле им понималось соотношение социальных (классовых) сил в данной стране и в данную эпоху. Под конституцией в формальном смысле – «установление» государственного порядка в правовых нормах (правилах поведения), т.е. формальная конституция есть юридическое закрепление известного момента в борьбе социальных сил, закрепление, превосходящее обычно в торжественно форме; это – основной закон, с которым должны согласоваться все другие. Однако поскольку конституционный текст существует, проводится в жизнь и путем «поправок», «дополнений» и «пересмотров» приспособляется к ее ходу – он почти всегда дает основные вехи для ориентировки в строе данного государства [13. С. 6].

По мнению В.К. Дябло, конституция, в широком смысле слова, – совокупность законов или обычаев, определяющих порядок образования и основные принципы деятельности высших органов государственной власти. Этому понятию в материальном (широком) смысле, с его точки зрения, противопоставлялось понятие конституции в более узком и в более конкретном смысле – понятие формальной конституции: такие законы, определяющие форму государственного устройства, внешним отличительным признаком которых является большая их юридическая сила, чем всех прочих законов. Обыкновенные законы и все текущее законодательство должны быть согласованы с конституцией [14. С. 5–8]. Таким образом, В.К. Дябло, вроде бы, как и М.А. Рейснер, классифицировал понятие «конституция» в формальном и материальном смысле, однако, опять же, как и В.Н. Дурденевский, он вкладывал в него иной смысл.

Г. Кельзен писал, что, пройдя через многочисленные изменения, понятие конституции сохранило ее основной элемент: идею высшего принципа, определяющего весь правопорядок и сущность общества, организованного этим порядком. Как бы ни определялось понятие «конституция», последняя всегда является основой государства и основой правопорядка. То, что он понимал под конституцией (это понятие, по его мнению, совпадает с понятием формы государства), является юридическим выражением равновесия политических сил на данный момент, а также нормами, регулирующими разработку законов, общих норм, во исполнение которых осуществляется деятельность государственных органов (судов и административных властей). Норма, закладывающая основание для создания основных юридических норм государства, определяющая органы и процедуру законодательства, является конституцией в чистом смысле слова, которая является необходимой основой юридических норм, регулирующих взаимное поведение членов го-

сударственного сообщества, а также норм, определяющих органы, необходимые для их применения, то есть, в конечном счете, основной базой правопорядка [15. С. 8].

Сущность конституции, по идеи В.И. Ленина, состояла в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовый борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся [16. С. 345].

Таким образом, несмотря на свое различие, предложенные выше определения понятия «конституция» имеют ряд сходных черт:

- конституция стоит над законом;
- конституция – основной закон;
- конституция – основа правопорядка;
- в конституции определяются органы управления государством.

По нашему мнению, изложенные идеи являются фундаментом современного понятия «конституция», которое продолжает быть объектом исследования и современных авторов.

Позже о политических аспектах Конституции (в контексте Конституции СССР 1977 г., действовавшей тогда) говорит И.М. Степанов, показывая их с трех позиций: 1) ее роли как Основного закона государства, закрепляющего и регулирующие важнейшие стороны жизни общества; 2) отражения реального соотношения социально-классовых сил; 3) характеристика принципов и признаков ее содержания и формы. Таким образом, Конституция, по образному выражению ученого, – это политико-правовой учредитель, как бы координатор системы законодательства [17. С. 4–7]. То есть рассматриваются уже два аспекта: политический и юридический.

В.Ф. Коток, Н.П. Фарберов обращали внимание на то, что каждая новая Конституция СССР представляла собой восходящую ступень в развитии общества и государства, в развертывании социалистической демократии, в социальном прогрессе человечества. Конституция призвана закреплять фундаментальные социальные отношения, господствующие в обществе на данном этапе его исторического развития и соответствующие ему формы общественной и государственной жизни. Конституция, определяющая основы общества и государства, не есть программа. Главная ее цель, по их мнению, состоит в закреплении достигнутого и завоеванного [18. С. 3–10]. Но тогда не совсем понятным остается вопрос: если общество не делить на классы, то уместно ли рассуждение о завоевании?

В определении, предложенном С.С. Алексеевым, отмечается следующее: «Конституция – Основной Закон в том смысле, что представляет собой особый и единственный закон, который является основополагающим началом всей правовой системы страны. Конституция отличается всеобъемлющим юридическим действием. Влияя на общественную жизнь через всю систему законодательства, конституция вместе с тем прямо регулирует общественные отношения, ее нормы служат и непосредственной норма-

тивной основой при решении юридических вопросов» [19. С. 224]. Отсюда можно сделать вывод о том, что автор говорит о таком юридическом свойстве Конституции, как высшая юридическая сила. К тому же, несмотря на отсутствие закрепления прямого действия конституции в тексте Конституции СССР, Конституции РСФСР вопрос о непосредственности действия норм Основного Закона поднимался в науке уже тогда.

Однако в целом в советский период по-прежнему превалирует акцент на закрепление «политического устройства», политической значимости, «общенародности», но вместе с тем уже подчеркивается, что Конституция – это «ядро правовой системы», обладающее особыми свойствами.

Ранее, в РСФСР, Конституция называлась Основным Законом, что было указано непосредственно в самом названии этого документа. Так, Я.Н. Уманский пишет: «...в отличие от обычного закона Конституция – Основной Закон государства. Уже само наименование “Основной Закон” говорит о его особом месте в системе законов, издаваемых в государстве, и его особом значении в сравнении с любыми другими законами» [20. С. 56–60]. Н.П. Фарберов [21. С. 10–11], Б.В. Щетинин [22. С. 124–125] придерживались схожей позиции.

Как справедливо отмечает А.Н. Кокотов, в отличие от конституций советского периода, Конституция России законом (основным законом) прямо себя не именуется. Вместе с тем, по мнению ученого, исключение из Конституции содержательного объема термина «закон» не имеет целью выведение ее из числа таковых. Это технико-юридический прием, призванный установить ее особое место в законодательной системе страны, а также показать, что Конституция больше, чем юридический закон (она выступает фундаментом государственной и общественной жизни также в качестве программного идеологического, политического, морально-нравственного акта) [23. С. 353–362].

Значительно раньше, в период обсуждений проектов Конституции России Конституционной комиссией, в одном из интервью А.А. Собчаком высказывалась иная точка зрения: «Конституция – Основной закон государства. В проекте же она не провозглашается Основным законом государства и общества. Мы не в ранге Господа Бога – общество жило, живет и будет жить по своим собственным законам, которые не сродни юридическим, а лишь имеют юридический характер» [24. С. 854].

Некоторые современные авторы [25. С. 117–118], несмотря на то, что законодатель в тексте Конституции РФ отказался от традиционного для России двойного наименования «Конституция (Основной Закон)», определяют ее именно так. В целом это принципиально не меняет отношения к Конституции РФ как акту высшей юридической силы. Ее верховенствующее положение в правовой системе Федерации обусловлено объективными факторами, которые определяют ее юридическую природу и социальную основу, основополагающими принципами государственного значения [26. С. 3–4].

Например, по мнению О.Е. Кутафина, будучи высшим по своей нормативной силе актом, Конституция сама является элементом системы нормативных актов. Конституция не вынесена за рамки действующего права, она является его органической составной частью, поэтому Конституция – это не «надзаконный» акт, а реально действующий закон, носящий характер Основного закона [27. С. 43–45]. С точки зрения В.Е. Чиркина, конституция – это всегда основной закон, в котором в концентрированном виде зафиксированы принципы общественного строя, организации государства, правового положения коллектива и личности [28. С. 6–13]. Н.С. Бондарь говорит о конституции как об обладающем высшей юридической силой основном законе государства и общества, который закрепляет в соответствии с объективно сложившимся соотношением социальных сил согласованную волю всех социальных групп общества и является мерой достигнутой свободы, правовым выражением баланса политических, социально-экономических, национально-этнических, религиозных, личных и общественных интересов в гражданском обществе и правовом государстве [29. С. 8] и выступающий в этом качестве ценностным императивом развития государственно-организованного общества. Это единый политико-правовой документ, каждая часть которого должна быть органически связана со всеми остальными, пронизана едиными концептуальными основами политического и экономического развития общества, государственно-правового строительства. Конституция – ценностно-нормативная модель организации жизни общества, охватывающая все ее основные сферы [30. С. 25]. Интересной в данном контексте представляется идея А.Н. Кокотова: конституция – это особым образом выраженный план правотворческой деятельности всех управомоченных субъектов; основа систематизации национального права, предопределяющая его структуру, преодолевающая разрозненность отдельных разделов законодательства, отраслей права [31. С. 52–55], т.е. понятие «конституция» в данном определении расшифровывается ученым не через «Основной Закон».

Более традиционным, на наш взгляд, является определение, высказанное Ю.А. Тихомировым: конституция – это нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу, содержащий систему правовых норм, регулирующих отношения между человеком и обществом, с одной стороны, человеком и государством – с другой, а также основы организации самого государства. Ее высшая юридическая сущность проявляется двояким образом: 1) нормы Конституции имеют приоритет над нормами законов и подзаконных актов; 2) сами законы и иные акты принимаются предусмотренными Конституцией органами и в установленном ею порядке. В связи с этим можно рассмотреть Конституцию как главный источник права, лежащий в основе всей системы нормативно-юридического регулирования общественных отношений в государстве. Безусловно, нельзя утверждать, что основной закон в равной мере учитывает все социальные интересы, и, тем не менее, это своего рода их «правовая равнодействующая», отражающая ба-

ланс интересов и способная служить прогрессивному развитию общества [32. С. 23–30]. В изложенном отражены некоторые юридические свойства Конституции (высшая юридическая сила, регулятивность), а также взаимосвязь между человеком и государством, что имеет свою принципиальную значимость [33. С. 32].

По справедливому замечанию Т.Я. Хабриевой, Конституция Российской Федерации принципиально отличается от прежних актов конституционного законодательства СССР и России. Она несет в себе новые ценности и ориентиры политического и социально-экономического развития, в центре которых стоят основные права и свободы человека. Она создана с учетом современных идей конституционализма, таких как свобода, гуманизм, права личности, разделение властей, представительная форма правления. Теперь Конституция служит одним из важнейших инструментов проведения политических и экономических реформ, создания гражданского общества, рыночной экономики. Более того, конституционная реформа 1993 г. открыла путь экономическим, политическим, социальным и иным преобразованиям [34. С. 20–32].

В. Пастухов отмечает, что «современная российская Конституция – это продукт сложного компромисса между воззрениями советской интеллигенции на власть и общество и потребностями “революционной партократии”, пришедшей к власти в результате череды политических переворотов конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия» [35. С. 5]. Вместе с тем, по идее К.В. Арановского, «основной закон – лишь форма. Одним лишь изданием основного закона конституцию не создать. Конституция представляет собой не столько нормативный акт высшей юридической силы, сколько образ жизни, политический строй, основанный на правилах гражданской обороны и верховенстве права, создаваемый народной общностью и ею же обеспечиваемый» [36. С. 42].

Анализ интерпретаций дефиниции «конституция» позволяет выявить некоторые аспекты его смысловой нагрузки:

1) конституция есть основной закон, обладающий особыми гарантиями стабильности, который может быть пересмотрен в особом, закреплённом только самой конституцией порядке; учреждающий государство, систему и порядок формирования его органов, их компетенцию, определяющий характер взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления; устанавливающий пределы государственной власти посредством закрепления прав человека и гражданина и возложения коррелирующих с этими правами обязанностей на государство [37. С. 56–72];

2) конституция – это принятый при соблюдении особой учредительной процедуры в соответствии с волей всего народа или его значительной части основной закон государства, обладающий специфическими свойствами и устанавливающий цели и принципы развития государства, основы правового положения личности, экономического, социального, духовного и политического устройства общества, ор-

ганизации публичной власти (государственной власти и местного самоуправления) [38. С. 38];

3) конституция есть программа развития общества;

4) конституция есть программа развития государства.

Единство государственного и общественного строя порождает не только конституционный строй, но и обуславливает прямое взаимодействие государства и гражданского общества, которое носит постоянный, устойчивый и системный характер. Как справедливо отметил Д.А. Авдеев, «Конституция представляет собой однородную качественную правовую материю, обладающую свойствами, которые характерны для нее как цельного документа. И никакие конституционные положения не могут иметь юриди-

ческий приоритет по сравнению с другими, ибо это противоречит самой природе Конституции как организационно-юридического акта» [39. С. 19].

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что Конституция Российской Федерации – это правовая надстройка жизни государства и общества; основа правового поля отечественного государства; Основной закон, закрепляющий фундаментальные общественные отношения, основы правового статуса человека и гражданина, федеративного устройства, организацию государственной власти и местного самоуправления; политико-юридический акт, на котором базируются ценности государства и общества, имеющих программный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и право: Философия объективного права / Залеский В.Ф. Казань : Тип. Б.Л. Домбровского, 1897. 297 с.
2. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой, под ред. проф. П.Г. Виноградова. 2-е изд. М. : Типография Т-ва Сытина, 1907. 672 с.
3. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись. СПб. : Тип. Т-ва Печ. Станка, 1906. 34 с.
4. Лассаль Ф. О сущности Конституции. Ростов-на-Дону : Издание «Донская Речь» Н. Парамонова, 1905. 74 с.
5. Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М. : Типо-литография выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о, 1894. 484 с.
6. Боржо Ч. Учреждение и пересмотр Конституций в Европе и Америке / пер. с фр. с доп. по новейшему законодательству С.Я. Цейтлина. СПб. : Книгоиздание Тов-ва «Просвещение», 1896. Вып. 1. 176 с.
7. Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб. : Книгоиздательство Голось, б.г. 148 с.
8. Материалы негласного комитета для подготовки реформ П.А. Строганова (апрель–май 1801 г.) // Великий князь Николай Михайлович. Граф. Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 2. С. 40–41. (Цит. по: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. 650 с.)
9. Палиенко Н.И. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб. : Сенаторская типография, 1906. Кн. 1. С. 127–163.
10. Рейснер М.А. Государство. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 3 Государственные форма. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 290 с.
11. Рейснер М.А. Демократическая республика как форма правления. Петроград : Книгоиздательство И.П. Блопольского, 1917. 32 с.
12. Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право). 2-е изд., пераб. М. : Типография и цинкогр. т./д. «Мысль», 1915. 167 с.
13. Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах (с приложением текстов конституций). Л. : Типография «Печатный двор», 1925. 263 с.
14. Дябло В.К. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в союзе СССР. М. : Юрид. изд., 1928. 118 с.
15. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция). Ч. 1. Пер. ст. Д.В. Даниленко // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–18.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 17: март 1908 июнь 1909. 655 с.
17. Степанов И.М. Конституция развитого социализма: социальная ценность и основные функции // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 4–7.
18. Коток В.Ф., Фарберов Н.П. Конституция СССР – развивающийся основной закон общества и государства // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 3–10.
19. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. II. 360 с.
20. Уманский Я.Н. Советское государственное право : учебник для вузов. М., 1970. 448 с.
21. Конституция развитого социализма: В помощь изучающим Конституцию СССР. 2-е изд. М., 1979. 272 с. (автор главы – Н.П. Фарберов).
22. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969. 199 с.
23. Кокотов А.Н. О понятии «закон» в Конституции Российской Федерации // Lex Russica (научные труды МГЮА). 2009. № 2. С. 353–362.
24. Интервью с Собчаком А.А. мэром Санкт-Петербурга, д-р юр. наук, профессором. Россия – без деспотии и деспотов // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1900–1993 гг.): в 6 т. Т. 3: 1992 г. Книга третья (Строительство новой Федерации) / под общ. ред. О.Г. Румянцев. М., 2008. 1112 с.
25. Юдин Ю. Законодательная процедура внесения изменений в Конституцию РФ // Проблемы парламентского права России / под ред. Л. Иванова. М., 1996. С. 116–120.
26. Осипян С. Проблемы верховенства федеральной Конституции в правовой системе России // Право и жизнь. 1996. № 8. С. 3–7.
27. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. 348 с.
28. Чиркин В.Е. Конституция: Российская модель. М., 2004. 158 с.
29. Бондарь Н.С. Конституция России: история и современность : лекция. Ростов н/Д, 1996. 32 с.
30. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008. 592 с.
31. Кокотов А.Н. Предназначение конституции // Конституция как символ эпохи : в 2 т. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1. С. 52–55.
32. Конституция, закон, подзаконный акт / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 1994. 136 с.
33. Ренов Э. Верховенство Конституции и федеральных законов – основной правовой принцип // Хозяйство и право. 2001. № 1. С. 32–41.
34. Хабриева Т.Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 20–32.
35. Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 4–10.
36. Арановский К.В. Конституция России среди источников иностранного конституционного права // Правоведение. 2008. № 6. С. 24–42.
37. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2007. 496 с.

38. Невинский В.В. Системность и системообразующая функция Конституции Российской Федерации: доктрина, практика реализации // Конституция Российской Федерации и проблемы построения демократического общества и правового государства : докл. междунар. науч.-практ. конф., посв. 15-летию принятия Конституции, 10–11 дек. 2008 г., г. Новосибирск / науч. ред. И.В. Князева; СибАГС. Новосибирск : СибАГС, 2009. С. 38–43.
39. Авдеев Д.А. Юридическое качество Конституции Российской Федерации // Современное право. 2014. № 8. С. 18–25.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2018 г.

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT “CONSTITUTION” IN RUSSIAN AND FOREIGN DOCTRINES OF THE LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 203–209.

DOI: 10.17223/15617793/431/28

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: Constitution of Russian Federation; Basic Law; constitutional theory.

The aim of the study is the analysis of the transformation of the meaning of the term “constitution” over time. In the course of it, the views of authors of different periods are considered, and a final definition, which can become suitable for the modern science of constitutional law, is proposed. The study is based on the theoretical material, which includes the works of V.F. Zalesky, A.V. Daisi, B.N. Chicherin, C. Borzho, G. Jellinek, G. Kelzen, F. Lassalle, N.I. Palienko, M.A. Reysner, A.I. Elistratov, V.N. Durdenevsky, V.K. Dyablo, V.I. Lenin, N.P. Farberov, A.N. Kokotov, O.E. Kutafin, V.E. Chirkin, N.S. Bondar, V.V. Nevinsky, T.Ya. Khabrieva and other prominent scholars, as well as the materials of the RF Constitutional Commission and the RF Constitutional Assembly. The methodological basis of the research is dialectical, historical and legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the term “constitution” in its formation and development. The use of the historical and legal method helped to substantiate the historical significance of securing the term of the Constitution of the Russian Federation in the modern constitutional law of Russia. The author analyzes Russian and foreign doctrines, and outlines the main trends in the definition of the concept “constitution” that took shape in the pre-revolutionary, revolutionary, Soviet period and when discussing drafts of the Basic Law of the Russian Federation. On the basis of the foregoing, the researcher developed his own approach to the modern term “The Constitution of the Russian Federation”. It is noted that in the development of the constitutional and legal thought, the content of the basic laws of states also changed, provisions on human rights and citizens were added. As a result, the author came to a conclusion that the science of pre-revolutionary, revolutionary and Soviet state law, despite the absence of appropriate constitutional templates, prepared a theoretical basis for defining the concept of the Constitution of Russia; this material was also relevant in the development of a new Russian constitution, which is confirmed in the materials of the RF Constitutional Commission and the RF Constitutional Assembly. The author believes that the unity of the state and social system generates not only the constitutional order, but also determines the direct interaction of the state and civil society, which is permanent, stable and systematic. In this regard, it is proposed to understand the Constitution of the Russian Federation as the legal superstructure of the life of the state and society; the basis of the legal field of the home state; the Basic Law, which establishes fundamental social relations, the basis of the legal status of man and citizen, the federal structure, the organization of state power and local self-government; a political and legal act which is based on the values of the state and society, having a programmatic character.

REFERENCES

- Zaleskiy, V.F. (1897) *Vlast' i pravo: Filosofiya ob'ektivnogo prava* [Power and law: philosophy of objective law]. Kazan: Tip. B.L. Dombrovskogo.
- Daisi, A.V. (1907) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Introduction to the Study of the Law of the Constitution]. Translated from English by O.V. Poltoratskaya. 2nd ed. Moscow: Tipografiya T-va Sytina.
- Chicherin, B.N. (1906) *Konstitutsionnyy vopros v Rossii. Rukopis'* [The constitutional issue in Russia. Manuscript]. St. Petersburg: Tip. T-va Pech. Stanka.
- Lassalle, F. (1905) *O sushchnosti Konstitutsii* [On the essence of the Constitution]. Rostov-on-Don: Izdanie “Donskaya Rech'” N. Paramonova.
- Chicherin, B. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Pt. I. Moscow: Tipo-litografiya vys. utv. T-va I.N. Kushnerev" i Ko.
- Bourgeaud, Ch. (1896) *Uchrezhdenie i peresmotr Konstitutsiy v Evrope i Amerike* [Establishment and revision of the Constitutions in Europe and America]. Translated from French by S.Ya. Tseytlin. Is. 1. St. Petersburg: Knigoizdanie Tov-va “Prosveshchenie”.
- Jellinek, G. (n.d.) *Konstitutsii, ikh istoriya i znachenie v sovremennom prave* [Constitutions, their history and significance in modern law]. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo Golos”.
- Ekspeditsiya Zagotovleniya Gosudarstvennykh Bumag, (1903) *Materialy neglasnogo komiteta dlya podgotovki reform P.A. Stroganov (aprel'–may 1801 g.)* [Materials of the secret committee for the preparation of the Stroganov reforms (April–May 1801)]. In: *Velikiy knyaz' Nikolay Mikhailovich. Graf. Pavel Aleksandrovich Stroganov. Istoricheskoe issledovanie epokhi Aleksandra I* [Grand Duke Nikolai Mikhailovich. Count Pavel Alexandrovich Stroganov. Historical research of the Alexander I epoch]. Vol. 2. St. Petersburg: Ekspeditsiya Zagotovleniya Gosudarstvennykh Bumag.
- Palienko, N.I. (1906) *Pravovoe gosudarstvo i konstitutsionalizm* [The rule of law and constitutionalism]. *Vestnik prava*. 1. pp. 127–163.
- Reysner, M.A. (1911) *Gosudarstvo. Posobie k lektsiyam po obshchemu ucheniyu o gosudarstve* [The state. A manual for lectures on the general teaching about the state]. Pt. 3. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina.
- Reysner, M.A. (1917) *Demokraticeskaya respublika kak forma pravleniya* [Democratic Republic as a form of government]. Petrograd: Knigoizdatel'stvo I.P. Blopol'skogo.
- Elistratov, A.I. (1915) *Ocherk gosudarstvennogo prava (konstitutsionnoe pravo)* [Essay of state law (constitutional law)]. 2nd ed. Moscow: Tipografiya i tsinkogr. t./d. “Mysl”.
- Durdenevskiy, V.N. (1925) *Inostrannoe konstitutsionnoe pravo v izbrannykh obratsakh (s prilozheniem tekstov konstitutsiy)* [Foreign constitutional law in selected samples (with the texts of constitutions attached)]. Leningrad: Tipografiya “Pechatnyy dvor”.
- Dyablo, V.K. (1928) *Sudebnaya okhrana konstitutsiy v burzhuznykh gosudarstvakh i v soyuze SSSR* [Judicial protection of constitutions in bourgeois states and in the USSR]. Moscow: Yurid. izd.

15. Kelsen, G. (2006) Sudebnaya garantiya Konstitutsii (konstitutsionnaya yustitsiya) [Judicial Guarantee of the Constitution (Constitutional Justice)]. Translated from German by D.V. Danilenko. *Pravo i politika*. 8. pp. 5–18.
16. Lenin, V.I. (1961) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 17. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
17. Stepanov, I.M. (1978) Konstitutsiya razvitogo sotsializma: sotsial'naya tsennost' i osnovnye funktsii [The Constitution of developed socialism: social value and basic functions]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 4–7.
18. Kotok, V.F. & Farberov, N.P. (1973) Konstitutsiya SSSR – razvivayushchiysya osnovnoy zakon obshchestva i gosudarstva [The Constitution of the USSR as a developing fundamental law of society and the state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 3–10.
19. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General theory of law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. Umanskiy, Ya.N. (1970) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet state law]. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Farberov, V.V. et al. (1979) *Konstitutsiya razvitogo sotsializma: V pomoshch' izuchayushchim Konstitutsiyu SSSR* [Constitution of developed socialism: To help students studying the Constitution of the USSR]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
22. Shchetinin, B.V. (1969) *Problemy teorii sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Problems of the theory of Soviet state law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
23. Kokotov, A.N. (2009) O ponyatii “zakon” v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [On the concept “law” in the Constitution of the Russian Federation]. *Lex Russica*. 2. pp. 353–362.
24. Rumyantsev, O.G. (ed.) (2008) Interv'yu s Sobchakom A.A. merom Sankt-Peterburga, d-r jur. nauk, professorom. Rossiya – bez despotii i despotov [Interview with A. Sobchak. Mayor of St. Petersburg, Dr. Of Law, Professor. “Russia without despotism and despots”]. In: *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1900–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Committee: transcripts, materials, documents (1900–1993): in 6 vols]. Vol 3. Moscow: Volters Kluver.
25. Yudin, Yu. (1996) Zakonodatel'naya protsedura vnoseniya izmeneniy v Konstitutsiyu RF [Legislative procedure for amending the Constitution of the Russian Federation]. In: Ivanov, L. (ed.) *Problemy parlamentskogo prava Rossii* [Problems of the Parliamentary Law of Russia]. Moscow: Izd-vo MONF.
26. Osipyan, S. (1996) Problemy verkhovstva federal'noy Konstitutsii v pravovoy sisteme Rossii [The problems of the supremacy of the federal Constitution in the legal system of Russia]. *Pravo i zhizn'*. 8. pp. 3–7.
27. Kutafin, O.E. (2002) *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Sources of Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist’.
28. Chirkin, V.E. (2004) *Konstitutsiya: Rossiyskaya model'* [Constitution: The Russian model]. Moscow: Yurist’.
29. Bondar, N.S. (1996) *Konstitutsiya Rossii: istoriya i sovremennost': lektsiya* [The Constitution of Russia: History and Modernity: A Lecture]. Rostov-on-Don: Izd-vo RVSh MVD RF.
30. Bondar, N.S. (2008) *Mestnoe samoupravlenie i konstitutsionnoe pravosudie: konstitutsionalizatsiya munitsipal'noy demokratii v Rossii* [Local self-government and constitutional justice: the constitutionalization of municipal democracy in Russia]. Moscow: Norma.
31. Kokotov, A.N. (2004) Prednaznachenie konstitutsii [The purpose of the Constitution]. In: Avak'yan, S.A. (ed.) *Konstitutsiya kak simbol epokhi: v 2 t.* [The Constitution as a symbol of the era: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
32. Tikhomirov, Yu.A. (ed.) (1994) *Konstitutsiya, zakon, podzakonnnyy akt* [The Constitution, the law, the by-law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
33. Renov, E. (2001) Verkhovstvo Konstitutsii i federal'nykh zakonov – osnovnoy pravovoy printsip [The supremacy of the Constitution and federal laws as the main legal principle]. *Khozyaystvo i pravo*. 1. pp. 32–41.
34. Khabrieva, T.Ya. (2003) Reformirovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnost' i neobkhodimost' [Reforming the Constitution of the Russian Federation: the possibility and necessity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 20–32.
35. Pastukhov, V. (2008) Vtoroe dykhanie russkogo konstitutsionalizma [The second breath of Russian constitutionalism]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2 (63). pp. 4–10.
36. Aranovskiy, K.V. (2008) Konstitutsiya Rossii sredi istochnikov inostrannogo konstitutsionnogo prava [The Constitution of Russia among sources of foreign constitutional law]. *Pravovedenie*. 6. pp. 24–42.
37. Engibaryan, R.V. (2007) *Konstitutsionnoe razvitie v sovremennom mire. Osnovnye tendentsii* [Constitutional development in the modern world. The main trends]. Moscow: Norma.
38. Nevinskiy, V.V. (2009) [Systematicity and the system-forming function of the Constitution of the Russian Federation: Doctrine, Practice of Implementation]. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i problemy postroeniya demokraticeskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [The Constitution of the Russian Federation and the Problems of Building a Democratic Society and the Rule of Law]. Proceedings of the international conference on the 15th anniversary of the adoption of the Constitution. Novosibirsk. 10–11 December 2008. Novosibirsk: SibAGS, pp. 38–43. (In Russian).
39. Avdeev, D.A. (2014) Yuridicheskoe kachestvo Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [The legal quality of the Constitution of the Russian Federation]. *Sovremennoe pravo*. 8. pp. 18–25.

Received: 17 May 2018

В.А. Уткин

КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АКТ

Рассматривается концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика; уголовно-исполнительная система; доктринальные правовые акты.

В последние годы в политико-правовой области появилось значительное число официальных актов нетипичной правовой природы, непосредственно не порождающих конкретных юридических последствий (основы, концепции, стратегии, программы, доктрины, основные направления и т.п.) [1–4]. Помимо утвержденных Президентом, существуют также принятые Правительством России [5–7], отраслевыми органами управления [8–10], иными органами, в том числе – с совещательным статусом [11]. Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с последующими изменениями и дополнениями) [12] выделяет такую категорию, как «документы стратегического планирования» (п. 10 ст. 3), хотя их исчерпывающего перечня не содержит. В то же время ряд юристов не без оснований полагают, что введенное законодателем понятие «документ стратегического планирования» не только не разрешило проблему правовой природы нетипичных политико-правовых (доктринальных) актов, но в известной степени усугубило ее, поставив вопрос о соотношении понятий «доктринальный правовой акт» и «документ стратегического планирования» [13. С. 20].

Аналогичные документы в сфере исполнения уголовных наказаний также именовались неодинаково и принимались различными органами. Разработанный в МВД СССР в 1989 г. проект именовался «Основные направления социальной переориентации исправительно-трудовой системы» [14] и был утвержден решением коллегии 16 июля 1990 г. как «Концепция реформы уголовно-исполнительной системы» [15]. Тогда же проф. А.И. Зубковым был инициирован альтернативный проект, именованный «Концепцией перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе» [16].

Отдельные положения этих разработок впоследствии были учтены в Законе РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [17], и главным образом – при кодификации уголовно-исполнительного законодательства. Еще до принятия УИК РФ Президентом РФ 13 января 1996 г. была «одобрена» Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России на период до 2005 г. [18]. Действующий аналогичный документ именуется Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и утвержден распоряжением Правительства РФ № 1772-р от 14 октября 2010 г.¹ (в ред. распоряжений

№ 874-р от 31.05.2012 и № 1877-р от 23.09.2015 г.)². Кроме того, нельзя не упомянуть и утвержденную распоряжением Правительства РФ № 2808-р от 23.12.2006 г. Концепцию федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)»³, структура и содержание которой отвечают требованиям упомянутого выше Закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Наименование подобного рода актов⁴ предполагает наличие в них прежде всего положений принципиального, в том числе инновационного характера, отличных от традиционных направлений текущего развития, обычно определяемых стандартными формулировками типа «усилить», «расширить», «углубить», «улучшить», «активизировать», «обеспечить» и т.д. Иными словами, подлинно «концептуальный» подход должен предполагать в перспективе обретение системой нового целостного качества, не сводимого к простой совокупности частных (хотя и необходимых) улучшений. Из упомянутых выше Концепций этому требованию в наибольшей степени отвечала Концепция 1990 г. Среди примерно 100 ее положений около половины носили ярко выраженный инновационный характер. В их числе наиболее интересны следующие:

- разграничение компетенции общесоюзных (федеральных) и республиканских органов управления уголовно-исполнительной системы (УИС) в направлении ее децентрализации;
- выделение в перспективе системы исполнения наказаний в самостоятельное государственное ведомство;
- переход к государственно-общественному управлению УИС как специфическим социальным комплексом;
- устранение разделения исправительных колоний по видам режима с сохранением дифференцированного содержания осужденных различной общественной опасности; распределение осужденных внутри вида учреждения не судом, а органами, исполняющими наказания;
- организация в каждом регионе необходимого числа учреждений для содержания основной части осужденных, в особенности – женщин и несовершеннолетних;
- поэтапное преобразование воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних в воспитательно-трудовые центры;
- предоставление администрации учреждений права приостанавливать прием осужденных в случаях несоблюдения принятых законом стандартов;

– формирование при учреждениях, исполняющих наказания, общественных комиссий содействия и контроля;

– отмена запретов и ограничений, не имеющих существенного значения в обеспечении режима отбывания наказания;

– расширение организационно-правовых основ самоуправления осужденных в решении бытовых, производственных вопросов, организации досуга, проведения спортивно-оздоровительных мероприятий;

– вывод следственных изоляторов и исправительных учреждений из центральной части крупных городов;

– введение в качестве основного документа в отношении каждого осужденного индивидуальной программы режимного и психологического воздействия;

– обеспечение материальной и моральной заинтересованности осужденных в результатах их труда, снятие избыточных ограничений в применении к осужденным трудового законодательства;

– приближение технической оснащенности производства исправительно-трудовых учреждений к уровню аналогичных предприятий отраслевых министерств и ведомств;

– наделение местных Советов народных депутатов правом определения квот на предприятиях для трудоустройства освобожденных их мест лишения свободы.

Реализация этих и иных положений, без сомнения, придавала бы отечественной уголовно-исполнительной системе новый облик. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения. Распад Союза ССР, коренная ломка сложившегося социально-экономического уклада, развал в экономике и кризис в политике не только воспрепятствовали реализации большинства из содержащихся в Концепции 1990 г. положений, но и поставили уголовно-исполнительную систему на грань выживания. В преодолении этих последствий важнейшую роль сыграл Закон РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», действующий (с поправками) и ныне⁵.

Концепция реорганизации УИС 1996 г. была несравненно более скромной в части принципиальных и инновационных подходов, определяя приоритетным направлением реформирования УИС «приведение законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации». Среди наиболее значимых ее положений можно, пожалуй, выделить лишь два. Это во-первых, предполагавшиеся к 2005 г. децентрализация и переход на смешанный тип управления органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания: централизованный и территориальный (но лишь при условии стабилизации социально-экономической ситуации в стране, развития регионального законодательства и при благоприятном ходе развития государства) [18. С. 509]. Во-вторых, создание в каждом регионе (субъекте) Российской Федерации системы учреждений, исполняющих наказания, обеспечивающей исполнение лишения свободы в отношении основной части осужденных по месту жительства или совершения преступления. Иные положения были лишены какой-либо «концептуальности».

При ряде достоинств действующей Концепции 2010 г. ее «концептуальное» значение в момент принятия, по сути, исчерпывалось двумя (причем весьма спорными) моментами:

– разделением осужденных на «способных» и «неспособных» к ресоциализации (т.е. к исправлению);

– вектором всеобщей «тюрьмизации», средства на которую предполагалось изыскать из внутренних резервов УИС.

Уже в момент принятия указанные положения подвергались резкой критике. В итоге Концепция 2010 г. дважды корректировалась, а в ее редакции от 23 сентября 2015 г. оба этих «концептуальных» тезиса были исключены. Одновременно данный документ был частично изменен и дополнен рядом положений (прежде всего в сфере защиты прав и законных интересов осужденных, в области их труда).

Каждое из них значимо, и все они в совокупности сделали Концепцию 2010 г. более реалистичной. Однако нельзя не признать, что в итоге она в значительной степени утратила «концептуальный» характер, превратившись в совокупность важных, но частных «улучшений», в преобладающей их части инициированных самим ведомством (ФСИН России, его структурными подразделениями и территориальными органами).

Ныне, когда до истечения срока действия Концепции 2010 г. осталось два года, наступало время не только подвести итоги ее реализации, но и приступить к подготовке аналогичного программного документа на следующее десятилетие. При этом принципиально важно, чтобы его разработка не заслоняла непредвзятого анализа достигнутого.

Как действующая, так и будущая Концепция развития УИС представляют собой доктринальные политико-правовые акты, но не являются документами стратегического планирования в смысле ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Как отмечалось, понятие доктринальных правовых актов шире термина «документы стратегического планирования». Последние перечислены в ст. 11 названного Закона. Среди них не упомянуты концепции, доктрины, основы государственной политики, принципы и т.д., действующие в различных социальных сферах. Документами стратегического планирования в смысле Закона № 172-ФЗ применительно к деятельности УИС являются федеральные целевые программы, в том числе действующая ныне ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 гг.)», утвержденная постановлением Правительства России № 420 от 06.04.2018 г. Разрабатываемая Концепция, в отличие от ФЦП, – это прежде всего политико-правовой документ, определяющий основные векторы, своего рода идеологию развития и реформирования уголовно-исполнительной системы.

Основополагающим в определении предмета будущей Концепции является понятие «уголовно-исполнительная система» в том значении, которое вкладывает в него ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с последующи-

ми изменениями и дополнениями), что, конечно, в дальнейшем не исключает, а предполагает его совершенствование. Такой подход позволяет отграничить концептуальные проблемы развития УИС от связанных с ними, но все же более широких (в данном контексте) вопросов уголовно-исполнительной и тем более – уголовной политики государства.

Уголовно-исполнительная система – важнейшее (но не единственное) средство реализации уголовно-исполнительной и, в конечном счете, уголовной политики. Но не наоборот. Поэтому в будущей Концепции не должен находиться как самостоятельный раздел «Уголовная и уголовно-исполнительная политика». Согласно закону (ст. 60⁴, 82 УИК РФ и др.), функции выработки и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний возлагаются на соответствующий «федеральный орган исполнительной власти». В данном случае это Министерство юстиции России. Следовательно, теоретически возможна разработка под эгидой Минюста (хотя и с непременным вневедомственным, межведомственным и общественным участием) Концепции уголовно-исполнительной политики. Но это будет уже иной документ, составную часть которого должен образовать раздел «Развитие уголовно-исполнительной системы». К тому же Концепция уголовно-исполнительной политики, которая, по нашему мнению, согласно п. 3 ст. 80 Конституции РФ, должна утверждаться Президентом России, возможна лишь в тесной «увязке» с аналогичным доктринально-правовым актом – Концепцией уголовной политики. Но, как известно, до появления общепризнанного варианта последней еще очень далеко.

Тем не менее Концепция развития УИС должна быть нацелена, помимо прочего, на формирование у системы таких качеств, которые позволят ей дать эффективный ответ на существующие и потенциальные риски и вызовы, связанные с изменениями уголовно-карательной политики.

Разумеется, своими качествами УИС вполне может и должна стимулировать те или иные направления уголовной политики (например, эффективность исполнения альтернативных санкций, очевидно, стимулирует расширение их числа в законе и более активное назначение судами). Кроме того, голос представителей уголовно-исполнительной науки и практики должен отчетливо звучать при принятии решений в области уголовной политики, в особенности касающихся системы уголовных наказаний и их применения. Однако непосредственно формулировать в Концепции развития УИС конкретные направления пенализации и совершенствования системы наказаний и порядка их назначения методологически некорректно, ибо они находятся вне прямой компетенции УИС и уголовно-исполнительной деятельности в целом (т.е. деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания). В ином случае сложно предположить, кто и как будет впоследствии отчитываться за реализацию подобных положений.

Как должен именоваться будущий доктринально-правовой акт? Выше отмечалось, что в истории они назывались по-разному. Здесь на наш взгляд, нужно

учитывать несколько обстоятельств. Прежде всего то, что с позиций «узнавания» желательно не повторять ранее использовавшуюся терминологию («перестройка», «реформирование», «социальная переориентация», «реорганизация», «развитие»). К тому же термин «развитие» используется ныне в Концепции ФЦП «Развитие УИС (2017–2025 гг.)», в ФЦП «Развитие УИС (2018–2026 гг.)». Наконец, само понятие «развитие» все же представляется чрезмерно абстрактным, индифферентным и лишненным какого-либо «энергетического» смысла.

В этой связи будущий доктринальный правовой акт целесообразно именовать «Концепцией модернизации уголовно-исполнительной системы (2021–2030 гг.)». Модернизация (от фр. «modern» – новейший, современный) – это «осовременивание», обновление, приведение системы в соответствие с новыми требованиями, инновационными трендами. Данный термин вполне уместен как для обозначения желаемого вектора развития УИС в целом, так и отдельных ее структурных элементов и сфер деятельности (например, модернизация управления и документооборота, модернизация систем безопасности, модернизация производственной базы УИС и т.д.). Сущность модернизации состоит и в переходе от одной модели исполнения наказания к другой, основанной на иных подходах (концепции безопасности и т.д.) в частности. Это, например, изменение структуры исправительных учреждений, переход к отбыванию наказания в одном (но «гибридном» и «мультирежимном») учреждении различных категорий осужденных при их раздельном содержании, основанном на их глубокой криминологической и социально-психологической дифференциации по степени и характеру общественной опасности, реформирование уголовно-исполнительных инспекций на принципах служб пробации и т.д.

Кто должен утверждать «Концепцию модернизации уголовно-исполнительной системы»? Здесь едва ли конструктивен подход «чем выше, тем лучше». Все зависит от содержания предполагаемой Концепции и необходимых для нее согласований. Если Концепция сама по себе не станет затрагивать приоритетные направления уголовной политики и не будет стремиться охватить все аспекты уголовно-исполнительной политики (см. выше), то такой инстанцией целесообразно считать Правительство России (после межведомственных согласований на уровне Минюста РФ и, желательного, общественного обсуждения основных направлений Концепции).

В структуре будущей Концепции едва ли следует механически следовать разделам действующей. В том числе – по указанным ранее основаниям. Целесообразно радикально сократить ее объем по принципу «необходимой достаточности». Необходима серьезная «ревизия» на этот счет как действующей Концепции, так и многочисленных существующих конкретных предложений территориальных органов и управлений ФСИН. При всей их актуальности и значимости для того или иного органа, конкретного направления деятельности, в подавляющем их числе эти предложения все же не носят подлинно «концептуального» харак-

тера. Думается, что в новой Концепции должно быть не более 60–80 положений (для сравнения – в действующем документе их примерно 180). Но дополнением Концепции должен стать план мероприятий по ее реализации («дорожная карта»).

Учитывая преимущественно структурно-институциональный и функциональный характер предстоящей модернизации (исходящей все же от «уголовно-исполнительной системы»), а не от «уголовно-исполнительной политики»), существенным недостатком действующей Концепции следует считать то, что в ней достаточно широко освещаются желаемые новеллы в УИК РФ, но практически обходится стороной законодательство об уголовно-исполнительной системе. Это касается как действующего Закона РФ

от 21 июля 1993 г., так и будущего закона об уголовно-исполнительной системе. На наш взгляд, в новой Концепции этому закону (его разработке, сопровождению, принятию и реализации) должно быть отведено одно из центральных мест.

Отдельного рассмотрения и обсуждения заслуживают принципы Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы. Они не совпадают с принципами уголовно-исполнительного законодательства, хотя, конечно, не должны им противоречить. Во всяком случае самого пристального внимания заслуживают такие принципы, как реалистичность, научная обоснованность, необходимая достаточность, непротиворечивость (внешняя и внутренняя), преемственность, комплексность, общественная значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хотя на начальном этапе разработки этой Концепции использовался термин не «развитие», а «реформирование» [19].

² Далее – «Концепция 2010 г.».

³ Последняя пришла на смену Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 гг.)», утвержденной Правительством РФ № 540 от 05.09.2006 г.

⁴ «Концепция» (от лат. *conceptio* – понимание, система) – определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения [20. С. 278].

⁵ Вызывает недоумение, почему этот Закон и его потенциальные возможности обходились стороной авторами более поздних Концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 12.02.2013 г.).
2. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г.).
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента РФ № 203 от 09.05.2017 г.).
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 646 от 05.12.2016 г.).
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ № 941-р от 31.05.2014 г.).
6. Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике (утв. Постановлением Правительства РФ № 1178 от 29.12.2011 г.).
7. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (утв. Распоряжением Правительства РФ № 93-р от 30.01.2014 г.).
8. Концепция реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 г. (утв. Приказом Министерства финансов РФ № 227 от 29.08.2011 г.).
9. Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации (утв. Приказом Генеральной прокуратуры № 114 от 17.03.2010 г.).
10. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. (утв. Президиумом ФАС 03.07.2013 г.).
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ от 17.09.2009 г.).
12. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон РФ № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3378.
13. Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право : журнал высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 20.
14. Основные направления социальной переориентации исправительно-трудовой системы («ИТС-2000»). МВД СССР, ГУИД, ВНИИ, ВИПК МВД СССР. М., 1989. 21 с.
15. Концепция реформы уголовно-исполнительной системы. М. : ГУИД МВД СССР, 1990. 30 с.
16. Зубков А.И. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе (материалы обсуждения). Рязань : РВШ МВД СССР, 1990. 128 с.
17. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33, ст. 316 (с послед. изм. и доп.).
18. Уголовно-исполнительное право : сб. норм. актов. М. : Новый Юрист, 1997. 544 с.
19. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект. Москва ; Рязань: АПУ ФСИН РФ, НИИ ФСИН РФ. 2009.
20. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 278 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 июня 2018 г.

THE PENITENTIARY SYSTEM MODERNIZATION CONCEPT AS A DOCTRINAL POLITICAL AND LEGAL ACT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 210–214.

DOI: 10.17223/15617793/431/29

Vladimir A. Utkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: penal policy; penitentiary system; doctrinal legal acts.

In recent years official acts of the atypical legal nature (foundations, concepts, strategies, programs, doctrines etc.) have increasingly become the subject of discussions for lawyers. With the advent of Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 the category

“documents of strategic planning” was brought both into legal science and practice. However, the status of such acts and the bodies which are authorized to pass them, requirements to their content and structure as well as their legal value were not accurately defined. Unresolved questions of the general theory of law result in a number of problems in the concrete fields of political and legal practice, and the activity of the penitentiary system of the *Federal Penitentiary Service of the Russian Federation* is not an exception. In 2020 the operation of the Concept of the Development of the Penitentiary System in the Russian Federation adopted by the Government of Russia in 2010 will be terminated. Practical work on the preparation of materials for a new Concept has already been started within the framework of the Federal Service. However, from a scientific perspective there is no due clarity about the subject of the new doctrinal political and legal act, about its main objectives, the decision-making level, structure, content and the mechanism of implementation. The author resolves the above mentioned issues and invites to an extensive public discussion on the subject which since Gulag has been very significant and even painful for our society. Using a wide range of sources of both general and special character (specifically in their historical aspect) and penal practice, he expresses and argues a number of judgments pertaining to the new doctrinal political and legal document in the sphere of criminal penalties enforcement in perspective till 2030. According to the author, the future document should be called “The Concept of Modernization of the Penitentiary System” and include only the most important, basic regulations about the purposes, tasks and directions of reforming the system of institutions and bodies involved in the enforcement of penalties. This does not exclude but involves the adoption of a “road map” for the implementation of the Concept. There is no need to mix the questions of penal (and much less – criminal) policy with the questions of the penitentiary system. The latter is the implementation tool for penal policy and not vice versa. Therefore, the aspiration to include separate sections about criminal and penal policy into the Concept of Modernization of the Penitentiary System proves to be unfair. A new Federal Law on the penitentiary system (the current law has become outdated since 1993) should lie at the heart of its modernization. Particular attention should be given to the principles of the new Concept. They do not coincide with the principles of penal legislation established in the law, though they should not contradict them.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2013) *The concept of public safety in the Russian Federation (approved by the Presidential Decree of February 12, 2013)*. (In Russian).
2. Russian Federation. (2014) *The fundamentals of the state cultural policy (approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014)*. (In Russian).
3. Russian Federation. (2017) *Strategy for the information society development in the Russian Federation for 2017–2030. (approved by Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017)*. (In Russian).
4. Russian Federation. (2016) *The Doctrine of Information Security of the Russian Federation (approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 05, 2016)*. (In Russian).
5. Russian Federation. (2014) *Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period until 2020 (approved by the Order of the Government of the Russian Federation No. 941-r of May 31, 2014)*. (In Russian).
6. Russian Federation. (2011) *Basics of pricing in the field of regulated prices (tariffs) in the electric power industry (approved by RF Government Decree No. 1178 of December 29, 2011)*. (In Russian).
7. Russian Federation. (2014) *The concept of openness of federal executive bodies (approved by the Order of the Government of the Russian Federation No. 93-r of January 30, 2014)*. (In Russian).
8. Russian Federation. (2011) *The concept of reforming the system of budget payments for the period until 2017 (approved by Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 227 of August 29, 2011)*. (In Russian).
9. Russian Federation. (2010) *The concept of educational work in the system of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (approved by Order of the Prosecutor General's Office No. 114 of March 17, 2010)*. (In Russian).
10. Russian Federation. (2013) *Strategy for the development of competition and antimonopoly regulation in the Russian Federation for the period 2013–2024 (approved by the Presidium of the FAS on July 3, 2013)*. (In Russian).
11. Russian Federation. (2009) *The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council on the codification and improvement of civil legislation under the President of the Russian Federation of September 17, 2009)*. (In Russian).
12. Russian Federation. (2014) O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon RF № 172-FZ ot 28 iyunya 2014 g. [On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ of the Russian Federation of June 28, 2014]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26:1. Art. 3378.
13. Mal'ko, A.V. & Gayvoronskaya, Ya.V. (2018) Doctrinal Acts as the Main Instrument of Legal Policy. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 1. pp. 4–25. (In Russian).
14. GUIN MVD SSSR. (1989) *Osnovnye napravleniya sotsial'noy pereorientatsii ispravitel'no-trudovoy sistemy (“ITS-2000”)* [The main directions of social reorientation of the correctional labor system (“ITS-2000”)]. Moscow: GUIN MVD SSSR.
15. GUIN MVD SSSR. (1990) *Kontseptsiya reformy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [The concept of reform of the penitentiary system]. Moscow: GUID MVD SSSR.
16. Zubkov, A.I. (1990) *Kontseptsiya perestroyki ispravitel'no-trudovoy deyatel'nosti v SSSR na sovremennom etape (materialy obsuzhdeniya)* [The concept of reform of the penitentiary system]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
17. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. (1993). 33. Art. 316 (with amendments).
18. Ponomareva, P.G. (ed.) (1997) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: sb. norm. aktov* [Penitentiary law: Norms and acts]. Moscow: Novyy Yurist.
19. Reymer, A.A. (ed.) (2009) *Reformirovanie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: teoreticheskiy proekt* [Reforming the penitentiary system: a theoretical project]. Moscow; Ryazan: APU FSIN RF, NII FSIN RF.
20. Il'ichev, L.F. et al. (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

Received: 04 June 2018

К.В. Черкасов, Е.Б. Лапина

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ БАРЬЕРАХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ

Освещены отдельные вопросы правового регулирования отношений в сфере образования. Рассматривается влияние лицензионных требований на деятельность образовательных организаций и качество оказываемых ими услуг. На основе анализа федерального законодательства, судебной практики и юридической литературы авторами сделан вывод о необходимости совершенствования системы лицензирования образовательной деятельности, сформулированы предложения и рекомендации по оптимизации действующего законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: право на образование; образовательная деятельность; законодательство об образовании; образовательная организация; лицензирование образовательной деятельности; федеральный государственный образовательный стандарт; правовое регулирование.

Право на образование занимает одно из ведущих мест в числе базовых конституционных прав человека и гражданина [1]. Высший орган конституционной юстиции России в своем Постановлении от 15.05.2006 № 5-П отмечает, что «федеральный законодатель... определяет образование, право на которое является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации, как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов), при этом область образования провозглашается в Российской Федерации приоритетной» [2]. Признание данной сферы первостепенной [3] возлагает на государство особые обязательства по созданию условий для обеспечения высокого качества образовательных услуг как части реализации своей социальной миссии. Спектр вопросов, которые должны быть разрешены для достижения указанной цели, достаточно широк. В первую очередь это, несомненно, формирование качественной нормативной правовой основы, регулирующей соответствующие правоотношения и регламентирующей функционирование субъектов этих правоотношений. При этом правовое регулирование представляет собой управление общественными отношениями, т.е. воздействие на такие отношения с целью их упорядочивания, создания справедливых, разумных форм их выражения. По мнению Ю.И. Гревцова, «фактические отношения, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения» [4. С. 81]. Иными словами, основой нормотворчества должна являться природа регулируемых общественных отношений. Создание же правовых норм, идущих вразрез с логикой и традициями фактических отношений, влечет искажение их содержания, внутреннего порядка и, следовательно, ведет зачастую к неисполнимости правовых предписаний.

Очевидно, что право человека на образование не существует автономно, а находится в тесной взаимосвязи с правами и обязанностями иных субъектов. В частности, это означает, что возможности граждан реализовать свое право на образование напрямую зависят от эффективности образовательных организа-

ций, посредством которых осуществление соответствующего права обеспечивается. Несколько перефразируя Е.А. Каштанову, можно сказать, что каким бы высоким авторитетом ни обладали конституционные (основные) нормы, они не реализуются автоматически, без волевых усилий соответствующих субъектов [5. С. 24]. Признавая за человеком право на образование, государство берет на себя обязательства по охране и защите этого права. Одним из инструментов такой охраны является институт лицензирования. Прежде чем санкционировать осуществление той или иной деятельности, лицензирующий орган должен убедиться в потенциальной возможности соискателя лицензии эту деятельность осуществлять. Критериями, на основании которых происходит оценка таких возможностей, выступают лицензионные требования, представляющие собой условие о наличии у организации ресурсов (материальных, кадровых, информационных и т.п.), необходимых для реализации образовательных программ.

Современная модель лицензирования образовательной деятельности имеет сравнительно давние исторические корни [6] и нормативно зафиксирована сегодня в утвержденном в 2013 г. актом Правительства Российской Федерации Положении о лицензировании образовательной деятельности [7] (далее – Положение о лицензировании). Она устанавливает в качестве обязательного требования наличие у организации-лицензиата на праве собственности или ином законном основании зданий, строений, сооружений, помещений и территорий в каждом из мест осуществления образовательной деятельности, а также иного материально-технического обеспечения. При этом адрес каждого из мест нахождения имущества, используемого в образовательном процессе, должен быть включен в лицензию [8]. Таким образом, возможность осуществления образовательной деятельности обусловлена наличием у организации прав на имущество, которое предполагается использовать при реализации образовательных программ. Отсутствие у образовательной организации таких прав квалифицируется в качестве грубого нарушения лицензионных требований и влечет применение таких мер правового воздействия как запрещение приема, приостановку и аннулирование лицензии, а равно привлечение к административной ответственности [9].

Следует отметить, что данное нарушение в сфере образования имеет весьма широкое распространение. Как показывает судебная практика, отсутствие прав на имущество, необходимое для реализации образовательных программ (то есть несоблюдение требований пп. «а» и «б» п. 6 Положения о лицензировании), является одним из часто встречающихся оснований аннулирования лицензий образовательных организаций [10–14]. Значительное количество таких нарушений заставляет задуматься об исполнимости заложенных в законодательстве требований и соответствия применяемых правовых механизмов целям, на которые они направлены. Очевидно, что, устанавливая рассматриваемое лицензионное требование, законодатель пытается обеспечить гарантированное государством качество образования. Данное условие призвано решить две задачи. Во-первых, наличие имущества (зданий, сооружений, лекционного фонда, лабораторий, спортивных объектов и пр.) свидетельствует о потенциальной возможности организации обеспечить учебный процесс. Во-вторых, признание адреса нахождения такого имущества в качестве разрешенного места осуществления образовательной деятельности значительно упрощает работу государственных органов при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий.

Вместе с тем обусловленность права на осуществление образовательной деятельности наличием имущественных прав представляется достаточно спорной, не учитывающей объективных реалий современного уровня развития общественных отношений и технологий. Дискуссионность предъявляемого к образовательной организации требования об обязательном наличии прав на имущество в целом признается и самим законодателем, о чем свидетельствует установление ряда исключений из общего правила. При этом установление наряду с лицензионным требованием случаев, когда такое требование не является обязательным, не является новеллой для российского законодательства. Как подмечает С.Ю. Суменков, большинство действующих российских законов характеризуется одновременным наличием в них как правил, так и исключений, что обусловлено необходимостью максимально полно и широко охватить пласт подвергаемых регламентации отношений [15. С. 62]. Несомненно, установление исключений из общего правила является необходимой мерой обеспечения качественного образования. К таким исключениям в сфере образования, в частности, можно отнести порядок организации практик обучающихся, которые являются обязательным компонентом основных профессиональных образовательных программ. В отличие от других видов учебной деятельности, действующее законодательство предусматривает возможность проведения таких практик не только в самой образовательной организации, но и в иных организациях, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы [16, 17]. В свою очередь это освобождает образовательную организацию от необходимости наличия по месту проведения практики какого-либо имущества и включению соответствующих адресов в лицензию.

Ещё одним показательным примером исключения, допускаемого при осуществлении образовательной

деятельности, является практическая подготовка обучающихся при реализации программ фармацевтического и медицинского образования. Осуществление такой подготовки, помимо образовательной организации, допускается в научных, медицинских и аптечных организациях, в судебно-экспертных учреждениях, в организациях, осуществляющих производство лекарственных средств, изготовление медицинских изделий, а также в иных организациях, осуществляющих деятельность в сфере охраны здоровья граждан в России. Действительно, практическая подготовка обучающихся в форме участия их в оказании медицинской помощи гражданам не может быть организована вне медицинской организации. При этом передача образовательной организации на каком-либо праве помещений, в которых такая помощь оказывается, не представляется возможным. Данное обстоятельство свидетельствует об оправданности исключения из общего правила отношений, связанных с организацией практической подготовки обучающихся по медицинским и фармацевтическим образовательным программам. Вместе с тем аналогичные вопросы возникают не только при реализации образовательных программ медицинской и фармацевтической направленности, но и в отношении обучения по иным специальностям и направлениям подготовки.

Трудно не согласиться с точкой зрения А.В. Тарасовой, что реализация конституционного права на образование является необходимым условием участия человека и гражданина в культурной жизни страны [18. С. 58]. Сложно представить качественную подготовку будущих работников культуры без посещения ими в процессе обучения музеев, художественных галерей, театров, музыкально-концертных организаций, памятников архитектуры, студий декоративно-прикладного творчества, кино-, фото- и видеотворчества, реставрационных мастерских и т.д. Согласно действующему законодательству, проведение таких мероприятий в рамках образовательной программы невозможно без включения в лицензию адресов соответствующих объектов культуры и, следовательно, наличия у образовательной организации прав на эти объекты. Однако возможности образовательных организаций в приобретении на каком-либо праве коллекций произведений искусства, архитектурных ансамблей, создания творческих коллективов хотя и не исключены вовсе, но не могут конкурировать с предложениями организаций культуры. Схожая ситуация и с подготовкой по другим направлениям и специальностям. Так, например, крайне затруднительно считать грамотным юристом выпускника, ни разу за время обучения не посетившим реальный судебный процесс. Вместе с тем передача образовательной организации прав на зал судебных заседаний с последующим включением соответствующего адреса в ее лицензию не представляется возможным. Закрепленный в Основном Законе страны принцип публичности судебного разбирательства позволяет обучающимся знакомиться с судебным процессом, присутствуя в зале судебных заседаний при рассмотрении конкретных дел. Однако это не согласуется с образовательным законодательством.

Государство в последние годы особо подчеркивает необходимость подготовки специалистов, отвечающих системе квалификационных требований, адекватных запросам рынка труда [19]. Вместе с тем ориентация профессионального обучения на запросы работодателей невозможна без участия обучающихся в реальном трудовом процессе, соответствующем будущему виду деятельности. Разумеется, это не исключает участия образовательной организации и, в частности, ее педагогических работников в практической подготовке обучающихся. Но такой вид подготовки не всегда сопряжен с передачей образовательной организации какого-либо имущества. Исходя из этого, законодатель предлагает заменить непосредственный контакт обучающихся с производственными и обслуживающими процессами, составляющими их будущую трудовую деятельность, моделированием соответствующих ситуаций в стенах образовательной организации. Иными словами, требует создание в образовательной организации имитации реальных условий труда. Так, для подготовки юристов образовательной организации вменяется необходимость наличия учебного зала судебных заседаний, для подготовки специалистов в области пожарной безопасности – учебной пожарной части, для подготовки геодезистов – учебного геодезического полигона, для подготовки специалистов в области театрального искусства – учебного театра и т.д. [20–24]. Вместе с тем модельные процессы, хотя и могут иметь место в процессе обучения, но не способны в полной мере заменить собой реальные условия труда и выполнение профессиональных обязанностей.

Отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает вопрос влияния рассматриваемого лицензионного требования на реализацию дисциплин по физической культуре и спорту. Образовательные организации, заинтересованные в поддержании здоровья и гармоничном развитии своих обучающихся, зачастую включают в свои программы элементы обучения навыкам плавания. Вместе с тем содержание собственного бассейна для большинства образовательных организаций является непосильным бременем. Разрешается эта проблема, как правило, путем заключения с собственником бассейна договора, предусматривающего проведение занятий с обучающимися. При этом такой договор не означает отчуждение у собственника бассейна какого-либо имущества и передачу его (имущества) образовательной организации, а является по своей сути договором оказания услуг, включающим в себя, помимо права обучающихся на допуск к занятиям по плаванию, услуг по обеспечению безопасности, созданию надлежащих санитарных условий, медицинского обслуживания и пр. Ограничение зоны для проведения групповых занятий пределами одной или несколькими плавательными дорожками или их частями не меняет сущности заключаемого договора. Вместе с тем по действующему законодательству договор оказания услуг не является основанием для включения соответствующего адреса в лицензию образовательной организации. Данное обстоятельство вынуждает образовательные организации либо полностью отказаться от проведе-

ния соответствующих занятий, либо вместо договоров оказания услуг заключать несоответствующие фактическим отношениям договоры о передаче плавательных дорожек в аренду или безвозмездное пользование, что в соответствии с гражданским законодательством квалифицируется как притворные сделки [25].

Исследуя проблематику проведения занятий по физической культуре и спорту, важно также отметить, что нередко в непосредственной близости к образовательным организациям расположены лесопарки и скверы, которые как нельзя лучше подходят для проведения занятий по обучению основам лыжного спорта, спортивного ориентирования и пр. Вместе с тем указанные территории, как правило, находятся в муниципальной или государственной собственности и являются объектами общего пользования. Согласно правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, земельный участок, который относится к землям (территориям) общего пользования, не может быть выделен из земель общего пользования и предоставлен в пользование конкретному лицу (субъекту) [26]. Таким образом, лесопарки и скверы не могут быть переданы образовательной организации на праве аренды, безвозмездного пользования и пр., что, в свою очередь, в соответствии с законодательством об образовании делает невозможным проведение на указанных территориях учебных занятий.

В качестве компромисса (некой альтернативы) законодательством установлена возможность реализации образовательных программ в сетевой форме, предусматривающей использование в учебном процессе ресурсов организаций культуры, физкультурно-спортивных и научных организаций, исследовательских институтов и центров, промышленных предприятий [27]. Вместе с тем модель сетевой формы не охватывает такие случаи, как присутствие обучающихся на судебных заседаниях, ознакомление с работой государственных органов, включение в образовательный процесс услуг организаций культуры и спорта, проведение экскурсий и иных обучающих мероприятий в общедоступных местах.

Таким образом, при установлении лицензионных требований законодателем фактически не был учтен значительный спектр общественных отношений, который также должен стать предметом правовой регламентации. Оставление вне правового регулирования реально существующие общественные отношения является правовым пробелом, который оказывает негативное воздействие на образовательный процесс, обедняет его, а отчасти и лишает обучающихся возможностей на качественное образование. Наличие у образовательной организации имущества не может рассматриваться как единственная гарантия качества образования. Деятельность образовательной организации не сводится исключительно к эксплуатации принадлежащего ей имущества, а заключается, в первую очередь, в построении и координации учебного процесса, который может быть обеспечен различными способами. В этом ракурсе нельзя не согласиться с точкой зрения Е.А. Каштановой, указывающей на необходимость обеспечения принципа реальности

норм, гарантирующих право на образование, соответствия их специфическим обстоятельствам времени и места, правильного отражения объективного закономерного развития [28. С. 27].

Важно отметить и имеющийся успешный опыт в виде определенной апробации предлагаемого механизма, положительные итоги которого возможно распространить на иные виды образования. С сентября 2013 г. образовательные организации были освобождены от включения в лицензию адресов мест осуществления образовательной деятельности в части дополнительных профессиональных программ и основных программ профессионального обучения (ранее соответствующее требование распространялось на все образовательные программы без исключения). В официальных источниках и юридической литературе отсутствуют данные, свидетельствующие об увеличении количества нарушений, злоупотреблений со стороны образовательных организаций или возникновении каких-либо иных негативных последствий в связи с применением новой нормы.

В целом задачей законодателя сегодняшнего дня является не ограничение возможностей субъектов правоотношений, а обеспечение их эффективными правовыми механизмами реализации в соответствии с уровнем развития общественных отношений и технологий. На практике же действующие лицензионные требования, задуманные как средство защиты качества образования, по сути, стали преградой на пути его развития. Аргументом в пользу действующего в настоящее время подхода к лицензированию образовательной деятельности являются простота и доступ-

ность осуществления контрольно-надзорных мероприятий, проводимых в отношении образовательных организаций. Наличие в лицензии адресов, по которым образовательная организация осуществляет свою деятельность, однозначно указывает на территориальные пределы проводимых проверок, исключая необходимость в дополнительных мероприятиях по их установлению. Вместе с тем представляется, что в системе образования первичными являются интересы обучающихся, а не контрольно-надзорных органов. Как отмечает в своем решении Конституционный Суд Российской Федерации, целью определения порядка лицензирования является осуществление государственного контроля за качеством образования [29]. Таким образом, законодательство должно, в первую очередь, защищать интересы обучающихся на качественное образование, а не комфорт государственных органов и должностных лиц, призванных это качество охранять и гарантировать.

В конечном итоге именно такой подход к образовательной деятельности в России позволит обеспечить конкурентоспособное развитие российского государства и его институтов на долгие годы вперед. В этой связи насущной потребностью сегодняшнего дня являются изменения действующего законодательства об образовании, предусматривающие изъятие требования об обеспечении образовательного процесса исключительно за счет имущества, права на которое принадлежат образовательной организации, а также требования об указании в лицензии адресов мест осуществления образовательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // Российская газета. 2006. 24 мая. № 108.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (Ч. I). Ст. 7598.
4. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л.: ЛГУ, 1981. С. 81.
5. Каштанова Е.А. О гарантии реализации права на образование // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 24–28.
6. Об образовании: Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 // Российская газета. 1992. 31 июля. № 172 (утратил силу).
7. О лицензировании образовательной деятельности: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2013 № 966 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 44. Ст. 576.
8. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.
10. Решение Арбитражного суда города Москвы от 27.02.2017 по делу № А40-241808/2016. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3bef6f24-f966-4350-a7c9-d66449e48b68/951a2af1-89fa-4ee1-8393-7c3bb69cd9f9/A40-241808-2016_20170221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
11. Решение Арбитражного суда Липецкой области от 11.05.2017 по делу № А36-16/2017. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ef6ed0a1-5dc7-4b4e-99f1-0f31a7134c56/615f8a69-91c2-4eb1-9d12-e55e731dd8d2/A36-16-2017_20170511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
12. Решение Арбитражного суда Приморского края от 03.04.2017 по делу № А51-955/2017. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/42b7f84b-a969-4009-934a-c87224369312/1c2a65cb-5188-4101-99e4-896bbbd457c9/A51-955-2017_20170403_Reshenie.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
13. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 22.08.2017 по делу № А32-16288/2017. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c5829f34-cb45-4185-879f-b24629bd4f5e/6a419dbd-4f14-47cb-a5ea-d8ff05de979a/A32-16288-2017_20170822_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
14. Решение Арбитражного суда города Москвы от 06.09.2017 по делу № А40-98585/2017. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7fddda24-841d-4996-ad15-7308b27ab850/58d80421-1b26-455e-bb3d-81850820f463/A40-98585-2017_20170906_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 03.04.2018).

15. Суменков С.Ю. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 59–69.
16. Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27.11.2015 № 1383 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.12.2015.
17. Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2013 № 291 // *Российская газета*. 2013. 26 июня. № 136.
18. Тарасова А.В. Конституционное право на доступ к культурным ценностям в системе культурных прав человека и гражданина в Российской Федерации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. № 4. С. 56–60.
19. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 47. Ст. 5489.
20. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2016 № 1511 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2016).
21. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 20.02.04 Пожарная безопасность : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2014 № 354 // *Российская газета*. 2014. 27 авг. № 193/1.
22. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 21.02.08 Прикладная геодезия: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2014 № 489 // *Российская газета*. 2014. 6 окт. № 227/1.
23. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 52.09.06 Сценография и театральная технология (уровень подготовки кадров высшей квалификации): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.03.2016 № 279 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2016).
24. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 52.09.05 Искусство театральной режиссуры (по видам) (уровень подготовки кадров высшей квалификации): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.03.2016 № 278 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.04.2016).
25. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. № 32. Ст. 3301.
26. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.04.2011 № 15248/10 по делу № А12-6151/2009 // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2011. № 8.
27. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.08.2015 № АК-2563/05 «О методических рекомендациях» // *Вестник образования*. 2015. № 20. Октябрь.
28. Каштанова Е.А. О гарантии реализации права на образование // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. № 2. С. 24–28.
29. По делу о проверке конституционности положения абзаца первого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Советского районного суда города Омска: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.1999 № 13-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 44. Ст. 5383.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2018 г.

EDUCATIONAL ACTIVITIES IN MODERN RUSSIA: LEGAL BARRIERS AND RESTRAINTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 215–221.

DOI: 10.17223/15617793/431/30

Konstantin V. Cherkasov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation); Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Ekaterina B. Lapina, Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: ekaterina_lapina@bk.ru

Keywords: right to education; educational activities; educational law; educational institution; licensing of educational activities; federal state educational standard; legal regulation.

The focus of the article under consideration is legal regulation in the sphere of education, in particular, the impact of licensing requirements on the activity of educational institutions and on the quality of services which they provide. The selection of the topic is explained by the necessity to take measures which will prove effective in raising the quality of education in Russia. The educational sphere has been declared a top priority by the law and has been subject to quite a few reforms in the recent years. However, a number of serious issues still remain a matter of concern and have to be solved in the near future. The aim of the study is to develop suggestions aimed to improve the legal regulation in the sphere of education in Russia. The authors pay special attention to the fact that the current model of licensing educational activities in Russia, which has been established by the law, poses a number of serious problems and thus prevents educational establishments from functioning effectively. The federal law covering licensing of educational institutions and their activities has been thoroughly scrutinized in the research. For this purpose the authors have employed a vast theoretical background alongside with the court practice. The approved methods have been used in the research, namely, general scientific methods (logical, dialectic and systematic approaches) as well as specific juridical ones (technical approach, interpreting the law, judiciary forecasting). In the article, the authors are considering the property requirement which entitles an educational establishment to provide educational services. They also dwell on the viability of the prohibition to carry out educational activities at the address not stated in the license. The authors argue that such restrictions and prohibitions are harmful as long as they hinder the performance of educational institutions and negatively affect the quality of services which they provide. Drawing a conclusion, it is proposed to make certain alterations to the existing law on education and to cancel the property requirements mentioned above. It is also advisable to cancel the prohibition preventing institutions from operating at the address other than the one specified in educational licenses. The conclusions and suggestions proposed by the authors can be used to improve the educational laws; furthermore, they can help provide the citizens with quality education guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s posled. izm. i dop.) [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments and addendums)]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 Dec. 237.
2. Rossiyskaya gazeta. (2006) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15.05.2006 № 5-P "Po delu o proverka konstitutsionnosti polozeniy stat'i 153 Federal'nogo zakona ot 22 avgusta 2004 goda № 122-FZ "O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nykh zakonov "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii" i "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy glavy goroda Tveri i Tverskoy gorodskoy Dumy" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.05.2006 No. 5-P "On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 153 of the Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ "On Amending the Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing the Invalidation of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws "On Amendments and Additions to the Federal Law "On General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with the complaint of the head of the city of Tver and the Tver City Duma"]. *Rossiyskaya gazeta*. 24 May. 108.
3. Russian Federation. (2012) Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (s posled. izm. i dop.) [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (with the latest amendment and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 53:I. Art. 7598.
4. Grevtsov, Yu.I. (1981) *Problemy teorii pravovogo otnosheniya* [Problems of the theory of legal relations]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Kashtanova, E.A. (2017) On the guarantee of the realization of the right to education. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2. pp. 24–28. (In Russian).
6. Rossiyskaya gazeta. (1992) Ob obrazovanii: Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 10.07.1992 № 3266-I [On Education: Law of the Russian Federation No. 3266-I of 10.07.1992]. *Rossiyskaya gazeta*. 31 July. 172 (expired).
7. Russian Federation. (2013) O litsenzirovanii obrazovatel'noy deyatel'nosti: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28.10.2013 № 966 [On licensing of educational activities: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 966 of October 28, 2013]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 44. Art. 576.
8. Russian Federation. (2011) O litsenzirovanii otdel'nykh vidov deyatel'nosti: Federal'nyy zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ [On licensing of certain types of activities: Federal Law No. 99-FZ of May 04, 2011]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2716.
9. Russian Federation. (2013) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (s posled. izm. i dop.) [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of 30.12.2001 (with amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1:I. Art. 1.
10. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow of 27.02.2017 in case No. A40-241808/2016. [Online] Available from: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3bef6f24-f966-4350-a7c9-d66449e48b68/951a2af1-89fa-4ee1-8393-7c3bb69cd9f9/A40-241808-2016_20170221_Resheniya_i_postanovleniya.pdf. (Accessed: 03.04.2018). (In Russian).
11. Decision of the Arbitration Court of Lipetsk Oblast of 11.05.2017 in case No. A36-16/2017. [Online] Available from: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ef6ed0a1-5dc7-4b4e-99f1-0f31a7134c56/615f8a69-91c2-4eb1-9d12-e5e731dd8d2/A36-16-2017_20170511_Resheniya_i_postanovleniya.pdf. (Accessed: 03.04.2018). (In Russian).
12. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai of 03.04.2017 in case No. A51-955/2017. [Online] Available from: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/42b7f84b-a969-4009-934a-c87224369312/1c2a65cb-5188-4101-99e4-896bbbd457c9/A51-955-2017_20170403_Reshenie.pdf. (Accessed: 03.04.2018). (In Russian).
13. Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai of 26.02.2017 in case No. A32-16288/2017. [Online] Available from: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c5829f34-cb45-4185-879f-b24629bd4f5e/6a419dbd-4f14-47cb-a5ea-d8ff05de979a/A32-16288-2017_20170822_Resheniya_i_postanovleniya.pdf. (Accessed: 03.04.2018). (In Russian).
14. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow of 06.09.2017 in case No. A40-98585/2017. [Online] Available from: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7fddda24-841d-4996-ad15-7308b27ab850/58d80421-1b26-455e-bb3d-81850820f463/A40-98585-2017_20170906_Resheniya_i_postanovleniya.pdf. (Accessed: 03.04.2018). (In Russian).
15. Sumenkov, S.Yu. (2016) Regulatory legal act as a base form of implementing exceptions in law. *Lex russica*. 7. pp. 59–69. (In Russian).
16. Pravo.gov.ru. (2015) *Ob utverzhenii Polozheniya o praktike obuchayushchikhsya, osvvaivayushchikh osnovnye professional'nye obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovaniya: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 27.11.2015 № 1383* [On the approval of the Regulations on the Practice of Students Learning the Basic Professional Educational Programs of Higher Education: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1383 of November 27, 2015]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru.22.12.2015>.
17. Rossiyskaya gazeta. (2013) *Ob utverzhenii Polozheniya o praktike obuchayushchikhsya, osvvaivayushchikh osnovnye professional'nye obrazovatel'nye programmy srednego professional'nogo obrazovaniya: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 18.04.2013 № 291* [On the approval of the Regulations on the Practice of Students Learning the Basic Professional Educational Programs of Secondary Vocational Education: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 291 of April 18, 2013]. *Rossiyskaya gazeta*. 26 June. 136.
18. Tarasova, A.V. (2014) Konstitutsionnoe pravo na dostup k kul'turnym tsennostyam v sisteme kul'turnykh prav cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii [The constitutional right to access to cultural values in the system of cultural rights of man and citizen in the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University Herald. Juridical Sciences*. 4. pp. 56–60.
19. Russian Federation. (2008) O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 g.: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17.11.2008 № 1662-r [On the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2020: Order of the Government of the Russian Federation No. 1662-r of November 17, 2008]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 47. Art. 5489.
20. Pravo.gov.ru. (2016) *Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 40.03.01 Yurisprudentsiya (uroven' bakalavriata): Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016 № 1511* [On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the field of training 40.03.01 Jurisprudence (bachelor's degree): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1511 of December 1, 1981]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 29.12.2016).
21. Rossiyskaya gazeta. (2014) *Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti 20.02.04 Pozharnaya bezopasnost': Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 18.04.2014 № 354* [On the approval of the Federal State Educational Standard of Secondary Vocational Education on specialty 20.02.04 Fire Safety: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 354 of April 18, 2014]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 Aug. 193/1.
22. Rossiyskaya gazeta. (2014) *Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti 21.02.08 Prikladnaya geodeziya: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 12.05.2014 № 489* [On the approval of the Federal State Educational Standard of Secondary Vocational Education on specialty 21.02.08 Applied Geodesy: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 489 of 12.05.2014]. *Rossiyskaya gazeta*. 6 Oct. 227/1.

23. Pravo.gov.ru. (2016) *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 52.09.06 Stsenografiya i teatral'naya tekhnologiya (uroven' podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii): Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 22.03.2016 № 279* [On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in specialty 52.09.06 Scenography and theatrical technology (the level of training of highly qualified personnel): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 22, 2016 No. 279]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 21.04.2016).
24. Pravo.gov.ru. (2016) *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 52.09.05 Iskusstvo teatral'noy rezhissury (po vidam) (uroven' podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii): Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 22.03.2016 № 278* [On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in specialty 52.09.05 The art of Theatrical Direction (by type) (the level of training of highly qualified personnel): The Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 22, 2016 No. 278]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 26.04.2016).
25. Russian Federation. (1999) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (s posled izm. i dop.)* [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30.11.1994 (with amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.
26. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2011) *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 12.04.2011 № 15248/10 po delu № A12-6151/2009* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.04.2011 No. 15248/10 in case No. A12-6151/2009]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 8.
27. *Vestnik obrazovaniya*. (2015) *Pis'mo Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 28.08.2015 № AK-2563/05 "O metodicheskikh rekomendatsiyakh"* [Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. AK-2563/05 of 28.08.2015 "On Methodological Recommendations"]. *Vestnik obrazovaniya*. 20. October.
28. Kashtanova, E.A. (2017) On the Guarantee of the Realization of the Right to Education. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2. pp. 24–28. (In Russian).
29. Russian Federation. (1999) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya abzatsa pervogo podpunkta "a" punkta 2 stat'i 24 Federal'nogo zakona "O voinskoy obyazannosti i voennoy sluzhbe" v svyazi s zaprosom Sovetskogo rayonnogo suda goroda Omska: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21.10.1999 № 13-P* [On the case on the verification of the constitutionality of the provision of a line on the first Subparagraph "a" of Paragraph 2 of Article 24 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service" in connection with the request of the Soviet District Court of Omsk: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of October 21, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 44. Art. 5383.

Received: 17 May 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРОВ Владимир Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: kafprokrim@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

АХМЕДШИНА Наталия Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: dana74@mail.ru

АЧКАСОВА Вера Алексеевна – д-р полит. наук, зав. кафедрой связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.achkasova@gmail.com

БАВУУ Нямдорж – канд. ист. наук, проректор по учебной политике и планированию Ховдского государственного университета (Монголия). E-mail: nyamdorj_b@yahoo.com

БАННЫХ Галина Алексеевна – канд. социол. наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: gbannykh@gmail.com

БЕРСЕНЕВА Виктория Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы XIX в. Томского государственного университета. E-mail: vikaberseneva@gmail.com

БЕСПАЛОВ Александр Михайлович – канд. филос. наук, науч. сотр. управления научно-исследовательской деятельности Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: bam56@mail.ru

ВАХНЕНКО Екатерина Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Иркутского государственного университета. E-mail: katy250579@mail.ru

ВИКУЛИНА Мария Анатольевна – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета. E-mail: prof_vikulina@lunn.ru

ВОЛЬФ Марина Николаевна – д-р филос. наук, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: wolfarch@yandex.ru

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Марина Аркадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru; marina3010@ngs.ru

ГИЛЬ Александра Юрьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: gil_iik@mail.ru

ГУДКОВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры социальной педагогики и социальной работы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: olya.gudkova.69@inbox.ru

ГУМЕРОВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: janet80@inbox.ru

ДАВАА Ундармаа – преподаватель кафедры европеистики Ховдского государственного университета (Монголия). E-mail: undaraa_0720@yahoo.com

ДОЛГУШИН Дмитрий Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры истории и теории литературы, кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета. E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

ДУВАКИНА Владислава Николаевна – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: vladamet@mail.ru

ИГРУНКОВА Полина Александровна – студентка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: polina7991@mail.ru

КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна – д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

КОСАРЕВ Андрей Викторович – аспирант отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: andrkw@rambler.ru

КОСТИНА Светлана Николаевна – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: kostinasn@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

КУЗЬМИН Александр Иванович – д-р социол. наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); вед. науч. сотр. центра исследований социальноэкономической динамики Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: kuz53@list.ru

ЛАПИНА Екатерина Борисовна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; зам. проректора по учебной работе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: ekaterina_lapina@bk.ru

ЛЕБЕДЕВ Владимир Максимович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: lebedev-vm@rambler.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Валентина Григорьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: walmel@mail.ru

НОВИКОВ Михаил Васильевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org

НУРБАЕВ Даулет Маулитович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: daulet_mn@mail.ru

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета. E-mail: lawtsu@rambler.ru

ОСИПЕНКО Евгений Владиславович – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Белоруссия). E-mail: eosipenko_2009@mail.ru

ПОПОВА Ирина Павлова – ст. преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: irinabaikal@mail.ru

ПРУДНИКОВА Марина Михайловна – социолог отдел по внеучебной работе со студентами Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: mimoza.95@mail.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru; ryahovskaya.ti@gmail.com

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

СОРОКОУМОВА Галина Вениаминовна – д-р психол. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета. E-mail: galsors@mail.ru

ТРОХИНОВА Ольга Игоревна – аспирант кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: olgatrox@gmail.com

ТУЧКОВА Наталья Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: natatutschkova@yandex.ru

УТКИН Владимир Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета; вед. науч. сотр. отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва). E-mail: utkin@wi.tsu.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич – аспирант кафедры современной отечественной истории, мл. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ФЕДУНИН Иван Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: feduniv@mail.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; зав. кафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ШУРЫГИНА Ольга Васильевна – канд. психол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета. E-mail: Olga_schurigina@mail.ru

ЩЕГЛОВА Ирина Александровна – аспирант института образования, аналитик Центра социологии высшего образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: ishcheglova@hse.ru; sheglova.i@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 431. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 июня 2018 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 26,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 3323. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10 августа 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru